22/52

34 ИП56
Ф 632
11436-3ор
342 и
Ф 53

Лекціи

по

Исторіи русскаго права

А. Н. Филиппова,

орд. проф. ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета.

(Изданіе для слушателей автора).

ЧАСТЬ I.

При Ленинградской Библіотеке имени Карла Маркса
Библіотечный Отдѣл

Юрьевъ.

Типографія К. Маттисена.

1904.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

ИГ156
Ф632 Р

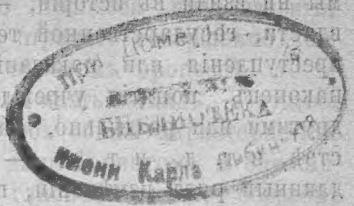
К.

Библиотека
Институт Ленина
при Ц.К. В.К.П. (б.)

23129

Печатать разрѣшается.

Москва, 12 декабря 1903. Деканъ Алексѣевъ.



Исторія русскаго права.

Общее введеніе.

(Задача исторіи права вообще и исторіи русскаго права въ частности. Отношеніе исторіи русскаго права къ исторіи права другихъ народовъ и къ соціологіи. Содержаніе науки исторіи русскаго права и система ея изложенія.)

Исторія русскаго права, подобно исторіи права другихъ культурныхъ народовъ, имѣетъ своею основною задачею прослѣдить и научно объяснить, на достовѣрныхъ фактахъ нашего прошлаго, зарожденіе и постепенное развитіе юридическихъ нормъ и учрежденій, установить преемственную связь между ними, раскрыть причины, вызывавшія въ тѣ или иныя эпохи правообразованія, необходимость ихъ эволюціи, указать, наконецъ, на соотношеніе правовыхъ институтовъ минувшаго къ таковымъ-же институтамъ позднѣйшаго времени. Юридическія понятія, раскрывающіяся при послѣдовательномъ изученіи отдѣльныхъ поступательныхъ стадій народнаго сознанія о правѣ и отражающіяся такъ или иначе въ организаціи учрежденій и формулировкѣ юридическихъ нормъ даннаго момента праворазвитія, не являются величинами постоянными, извѣчно-данными, но, наоборотъ, величинами непрерывно измѣняющимися, въ прямомъ соотвѣтствіи съ ростомъ всего сложнаго строя гражданскаго оборота данной страны. Какое-бы юридическое понятіе

мы ни взяли въ исторіи, — будь то понятіе верховной власти, государственной территоріи или народа, понятіе преступленія или наказанія, семьи или собственности, наконецъ, понятія учрежденія, вѣдающаго, вмѣстѣ съ другими или раздѣльно, какія-либо функціи въ государствѣ, и т. д., и т. д. — каждое изъ нихъ пережило длинный рядъ измѣненій, прежде чѣмъ предстало предъ нами въ томъ развитомъ и расчлененномъ образѣ, въ какомъ оно является въ современныхъ юридическихъ теоріяхъ или законодательствахъ различныхъ странъ. Не всѣ звѣнья этой сложной и часто загадочной цѣпи роста, въ теченіи вѣковъ, юридическихъ понятій и учрежденій уже распутаны наукою, далеко невсегда ясно могутъ быть вообще обозначены ею условія и факторы правообразованія отдѣльныхъ эпохъ, а равно и ихъ отношеніе къ послѣдующему; несомнѣннымъ, однако, представляется одинъ общій выводъ, сдѣланный еще создателями т. наз. „исторической школы юристовъ“, а именно выводъ о закономѣрности и непрерывности процесса правообразованія и праворазвитія. „Историческая школа“, какъ училъ Савиньи, „принимаетъ что содержаніе права дано всѣмъ прошлымъ націи, а не произволомъ, такъ, чтобъ оно могло случайно сдѣлаться тѣмъ или другимъ, но что оно вышло изъ внутренней сущности націи и изъ ея исторіи“. Надъ видимымъ хаосомъ безпорядочной смѣны однихъ юридическихъ нормъ и учрежденій другими царитъ, въ дѣйствительности, строгая послѣдовательность правовыхъ явленій, причинная зависимость однихъ отъ другихъ, преемственность ихъ развитія. Если, конечно, современный юристъ-историкъ — въ особенности при яркомъ свѣтѣ новѣйшихъ выводовъ сравнительнаго правовѣдѣнія — не можетъ согласиться съ тѣмъ исключительнымъ и вмѣстѣ малоопредѣленнымъ изображеніемъ „народнаго духа“ или „народнаго убѣжденія“, какъ важнѣйшаго фактора правообразованія, какое выставляла на своемъ знамени когда-то историческая школа юристовъ, если онъ не можетъ принять мысли о не-

произвольности историческаго процесса праворазвитія' какъ и наоборотъ, не можетъ отрицать совершенно значеніе личнаго творчества въ этомъ процессѣ, то во всякомъ случаѣ онъ долженъ, на нашъ взглядъ, считаться съ тою постановкою вопроса объ общей характеристикѣ этого процесса, какая была дана Іерингомъ и ближайшими его послѣдователями, главнѣйшимъ-же образомъ т. наз. школою сравнительнаго правовѣдѣнія. Іерингъ, какъ извѣстно, неоднократно выступавшій съ опроверженіями мнѣній и методовъ изслѣдованія основателя исторической школы Савиньи, не порвалъ, однако, совершенно съ ея взглядами, почему и въ формулировкѣ задачъ историческаго изученія права слышится у него нѣкоторый отголосокъ положеній этой школы, въ особенности по вопросу о закономѣрномъ развитіи права. Но, какъ указано справедливо авторомъ изслѣдованія „Историческая школа юристовъ, ея происхожденіе и судьба", проф. Новгородцевымъ, „ученіе объ органическомъ самораскрытіи народнаго духа смѣнилось у него представленіемъ о тяжеломъ процессѣ, черезъ который проходитъ развитіе права и который сопровождается приложеніемъ личныхъ усилій, столкновеніемъ интересовъ и борьбою страстей". Отмѣтивъ, напр., въ „Духѣ римскаго права", что „теперь уже признаютъ безспорнымъ, что право есть не внѣшнее собраніе произвольныхъ опредѣленій, которое обязано своимъ происхожденіемъ размышленію законодателя, но также какъ и языкъ народа, есть внутри образовавшійся и законченный продуктъ исторіи", Іерингъ продолжаетъ: „человѣческое наблюденіе и расчетъ имѣютъ, конечно, свою долю въ его образованіи но они больше находятъ, чѣмъ творятъ, ибо отношенія, въ которыхъ вращается жизнь человѣчества, не дожидаются ихъ поощренія и направленія. Потребность жизни вызвала право съ его учрежденіями и поддерживаетъ его въ непрерывной внѣшней дѣятельности. Всякое законодательное размышленіе и произволъ даютъ праву тотъ видъ, который предназначенъ ему образомъ мысли и всей жизни на-

рода и не могутъ отступить отъ него, не посрамивши самихъ себя. Исторія образованія права протекаетъ въ постоянной зависимости отъ характера, степени развитія, матеріальныхъ отношеній, судебъ народа и рядомъ съ тѣми могущественными историческими силами, которыми направляется исторія права, содѣйствіе человѣческаго ума превращается въ ничто, если онъ, вмѣсто орудія, хочетъ быть творцомъ".

Мы привели только-что указанную цитату изъ „Духа римскаго права" Іеринга потому, что она, на нашъ взглядъ, хотя кратко, но вѣрно, въ общемъ, передаетъ безспорный выводъ, вытекающій изъ всего предшествовавшаго изученія исторіи права многими поколѣніями ученыхъ, а именно выводъ о закономѣрности праворазвитія и о зависимости юридическаго строя даннаго времени и у даннаго народа отъ сложной совокупности цѣлаго ряда факторовъ. При этомъ надо, впрочемъ, отмѣтить, что сравнительная важность этихъ факторовъ праворазвитія оцѣнивалась, да и доселѣ еще оцѣнивается весьма различно въ теоріяхъ, какъ отдѣльныхъ изслѣдователей, такъ и цѣлыхъ школъ: въ то время какъ, напр., одни выдвигаютъ на первое мѣсто экономическія или хозяйственныя условія времени, какъ важнѣйшихъ агентовъ правового строя, другіе, наоборотъ, думаютъ, что политическій складъ страны самъ по себѣ можетъ считаться достаточно-сильнымъ факторомъ праворазвитія, вліяющимъ на всѣ жизненныя отношенія даннаго союза, неисключая и экономическихъ; если, далѣе, одни ученые разсматриваютъ право, какъ явленіе психическое, то другіе склонны объяснять право, какъ понятіе соціологическое и т. д. Историкъ права, конечно, долженъ принимать во вниманіе всѣ эти ученія о природѣ права и относительной важности отдѣльныхъ факторовъ его образованія, по скольку ихъ значеніе установлено въ наукѣ, но чтобъ не впасть въ односторонность и субъективность, онъ долженъ, на нашъ взглядъ, при изученіи отдѣльныхъ эпохъ праворазвитія,

считаться со всѣмъ сложнымъ комплексомъ означенныхъ факторовъ, если ихъ наличность можетъ быть выяснена изъ данныхъ самой изучаемой эпохи. Если историкъ права, изслѣдуя вліяніе этихъ факторовъ на праворазвитіе извѣстнаго момента, и можетъ останавливаться на указаніяхъ преимущественнаго значенія и дѣйствія однихъ изъ нихъ, сравнительно съ другими, то лишь въ томъ единственномъ случаѣ, когда сама изучаемая стадія историко-юридическаго процесса выдвигаетъ ихъ впередъ, какъ наиболѣе сильные и творчески-первенствующіе. Несомнѣнно, что въ исторіи соотношеніе между этими факторами не остается величиною всегда постоянною, а это въ свою очередь и обязываетъ историка права оцѣнивать взаимодѣйствіе такихъ факторовъ по степени важности ихъ въ данное время и у даннаго народа.

Слѣдя за относительною ролью и значеніемъ данныхъ факторовъ на образованіе и развитіе права, ставя правовыя учрежденія и нормы въ связь со всѣми условіями времени, подмѣчая, по возможности, не простую только смѣну юридическихъ явленій и ихъ отраженій въ жизни, но изучая ихъ генезисъ, внутренній органическій ростъ, моменты процвѣтанія и исчезновенія, пытаясь, наконецъ — при помощи, главнѣйшимъ образомъ, эволюціоннаго метода изслѣдованія, оказавшаго столь блестящіе успѣхи въ области человѣческаго знанія вообще — раскрыть общіе законы правообразованія и праворазвитія, исторія права имѣетъ предъ собою, хотя и чрезвычайно трудную, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма высокую задачу. По справедливому замѣчанію извѣстнаго германиста Бруннера, какъ всякая исторія, работаетъ также и исторія права надъ возвышенною проблемою самопознанія человѣчества (an dem erhabenen Problem der Selbsterkenntniss der Menschheit). Проблема эта, будучи общею для исторіи русскаго, нѣмецкаго, французскаго и всякаго иного права культурныхъ націй, можетъ быть, однако, выполнена болѣе и менѣе плодотворно и широко лишь въ томъ случаѣ, когда изученіе

прошлыхъ судебъ своего національнаго права будетъ поставлено въ непосредственную связь, какъ съ изученіемъ таковыхъ же судебъ права у болѣе близкихъ, по происхожденію, или по культурѣ, народовъ (по крайней мѣрѣ по отношенію къ первоначальнымъ стадіямъ ихъ праворазвитія), такъ и съ изученіемъ исторіи права, подобно другимъ общественнымъ наукамъ, въ связи съ наукою объ обществѣ или соціологіею. Такая постановка вопроса о возможномъ приближеніи къ разрѣшенію указанной проблемы приводитъ насъ къ необходимости, хотя-бы самымъ бѣглымъ образомъ, установить отношеніе исторіи національнаго, въ данномъ случаѣ русскаго, права къ указаннымъ наукамъ; но прежде, чѣмъ это сдѣлать коснемся кратко ближайшей задачи самой науки исторіи русскаго права.

Если исторія права вообще, какъ указано выше, пытается раскрыть законы правообразованія и праворазвитія народовъ, если ея высокою проблемою является уясненіе основъ самопознанія человѣчества въ области права, въ его прошлой многовѣковой жизни, то исторія національнаго права, какъ наша наука, должна преслѣдовать ту же важную задачу по отношенію къ одной лишь части человѣчества, а именно — въ данномъ случаѣ — русскаго народа; исторія русскаго права есть исторія самопознанія русскаго народа, — какъ культурнаго цѣлаго, — въ области права и справедливости, право русской націи въ ея тысячелѣтнемъ прошломъ. Но что такое нація и каково ея отношеніе къ цѣлому или человѣчеству? По утвержденію Іеллинека, съ которымъ должно согласиться, теперь можетъ быть признано прочно установленнымъ то положеніе, что „націи суть не естественныя“ (подобно, напр., племени), „а историко-соціальныя образованія“: „группа людей, сознающихъ себя объединенными множествомъ общихъ своеобразныхъ культурныхъ элементовъ и общимъ историческимъ прошлымъ, а потому отличными отъ другихъ людей, образуетъ націю.“ Нѣтъ сомнѣнія, что

русская народность является однимъ изъ такихъ великихъ „историко-соціальныхъ образованій“, въ судьбахъ своего прошлаго, въ своей религіи, языкѣ, литературѣ, искусствѣ, правѣ и т. д. хранящаго богатѣйшій запасъ своеобразныхъ „культурныхъ элементовъ,“ выдѣляющихъ ее въ особую типическую группу среди другихъ націй. Весь нашъ курсъ, въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи, будетъ посвященъ изученію этихъ культурныхъ элементовъ, объединившихъ на востокѣ Европы славянскія племена — вмѣстѣ со многими инородцами — въ единое цѣлое или націю, и мы неразъ будемъ отмѣчать послѣдовательный и прогрессивный ростъ національнаго сознанія въ области права и неразъ будемъ убѣждаться въ наличности въ нашей исторіи оригинальныхъ учрежденій и своеобразныхъ юридическихъ понятій, а равно и развитой народной юридической терминологіи, однимъ словомъ — всего того, что въ области права — какъ и въ другихъ областяхъ культуры, — создавало въ теченіи вѣковъ для славянскихъ племенъ, осѣвшихся на великой равнинѣ восточной Европы, „общее историческое прошлое“. Но это „общее историческое прошлое“, будучи однимъ изъ необходимыхъ и при томъ важнѣйшихъ элементовъ націи, — элементовъ, выдѣляющихъ ее изъ другихъ культурныхъ группъ человѣчества, — не должно быть, однако, изучаемо, какъ уже сказано, безъ всякой связи съ историческимъ прошлымъ другихъ подобныхъ человѣческихъ группъ. По мѣткому замѣчанію одного изъ нашихъ историковъ права, проф. Владимірскаго-Буданова, подъ націею, — въ ея отношеніяхъ къ человѣчеству — надо разумѣть „часть человѣческаго рода, повторяющую въ себѣ общечеловѣческіе законы развитія въ формахъ особенныхъ (оригинальныхъ).“ Нѣсколько видоизмѣняя и дополняя это опредѣленіе, слѣдовало бы сказать, что „нація“ или „народность“ есть „культурный типъ человѣчества, повторяющій въ себѣ общечеловѣческіе законы развитія, какъ въ формахъ особенныхъ (оригиналь-

ныхъ), такъ и въ общихъ, наблюдаемыхъ у другихъ культурныхъ типовъ человѣчества". Если это такъ, то изученіе культурныхъ элементовъ прошлой жизни данной націи или народности, — а однимъ изъ такихъ важныхъ элементовъ является право въ его поступательномъ многовѣковомъ движеніи — должно, какъ намъ кажется, вестись такимъ образомъ: историкъ права данной народности долженъ во 1-хъ бережно и любовно отыскивать, а затѣмъ и подвергать тщательному изученію и анализу, всѣ тѣ особыя черты юридической физіономіи націи, которыя сложились подъ дѣйствіемъ особыхъ условій общаго прошлаго націи и которыя сохранились въ тѣхъ или иныхъ остаткахъ старины стародавней, донесенныхъ такъ или иначе потокомъ исторіи до нашихъ дней; онъ долженъ, во 2-хъ, памятуя, что, какъ особыя, такъ и общія черты этой юридической физіономіи націи повторяютъ въ себѣ, въ тѣхъ или иныхъ, иногда весьма своеобразныхъ, сочетаніяхъ, общіе законы развитія, долженъ, при случаѣ, сопоставлять ихъ съ соотвѣтственными формами и чертами, имѣвшими мѣсто въ исторіи права другихъ культурныхъ группъ человѣчества и въ 3-хъ, наконецъ, исходя изъ того положенія, что національное право въ его историческомъ процессѣ, — подобно языку, литературѣ, искуству и. т. д., — не развивается, по крайней мѣрѣ у историческихъ народовъ, совершенно одиноко, безъ воздѣйствія иноземнаго, безъ многообразнаго и сложнаго взаимнаго общенія отдѣльныхъ народовъ, онъ долженъ принимать во вниманіе, какъ случаи простого внѣшняго заимствованія, такъ и внутренняго усвоенія, или рецепцію правовыхъ идей и учрежденій, поскольку то и другое обозначалось ясно въ исторіи даннаго національнаго права, оцѣнивая внимательно роль и значеніе этихъ идей и учрежденій въ новой средѣ, отмѣчая степень ихъ акклиматизаціи и. т. д. Иначе говоря, если историкъ права данной народности, — слѣдя за многообразіемъ движенія юридическихъ институтовъ, подъ какими-бы, внутренними

или внѣшними, вліяніями оно ни совершалось въ прошломъ, — долженъ возсоздать всѣ типичныя черты, выдѣляющія данную народность въ особую культурную группу человѣчества, то онъ въ тоже время не долженъ забывать о связи своего національнаго права съ правомъ другихъ народовъ, а равно и вообще съ соціальною средою. Если задача перваго рода дастъ содержаніе всѣму нашему послѣдующему курсу чтеній и если поэтому на дальнѣйшемъ ея разъясненіи можно не останавливаться въ общемъ введеніи къ курсу, то, наоборотъ, на отношеніи исторіи русскаго права къ другимъ наукамъ, кратко указаннымъ уже выше, слѣдуетъ, хотя бѣгло, остановиться, чтобы имѣть нѣкоторый опредѣленный взглядъ на этотъ весьма важный вопросъ.

Въ немногихъ словахъ, отношеніе исторіи русскаго права къ исторіи права другихъ народностей, а затѣмъ и къ общейнаукѣ объ обществѣ, или соціологіи, можетъ быть выражено въ такой примѣрной схемѣ. Исторія русскаго права, въ ея начальныхъ, по крайней мѣрѣ, стадіяхъ, должна быть поставлена въ тѣснѣйшую связь прежде всего съ исторіею права отдѣльныхъ славянскихъ племенъ. Въ этомъ случаѣ не должна быть, какъ намъ кажется, игнорирована та постановка изученія исторіи права, какая въ настоящее время утвердилась въ Западной Европѣ, въ такъ называемой германистической школѣ. Германисты, изучая, напр. исторію права собственно- нѣмецкаго, въ числѣ необходимыхъ вспомогательныхъ для нея наукъ („als Hilfswissenschaften der deutschen Rechtsgeschichte“) вводятъ изученіе исторіи права другихъ германскихъ племенъ, а именно они (какъ напр., Бруннеръ), подъ наименованіемъ „Geschichte der Tochterrechte und der Schwesterrechte des deutschen Rechtes“ различаютъ двѣ группы правовыхъ системъ, обозначившихся въ исторіи германскихъ племенъ: одна, — такъ называемыя „Schwesterrechte des deutschen Rechtes“ — вышла изъ общихъ германскихъ первоначальныхъ основъ: таково, напр., право норвежское, исландское,

шведское и датское, другая группа, такъ — называемыя „Tochterrechte des deutschen Rechtes“, — создалась путемъ перенесенія германскими колонистами ихъ родного права на чужую почву: таково, напр., право англосаксонское и англійское, французское и нидерландское. Въ правѣ чешскомъ, польскомъ, или, напримѣръ, хорватскомъ, исторія русскаго права, подобно исторіи права нѣмецкаго, имѣетъ — по нашему мнѣнію, — первую группу правовыхъ системъ, вышедшихъ изъ первоначальныхъ общеславянскихъ основъ, создававшихся уже въ тѣ отдаленнѣйшія отъ насъ времена, когда еще, по сказанію русскаго лѣтописца, „бѣ единъ языкъ словѣнескъ“, т. е. одно славянское племя. Въ правѣ-же литовско-русскомъ, изученіе коего сильно подвинулось впередъ въ послѣднее время, имѣется у насъ примѣръ второй изъ указанныхъ 2-хъ правовыхъ системъ. Подобно тому, какъ историки нѣмецкаго права, привлекая къ изученію исторіи этого права исторію права другихъ германскихъ племенъ, получаютъ черезъ это возможность болѣе обстоятельно и болѣе глубоко касаться такихъ эпохъ его развитія, о которыхъ наличные, собственно-нѣмецкіе, источники права говорятъ очень мало, или даже иногда не говорятъ ничего вовсе, подобно тому, какъ означенные историки уже прониклись твердымъ убѣжденіемъ, что памятники права родственныхъ германскихъ племенъ являются частію единственными, частію болѣе достовѣрными средствами уясненія наиболѣе темныхъ и спорныхъ вопросовъ древнѣйшаго нѣмецкаго права, историкъ русскаго, какъ и историкъ какого-либо иного славянскаго права, въ свою очередь — если ему встрѣтится въ аналогичныхъ случаяхъ необходимость прибѣгнуть къ иноземному праву — долженъ прежде всего пользоваться данными и выводами исторіи права славянскаго. Уже и теперь, при всей относительной молодости науки славянскаго правовѣдѣнія, имѣется какъ въ русской историко-юридической литературѣ, такъ и въ литературѣ другихъ славянъ рядъ цѣнныхъ изданій памятниковъ славянскаго

права и ихъ толкованій, которыми необходимо пользоваться въ указанныхъ цѣляхъ, при изученіи по крайней мѣрѣ первоначальныхъ эпохъ праворазвитія, когда простота и общность условій жизни оказывали еще свое объединяющее вліяніе на славянъ, либо еще жившихъ нераздѣльно, либо сравнительно-недавно разошедшихъ въ разныя стороны, а потому и сохранявшихъ еще въ своемъ быту общія правовыя устои жизни.

Если исторія права русскаго, какъ часть права общеславянскаго, должна быть поставлена въ тѣснѣйшую связь съ исторіею права другихъ славянскихъ народностей, то, въ свою очередь, исторія права славянскаго, наряду съ исторіею права германскаго, римскаго и другихъ народовъ, должна мыслиться, какъ составная часть всеобщей или общей исторіи права, или такъ наз. „сравнительнаго правовѣдѣнія“, „сравнительнаго историческаго правовѣдѣнія“, или, какъ еще иногда называютъ эту науку, какъ часть „исторіи развитія права“ (Entwickelungsgeschichte des Rechtes). Сравнительное-же правовѣдѣніе, — изучающее послѣдовательное развитіе права, на одинаковыхъ стадіяхъ общественности, у цѣлой группы народностей — напр., по крайней мѣрѣ у арійцевъ — и затѣмъ пытающееся вывести общіе законы юридической эволюціи правовыхъ нормъ и учрежденій, — является (вмѣстѣ съ сравнительнымъ языковѣдѣніемъ, сравнительною этнографіею, политическими, экономическими и другими общественными науками) частью одной общей науки, носящей наименованіе соціологіи, науки, которая по мнѣнію ея адептовъ, одна только и можетъ создать достаточно-прочныя „научныя общности“ (généralités scientifiques), на которыя должны опираться затѣмъ уже всѣ отдѣльныя общественныя науки.

По утвержденію одного изъ нашихъ ученыхъ, М. М. Ковалевскаго, „какъ наука конкретная, сравнительное правовѣдѣніе не можетъ обойтись безъ содѣйствія той абстрактной науки, какою по отношенію къ нему — какъ и къ исторіи вѣрованій, знаній, морали, экономики,

политики, искусства — является соціологія. Задача послѣдней — изучить законы, управляющіе развитіемъ человѣческой солидарности и ея проявленій въ формахъ общежитія, независимо отъ всѣхъ мѣстныхъ и временныхъ причинъ, то ускоряющихъ, то тормозящихъ наступленіе высшихъ порядковъ общественности". Поскольку эта чрезвычайно трудная и сложная задача можетъ считаться уже выполненною, столь молодою наукою, какъ соціологія, на это литература вопроса даетъ самыя разнорѣчивыя показанія. Если и надо, несомнѣнно, признать слишкомъ крайнимъ и поэтому едва-ли справедливымъ мнѣніе одного изъ нашихъ выдающихся юристовъ, Б. Н. Чичерина, что „то, что носитъ названіе соціологіи, въ сущности ничто иное, какъ хаотическая смѣсь всякихъ экономическихъ, юридическихъ и политическихъ взглядовъ, менѣе всего могущихъ имѣть притязаніе на наименованіе науки", то, съ другой стороны, надо сознаться, что раскрытіе законовъ, управляющихъ „развитіемъ человѣческой солидарности" есть дѣло очень еще отдаленнаго будущаго. Однако, и при современномъ своемъ состояніи, соціологія обладаетъ уже цѣлымъ рядомъ, достаточно обоснованныхъ и болѣе или менѣе признанныхъ, — по крайней мѣрѣ, въ данное время, — обобщеній.

Эти-то обобщенія и должны приниматься во вниманіе при изученіи какъ общей, такъ и національной исторіи права. Право въ своемъ постепенномъ развитіи не живетъ особно и одиноко отъ всѣхъ другихъ факторовъ культуры даннаго времени, но, наоборотъ, по закону солидарности общественныхъ явленій, движется въ извѣстномъ гармоническомъ соотношеніи съ ними. Поэтому и изслѣдованія по исторіи права должны опираться „на широкое соціальное изученіе". По остроумному сравненію французскаго ученаго Тарда, высказанному имъ въ докладѣ, прочитанномъ на международномъ конгрессѣ сравнительнаго правовѣдѣнія въ Парижѣ въ 1900 г. „сравнительная ретроспективная выставка оружія разныхъ націй сама по себѣ не имѣетъ значенія, но только въ связи съ тѣми

битвами, которыя она объясняетъ или которыя ее объясняютъ. Точно также, говоритъ Тардъ, сравненіе различныхъ системъ права приводитъ къ научнымъ обобщеніямъ лишь тогда, когда оно связано со всѣмъ комплексомъ соціальныхъ явленій, которыя объясняютъ право и сами въ свою очередь объясняются правомъ“ [1]). Можно оспаривать, — на нашъ взглядъ, — тѣ или иныя соціологическія обобщенія, можно придавать имъ вообще временное, преходящее значеніе, допускать, что при дальнѣйшемъ движеніи науки они, можетъ быть, смѣнятся другими, но ихъ нельзя, однако, вовсе игнорировать при изученіи какъ всеобщей, такъ и національной исторіи права и нельзя потому, что такое игнорированіе означалобы ничто иное, какъ изолированіе изученія самого права, какъ одного изъ факторовъ культуры, отъ всѣхъ другихъ подобныхъ факторовъ и могло-бы привести къ невѣрному и одностороннему пониманію значенія и развитія самихъ правовыхъ институтовъ. Приведу для примѣра одно или два такихъ соціологическихъ обобщеній, имѣющихъ значеніе для исторіи права. Соціологи, какъ, напр., Гербертъ Спенсеръ опредѣляютъ эволюцію, какъ „измѣненіе безсвязной однородности въ связную разнородность, являющееся слѣдствіемъ разсѣянія движенія и интеграціи вещества“. Примѣняя эту формулу къ изученію, напр., той или иной организаціи общества въ отдѣльныя историческія эпохи, говорятъ, что „расчлененіе общества на профессіи, состоянія, сословія, даетъ прекрасное приложеніе общаго начала дифференціаціи функцій и дифференціаціи движенія, совмѣстная дѣятельность классовъ, ихъ взаимныя услуги и общая работа иллюстрируетъ процессъ объединенія, интеграціи“. (П. Виноградовъ „О прогрессѣ“). Или, напр., изучая исторію государственныхъ учрежденій, отмѣчаютъ постепенное развитіе

1) Ѳ. Тарановскій „Сравнительное правовѣдѣніе въ концѣ XIX в.“ Варшава, 1902 г., стр. 19.

въ ихъ организаціи принципа дифференціаціи функцій и т. д., принципа, находящаго свое примѣненіе не въ одной только области права, но и въ другихъ явленіяхъ общественности. Таково, въ немногихъ словахъ, отношеніе какъ общей, такъ и національной исторіи права къ соціологіи.

Коснемся теперь кратко отношенія сравнительнаго историческаго правовѣдѣнія къ исторіи права національнаго. Всего 30—40 лѣтъ тому назадъ подъ сравнительнымъ изученіемъ права понимали лишь особый своеобразный методъ параллельнаго изслѣдованія образованія и развитія правовыхъ институтовъ у нѣсколькихъ народностей, при чемъ этотъ методъ примѣнялся главнѣйшимъ образомъ къ изученію первоначальныхъ, такъ сказать эмбріональныхъ, стадій развитія означенныхъ институтовъ. Теперь, однако, сравнительная исторія права, или сравнительное правовѣдѣніе, является уже особою и вполнѣ самостоятельною наукою, обладающею своимъ громаднымъ матеріаломъ для изслѣдованій, преслѣдующею при этихъ изслѣдованіяхъ свои особыя цѣли, примѣняющею при своихъ изысканіяхъ своеобразные пріемы. И если 20 лѣтъ тому назадъ тотъ же цитированный уже нами знаменитый германистъ Бруннеръ, причисляя сравнительную исторію права — въ особенности постольку, поскольку она касалась арійскихъ народностей — къ вспомогательнымъ наукамъ исторіи нѣмецкаго права, могъ, по справедливости, сказать, что, несмотря на то, что сравнительная исторія права, какъ наука, находится еще въ зачаткѣ, она уже вышла, однако, изъ стадіи дилетантизма, то въ два слѣдующихъ десятка лѣтъ развитіе этой науки подвинулось весьма далеко впередъ и нетолько въ западно-европейской, но и въ русской историко-юридической литературѣ наука эта имѣетъ теперь видныхъ представителей, которыми изданъ рядъ цѣнныхъ трудовъ. Въ какомъ-же, однако, отношеніи должно стоять сравнительное правовѣдѣніе, какъ наука, къ исторіи права данной націи или народности? Въ нашей историко-юридической литературѣ нерѣдко слышались голоса, а иногда они

слышатся и теперь,[1]) о необходимости, на каѳедрѣ исторіи русскаго права, вести сравнительное изученіе права, ввиду того, между прочимъ, соображенія, что всеобщая исторія права теперь совсѣмъ не преподается у насъ, а каѳедра исторіи славянскихъ законодательствъ существуетъ въ одномъ только университетѣ (Варшавскомъ). Задача эта является, однако, совершенно уже невыполнимою нынѣ, прежде всего потому, что сравнительная, или всеобщая, исторія права выросла, какъ сказано, въ послѣднія 2 десятилѣтія въ особую и сложную науку, играющую столь важную роль во всѣхъ соціологическихъ изысканіяхъ новѣйшаго времени, науку притомъ нисколько не упразднившую значенія исторіи права національнаго. Сравнительная, или всеобщая, исторія права не можетъ уже нынѣ, подъ видомъ сравнительнаго метода изученія права, уложиться или войти въ область исторіи права даннаго народа (исторія ея обособленія въ отдѣльную науку повторяетъ собою тоже явленіе, какое имѣло мѣсто въ исторіи другихъ наукъ, напр., естественныхъ, гдѣ, изъ зоологіи выдѣлилась сравнительная зоологія и т. д.). Такъ какъ сравнительное правовѣдѣніе, подобно исторіи права національнаго, имѣетъ свой особый громадный матеріалъ для изслѣдованія, свои особыя спеціальныя задачи, ставимыя учеными по соображеніи ихъ общей связи съ развитіемъ каждой изъ этихъ наукъ, то думать, что исторія національнаго права, при современномъ состояніи науки, можетъ изучаться съ каѳедры сравнительно, значитъ, на нашъ взглядъ, налагать на эту науку совершенно непосильную и несвойственную ей задачу, значитъ превращать каѳедру исторіи національнаго (напр. русскаго) права въ каѳедру общей исторіи права. Результаты, добытые нынѣ сравнительнымъ правовѣдѣніемъ должны быть, конечно, извѣстны при изученіи исторіи права дан-

1) Ср., напр., Н. Максимейко „Сравнительное изученіе исторіи права". Харьковъ 1898.

ной націи и ихъ надо, по возможности, имѣть въ виду при изученіи исторіи институтовъ своего родного права, но изысканія въ области сравнительной исторіи права не могутъ производиться при общихъ обзорахъ историческаго движенія своего права: сходства и различія въ этомъ движеніи и вообще связь національной исторіи права съ всеобщею исторіею права должны, при изученіи права данной страны, нестолько доказываться, сколько указываться. Входить одной наукѣ въ лабораторію другой и въ ней производить свойственныя каждой наукѣ изслѣдованія значитъ, при современномъ состояніи каждой изъ этихъ наукъ, лишь мѣшать другъ другу. Сравнительное изученіе національнаго права настоятельно необходимо, но оно должно дѣлаться особо, главнымъ образомъ монографически, а не съ каѳедры исторіи даннаго права, такъ какъ иначе легко могутъ быть упущены изъ виду многіе вопросы исторіи національнаго права, да и выводы самой всеобщей исторіи права не будутъ изложены въ достаточной полнотѣ и опредѣленности. Такъ какъ къ тому же выводы всеобщей исторіи права касаются пока главнымъ образомъ древнѣйшихъ періодовъ исторіи права, то они и должны относиться къ таковымъ-же періодамъ исторіи своего родного права. При современномъ состояніи сравнительнаго правовѣдѣнія, занимающагося главнымъ образомъ изысканіями въ области первобытнаго или только древнѣйшаго права, нѣтъ возможности дѣлать сколько-нибудь важныхъ научныхъ обобщеній при сравненіи позднѣйшихъ эпохъ праворазвитія, когда историческія судьбы отдѣльныхъ народностей такъ далеко расходятся другъ отъ друга, когда сочетаніе факторовъ, дѣйствующихъ на тотъ или иной характеръ развитія ихъ права, такъ прихотливо измѣняется и осложняется.

Для болѣе позднихъ эпохъ исторіи развитія права возможность строго-научныхъ сравнительныхъ изслѣдованій только еще предвидится въ будущемъ, а тѣ попытки сравнительнаго изученія законодательствъ

(но не права), которыя дѣлаются въ послѣднее время какъ на Западѣ Европы, такъ и у насъ, далеко не соотвѣтствуютъ чисто-теоретическимъ задачамъ сравнительнаго правовѣдѣнія, какъ особой науки, и имѣютъ лишь практическое значеніе ознакомленія съ дѣйствующими законами, въ тѣхъ или иныхъ цѣляхъ. Кромѣ того, изученіе исторіи русскаго права болѣе позднихъ эпохъ ставитъ историкамъ права и свои особыя задачи; на одну изъ этихъ задачъ можно указать кратко теперь-же. Исторія русскаго права, по отношенію къ послѣднимъ тремъ истекшимъ вѣкамъ, владѣетъ громаднѣйшимъ запасомъ неизданныхъ и совершенно-неизслѣдованныхъ еще матеріаловъ, хранящихся въ архивахъ нашихъ. Если по отношенію къ древнѣйшему русскому праву необходимымъ является, какъ уже сказано, приведеніе изученія исторіи права нашего въ связь съ исторіею права другихъ культурныхъ народовъ, то исторіи русскаго права послѣднихъ 3—4 вѣковъ необходимо прежде всего овладѣть тѣми законодательными и иными юридическими матеріалами, которые въ значительной части своей еще находятся въ архивахъ и ждутъ изслѣдователей. Безъ этихъ матеріаловъ важнѣйшіе отдѣлы исторіи права, какъ, напр., исторія учрежденій, сословій, исторія гражданскаго права и процесса и мног. др., никогда не будутъ разработаны сколько-нибудь обстоятельно и въ соотвѣтствіи съ истиннымъ ихъ значеніемъ въ общемъ движеніи нашего права въ прошломъ.

Указавъ на задачу исторіи права вообще и исторіи русскаго права въ частности, а равно и отмѣтивъ отношеніе исторіи русскаго права къ исторіи права другихъ народовъ и къ соціологіи, коснемся вопроса о содержаніи науки исторіи русскаго права и системы, въ которой она можетъ быть изучаема.

Предметъ или содержаніе науки исторіи русскаго права дается тысячелѣтнимъ движеніемъ нашего права и опредѣляется уже самымъ наименованіемъ науки. Исторія русскаго права изучаетъ не всѣ явленія об-

щественной жизни русскаго народа, а лишь явленія юридическія. Она, далѣе, изучаетъ, ихъ не въ ихъ статикѣ, но въ ихъ динамикѣ, т. е., она изучаетъ исторію ихъ происхожденія, или образованія, слѣдитъ за ихъ постепеннымъ ростомъ отъ первичныхъ эмбріональныхъ стадій развитія до позднѣйшихъ. Она, наконецъ, изучаетъ образованіе и развитіе юридическихъ нормъ и учрежденій не у всѣхъ культурныхъ народовъ, но лишь у одного народа, чѣмъ и объясняется ея эпитетъ: „исторія права русскаго". Такъ какъ развитіе юридическихъ нормъ и учрежденій шло въ нашей (какъ и всякой другой) исторіи права не по отношенію къ одному какому-либо одному отдѣлу права, а по отношенію ко всѣмъ частямъ его, т. е. иначе говоря, въ исторіи измѣнялись какъ нормы права государственнаго такъ и нормы права гражданскаго, уголовнаго, процесса и пр., то содержаніе исторіи права не должно ограничиваться изученіемъ одного какого-либо отдѣла права, а должно касаться всѣхъ тѣхъ частей его, которыхъ измѣненіе можетъ быть отмѣчено въ ту или иную эпоху праворазвитія. Согласно съ современнымъ научнымъ дѣленіемъ въ области права, обыкновенно изучаютъ исторію права государственнаго, исторію права уголовнаго, исторію права гражданскаго и исторію процесса, или исторію судоустройства и судопроизводства, и, сообразно съ этимъ изученіемъ, дѣлятъ исторію русскаго права на 4 большихъ раздѣла, или 4 части, подраздѣляя затѣмъ каждую изъ этихъ частей на особые отдѣлы. Возможно, однако, кромѣ означеннаго дѣленія, держаться и другихъ, сообразно тѣмъ или инымъ взглядамъ даннаго ученаго на предметъ науки, на взаимное соотношеніе ея частей и пр.

Вопросъ о томъ, въ какой системѣ должно итти изученіе исторіи права даннаго народа, разрѣшался и разрѣшается различно въ общихъ научныхъ курсахъ. Не касаясь всѣхъ предлагавшихся учеными системъ изученія исторіи русскаго права, остановимся на крат-

комъ обзорѣ наиболѣе распространенныхъ. Прежде всего здѣсь надо отмѣтить обычное дѣленіе исторіи права на исторію права внѣшнюю и исторію права внутреннюю. Подъ внѣшнею исторіею права разумѣютъ исторію источниковъ или памятниковъ права; подъ внутреннею — исторію образованія и развитія самихъ юридическихъ нормъ и институтовъ. Изучая внѣшнюю исторію права, останавливаются на происхожденіи памятниковъ какъ обычнаго права, такъ и законодательства той или иной эпохи, указываютъ на обстоятельства, вызвавшія ихъ къ жизни, пытаются раскрыть цѣли, руководившія ихъ составителями, опредѣляютъ тѣ первоисточники, на которыхъ основаны были эти памятники, разбираютъ систему ихъ содержанія, отмѣчаютъ ихъ связь съ памятниками права, имъ предшествовавшими и за ними слѣдовавшими и т. д. Изучая внутреннюю исторію права, изслѣдуютъ зарожденіе или образованіе самихъ юридическихъ нормъ и институтовъ, слѣдятъ за ихъ дальнѣйшимъ развитіемъ и взаимнымъ отношеніемъ, не касаясь уже исторіи составленія тѣхъ памятниковъ права, въ которыхъ находятся свѣдѣнія объ этихъ нормахъ и институтахъ; наконецъ, изучаютъ эти нормы и учрежденія въ той связи, въ какой это представляется болѣе удобнымъ, съ научной точки зрѣнія, для пониманія существенныхъ чертъ ихъ эволюціи, не обращая уже вниманія на ту систему, въ которой эти нормы и учрежденія представлены въ тѣхъ или другихъ юридическихъ сборникахъ или отдѣльныхъ законодательныхъ актахъ. Раздѣленіе исторіи права на исторію права внѣшнюю и исторію права внутреннюю исходитъ изъ того соображенія, что нельзя одновременно изучать исторію составленія памятниковъ, ихъ первоисточники и систему, а равно и изслѣдовать основныя начала права и ихъ эволюцію, что даетъ содержаніе внутренней исторіи права.

Другое весьма распространенное дѣленіе исторіи права — дѣленіе по періодамъ. Въ исторіи русскаго права, обыкно-

венно, различаютъ 3 періода, а именно періодъ земскій, или удѣльно-вѣчевой, обнимающій движеніе нашего права отъ IX до XIII вѣка включительно, періодъ московскій отъ XIV до XVII вѣка включительно, и періодъ имперіи, или петербургскій, обнимающій собою XVIII и XIX вѣка. Излагая исторію права по періодамъ изучаютъ всю совокупность явленія юридической жизни страны, т. е. касаются не одного какого-либо раздѣла права (напр., исторіи права государственнаго, или уголовнаго, или гражданскаго и т. д.), а всѣхъ ихъ вмѣстѣ, при чемъ, въ предѣлахъ каждаго періода, изучаютъ источники права особо. Основаніемъ дѣленія исторіи права на періоды служитъ то соображеніе, что каждому періоду исторіи соотвѣтствуютъ извѣстныя особыя, ему лишь свойственныя, черты правообразованія и праворазвитія и что при совокупномъ изученіи всего движенія права въ предѣлахъ даннаго періода яснѣе могутъ быть представлены всѣ его особенности, отличающія его отъ другихъ періодовъ. Наконецъ, третьею весьма распространенною системою изученія исторіи права является изученіе ея по отдѣламъ права, или по институтамъ, при чемъ, изучая тотъ или другой отдѣлъ права, также изслѣдуютъ его движеніе въ предѣлахъ тѣхъ или другихъ историческихъ періодовъ. Такъ, напр., можно изслѣдовать сперва всѣ учрежденія и нормы исторіи права государственнаго, затѣмъ перейти къ изученію исторіи институтовъ права гражданскаго или уголовнаго и т. д., производя изученіе каждаго отдѣла отъ начала государственной жизни страны до позднѣйшаго времени, и подраздѣляя при томъ каждый изъ этихъ отдѣловъ права на тѣ же (земскій, московскій, петербургскій) періоды. Эта система имѣетъ также свои достоинства: благодаря ей является возможность болѣе отчетливо представить движеніе всѣхъ институтовъ даннаго отдѣла права отъ древнѣйшаго до новѣйшаго времени, не перебивая ихъ изученія изложеніемъ историческихъ судебъ институтовъ другого отдѣла права (напр. изученія институ-

товъ государственнаго права институтами гражданскаго и. т. п.) И при этой системѣ изложенія возможно раздѣленіе исторіи права на внутреннюю и внѣшнюю, хотя этого раздѣленія можно и не держаться, какъ, напр., это дѣлаетъ проф. Владимирскій-Будановъ въ своемъ извѣстномъ „Обзорѣ исторіи русскаго права". Въ послѣдующемъ изложеніи мы будемъ держаться указанной выше 3-ьей системы изученія исторіи нашего права, а именно изложимъ прежде всего исторію права государственнаго отъ IX до XIX вѣка, а затѣмъ перейдемъ къ исторіи права уголовнаго, исторіи права гражданскаго и, наконецъ, процесса.

Часть I.

Исторія государственнаго права

Періодъ I.

Введеніе.

(Понятіе государства. Первоначальныя племенныя княженія; теоріи, касающіяся ихъ строя. Призваніе варяжскихъ князей и его значеніе.)

Исторія русскаго государственнаго права имѣетъ предметомъ своего изученія русское государство въ его поступательномъ развитіи отъ древнѣйшаго до новаго времени. Государствомъ называется обыкновенно совокупность населенія (или — союзъ народа), осѣвшагося на собственной опредѣленной территоріи и объединеннаго общею, или единою, верховною властію. Три элемента отличаютъ государство отъ всѣхъ другихъ общественныхъ союзовъ. Этими 3 элементами, безъ которыхъ немыслимо понятіе государства, являются: объединенное населеніе, или народъ, территорія, верховная власть. Каждая историческая эпоха влагаетъ свое особое содержаніе въ каждый изъ этихъ элементовъ, но въ зачаточномъ своемъ состояніи они могутъ быть наблюдаемы у насъ еще задолго до т. наз. призванія варяжскихъ князей и начала русскаго государства. А именно еще за нѣсколько вѣковъ до этого призванія, мы уже находимъ на во-

сточной равнинѣ Европы рядъ племенныхъ соединеній или княженій, какъ они называются лѣтописью, съ населеніемъ, осѣвшимся на нѣкоторой, болѣе или менѣе опредѣленной, территоріи и управляемомъ с в о и м и особыми племенными к н я з ь к а м и. Существованіе послѣднихъ, задолго до призыва варяговъ, не подлежитъ сомнѣнію, они упоминаются и у арабскихъ писателей и въ русской „начальной лѣтописи“, причемъ лѣтопись сохранила даже имена нѣкоторыхъ изъ этихъ князей (напр. Кія, Тура, Мала и др.), а Олегъ, напр., требуя съ грековъ дани нетолько для дружины своей, но и для городовъ, объясняетъ это тѣмъ, что „по тѣмъ-бо городамъ сѣдяху велиціи князи, подъ Олгомъ суще“ (въ договорѣ Олега съ греками они носятъ названіе „свѣтлыхъ князей“). Въ этихъ племенныхъ княженіяхъ, первоначально вмѣщавшихъ, вѣроятно, въ себѣ в с е данное племя, были такимъ образомъ налицо всѣ три указанные элемента, необходимые для понятія государства, такъ что исторія наша начинается н е съ образованія единаго русскаго государства, какъ иногда думаютъ, а съ цѣлаго ряда небольшихъ государствъ-княженій, населенныхъ различными племенами, появившимися первоначально на Алаунской возвышенности и за нѣсколько вѣковъ еще до призванія князей-варяговъ разошедшихся съ нея въ разныя стороны, главнымъ образомъ по рѣчнымъ нашимъ системамъ, а именно Ильмено-Невской, Западно-Двинской, Днѣпровской и Верхне-Волжской системамъ. Составные элементы этихъ небольшихъ государствъ-княженій были еще весьма неразвиты и неустойчивы: такъ территоріи, — вмѣщавшія, какъ сказано, первоначально, вѣроятно, все данное племя, — постоянно измѣнялись по своимъ размѣрамъ, такъ что то или другое племя входило затѣмъ иногда въ 2—3 княженія и къ главному племени, составлявшему ядро княженія, присоединялась часть другого — напр., Полоцкая земля составилась изъ вѣтви кривичей съ частью дреговичей, Смоленская — изъ другой части кривичей съ частью радимичей и т. д. Затѣмъ племенные князья, частью

наслѣдственные, частью выборные, имѣли очень слабую власть и нерѣдко не могли вовсе водворить въ своихъ княженіяхъ порядка, почему начальная лѣтопись наша полна описаніями усобицъ между племенами. Населеніе каждаго изъ этихъ княженій, хотя и не утратило еще сознанія о своихъ родственныхъ связяхъ, о своемъ племенномъ родствѣ, но въ этомъ его составѣ рано стали появляться и чужіе, инородческіе элементы, что уже объясняется частію тѣмъ, что сами территоріи княженій къ половинѣ IX вѣка не были, какъ уже сказано, мѣстомъ пребыванія одного только племени. Интересно, что сама первоначальная лѣтопись наша, называя населеніе, осѣвшееся въ тѣхъ или иныхъ княженіяхъ, по племенамъ — поляне, полочане, древляне и т. д. — именуетъ ихъ также и по городамъ (Новогородцы, Смольяне, Кіяне и т. д.) т. е. называетъ ихъ по тѣмъ торгово-административнымъ центрамъ, гдѣ населеніе необходимо являлось смѣшаннымъ по составу и гдѣ первоначальныя, — повидимому, когда-то весьма крѣпкія, — племенныя связи населенія даннаго княженія расшатывались и замѣнялись иными, основанными на экономическихъ и другихъ интересахъ. Двойственность наименованія жителей княженій является какъ-бы отраженіемъ неустойчивости его внутреннихъ отношеній, когда одни связи, племенныя, еще не совсѣмъ были забыты, а другіе только-что завязывались.

Каковъ былъ первоначальный строй этихъ небольшихъ государствъ-княженій, на это весьма трудно отвѣтить вполнѣ положительно, ввиду отсутствія точныхъ и опредѣленныхъ данныхъ. Какъ въ исторической, такъ и въ историко-юридической литературѣ нашей по вопросу объ этомъ первоначальномъ строѣ выставлено нѣсколько теорій [1]), изъ которыхъ ни

1) Подробный сводъ мнѣній о древнѣйшемъ общественномъ нашемъ строѣ сдѣланъ В. Н. Сторожевымъ въ его „Русской исторіи съ древнѣйшихъ временъ до смутнаго времени“ (М. 1898 г.); новѣйшій разборъ теорій древняго быта славянъ вообще и русскихъ славянъ въ особенности см. въ книгѣ Н. П. Загоскина „Исторія права русскаго народа“. (Казань 1899 г., стр. 363 и сл.)

одна не можетъ, однако, считаться вполнѣ и безусловно-принятой, прежде всего потому, что ни одна изъ нихъ не опирается на неоспоримыя, совершенно-ясныя свидѣтельства первоисточниковъ. Остановимся кратко лишь на нѣкоторыхъ изъ означенныхъ теорій, а именно на теоріи родового быта, защитниками коей являются въ нашей литературѣ Эверсъ, Кавелинъ, Соловьевъ, Никитскій и др., на теоріи общинной (или теоріи общиннаго быта), во главѣ которой надо поставить Константина Аксакова, Бѣляева, Лешкова и др., и на теоріи задружной (или задружно-общинной), которую болѣе подробно развилъ у насъ проф. Леонтовичъ и которая нашла себѣ, въ общемъ, послѣдователей какъ у насъ — въ лицѣ проф. Бестужева-Рюмина, А. Ефименко, и др., — такъ и у западно-славянскихъ ученыхъ, въ лицѣ, напр., К. Кадлеца.

Что касается первой теоріи — теоріи родового быта — то его основателемъ можетъ справедливо считаться знаменитый дерптскій профессоръ Г. Эверсъ, который въ своей книгѣ — „Древнѣйшее русское право въ историческомъ его раскрытіи“, — вышедшей въ 1826 г. на нѣмецкомъ языкѣ, (а въ 1835 г. переведенной порусски) первый вообще положилъ начало научной разработкѣ исторіи русскаго права. По Эверсу, страна наша была до призванія Рюрика „населяема многими отдѣльными народами, жившими независимо другъ отъ друга. Каждый народъ слагался изъ многихъ племенъ, племена изъ родовъ или семействъ, или, иначе сказать, изъ небольшихъ общественныхъ союзовъ, которыя сами собою, мало по малу, образуются изъ многочисленныхъ, вмѣстѣ живущихъ, потомковъ одного какого-либо племени“; сами первоначальныя „государства, которыя потомъ начинаютъ развиваться (второй шагъ въ постепенномъ образованіи человѣческаго рода) суть ни что иное, какъ соединенія отдѣльныхъ, бывшихъ дотолѣ совершенно свободными, родовъ, или большихъ семействъ, подъ владычествомъ

одного общественнаго главы". Понятіе племени является, по Эверсу, посредствующимъ звѣномъ между понятіемъ народа и рода: какъ племя сложилось изъ отдѣльныхъ семействъ и родовъ (или „большихъ семействъ"), такъ и народъ сложился изъ совокупности до тѣхъ поръ независимыхъ другъ отъ друга племенъ. Такимъ образомъ семья, родъ, какъ совокупность семей, происходящихъ отъ одного лица (родоначальника), племя, народъ, какъ совокупность племенъ — вотъ послѣдовательный рядъ союзовъ людей, которые, постепенно объединяясь, образуютъ государство. Этотъ выводъ Эверса о первоначальномъ племенномъ ядрѣ всякаго первобытнаго государства надо, на нашъ взглядъ, принять, такъ какъ онъ оправдывается не только данными сравнительной исторіи права, но и фактами, находящимися въ распоряженіи современной этнографіи[1]). По справедливому замѣчанію М. М. Ковалевскаго „исторія застаетъ главнѣйшихъ представителей арійской семьи на той ступени ихъ развитія, которую можно назвать переходною отъ родового къ общинному быту", т. е., иначе говоря, сравнительное правовѣдѣніе признаетъ родовой бытъ предшествующею ступенью быта общиннаго; съ этого быта начинается историческое поприще народовъ и, говоря о родовомъ бытѣ племенъ, какъ основномъ для тѣхъ небольшихъ государствъ-княженій, — которыя были у насъ до призыва династіи Рюрика, а затѣмъ и нѣкоторое время послѣ этого призыва — Эверсъ, Кавелинъ, Соловьевъ и другіе ученые наши стояли на правильной точки зрѣнія, отмѣчали явленіе, дѣйствительно бывшее въ жизни этихъ племенныхъ государствъ, но въ теорію Эверса и его послѣдователей надо, однако, внести ту поправку, что указан-

1) Данныя, относящіяся къ вопросу о родовомъ бытѣ въ историко-сравнительномъ освѣщеніи, собраны въ книгѣ М. М. Ковалевскаго „Первобытное право. Выпускъ I. Родъ". (М. 1886 г.); данныя-же этнографическаго характера, относящіяся къ первобытному государству, указаны въ III-мъ выпускѣ „Этнографіи" Н. Н. Харузина (П., 1903 г).

ный способъ образованія первоначальныхъ государствъ не былъ вовсе единственнымъ. Несомнѣнно, что въ каждомъ государствѣ, которое носитъ въ себѣ задатки жизненности и прогресса, должно быть извѣстное племенное ядро и чѣмъ это ядро по языку, своимъ качествамъ и. т. д., крѣпче, сильнѣе, индивидуальнѣе, тѣмъ будетъ крѣпче и сильнѣе само государство, какъ въ первоначальномъ, эмбріональномъ своемъ строѣ, такъ и въ послѣдующемъ своемъ развитіи, такъ какъ въ такомъ союзѣ будетъ естественное народное единство, народъ-типъ, который дастъ впослѣдствіи возможность вырости въ государствѣ и культурному единству, объединяющему уже народы, населяющіе данное государство, не въ силу только кровныхъ племенныхъ связей, но и другихъ условій совмѣстнаго ихъ бытія на одной государственной территоріи. Но это первоначальное племенное ядро уже на зарѣ историческаго образованія государствъ растетъ не въ силу только естественныхъ причинъ постепенной нарождаемости самого населенія, но также и искусственно — путемъ завоеванія сосѣднихъ областей, путемъ колонизаціи и ассимиляціи чужихъ племенъ и т. д., такъ что принимать племя, какъ совокупность родовъ, за единственный способъ образованія государствъ было-бы невѣрнымъ. Выписывая изъ лѣтописи рядъ мѣстъ, въ которыхъ встрѣчается слово „родъ“, Эверсъ, далѣе, находитъ, что одно уже это упоминаніе о родахъ служитъ доказательствомъ, что до призванія князей славяне жили родами, или въ родовомъ бытѣ. Дѣйствительно, наша лѣтопись часто говоритъ о родахъ: описывая, напр., бытъ племени Полянъ передъ призывомъ варяговъ, лѣтопись гласитъ: „Поляномъ-же живущимъ особѣ и владѣющимъ роды своими, яже и до сея братья бяху Поляне и живяху кождо съ родомъ своимъ на своихъ мѣстѣхъ“; или, напр., князь кіевскій, „сѣдѣше на горѣ, гдѣ нынѣ Зборичевъ, и бѣ съ родомъ своимъ“; или „вста родъ на родъ и быша усобицы въ нихъ и воевати сами на ся почаша“;

или, напр., говоря объ ушедшихъ отъ Рюрика въ Царьградъ, Аскольдѣ и Дирѣ, лѣтопись отмѣчаетъ, что они отправились туда „съ родомъ своимъ“. Эти ссылки на языкъ самихъ лѣтописей съ перваго взгляда кажутся очень убѣдительнымъ доказательствомъ положенія автора о государствахъ даннаго періода исторіи нашей, какъ „соединеніи отдѣльныхъ родовъ, подъ владычествомъ одного общественнаго главы“ и теорія Эверса о родовомъ бытѣ нашла свое дальнѣйшее развитіе въ трудахъ К. Д. Кавелина, С. М. Соловьева и др. Первый ударъ господству этой теоріи былъ нанесенъ К. С. Аксаковымъ статьею „о древнемъ бытѣ у славянъ вообще и у русскихъ въ особенности“ (Полное Собраніе Сочиненій К. С. Аксакова, т. I, стр. 59 и сл.), появившейся въ 1852 г. и подвергшей разбору ученіе о родовомъ бытѣ Эверса, Кавелина, Соловьева и другихъ ученыхъ. Аксаковъ, въ своей критикѣ, нисколько не отрицая родового быта, какъ „первой общественной ступени, черезъ которую прошли, безспорно всѣ народы“, сомнѣвается, однако, чтобъ этотъ бытъ сохранилъ свое значеніе и силу у славянъ въ началѣ ихъ исторической жизни и думаетъ, что его надо отнести ко временамъ доисторическимъ, передъ призывомъ-же варяговъ славяне жили уже въ быту общинномъ: „призваніе Рюрика была дѣйствіемъ народной воли“, говоритъ авторъ; оно „заставляетъ предполагать бытъ народный, общинный; само призваніе князя, особенно-же племенами даже чужеродными (славяне, чудь), устраняетъ всякую мысль о родовомъ бытѣ. Это поступокъ гражданскій, государственный и сознательный“... Затѣмъ разбирая употребленіе лѣтописцемъ слова родъ, Аксаковъ доказываетъ, что подъ этимъ словомъ разумѣются въ разныхъ мѣстахъ разныя понятія, а именно, то понятіе семьи, то понятіе происхожденія, при чемъ имъ „означаются и предки и потомки“. Первое значеніе слова выступаетъ, напр., ярко въ выраженіи „братъ двоюродный“. „Что значитъ двоюродный?“ спрашиваетъ Аксаковъ и отвѣ-

чаетъ, что это братъ „двою роду, т. е. двухъ родовъ; и такъ двоюродный братъ значитъ братъ двухъ родовъ, т. е. двухъ семей". Второе значеніе слова родъ выступаетъ, напр., въ выраженіи „отъ рода варяжска", т. е. варяжскаго происхожденія, и др. По Аксакову, далѣе, славяне жили общинами, вѣчевымъ бытомъ, управлялись, либо старшинами, либо князьями „на всей волѣ народа, каковы были потомъ въ извѣстныя времена князья новгородскіе", „но не родоначальниками", какъ думалъ Соловьевъ: „никто изъ современниковъ о родоначальникахъ не говоритъ. Прокопій (греческій писатель VI вѣка) прямо утверждаетъ, что славяне не повинуются одному мужу, но живутъ въ демократіи. Маврикій (греческій императоръ того-же вѣка), сказавъ, что у славянъ много царьковъ, говоритъ въ тоже время, что они не терпятъ никакого повелителя; также, что ихъ невозможно никакимъ образомъ склонить къ рабству или повиновенію". Наконецъ, Прокопій ясно говоритъ о сходкахъ. Если теорія Аксакова, а равно и другихъ ученыхъ, поколебала вѣру въ исключительность господства у насъ родового быта за нѣсколько вѣковъ до такъ называемаго призванія варяговъ, то, съ другой стороны, она не выдержала вполнѣ испытанія времени; при свѣтѣ современныхъ историко-сравнительныхъ изысканій, можно утверждать съ достовѣрностью, что родовой бытъ не былъ совершенно смѣненъ уже въ доисторическія времена бытомъ общиннымъ, а, наоборотъ, давалъ о себѣ знать нетолько въ древнѣйшія эпохи, отъ которыхъ дошли до насъ свѣдѣнія, но и гораздо позднѣе: „родъ", говоритъ проф. Ковалевскій, „представляющій совокупность нѣсколькихъ нераздѣльныхъ семей, имѣющій своего старшину и свое вѣче (указаніе на послѣднее содержатъ въ себѣ какъ византійскіе писатели, такъ и повѣсть временныхъ лѣтъ, упоминающая о вѣчѣ, призвавшемъ варяжскихъ князей) — такова древнѣйшая форма общественныхъ отношеній, съ которой начинается засвидѣтельствованная памятни-

ками исторію славянъ и ихъ права. Очевидно, что родовой бытъ не могъ исчезнуть безслѣдно, а необходимо оставилъ по себѣ тѣ или другіе слѣды, въ сравнительно-позднихъ, по времени, первыхъ памятникахъ славянскаго законодательства" (слѣды эти затѣмъ указываются подробно названнымъ авторомъ, ibid., стр. 77 сл.). Аксаковъ былъ, по нашему мнѣнію, правъ, указавъ, что слово „родъ" употребляется въ лѣтописи въ различномъ значеніи, какъ и былъ правъ, когда отмѣтилъ въ первоначальномъ бытѣ славянъ черты общественности, выходящей за предѣлы родовой организаціи, но предположеніе, что эта родовая организація исчезла уже совсѣмъ во времена доисторическія и что славяне „прошли черезъ родовой бытъ, не останавливаясь", не оправдывается фактами сравнительной исторіи права и современными этнографическими данными.

Обратимся теперь къ краткому изложенію 3-ьей изъ указанныхъ теорій, теоріи „задружно-общиннаго быта", или „задружной". Задруга и доселѣ существуетъ у юго-западныхъ славянъ, встрѣчаясь, какъ подъ этимъ наименованіемъ, такъ и подъ другими (задружная куча — zadružna kuća, — скуптшина, братство [1]); она противополагается у сербовъ т. н. инокосной, т. е. малой семьѣ. Такъ, напр., гражданскій кодексъ Сербіи 1844 г. говоритъ, что „подъ именемъ задруги, или семьи имѣющей ея характеръ (задружна), разумѣется нѣсколько совершеннолѣтнихъ лицъ, однихъ или съ потомствомъ, живущихъ въ домашней общинѣ; они находятся между собою въ отношеніяхъ задружныхъ. Тамъ, гдѣ подобной ассоціаціи не существуетъ, семьѣ усвояется названіе инокосны". Хорватскій законъ 1870 г. говоритъ, что „нѣсколько семей, или членовъ, живя въ одномъ домѣ, подъ управленіемъ одного главы, составляя одно хозяйство, т. е., обработывая со-

1) О задругѣ см. мои статьи „Очерки по обычному праву южно-славянскому и русскому" (Юридич. Вѣст., 1886 г., № 5—6).

обща нераздѣльное имѣніе, пользуясь всѣми доходами образуютъ тотъ патріархальный союзъ, который называется за́другою". По опредѣленію ученыхъ, напр., проф. Леонтовича, задруга — „союзъ лицъ и семей, живущихъ въ одной и общей чертѣ осѣдлости, однимъ или нѣсколькими домами, союзъ, связанный нестолько кровнымъ единствомъ, сколько связями территоріальными и экономическими, сожительствомъ на одномъ огнищѣ, семейномъ участкѣ земли, находящемся въ общемъ обладаніи общины". Задруга, по нашему мнѣнію, — эта наша „большая великорусская семья", нынѣ уже вымирающая, въ которой подъ главенствомъ т. н. большака́ (а иногда и большу́хи), старшаго или старшей въ родѣ, живутъ нераздѣльно взрослые дѣти, внуки и правнуки, пріемыши съ ихъ потомствами, но только семья уже съ нѣсколько-измѣненнымъ составомъ, а именно въ за́другѣ замѣчаются нетолько родственные элементы, объединенные единствомъ хозяйственнаго общенія (какъ въ нашей большой великорусской семьѣ), но и элементы посторонніе, примкнувшіе къ ея первоначальной родовой основѣ: таковы, напр., сосѣди, объединенные общиннымъ землевладѣніемъ или землепользованіемъ, а равно и другими общими экономическими интересами. Задруги, кучи, верви, села — вотъ нѣкоторыя изъ многихъ наименованій этой семейно-территоріальной общины, встрѣчающіяся у славянъ. Въ ихъ организаціи не забыто еще физическое родство между сочленами, но не одно уже это начало родства управляетъ ихъ внутренними отношеніями. Эти семейно-территоріальныя общины (у насъ верви, у юго-западныхъ славянъ задруги и т. п.), объединенныя частію общимъ племеннымъ началомъ, частію-же общимъ землепользованіемъ, складывались уже въ первобытныя времена у южныхъ славянъ въ такъ наз. жу́пы, у насъ — въ волости, въ „земли", во главѣ которыхъ стояли — частію, вѣроятно, выборные, частію наслѣдственные — жупаны, воеводы, князья, племенные царьки. Объ этихъ царькахъ говорятъ визан-

тійскіе писатели, къ нимъ, напр., относятся слова древлянскихъ пословъ, сказанныя княгинѣ Ольгѣ: „наши князи добри суть, иже роспасли суть Деревскую землю". Задружная теорія, являющаяся какъ бы среднею между родовою и общинною, можетъ, на нашъ взглядъ, считаться и наиболѣе пріемлемою для объясненія древнѣйшаго быта тѣхъ небольшихъ союзовъ, изъ которыхъ составлялись наши первоначальныя племенныя княженія-государства: она не отвергаетъ, — какъ дѣлалъ это К. Аксаковъ и др., — родовой или племенной основы въ организаціи этихъ княженій въ историческое время, въ VI—VIII вѣкахъ, но она и не сводитъ, — какъ дѣлали Эверсъ и др., — происхожденія всего строя ихъ къ однимъ родовымъ связямъ, а допускаетъ возможность совмѣстнаго существованія тѣхъ и другихъ, поскольку онѣ уживаются съ экономическими и иными интересами данныхъ союзовъ.

Общій выводъ, который можно сдѣлать изъ предшествовавшаго изложенія, будетъ тотъ, что за нѣсколько вѣковъ до призыва варяжскихъ князей, у насъ были уже налицо всѣ три элемента (территорія, власть, народъ) для образованія небольшихъ государствъ, — первоначально на племенной основѣ (понимая подъ племенемъ соединеніе воедино многихъ родовъ); но эти элементы не находились въ состояніи устойчиваго равновѣсія. Племена постоянно боролись между собою за преобладаніе, за расширеніе своихъ территорій, а равнинный характеръ страны, гдѣ имъ приходилось дѣйствовать, не давалъ племенамъ возможности размежеваться въ своихъ территоріальныхъ распряхъ и затѣмъ осѣсться въ опредѣленныхъ и закрытыхъ отъ вражескихъ нападеній границахъ; наоборотъ, необъятный просторъ страны (особенно на югѣ), не имѣвшей внутри великой восточно-европейской равнины ни трудно-переходимыхъ горъ, ни морей или озеръ, не останавливалъ движенія племенъ по этой равнинѣ, а, наоборотъ, манилъ постоянно въ даль, приводилъ къ бродяжеству племенъ и къ ихъ смѣшенію.

Всѣ три элемента необходимые для образованія государствъ, были налицо, но они были еще очень слабы, неразвиты, неустойчивы: населеніе постоянно переходило съ мѣста на мѣсто, территоріи, занятыя отдѣльными племенами, постоянно перераздѣлялись и то увеличивались, то уменьшались по своему пространству; власть была слаба и очень плохо объединяла населеніе, а равно и защищала границы племенныхъ владѣній. Между племенами была рознь, постоянныя усобицы („и вста родъ на родъ и быша въ нихъ усобици и воевати сами на ся почаша", говоритъ лѣтопись); родовые старѣйшины, сдѣлавшись при объединеніи родовъ въ племена, князьями-царьками не обладали достаточнымъ значеніемъ, чтобъ водворить порядокъ внутри каждаго изъ этихъ небольшихъ княженій-государствъ и чтобъ обезопасить ихъ границы отъ нападеній извнѣ. Чтобъ водворить порядокъ, требовалось усилить, упорядочить одинъ изъ необходимыхъ элементовъ государства — верховную власть. По вѣрному замѣчанію С. М. Соловьева, во внутреннихъ спорахъ нуженъ третій, посторонній. Этимъ третьимъ лицомъ и явились варяжскіе князья. Въ весьма наивной, анекдотической формѣ передаетъ лѣтопись о призваніи князей, но за этой наивною формою скрывается фактъ исторической важности: племена славянскія и финскія, разсѣлившіяся на восточной равнинѣ Европы, нуждались въ нѣкоторомъ мирѣ и порядкѣ, этотъ миръ и порядокъ могъ быть купленъ только путемъ усиленія верховной власти, а усиленіе это всего легче могло быть достигнуто призывомъ посторонней силы, могущей встать надъ борющимися племенами, объединивъ мирно однихъ, покоривъ силою другихъ и т. д.

Остановимся, прежде чѣмъ оцѣнить значеніе призванія князей, на краткомъ изложеніи самого событія. Еще до призванія князей, совершившагося приблизительно въ 862 г., а именно еще въ 859 г. пришли варяги изъ-за моря и наложили дань на Чудь, Словенъ (Ильменскихъ), на Мерю, на Весь и на Кривичей, т. е. на нѣкоторыя славянскія и финскія

племена, обитавшія по Ильмено-Невской, Западно-Двинской рѣчнымъ системамъ, а также по верховьямъ Днѣпра и Волги. Вскорѣ, однако, обложенныя данію племена отказались ее платить и затѣмъ изгнали за море варяговъ. Впрочемъ, дѣла отъ этого изгнанія не пошли у нихъ лучше, племена постоянно воевали другъ съ другомъ: „и вста родъ на родъ, и быша усобицы въ нихъ, и воевати сами на ся почаша". Наскучивъ этими „усобицами", т. е. внутренними раздорами, тѣже племена отправили къ варягамъ-Руси пословъ, съ словами, сдѣлавшимися потомъ столь извѣстными: „земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ, да поидѣте княжить и володѣти нами". Тогда, какъ извѣстно, пришли 3 брата Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, и поселились 1-ый въ Ладогѣ, 2-ой на Бѣлоозерѣ, 3-ій въ Изборскѣ. Если принять во вниманіе цѣль призыва — водвореніе „наряда" въ землѣ, т. е. порядка; если обратить вниманіе на слова „княжить и володѣть (владѣть)", т. е. пользоваться верховною властью; если, наконецъ, вспомнить, что лѣтописецъ, — говоря о дѣятельности 3 братьевъ, непосредственно по ихъ пришествіи въ страну, — указываетъ, что они, водворившись, стали тотчасъ-же „города рубить (т. е. строить укрѣпленныя поселенія) и воевати всюду", то будетъ ясно, что съ прибытьемъ князей-варяговъ, сѣверныя славянскія и финскія племена, ихъ призвавшія, получали возможность имѣть болѣе сильную и крѣпкую, чѣмъ прежде, власть для замиренія своихъ внутреннихъ усобицъ, съ одной стороны, для отраженія внѣшнихъ враговъ, съ другой. Цѣли эти не были, конечно, сразу и всецѣло достигнуты съ водвореніемъ варяжскихъ князей, хотя у нихъ и были готовыя дружины воиновъ; усобицы и раздоры, — коренившіеся, въ сущности, въ естественной борьбѣ отдѣльныхъ племенъ за преобладаніе, — продолжались долго и потомъ, при чемъ были случаи, что къ нимъ давали поводъ и сами варяжскія дружины (извѣстенъ лѣтописный разсказъ о возстаніи противъ Рюрика, произведенномъ, съ цѣлью его изгнанія,

„храбрымъ Вадимомъ“ Новгородскимъ, ввиду „многаго зла“, происшедшаго для новгородцевъ „отъ Рюрика и отъ рода его“). Самъ разсказъ о призывѣ варяговъ не надо понимать буквально, т. е. въ томъ смыслѣ, что съ призывомъ ихъ въ 862 г. сразу основалось русское государство. Есть извѣстія, что варяги-норманны появились у насъ еще въ первой половинѣ IX вѣка въ городахъ, а именно задолго до такъ называемаго ихъ призыва, при чемъ какъ въ IX вѣкѣ, такъ и въ X—XI вѣкахъ они приходили, обыкновенно, къ намъ съ торговыми цѣлями, пробираясь въ Византію; иногда-же (какъ это было въ 859 г.) они не довольствовались этими цѣлями и не являлись только наемными дружинниками у племенныхъ князей, но налагали дани на славяно-финскія племена. Это бывало, вѣроятно, тогда, когда дружины варяговъ были особенно многочисленны и могли не бояться туземнаго населенія. Знакомство этого населенія съ пришельцами изъ-за моря было давнее и вообще было мирнаго характера: лѣтописецъ лишь обобщилъ въ разсказѣ объ единичномъ фактѣ призыва то, что бывало, повидимому, неразъ. Разсказъ его надо понимать, какъ указаніе на то, что племена славянъ и финновъ нуждались въ объединенной и болѣе сильной, чѣмъ власть ихъ туземныхъ князей, власти и просили для этого помощи у варяговъ. Интересно, что по одному лѣтописному разсказу это желаніе имѣть сильную власть, которая бы избавила племена отъ постоянныхъ усобицъ, долго занимало ихъ и они князей искали в е з дѣ — и „межъ себе“ и между другими, — при чемъ варяги вовсе неохотно шли „владѣть“ этими племенами [1]), такъ какъ знали трудность этого, можетъ быть, по неоднократному опыту.

---

1) Въ Никоновской лѣтописи подъ 859 г. читаемъ: „всташа (возташа) Словене, рекше Новогородци, и Меря и Кривичи на Варяги и изгнаша ихъ за море и не даша имъ дани, начаша сами себѣ владѣти и городы ставити; и не бѣ въ нихъ правды и возста родъ на родъ, и рати, и плѣненія, и кровопролитія бепрестани. И по семъ собравшеся рѣша къ себѣ: „поищемъ межъ себѣ, да кто-бы въ насъ князь былъ и владѣлъ нами; поищемъ и уставимъ такового, или отъ насъ, или

Нелишне также будетъ указать на то, что наша лѣтопись, въ разсказѣ о трехъ братьяхъ-князьяхъ призванныхъ установить крѣпкую и сильную власть, сообщаетъ о фактѣ, имѣвшемъ мѣсто и въ исторіи другихъ народовъ: проф. Бестужевъ-Рюминъ въ своей „Русской Исторіи“ отмѣчаетъ, что „по сказанію Видукинда (лѣтописца X вѣка), бритты почти съ подобными-же словами (какъ и наши племена) обратились къ Генгисту и Горзѣ („Terram latam et spatiosam et ommium rerum copia refertam vestrae mandant ditione parere“) и что въ фактѣ призыва „нѣтъ ничего особенно страннаго и нѣтъ причины отвергать его“ (стр. 97 сл. [1]). Но, какъ-бы, однако, ни объяснялся фактъ призыва князей, поселеніе князей и ихъ дружинъ среди разрозненныхъ и борющихся за преобладаніе славянскихъ и финскихъ племенъ имѣло слѣдующія неоспоримыя, хотя и несразу сказавшіяся, слѣдствія: во 1-хъ одинъ изъ слабыхъ и весьма неустойчивыхъ, въ племенныхъ княженіяхъ, элементовъ — верховная княжеская власть, — получилъ возможность нѣсколько усилиться; во 2-хъ, военно-торговыя дружины варяговъ, сравнительно-быстро ассимилировавшіяся съ туземнымъ военно-торговымъ классомъ (а именно — уже къ началу XI вѣка), способствовали образованію великаго княжества Кіевскаго, во главѣ съ г. Кіевомъ, сдѣлавшимся важнымъ торгово-политическимъ центромъ на великомъ водномъ пути изъ Варягъ въ Греки; въ 3-хъ призывъ князей положилъ основаніе внѣшнему единству русской земли нетолько тѣмъ, что одна варяжская династія стала княжить на пространствѣ всей Руси, но и тѣмъ, что варяжскіе князья и ихъ дружины, передвигаясь изъ княжества

отъ Казаръ, или отъ Полянъ, или отъ Дунайчевъ, или отъ Варягъ“. И бысть о семъ молва велія: овѣмъ (однимъ) сего, овѣмъ другого хотяще; таже совѣщавшася, послаша въ Варяги“. Подъ 861 г. таже лѣтопись говоритъ, что когда Новгородцы, Меря и Кривичи позвали варяговъ, сказавъ имъ: „земля наша велика и обильна; поидите владѣти нами“, то „они-же бояхуся звѣринаго ихъ обычая и нрава и едва избраша три брата“...

1) Генгистъ и Горзій — основатели англо-саксонскаго владычества въ Британіи.

въ княжество, помогали взаимному культурному общенію между племенами.

Таковы, въ краткомъ изложеніи, факты самой начальной исторіи нашей: они во всякомъ случаѣ показываютъ, что до образованія русскаго государства, среди разрозненныхъ племенъ, населявшихъ восточную равнину Европы, были нѣкоторые зачатки государственности, но элементы этой государственности — территорія, власть, населеніе — находились еще въ очень неразвитомъ и малоустойчивомъ состояніи. Въ какомъ видѣ эти элементы являются въ I-мъ періодѣ исторіи нашей, т. е., отъ второй половины IX до XIII вѣка, это будетъ отмѣчено ниже.

Отдѣлъ I.

Государственное устройство.

Глава I.

Территорія.

(Понятіе государственной территоріи. Краткій обзоръ событій изучаемаго періода въ ихъ отношеніи къ вопросу о территоріяхъ отдѣльныхъ княжествъ. Наименованіе территорій. Города и пригороды.)

Какъ уже указывалось выше, три основныхъ элемента входятъ въ составъ понятія государства: территорія, верховная власть, населеніе. Совокупность этихъ трехъ элементовъ даетъ содержаніе тому отдѣлу государственнаго права, который носитъ въ наукѣ наименованіе „государственнаго устройства“; вторымъ отдѣломъ является „государственное управленіе“.[1]) Приступая

---

1) Указанія на в а ж н ѣ й ш у ю литературу по исторіи государственнаго права I періода можно найти въ общихъ курсахъ по исторіи русскаго права, каковы курсы проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова („Обзоръ исторіи русскаго права“, изданіе III, Кіевъ, 1900 г.), Д. Я. Самоквасова („Древнее русское право“, М. 1903 г.),

къ изученію перваго отдѣла, остановимся прежде всего на вопросѣ о территоріи. Территоріею называется пространство земли, занимаемое даннымъ государственнымъ союзомъ и подчиненное его верховной власти. Современное государственное право усваиваетъ понятію территоріи рядъ признаковъ, которыхъ не имѣется въ наличности въ теченіи многихъ вѣковъ исторіи и которые лишь съ приближеніемъ къ новому времени начинаютъ, въ той или иной мѣрѣ, признаваться въ законодательствахъ отдѣльныхъ государствъ. Такъ, по современнымъ ученіямъ, власть государства надъ территоріею есть во 1-хъ власть абсолютная, недопускающая никакого посторонняго вмѣшательства извнѣ, или, какъ говорятъ еще, территорія даннаго государства непроницаема для другого государства, безъ соизволенія перваго; во 2-хъ территорія есть народное достояніе и, какъ таковое, неподлежитъ отчужденію или раздѣленію иначе, какъ съ разрѣшенія его верховной власти и въ 3-хъ территорія должна быть едина, т. е. вездѣ, на всемъ ея пространствѣ, должна осуществляться единая верховная власть даннаго государства. Всѣ эти признаки, усваиваемые нынѣ понятію территоріи, осуществляются на практикѣ очень поздно. На Западѣ Европы еще въ средніе

В. И. Сергѣевича („Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права", С.-П., 1903 г., изданіе III) и др. Болѣе подробныя указанія вообще на литературу исторіи русскаго права см. во 1-хъ въ книгѣ Н. П. Загоскина — „Наука исторіи русскаго права. Ея вспомогательныя знанія, источники и литература." (Казань, 1891 г.) и въ его-же сочиненіи — „Исторія права русскаго народа" — (Томъ I, Каз., 1899 г.), гдѣ даются дополнительныя свѣдѣнія по литературѣ исторіи права за послѣдніе годы, и во 2-хъ въ „Исторіи русскаго права" Ѳ. И. Леонтовича (Выпускъ I, Варшава, 1902 г., „Литература исторіи русскаго права"). Для ознакомленія съ первоисточниками исторіи права какъ удѣльно-вѣчеваго періода, такъ и московскаго, наиболѣе важнымъ пособіемъ должно являться сочиненіе В. И. Сергѣевича — „Русскія юридическія древности" (Т. I, изд. II, „Территорія и населеніе", С.-П., 1902 г., томъ II-ой, I выпускъ „Вѣче и князь", II-ой „совѣтники князя", С.-П., 1893 г. и 1896 г.) и „Древности русскаго права" (Т. III, „Землевладѣніе", С.-П., 1903 г.). По русской исторіи необходимо пользоваться „Учебной книгой русской исторіи" С. М. Соловьева (М., 1902 г.) и „Краткимъ пособіемъ по русской исторіи" В. О. Ключевскаго (М. 1903 г.).

вѣка, напр., территоріи отчуждались по волѣ государей, а по смерти ихъ дѣлились между наслѣдниками, какъ частная собственность государей; сама власть вовсе не господствовала безусловно надъ отдѣльными частями территоріи, а, наоборотъ, путемъ такъ наз. „иммунитетовъ“, отдавала многія функціи свои (судебныя, финансовыя и пр.) въ руки частныхъ собственниковъ. Тоже наблюдается и у насъ, по крайней мѣрѣ до конца московскаго періода. Чтоже касается перваго періода, — особенно-же эпохи такъ называемыхъ удѣловъ, — то въ это время государственныя территоріи постоянно отчуждаются и дѣлятся по волѣ князей (частію, впрочемъ, при участіи вѣча), сильные князья вмѣшиваются въ дѣйствія слабыхъ и мало уважаютъ ихъ территоріальное верховенство въ принадлежащей имъ области; власть князей надъ присоединяемыми къ государственной территоріи областями чрезвычайно слаба и долго выражается лишь, по преимуществу, въ одномъ интересѣ — въ сборѣ дани. Правда, въ концѣ XII вѣка со стороны Всеволода III является попытка положить начало единодержавію въ Суздальской землѣ, а со стороны Романа Галицкаго такая-же попытка дѣлается, въ началѣ XIII вѣка, въ землѣ Галицкой, но эти попытки оказываются неудачными и прежде-временными, и въ частности, Суздальской землѣ въ XIII и XIV вѣкахъ пришлось пережить еще удѣльный порядокъ княжескаго владѣнія землями, прежде, чѣмъ понятіе о единствѣ государственной территоріи стало постепенно осуществляться въ исторіи сначала сѣверо-восточныхъ, а затѣмъ и другихъ русскихъ земель.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, перейдемъ къ краткому обзору событій изучаемаго времени, поскольку они имѣютъ отношеніе къ вопросу о территоріи. Въ немногихъ словахъ, первая половина періода, отъ призванія князей до смерти Ярослава Мудраго (862—1054 гг.), послѣ котораго устанавливается у насъ такъ наз. „удѣльная система“ владѣнія княжествами, можетъ быть изобра-

жена такъ: по смерти въ 864 г. братьевъ своихъ, Рюрикъ переселился въ Новгородъ и началъ раздавать мужамъ своимъ грады въ управленіе; изъ мужей Рюриковыхъ двое, а именно Аскольдъ и Диръ, недовольные тѣмъ, что имъ ничего не досталось въ управленіе, отправились на службу въ Царьградъ и по дорогѣ заняли Кіевъ. По замѣчанію одного изъ историковъ нашихъ, Бестужева-Рюмина, у насъ тогда „начинается почти въ одно и тоже время государство на югѣ и на сѣверѣ, т. е. въ Кіевѣ и въ Новгородѣ". Уже Олегъ, княжившій послѣ Рюрика (отъ 879 по 912 гг.) покинулъ Новгородъ и въ 882 г. завладѣлъ Кіевомъ; съ тѣхъ поръ первые князья Рюрикова дома (Игорь, Ольга, Святославъ, Ярополкъ, Владиміръ Св., Святополкъ и Ярославъ) считали всегда своею резиденціею Кіевъ, жизнь-же Новгорода пошла своимъ особымъ и своеобразнымъ путемъ: начало политической свободы, широкая колонизаціонная и торговая дѣятельность лежали въ ея основаніи и создали къ началу XIII вѣка знаменитую Новгородскую республику. Что касается великаго княжества Кіевскаго, то дѣятельность его первыхъ князей до знаменитаго завѣщанія Ярослава, положившаго начало т. наз. удѣльной системѣ (1054 г.), въ отношеніи территоріальномъ, сводится къ передѣлу прежнихъ племенныхъ княжествъ и покоренію обитавшихъ въ нихъ племенъ подъ власть кіевскаго князя; такъ Олегъ покорилъ древлянъ, сѣверянъ, радимичей, вятичей, Игорь — возставшихъ древлянъ, угличей, Святославъ — вятичей, камскихъ болгаръ и хозаръ; слѣдующіе князья продолжали туже политику борьбы за преобладаніе Кіева надъ всѣми прежними княженіями, объединивъ, подъ властію кіевскаго князя, цѣлый рядъ небольшихъ племенъ, хотя и ограничиваясь при этомъ нерѣдко лишь внѣшними признаками покорности, главнѣйшимъ-же образомъ — требованіемъ уплаты дани, затѣмъ помощи въ походахъ предпринимавшихся князьями. Не касаясь всѣхъ территоріальныхъ захватовъ и передѣловъ прежнихъ владѣній, можно отмѣтить слѣдующіе резуль-

таты общаго рода исторіи за время отъ второй половины IX до второй половины XI вѣка: 1) принятіе христіанства; 2) внѣшнее сближеніе прежнихъ разъединенныхъ племенныхъ княженій „подъ рукою“, или подъ властію, великаго князя кіевскаго, что особенно усиливается съ XI вѣка, главнымъ образомъ путемъ замѣны мѣстныхъ племенныхъ князей младшими членами Рюрикова дома; 3) привычка племенъ жить подъ управленіемъ одной общей династіи Рюриковичей; 4) усиленіе торговаго и вообще гражданскаго оборота между отдѣльными княжествами, а равно и тяготѣніе ихъ къ одному торгово-промышленному и культурному центру — Кіеву. Все это было, въ общемъ, большимъ шагомъ впередъ, сравнительно съ эпохою раздѣленія Руси на племенныя княженія, со слабою въ нихъ властію, постоянными усобицами и измѣненіями границъ ихъ территоріи. Конечно, и въ доудѣльномъ княжескомъ періодѣ были междукняжескія распри (между сыновьями Святослава и сыновьями Владиміра Св.), но они, въ общемъ, мало задѣвали интересы самого населенія и, повидимому, не мѣшали достиженію первыми князьями указанныхъ результатовъ, что и сказалось благотворно на развитіи гражданственности въ Кіевской Руси [1]). Поворотъ къ худшему наступаетъ, однако, со смерти Ярослава Мудраго въ 1054 г.: какъ извѣстно, умирая, онъ раздѣляетъ русскую землю между пятью своими сыновьями (давъ Изяславу Кіевъ, Новгородъ и Туровъ, Святославу — Черниговъ, Всеволоду — Переяславль, Вячеславу — Смоленскъ, Игорю — Владиміръ-Волынскій) и тѣмъ полагаетъ начало такъ наз. удѣльной системѣ.

Послѣ смерти Ярослава опять начинаются княжескія усобицы, какъ это было и послѣ смерти Святослава и Владиміра Св., но, по справедливому замѣчанію Соловь-

1) Новѣйшій очеркъ по исторіи Кіевской Руси сдѣланъ Н. Рожковымъ въ его книгѣ „Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія“. (Сп. 1903 г., часть I.)

ева, „теперь первая усобица не оканчивается единовластіемъ одного брата, вслѣдствіе истребленія или бездѣтной смерти другихъ: сыновья Ярослава оставляютъ многихъ дѣтей, которыя продолжаютъ усобицы отцовскія и передаютъ ихъ своимъ дѣтямъ; князья размножаются все больше и больше, и усобицы между ними продолжаются много лѣтъ". Дѣйствительно, если по Ярославову дѣленію 1054 г. русская земля распалась на 5 частей (по числу его, бывшихъ тогда въ живыхъ, сыновей), то въ слѣдующіе два вѣка число этихъ частей постоянно увеличивается. Въ первой половинѣ XII вѣка, — когда въ каждой „землѣ", какъ нерѣдко называетъ лѣтопись отдѣльныя княжества, утвердилась извѣстная линія князей Рюриковичей (за исключеніемъ, впрочемъ, Новгородской земли) — Русь распалась на 10 частей, а именно землю Новгородскую, Суздальскую, Муромо-Рязанскую, Смоленскую, Черниговo-Сѣверскую, Кіевскую, Волынскую и Галицкую. Принадлежа къ одному общему княжескому роду, каждый князь считалъ себя имѣющимъ право на владѣніе тою или иною „землею", смотря по положенію своему въ родѣ (или по своему родовому старшинству), по довѣрію къ нему народа, по своимъ личнымъ качествамъ и удачливости въ военныхъ и другихъ предпріятіяхъ. Такой взглядъ на русскую землю, какъ на достояніе цѣлаго княжескаго рода, между наличными членами коего она могла передѣляться, поддерживалъ неустойчивость территорій отдѣльныхъ княжествъ и велъ, по мѣрѣ разростанія Рюрикова дома, къ дробленію удѣловъ. Но этотъ-же взглядъ поддерживалъ мысль и о единствѣ русской земли, сближалъ одни княжества съ другими: „вслѣдствіе частаго перехода князей изъ одной области въ другую, области эти", говоритъ С. М. Соловьевъ, „находились между собою въ тѣсной связи: смерть Кіевскаго князя была событіемъ одинаковой важности какъ для кіевлянина, такъ и для черниговца и для смольянина, и для отдаленнаго ростовца и новгородца, ибо она влекла за собою перемѣны въ ихъ родныхъ

областяхъ; самыя усобицы княжескія за старшинство, за обладаніе Кіевомъ, укрѣпляли сознаніе о единствѣ земли, потому что вслѣдствіе ихъ сѣверныя дружины стремились на югъ, южныя на сѣверъ; несмотря на огромныя разстоянія между русскими областями, жители ихъ принимали участіе въ дѣлахъ другъ друга, благодаря этой нераздѣльности княжескаго рода." Удѣльная система владѣнія землями не есть особенность русской исторіи, ее переживали и другія государства. Если одно основаніе ея лежало у насъ во взглядѣ князей на русскую землю, какъ на достояніе всего Рюрикова дома, то другое заключалось, какъ намъ кажется, въ самихъ племенахъ, населявшихъ тѣ или иныя княжества и боровшихся другъ съ другомъ за преобладаніе. Съ этой точки зрѣнія заслуживаетъ вниманія мнѣніе В. В. Пассека, который объяснялъ образованіе удѣловъ нестолько княжескими отношеніями, сколько стремленіемъ городскихъ общинъ, стоявшихъ во главѣ отдѣльныхъ земель, къ самостоятельности, а эта самостоятельность обезпечивалась, въ эпоху борьбы однихъ княжествъ съ другими, между прочимъ, полученіемъ своихъ особыхъ князей, которые-бы защищали интересы даннаго города и его земель. Какъ извѣстно, во многихъ земляхъ образовались свои линіи князей и изъ нихъ нѣкоторыя были особенно любимы народомъ. И если князья находили въ народѣ защитника своихъ родовыхъ счетовъ по владѣнію тѣми или иными землями, то это частію объяснялось совпаденіемъ интересовъ народа и князей, такъ какъ едва-ли одни княжескіе взгляды на землю, какъ на свое достояніе, пріобрѣтенное трудами предковъ, могли-бы поддерживать столь-долго удѣльную систему владѣнія княжествами, еслибъ они не находили поддержки въ самомъ населеніи отдѣльныхъ княжествъ, боровшихся между собою, какъ сказано, за преобладаніе.

Перейдемъ теперь къ наименованіямъ государственныхъ территорій изучаемой эпохи и ихъ дѣленіямъ. Вопросъ этотъ представляетъ много спорнаго, главнымъ образомъ потому, что терминологія лѣтописей и другихъ

памятниковъ времени не отличается устойчивостью и точностью. Слова „государства“ еще нѣтъ въ первомъ періодѣ исторіи нашей и понятіе это обозначалось чаще всего словами „земля“ или „волость“ при чемъ первое слово употреблялось нерѣдко также и для обозначенія всѣхъ отдѣльныхъ русскихъ княжествъ вмѣстѣ, какъ единаго цѣлаго, въ противоположность *нерусскимъ*, иноземнымъ государствамъ, съ прибавленіемъ къ слову, земля“ эпитета „русская“ (первоначально, въ X—XII вѣкахъ, собственно — кіевская). Такъ „русская земля“, какъ *цѣлое*, несмотря на раздѣленіе ея на княжества, противополагается землѣ греческой, угорской, болгарской и т. д. Это словоупотребленіе характерно въ томъ отношеніи, что оно показываетъ, что сознаніе единства живетъ между отдѣльными княжествами-государствами, питаясь общностью языка, письменности, религіи и т. п. Подъ 912 г. читаемъ въ лѣтописи, что посланные Олегомъ „сли (послы) придоша къ Ольгови и повѣдаша вся рѣчи обою царю, како створиша миръ и урядъ положиша *межю грецкою землею и русскою*, и клятвы не переступати ни Грецемъ, ни Руси“; подъ 1224 г. лѣтопись сообщаетъ: „бывшю-же съсовѣту (совѣту) всѣхъ князей во градѣ Кыеву, сотвориша съсовѣтъ сице: „лучше ны бы есть пріяти я (татаръ) на чюжой землѣ, нежели на своей“ (т. е. на русской). Такихъ примѣровъ можно указать много. Но, если слово *земля* употреблялось для обозначенія всѣхъ отдѣльныхъ княжествъ въ совокупности, то оно обозначало нерѣдко и отдѣльное княжество-государство: „посланы Деревска земля“ замѣчаютъ, напр., древлянскіе послы княгинѣ Ольгѣ, понимая подъ *землею* свое племенное княженіе; „се азъ одиною своею головою“, говоритъ въ 1187 г. кн. Ярославъ, „удержалъ всю *галичкую землю*“, понимая подъ этимъ наименованіемъ свое княжество; „а изъ своего города въ *чужю землю* свода нѣтуть“, гласитъ Русская Правда (Троицкій списокъ, 35 ст.), говоря о процедурѣ такъ называемаго *свода* или *интерціаціи* (сведенія съ себя на дру-

гого подозрѣнія въ кражѣ), которая должна была производиться въ предѣлахъ лишь одного государства, а не заходила въ другое. Въ значеніи слова „государство“ являлось затѣмъ и слово волость“ (или „власть“). Такое значеніе этого слова можно вывести изъ многихъ мѣстъ лѣтописи и прежде всего изъ знаменитаго текста, относящагося къ 1176 г. и говорящаго о вѣчѣ, какъ объ общемъ явленіи въ земли русской даннаго времени: „Новгородцы бо изначала, и Смолняне, и Кыяне, и Полочяне, и вся власти (т. е. волости), яко-же на думу, на вѣча сходятся; на чтожъ старѣйшіе сдоумаютъ, на томъ-же пригороди стануть“. Волости, какъ отдѣльныя государства-княжества, состояли изъ городовъ и пригородовъ, о чемъ мы скажемъ ниже особо. Новгородцы, въ указанномъ текстѣ, суть жители Новгородской земли, какъ смолняне, кіяне, полочане — жители земли Смоленской, Кіевской и Полоцкой; указавъ, на нихъ, для примѣра, какъ на важнѣйшія, лѣтописецъ справедливо приписываетъ имъ, какъ и всѣмъ другимъ русскимъ землямъ-волостямъ („и вся власти“) одинаковое отношеніе къ вопросу о вѣчѣ. Здѣсь слово волость употреблено въ смыслѣ „государство“, какъ употребляется въ этомъ-же смыслѣ и слово „земля“, а каждое такое государство-княжество (а ихъ было много въ изучаемый періодъ) состоитъ изъ городовъ и пригородовъ. Въ такомъ смыслѣ слово „волость“ употребляется постоянно въ лѣтописи; въ 1196 г., напр. „Всеволодъ (кн. Владимирскій), посла мужи своя къ Ярославу (кн. Черниговскому) и умолви съ нимъ про волость свою и про дѣти своя“; въ 1174 г. „Святославъ ... пойде на Олега и пожьже волость его“; въ 1149 г. кіевляне говорятъ князьямъ Волынскому и Смоленскому „а нынѣ поѣдита въ свои волости“ т. е. въ свои княжества.

По остроумному замѣчанію проф. Сергѣевича нашъ терминъ „власть — волость“ очень хорошо выражаетъ „юридическую природу государственной территоріи:

все, что находится въ предѣлахъ территоріи, состоитъ подъ одною властію, а потому и составляетъ одно государственное цѣлое — волость.“ Мы уже говорили, что территоріею государства надо называть область, находящуюся подъ его верховною властью. Это понятіе государственной территоріи, дѣйствительно, отлично выражается словомъ „волость“, которое тожественно съ словомъ „власть“. Спорнымъ является, однако, вопросъ о томъ, часто-ли слово „волость“ употребляется въ значеніи слова „государства“. По утвержденію проф. Сергѣевича „слово волость означаетъ собственно всякую территорію, состоящую подъ одною властью, а потому одинаково употребляется, какъ для обозначенія цѣлаго государства, такъ и его административныхъ дѣленій, составляющихъ въ правительственномъ отношеніи тоже одно цѣлое, а также и для обозначенія земель, состоящихъ въ чьей либо частной собственности; они тоже состоятъ подъ одною властью.“ На это проф. Владимірскій-Будановъ возражаетъ, что „главное значеніе слова волость есть именно: часть государства, провинція. Для обозначенія цѣлаго государства слово это употребляется въ сравнительно-рѣдкихъ случаяхъ. Терминъ волость („власть“) имѣетъ ближайшее отношеніе къ слову „княженіе“ и означаетъ территорію принадлежащую тому или другому князю .... По этому „волоститься“ значитъ вести спора изъ-за княженій. — Княженіемъ-же именуется всякая область (провинція или цѣлая земля) управляемая княземъ. Признать государствомъ всякое княженіе (и, слѣдовательно, волость) значитъ утратить вовсе твердое представленіе о государственномъ строѣ древней Руси, ибо предѣлы и составъ княженій измѣнялись чуть не ежедневно. Были князья Друцкіе, Бѣлогородскіе, Бужскіе, Трубчевскіе и пр., но никто не утверждаетъ, что были государства Друцкое, Бѣлогородское, Трубчевское и т. д. Одинъ князь могъ владѣть временно нѣсколькими землями.“ Поэтому, проф. Вл.-Будановъ думаетъ, что терминъ „земля ....

точнѣе обозначаетъ какъ объемъ тогдашнихъ русскихъ государствъ, такъ и внутренній характеръ ихъ. Онъ и употребляется въ памятникахъ для означенія государства постоянно.“ // Не касаясь мнѣнія другихъ ученыхъ о значеніи словъ „волость“ и „земля“, какъ наименованій государствъ изучаемой эпохи и ограничиваясь только двуми указанными, надо отмѣтить, что споръ, въ сущности, сводится къ вопросу весьма трудно разрѣшаемому, а именно — какой изъ этихъ 2-хъ терминовъ чаще употреблялся въ данномъ значеніи, т. е. обозначалось-ли государство больше словомъ „земля“, какъ думаетъ проф. Вл.-Будановъ, или словомъ „волость“, какъ думаетъ проф. Сергѣевичъ. Важны, однако, не эти трудно-доказуемыя утвержденія, а то, что оба термина, употреблялись, дѣйствительно, для обозначенія понятія государства, хотя иногда такъ обозначались, конечно, и части его. Чтоже касается словъ проф. В.-Буданова, что „признать государствомъ всякое княженіе (а слѣдовательно, и волость) значитъ утратить вовсе твердое представленіе о строѣ древнѣйшей Руси, ибо предѣлы и составъ княженій чуть не ежедневно мѣнялись“, то на это надо замѣтить, что, конечно, нельзя считать племенныя княженья, какъ и многія удѣльныя княжества, вполнѣ устроенными, развитыми государствами; основные элементы ихъ, верховная власть, территорія и населеніе, еще невполнѣ вообще сложились, а въ частности — территорія отличалась непостоянствомъ границъ и во времени, и въ пространствѣ; это были еще зародышевыя государства, государства-эмбріоны, или такъ наз. „фрагментарныя государства“, у которыхъ не всѣ части ихъ государственнаго тѣла вполнѣ доразвились. Нѣкоторыя изъ нихъ, всѣ эти княжества Друцкія, Бѣлогородскія и т. д., такъ и остались государствами-эмбріонами, слившись затѣмъ съ другими, болѣе сильными; иныя, наоборотъ, развились больше и устояли въ борьбѣ; въ этомъ вся между ними, на нашъ взглядъ, разница.

Волости, какъ указано уже выше, понимаемыя

въ смыслѣ территоріальнаго цѣлаго, или государства, называются еще нерѣдко княженіями. Такъ какъ князья, какъ одинъ изъ составныхъ элементовъ верховной власти данной эпохи (другимъ составнымъ элементомъ ея было вѣче), при всей слабости ихъ власти, признаются необходимыми вездѣ, даже въ такихъ государствахъ-республикахъ, какъ Новгородъ или Псковъ, иначе говоря, ни одна волость и ни одна земля (понимая подъ этими наименованіями территорію всего даннаго государства), не бываетъ безъ князя, то неудивительно, что сами эти территоріи называются княженіями: наименованіе одного изъ элементовъ государства даетъ имя всему государству, что бываетъ въ исторіи и въ болѣе позднія эпохи. Князь есть внѣшнее олицетвореніе единства земли или волости, онъ ея волостель, его именемъ и называется земля или волость, какъ государство. Дѣленіе князьями государственной территоріи на части между своими сыновьями создаетъ новое названіе для даннаго княжества-государства — удѣлъ, т. е. то, что удѣлено тому или другому сыну. Если данный князь сидитъ на столѣ, или престолѣ, отца или дѣда, его княжество можетъ называться также отчиною (вотчиною) или дѣдиною, какъ это ясно изъ многихъ мѣстъ лѣтописи. Таковы наименованія государствъ-княжествъ въ удѣльное время. Постоянное дробленіе государственной территоріи, неустойчивость основаній владѣнія ею — основные факты удѣльнаго періода, отражающіеся внѣшне и на пестротѣ самыхъ названій государственной территоріи. Тотъ, кто называлъ территорію своею отчиною, дѣдиною или удѣломъ и т. д. — ссылался на различныя основанія своего права владѣть ею, отчего и названіе территоріи мѣнялось.

Скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ о внутреннемъ составѣ этихъ государствъ. Каждая земля, или княженіе, состоитъ обыкновенно изъ главнаго города и пригородовъ, стоящихъ отъ него въ политической и экономической зависимости и, при мирномъ

порядкѣ отношеній, ему подчиняющихся, какъ это видно уже изъ приводившагося выше текста лѣтописи, что „на чтожъ старѣйшіе (города) сдумають, на томъ-же пригороды стануть". „Городъ", или „градъ", — первоначально всякое огороженное и укрѣпленное мѣсто,— явленіе изстаринное на Руси; по замѣчанію проф. Ключевскаго „Повѣсть о началѣ русской земли" не помнитъ, когда возникли эти города: Кіевъ, Черниговъ, Смоленскъ, Любечъ, Новгородъ и др." Главнѣйшіе города выросли по торговому пути изъ Варягъ въ Греки, сильно проторенному еще за два слишкомъ вѣка до призыва князей.

Нерѣдко, однако, пригороды, вслѣдствіе удобнаго географическаго положенія, развитія торговли и промысловъ, взаимной борьбы князей за волости и т. п., возвышались и вступали въ соперничество съ главнымъ городомъ земли-государства, достигали при этомъ самостоятельности (какъ это видно на примѣрѣ Пскова, сдѣлавшагося изъ пригорода Новгорода самостоятельнымъ городомъ) и даже превращали старшій, или главный, городъ земли въ пригородъ, (какъ это видно на примѣрѣ Ростова и Суздаля, Владиміра и Москвы). Система удѣловъ не остается безъ вліянія на измѣненіе исторической роли и значенія отдѣльныхъ городовъ и ихъ пригородовъ: волости съ ихъ городами и пригородами, постоянно раздѣлялись князьями между своими дѣтьми, при чемъ, если у даннаго князя въ его волости-княженіи былъ одинъ важный, или старшій, городъ, то онъ отдавался старшему сыну, пригороды-же шли младшимъ сыновьямъ, превращаясь каждый въ главный городъ ихъ удѣловъ. Честолюбивый, удачливый князь, округляя свои владѣнія тѣмъ или инымъ путемъ, тѣмъ самымъ могъ возвышать и значеніе своего города, бывшаго пригорода.

Глава II.

Верховная власть

§ 1.

Понятіе верховной власти и ея организація въ изучаемый періодъ.

Какъ извѣстно, однимъ изъ необходимыхъ элементовъ государства является верховная власть.

Верховная власть есть высшая въ государствѣ власть; она объединяетъ населеніе государства въ одно цѣлое и представляетъ его, какъ таковое, внутри и вовнѣ. Съ понятіемъ верховной власти современное правосознаніе соединяетъ рядъ признаковъ, отличающихъ эту власть отъ всякой другой власти, необходимо присущей каждому общественному союзу, который дѣйствуетъ de jure въ государствѣ. Важнѣйшими изъ этихъ признаковъ можно считать: во 1-хъ неограниченность верховной власти, во 2-хъ ея первообразный, непроизводный и совершенно-независимый отъ всякой другой власти въ государствѣ характеръ, въ 3-хъ ея единство, въ 4-хъ ея непрерывность и въ 5-хъ ея существованіе и дѣйствіе въ интересахъ общаго блага. Всѣ эти признаки свойственны понятію верховной власти лишь на высшихъ ступеняхъ культуры, въ первоначальныя-же эпохи праворазвитія они либо отсутствуютъ, либо отличаются крайней неустойчивостью и полною неопредѣленностью. Что касается внѣшней организаціи верховной власти, или формъ правленія, то въ различныя историческія эпохи организація эта бываетъ весьма непохожа на другую, или, какъ говорятъ, принимаетъ различныя ф о р м ы. Дѣлалось и дѣлается много попытокъ къ классификаціи государственныхъ формъ, древнѣйшая и до сихъ не потерявшая своего значенія

попытка принадлежитъ еще знаменитому греческому философу Аристотелю, который въ своей „Политикѣ“ далъ схему трехъ правильныхъ и 3-хъ искаженныхъ формъ государственнаго устройства. Правильными формами Аристотель называетъ такія, при наличности которыхъ верховная власть преслѣдуетъ общіе интересы, интересы общаго блага, искаженными, при которыхъ ею преслѣдуются собственныя выгоды. Правильными будутъ: монархія, гдѣ верховная власть принадлежитъ одному лицу, аристократія, гдѣ эта власть сосредоточивается въ рукахъ немногихъ, лучшихъ и богатыхъ людей и политія, гдѣ власть находится въ непосредственномъ завѣдываніи большинства гражданъ; искаженными является, какъ противоположность монархіи, тиранія, какъ противоположность аристократіи — олигархія и политіи — демократія; въ олигархіи правятъ немногія въ личныхъ цѣляхъ; въ демократіи господствуетъ бѣдное большинство, преслѣдующее свои цѣли, не заботясь объ общемъ благѣ. Терминологія эта удержалась впослѣдствіи невполнѣ; а именно еще Полибію принадлежатъ нѣкоторыя поправки къ ней, получившія право гражданства въ наукѣ. Такъ Полибій политію, какъ правильную форму, сталъ называть демократіею, вмѣсто-же наименованія демократія предложилъ слово охлократія, т. е. господство толпы, вмѣсто тираніи — деспотія. Затѣмъ еще Полибій развилъ ученіе о такъ наз. смѣшанныхъ формахъ правленія, при которыхъ въ организацію верховной власти входятъ, въ тѣхъ или иныхъ сочетаніяхъ, всѣ три указанныхъ выше элемента, а именно монархическій, аристократическій и демократическій. Полибій, какъ и многіе другіе государствовѣды, считалъ смѣшанную форму правленія наилучшей, такъ какъ, при ея наличности, лучше всего защищаются указанными элементами сложные, и часторазличные другъ отъ друга, государственные и общественные интересы.

Обращаясь, послѣ этихъ небольшихъ предваритель-

ныхъ замѣчаній, къ очерку организаціи верховной власти (или — къ вопросу о формахъ правленія) въ земскій, или удѣльно-вѣчевой, періодъ исторіи нашей, надо сказать, что мнѣнія ученыхъ расходятся въ сужденіи о томъ, къ какому типу надо отнести формы правленія названнаго періода. Можно указать три группы мнѣній: по одному мнѣнію, въ Кіевѣ сложилась чистая монархія, въ Новгородѣ — чистая (или правильная) демократія; по другому — верховная власть вмѣщала въ себѣ два изъ указанныхъ элементовъ, а именно, въ лицѣ вѣча — демократическій, въ лицѣ князя — монархическій; согласно третьему, въ лицѣ Княжеской или Боярской Думы, къ указаннымъ двумъ элементамъ, присоединялся третій — аристократическій, т. е., иначе говоря, по мнѣнію второй и третьей группы ученыхъ, организація верховной власти, или форма правленія, носила у насъ смѣшанный характеръ. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о государственномъ устройствѣ Новгорода, надо, на нашъ взглядъ, признать, что въ прочихъ княжествахъ третій элементъ, аристократическій, не достигъ большаго развитія, такъ что едва-ли Княжеская Дума изучаемаго періода можетъ считаться сословно-аристократическимъ учрежденіемъ, подобнымъ Боярской Думѣ московскихъ государей, какъ ввиду того, что само боярство (какъ земское, такъ и дружинное) являлось еще классомъ, а не сословіемъ (какъ это будетъ отмѣчено нами особо), такъ и ввиду того, что аристократическій элементъ, поскольку онъ имѣлся налицо, не выдѣлился еще вполнѣ отъ элемента демократическаго, что, между прочимъ, видно изъ того, что тоже боярство входило въ составъ вѣчевыхъ собраній. Правильнѣе поэтому и Думу изучаемаго періода называть не Боярскою, а Княжескою. Наличность, какъ намъ кажется, лишь 2-хъ элементовъ въ составѣ верховной власти изучаемаго періода, а именно демократическаго и монархическаго, вызываетъ изученіе вопроса объ организаціи въ данное время верховной власти съ двухъ точекъ зрѣнія: надо изучить отдѣльно вопросъ о

вѣчѣ и вопросъ о князѣ и затѣмъ отмѣтить (на сколько это представляется возможнымъ въ общемъ очеркѣ) взаимное отношеніе этихъ элементовъ; говоримъ „насколько возможно“ потому, что, хотя оба элемента, обыкновенно, сопутствуютъ другъ другу, и гдѣ есть князь, тамъ есть и вѣче (какъ и наоборотъ) но соотношеніе между этими элементами не является, однако, вполнѣ устойчивымъ и постояннымъ, почему всякое обобщеніе въ данномъ случаѣ должно быть принимаемо съ осторожностью. Взаимныя отношенія указанныхъ элементовъ не опредѣлялись вообще никакими-либо точными и продолжительно-дѣйствовавшими юридическими постановленіями, а обычнымъ правомъ, которое само отличается большою подвижностью и измѣняется, смотря по обстоятельствамъ даннаго мѣста и времени. Наши предки вообще не любили юридической опредѣленности въ отношеніяхъ и это сказывается на многихъ явленіяхъ древней жизни, между-же прочимъ и на весьма важномъ вопросѣ объ организаціи верховной власти въ изучаемый періодъ и на соотношеніи основныхъ ея элементовъ. „Вѣчевыя собранія въ разныхъ волостяхъ древней Россіи далеко не были строены по одному шаблону“, справедливо говоритъ проф. Латкинъ и „значительно отличались другъ отъ друга въ отношеніи значенія и власти. Наибольшимъ вліяніемъ пользовались они въ сѣверныхъ волостяхъ: въ Новгородѣ и Псковѣ, гдѣ вѣче являлось значительной политической силою и сосредоточивало въ себѣ все управленіе княжествами. Власть князя въ вышеназванныхъ народоправствахъ далеко не могла конкурировать съ властью вѣча и князь скорѣе былъ исполнительнымъ органомъ по отношенію къ вѣчу, чѣмъ соучастникомъ его верховной власти. Иначе представлялось дѣло въ южныхъ и сѣверо-восточныхъ княжествахъ. Здѣсь вѣче также было существеннымъ элементомъ быта и также исполняло политическія функціи, но и князь пользовался большимъ вліяніемъ, власть котораго конкурировала съ властью вѣча, а въ нѣкоторые періоды времени и совсѣмъ затмѣвала по-

слѣднюю. Если провести параллель между сѣвернымъ и южнымъ вѣчемъ, то увидимъ, что первое имѣло болѣе устойчивую основу, чѣмъ второе, отличавшееся скорѣе случайнымъ характеромъ, чего не было у перваго". (Земскіе соборы, стр. 45.) Но и помимо этихъ 2-хъ типичныхъ формъ отношеній князя и вѣча, которыя, по возможности, будутъ нами отмѣчаться при дальнѣйшемъ очеркѣ, есть немало второстепенныхъ, измѣняющихся и по мѣсту, и по времени. Воспроизведеніе всѣхъ этихъ чертъ невозможно въ общихъ обзорахъ, а доступно лишь при монографическомъ изученіи вопроса.

Послѣ сказаннаго, перейдемъ къ вопросу о вѣчѣ, а затѣмъ и о князѣ.

§ 2.

Вѣче.

(Понятіе о вѣчѣ; порядокъ, время и мѣсто созыва вѣча. Отношеніе вѣча главнаго города къ вѣчу пригородовъ. Вопросъ о законныхъ и незаконныхъ вѣчевыхъ собраніяхъ. Предметы вѣдомства вѣчевыхъ собраній. Причины паденія вѣчеваго строя.)

Вѣче есть непосредственное народное собраніе, состоящее изъ свободныхъ и полноправныхъ гражданъ, созываемыхъ для обсужденія и рѣшенія наиболѣе важныхъ и общихъ дѣлъ данной „волости" или „земли". Въ этомъ своемъ качествѣ вѣче является исконнымъ и повсемѣстно распространеннымъ учрежденіемъ нетолько у русскихъ, но и у другихъ славянскихъ племенъ, аналогичныя-же ему учрежденія можно найти у древнихъ германцевъ и вообще у арійцевъ [1]). Что касается затѣмъ въ частности русскихъ славянъ, то слова лѣтописца, относящіяся къ 1176 г., о томъ, что — „Новгородцы бо изначала, и Смолняне, и Кыяне, и Полочане, и вся власти (т. е.

1) По утвержденію извѣстнаго англійскаго ученаго Фримана „развитіе политическаго строя во всѣхъ странахъ Европы отправляется отъ одного общаго основанія — племеннаго вѣча". („Сравнительная политика", переводъ Коркунова,) стр. 144 сл.

волости), якоже на думу на вѣча сходятся, на что-же старѣйшіи сдумають, на томъ-же пригороди станутъ“ — не оставляютъ сомнѣнія какъ относительно изстариннаго (по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ — даже доисторическаго) происхожденія вѣча, такъ и относительно его распространенности по всѣмъ тогдашнимъ русскимъ княжествамъ; эти слова находятъ затѣмъ себѣ многочисленныя подтвержденія во всевозможныхъ извѣстіяхъ, начиная съ VI вѣка, когда о славянскихъ вѣчахъ разсказывалъ византійскій писатель Прокопій и до начала XIV вѣка, когда вѣчевыя собранія вездѣ, кромѣ Новгорода и Пскова (гдѣ они просуществовали до XVI вѣка) стали постепенно угасать и исчезать.

Вѣче созывалось, обычно, по мѣрѣ надобности, какъ самими гражданами, такъ княземъ или другимъ какимъ-либо органомъ власти. Прибытіе на вѣче гражданъ разсматривалось, какъ ихъ право, а не какъ обязанность и лѣтопись знаетъ немало случаевъ, когда граждане не шли на вѣче, созванное княземъ, или кѣмъ-либо изъ согражданъ, или-же собирались особо, на другое вѣче. Попытка нѣкоторыхъ ученыхъ доказать, что наши вѣчевыя собранія имѣли періодическій характеръ, не имѣетъ за себя достаточно данныхъ, хотя у германскихъ племенъ такія собранія были извѣстны (Frühlingsding, Herbstding и т. п.) Число участниковъ вѣчевыхъ собраній также не было опредѣлено и очень было измѣнчиво. Въ Новгородѣ и Псковѣ вѣче собиралось, какъ извѣстно, по звону колокола и лѣтопись знаетъ даже техническое выраженіе „звонити вѣче“ которое употреблялось для обозначенія созыва вѣчеваго собранія; въ Кіевскомъ княжествѣ было другое еще выраженіе для того-же созыва: „вабить“ на вѣче, т. е. звать, просить. Созывали на вѣче, какъ сказано, обычно, князья или ихъ посадники, чрезъ особыхъ лицъ (биричей, подвойскихъ), вообще объявлявшихъ народу всякія распоряженія власти. Бывали, однако, случаи созыва вѣча и самими гражданами.

Вѣче собиралось какъ въ городахъ, такъ и пригоро-

дахъ, иногда-же и внѣ ихъ, какъ-то бывало во время походовъ, или когда площадь города или пригорода не вмѣщала большаго наплыва народа, и т. п. Въ такихъ городахъ, какъ Новгородъ и Кіевъ, были особыя излюбленныя мѣста для собранія вѣча, какъ напр., у Св. Софіи и на Ярославовомъ дворѣ; также у Св. Софіи и на Ярославовомъ дворѣ на Торговищѣ, у Туровой божницы — въ Кіевѣ. Но, какъ по отношенію къ времени вѣчевыхъ собраній, такъ и по отношенію къ мѣсту ихъ созыва, нельзя утверждать ничего точно-опредѣленнаго: если и были, какъ указано, излюбленныя мѣста вѣчевыхъ собраній, то нерѣдки весьма были случаи созыва вѣча въ любомъ мѣстѣ, особенно, когда граждане сразу и одновременно созывались на два, на три вѣча въ одномъ и томъ-же городѣ, что бывало, когда предстоящіе къ обсужденію вопросы возбуждали страстныя разногласія, когда народныя партіи не приходили заранѣе къ соглашенію.

Весьма важнымъ является вопросъ объ отношеніи вѣчевыхъ собраній главныхъ городовъ и пригородовъ. Здѣсь надо различать два вопроса, а именно во 1-хъ вопросъ о томъ, имѣли-ли пригороды право созывать вѣчевыя собранія, независимо отъ таковыхъ-же собраній главнаго города и, если имѣли, то въ какомъ отношеніи были ихъ рѣшенія къ рѣшеніямъ вѣча главнаго города, и во 2-хъ участвовали-ли пригорожане въ вѣчевыхъ собраніяхъ главнаго города и, если участвовали, каково было ихъ отношеніе къ постановленіямъ вѣча главнаго города? Вѣчевыя собранія, несомнѣнно, могли созываться и въ пригородахъ и, если взаимныя отношенія послѣднихъ къ главнымъ городамъ были въ данное время мирнаго характера, а рѣшенія ихъ не противорѣчили общимъ интересамъ главныхъ городовъ — ихъ постановленія признавались послѣдними; наоборотъ, при враждебности и борьбѣ за преобладаніе, которая нерѣдко велась между пригородами и городами, дѣло рѣшалось силою, открытою взаимною борьбою. Въ свою очередь,

при мирныхъ отношеніяхъ пригороды подчинялись рѣшеніямъ вѣчевыхъ собраній городовъ (и къ такимъ именно отношеніямъ надо примѣнить слова лѣтописца о томъ, что „на что-же старѣйшіи сдумають, на томъ-же пригороды стануть"), тѣмъ болѣе, что извѣстны случаи, когда жители пригородовъ приглашались на вѣчевыя собранія городовъ и такимъ образомъ сами участвовали въ ихъ рѣшеніяхъ. Въ 1136 г., напр., „новгородцы призваша пльсковичи (т. е. псковичей) и ладожане и сдумавше, яко изгонити князя своего Всеволода". Но, когда мирныя отношенія портились, когда въ особенности молодшіе города, т. е. пригороды, чувствовали свой ростъ и силу относительно главнаго города волости и стремились вступить съ ними въ борьбу за самостоятельность, тогда, естественно, пригороды постановляли свои рѣшенія, города — свои и дѣло могло разрѣшиться только усобицею, если стороны не приходили раньше къ какому-либо соглашенію; лѣтописи знаютъ случаи и того и другого исхода дѣла.

Мы уже отмѣтили выше кратко, гдѣ, когда, кѣмъ и какъ созывались вѣчевыя собранія, указавъ, что въ разрѣшеніи этихъ вопросовъ на практикѣ нельзя констатировать полнаго однообразія и опредѣленности. Послѣднее обстоятельство дало поводъ къ возбужденію въ историко-юридической литературѣ нашей вопроса о томъ, всѣ-ли вѣчевыя собранія, о которыхъ извѣстно изъ лѣтописей, могутъ быть названы правильными, законными, или бывали вѣча незаконныя и самовольныя? Одни ученые, какъ, напр., Неволинъ, признавали законнымъ вѣчемъ только такое, которое созвано княземъ и посадникомъ и непремѣнно на дворѣ Ярослава; по мнѣнію И. Д. Бѣляева, къ вѣчамъ неправильнымъ или чрезвычайнымъ относятся тѣ, которыя созывались во время борьбы партій; они не имѣли опредѣленнаго мѣста и созывались колокольнымъ звономъ; правильные-же созывались биричами и подвойскими. Этомнѣніе раздѣляется частію и проф. Владимірскимъ-Будановымъ,

который во 1-хъ подъ вѣчемъ въ тѣсномъ юридическомъ смыслѣ разумѣетъ „собраніе полноправныхъ гражданъ старшаго города земли“, во 2-хъ тайныхъ вѣчевыхъ собраній не считаетъ вѣчами въ означенномъ тѣсномъ смыслѣ слова, явныя-же собирались въ нормальномъ мѣстѣ, которое онъ называетъ законнымъ, полагая, что „мѣсто собраній немало значило для законности ихъ“. Проф. Сергѣевичъ, разбирая всѣ эти мнѣнія[1]), наоборотъ, думаетъ, что „дѣленіе вѣчевыхъ собраній на законныя и незаконныя есть продуктъ нашего времени. Оно совершенно чуждо сознанію древней эпохи и несогласно съ существомъ дѣла“. Затѣмъ проф. Сергѣевичъ указываетъ справедливо, что князь и посадникъ могли быть внѣ города, что вѣче могло собраться противъ нихъ, что не мѣсто рѣшало вопросъ о законности собранія, что созваніе вѣча колоколомъ не составляетъ отличительнаго признака неправильныхъ собраній, что колоколомъ созывали вѣче и сами князья, что тайными вѣчевыя собранія могли быть только отъ князя и т. д. Спрашивается, которое изъ указанныхъ мнѣній болѣе правильно? На нашъ взглядъ, проф. Сергѣевичъ правъ постольку, поскольку онъ указываетъ на невозможность, по внѣшнимъ признакамъ, судить о томъ, надо-ли считать это или другое вѣчевое собраніе правильнымъ или нѣтъ, такъ какъ, несомнѣнно, сами эти признаки не отличались опредѣленностью и устойчивостью. Нельзя, затѣмъ, конечно, говорить также о законности и незаконности вѣчевыхъ собраній въ томъ смыслѣ, въ какомъ-бы могли говорить объ этой законности и незаконности по отношенію къ любому изъ современныхъ общественныхъ собраній, разрѣшенныхъ по закону, и которымъ самъ законъ поставилъ извѣстныя усло-

1) См. его сочиненіе „Вѣче и князь“ (Русс. юрид. древности, т. II, выпускъ I), стр. 97 и сл. Въ сочиненіи этомъ, по отношенію къ указаннымъ двумъ вопросамъ, собраны всѣ почти главныя мѣста изъ лѣтописей и другихъ памятниковъ изучаемаго времени, почему оно и является, между прочимъ, важнымъ пособіемъ при ихъ изученіи.

вія существованія, нарушеніе коихъ можетъ имѣть послѣдствіемъ признаніе даннаго собранія незаконнымъ по составу, порядку рѣшенія дѣлъ и т. д. Но въ возбужденіи вопроса о законныхъ и незаконныхъ, или чрезвычайныхъ, вѣчахъ есть, однако, по нашему мнѣнію, нѣкоторое основаніе. Весьма вѣроятно, что при мирномъ спокойномъ теченіи дѣлъ въ данной волости-государствѣ были налицо и примѣнялись на практикѣ обычныя, всѣми признаваемыя и соблюдаемыя, формы созыва вѣчевыхъ собраній въ опредѣленномъ мѣстѣ, извѣстнымъ способомъ, открыто и т. д. Но эти формы, однако, легко нарушались при партійной борьбѣ и при всякихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, а это и даетъ право различать, во всякомъ случаѣ, два вида вѣчевыхъ собраній, мирные, обычные, и чрезвычайные, при которыхъ многія привычныя формы не соблюдались сторонами.

Правильнѣе поэтому говорить не о законныхъ и незаконныхъ вѣчахъ, а о вѣчахъ обыкновенныхъ, мирныхъ, и о чрезвычайныхъ.

Такъ или иначе, но вѣче было собрано. Спрашивается, каковъ былъ на немъ порядокъ обсужденія и рѣшенія дѣлъ? Порядокъ этотъ опять-таки не предписывался какими-либо строго-установленными юридическими правилами, а создавался обычаемъ и соблюдался лишь постольку, поскольку участники вѣчевыхъ собраній склонны были сами признавать его необходимость и неприложность. Когда вѣчевое собраніе было мирно, соблюдался нѣкоторый порядокъ относительно преній: собраніе открывалъ князь, или посадникъ (въ Новгородѣ), или вообще то лицо, которое созвало вѣче, и открывало указаніемъ на цѣль собранія, затѣмъ выступали отдѣльныя лица съ своимъ словомъ, обыкновенно — бояре или старцы градскіе, лучшіе люди; особыхъ предсѣдателей не было. Пренія часто велись очень шумно, но тѣмъ не менѣе весьма нерѣдко, — какъ это многократно отмѣчается лѣтописью, — приводили къ единодушному рѣшенію: рѣшенія нерѣдко постановлялись

„однодушно," „въ одиначество", „въ одиночество", т. е. — буквально понимая это слово — единогласно, „съ одного", какъ говоритъ лѣтопись и т. п. Единодушное рѣшеніе, или, собственно говоря, единогласное рѣшеніе, требовалось обычаемъ во 1-хъ потому, что голосованія, или рѣшенія дѣлъ по большинству голосовъ, не было вовсе въ обычаѣ, а во 2-хъ потому, что трудно было-бы привести въ исполненіе такое рѣшеніе вѣчевого собранія, за которое, хотя и высказалось большинство, но, большинство сравнительно слабое. Поэтому вѣчевыя собранія обычно продолжались до тѣхъ поръ, пока не достигалось „одиначества", или, во всякомъ случаѣ, пока большинство, стоявшее за данноэ рѣшеніе, не являлось подавляющимъ, такъ что незначительное, количественно и качественно, меньшинство ему уступало, замолкало, удалялось, а не шло уже силою противъ рѣшенія даннаго собранія. Но таковъ былъ лишь возможный случай исхода вѣчевыхъ собраній, случай мирный и въ общемъ, вовсе нерѣдкій, особенно въ критическія времена, переживавшіяся данною волостію-государствомъ, когда сознаніе въ необходимости единодушія возрастало въ народѣ пропорціонально опасностямъ. Возможно было однако, что, при совѣщаніяхъ на вѣчевыхъ собраніяхъ, мнѣнія участниковъ совершенно расходились и не могли быть приведены вовсе къ какому-либо мирному соглашенію: тогда происходили распри, усобицы, созывалось одновременно 2—3 вѣча; въ Новгородѣ, напр., одинъ конецъ города шелъ на другой, происходили цѣлыя битвы, длившіяся иногда продолжительное время: въ 1388 г., напр., три конца Софійской стороны въ Новгородѣ возстали на новгородскаго посадника, Есипа Захарьевича, созвонили вѣче у св. Софіи и затѣмъ напали и разграбили домъ посадника; послѣдній бѣжалъ на Торговую сторону, которая и заступилась за него; произошло затѣмъ междоусобіе: „и такъ быша" говоритъ лѣтопись, „безъ мира по двѣ недѣли, и потомъ

снидошася въ любовь, и даша посадничество Василію Ивановичу". Въ 1242 г. нѣкій „Онцифоръ съ Матвѣемъ созвонили вѣче у Св. Софіи, а Федоръ и Ондрѣшко другое созвониша на Ярославѣ дворѣ", результатомъ-же этихъ двухъ одновременныхъ вѣчевыхъ собраній была усобица: стала „сія страна (сторона) собѣ, а сія собѣ", т. е. городъ раздѣлился. Описывая эти усобицы, лѣтописецъ нерѣдко говоритъ затѣмъ о мирномъ, въ концѣ концевъ, исходѣ ихъ: стороны, наконецъ, приходили послѣ долгихъ и иногда кровавыхъ распрей къ соглашенію, „и возвеличенъ былъ крестъ, а діаволъ посрамленъ былъ"; „и по усобной той рати, поидоша вся пять концовъ въ одиночество", или „и съидошася братья въ купѣ одиодушно" — говоритъ лѣтописецъ, т. е., иначе говоря, первоначальное вѣче, собравшееся для рѣшенія того или иного дѣла и непришедшее ни къ какому общему рѣшенію, находило его таки затѣмъ, послѣ взаимной и сильной борьбы сторонъ, такъ какъ жизнь требовала, конечно, созданія когда-либо мирнаго modus'a vivendi и компромисса въ рѣшеніи дѣлъ. Не надо, однако, думать, что здѣсь всегда достигалось дѣйствительное „одиначество" или „одиночество" т. е. полное единогласіе сторонъ; въ дѣйствительности, нерѣдко миръ означалъ лишь то, что побѣжденные сдавались передъ побѣдителями, какъ болѣе сильною стороною, и отказывалась, то навсегда, то лишь на время, отъ защиты своихъ притязаній. Если имѣло мѣсто послѣднее, борьба при первой возможности возобновлялась снова, опять собирались враждебныя другъ другу вѣчевыя собранія, опять одна сторона шла на другую и т. д. Это обстоятельство въ корень подрывало значеніе самой вѣчевой организаціи, такъ какъ не давало устойчивости въ разрѣшеніи дѣлъ и не обѣщало мира странѣ.

Въ томъ случаѣ, когда вѣчевое собраніе приходило къ единодушному рѣшенію, никѣмъ неоспариваемому, его постановленіе, въ наиболѣе важныхъ и сложныхъ случаяхъ, записывалось и облекалось въ особую вѣчевую

грамоту, или особый актъ. Таковы, напр., записи о призывѣ князей (древнѣйшая такая запись упоминаемая въ памятникахъ, относится къ 1175 г.) „ряды“ или договоры съ князьями. Больше всего вѣчевыхъ грамотъ дошло до насъ отъ Новгорода, что и понятно, ввиду того значенія, какое имѣло новгородское вѣче, какъ политическая сила; древнѣйшая грамота, о которой имѣются извѣстія, относятся къ началу XIII вѣка (1209 г.) Исполненіе вѣчевыхъ рѣшеній въ мирное время возлагалось на князя; во время внутреннихъ усобицъ нерѣдко само вѣче приводило въ исполненіе свои постановленія, не останавливаясь при этомъ и передъ насиліемъ.

Какова-же была компетенція вѣча или, что тоже, предметы его вѣдомства? Предметы вѣдомства вѣча не ограничивались одною какою-либо функціею управленія, въ широкомъ смыслѣ этого слова, т. е. они не были исключительно законодательными, административными, или судебными, но могли касаться всѣхъ сторонъ и вопросовъ государственной жизни, разъ тѣ и другія казались населенію, принимаемому часто живое участіе въ вѣчевой жизни, заслуживавшими вниманія и требовавшими всенароднаго обсужденія и рѣшенія. Больше всего и чаще всего занимало вниманіе вѣча установленіе отношеній къ другому элементу верховной власти времени, а именно — къ князьямъ: призваніе однихъ князей и смѣщеніе другихъ, заключеніе съ ними особыхъ условій, участіе или неучастіе въ ихъ военныхъ походахъ, дача или отказъ имъ въ денежной помощи — вотъ важнѣйшіе вопросы, разрѣшавшіеся вѣчемъ. Затѣмъ, несомнѣнно, вѣчевыя собранія принимали участіе (въ важнѣйшихъ, по крайней мѣрѣ случаяхъ) въ законодательной дѣятельности, являлись, кромѣ того, въ извѣстныхъ случаяхъ судебною инстанціею, наконецъ, не оставляли безъ вниманія важнѣйшихъ дѣлъ исполнительныхъ или административныхъ, несмотря на то, что судебно-административная функція управленія, по преимуществу, лежала въ сферѣ непосредственной и личной дѣятельности

самихъ князей. Разберемъ особо каждую изъ указанныхъ сторонъ дѣятельности вѣча, и прежде всего по отношенію къ князьямъ.

Порядокъ наслѣдованія въ княжествахъ, со времени призванія князей, опредѣлялся не однимъ какимъ-либо точнымъ и всѣми соблюдаемымъ принципомъ, а нѣсколькими. Однимъ изъ этихъ принциповъ было начало избранія князей вѣчемъ; отъ второй половины X вѣка, когда въ 970 г. Новгородцы избрали себѣ Владиміра Святославича, до второй половины XII вѣка, идутъ время отъ времени извѣстія лѣтописи о призваніи и смѣщеніи князей вѣчемъ. Многія изъ этихъ извѣстій изложены подробно, иногда даже драматично, и оставляютъ то впечатлѣніе, что монархическій элементъ признавался всегда необходимымъ въ составѣ верховной власти и князя надо было волостямъ добыть во что-бы то ни стало; даже Новгородъ, въ эпоху наибольшаго расцвѣта его развитія, не обходился безъ князя. Въ 1112 г., напр., скончался кіевскій князь Михаилъ-Святополкъ и вотъ „наутрія-же, въ семы на девятый день", гласитъ лѣтопись, „совѣтъ створиша кіяне, послаша къ Володимеру, глаголюще: „пойде, княже, на столъ отенъ и дѣденъ. Се слышавъ Володимеръ плакася вельми и не пойде... И послаша паки кіяне къ Володимеру, глаголюще: „пойде, княже, Кіеву; аще ли не пойдеше, то вѣси, яко много зла уздвигнеться"... Въ 1151 г., напр., былъ въ Полоцкѣ кн. Рогвольдъ Борисовичъ; онъ былъ затѣмъ свергнутъ полочанами, но они-же тотчасъ „послаша къ Святославу Ольговичу съ любовію, яко имѣти отцомъ его и ходити въ послушаніи его, и на томъ цѣловаша крестъ". Въ 1176 г. ростовцы, по смерти кн. Михалка, призываютъ къ себѣ Мстислава Ростиславича, говоря: „поиде, княже, къ намъ, Михалка Богъ поялъ... а мы хощемъ тебя, а иного не хощемъ". Подъ 1146 годомъ лѣтописецъ отмѣчаетъ, что „неугоденъ былъ кіянамъ Игорь и послаша къ Переяславлю къ Изяславу, рекучи: „пойде, княже, къ намъ, хощемъ тебе; ты нашъ князь, поѣди.

Ольговичъ (т. е. у Ольговичей) не хочемъ быть, аки въ задничи; гдѣ узримъ стягъ твой, ту и мы съ тобою готови есмь" т. е. кіевляне не хотятъ переходить отъ брата къ брату, какъ бы по наслѣдству. Вѣче такимъ образомъ выбирало однихъ князей и смѣщало или „казало путь" другимъ. Какъ отмѣчено выше, избраніе князей не было единственнымъ способомъ занятія стола тѣмъ или инымъ княземъ и изъ 50-ти князей, занимавшихъ, напр., Кіевскій столъ, только 14 было призвано вѣчемъ (Н. Рожковъ, Обзоръ рус. исторіи, стр. 75); но во всякомъ случаѣ оно имѣло важное значеніе (особенно — въ Новгородѣ) и весьма характерно для пониманія сущности отношеній, бывшихъ тогда между княземъ и вѣчемъ. Сами князья, обыкновенно, признавали это избраніе необходимымъ и только въ рѣдкихъ, сравнительно, случаяхъ это избраніе вело къ военнымъ дѣйствіямъ со стороны другихъ князей. Сажая на престолъ того или иного князя, вѣче данной волости или княженія, обыкновенно, заключало „рядъ" съ нимъ, или договоръ, въ которомъ обѣ стороны цѣловали крестъ, т. е. взаимно обѣщали другъ другу исполненіе тѣхъ или другихъ условій: князь долженъ былъ держать свою волость по старинѣ, т. е. соблюдая старые обычаи, не долженъ былъ никого обижать, всѣхъ любить и т. п. Договоры эти съ половины XII вѣка были уже письменные, но ни одинъ изъ договоровъ XII вѣка не дошелъ до нашего времени; отъ XIII вѣка дошло за то много договоровъ князей съ Новгородомъ; думаютъ (проф. Сергѣевичъ и др.), однако что, если изъ новгородскихъ договоровъ исключить тѣ пункты, которые содержали въ себѣ условія, касавшіяся спеціально ограниченія власти князей въ пользу Новгорода, то изъ остальныхъ можно вывести общее заключеніе о содержаніи этихъ договоровъ вообще въ русскихъ княжествахъ XII—XIII вѣка. По новгородскимъ договорнымъ грамотамъ князь не долженъ былъ править и судить безъ посадника (а безъ посадника ти, княже, ни волостей раздавати, а безъ посад-

ника ти, княже, не судити), посадникъ-же съ XII вѣка былъ выборнымъ лицомъ въ Новгородѣ и выбирало его вѣче; въ отсутствіи князя посадникъ замѣнялъ его и предѣлы его власти почти совпадали съ предѣлами княжеской власти, по утвержденію проф. Вл.-Буданова. Князь, далѣе не могъ смѣщать безъ суда правительственныхъ лицъ („а безъ вины ти, княже, мужа волости не лишати"); эти правительственныя лица должны были назначаться изъ мужей новгородскихъ („волостей всѣхъ новгородскихъ . . . не держати своими (княжими) мужами, но держати мужи новгородскими"); князь, его княгиня и служилые люди не пріобрѣтаютъ недвижимостей въ новгородскихъ волостяхъ. Кромѣ этихъ особыхъ ограниченій власти, умѣстныхъ de jure въ Новгородѣ и Псковѣ, (хотя de facto встрѣчавшихся частію въ другихъ княжествахъ) существовали ограниченія, которыя были, вѣроятно, общими и для другихъ княжествъ: таковы, напр.. статьи, опредѣляющія размѣры доходовъ князей и ихъ мужей и др.

Какъ сказано уже было выше, вѣче принимало участіе въ законодательствѣ: до насъ дошли двѣ знаменитыя судныя грамоты, а именно Псковская и Новгородская, являющія весьма важными памятниками права XIV и XV вѣковъ и обѣ грамоты несомнѣнно, были дѣломъ вѣча, были вѣчевыми постановленіями. Въ текстѣ I-ой сказано, что она составлена „всѣмъ Псковомъ на вѣчѣ," въ текстѣ второй — „се покончаша посадники Ноугородскіе и тысяцкіе Ноугородскіе и бояря, и житьи люди, и купцы, и черные люди, вся пять концовъ, весь Государь Велики Новгородъ на вѣчѣ на Ярославлѣ Дворѣ." Затѣмъ, къ законодательной дѣятельности вѣча надо отнести договоры Новгорода съ князьями (древнѣйшій — отъ 1265 г.), съ нѣмцами и др. Вѣче вообще играло важную роль во внѣшнихъ сношеніяхъ русскихъ княжествъ съ иноземными государствами. Такъ оно принимало участіе въ договорахъ: договоръ Игоря, напр., съ греками въ 945 г.

былъ заключенъ отъ имени „вел. князя русскаго, и отъ всякая княжья, и отъ всѣхъ людій русскія земли“; оно рѣшало нерѣдко вопросъ о войнѣ или мирѣ, то отказывая князьямъ въ помощи, то давая эту помощь людьми или деньгами; оно иногда объявляло войну и заключало миръ.

Вѣче было иногда участникомъ правительственной и судебной дѣятельности князей: оно требовало смѣны или назначенія посадниковъ и тіуновъ; оно судило князей и другихъ правительственныхъ лицъ. Впрочемъ, все это было лишь въ исключительныхъ случаяхъ, кромѣ Новгорода и Пскова, гдѣ, наоборотъ, это представлялось обычнымъ дѣломъ вѣча. Въ общемъ, участіе вѣча въ дѣлахъ правленія было значительно, но не отличалось, однако, достаточной опредѣленностью и постоянствомъ, оно не было настолько твердо организованнымъ, чтобъ быть необходимымъ и неизбѣжнымъ во всѣхъ аналогичныхъ случаяхъ; наоборотъ, нерѣдко можно было найти его участіе тамъ, гдѣ трудно было этого ожидать, и, въ свою очередь, не видѣть слѣдовъ его тамъ, гдѣ оно должно было-бы быть. Кромѣ Новгорода и Пскова, гдѣ отношенія вѣча къ княжеской власти и къ другимъ вопросамъ государственной жизни приняло характеръ юридической опредѣленности и вылилось въ рядъ договоровъ, въ другихъ княжествахъ вѣче не доразвилось ни до постояннаго состава, ни до ясно-опредѣленной, постоянной и всѣми неприложно-признаваемой компетенціи, ни до твердой и устойчивой силы, съ которой князья должны были-бы всегда считаться, а являлось лишь учрежденіемъ, которое дѣйствовало настойчиво и энергично, хотя и не всегда мирно, главнымъ образомъ въ исключительныхъ обстоятельствахъ. Между тѣмъ съ половины XII вѣка стали надвигаться событія, которыя должны были остановить развитіе вѣчевой жизни вездѣ (кромѣ Новгорода и Пскова, которыхъ они не коснулись) и тѣмъ подготовить паденіе

вѣча, какъ необходимаго элемента верховной власти и какъ собранія, принимавшаго участіе въ дѣлахъ государственнаго управленія, въ широкомъ смыслѣ этого слова. Къ такимъ событіямъ прежде всего надо отнести нашествіе татаръ и послѣдовавшее затѣмъ монгольское иго. Хотя юго-западная Русь, во главѣ съ Кіевомъ, начинаетъ экономически падать задолго до этого нашествія, послѣднее приводитъ ее окончательно къ разоренію. Нашествіе татарскихъ ордъ, сопровождавшееся грабежами и захватомъ въ плѣнъ свободнаго населенія, не могло не подорвать матеріальнаго положенія южно-русскихъ земель и косвенно повело къ паденію вѣча: бѣдствующему населенію долго не было затѣмъ возможности заниматься общественными дѣлами, требующими и досуга, и экономическаго достатка, ему нерѣдко въ пору лишь было заботиться о внѣшней своей безопастности и о кускѣ хлѣба. Кромѣ того, „нашествіе татаръ (по справедливому замѣчанію автора указаннаго уже выше изслѣдованія „Вѣче и князь“, В. И. Сергѣевича) „впервые познакомило русскія княженія съ властью, съ которою нельзя входить въ соглашеніе, которой надо подчиняться безусловно. Почва для развитія вѣчевой дѣятельности была сразу уничтожена, ханы татарскіе не имѣютъ надобности входить въ соглашеніе съ народомъ. Они достаточно сильны, чтобъ приказывать ему“ (стр. 34).

Затѣмъ татарское иго произвело измѣненіе и въ самомъ положеніи князей, а это отразилось на ихъ отношеніи къ вѣчамъ, какъ къ политической силѣ, съ которою они прежде считались. Теперь такою силою явились ханы, къ нимъ на поклоненіе нужно было ѣздить, отъ нихъ надо было ждать возвышенія или паденія, а не считаться съ народомъ, обложеннымъ ордынскою данью и зависимымъ. Таковы были внѣшнія обстоятельства, воспрепятствовавшія дальнѣйшему развитію вѣча на юго-западѣ и на востокѣ. Наоборотъ, на сѣверо-западѣ, незахваченномъ татарскимъ погромомъ, вѣче продолжало развиваться. Но было-бы слишкомъ односторонне при-

писывать одному татарскую нашествію и послѣдовавшему за нимъ игу постепенное замираніе вѣчеваго начала. Были и причины внутреннія: вѣче есть непосредственное народное собраніе, на которое сходятся (или могутъ сходиться) всѣ взрослые граждане даннаго княжества-государства, оно могло развиваться и хорошо функціонировать въ небольшихъ государствахъ-волостяхъ, въ которыхъ политическая жизнь сосредоточивалась въ главномъ городѣ волости и гдѣ пригороды были зависимы отъ города и ему подчинялись. Если, наряду съ главнымъ городомъ, и росли другіе города въ данномъ государствѣ-волости, то они, либо жили до времени въ мирномъ подчиненіи къ главному городу, либо съ ростомъ своего могущества отдѣлялись отъ него и сами становились во главѣ другого государства-волости. Въ сущности, первоначально вся политическая жизнь этихъ небольшихъ государствъ сосредоточивалась въ одномъ главномъ городѣ, вѣче котораго имѣло первенствующее значеніе. Но чѣмъ больше росла территорія даннаго государства, чѣмъ больше въ немъ появлялось важныхъ торгово-промышленныхъ центровъ, тѣмъ, конечно, все меньше и меньше могло, съ одной стороны, сохраняться правильное, мирное соотношеніе городовъ и пригородовъ, тѣмъ все труднѣе и труднѣе было, съ ростомъ территоріи, призывать гражданъ къ фактическому участію въ управленіи, такъ какъ центры данныхъ княжествъ все болѣе и болѣе удалялись отъ его окраинъ. Ростъ территоріи ослаблялъ вѣчевое народовластіе уже въ кіевскій періодъ; еще больше ослабилъ онъ его въ Москвѣ: чѣмъ больше росло московское государство, тѣмъ меньше было возможно созывать непосредственныя вѣчевыя собранія; вмѣсто непосредственнаго участія народа въ правленіи можно лишь было создать участіе его чрезъ представителей, что и явилось въ лицѣ земскихъ соборовъ.

Наконецъ, вѣчевое устройство, какъ уже указывалось, нигдѣ, кромѣ Новгорода и Пскова, не облеклось въ твердыя опредѣленныя формы и въ этомъ была

причина его внутренней слабости, которой пользовались сильные князья еще въ удѣльно-вѣчевой періодъ. Вѣчевое народовластіе не примирило, кромѣ того тѣхъ классовыхъ и иныхъ несогласій, неурядицъ и раздоровъ, какіе сказались уже рано въ нашей исторіи. Крупное землевладѣніе и рабовладѣніе, съ одной стороны, необезпеченное экономическое сельское населеніе, съ другой, неустойчивость отношеній между князьями и народомъ, невозможность, — при раздробленіи государствъ на мелкія единицы, — отражать нападеніе такихъ сильныхъ и многочисленныхъ враговъ, какъ печенѣги, половцы, татары, паденіе, благодаря этому, торговли и промысловъ по великому водному пути изъ Варягъ въ Греки (паденіе, начавшееся сказываться еще въ первой половинѣ XII вѣка и послѣ нашествія татаръ достигшее своего апогея), уходъ населенія съ юго-запада на сѣверо-востокъ — вотъ что завершаетъ исторію Кіевской Руси, создавая тѣмъ необходимость новыхъ порядковъ, развившихся уже совсѣмъ въ другомъ центрѣ Руси — въ Москвѣ. Если къ этому мы прибавимъ слабость вообще верховной власти въ данное время и постоянные раздоры князей изъ-за своихъ династическихъ счетовъ, неустойчивость началъ, по которымъ распредѣлялись волости между князьями, то сложность причинъ, обусловившихъ вообще паденіе Кіевской Руси, а въ частности и ея вѣчевыхъ порядковъ, едва-ли будетъ подлежать сомнѣнію. Интересно также отмѣтить, что еще задолго до нашествія татаръ историки наши находятъ уже явные признаки упадка экономическаго благосостоянія юго-западныхъ княжествъ и указываютъ на сильный отливъ ихъ населенія на сѣверо-востокъ, чѣмъ и подготовляется развитіе новаго политическаго центра, на иныхъ уже началахъ, въ Москвѣ; татарское нашествіе, отъ котораго такъ пострадала юго-западная Русь, лишь завершило процессъ давняго происхожденія: „отливъ населенія и торжество степныхъ кочевниковъ, закрывавшихъ пути внѣшней торговли, главнаго источника богатства Кіевской Руси“, говоритъ проф. Ключевскій,

„вели къ обѣднѣнію Кіева и его области, роняли цѣну кіевскаго стола въ глазахъ князей и такимъ образомъ лишали Кіевъ его прежняго значенія, какъ политическаго центра Русской земли“ („Краткое пособіе по рус. ист.“ стр. 36).

§ 3.

Князь.

(Характеръ власти князей и отношенія ихъ къ народу. Предметы вѣдомства княжеской власти внутри государства. Дѣятельность князей по внѣшней оборонѣ княжествъ. Порядокъ распредѣленія волостей между князьями. Взаимныя отношенія князей.)

Уже одно то обстоятельство, что, какъ племенные князья-старѣйшины, такъ и князья Рюрикова дома, во весь изучаемый періодъ, должны были считаться съ вѣчемъ, дѣлало ихъ власть ограниченою; не могли вліять на ея укрѣпленіе и развитіе и другія обстоятельства изучаемаго времени, а именно, прежде всего, неустойчивость началъ, на основаніи коихъ распредѣлялись столы между князьями, и, какъ слѣдствіе этого, постоянное перемѣщеніе князей изъ одного княженія въ другой. Князья должны были постоянно поддерживать, пребывая на томъ или иномъ столѣ, „одиначество“ (или согласіе) съ народомъ, отъ котораго находились часто въ зависимости, какъ по отношенію къ матеріальнымъ средствамъ, такъ и по отношенію къ нравственному авторитету своей власти: было „одиначество“, были и деньги, и люди для военныхъ походовъ, и данный князь правилъ землею съ большею, чѣмъ другіе, свободою; не было такого согласія и довѣрія, заключался „рядъ“ съ княземъ, ставились ему тѣ и другія условія пользованія властію, напр., назначеніе судей (тіуновъ) и другихъ должностныхъ лицъ съ согласія народа, опредѣлялся размѣръ княжескихъ доходовъ и т. п. Это „одиначество“ съ народомъ считалось вполнѣ необходимымъ и князья должны были его добиваться. Въ 1154 г. умеръ, напр., въ Кіевѣ кн.

Вячеславъ; ему долженъ былъ наслѣдовать племянникъ его Ростиславъ, бывшій соправителемъ еще при его жизни, по выбору самихъ кіевлянъ. Ростиславъ былъ въ это время въ походѣ противъ суздальскаго князя Юрія; узнавъ о смерти дяди своего Вячеслава, онъ вернулся въ Кіевъ, похоронилъ его, а затѣмъ, желая продолжать походъ противъ союзниковъ Юрія, обратился къ мужамъ своимъ за совѣтомъ, а тѣ сказали ему: „се Богъ поялъ стрыя (дядю) твоего Вячеслава, а ты еси съ людьми Кіева не утвердилъ, а поѣди лепле въ Кіевъ, тоже съ людми утвердися". Въ 1176 г. „Михалко (сынъ Юрія Долгорукаго) ѣха... Ростову и створи людемъ весь порядъ, утвердився крестнымъ цѣлованіемъ съ ними". Изъ этихъ, какъ и многихъ другихъ подобныхъ, примѣровъ видно, что князя должны были, вступая на княженіе, сговариваться съ народомъ и эти сговоры или ряды были уже общимъ явленіемъ въ XII вѣкѣ; къ сожалѣнію тексты этихъ „рядовъ" не дошли до насъ ни отъ одного изъ княжествъ, кромѣ Новгорода. О договорахъ-же съ Новгородомъ мы уже говорили; въ нихъ ограниченіе княжеской власти достигло высшаго своего развитія, хотя эти ограниченія развились уже позднѣе, а именно къ началу XIII вѣка. Въ остальныхъ-же княжествахъ они, несомнѣнно, не имѣли такого значенія и объема, какъ въ Новгородѣ; но что они частію существовали и здѣсь, на это есть много указаній; а это, въ свою очередь, наглядно свидѣтельствуетъ о необходимости для князей считаться съ волею вѣча.

Власть князей являлась такимъ образомъ ограниченною необходимостью входить въ соглашеніе съ народомъ. На чемъ-же покоилось общее основаніе этой власти и какова была ея компетенція? Что касается перваго вопроса, то, кратко отвѣчая на него, надо сказать, что общее основаніе княжеской власти покоилось на необходимости имѣть постоянный и личный органъ для защиты страны отъ внѣшнихъ враговъ и для устроенія порядка внутри ея.

Вѣче не было постоянно-дѣйствующимъ учрежденіемъ, а собиралось лишь въ неопредѣленные сроки, по мѣрѣ надобности и рѣшало лишь наиболѣе важныя и общія дѣла и рѣшало нерѣдко послѣ продолжительной и упорной борьбы партій; между тѣмъ нужна была власть постоянная, личная, подвижная и всегда доступная населенію, нужно было лицо, которое-бы судило, поддерживало миръ и тишину, оберегало-бы страну отъ внѣшнихъ враговъ и т. п. Вѣче могло-бы, конечно, само изъ себя выдѣлить такой органъ, выбирая изъ среды самой земщины тѣхъ или иныхъ лицъ для отправленія текущихъ дѣлъ суда и управленія, а затѣмъ и для защиты волостей отъ враговъ. Такіе органы и выбирались какъ въ племенныхъ княженіяхъ, такъ позднѣе въ Новгородѣ, гдѣ, напр., съ XII вѣка явились выборные вѣчемъ посадники, кругъ власти коихъ почти совпадалъ съ кругомъ власти князя, а также тысяцкіе. Но племенные князья оказывались безсильными водворить порядокъ, выборъ-же позднѣйшимъ вѣчемъ своихъ собственныхъ органовъ власти является возможнымъ только тамъ, гдѣ само вѣче, какъ въ Новгородѣ и Псковѣ, достигло болѣе опредѣленной и постоянной организаціи, чего не было въ другихъ княжествахъ. Впрочемъ, и въ самомъ Новгородѣ наличность выборныхъ вѣчемъ и постоянныхъ представителей власти вѣча не сдѣлало излишнею совершенно княжескую власть, а лишь повело къ ея ограниченію. Это значитъ, что въ народной средѣ жило сознаніе необходимости организаціи независимой, личной и постоянной власти, а такою властью могла быть лишь власть посторонняя и монархическая. Демократическій принципъ требовалъ себѣ дополненія въ принципѣ монархическомъ.

Разсматривая подробно отношенія князя къ вѣчу, проф. Сергѣевичъ приходитъ къ тому общему выводу, что „война никогда не ведется противъ князя вообще, какъ формы государственнаго быта, она ведется противъ отдѣльныхъ личностей княжескаго рода. Самый же принципъ княжескаго правленія остается

незыблимымъ . . . . Народъ сознаетъ свою неспособность устроиться безъ князя и вмѣстѣ съ тѣмъ понимаетъ необходимость дать ему высокое положеніе въ своей средѣ, безъ чего не было-бы возможно достиженіе цѣлей призванія. Князь есть народная власть“ (Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи права, стр. 143). Но именно потому, что князь былъ властью народною, т. е. властью, — какъ понимаемъ это мы, — которая должна была найти себѣ признаніе со стороны народа, онъ и долженъ былъ считаться съ народными нуждами и интересами; наглядно это и выражалось въ томъ „рядѣ“, или договорѣ, который заключалъ князь съ вѣчемъ, какъ народнымъ собраніемъ.

Обратимся къ опредѣленію предметовъ вѣдомства князя. Князь былъ, какъ уже сказано, постоянно-дѣйствующимъ элементомъ верховной власти, въ противоположность вѣчу, собиравшемуся лишь время отъ времени, при томъ лишь для обсужденія и рѣшенія важнѣйшихъ общихъ дѣлъ. Общее опредѣленіе компетенціи князя — это завѣдываніе текущими дѣлами управленія и суда внутри государства, наблюденіе за безопасностью ея границъ и отраженіе ея враговъ — внѣ его. Первоначально, при небольшихъ размѣрахъ княженій, князья должны были, и могли, исполнять означенныя функціи власти сами лично; если-же они и назначали, для исполненія отдѣльныхъ своихъ порученій, кого-либо изъ своихъ мужей, то они не должны были, однако, упускать ихъ дѣйствій изъ своею непосредственнаго и постояннаго наблюденія. Идеаломъ древняго князя можетъ считаться, какъ извѣстно, Владиміръ Мономахъ. Несмотря на то, что онъ княжилъ уже въ началѣ XII вѣка, — т. е., во второй половинѣ изучаемаго періода, когда княженія территоріально весьма разрослись и когда прежнія простыя условія жизни князей и населенія стали измѣняться и осложняться, — въ его „Поученіи дѣтямъ“ указываются, однако, черты этой личной и непосредственной

дѣятельности князя въ рѣшеніи текущихъ дѣлъ управленія и суда, дѣятельности, представлявшейся, вѣроятно, въ первую половину періода, при первыхъ варяжскихъ князьяхъ, совершенно обычной, а именно: самъ князь первоначально ходилъ на полюдье и собиралъ дани, самъ судилъ населеніе, самъ отражалъ нападеніе враговъ или шелъ на нихъ походомъ и. т. д. Въ поученіи Владиміра Мономаха говорится, между прочимъ, о томъ, что князья, „ходяще путемъ по своимъ землямъ“ (т. е. ѣздя, какъ надо объяснить эти слова, для сбора дани), не должны „давать пакости дѣяти отрокомъ (т. е. младшимъ дружинникамъ) ни своимъ, ни чужимъ, ни въ селѣхъ, ни въ житѣхъ, да не кляти (ихъ, князей) начнутъ (люди)“. Описывая ежедневное времяпровожденіе князя, Владиміръ Мономахъ рекомендуетъ сыновьямъ „садиться думать съ дружиною или людей оправливати“, т. е. совѣщаться съ своею Княжескою Думою и самому творить судъ. Говоря о самомъ себѣ, Владиміръ Мономахъ сообщаетъ, что „еже было творити отроку моему, то самъ есмь створилъ дѣла, на войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день на зною и на зимѣ, не дая себѣ упокоя, на посадники не зря, ни на биричи, самъ творилъ, что было надобѣ . . . . Тоже и худого смерда и убогая вдовицы не далъ есмь сильнымъ обидѣти“ . . . . Первоначально, въ IX—X вѣкахъ князья все дѣлали непосредство сами, имѣя лишь очень немного возлѣ себя личныхъ органовъ своей власти; эти личные органы имѣетъ и князь XII вѣка и, конечно, имѣетъ ихъ въ бо́льшемъ, чѣмъ прежде, количествѣ и въ разныхъ видахъ, но, однако, Владиміръ М. совѣтуетъ князьямъ все дѣлать самимъ, „на посадники не зря, ни на биричи“. Усложненіе, съ теченіемъ времени, задачъ управленія и суда, ростъ территоріи необходимо требовалъ, какъ мы увидимъ далѣе, созданія, а затѣмъ и увеличенія, числа разнообразныхъ органовъ власти и они уже есть частью налицо, какъ сказано, въ это время, но идеалъ настоящаго князя требуетъ, од-

нако, чтобъ онъ, либо лично исполнялъ функціи своей власти, либо-же, по крайней мѣрѣ, самъ непосредственно слѣдилъ за выполненіемъ ихъ въ томъ случаѣ, когда онъ сажалъ, вмѣсто себя, мужей своихъ, или поручалъ биричамъ объявлять свою волю и т. д. Въ чемъ-же состояли функціи князя? Примѣняясь къ современной терминологіи, надо бы было сказать, что его непосредственному исполненію принадлежали функціи высшей власти законодательной, административной и судебной, поскольку всѣ онѣ были различимы въ это время и поскольку каждая изъ нихъ не входила въ компетенцію вѣча. Разсмотримъ кратко каждую изъ этихъ функцій.

Въ древнѣйшіе періоды исторіи источникомъ права является не законъ, а обычай. Народныя представленія о правѣ и справедливости, на первоначальныхъ ступеняхъ культуры, живутъ въ сознаніи всѣхъ и устно передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе; при простыхъ и несложныхъ условіяхъ жизни эти представленія отличаются сами большою простотою и не требуютъ для своего приложенія къ жизни никакой особой принудительности, такъ какъ соблюдаются населеніемъ въ силу убѣжденія въ ихъ неприложности и необходимости. Съ развитіемъ письменности начинаютъ появляться записи этого обычнаго права, при чемъ первоначально записываются обычаи, ввидѣ судебныхъ рѣшеній.[1]) Затѣмъ столкновеніе съ иностранными народами вызываетъ также необходимость усиленной записи своихъ обычаевъ, въ цѣляхъ согласованія своего обычнаго права съ иноземнымъ: таково частію происхожденіе первыхъ нашихъ договоровъ съ греками X вѣка и договоровъ западно-русскихъ княжествъ (Новгорода, Смоленска, Полоцкой и Галицкой земли) съ нѣмцами отъ XII и XIII вв. Принятіе христіанства приноситъ къ намъ

1) Объ обычномъ правѣ, древнѣйшемъ и современномъ, болѣе подробныя указанія см. въ статьѣ моей „Народное обычное право, какъ историческій матеріалъ“ (Русская Мысль, 1886 г., № 9).

византійское право, которое тоже начинаетъ медленно усвояться, вліять на наше обычное право и въ свою очередь видоизмѣняться, согласно мѣстнымъ условіямъ. На этой почвѣ встрѣчи своего и чужаго права, своихъ и чужихъ юридическихъ представленій о правѣ, и зарождается, между прочимъ, необходимость законодательной дѣятельности князей: князья даютъ свое утвержденіе, или свою санкцію, какъ обычаямъ мѣстнымъ, такъ и рецепированному чужому праву, облекаютъ его въ свои „уставы“, какъ называются у насъ первыя законодательныя опредѣленія князей. Такъ еще Владиміръ Святой далъ такой уставъ, а именно „уставъ о церковныхъ судахъ“ и про него-же говоритъ лѣтопись, что онъ „съ новыми отцы нашими епископы снимаяся (т. е. совѣтуясь) часто, совѣщаяся, какъ въ человѣцихъ сихъ, новопознавшихъ Господа, законъ уставити“ и что онъ-же думалъ съ дружиною объ „уставѣ земленѣмъ“ т. е. земскомъ. Такіе-же уставы церковные давались и другими князьями, напр. Ярославомъ Владиміровичемъ въ XI вѣкѣ, кн. Всеволодомъ Новгородскимъ въ половинѣ XII вѣка и др. Затѣмъ есть точныя свѣдѣнія о цѣломъ рядѣ договоровъ и отдѣльныхъ постановленій князей по разнымъ вопросамъ; нѣкоторыя изъ этихъ постановленій вошли въ „Русскую Правду“. Какъ извѣстно, эту „Русскую Правду“ долго приписывали Ярославу Мудрому, основываясь, какъ на томъ, что въ нѣкоторыхъ спискахъ она носитъ наименованіе „Устава вел. князя Ярослава“, такъ и на томъ, что въ лѣтописи есть такой разсказъ объ Ярославѣ: послѣ битвы съ кіевскимъ княземъ Святополкомъ „отпусти ихъ (новгородцевъ Ярославъ) домовъ и давъ имъ правду и уставъ списавъ, глаголавъ такъ: по сей грамотѣ ходите, якоже писахъ вамъ, тако“ . . ; за этимъ разсказомъ идетъ текстъ древнѣйшей Правды. Но Русская Правда не есть, однако, оффиціальный кодексъ, составленный княземъ или его совѣтниками, но есть лишь частное собраніе судебныхъ рѣшеній,

которыя содержатъ въ себѣ обычное право, затѣмъ собраніе княжескихъ уставовъ, нормъ византійскаго права, примѣнявшихся на русской почвѣ и т. п. Такъ, что касается княжескихъ уставовъ, то въ Русской Правдѣ есть постановленія нетолько Ярослава, но и его сыновей. Вообще надо сказать, для пониманія сущности законодательной дѣятельности князей изучаемаго періода, слѣдующее: разъ было необходимо нормамъ обычнаго права, а равно и всякимъ другимъ (напр., реципированнымъ изъ иноземныхъ источниковъ нормамъ) придать обязательную силу[1]), т. е. требовать ихъ примѣненія на практикѣ принудительно, наказывая такъ или иначе за ихъ неисполненіе, то для этого нужно было, чтобъ ихъ „уставили“ (какъ тогда говорили) князья, или иначе говоря, было нужно, чтобъ князья, какъ представители общественной власти, ихъ санкціонировали, т. е. утвердили своимъ именемъ. На это утвержденіе затѣмъ ссылались; такъ, напр., въ Русской Правдѣ говорится: „а се уставилъ в. кн. Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ“ (говорится относительно законовъ о процентахъ); или „яко уставилъ Изяславъ“ (говорится о пени за убійство „конюха стараго у стада“) и т. д. Прежде чѣмъ утвердить то или иное постановленіе, или, иначе говоря, прежде чѣмъ превратить его въ обязательную норму закона, князья нерѣдко совѣщались съ своею Думою, о чемъ скажемъ особо. Неисключено было при этомъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, какъ уже извѣстно, прохожденіе первоначальныхъ проектовъ этихъ постановленій чрезъ обсужденіе, а затѣмъ и утвержденіе вѣча (особенно, конечно, въ Новгородѣ и Псковѣ), но, въ общемъ, уже въ изучаемый періодъ къ непосредственной дѣятельности князей

1) Мы говоримъ: разъ было необходимо . . . и пр., а такая необходимость являлась, обыкновенно, при спорахъ сторонъ о пониманіи тѣхъ или иныхъ положеній обычнаго права, при осложеніи интересовъ и ихъ столкновеніи, когда заинтересованныя стороны разно толкуютъ эти положенія.

надо отнести обсужденіе тѣхъ или иныхъ юридическихъ вопросовъ, а затѣмъ санкціонированіе ихъ, ввидѣ уставовъ и другихъ законовъ.

Обращаясь къ административной и судебной дѣятельности князей, надо прежде всего отмѣтить, что первоначально она не была особенно широка: князья „рубили города“ т. е. строили крѣпости, сажали, вмѣсто себя, по этимъ городамъ, для суда и управленія, мужей своихъ, или посадниковъ, чинили сами судъ, собирали дани и уроки. Древнѣйшіе уставы князей касались главнымъ образомъ опредѣленія даней, пошлинъ и повинностей въ пользу князей и ихъ мужей. Объ этомъ можно заключить и изъ лѣтописи, и изъ Русской Правды, и изъ другихъ памятниковъ. По лѣтописи, напр., еще княгиня Ольга, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Святославомъ, ѣздила по землѣ Древлянской „уставливающи уставы и уроки“; затѣмъ, поѣхавъ въ Новгородъ, она установила „по Мстѣ погосты и дани, по Лугѣ дани и оброки“. Первоначально дани собирались черезъ полюдье, т. е. хожденіе по людямъ, при чемъ при этомъ опредѣлялись нерѣдко и тѣ натуральныя повинности, которыя должно было нести населеніе (напр., повозъ, мостовщина и др.), а равно назначались пошлины, торговыя и судебныя, которыя должны были сбираться, первыя — съ товаровъ, вторыя-же — съ рѣшенія дѣлъ въ судахъ. Опредѣленій этого рода дошло до насъ много: таковъ, напр., „урокъ Ярославль о поклонахъ вирныхъ“ т. е. о пошлинахъ въ пользу вирника, или лица собиравшаго виры, пени за убійства, шедшія въ пользу князя (по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, вирникъ — судья), „урокъ мостниковъ“, т. е. пошлина въ пользу лицъ, завѣдывавшихъ мощеніемъ и др., о которыхъ говорится въ Русской Правдѣ.

Что касается судебной функціи князя, то она разсматривается въ изучаемый періодъ, какъ необходимая и главная; она исполняется княземъ, либо лично, либо черезъ особыхъ имъ поставленныхъ мужей, посадниковъ и тіуновъ, дѣйствующихъ всегда отъ его имени и по его

порученію: „княжій судъ“, „княжья правда“, т. е., правосудіе или судъ князя, „княжій дворъ“ — вотъ обычныя выраженія источниковъ, указывающія, между прочемъ, на то, что судъ исходилъ отъ князя, производился на его дворѣ. Лѣтопись многократно указываетъ на то, что судебная функція въ волости должна непосредственно выполняться княземъ и чѣмъ чаще и энергичнѣе онъ ее исполняетъ самъ, тѣмъ больше было ему чести и тѣмъ лучше населенію. Когда, напр., великій князь кіевскій Всеволодъ Ярославовичъ состарился и мало сталъ самъ заниматься дѣлами, то тогда (говоритъ лѣтопись подъ 1093 г.) — „начаша тіуны грабити, людей продавати, сему (т. е. Всеволоду) не вѣдущу“; а до людей „не стала доходить княжая правда“, т. е. личное его правосудіе. Не даромъ и Владиміръ Мономахъ рекомендовалъ позднѣе дѣтямъ своимъ самимъ „людей оправливати“ т. е. творить судъ. Когда кн. Ростиславъ Мстиславовичъ кіевскій, какъ разсказываетъ лѣтопись подъ 1168 г., хотѣлъ уйти въ монастырь, игуменъ Печерскаго монастыря Поликарпъ совѣтовалъ ему лучше остаться въ міру и исполнять свое прямое дѣло, а именно „правду дѣяти на семъ свѣтѣ, въ правду судъ судити“. Но, однако, нетолько въ XII вѣкѣ, но уже и въ IX—XI вѣкахъ самимъ князьямъ судить всегда лично населеніе было весьма трудно, даже въ городахъ, гдѣ они постоянно жили; въ волостяхъ-же своихъ они бывали лишь наѣздомъ и только тогда могли править свой „проѣзжій судъ“, какъ его называетъ одинъ договоръ. Поэтому очень рано появляются особыя довѣренныя лица, тіуны и посадники, вѣдающія судебную функцію князя по его порученію. Народное сознаніе, однако, дѣлаетъ всегда князя отвѣтственнымъ за этотъ судъ, предполагая, что онъ стоитъ постоянно подъ его личнымъ наблюденіемъ. Весьма картинно этотъ взглядъ высказанъ въ бесѣдѣ кн. Константина Полоцкаго съ тверскимъ епископомъ Симеономъ: „Князь вспроси владыки: гдѣ быть тіуномъ нашимъ на томъ свѣтѣ? И рѣче владыко: гдѣ и князь.

Князь же о томъ не полюби владыку, глаголя: тіунъ не право судитъ, мзду емлетъ, зло дѣетъ; язъ что дѣю? И рече ему владыко: аще будетъ князь добръ и жалуетъ люди и того ради избираетъ властеля мужа добра, страха Божія полна, разумна и праведна; князь будетъ въ раи, и тіунъ его съ нимъ. Аще-ли будетъ князь безъ страха Божія и христіанъ не имать жаловати, и онъ поставляетъ властелина зла, невѣдуща; только-бы ему кунъ (деньги) добывалъ... и князь будетъ во адѣ и тіунъ его съ нимъ".

Нечего говорить, что непосредственное исполненіе княземъ судебной функціи не исключало возможности ея исполненія и вѣчемъ, впрочемъ, лишь въ чрезвычайныхъ случаяхъ, напр., по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ и другимъ важнымъ дѣламъ, напр., о разбояхъ, грабежахъ и пр.

Такова была власть князя въ изучаемый періодъ въ ея основныхъ функціяхъ по управленію государствомъ. Что касается внѣшней дѣятельности по отношенію къ сосѣднимъ княжествамъ, русскимъ и иноплеменнымъ, то, въ общемъ, она сводилась къ оборонѣ земли, отраженію нападенія враговъ, при случаѣ-же — къ расширенію границъ княженія, путемъ войнъ или мирныхъ соглашеній. Отношенія къ сосѣднимъ княжествамъ были въ удѣльный періодъ чрезвычайно спорны и запутаны; мы ихъ разсмотримъ особо. Что же касается собственно роли князей по отношенію къ оборонѣ страны отъ внѣшнихъ нападеній, то, ввиду того значенія, какое играла внѣшняя торговля въ исторіи Кіевской Руси IX и X вѣковъ, сама оборона эта приняла, по мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ нашихъ, особый характеръ: „дань, шедшая князю, питала", по выраженію проф. Ключевскаго, „внѣшнюю торговлю. Этотъ-же основной общественный интересъ направлялъ и внѣшнюю дѣятельность кіевскихъ князей. Дѣятельность эта была направлена къ двумъ цѣлямъ: 1) къ пріобрѣтенію и удержанію заморскихъ рынковъ, 2) къ расчисткѣ и охранѣ торговыхъ путей, которыя вели къ этимъ рынкамъ" (ib., стр. 29). Со второй половины XI вѣка,

на смѣну печенѣгамъ, явились половцы и князьямъ пришлось очень много и упорно бороться съ ними какъ въ этомъ столѣтіи, такъ и въ слѣдующемъ; между прочимъ, князья, какъ извѣстно, обсуждали способы общей борьбы съ ними на такъ наз. „княжескихъ съѣздахъ". Лѣтописные разсказы объ этихъ съѣздахъ вскрываютъ предъ нами ярко тѣ опасности, которымъ подвергалось населеніе при половецкихъ набѣгахъ. Опустошая русскую землю, половцы въ корень подрывали внутреннее благосостояніе южныхъ княжествъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, мѣшали развитію торговли, составлявшей самый важный интересъ этихъ княжествъ[1]). Князьямъ невсегда удавалась борьба съ половцами и южныя степи со второй половины XII вѣка начинаютъ пустѣть. Въ борьбѣ своей съ кочевниками, длившейся нѣсколько вѣковъ, князья опирались, какъ на свою дружину, такъ и на населеніе.

Разсмотрѣвъ кругъ дѣятельности князей въ изучаемый періодъ, перейдемъ къ очерку вопроса о распредѣленіи между князьями ихъ волостей или княжествъ-государствъ. Въ изучаемый періодъ пріобрѣтеніе членами Рюрикова дома княжеской власти совершалось не на основаніи одного какого-либо твердо-установленнаго и постоянно-примѣнявшагося на практикѣ принципа, а на основаніи нѣсколькихъ началъ, изъ коихъ ни одно не брало, на продолжительное время, перевѣса надъ другими. Такими началами были: во 1-хъ избраніе народомъ себѣ князя, или призваніе имъ князя, во 2-хъ принципѣ наслѣдственности княжеской власти въ данной волости (такъ наз.

1) На съѣздѣ князей въ 1103 г. Владиміръ Мономахъ, указывая на необходимость общей борьбы съ половцами, такъ изобразилъ характеръ ихъ нападеній: „начнетъ орати смердъ, и пріѣхавъ половчинъ ударитъ и (его) стрѣлою, а лошадь его поиметъ, а въ село его ѣхавъ, иметь жену его и дѣти его, и все его имѣніе"; а на съѣздѣ князей, созванномъ въ 1170 г. Мстиславомъ Ярославичемъ, великимъ княземъ Кіевскимъ, князья призывались итти на половцевъ, при чемъ Мстиславъ заявилъ, что половцы „уже у насъ и гречьскій путь (т. е. въ Византію) изотымаютъ, и соляной (т. е. въ Крымъ) и залозный (на Дунай)".

„отчинное начало"), въ 3-хъ начало завѣщательное, или полученіе стола согласно волѣ своего предшественника; въ 4-хъ начало старшинства князей и княжескихъ столовъ и въ 5-хъ начало полученіе столовъ путемъ личной энергіи и усилій отдѣльныхъ членовъ княжескаго рода. Нѣкоторые ученые, и между ними такіе, какъ С. М. Соловьевъ, пытались выставить одно какое-либо начало распредѣленія волостей, какъ преобладающее. Такъ по Соловьеву „князья владѣли русскою землею всѣ сообща, не раздѣляясь. Старшій владѣлъ старшимъ княжествомъ, старшимъ столомъ, какъ тогда говорили; другіе князья владѣли другими волостями по старшинству; ни великій князь, ни младшіе сыновья не владѣли своими волостями вѣчно и не передавали ихъ своимъ дѣтямъ; но когда умиралъ великій князь въ Кіевѣ, то его мѣсто заступалъ не старшій сынъ, а старшій братъ, родной, двоюродный, троюродный, или старшій племянникъ, вообще старшій въ цѣломъ родѣ княжескомъ, причемъ и другіе князья передвигались такимъ-же образомъ по старшинству изъ одной волости въ другую, изъ худшей въ лучшую". Эта теорія такъ наз. „лѣствичнаго восхожденія" на престолъ, однако, и по сознанію самого Соловьева не могла соблюдаться въ жизнѣ строго и неприложно: по автору „эта передвижка князей (изъ худшей волости въ лучшую, смотря по старшинству въ родѣ) не могла происходить правильно, и отсюда новыя ссоры и войны" (Учеб. книга по рус. ист., стр. 9 и сл.). И, дѣйствительно, на практикѣ мы видимъ много отступленій отъ этого права восхожденія на престолы по степенямъ родоваго старшинства, которому соотвѣтствовало старшинство, или лѣстница, самихъ столовъ. Оно не могло осуществляться строго уже потому, что не было основано на твердомъ законѣ о престолонаслѣдіи, да такой законъ и не былъ-бы подъ силу времени. Теорія лѣствичнаго восхожденія на престолъ, въ ея исключительномъ смыслѣ, нашла себя энергическаго противника въ проф. В. И. Сергѣевичѣ, который противупоставилъ ей теорію добы-

ванія столовъ, развивъ его въ своей извѣстной диссертаціи „Вѣче и Князь“ (М. 1867 г.). По этой теоріи „княжеская Россія не знаетъ законнаго порядка въ преемствѣ столовъ: столы не наслѣдовались, а добывались... Добываніе есть дѣйствіе личной энергіи, направленной къ пріобрѣтенію столовъ...“ (стр. 273 сл.). Эта теорія, подмѣчавшая, какъ и первая, одинъ изъ важныхъ факторовъ, имѣвшихъ мѣсто при полученіи того или иного стола князьями, грѣшила также, какъ и первая, значительною односторонностью, пытаясь столь сложное явленіе свести къ одной главной, или основной, причинѣ. Въ послѣднее время, впрочемъ, самъ ея авторъ, проф. Сергѣевичъ, въ новѣйшемъ изданіи своего труда „Вѣче и князь“ (Русскія юрид. древности, Т. II, С.-ПБ., 1893 г.), по вопросу о распредѣленіи столовъ приходитъ уже къ тому выводу, „что на распредѣленіе столовъ вліяли: интересы народа, выразившіеся въ его правѣ избранія князей; начало отчины; интересы царствующаго князя и его семьи, проявлявшіеся въ договорахъ и завѣщаніяхъ; начало старшинства князей“, т. е., иначе говоря, признаетъ, что распредѣленіе волостей между князьями совершалось не на основаніе одного какого-либо принципа, а было результатомъ дѣйствія многихъ началъ, сталкивавшихся другъ съ другомъ.

Этотъ выводъ можно признать въ настоящее время болѣе или менѣе принятымъ въ историко-юридической литературѣ нашей; спорнымъ можетъ лишь быть вопросъ о томъ, который изъ этихъ принциповъ имѣлъ de facto, въ исторіи изучаемаго времени, большее и который меньшее примѣненіе? Прежде, чѣмъ отвѣтить, хотя-бы бѣгло, на это, посмотримъ, какъ распредѣлялись волости въ данный періодъ нашей исторіи на практикѣ, при чемъ, для большей ясности, раздѣлимъ этотъ періодъ на 2 части: 1) время правленія первыхъ князей, до кончины Ярослава, 2) время отъ кончины Ярослава, и раздѣленія русской земли между его сыновьями въ 1054 г., до конца періода. Обращаясь къ событіямъ,

имѣвшимъ мѣсто до кончины Ярослава I, мы видимъ, что по смерти Рюрика, княженіе Кіевское было въ 979 г. передано Олегу, его — какъ предполагаютъ — племяннику: по словамъ лѣтописи „умершю Рюрикови, предасть княженье свое Олгови, отъ рода ему суща, въдавъ ему сынъ свой на руки, Игоря, бысть бо дѣтескъ (т. е. молодъ) вельми". Преемство престола въ домѣ Рюрика начинается такимъ образомъ съ принципа старшинства, а именно наслѣдуетъ старшій въ родѣ, племянникъ, а не сынъ, хотя это происходитъ не потому, чтобъ начало старшинства признавалось необходимымъ примѣнять непремѣнно на практикѣ, но потому, что этотъ сынъ былъ весьма малъ для занятія престола. По смерти Игоря, за малолѣтствомъ своего сына Святослава, княжила жена Игоря — Ольга, затѣмъ сынъ ея Святославъ, до смерти матери въ 957 г. одинъ правившій Русью, такъ что въ теченіи почти 80 лѣтъ установливается на Руси единодержавіе, но это, однако, не принципъ, которому хотѣли непремѣнно слѣдовать, а лишь случайность, вызванная отсутствіемъ тогда взрослыхъ сыновей у Святослава. Но, какъ только Ольга умираетъ, Святославъ, уѣзжая въ Болгарію, раздѣляетъ русскую землю между своими 3-мя сыновьями, вскорѣ послѣ смерти отца начавшими между собою усобицы, кончившіяся овладѣніемъ въ 980 г. Владиміромъ Св. Кіевомъ и возстановленіемъ ненадолго единодержавія, при чемъ затѣмъ самъ Владиміръ раздаетъ своимъ сыновьямъ волости во владѣніе. Старшій изъ нихъ Святополкъ (1015—1019 г.) занялъ, по его смерти Кіевскій столъ, начавъ борьбу съ братьями своими (Борисомъ, Глѣбомъ и Святославомъ), но былъ, какъ извѣстно, изгнанъ Ярославомъ I, сдѣлавшимся великимъ княземъ Кіевскимъ.

Единодержавіе нѣсколько разъ такимъ образомъ ненадолго утверждалось на Руси, при чемъ сами-же князья, получавшіе въ свои руки владѣніе Кіевомъ, дѣлили свою землю между сыновьями, считая ее достояніемъ всего рода княжескаго, взгляда-же на

землю, какъ на неприкосновенную государственную территорію, не было еще тогда выработано; наступало на практикѣ какъ-бы дѣйствіе завѣщательнаго права, но, въ дѣйствительности, завѣщанія князей-отцевъ не выполнялись, братья, вмѣсто того, чтобъ жить въ любви и согласіи, — о чемъ убѣдительно просили ихъ отцы, распредѣляя волости, — вступали между собою въ борьбу и старались добыть себѣ лучшій столъ. Такимъ образомъ при первыхъ князьяхъ, до смерти Ярослава I въ 1054 г. не выработалось единообразнаго принципа въ преемствѣ княжескихъ столовъ: послѣдніе то переходили по старшинству, то по праву первородства къ старшему сыну, то наслѣдовались, по завѣщанію, то добывались силою. Послѣ смерти Ярослава порядокъ распредѣленія волости еще болѣе осложняется и запутывается. Прежде всего княжеская власть отнынѣ до конца изучаемаго періода не сосредоточивается уже въ одномъ лицѣ, единодержавіе не возстановляется даже случайно и ненадолго, какъ было въ предшествовавшее время; во 2-хъ число членовъ Рюрикова дома все возрастаетъ, дѣленіе русскихъ княжествъ между ними все болѣе и болѣе увеличивается, при чемъ начала, по которымъ волости между ними распредѣляются, еще болѣе запутываются, такъ какъ каждый почти князь, всходя на тотъ или другой столъ, пользуется для оправданія своего права на престолъ, тѣмъ принципомъ, какой ему кажется болѣе удобнымъ къ примѣненію практически; въ 3-хъ появляется новое начало въ распредѣленіи столовъ — призывъ князя вѣчемъ или народомъ на то или другое княженіе. Мы уже имѣли случай говорить о призывѣ князей вѣчемъ; обратимся теперь къ краткому обзору прочихъ способовъ распредѣленія волостей между князьями въ удѣльный періодъ.

Какъ уже указывалось, кромѣ избранія князей вѣчемъ, дѣйствовало начало наслѣдственное или отчинное, какъ основаніе къ владѣнію данною волостью-княжествомъ тѣмъ или другимъ лицомъ Рюрикова

дома. Начало это проявлялось какъ въ теченіи всего изучаемаго періода, такъ и позднѣе въ Московской Руси, не получая, однако, долго преобладанія надъ другими. Наслѣдованіе стола по отчинѣ есть наслѣдованіе отъ отца къ сыну; такое наслѣдованіе и имѣло неразъ мѣсто въ исторіи нашей, но оно сталкивалось на практикѣ прежде всего съ двумя препятствіями, невсегда легко преодолимыми, а, наоборотъ, заставлявшими князей нерѣдко отказываться отъ своего права на отчій столъ, а именно — сталкивалось съ необходимостью добиться признанія народа, а затѣмъ и другихъ князей на занятіе даннаго стола. Особенно при этомъ была сильна борьба дядей съ племянниками, такъ какъ здѣсь сталкивались опять-таки два начала: начало первородства и начала старшинства. Племянники считали себя въ правѣ всходить на отчій престолъ и устраняли тѣмъ своихъ дядей, младшихъ братьевъ ихъ отцевъ, основываясь на томъ, что они дѣти отцевъ, имѣвшихъ право на престолъ. Наоборотъ, дяди вступали съ ними въ борьбу потому, что также считали, что они, какъ старшіе братья умершаго князя, должны получить ихъ княженіе, устранивъ его дѣтей, а своихъ племянниковъ. Примѣровъ борьбы дядей съ племянниками извѣстно много; на нѣкоторыхъ изъ нихъ мы остановимся при изученіи порядка престолонаслѣдія въ московскомъ періодѣ. Другимъ началомъ, вліявшимъ на полученіе столовъ, было начало завѣщательное: отецъ, умирая, оставлялъ завѣщаніе, въ которомъ такъ или иначе распредѣлялъ свои владѣнія между дѣтьми; иногда-же онъ уже при жизни своей самъ раздавалъ имъ волости въ княженіе, завѣщая послѣ его смерти жить мирно въ своихъ удѣлахъ. Однако, какъ это отмѣчалось выше, князья рѣдко оставались въ этихъ удѣлахъ и, наоборотъ, вскорѣ послѣ кончины своихъ отцевъ, вступали въ борьбу другъ съ другомъ и стремились добыть себѣ лучшіе столы или княжества. Кромѣ того завѣщательныя распредѣленія князей нуждались въ признаніи какъ народа, въ лицѣ

вѣча, такъ и другихъ князей. Не подлежитъ также сомнѣнію, что на распредѣленіе князей по волостямъ, или княжествамъ, вліяло, какъ отмѣчено было уже Соловьевымъ старшинство какъ самихъ князей (т. е. ихъ положеніе среди наличныхъ членовъ Рюрикова дома), такъ и старшинство самихъ городовъ, главныхъ пунктовъ тѣхъ или другихъ княжествъ, такъ какъ тогда была нетолько лѣствица князей, но и лѣствица княжествъ. Нѣкоторые историки, слѣдуя теоріи Соловьева, придаютъ порядку княжескаго владѣнія, на основаніи этихъ двухъ лѣствицъ, преобладающее значеніе. Такъ, напр., проф. Ключевскій утверждаетъ, что „всѣ наличные князья по степени старшинства составляли одну генеалогическую лѣствицу. Точно также вся Русская земля представляла лѣствицу областей по степени ихъ значенія и доходности. Порядокъ княжескаго владѣнія основывался на точномъ соотвѣтствіи ступеней обѣихъ этихъ лѣствицъ, генеалогической и территоріальной, лѣствицы лицъ и лѣствицы областей.“ Но соотвѣтствіе названныхъ 2-хъ лѣствицъ было, однако, лишь въ идеалѣ и никогда не осуществлялось полностью въ дѣйствительности, такъ какъ сталкивалось de facto съ другими началами и сами князья, добывая себѣ столы, ссылались на разныя основанія для своихъ притязаній, смотря по тому, какимъ изъ этихъ основаній казалось имъ удобнѣе пользоваться. А это обстоятельство само по себѣ уже ясно показываетъ, что указанныя 2 лѣствицы на практикѣ проходились не въ одинаковой постепенности. Кромѣ того, многіе князья не проходили черезъ ихъ ступени, а обходили ихъ, всходя прямо на старшіе столы лучшихъ волостей.

Коснемся теперь кратко вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ князей между собою. Въ изучаемый періодъ Русь была раздѣлена на цѣлый рядъ княжествъ; только на нѣкоторое время, и при томъ лишь въ первой половинѣ періода (до смерти Ярослава I въ 1054 г.), эти отдѣльныя княжества-государства объединялись въ

единое великое княжество Кіевское; затѣмъ наступаетъ эпоха удѣловъ, проходящая въ постоянной борьбѣ однихъ князей съ другими. По вычисленію Погодина, за 170 лѣтъ удѣльнаго времени (отъ 1055 по 1228 гг.) 80 лѣтъ прошло въ усобицахъ, 90 лѣтъ прожито было мирно. Такъ какъ годы мира перемежались постоянно съ годами брани, то многимъ небольшимъ княжествамъ, боровшимся между собою за преобладаніе, приходилось нести на себѣ всѣ печальныя послѣдствія усобицъ, подготовившихъ, вмѣстѣ съ другими причинами, паденіе Кіевской Руси. Между тѣмъ есть данныя предполагать, что въ славяно-русскомъ населеніи этихъ княжествъ жило уже въ изучаемое время сознаніе своего единства: это сознаніе поддерживалось не только единствомъ происхожденія и языка, но и единствомъ христіанской вѣры, общностью основныхъ обычаевъ и нравовъ, общностью все болѣе и болѣе сказывавшеюся при приближеніи ко второй половинѣ изучаемаго періода. Какъ уже неразъ отмѣчалось нами, развитію этой культурной общности обычаевъ и нравовъ много помогали сами князья своими счетами изъ-за столовъ, такъ какъ князья съ ихъ дружинами, а иногда и съ земскими ополченіями, переходя изъ одной волости-княжества въ другую, способствовали ознакомленію населенія однихъ княжествъ съ другими; въ мирное-же время равнинность страны, отсутствіе горныхъ хребтовъ и трудно переходимыхъ водораздѣловъ, помогла свободному движенію населенія изъ княжества въ княжество.

Кратко говоря, въ населеніи были всѣ элементы для національнаго единенія — общность происхожденія, языка, вѣры, нравовъ и пр., но для внѣшняго выраженія этого единенія не было налицо, однако, весьма крупнаго фактора — единой политической силы, иначе говоря, единой верховной власти. Образованіе единодержавія, какъ внѣшняго выраженія политическаго единства населенія, не было, впрочемъ, единственнымъ возможнымъ исходомъ для созданія мирнаго сожительства

княжествъ, такъ какъ такое мирное сожительство могло-бы быть достигнуто и образованіемъ федераціи княжествъ. Эта мысль, несомнѣнно, носилась передъ умственными очами многихъ лучшихъ князей изучаемаго времени, что и вызывало ихъ постоянно на т. н. „междукняжескіе договоры“ въ которыхъ они пытались размежеваться другъ съ другомъ, заставляло ихъ собираться вмѣстѣ на особые съѣзды, чтобъ сговориться объ общей дѣятельности и т. д. Политическое объединеніе населенія вообще могло итти двумя путями: во 1-хъ путемъ созданія единой и сильной власти (что и наступило въ Московскій періодъ), или во 2-хъ путемъ созданія федеративнаго строя, или союза княжествъ. Историческому фатуму угодно было, чтобъ славяно-русское населеніе восточной равнины Европы, въ лицѣ князей и ихъ совѣтниковъ, сдѣлало-бы сначала слабую попытку итти вторымъ, труднѣйшимъ путемъ, чтобы уже затѣмъ, испытавъ невозможность его установленія, перейти къ первому — единодержавію.

Прежде, чѣмъ, однако, мы коснемся попытки созданія, въ изучаемый періодъ, союза княжествъ, скажемъ нѣсколько словъ о томъ, что надо понимать подъ словомъ федерація? Въ современной теоріи государственнаго права подъ федераціею разумѣется соединеніе нѣсколькихъ государствъ вмѣстѣ, въ цѣляхъ осуществленія союзною, или общею, властію общихъ задачъ государственной жизни. Федераціи бываютъ двухъ видовъ, а именно это — либо союзъ государствъ (Staatenbund, confédération), либо союзное государство (Bundesstaat, fédération). Въ союзѣ государствъ, или конфедераціи, сохраняется полная независимость, верховенство соединяющихся государствъ, откуда, въ свою очередь вытекаетъ слабость союза. Внѣшнее выраженіе союзничества — съѣзды уполномоченныхъ каждаго государства; эти съѣзды не являются собственно особою властью надъ союзомъ, а лишь представляютъ мнѣнія ихъ правительствъ; союзное-же государство, или собственно федерація, имѣетъ всегда

особую союзную организацію, власть, независимую отъ власти отдѣльныхъ государствъ; поэтому въ союзномъ государствѣ, или федераціи, наряду съ верховною властью и учрежденіями, существующими въ каждомъ государствѣ, есть общесоюзная или общеимперская власть, общеимперскія учрежденія (примѣромъ можетъ служить Германская Имперія съ 1871 г., С.-Американскіе штаты съ 1787 г.).

Спрашивается, къ какому изъ этихъ двухъ типовъ соединенія государствъ (mutatis mutandis) болѣе приближаются союзы князей удѣльнаго времени? Чтобъ отвѣтить на это, разсмотримъ кратко взаимныя отношенія нашихъ князей. Какъ уже говорилось, въ славянорусскомъ населеніи изучаемаго времени жило, несмотря на раздѣленіе русской земли на рядъ отдѣльныхъ княжествъ, сознаніе своего единства, или единства русской земли. Нетолько князья, лѣтописцы, но и само вѣче говорятъ постоянно объ этомъ единствѣ: когда, напр., въ 1097 г. на князя кіевскаго Святополка наступали другіе князя, кіевляне говорили имъ: „молимъ васъ не погубите русской земли, которую стяжали отцы и дѣды ваши, поборая по русской землѣ“; когда, Всеволодъ Черниговскій въ 1130 г., ввиду нашествіе на него кіевскаго князя Ярополка, хотѣлъ призвать половцевъ, черниговцы сказали ему: „ты надѣешься бѣжать къ половцамъ, а волость свою погубишь; проси мира; мы знаемъ милосердіе Ярополка, ибо онъ бережетъ землю русскую“ и т. п. Представленіе о единствѣ русской земли внѣшне поддерживалось и единствомъ княжескаго рода, отдѣльные члены котораго сидѣли въ тѣхъ или другихъ княжествахъ. Наконецъ, наличность внѣшнихъ сильныхъ враговъ (какъ печенѣги, половцы, татары) съ которыми не подъ силу было бороться отдѣльнымъ князьямъ, неумолимо требовала единенія князей между собою, союза ихъ, несмотря на всѣ ихъ нескончаемые счеты и усобицы между собою. Лучшіе князья и пытаются создать почву для такого единенія, заключая договоры между собою и собираясь на общіе съѣзды. Что касается договоровъ князей между

собою, то уже отъ первой половины XII вѣка идутъ извѣстія о „крестныхъ грамотахъ“, которыя заключали между собою князья. Эти договоры имѣли цѣлью обезпечить князьямъ неприкосновенность ихъ территоріальныхъ владѣній, признать незыблемость ихъ права на обладаніе своими отчинами (или волостями, перешедшими къ нимъ отъ ихъ отцевъ), установить прочно отношенія старшихъ, великихъ князей, къ младшимъ, оберегать вмѣстѣ владѣнія другъ друга отъ нападеній („быти за одинъ“, какъ говорятъ договоры), „ни съ кѣмъ не канчивати“ (т. е. не заключать союзовъ), безъ взаимнаго согласія. Неисполненіе договоровъ нерѣдко вело къ враждебнымъ дѣйствіямъ одной стороны противъ другой, но такъ какъ война между союзниками была вообще нежелательна, то были попытки прибѣгать, для мирнаго разрѣшенія взаимныхъ неудовольствій, къ особому союзному суду. Чтобъ столковаться о взаимныхъ отношеніяхъ, князья съѣзжались иногда на особые княжескіе съѣзды, „снемы“, или „думы“ (извѣстны съѣзды въ 1097 г. въ Любечѣ, въ 1100 г. въ Увѣтичахъ или въ Вятичевѣ, въ 1301 г. въ Дмитровѣ и др.). Всѣ эти договоры князей между собою, съѣзды ихъ, судъ надъ нарушителями условій и тому подобныя дѣйствія князей, казалось-бы должны были въ концѣ концовъ привести къ федераціи, т. е. къ созданію такого между ними союза, который-бы, обезпечивая извѣстную долю самостоятельности каждаго княжества, создавалъ общеимперскую, или общесоюзную власть, достаточно сильную, чтобъ противостоять усобицамъ, и которая-бы разрѣшала мирнымъ путемъ взаимныя пререканія князей. Однако, въ дѣйствительности, этого не произошло, такъ какъ не было создано постоянныхъ общихъ учрежденій, которыя-бы заботились о приведеніи въ исполненіе общихъ рѣшеній и имѣли-бы достаточно силы, чтобъ настоять всегда на исполненіи своихъ рѣшеній. Съѣзды князей не были постоянными, рѣшенія постановлялись не по большинству голосовъ, а по единогласію. Если

оно было налицо, дѣло могло считаться оконченнымъ; если единогласія не было, приходилось, либо вести борьбу съ несогласившеюся стороною, либо мириться съ невыполненіемъ ею постановленнаго рѣшенія. Тоже надо сказать и о союзномъ судѣ. Федерація — союзъ государствъ, требующій большаго развитія гражданскаго чувства въ союзникахъ, рѣшимости каждаго изъ нихъ во 1-хъ поступиться частью своей суверенной власти, а во 2-хъ, поступившись ею, умѣнья подчиняться рѣшенію общесоюзныхъ органовъ. Князья удѣльнаго періода, какъ самостоятельные государи, сознавали необходимость объединенія, но они не выразили этого сознанія въ достаточно-твердыхъ и опредѣленныхъ формахъ, а именно не создали общей твердой власти, которой-бы всѣ они повиновались и которая-бы, въ тоже время, уважала и ихъ самостоятельность. Въ нашей исторической литературѣ высказывалось мнѣніе о федеративномъ строѣ древней Руси. Въ своей статьѣ „Мысли о федеративномъ началѣ древней Руси“ Н. И. Костомаровъ, напр., приходитъ къ тому выводу, что „и природа, и обстоятельства историческія — все вело жизнь Русскаго народа къ самобытности земель, съ тѣмъ, чтобъ между всѣми землями образовалась и поддерживалась всякая связь. Такъ Русь стремилась къ федераціи и федерація была формою, въ которую она начинала облекаться. Татарское завоеваніе сдѣлало крутой поворотъ въ ея государственной жизни“. (Историч. монографіи, С.-П., 1872 г., т. I, стр. 49). Костомаровъ видѣлъ въ древней Руси федерацію въ единствѣ языка и происхожденія, единствѣ вѣры, единствѣ династіи и указывалъ въ тоже время, что „части (русской земли) начали проявлять свою самобытную жизнь одна за другою.“ Правильнѣе, однако, было-бы сказать, что въ древней Руси были задатки для федеративнаго строя, были элементы, необходимыя для образованія федераціи, но изъ нихъ не развилось самой федераціи, какъ формы государственнаго

объединенія, хотя для этого было достаточно времени, и при томъ задолго до монгольскаго ига. Разсматривая дѣятельность князей (поскольку они стремились къ общенію между собою), ихъ съѣзды, суды, договоры между собою, скорѣе можно утверждать, что она подходитъ подъ типъ конфедераціи, чѣмъ федераціи: въ первой, обыкновенно, не бываетъ общесоюзныхъ учрежденій, коимъ уступаютъ члены союза часть своихъ державныхъ правъ, а лишь съѣздъ уполномоченныхъ (у насъ, вмѣсто такого съѣзда, были, впрочемъ, съѣзды самихъ князей); во второй — требуется крѣпкая независимая власть общесоюзныхъ учрежденій, но такой-то именно власти и не было создано: князья не поступились частью своей самостоятельности въ пользу постоянной общесоюзной власти, которая-бы объединила ихъ, хотя мысль о необходимости этого была у нихъ, а въ народѣ жило сознаніе своего единства. Нельзя поэтому говорить, что „федерація была формою, въ которую начинала облекаться“ Русь. Со словомъ федерація наука права соединяетъ опредѣленное понятіе и если это понятіе (какъ и всякое другое) переносится на явленіе, имѣвшее мѣсто въ древности, то необходимо прежде всего установить, имѣлось-ли въ означенное время налицо все то, что составляетъ существенное содержаніе даннаго понятія и лишь въ томъ случаѣ, когда отвѣтъ будетъ положительнымъ, можно обозначать явленіе древности словомъ, соотвѣтствующимъ данному понятію. Существеннаго содержанія понятія федераціи не было въ изучаемомъ явленіи древности, а потому его нельзя и обозначать этимъ словомъ.

§ 4.

Княжеская Дума.

(Наименованіе. Взгляды на Княжескую Думу ученыхъ. Характеръ отношеній князя къ своимъ совѣтникамъ. Составъ и компетенція Княжеской Думы.)

Верховная власть олицетворялась въ изучаемый періодъ въ вѣчѣ и въ князѣ. Но около князей, съ пер-

выхъ временъ появленія ихъ у насъ, всегда стоялъ особый совѣтъ, состоявшій главнымъ образомъ изъ старшихъ дружинниковъ и называемый одними учеными — Боярскою, другими — Княжескою Думою. Употребляя первое выраженіе, проф. Вл.-Будановъ говоритъ, что оно „не встрѣчается въ древнихъ памятникахъ и образовано искусственно, на основаніи сходныхъ терминовъ“ и указываетъ при этомъ на одинъ такой терминъ: „бояре думающіе“, встрѣчающійся въ лѣтописяхъ (онъ будетъ указанъ нами ниже). Правильнѣе, однако, на нашъ взглядъ, этотъ совѣтъ при князьяхъ земскаго или удѣльно-вѣчеваго періода называть Княжескою, а не Боярскою Думою во 1-хъ потому, что эта Дума во многомъ не похожа на Думу, стоящую около московскихъ государей и называемую обычно Боярскою, а во 2-хъ потому, что наименованіе боринъ не есть преобладающее для обозначенія совѣтниковъ князя въ это время, и въ 3-хъ, самымъ характернымъ въ этой Думѣ было не то, что она состояла изъ бояръ, а то, что она была необходимымъ совѣтомъ при князѣ, была Княжескою Думою, или его Совѣтомъ.

Обращаясь къ изученію этого Совѣта при князѣ, надо прежде всего отмѣтить, что о его характерѣ въ литературѣ нашей высказано (не касаясь пока среднихъ мнѣній) два совершенно-противоложные взгляда. По одному, принадлежащему проф. Владимірскому-Буданову, „Боярской“ (или „Княжеской“ какъ сказали-бы лучше мы) Думою называется постоянный совѣтъ лучшихъ людей (бояръ) каждой земли, рѣшающій (вмѣстѣ съ княземъ) высшіе земскіе вопросы“; эта Дума „есть учрежденіе въ смыслѣ обычнаго права, съ компетенціею и составомъ не вполнѣ опредѣленными“. Говоря, что Дума есть учрежденіе въ смыслѣ обычнаго права авторъ хочетъ сказать, что „тогдашнія учрежденія устанавливались обычнымъ правомъ“, что „учрежденій, снабженныхъ регламентами, какъ извѣстно, не было въ древности“ и что, слѣдовательно, нельзя отъ тогдашняго учрежденія требо-

вать полной опредѣленности, а можно лишь говорить о нормальномъ порядкѣ, признанномъ общественнымъ мнѣніемъ и считавшимся по обычаю обязательнымъ. По другому мнѣнію, принадлежащему проф. Сергѣевичу, Княжеская Дума, предшествовавшая Боярской Думѣ, вовсе не есть учрежденіе, а лишь „актъ думанія, дѣйствіе совѣтыванія князя съ людьми, которымъ онъ довѣряетъ". Именно, проф. Сергѣевичъ отмѣтивъ, что „памятники постоянно говорятъ о думѣ князей съ мужами, боярами, духовенствомъ, городскими старцами и пр., задается вопросомъ: „какъ надо понимать эти свидѣтельства памятниковъ? Была-ли Княжеская Дума постояннымъ учрежденіемъ, съ болѣе или менѣе опредѣленнымъ составомъ и компетенціею, или это только актъ думанія, дѣйствіе совѣтыванія князя съ людьми, которымъ онъ довѣряетъ?" Названный ученый отвѣчаетъ на эти вопросы такъ: „въ литературѣ господствуетъ первое мнѣніе, тѣмъ неменѣе справедливо второе", т. е., иначе говоря —, добавимъ мы — Княжеская Дума не есть постоянное учрежденіе съ болѣе или менѣе опредѣленнымъ составомъ и компетенціею, а лишь „актъ думанія князя съ дружиною". Кромѣ этихъ двухъ совершенно-противоположныхъ взглядовъ, въ историко-юридической литературѣ нашей было высказано еще одно мнѣніе, какъ-бы среднее между двумя указанными, а именно мнѣніе проф. Загоскина, который въ своей „Боярской Думѣ" говоритъ слѣдующее: „въ Княжескомъ Думѣ удѣльно-вѣчеваго періода не слѣдуетъ видѣть правительственнаго установленія съ извѣстною правильною организаціею, съ опредѣленными предметами компетенціи, съ твердо-урегулированными отношеніями къ князю съ одной стороны, и къ мѣстному управленію съ другой. Княжеская Дума этого періода не представляла установленія юридически-опредѣленнаго, она была явленіемъ чисто-фактическимъ". Прежде, чѣмъ отвѣтить на вопросъ, какое изъ этихъ опредѣленій болѣе соотвѣтствуетъ, на нашъ взглядъ, дѣйствительности, по-

пытаемся изобразить Княжескую Думу въ ея составѣ, компетенціи и дѣятельности.

Обычай древнерусскихъ князей совѣщаться съ своими старшими дружинниками, положившій начало образованію около нихъ т. н. „Княжеской Думы“, былъ явленіемъ у насъ изстариннымъ и повсемѣстно-распространеннымъ. Но отсутствіе юридической опредѣленности, обязательности во взаимныхъ отношеніяхъ людей, сказывающееся въ изучаемый періодъ во всемъ, отражается и на вопросѣ о составѣ, компетенціи и дѣятельности этой Думы. Князья изучаемаго періода находились въ свободныхъ договорныхъ отношеніяхъ къ своей дружинѣ: каждый дружинникъ могъ служить, или не служить, тому или другому князю и отходилъ отъ него, когда и куда хотѣлъ. Князья старались привязать къ себѣ дружинниковъ, заинтересовывая ихъ въ своихъ предпріятіяхъ и выслушивая ихъ совѣты по наиболѣе важнымъ дѣламъ. Это было необходимо уже по тому, что дружина могла отказать въ своемъ содѣйствіи предпріятію князя, разъ оно дѣлалось безъ ея вѣдома. Извѣстенъ, напр., отвѣтъ 2-хъ старшихъ дружинниковъ-бояръ в. кн. Владиміру Мстиславовичу: они не хотѣли въ 1169 г. участвовать въ походѣ его противъ кн. Мстислава Изяславича потому только, что онъ его „замыслилъ“ безъ совѣта съ ними („о собѣ еси, княже, замыслилъ, а не ѣдемъ по тобѣ, мы того не вѣдали“). Извѣстно также, что лучшіе князья всегда представляются лѣтописью людьми рѣшающими дѣла вмѣстѣ съ своею дружиною, что идеалъ князя, по „Поученію“ Владиміра Монамаха, есть князь „думающій съ дружиною“ и что князь, пренебрегающій мнѣніемъ дружины, не одобряется лѣтописцемъ, сжившимся съ представленіемъ о князѣ, какъ о человѣкѣ, который долженъ рѣшать дѣла не одинъ, а по совѣту съ дружиною. Подъ 996 г., напр., лѣтопись, говоря о Владимірѣ Св., замѣчаетъ, что „бѣ бо Володимеръ любя дружину, съ ними думая о строѣ земленѣмъ, и о ратѣхъ и уставѣ земленѣмъ“; князь Владиміръ Галицкій,

наоборотъ, осмѣивается лѣтописью за то, что „бѣ любезнивъ питію многому и думы не любяшеть съ мужьми своими“ (Ипат. л., 1188 г.), а о Черниговскомъ князѣ Святославѣ, который хотѣлъ вести борьбу со Всеволодомъ Большое Гнѣздо, говорится, что онъ рѣшилъ это „сдумавъ съ княгинею своею и съ Кочкаремъ, милостьникомъ своимъ и не повѣда сего мужемъ своимъ лѣпшимъ думы своея“ (1180 г.). Чѣмъ лучше и умнѣе „думцы“ князя, тѣмъ больше ему отъ этого пользы: по словамъ Даніила Заточника, писателя XIII вѣка, князь даже „не самъ впадаетъ въ многія злыя вещи, но (его) думцы вводятъ; за добрымъ-бо думцею князь высока стола додумается, а съ лихимъ думцемъ думаетъ, и малаго стола лишенъ будетъ“. Можно умножить эти свидѣтельства первоисточниковъ о значеніи совѣщанія князей съ своими мужами, но и ограничиваясь указанными, видно ясно, что, если были князья, дѣйствительно, рѣшавшіе дѣла съ дружиною своею, то были и такіе, которые находили себя достаточно сильными, чтобъ обходиться безъ совѣта съ своими дружинниками; народное воззрѣніе, поскольку его взгляды отражались въ лѣтописи, болѣе одобряло первыхъ, чѣмъ вторыхъ, считая старшихъ дружинниковъ, мужей и бояръ, совѣтниками князя по преимуществу и называя послѣднихъ даже боярами думающими или думцами князя. „Гдѣ бояре думающіе, гдѣ мужи храборствующіе, гдѣ рядъ полчный?“ говоритъ, напр., Игорь Святославичъ, смотря на рать разбитую половцами; когда Рязанскій князь Глѣбъ былъ захваченъ въ плѣнъ кн. Всеволодомъ Рязанскимъ, то воины князя „и думцы его извязаша всѣ“ . . . говоритъ лѣтопись подъ 1177 г. Но, подобно тому, какъ древнерусскій князь не былъ юридически, какимъ-либо формальнымъ актомъ, обязанъ обращаться всегда къ мнѣнію и рѣшенію вѣча, такъ онъ и не обязанъ былъ всегда совѣщаться съ своею старшею дружиною, съ своими боярами или мужами; лучше было, если онъ совѣщался, но, если онъ находилъ въ себѣ достаточно силъ и средствъ обходиться безъ ея

содѣйствія, онъ обходился. Характеренъ въ этомъ отношеніи отвѣтъ, который былъ данъ тѣмъ-же в. кн. Владиміромъ Мстиславовичемъ въ 1169 г. боярамъ (на ихъ, отмѣченныя нами выше, слова „о собѣ еси, княже, замыслилъ, а не ѣдемъ по тобѣ, мы того не вѣдали“)... „Володимеръ-же рѣче“, говоритъ лѣтопись, „взрѣвъ на дѣцкихъ: а се будутъ мои бояре“ (дѣтскіе — одинъ изъ разрядовъ младшихъ дружинниковъ). Этотъ отвѣтъ вскрываетъ предъ нами одну изъ любопытныхъ чертъ того времени: замкнутости между отдѣльными слоями данной группы населенія — въ указанномъ случаѣ дружины — не было; младшій дружинникъ, отрокъ или дѣтскій, отличившись на службѣ, могъ сдѣлаться и бояриномъ; пожалованіе его въ бояре было правомъ князя и если онъ имѣлъ возможность младшихъ дружинниковъ превратить въ бояръ и тѣмъ обойтесь безъ старшихъ дружинниковъ, онъ обходился; если нѣтъ — долженъ былъ жить съ ними въ мирѣ и совѣщаться о дѣлахъ своихъ. Послѣднее встрѣчалось чаще, чѣмъ первое и было обычнымъ явленіемъ, хотя, однако, и не непремѣннымъ.

Если такимъ образомъ самъ фактъ обращенія къ старшей дружинѣ, какъ къ „думцамъ“, или какъ къ „боярамъ думающимъ“, имѣлъ чисто-факультативный характеръ, то и всѣ остальные факты, сопутствующіе этому главному факту, имѣли такое-же значеніе, т. е. могли быть налицо, могли и не быть. Такъ, обращаясь, послѣ этихъ общихъ замѣчаній, къ вопросу о составѣ Княжеской Думы и ея компетенціи, надо сказать, что обычай требовалъ, чтобъ князья совѣщались о важнѣйшихъ дѣлахъ со старшею дружиною, княжими мужами, или боярами, со „старцыми градскими“, или земскими боярами, этими двумя высшими разрядами свободнаго населенія, до XI вѣка существовавшими раздѣльно, а затѣмъ слившимися въ одинъ разрядъ бояръ служилыхъ или княжескихъ; затѣмъ, по обычаю, возможно было присутствіе на совѣщаніяхъ и другихъ элементовъ тогдашняго общества: духовенства, въ лицѣ еписко-

повъ и игумновъ, купцевъ. Но, если можно сказать, вообще, что князь долженъ былъ совѣщаться съ лучшими людьми волости, своими и земскими, то едва-ли можно утверждать, что составъ думы былъ точно-опредѣленъ нетолько разъ навсегда, но даже на сколько-нибудь продолжительное время, такъ какъ выборъ своихъ совѣтниковъ (или своей Думы) въ значительнѣйшей степени зависѣлъ отъ усмотрѣнія князя, съ одной стороны, отъ обстоятельствъ времени и дѣлъ, подлежавшихъ обсужденію, съ другой. Лѣтописи полны указаній на совѣщанія князей съ самыми разнородными элементами верхнихъ слоевъ общества того времени, съ людьми лучшими, старшими, при чемъ, однако, не исключена была возможность de facto совѣщаній и съ людьми молодшими, молодыми, хотя это вообще не одобрялось общественнымъ мнѣніемъ, такъ какъ послѣднему казалось, что молодые, неопытые совѣтники, могутъ принести больше вреда, чѣмъ пользы своими совѣтами князю. Подъ 1015 годомъ лѣтописецъ, говоря о княженіи Святополка, замѣчаетъ: „люто бо граду тому, въ немъ-же князь унъ, любяй вино пити съ гусльми и съ младыми совѣтники“; подъ 1093 г., лѣтописецъ, говоря о времени старости кн. Всеволода Ярославовича замѣчаетъ съ укоризною, что онъ въ это время „нача любити смыслъ уныхъ, съвѣтъ створи съ ними, си же начаша заводити и, негодовати дружины своея первыя“ .... Если составъ княжеской думы являлся мало-устойчивымъ и мало-опредѣленнымъ по своимъ качествамъ, то таковымъ-же онъ являлся по своему количеству: онъ могъ состоять изъ 2—3 думцевъ, могъ вмѣщать въ себѣ и нѣсколько десятковъ лицъ; въ чрезвычайныхъ-же случаяхъ, напр., во время походовъ, князь могъ совѣщаться и со всею своею дружиною, собирая ее для обсужденія тѣхъ или другихъ дѣлъ.

Тотъ-же характеръ сказывался и въ вопросѣ о компетенціи Княжеской Думы: Дума, какъ обычный Совѣтъ при князѣ, участвуетъ во всѣхъ дѣлахъ, подлежащихъ его

рѣшенію, если князь находитъ нужнымъ обращаться къ мудрости и знанію тѣхъ или иныхъ лицъ. Мысль, высказанная проф. Вл. Будановымъ, объ обязательности для князя совѣщаній съ боярами можетъ быть принята, на нашъ взглядъ, лишь съ тою оговоркою, что князь, склонный уважать народные обычаи, или неимѣвшій достаточно силъ и причинъ обходиться безъ совѣта съ своими старшими дружинниками, мужами и боярами, какъ и съ другими лицами, обращался къ этому совѣту, какъ и, наоборотъ, могъ не обращаться къ нему, если только находилъ это удобнымъ или нужнымъ, такъ какъ никакой законъ его къ этому не принуждалъ. Что это такъ, видно изъ фактовъ, относящихся къ кругу дѣлъ входившихъ въ кругъ вѣдомства князя. Мы уже знаемъ, напр., что дѣятельность князей по отношенію къ законодательству выражалась въ обсужденіи, а затѣмъ и въ утвержденіи (или санкціонированіи) своимъ именемъ тѣхъ или другихъ уставовъ, относящихся либо къ цѣлымъ отдѣламъ права (уставы церковные), либо къ одному какому-нибудь предмету (напр. „урокъ Ярославль о поклонахъ вирныхъ“). Есть цѣлый рядъ уставовъ, которые приписываются тому или иному князю, безъ упоминанія, что онъ обсуждалъ или утверждалъ ихъ по совѣщаніи съ своею дружиною, какъ и, наоборотъ, есть рядъ другихъ, въ которыхъ упоминается объ участіи въ этой установительной дѣятельности князей ихъ дружинниковъ. Напр., мы говорили объ уставѣ Владиміра Мономаха, о процентахъ или о рѣзахъ; онъ былъ составленъ съ участіемъ Думы, какъ это свидѣтельствуетъ Русская Правда. Или, напр., въ той-же Правдѣ читаемъ: „по Ярославлѣ-же паки совъкупившеся сынове его: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и моужи ихъ: Коснячко, Перенѣгъ, Никифоръ и отложиша оубіеніе за головоу, но коунами ся выкоупати“ . . . т. е. отмѣнили право мести, а постановили пеню за убійство. Что-же это все значитъ? Конечно, это не можетъ значить ничего иного, какъ только то, что, князь, когда находилъ не-

обходимымъ, совѣтывался съ другими, и прежде всего съ своими мужами; когда-же считалъ возможнымъ обходиться безъ ихъ участія, то обходился. Тоже самое что мы сказали по отношенію къ законодательной дѣятельности князей, касается и другихъ сторонъ ея: есть указанія, что Княжеская Дума участвовала во всѣхъ дѣлахъ управленія и суда, поскольку тѣ и другія дѣла входили въ компетенцію князья, участвовала также въ съѣздахъ князей, рѣшала вмѣстѣ съ княземъ вопросы о войнѣ или мирѣ и т. д. Дума была, вообще говоря, обычнымъ Совѣтомъ князя: „Поученіе“ Владиміра Мономаха, какъ уже указывалось, ставитъ въ нравственную обязанность князьямъ ежедневно „садиться думать съ дружиною и людей оправлять“. Есть указанія первоисточниковъ, что совѣщанія князей съ ихъ старшими дружинниками было обычнымъ явленіемъ при дворѣ князей: св. Ѳеодосій разсказываетъ, напр., что возвращаясь разъ отъ князя въ монастырь, онъ на утренней зарѣ встрѣтилъ бояръ, ѣхавшихъ къ князю на Думу; когда-же князь уѣзжалъ къ Ѳеодосію въ монастырь, то „распускалъ всѣхъ бояръ въ домы ихъ“ и т. п.

Какое-же общее заключеніе надо сдѣлать изъ всего сказаннаго? Если принимать слово „учрежденіе“ въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно понимается нынѣ, когда подъ учрежденіемъ разумѣется правительственное или общественное мѣсто (или установленіе), дѣйствующее по опредѣленному уставу, въ которомъ точно обозначенъ составъ его, устройство, компетенція, отношеніе къ другимъ мѣстамъ и установленіямъ, то Княжескую Думу, конечно, нельзя будетъ назвать учрежденіемъ, такъ какъ у ней не было какого-либо установленнаго по закону, или даже по обычаю, устава, которому князь или сама Дума должны были слѣдовать. Такіе уставы (хотя и въ довольно-примитивныхъ формахъ) являются у насъ для учрежденій неранѣе XVIII вѣка, да и то невсегда. Но едва-ли, однако, возможно также считать Княжескую Думу только актомъ думанія, дѣйствіемъ

совѣтыванія князя съ людьми, которымъ онъ довѣряетъ", какъ утверждаетъ проф. Сергѣевичъ; она, несомнѣнно, была болѣе, чѣмъ „актъ думанія", т. е. дума, въ прямомъ смыслѣ или значеніи этого слова. „Актъ думанія", повторяясь почти ежедневно при дворахъ князей, входя въ привычку, выливаясь постепенно въ извѣстныя традиціонныя формы, полагаетъ начало совѣщательному установленію, первоначально очень-неопредѣленному и по составу и компетенціи. Княжеская Дума, въ I-мъ періодѣ, есть лишь личный Совѣтъ князя, или при князѣ, въ которому онъ прибѣгалъ, когда находилъ это нужнымъ и безъ котораго, если могъ, обходился; совѣщательное учрежденіе изъ нея выростетъ лишь въ слѣдующемъ періодѣ.

Глава III.

Населеніе.

§ 1.

Свободное населеніе.

(Дѣленіе свободнаго населенія на классы. Наименованія всего свободнаго населенія и отдѣльныхъ его классовъ. Бояре земскіе. Княжеская дружина и ея разряды. Градскіе жители, гости и купцы. Смерды. Закупы.)

Все населеніе русскихъ княжествъ-государствъ удѣльно-вѣчеваго періода распадалось на 2 части — населеніе свободное и несвободное. Такое дѣленіе присуще вообще всѣмъ древнѣйшимъ государствамъ. Что-же касается затѣмъ самого населенія свободнаго, то оно дѣлилось на классы, при чемъ такое дѣленіе, въ свою очередь, переживается, въ началѣ исторической жизни, каждымъ культурнымъ народомъ и предшествуетъ его сложенію въ сословія.

Различіе населеніе по классамъ основывается на естественныхъ, экономическихъ и другихъ условіяхъ, первоначально подлежащихъ весьма мало, или неподлежащихъ вовсе воздѣйствію государственной власти, а именно оно покоится на различіи занятій одной группы населенія сравнительно съ другой (классъ, напр., земледѣльцевъ и торговцевъ), на имущественныхъ отношеніяхъ (богатые и бѣдные) на характерѣ собственности (крупные и мелкіе собственники) и т. д. Различіе-же населенія по сословіямъ основывается главнымъ образомъ на различіи однихъ группъ населенія отъ другихъ по правамъ, которыми они пользуются отъ государства и по обязанностямъ, которыя они на себѣ несутъ передъ государствомъ. Сословія поэтому — группы населенія, въ которыхъ само государство, въ большей или меньшей степени, установило наслѣдственныя различія въ правахъ и обязанностяхъ; классовыя-же различія въ обществѣ образовались въ незапамятныя времена, когда государственная власть была еще слаба; государство, съ развитіемъ своего могущества, могло эти различія такъ или иначе поддерживать, либо видоизмѣнять, превращая затѣмъ ихъ въ сословныя привилегіи, но не оно участвовало въ созданіи классовыхъ различій въ данномъ обществѣ. Дѣленіе населенія по классамъ предшествуетъ, какъ сказано, вездѣ его дѣленію на сословія; у насъ послѣднія неизвѣстны еще первому періоду [1]). Въ Московскій періодъ общественныя группы, на которыя распадается населеніе, уже носятъ, какъ это мы увидимъ въ свое время, нѣкоторыя своеобразныя черты сословной организаціи. Ходъ нашей новой исторіи въ XVIII вѣкѣ слагается такъ, что эти обособленныя группы населенія XVI—XVII вѣковъ, не будучи вполнѣ строго-сословными еще группами, превращаются затѣмъ во 2-ой

1) Мы не касаемся, впрочемъ, еще одной группы населенія, которая также уже въ 1-ый періодъ совершенно выдѣлилась изъ другихъ, а именно духовенства.

половинѣ XVIII вѣка уже въ сословія, т. е. въ такія общественныя подраздѣленія, которыя, въ силу закона, обладаютъ извѣстными правами и привилегіями, отличающими одну группу отъ другой.

Изучаемый нами 1-ый періодъ нашей исторіи знаетъ дѣленіе свободнаго населенія по классамъ, а именно 1) на классъ бояръ, — крупныхъ собственниковъ, рабовладѣльцевъ и землевладѣльцевъ, 2) „градскихъ людей“, и 3) смердовъ, свободныхъ земледѣльцевъ. Каждый изъ этихъ классовъ, въ свою очередь, можетъ быть, подраздѣленъ на нѣсколько отдѣльныхъ группъ, о которыхъ мы скажемъ ниже. Указанные три главные класса населенія извѣстны и лѣтописцу: описывая нападеніе кн. Данила Романовича на нѣкоторые города въ 1221 г. Ипатьевская лѣтопись говоритъ, напр., что „вся земля поплѣнена бысть: боринъ боярина плѣнивша, смердъ — смерда, градъ — града“ (т. е. горожанинъ горожанина). Кромѣ этихъ 3-хъ главныхъ общественныхъ классовъ, или обособленныхъ группъ населенія, со времени призванія князей начинаетъ играть извѣстную роль въ обществѣ княжеская дружина, значеніе которой растетъ съ усиленіемъ власти князей.

Зная раздѣленіе населенія на означенныя группы населенія и, называя, при случаѣ, каждую группу особымъ терминомъ, какъ лѣтописи, такъ и другіе памятники времени, иногда объединяютъ ихъ въ одномъ наименованіи. Такимъ наименованіемъ является слово людіе, люди (ед. ч. людинъ). Русская Правда, напр., говоритъ, что, если убьютъ вора, котораго люди видѣли связаннаго (т. е. несопротивлявшагося уже), то это убійство не останется безнаказаннымъ. (Оже ли оубьютъ (татя), а люди боудоуть видѣли связанъ, то платили въ немъ. Акад. сп. 38 ст.). Или, напр. въ договорѣ Игоря съ греками 945 г. читаемъ: „Мы отъ рода русскаго, съли и гостье (т. е. послы и гости), посланіи отъ Игоря, великого князя русскаго, и отъ всякоя княжья, и отъ всѣхъ людій Рускія земли“. Въ лѣтописяхъ это наименованіе „людіе“, или „люди“, встрѣчается

постоянне, для обозначенія всей совокупности свободнаго населенія русской земли или отдѣльныхъ княжествъ. Подъ 1178 г. въ Ипатьевской лѣтописи читаемъ, что Мстиславъ Ростиславичъ, идя въ Новгородъ, „вниде въ Плесковъ (Псковъ)... и, утвердивъ съ людьми, иде отгуда Новгороду“.

Выдѣленіе изъ этой общей массы свободнаго населенія отдѣльныхъ классовъ началось во времена доисторическія, такъ какъ уже въ первоначальныхъ племенныхъ княженіяхъ находимъ слѣды ихъ, съ призваніемъ-же князей этотъ процессъ усилился, такъ какъ, кромѣ естественнаго и первоначальнаго дѣленія населенія на людей лучшихъ, старшихъ (бояръ земскихъ, старцевъ) и молодшихъ, или младшихъ, съ появленіемъ князей и ихъ особыхъ дружинъ, является еще новая группа населенія „княжихъ мужей“, или дружинниковъ вообще. Эта группа начинаетъ противополагаться, какъ вообще всему населеніе, обозначаемому словомъ „людіе“ (единств. число людинъ), такъ и отдѣльнымъ классамъ туземнаго населенія. Первое противоположеніе очевидно въ Русской Правдѣ, гдѣ одна статья, напр., гласитъ слѣдующее: „аже кто оубиетъ княжа мужа въ разбои,... то виревную платили въ чьей же верви голова лежить, то 80 гривенъ: пакиль людинъ, то 40 гривенъ“. (Тр. сп. 3 ст.; виревная — пеня за убійство, шедшая въ пользу князя). Что-же касается второго, то оно будетъ ясно подлѣ очерка того положенія, какой занималъ каждый классъ въ отдѣльности, къ чему мы теперь и обратимся.

Если согласиться съ этимологіею слова боярinъ, предлагавшейся извѣстнымъ ученымъ филологомъ Срезневскимъ, то надо признать одинаково возможнымъ производство этого слова и отъ существительнаго бой или вой и отъ прилагательнаго болій, т. е. бо́льшій (болѣе принято — второе). Отъ того и другого слова, съ прибавкою окончанія аръ или арь, произошла старинная форма бояръ, боляръ, и позднѣйшая — бояринъ, боляринъ. Приводя это производство слова

бояринъ отъ указанныхъ словъ (бой или вой, а равно и болій), проф. Сергѣевичъ замѣчаетъ, что „въ первомъ случаѣ бояринъ будетъ означать воителя и придется съ родни рыцарю, во второмъ бо́льшаго или лучшаго человѣка и придется съ родни гранду". Указанное производство слова бояринъ вскрываетъ предъ нами основные факты, создавшіе у насъ, уже въ незапамятныя времена, классъ бояръ. Классы были свободныя состоянія; каждый могъ войти въ той или иной классъ, если это было ему подъ силу. Для того-же, чтобы выдѣлиться, стать бо́льшимъ, чѣмъ другіе „людіе", — бояриномъ, — надо было прежде всего имѣть жизненную опытность, мудрость, быть старѣйшимъ по возрасту, а также имѣть экономическій достатокъ. Этотъ достатокъ легче всего добывался тогда военными походами, всегда сопровождавшимися грабежами; результатомъ-же этихъ военныхъ грабежей было, между прочимъ, пріобрѣтеніе плѣнныхъ, превращавшихся затѣмъ въ столь-нужныхъ тогда землевладѣльцамъ рабовъ. Не всякій, конечно, воинъ превращался въ бо́льшаго человѣка, или боярина, какъ не всякій старецъ считался старѣйшимъ. Если для послѣдняго нужно было быть мудрымъ, то для перваго надо было проявить особою храбрость, вообще, выдѣлиться. Но въ основѣ многихъ, вѣроятно, превращеній въ боярина лежало занятія военнымъ дѣломъ. Выдѣлившись изъ безразличной массы населенія, бояре еще въ племенныхъ княженіяхъ сложились въ особые знатные роды, носившіе наименованіе старцевъ, старѣйшихъ, нарочитыхъ людей, лучшихъ людей. Со времени призванія князей можно различить два рода бояръ — бояре земскіе и бояре (или мужи) княжескіе; оба эти вида первоначально не сливались между собою, при чемъ второй являлся верхнимъ, или высшимъ, слоемъ княжеской дружины, о которой мы скажемъ особо. Бояре же земскіе выдѣлялись изъ „молодшихъ", или младшихъ, людей самихъ земщинъ.

Интересно отмѣтить, что первоначальное дѣленіе всего населеніе („людіе“, leudes = Leute) на старшихъ, лучшихъ, бо́льшихъ, и молодшихъ или младшихъ, съ одной стороны, противоположеніе земскихъ и княжихъ лучшихъ людей, или бояръ, съ другой, не есть явленіе свойственное только нашей древности, но оно имѣетъ мѣсто и у другихъ народовъ, на извѣстной стадіи ихъ государственнаго быта. Такъ въ древно-германскомъ правѣ мы находимъ такія выраженія для обозначенія людей лучшихъ или старшихъ, какъ optimates, primores, meliores, majores natu и т. п., и такіе, какъ minores, mediocres — для людей „молодшихъ“, среднихъ. Чтоже касается земской знати, или „земскихъ бояръ“, какъ она у насъ называется, то она носила въ древне-германскихъ памятникахъ, наименованіе nobiles, или Adel. Эти nobiles (или Adel) рѣзко отличались отъ высшихъ или старшихъ дружинниковъ королей (антрустіоновъ), членовъ ихъ дружинъ (antrustiones dominici, какъ они называются часто, т. е. княжіе дружинники, производя слово antrustio отъ trustis, что значитъ, между прочимъ, дружина). Словоже Adel германисты производятъ отъ слова adol, что значитъ родъ (Geschlecht) и понимаютъ его первоначальное значеніе, какъ родовой знати (Geschlechtsadel). Поскольку въ нашемъ словѣ боярин̆ъ (если производитъ его отъ болій, бо́льшій) сохранилась идея первоначальнаго образованія этого класса, когда обыкновенный „людин̆ъ“, такъ или иначе, выдѣлился изъ общей среды и сдѣлался бо́льшимъ, постольку въ словѣ adol, Adel, сохранилось воспоминаніе уже о второй фазѣ въ исторіи этого класса, когда, выдѣлившись, данный бояринъ сохранялъ за собою свое общественное положеніе въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній, образовалъ уже знатный родъ; такихъ родовъ съ теченіемъ времени возникало много и изъ нихъ, какъ у германцевъ, такъ и у славянъ, выбирались племенные князья, kuning'и,

koninngr'ы и т. д.[1]) Первоначальное раздѣльное существованіе — у насъ земскихъ бояръ, у германцевъ nobiles, optimates и пр., — и княжихъ бояръ или мужей, антрустіоновъ, показываетъ, что земская власть была старше, древнѣе княжеской.

Бояре земскіе были крупными рабовладѣльцами и землевладѣльцами тѣхъ княженій, гдѣ они жили. Кромѣ указанныхъ выше наименованій (старцевъ, бояръ и т. д.) они носили еще наименованіе огнищанъ. Послѣднее выраженіе вызвало въ литературѣ нашей много споровъ, при чемъ было предложено нѣсколько объясненій, какъ по отношенію къ производству этого слова, такъ и по установленію его значенія. Слово это производили и отъ огнища, какъ хранилища огня, и отъ огнища, какъ домашняго очага, и отъ огнища, какъ пашни, произведенной на мѣстѣ выжженнаго лѣса, наконецъ, и отъ огнища, какъ наименованія раба или челядина. Въ первомъ случаѣ, огнищанинъ былъ-бы первоначально жрецомъ огня, владыкою племени, затѣмъ вообще домохозяиномъ; во второмъ онъ былъ-бы предкомъ дворянина, живущимъ у очага князя, на его дворѣ, въ третьемъ — онъ являлся-бы землевладѣльцемъ и въ четвертомъ — рабовладѣльцемъ[2]). Если согласиться съ двумя послѣдними производствами слова, то слово огнищанинъ будетъ означать землевладѣльца, съ одной стороны, рабовладѣльца съ другой. Оба эти понятія были очень тѣсно связаны между собою, особенно въ первую половину изучаемаго періода, когда торговля рабами и на-

---

1) Большія подробности объ этомъ процессѣ у германцевъ см. у R. Schröder'a, „Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte“ (Leipzig, 1898 г.), стр. 25, 51, 216 и др.

2) „Въ одномъ изъ словъ Григорія Богослова, переведенныхъ въ Болгаріи и списанныхъ съ болгарской рукописи на Руси въ XI вѣка, съ русскими вставками и передѣлками“, говоритъ проф. Ключевскій, „словомъ огнище переведено греческое *ἀνδράποδον*, холопъ“. (Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи,“ Русская Мысль, 1886 г., кн. VII, стр. 3.).

селеніе ими боярскихъ селъ, въ цѣляхъ развитія земледѣлія и вообще пользованья угодьями, были весьма развиты. Во всякомъ случаѣ, оба эти значенія слова огнищанинъ очень подходятъ къ тому общественному положенію, которое занимали земскіе бояре въ IX—X вѣкахъ нашей исторіи.

Выдѣлившись по своей мудрости и храбрости, а равно и ставъ рабовладѣльцами и землевладѣльцами, земскіе бояре были въ племенныхъ княженіяхъ соратниками и совѣтниками туземныхъ князьковъ; изъ болѣе старыхъ и выдающихся ихъ родовъ выбирались, вѣроятно, и сами эти князьки. Эту роль соратниковъ и совѣтниковъ князей они сохраняли долго и потомъ, послѣ призыва князей, раздѣляя ее, впрочемъ, уже со второй половины IX столѣтія, съ боярами-дружинниками, которымъ они неразъ противополагаются лѣтописью: въ 987 г. кн. Владиміръ Св. созвалъ „бояры свои и старцы градскіе“ для обсужденія вопроса о лучшей вѣрѣ; въ 991 г. старцы участвовали на совѣщаніи князя съ дружиною, на которомъ рѣшено было возстановить, вмѣсто смертной казни, прежнія денежныя взысканія за разбой и убійства. Земскіе бояре въ IX и X, какъ бояре славянскаго происхожденія, отличаются вообще отъ бояръ-дружинниковъ, бывшихъ, въ эти 2 вѣка, по преимуществу, изъ варяговъ (какъ это, между прочимъ, показываются ихъ имена, указанные въ договорѣ Олега съ греками 912 г. — Карлы, Инегельдъ, Фарлофъ, Веремудъ, Рулавъ и др.), хотя, несомнѣнно, и первые вступали въ княжескую дружину. Съ XII вѣка эти два элемента боярства — земскій и княжескій — сливаются въ одинъ и называются уже общимъ именемъ „княжіе мужи“, „лучшіе люди“, просто бояре и т. д. Бояре земскіе имѣли свои дружины, своихъ холоповъ — рабовъ, дворы и обширные земельные участки, обработывавшіеся, по преимуществу, холопами. Какъ высшій слой земщины они вообще были весьма вліятельнымъ классомъ въ тогдашнемъ обществѣ.

Они отличались гораздо меньшею подвижностью, чѣмъ бояре-дружинники первыхъ варяжскихъ князей, такъ какъ послѣдніе первоначально были мало связаны съ землею и жили военною добычею и княжескимъ жалованьемъ. Особеннаго значенія земскіе бояре достигли въ такихъ городскихъ центрахъ, какъ Новгородъ и Кіевъ.

Съ прибытіемъ князей и съ постепеннымъ усиленіемъ ихъ власти и значенія, въ древнихъ русскихъ княжествахъ становится все болѣе и болѣе замѣтнымъ новый классъ, носящій наименованіе дружины. Безъ дружины немыслимъ князь древняго періода нашей исторіи, онъ живетъ съ ней въ близкихъ товарищескихъ отношеніяхъ, раздѣляетъ съ нею и радость и горе. Подобно тому, какъ въ самомъ обществѣ даннаго времени замѣчается дѣленіе на людей лучшихъ, бо́льшихъ, земскихъ бояръ, и на людей младшихъ или меньшихъ (смердовъ), дружина князя также раздѣлялась на двѣ части: первую часть, подъ наименованіемъ старшей дружины, составляли бояре, или мужи; въ отличіе отъ земскихъ бояръ и мужей они назывались княжими мужами и боярами, при чемъ первоначально старшіе дружинники чаще всего назывались княжими мужами; съ конца XIII вѣка, однако, они уже почти постоянно называются боярами. Младшіе дружинники носили наименованіе отроковъ, дѣтскихъ, гридей и др. Первыя два наименованія лишь раздѣльно выражаютъ то понятіе, какое изображается словами „молодь“, „молодьшій“, употребляемыми нерѣдко для обозначенія вообще младшихъ, т. е., болѣе молодыхъ и менѣе выдвинувшихся, по своей службѣ, дружинниковъ, чѣмъ бояре и мужи, члены старшей дружины; слово „гридь“ производятъ отъ слова „гридница“, комната, домъ: гриди, какъ и отроки съ дѣтскими, часто были домашними слугами князя и жили въ его княжескихъ покояхъ. Вся дружина въ цѣломъ своемъ составѣ являлась войскомъ князя; верхній-же ея слой — старшая дружина — входилъ въ

составъ т. н. „Княжеской Думы“, личнаго Совѣта князя или при князѣ, о роли и значеніи коего мы уже говорили; затѣмъ старшіе дружинники, бояре, являлись начальниками княжескихъ отрядовъ, младшіе-же въ мирное время были слугами при дворѣ князя и занимали низшія должности, а во время войны входили въ составъ тѣхъ-же княжескихъ отрядовъ. Первые варяжскіе князья были первоначально окружены выходцами изъ-за моря, варягами-норманами; притокъ этихъ выходцевъ, однако, остановился уже къ началу XI вѣка, а именно ко времени княженія Ярослава I и хотя затѣмъ княжеская дружина всегда вмѣщала въ себѣ немало инородческихъ элементовъ (южныхъ кочевниковъ, угровъ и пр.) но эти элементы рано растворились въ славянскомъ населеніи, тѣмъ болѣе, что съ XI вѣка уже приливъ земскихъ бояръ (т. е. лучшихъ людей земщины) смѣняетъ здѣсь притокъ варяговъ. То обстоятельство, что варяжская дружина князей скоро ославянилась, имѣло громадное значеніе: если князь, ввиду тѣхъ свободныхъ, договорныхъ отношеній, какія существовали между нимъ и дружиною, долженъ былъ жить съ нею душа въ душу, мирнымъ дружескимъ союзомъ (откуда и наименованіе этихъ военныхъ товариществъ — дружиною), дѣля все съ нею, то и княжеская дружина могла лишь постольку быть заинтересована въ дѣлахъ данной волости или земли, поскольку она сама была связана своимъ происхожденіемъ и интересами съ самимъ туземнымъ населеніемъ. Первоначальные пришлецы-варяги не имѣли никакихъ связей съ землею и были, какъ и князья, весьма подвижны: они были вездѣ, гдѣ была добыча, и куда ихъ звалъ храбрый князь; нерѣдко, впрочемъ, они мѣняли одного князя на другого, разъ онъ чѣмъ-либо не угождалъ имъ. Князь, изучаемаго періода, завися отъ вѣча, немало зависѣлъ также и отъ дружины своей, составлявшей его постоянное войско. Хотя во время походовъ — особенно походовъ предпринимавшихся съ согласія вѣча — можно видѣть въ составѣ

княжескихъ дружинъ нерѣдко и земскія ополченія[1]), но послѣднее, въ военномъ отношеніи, вѣроятно, уступали дружинникамъ, для которыхъ война была привычнымъ дѣломъ. Такъ какъ въ отношеніяхъ князей къ дружинѣ все строилось на взаимной любви и уваженіи, то чѣмъ храбрѣе былъ князь и чѣмъ лучше онъ умѣлъ обходиться съ своею дружиною, тѣмъ значительнѣе, качественно и количественно, она у него была и тѣмъ менѣе нуждался князь въ народныхъ ополченіяхъ и вообще въ помощи земщинъ. Это заставляло князей дорожить добрыми отношеніями къ дружинникамъ, всячески жаловать ихъ. Дружинный строй, съ его высшимъ разрядомъ, княжими мужами и боярами, и низшимъ, гридями, дѣтскими и отроками, не есть явленіе только нашей исторіи, но онъ былъ и у другихъ народовъ: ростъ княжеской, или королевской власти, вездѣ стоялъ въ прямой связи съ зачаткомъ особаго княжескаго войска, изъ среды котораго выходили, какъ совѣтники князя, такъ и его соратники, а равно и первые органы княжеской власти (у насъ — посадники, тіуны и пр.). Такъ, первоначальное войско германскихъ древнѣйшихъ князей, какъ и нашихъ князей, составлялось изъ лицъ, добровольно вступавшихъ на службу, лицъ свободнаго происхожденія, стоявшихъ къ князьямъ въ дружественныхъ товарищи-

1) Противоположеніе княжеской дружины и земскаго войска иногда выступаетъ очень рѣзко въ лѣтописяхъ, и при томъ, сравнительно, поздно, напр., даже въ началѣ XI вѣка: Лаврентьевская лѣтопись подъ 1024 г. разсказываетъ, напр., что кн. Мстиславъ, готовясь къ одной битвѣ, „съ вечера исполчивъ дружину и постави Сѣверъ (т. е. сѣверянъ) въ чело противу Варягомъ, а самъ ста съ дружиною своею по крилома.... И поиде Мстиславъ и Ярославъ противо собѣ и студися чело Сѣверъ съ Варяги и трудишася Варязи сѣкуще Сѣверъ, и посемъ наступи Мстиславъ со дружиною своею и нача сѣчи Варяги (т. е. Варяговъ, пришедшихъ съ Ярославомъ).“ По окончаніи битвы, жертвами коей было ополченіе сѣверянъ, Мстиславъ, увидавъ ихъ трупы, а равно и трупы Варяговъ, воскликнулъ: „кто сему не радъ? Се лежитъ Сѣверянинъ, а се Варягъ; а дружина своя цѣла“. Здѣсь ярко сказался, какъ намъ кажется, типъ князя-дружинника, противополагающаго еще свои силы силѣ народнаго ополченія.

ческихъ отношеніяхъ, что тамъ и здѣсь выразилось, между прочимъ, въ самомъ наименованіи этого войска. Такъ у насъ это — дружинники, у нѣкоторыхъ германскихъ племенъ это — austaldi (у франковъ), hagustaldi (у саксовъ), что значитъ „люди, живущіе въ домѣ князя“, его друзья.

Свободныя договорныя отношенія, бывшія между этими „друзьями“ и германскими князьями, представляютъ много сходнаго, даже въ подробностяхъ и въ наименованіяхъ, съ тѣмъ, что было у насъ. Такъ нашимъ мужамъ и старцамъ соотвѣтствуютъ viri, majores natu, отрокамъ — pueri regis (называемые еще словомъ Degen, что значитъ дѣти, наши дѣтскіе); наши гриди — слуги князя, живущіе въ его домѣ, въ его гридницахъ (отъ скандинавскаго слова gritt, что значитъ господскій или княжескій домъ) и т. д. Старшіе дружинники у насъ, какъ и у германцевъ, стали пользоваться уже рано извѣстными особыми правами: такъ за убійство „княжаго мужа“ полагается по Русской Правдѣ, какъ уже отмѣчалось выше, двойная вира (въ 80 гривенъ, тогда какъ за „людина“ лишь въ 40 гривенъ); за его му́ку (наказаніе безъ повелѣнія князя) — высшая продажа („Аже смердъ мучитъ смерда безъ княжа слова, то 3 гривны продажи...; аже огнищанина мучитъ, то 12 гривенъ продажи..., Троиц. сп., 71, 72 ст.; продажа — пеня князю съ обвиненнаго въ какомъ-либо преступленіи, кромѣ убійства). Есть также нѣкоторая особенность въ правѣ наслѣдованія послѣ бояръ и послѣ смердовъ. А именно по 103 статьѣ такъ наз. Карамзинскаго списка Русской Правды, если смердъ умираетъ бездѣтнымъ, наслѣдство послѣ него идетъ князю; если у него находятся въ домѣ невыданныя замужъ дочери, то онѣ получаютъ часть въ приданое; если дочери выданы уже замужъ, то онѣ не получаютъ этой части; по статьѣ-же 104-ой того-же списка, послѣ бояръ и боярской дружины наслѣдство не идетъ князю, но, если не осталось у наслѣдодателей сыновей, его получаютъ

дочери[1]). Въ этомъ постановленіи нѣкоторые изслѣдователи видятъ привилегію бояръ передавать свое наслѣдство, при неимѣніи сыновей, своимъ дочерямъ; другіе, однако, говорятъ, что это право всѣхъ вообще свободныхъ людей, кромѣ смердовъ. Выдѣленіе изъ княжеской дружины людей лучшихъ, мужей и бояръ, могло дѣлаться уже рано по иниціативѣ самихъ князей, если къ этому бывали соотвѣтственные поводы. Подъ 992 г., напр., Лаврентьевская лѣтопись разсказываетъ о побѣдоносномъ единоборствѣ одного кожевника съ нѣкіемъ печенѣжскимъ богатыремъ, послѣ чего „Володимеръже великимъ мужемъ (т. е. бояриномъ) створи того (кожевника) и отца его.

Первоначальныя наши племенныя княженія, расположенныя по великому водному пути изъ Варягъ въ Греки, какъ и позднѣйшія варяжскія, княжества вели, какъ извѣстно, обширную какъ внутреннюю, такъ и въ особенности — внѣшнюю торговлю на сѣверѣ съ скандинавскими народами и нѣмцами, на югѣ — съ Византіею, при чемъ центрами этой торговли были Новгородъ и Кіевъ. Хотя, несомнѣнно, что въ изучаемый періодъ торговлею могло заниматься невозбранно все населеніе и мы видимъ въ числѣ торгующихъ всѣ части этого населенія, начиная съ князей и ихъ дружинъ и кончая

---

1) „Оже смердъ оумреть безъ дѣти, то задница (наслѣдство) князю; оже боудуть оу него дьщери дома, то дати часть на ня (т. е. на нихъ); аже ли боудуть за мужьми, то не дати части“ (ст. 103); а „иже въ боярехъ или-же въ боярстѣи дроужинѣ, то за князя задница не идеть; но оже не боудеть сыновъ, а въ дщери возьмуть“. — Такъ какъ въ нѣкоторыхъ спискахъ Правды слова „безъ дѣти“ замѣнено словомъ „безажю“, что соотвѣтствуетъ, по толкованію ученыхъ, словамъ „безатчина“, „безадница“, а эти слова значатъ, въ свою очередь, „выморочное имущество“, т. е. имущество оставшееся, послѣ смерти даннаго лица, безъ наслѣдника, то слова „аще смердъ умреть безажю, то князю — задница“, какъ полагаютъ, надо понимать въ томъ смыслѣ, что выморочное имѣніе послѣ смердовъ идетъ князю, при чемъ слово смердъ въ этомъ случаѣ (какъ нѣкоторые думаютъ) употребляется въ самомъ широкомъ смыслѣ, означая все свободное населеніе. Болѣе подробное толкованіе статей Русской Правды о наслѣдованіи будетъ дано при изученіи исторіи гражданскаго права.

сельскими жителями, но въ торговыхъ центрахъ съ незапамятныхъ временъ образовался особый классъ людей, спеціально посвящавшихъ себя торговымъ занятіямъ и именовавшихся гостями[1] и купцами. Насколько этотъ классъ былъ важенъ и могущественъ, видно, между прочимъ, изъ того факта, что договоръ Игоря съ греками отъ 945 г. заключается отъ имени княжескихъ пословъ и гостей. („Мы отъ рода русскаго сѣли (послы) и гостье . . ., купецъ . . . (идетъ перечисленіе княжескихъ пословъ и купцовъ), посланіи отъ Игоря великаго князя Русскаго, и отъ всякая княжья, и отъ всѣхъ людій Русскія земли". . ., ст. I.) И этотъ случай не единственный. Въ указанномъ договорѣ слова „гость" и „купецъ" употребляются безразлично, но, несомнѣнно, что первое изъ этихъ словъ означало первоначально иноземныхъ или чужестранныхъ торговцевъ, второе — туземныхъ, занимающихся внутреннею торговлею. Торговый классъ вообще стоялъ на общественной лѣстницѣ непосредственно за боярами и принималъ нерѣдко участіе въ важнѣйшихъ общихъ дѣлахъ: подъ 1117 годомъ, суздальскій лѣтописецъ, разсказывая, напр., о мятежѣ, бывшемъ во Владимірѣ на Клязьмѣ, говоритъ, что „вставша бояре и купци, рекоучи: княже, мы тобѣ добра хочемъ, за тя головы свои съкладываемъ"; подъ 1195 г. читаемъ въ Новгородской лѣтописи, что „томьже лѣтѣ на зиму, позва Всеволодъ Новородцы по Черниговъ, на Ярослава и на всѣ Ольгово племя. И Новгородцы не отъперешася ему: идоша съ княземъ Ярославемъ, огнищане, и гридьба, и купцы". Купцы въ важнѣйшихъ городахъ, какъ, напр., въ Новгородѣ слагались въ отдѣльныя кор-

1) Слово гость производится отъ встрѣчающагося въ готскомъ языкѣ слова gasts, которое означало первоначально иноземца; латинское слово, ему соотвѣтствующее, есть hostis. Сначала врагъ, иноземецъ, приходя съ мирными и прежде всего съ торговыми цѣлями, превращается затѣмъ въ гостя, какъ иностраннаго купца. Въ этомъ уже смыслѣ слово гость употребляется въ памятникахъ изучаемаго времени.

поранiи (сотни), имѣли свои дворы, земли, вооруженныя дружины, для охраны ихъ каравановъ во время пути въ чужія земли. Купцы и гости, составляя вмѣстѣ классъ „градскихъ людей“ могли, повидимому, легко переходить въ разрядъ земскихъ, а позднѣе и княжескихъ, бояръ такъ какъ пріобрѣтеніе недвижимостей и рабовъ было доступно всякому, кто имѣлъ только для этого имущественный достатокъ. Городскія поселенія вообще не были юридически обособлены отъ уѣздныхъ земель. Поэтому, если въ городахъ находимъ смердовъ, этихъ предшественниковъ, до XIV вѣка, нашихъ крестьянъ (или такъ наз. „черныхъ“ и „молодшихъ людей“), то и внѣ городовъ — купцовъ. Обособленіе городского населенія отъ сельскаго, а также и отъ служилаго класса — дѣло позднѣйшаго времени, но не изучаемаго періода.

Кромѣ гостей и купцовъ, какъ лучшихъ „градскихъ людей“ или „мужей“, были, сообразно дѣленію каждаго класса населенія, въ городахъ еще „люди градскіе“ „молодшіе“, „черные“, худшіе.

Хотя торговля, и особенно торговля внѣшняя, заморская, была очень развита въ первые вѣка нашей исторіи, какъ на сѣверѣ (въ Новгородѣ), такъ и на югѣ (въ Кіевской Руси), но торговля, по самой своей природѣ, могла развиваться, преимущественно, въ большихъ городскихъ центрахъ, лежавшихъ по важнѣйшимъ воднымъ системамъ, особенно по водному греческому пути; главная-же масса населенія, какъ жившая въ городахъ, такъ еще больше — внѣ ихъ, въ безчисленныхъ поселкахъ, весяхъ, деревняхъ, вервяхъ и т. д., занималась земледѣліемъ, скотоводствомъ, бортничествомъ (пчеловодствомъ), звѣроловствомъ и рыболовствомъ, дѣлая изъ того или другого вида занятій, то главный, то побочный промыселъ, смотря по характеру тѣхъ мѣстъ, гдѣ оно обитало. Это сельское населеніе, — какъ-бы мы сказали теперь, примѣняясь къ современнымъ понятіямъ (въ древнее-же время „селомъ“ называлось, по преимуществу, частновладѣльческое имѣніе) — носило разнообразныя наименованія,

частію общія для всей русской земли, частію употреблявшіяся лишь въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ. Общимъ наименованіемъ для всей земли надо признать слово смердъ. Слово смердъ употреблялось, впрочемъ, двояко: въ собственномъ, болѣе узкомъ смыслѣ, оно означало земледѣльца, въ широкомъ — оно обнимало всѣхъ свободныхъ жителей, за исключеніемъ князей и духовенства. Въ первомъ смыслѣ слово это употреблено въ извѣстномъ текстѣ лѣтописи отъ 1103 г., говорящемъ о съѣздѣ князей въ Любечѣ, на которомъ Владиміръ Мономахъ уговаривалъ союзниковъ итти на половцевъ: „дивно мнѣ, дружино, оже лошадей жалуете, ею же оретъ (смердъ землю), а сего не промыслите, оже то начнетъ орати смердъ и, пріѣхавъ половчинъ, ударитъ и стрѣлою, а лошадь его поиметъ, а въ село его ѣхавъ иметъ (возьметъ) жену его и дѣти его и все его имѣніе“; во второмъ — оно употребляется въ Русской Правдѣ, въ статьѣ, устанавливающей пени за кражу коня: „а за княжь конь... 3 гривнѣ, а за смердѣй — 2 гривны (Акад. сп., 25 ст.; въ позднѣйшихъ спискахъ, какъ это указывается проф. Сергѣевичемъ, вмѣсто слова смердъ стоитъ иной, т. е. всякій другой человѣкъ, кромѣ князя). Первое значеніе слова смердъ — позднѣйшее и болѣе употребительное, чѣмъ второе. Смерды были свободнымъ населеніемъ, они имѣли собственность, какъ движимую (коней и пр.), такъ и недвижимую; они не наказываются, какъ холопы, безъ приказа общественной власти: такъ по Русской Правдѣ нельзя мучить, т. е. наказывать, смерда безъ княжа слова“ т. е. безъ приказа князя; если-же кто это сдѣлаетъ — платитъ за обиду смерду 3 гривны. Затѣмъ они, какъ свободные люди, несутъ повинности въ пользу князя, платятъ дани; они вступаютъ въ княжеское войско, получая за это извѣстную долю въ военной добычѣ, они подданные князя, но не рабы. Извѣстный разсказъ лѣтописи отъ 1071 г. о волхвахъ, производившихъ въ Бѣлозерской области смуту, передаетъ, что Янъ, воевода Святослава, узнавъ объ

этомъ, спросилъ „чья еста смерда (выше названные волхвы) и когда оказалось, что они смерды Святослава, потребовалъ ихъ выдачи на томъ основаніи, „яко смерда еста моего князя". Выраженіе „смерды князя" нельзя понимать въ томъ смыслѣ, что они были его рабами или холопами князя, а лишь въ томъ, что были его подданными, жившими на государственныхъ земляхъ, или земляхъ князя, какъ правителя. Приведенное выше постановленіе „Русской Правды" о томъ, что наслѣдство послѣ смердовъ идетъ князю (когда у нихъ не было сыновей,) объясняютъ въ томъ смыслѣ, что князь получаетъ это наслѣдство, какъ „представитель общества", т. е. какъ представитель общественной власти. Кромѣ того смерды могли жить и, насколько извѣстно, жили весьма часто, на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, обрабатывая на разныхъ условіяхъ землю. По Псковской Судной грамотѣ, смерды, жившіе на частно-владѣльческихъ земляхъ носили наименованіе изорниковъ, кочетниковъ и огородниковъ; изорники — это были земледѣльцы, кочетники — рыболовы, бравшіе въ аренду т. н. „исады" (рыбныя ловли) и огородники, нанимавшіе огороды; встрѣчается тамъ-же и наименованіе исполовникъ; исполовники — это тѣже огородники, названные такъ потому, что уплачивали половину своего дохода собственнику (работали изъ половины дохода).

При тѣхъ крупныхъ землевладѣльческихъ хозяйствахъ, которыхъ существованіе въ изучаемый періодъ не подлежитъ сомнѣнію, экономическое положеніе смердовъ не могло считаться обезпеченнымъ, какъ ввиду постоянныхъ войнъ и усобицъ, благодаря которымъ собственность его, и даже семья, постоянно подвергались опасности быть разграбленными („пріѣхавъ половчинъ ударить и (смерда) стрѣлою, а лошадь его поиметь, а въ село его ѣхавъ, иметь жену его и дѣти и все его имѣнье" — говоритъ, напр., лѣтописный разсказъ) такъ и ввиду того, что кредитъ былъ тогда очень дорогъ, денегъ было мало и достать ихъ было трудно. Неудивительно, что наиболѣе бѣдные

изъ смердовъ нанимались на работу въ чужія имѣнія, шли въ батраки, или, по терминологіи изучаемой эпохи, въ закупы. Закупы были во 1-хъ ролейные, т. е. занимавшіеся земледѣліемъ, землепашествомъ (ролейный — отъ ролья — пашня, рало — соха), которые жили на землѣ нанимателя и получали отъ него необходимый инвентарь и плату за работу; и во 2-хъ дворовые, жившіе на дворѣ хозяина. О первыхъ Русская Правда гласитъ: „оже далъ ему (закупу) господинъ плугъ и борону, отъ него же купу (купа — плата за работу) емлеть, то то погубивше платити“ (Троиц. сп., 53 ст.). — „Аже изъ хлѣва выведуть (скотъ), то закупу не платити. Но же погубить (потеряетъ) на поли и въ дворъ не вженеть (не загонитъ) и не затворить, кдѣ ему господинъ велитъ, или орудья своя дѣя (т. е. дѣлая свое дѣло), а того погубить, то то ему платити“ (Троиц. 54). Закупы были люди свободные, имѣли свое имущество (отарицу), могли заключать договоры, имѣли право иска противъ нанимателя, могли быть свидѣтелями въ небольшихъ тяжбахъ; господинъ, въ свою очередь, имѣлъ право на наказаніе закупа, однако, лишь за вину его, иначе онъ платитъ за закупа, какъ за свободнаго [1]). Но, если закупъ убѣгалъ отъ господина тайно, то превращался въ холопа („Аже закупъ бѣжитъ отъ господы, то обель“, т. е. обельный холопъ, Троиц. сп. ст. 52) [2]). Въ общемъ, положеніе

---

1) Важнѣйшія статьи Русской Правды сюда относящіяся, гласятъ слѣдующее: „Идетъ ли (закупъ) искать кунъ (т. е. занять у кого-нибудь денегъ), а явлено ходить (т. е. уходитъ не тайно, а явно со двора хозяина), или ко князю, или къ судьямъ бѣжитъ обиды дѣля (вслѣдствіи обиды со стороны) своего господина, то про то не робять его (не обращаютъ въ раба), но дати ему правдоу (судъ); Троиц. сп., ст. 52; „а въ малой тяжѣ (маломъ дѣлѣ), по нужи взложити, (послушество) на закупа“; ibid., ст. 59; „Аже господинъ бьетъ закупа про дѣло, то безъ вины есть. Биеть ли не смысля пьянъ, а безъ вины, то якоже въ свободнѣмъ платежь, такоже и въ закупѣ“ (ibid., 55 ст.).

2) Если это превращеніе дѣлалось, не вслѣдствіи бѣгства закупа, или не вслѣдствіи его преступленія, то хозяинъ за это отвѣчалъ по Русской Правдѣ: „продасть ли господинъ закупа обель,

закупа, какъ свободнаго человѣка, среди многочисленныхъ холопей, или челяди, господина, не могло быть особенно благопріятнымъ. Послѣдній стремился и его превратить въ раба своего и, хотя законъ запрещалъ это, грозя наказаніемъ ослушникамъ, но уже само это запрещеніе показываетъ, что подобныя дѣйствія господъ на практикѣ бывали. Это нерѣдко легко было сдѣлать, съ большимъ или меньшимъ вѣроятіемъ, приписавъ закупу намѣреніе бѣжать отъ господина тайно, или обвинивъ его въ преступленіи. Затѣмъ при несостоятельности по винѣ, закупъ могъ быть проданъ съ публичнаго торга. Нѣкоторые изслѣдователи поэтому считаютъ закупничество полусвободнымъ состояніемъ, переходною ступенью къ холопству или рабству, институту имѣвшему большое юридическое и экономическое значеніе въ изучаемое время. Поскольку дѣло идетъ здѣсь о фактическомъ положеніи закуповъ, такое утвержденіе можетъ быть принято; но de jure закупъ, несомнѣнно, свободный человѣкъ („Бьетъ-ли... закупа безъ вины (хозяинъ), то якоже въ свободнѣмъ платежь“... говоритъ Русская Правда), но свобода его, какъ человѣка безземельнаго и мало-обезпеченнаго экономически, всегда висѣла на волоскѣ.

§ 3.

Несвободное населеніе.

(Холопы, понятіе, наименованія. Способы установленія холопства. Юридическое положеніе холоповъ. Вліяніе христіанской церкви на улучшеніе положенія холоповъ Изгойство и изгои.)

Холопство, или рабство, есть несвободное состояніе, встрѣчающееся, въ той или иной формѣ, у всѣхъ народовъ древности, на извѣстной стадіи ихъ

т. е. продастъ въ рабство, то наймиту (закупу) свобода во всѣхъ кунахъ, а господину за обиду платити 12 гривенъ продажъ“ (ibid., 55 ст.).

развитія; начало его должно быть отнесено ко временамъ еще доисторическимъ. Что касается славянъ вообще и русскихъ въ частности, то извѣстія объ институтѣ рабства у первыхъ идутъ еще отъ VI вѣка; самыя древнія памятники нашей исторіи говорятъ уже о холопахъ постоянно, что служитъ явнымъ указаніемъ на важное значеніе этого института въ жизни. Есть извѣстія также о томъ, что число рабовъ уже въ самой глубокой древности было у насъ весьма значительно, частно-владѣльческія села были наполнены холопами, такъ что обработка земли и всякаго рода сельскіе промыслы въ значительной мѣрѣ велись ими. Несвободные, или рабы, носили въ древности различныя наименованія. Такъ, они обозначались словами: холопъ (мущина), роба (женщина), челядинъ (во множ. числѣ — челядь), обель, дьренъ (одренъ): въ концѣ изучаемаго періода слово „холопы“ замѣняется нерѣдко словомъ „люди“. Отъ словъ „обель“, „одеренъ“ образовались выраженія „обельный“, „дерноватый“ или „одноватый“ (холопъ). Слова „обель“, „обельный“ сближаютъ съ нынѣ существующимъ словомъ „облый“, что значитъ круглый, полный и, по аналогіи, съ „людьми полными“, — выраженіемъ встрѣчающимся въ позднѣйшихъ памятникахъ (отъ XIV вѣка) и означающимъ „полныхъ“ холоповъ, т. е. настоящихъ, — обельнаго холопа считаютъ холопомъ полнымъ, или вѣчнымъ, совершеннымъ, отличая его отъ холопа неполнаго, или кабальнаго. Слово „одренъ“ (дьренъ) происходитъ отъ слово дернь, которое, въ свою очередь, сближаютъ съ финскимъ deren, что значитъ крѣпкій, твердый: одерноватый холопъ — холопъ, крѣпкій своему господину, вѣчный, настоящій холопъ (купить, напр., землю въ древности „въ дернь“, значило пріобрѣсти ее въ вѣчную собственность, или „въ прокъ безъ выкупа“). Слово „рабъ“ въ это время не употреблялось, хотя было извѣстно уже Русской Правдѣ слово „роба“ (т. е. несвободная женщина) и глаголъ „робить“, въ смыслѣ „обращать

въ рабство“ (такъ господинъ „не робитъ“, по Русской Правдѣ, закупа при явномъ уходѣ его для займа денегъ, или даже при бѣгствѣ его для принесенія на него жалобы, какъ это указывалось уже выше). Позднѣе, приближаясь къ московскому періоду, холопы называются, какъ сказано, также „людьми“, съ прибавкою эпитетовъ „полные“ „дѣловые“, „страдные“ и т. д. Холопство было, въ изучаемый нами періодъ исторіи, полное, потомственное, вѣчное, т. е. такое холопство, къ которому больше всего примѣнимо положеніе еще римскаго права: servi sunt res. Наоборотъ, въ слѣдующій періодъ является, подъ вліяніемъ христіанства и по другимъ причинамъ, холопство временное, а невѣчное.

Обращаясь къ указанію способовъ установленія холопства, надо прежде всего замѣтить, что, хотя Русская Правда гласитъ вполнѣ категорически, что есть три способа установленія обельнаго холопства (а именно продажа себя въ рабство, женитьба на рабѣ безъ договора съ ея господиномъ и вступленіе безъ такого-же договора въ тіуны, или ключники) заставляя какъ-бы думать, что указываемые ею способы установленія рабства [1]) — единственные, но они, въ дѣйствительности, не только не единственные, но даже и не главные. Такъ, сама

1) „А холобьство обельное трое: еже кто купитъ, хотя и до полугривны, а послухи поставить, а ногату дасть предъ самѣмъ холопомъ, а не безъ него; а другое (т. е. второе) холопьство: поиметъ робу, а безъ рядоу; поиметъ-ли съ рядомъ, како ся боудетъ рядилъ, на томъ-же и стоить; а се третіе холопьство: тиоунство безъ ряда, или ключъ къ себѣ привяжетъ; съ рядомъ-ли, то како ся боудетъ рядилъ, на томъ же и стоитъ“ (ст. 119, 120, 121 Карамз. списка). Въ первой статьѣ предписывается производить куплю-продажу холопей предъ свидѣтелями, при чемъ покупщикъ долженъ былъ дать продавцу, при холопѣ, ногату (мелкую монету); такой способъ продажи былъ установленъ на случай спора о томъ, кому принадлежитъ рабъ. Во второй и третьей говорится, что взятіе „безъ ряду“ (рядъ — уговоръ, договоръ) рабы для женитьбы на ней, какъ и вступленіе „безъ ряда“ въ тіуны и ключники (прикащики и управители) ведетъ къ рабству. Въ Судебникахъ постановленіе статьи 120 выражается въ формулѣ: „по робѣ холопъ, по холопе раба“.

Русская Правда знаетъ, какъ источникъ рабства, преступленіе, а именно закупъ превращается въ обельнаго холопа, когда убѣгаетъ отъ господина (какъ это уже указывалось выше), когда онъ крадетъ что-нибудь [1]). Затѣмъ источникомъ рабства является несостоятельность по обязательствамъ на себя кѣмъ-либо принятымъ [2]) и рожденіе отъ холопа [3]). Всѣ эти способы извѣстны Русской Правдѣ. Но былъ еще одинъ самый важный способъ установленія холопства, ею не называемый, но весьма важный, по крайнѣй мѣрѣ съ количественной точки зрѣнія, а именно — плѣнъ. Плѣнные, обыкновенно, въ древности обращались въ рабство и на это есть множество указаній въ первоисточникахъ. Такъ напр., по сказанію лѣтописи „Ольга овыхъ (однихъ плѣнныхъ древлянъ) изби, а другихъ работѣ предасть мужемъ своимъ“; предать работѣ и значило „отдать въ рабство“, или холопство. Сообщая о походѣ Андрея Боголюбскаго на Новгородъ въ 1173 г., лѣтопись говоритъ, напр., что воины князя „и пришедше только въ землю ихъ, много зла створиша: села взяша и пожгоши и люди посѣкоша, а

---

1) „Оже закупѣ (закупъ) оуведеть что (подразумѣвается скотъ), то господинъ въ немъ (не платитъ), но оже и гдѣ налѣзуть, то передъ заплатить господинъ его конь, или ино что боудеть взялъ, а ему холопъ обелный“ (Карамз. сп., 74 ст.), т. е., если закупъ украдетъ что-либо и убѣжитъ, то господинъ не отвѣчаетъ за него; но если его гдѣ найдутъ, то господинъ долженъ заплатить за коня, или за что-либо другое, имъ украденное, а закупъ обращается въ обельнаго холопа.

2) По одной изъ статей Русской Правды торговая несостоятельность, явившаяся по винѣ купца, могла вести къ рабству, если кредиторы не хотѣли ждать уплаты за взятый товаръ („то како любо тѣмъ, чии (чей) то (тотъ) товаръ, ждутъ-ли ему (должнику), а своя имъ воля, продадутъ-ли“ ...; Троицк. сп. 50); по другой, если кто будетъ долженъ многимъ, а гость, или чужеземецъ, не зная этого, дастъ такому человѣку товаръ въ кредитъ и должникъ затѣмъ не будетъ въ состояніи ему заплатить долга, то надо было „вести я (его) на торгъ и продать“, въ томъ случаѣ, когда мѣстные кредиторы начнутъ препятствовать кредитору-чужеземцу получить свой долгъ (Карамз. сп., ст. 69).

3) По статьѣ 93 Троицкаго списка Русской Правды „отъ челяди плодъ или отъ скота“ считается, вмѣстѣ съ другимъ движимымъ имуществомъ, имуществомъ семьи (ср. 111 ст. Карамз. списка).

жены и дѣти и имѣнія взяша и скоты поимаша". Плѣнники, или „полоняники", составляли важный предметъ торговли, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, договоры русскихъ съ греками. Ихъ выводили на рынки, при чемъ особенно-удачные походы, сопровождавшіеся захватомъ большаго числа плѣнныхъ, весьма вліяли на пониженіе цѣны ихъ на рынкахъ. Въ 1169 г., напр., новгородцы захватили такъ много плѣнныхъ суздальцевъ, что „купляху суждальць по 2 ногатѣ"; по тому времени цѣна эта была совершенно незначительна, такъ какъ здѣсь плѣнный человѣкъ оцѣнивался втрое меньше козы и овцы, въ пять разъ меньше свиньи и въ 30 разъ меньше кобылы (коза и овца цѣнилась тогда по 6 ногатъ, свинья въ 10 ногатъ, а кобыла въ 60 ногатъ). Плѣнные брались иногда тысячами и, конечно, тогда цѣна ихъ на рынкѣ весьма понижалась, хотя вообще они были въ цѣнѣ: не говоря уже о рабахъ, пользовавшихся довѣріемъ господъ и занимавшихъ различныя должности (тіуны, старосты сельскіе и др.), даже простой рабъ, „рядовичъ", — какъ называетъ его Русская Правда, — оцѣнивался въ пять гривенъ, (въ гривнѣ-же было 20 ногатъ; отсюда ясно, какъ низка была цѣна тѣхъ суздальцевъ, о которыхъ было сказано выше). Плѣнные, повидимому, поступали не въ вѣчное холопство и могли быть либо выкупаемы, либо обмѣниваемы; во всякомъ случаѣ плѣнъ, по крайней мѣрѣ до XIII вѣка является весьма обильнымъ источникомъ рабства и лишь позднѣе, въ слѣдующій періодъ, размѣры его сокращаются; во второй половинѣ XVI вѣка полагаются преграды къ установленію холопства посредствомъ плѣна, но плѣнъ все таки продолжаетъ быть de facto источникомъ рабства и не исчезаетъ совершенно до конца XVII вѣка.

Что касается юридическаго положенія холоповъ, то оно вообще опредѣлялось тою формулою, что рабы суть вещи, а не лица, хотя церковь, какъ это будетъ отмѣчено ниже, рано начала заботиться объ улучшеніи положенія холоповъ. Подтвержденіе сказанной формулы

прежде всего находимъ въ томъ, что по Русской Правдѣ за убійство кѣмъ-либо чужого холопа или рабыни, „безъ вины“ съ ихъ стороны, платится князю не вира (обычная пеня за убійство свободнаго человѣка), а лишь т. н. продажа, т. е. штрафъ, который также взыскивается обыкновенно за имущественное правонарушеніе, при чемъ потерпѣвшій получаетъ за убытокъ (который нанесенъ ему убіеніемъ его раба или рабы, т. наз. урокъ, т. е. опредѣленную сумму денегъ [1]). Убійство раба кѣмъ-либо за вину съ его стороны не наказуется. Убійство рабовъ ихъ господами разсматривалось первоначально, какъ уничтоженіе своей собственности и было въ волѣ собственника.

Холопъ, не будучи лицомъ, а будучи вещью, не имѣлъ права иска на господина и не отвѣчалъ самъ предъ общественною (княжескою) властью за свои преступленія, почему князь и не наказывалъ ихъ („не казнилъ“) продажею въ случаѣ совершенія ими кражи; вознагражденіе за кражу человѣку, пострадавшему отъ дѣянія холопа, уплачивалъ его господинъ, и уплачивалъ въ двойномъ количествѣ (сравнительно съ убыткомъ, происшедшимъ отъ кражи) [2]. Впрочемъ, хозяинъ раба могъ, либо „выкупить“ вину раба своего, либо отказаться отъ него, выдавъ его потерпѣвшему [3]. Такъ какъ холопъ былъ собственностью господина, то Русская Правда, содержащая вообще очень много постановленій о рабахъ, защищаетъ эту его

---

1) „А въ холопѣ и робѣ виры нѣтуть; но оже будеть безъ вины оубиенъ, то за холопъ оурокъ платити, или за робу, а князю 12 гривенъ продажѣ“ (продажи) Троиц., 84 ст.).

2) „Аже будуть холопи татие ..., іхъ же князь продажею не казнить, зане суть не свободни, то двоиче платить ко истьцю за обидоу“. (Троиц. сп., ст. 42); изъ другой статьи тогоже списка Русской Правды видно, что „урокъ“ за раба, укравшаго вещь, платитъ его господинъ (ст. 114.).

3) „Аже холопъ крадеть кого-либо, то господину выкупати и (его), любо выдати“ ... (ibid., 115 ст.) „аже холопъ кдѣ куны вложитъ (займетъ) (или выжетъ, т. е. добудетъ деньги обманомъ, а онъ (кредиторъ) будетъ не вѣдая (что имѣлъ дѣло съ холопомъ) вдалъ, то господину выкупати и, или лишитися его ... (холопа). Вѣдая ли вдалъ, а кунъ ему лишитися“. (127 ст. Карамз. списка; срав. 110 Троицкаго сп.)

собственность противъ всякаго третьяго лица и защищаетъ весьма энергично. Если рабъ убѣгалъ, а хозяинъ производилъ о немъ такъ наз. закличь (объявленіе) на торгу (на рыночной площади), послѣ-же этого рабъ не былъ представленъ въ теченіи 3-хъ дней его хозяину, послѣдній могъ взять его, при чемъ владѣлецъ раба въ данное время уплачивалъ, за его укрывательство, пеню въ 3 гривны [1]). Если владѣлецъ раба могъ доказать добросовѣстность своего владѣнія, съ него не взыскивался штрафъ за кражу, но онъ, однако, долженъ былъ возвратить раба (35 ст. Троицкаго списка Р. Правды). Когда о бѣжавшемъ рабѣ была сдѣлана его господиномъ заповѣдь (тоже, что и закличь) и когда, зная объ этомъ, кто-либо далъ-бы рабу, или рабынѣ, хлѣба или указалъ-бы имъ путь-дорогу, то платилъ хозяину то, что стоилъ обыкновенный рабъ или раба [2]).

Рабы могли имѣть свое имущество [3]), заниматься торговлею и промыслами [4]), но, имущество ихъ не было вообще ограждено отъ притязаній господъ, считалось ихъ собственностью; но за то господа отвѣчали за ихъ долги [5]). Холопы вообще не упускались къ свидѣтельству на судѣ, но, въ крайности, когда не было свидѣтеля свободнаго,

---

1) „А челядинъ скрыеться, а закличють и на торгу, а за 3 дни не выведутъ его, а познаетъ и третии день, то свой челядинъ поняти, а оному платити 3 гривны продажи“ (ст. 26 Троицкаго списка).

2) „Аже холопъ бѣжить, а заповѣсть господинъ, аже слышавъ кто, или зная и вѣдая, оже есть холопъ, а дасть ему хлѣба іли оукажетъ ему путь, то платити ему за холопъ 5 гривенъ, а за робу 6 гривенъ“ (ibid., 106 ст.).

3) „Аже латининиинъ дасть княжю хълопоу въ заемъ или иномоу доброу члвку (иначе — или боярьскоу), а оумрете (холопъ) не заплативъ, а кто емльть его остатъкъ (наслѣдство), томоу платити немчиноу“ (т. е. нѣмцу; 12 статья договора Смоленска съ нѣмцами 1229 г.) Въ этомъ постановленіи видятъ, впрочемъ, смягченіе постановленій Русской Правды.

4) „Аже пустить (господинъ) холопъ (холопа) въ торгъ, а одолжаеть, то выкупати его господину и не лишитись его“. (Троиц., 111 ст.)

5) „Оже холопъ бѣгая добоудетъ товару, то господину холопъ и долги, господину же и товаръ“ (130 статья Карамзин. списка Р. Правды).

можно было возложить обязанность быть послухомъ (свидѣтелемъ т. н. доброй славы отвѣтчика; послухи — conjuratores или Eideshelfer, соприсяжники древняго германскаго права — должны быть отличаемы отъ видоковъ, свидѣтелей въ собственномъ смыслѣ) на „боярскаго тіуна на дворскаго“ [1]), т. е. на управляющаго, или на прикащика, боярскаго двора. Разрядовъ рабовъ, жившихъ на княжескихъ и боярскихъ дворахъ, было нѣсколько; чѣмъ выше они стояли въ довѣріи господъ своихъ и чѣмъ болѣе важныя должности занимали, тѣмъ больше цѣнились они (за убійство тіуновъ, напр., взималось столько-же, сколько и за убійство свободнаго человѣка, 1 ст. Троицкаго списка); только поэтому тіуны и допускались къ свидѣтельству на судѣ.

Таково было юридическое положеніе холоповъ, поскольку оно можетъ быть изображено въ общемъ и краткомъ очеркѣ. Какъ мы сказали, христіанская церковь рано начала работать надъ смягченіемъ весьма тяжелаго, какъ юридически, такъ и фактически, положенія холоповъ. Авторитетное и часто весьма сильно-звучавшее слово представителей церкви направлялось и противъ суровости самого права, и противъ злоупотребленія имъ. По выраженію знаменитаго проповѣдника XIII вѣка, епископа Серапіона, богатые и сильные, „аки звѣрье жадали, абы всѣхъ погубити, несытьствомъ имѣнія порабощали, не милували сиротъ, не знали человѣческаго естества; другіе-же, имѣнія(ми) не насыщешася, и свободные сироты порабощаютъ и продаютъ“, т. е., если были господа обращавшіеся съ рабами, не признавая ихъ „человѣческаго естества“, то были другіе, которые стремились и свободныхъ „порабощать“ и „продавать“. Способовъ для этого было много, какъ это было уже ука-

1) „А послушество на холопа не въскладають, но оже не будетъ свободнаго, то по ноужи сложити на боярьска тиоуна на дворьскаго; а на иныхъ (холоповъ) не въскладати“ (ibid., 77 ст.).

зано выше; злоупотребленіе ими было всегда возможно, тѣмъ болѣе, что слабый человѣкъ, хотя-бы и незаконо-мѣрно-обращенный въ рабство, рѣдко находилъ себѣ защиту у сильныхъ. Лишь церковь, въ рядѣ проповѣдей, стоитъ за смягченіе участи рабовъ и защищаетъ ихъ. Рабовладѣніе въ изучаемый періодъ, какъ позднѣе крѣпостное право, было основою хозяйственнаго быта страны, торговля рабами велась въ обширныхъ размѣрахъ, почему эта проповѣдь и не оказываетъ долго замѣтнаго вліянія. Замѣчательно, что другой знаменитый писатель начала XIII вѣка, Даніилъ Заточникъ влагаетъ въ уста даже приближеннаго къ господину холопа (а, слѣдовательно, и лучше поставленнаго экономически) жалобу на свою участь и желаніе перейти въ подданные князя (холопы не были подданными князей, а были частною собственностью ихъ господъ): „лучше мнѣ видѣть“, говоритъ такой холопъ „свою ногу въ лапти, нежели въ красномъ сапогѣ, въ боярскомъ дворѣ; лучше мнѣ тебѣ князь, въ дерюгѣ служить, нежели въ багряницѣ въ боярскомъ дворѣ; хоть золотыя кольца вставъ въ уши котлу, все-же дну его не избыть своей черноты; такъ и холопу. Сколько ни гордись онъ, но укора ему не избыть — холопьяго имени. Лучше мнѣ воду пить въ твоемъ дворѣ, нежели медъ въ боярскомъ дворѣ“ [1]). Подъ вліяніемъ церкви и ея проповѣди у насъ, какъ и вездѣ, положеніе холоповъ начало смягчаться не только фактически, въ силу требованій церкви обращаться съ холопами милостиво, кормить ихъ, не насиловать и т. п., но и юридически. А именно являются постановленія, въ которыхъ холопъ уже не разсматривается, какъ вещь господина, до которой нѣтъ никому дѣла, но, наоборотъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ общественная власть приходитъ къ нему на помощь.

1) Щаповъ „Голосъ древней русской церкви объ улучшеніи быта несвободныхъ людей“. (Казань, 1859 г.)

Прежде всего это смягченіе дѣлается въ области семейнаго права, принадлежавшаго, со времени введенія у насъ христіанства, къ вѣдомству церкви. Такъ, по Русской Правдѣ, если господинъ имѣлъ связь съ своею рабою и отъ этой связи имѣлъ дѣтей, то до смерти его они были его собственностью, послѣ-же смерти они, вмѣстѣ съ матерью, получали свободу, но, однако, не наслѣдовали послѣ него („Аще боудоуть робьи дѣти оу моужа, то задници имъ не имати, но свобода имъ (съ) матерью", ст. 110 Карамз. списка). По уставу вел. князя Всеволода-Гаврила отъ XII вѣка „о церковныхъ судѣхъ и о людяхъ" и пр., освобожденные, вмѣстѣ съ матерью, дѣти рабы („робичичи", какъ ихъ называетъ уставъ) получали, впрочемъ, „конь, да доспѣхъ и покрутъ, по разсмотрѣнію живота", т. е., здѣсь находимъ еще болѣе благопріятное разрѣшеніе вопроса объ освобождаемыхъ дѣтяхъ рабыни: они нетолько освобождаются вмѣстѣ съ матерью, но и получаютъ все необходимое на первоначальное обзаведеніе, въ качествѣ гражданъ. Другой случай освобожденія рабыни предусмотрѣнъ въ договорѣ Новгорода съ Нѣмцами отъ 1195 г.; по этой статьѣ, кто совершаетъ насиліе надъ рабой, тотъ платитъ гривну, „за обиду"; если при этомъ онъ ее „соромитъ" (срамитъ), то она освобождается отъ рабства („оже кто рабу поверьжетъ насильемъ, а не соромитъ, то за обиду гривна; пакили соромитъ, себѣ свободна"). Наконецъ, третій случай — это освобожденіе рабовъ, которымъ причинено было увѣчье, по винѣ ихъ господъ, что, впрочемъ, явилась уже не ранѣе конца XIV вѣка.

Осуждая весьма энергично стремленіе обращать въ рабство людей свободныхъ и заботясь также всѣми мѣрами объ отпущеніи рабовъ на волю, церковь стремилась помочь выходящимъ на волю холопамъ, которыхъ положеніе было часто очень тяжело, особенно, ввиду того, что господа брали съ выкупающихся на свободу лишнія, противъ обычной цѣны рабовъ на рынкѣ, деньги, что называлось изгойствомъ; церковь внушала, что

это — тяжкій, смертный грѣхъ и грозила за изгойство страшнымъ судомъ Божіимъ: „о горѣе (хуже) всего тѣмъ, которые берутъ изгойство: не увидятъ милости, непомиловавшіе равнаго себѣ, созданнаго рукою Божіею человѣка, ненасыщающіеся, недовольные урочною цѣною за свободу и полагающіе цѣну не по закону Божію“, говоритъ, напр., одно изъ церковныхъ поученій. (Щаповъ, ibid. стр. 14 сл.) Надо при этомъ замѣтить, что здѣсь слово изгойство употребляется въ особомъ спеціальномъ смыслѣ, отличномъ отъ того, какой соединяется обычно со словами изгой и изгойство. Въ упоминавшемся уже нами уставѣ великаго князя Всеволода-Гаврила „о церковныхъ судѣхъ и о людяхъ“ и пр. (1125—1136 гг.), между такъ наз. „церковными людьми“ упоминаются „изгои трои (т. е. три вида изгоевъ): поповъ сынъ грамотѣ не умѣетъ, холопъ изъ холопьства выкупится, купецъ одолжаетъ; а се и четвертое изгойство и къ себѣ приложимъ (говоритъ князь о себѣ): аще князь осиротѣетъ“. Такимъ образомъ есть 4 вида изгойства (или 4 вида изгоевъ) и изъ нихъ второй означаетъ, по названному уставу, холопа, выкупившагося изъ холопства. Если въ приведенномъ выше церковномъ поученіи „изгойство“ понимается, какъ взятіе съ выкупающагося на волю раба излишнихъ денегъ, то въ названномъ уставѣ изгой есть человѣкъ вышедшій изъ своего прежняго состоянія. Такими, вышедшими изъ прежняго состоянія (или союза) и невошедшими ни въ какое другое состояніе, людьми, являлся еще, кромѣ вольноотпущеннаго холопа, „поповъ сынъ“, незнавшій грамоты и, слѣдовательно не могшій, по смерти своего отца, исполнять его обязанности, несостоятельный купецъ, потерявшій свой прежній кредитъ по торговлѣ и, наконецъ, осиротѣвшій князь, лишившійся, благодаря этому сиротству, наслѣдованія въ удѣлѣ своего отца. Этимологія слова изгой не можетъ считаться вполнѣ установленной: одни производятъ это слово отъ предлога изъ и глагола

гоить, что значитъ жить (Калачевъ), другіе (Микуцкій) отъ латышскаго глагола izi, иду, откуда izgois — вышедшій. Изгой — человѣкъ, вышедшій изъ своего союза, а именно — по однимъ, изъ родового, по другимъ — изъ общиннаго. Положеніе такихъ „бывшихъ людей“ —, какъ ихъ можно-бы было назвать — вообще было въ старину очень тяжелое и эта тяжесть положенія объединяла всѣ виды изгойства, какіе только могли являться по условіямъ времени.

Отдѣлъ II.

Государственное управленіе.

§ 1.

Административное дѣленіе княжествъ.

(Города и волости. Верви, погосты, сотни, потуги.)

Первоначальное управленіе въ русскихъ княжествахъ удѣльно-вѣчеваго періода отличалось большою простотою и несложностью: органы центральнаго и мѣстнаго управленія еще не выдѣлились другъ отъ друга, различныя функціи управленія сосредоточивались весьма нерѣдко въ однихъ и тѣхъ-же рукахъ, личные слуги князей являлись въ тоже время исполнителями общественныхъ обязанностей, доходы князей плохо отличались отъ общегосударственныхъ доходовъ; управленіе носило, кратко говоря, частно-правовой характеръ и весьма мало походило на то, что мы привыкли теперь соединять съ понятіемъ „государственнаго“ управленія. Нѣкоторые историки нашего права, какъ, напр., Б. Н. Чичеринъ, утверждаютъ даже, что нетолько у первыхъ нашихъ князей, но и у князей позднѣйшаго времени (т. е. у

князей нетолько 2-ой половины періода, но, повидимому, и у князей московскаго времени) „не было еще понятія объ общественныхъ потребностяхъ, составляющихъ предметъ государственнаго управленія: если первые князья — „пріобрѣтя въ подчиненныхъ имъ областяхъ право суда и право на полученіе дани“, — „на эти права смотрѣли единственно, какъ на источникъ доходовъ, какъ на средство обогатить свою дружину“, то тоже продолжалось и позднѣе, когда, князья изъ начальниковъ дружины превратились „въ вотчинниковъ“, такъ какъ „характеръ управленія остался тотъ-же и въ немъ, какъ въ частномъ хозяйствѣ, вся цѣль состояла въ полученіи дохода княземъ и его слугами“ [1]). Кажется, однако, что означенный взглядъ на характеръ древняго нашего управленія несовсѣмъ вѣренъ: хотя государственныя начала управленія были тогда весьма еще неразвиты, но сводить всю цѣль управленія къ полученію доходовъ княземъ и его слугами значило-бы отвергать совершенно самостоятельное значеніе задачъ управленія. Если-бы князь правилъ только для того, чтобъ получать доходы, то было-бы совсѣмъ необъяснимо, что заставляло вѣчевыя собранія нетолько сносить это управленіе, но и призывать князей постоянно въ тѣ или другія волости? Повидимому, населеніе оцѣнивало дѣятельность князей по управленію не съ одной только точки зрѣнія извлеченія ими изъ волостей бо́льшихъ или меньшихъ даней и пошлинъ, но находило въ ней и другія стороны, полезныя сами по себѣ для развитія въ странѣ гражданственности; объ этихъ сторонахъ дѣятельности князей было уже своевременно говорено и ихъ обзоръ не оставляетъ сомнѣнія, что какое-бы значеніе ни придавалось отдѣльными князьями и ихъ слугами полученію доходовъ, этимъ однимъ полученіемъ не исчерпывалась, даже для изу-

1) Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ (М. 1856 г.), стр. 2.

чаемаго времени, цѣль управленія тѣми или другими волостями.

Послѣ этихъ общихъ небольшихъ замѣчаній, перейдемъ къ краткому очерку управленія въ удѣльно-вѣчевой періодъ и прежде всего остановимся на административномъ, или правительственномъ, дѣленіи княжествъ. Мы уже указали выше (стр. 45 и сл.), какъ именовались территоріи отдѣльныхъ княженій, отмѣтивъ при этомъ, что нѣкоторыя изъ этихъ наименованій, какъ напр., волость (или власть) употреблялись, какъ для означенія территоріи всего даннаго княженія, такъ и его отдѣльныхъ частей, составлявшихъ, въ правительственномъ отношеніи одно цѣлое, или, иначе говоря, единицу управленія: волость — и часть государства, и все государство-княженіе. Каждое государство-княженіе (или государство-волость) подраздѣлялось на волости, какъ провинціи, или уѣзды, (какъ-бы можно было сказать, примѣняясь къ позднѣйшей терминологіи) и города съ пригородами. „Волость“, въ этомъ смыслѣ части даннаго государства, есть, по опредѣленію проф. Вл.-Буданова, „округъ, подчиненный каждому пригороду въ отдѣльности; оно заключаетъ въ себѣ укрѣпленныя и неукрѣпленныя сельскія общины.“ Волости, какъ административные округи, какъ подраздѣленія княжествъ, весьма древнее наименованіе и о нихъ идутъ извѣстія съ первыхъ временъ изо всѣхъ земель: въ Новгородской землѣ, напр., самыя раннія договорныя грамоты Новгорода съ князьями уже говорятъ о томъ, что князь не долженъ „держати волостей новгородскихъ своими мужи“, но долженъ „держати мужи новгородскіе“, долженъ не раздавать волостей „безъ посадника“, и „безъ вины мужа волости не лишати,“ при чемъ, какъ „волости новгородскія“ перечисляются „Волокъ, Торжекъ“ и многіе другіе пригороды Новгорода съ ихъ землями. Эти пригороды съ ихъ землями „тянули“, какъ тогда говорили, „судомъ и данью по землѣ и водѣ“ къ главному городу, т. е. были ему

подчинены въ отношеніи судебномъ и финансовомъ, какъ части его территоріи.

Волости, какъ части даннаго княжества, или его уѣзды, подраздѣлялись на верви и погосты, при чемъ первое наименованіе встрѣчается какъ въ южныхъ, такъ и сѣверныхъ княжествахъ, второе-же — только въ сѣверныхъ (въ земляхъ Новгородской, Смоленской, Суздальской и др.); каждое изъ этихъ двухъ наименованій — древнѣйшаго происхожденія и оба они обозначаютъ наименьшее дѣленіе первоначальныхъ нашихъ княжествъ, ихъ ячейки, изъ коихъ выросли, постепенно слагаясь въ волости, сначала племенныя, а затѣмъ и другія земли, какъ особыя княжества. Коснемся каждаго изъ этихъ наименованій отдѣльно и посмотримъ, что разумѣется подъ ними въ первоисточникахъ. Что касается прежде всего этимологіи слова вервь, то она является спорною. Одни ученые производятъ слово вервь отъ общаго индоевропейскаго корня Warf, Hwarf. „Кажется“, замѣтилъ еще Карамзинъ, „что слово вервь, употребленное въ смыслѣ округи, есть нормандское, или шведское Hwarf“ и такое производство слова признается многими донынѣ [1]). Другіе, наоборотъ, производятъ его отъ слова веревка, вервіе [2]) и полагаютъ, что такъ называется округъ, пространство коего было измѣрено веревкою (или вервью, какъ называется иногда веревка). Что земли у насъ, какъ и другихъ народовъ, въ первоначальныя времена измѣрялись веревками, это не подлежитъ со-

---

1) См., напр., мнѣніе проф. В.-Буданова („Обзоръ исторіи р. права“, стр. 85), утверждающаго, что корень слова (вервь) общій индоевропейскій — Warf.

2) См. сводъ мнѣній объ этомъ производствѣ въ „Изслѣдованіяхъ по Русской Правдѣ“ проф. П. Н. Мр. — Дроздовскаго (М., 1885 г.), вып. II, стр. 134 и сл. Ср. также сочиненіе И. М. Собѣстіанскаго „Круговая порука у славянъ“ и пр. (Хар., 1888 г.), стр. 114 и сл., въ которомъ авторъ не соглашается съ производствомъ термина „вервь“ отъ веревки и говоритъ, что „слово вервь имѣетъ совершенно одинаковое значеніе съ латинскимъ linea и французскимъ ligne (la), которыя означаютъ нетолько веревку, но и связь родства, родъ“.

мнѣнію. Даже отъ позднѣйшаго времени, а именно отъ XVII вѣка, дошли до насъ такъ наз. „веревныя книги“: онѣ сохранились въ волостяхъ крайняго сѣвера (въ нынѣшней Архангельской губерніи) и ихъ изслѣдовательница, г-жа А. Ефименко, утверждаетъ, что по этимъ книгамъ (описывавшимъ точно землю, которая принадлежала каждому двору) „вервь имѣетъ 64 веревныхъ сажени, а веревная сажень — около 250 квадратныхъ саженъ“. Здѣсь „вервь“ чисто-территоріальная единица, въ ней забыта уже всякая родовая связь, но въ эпоху племенныхъ княженій, какъ и въ удѣльно-вѣчевое время, она была еще семейно-территоріальною общиною (см. выше, стр. 33 и сл.). Впрочемъ, по Русской Правдѣ вервь является уже только территоріальною единицею, какъ это мы отмѣтимъ ниже, что само по себѣ, однако, не указываетъ еще, что она утратила совершенно первое свое значеніе (семейно-территоріальной общины), а значитъ лишь, что составители Русской Правды коснулись одной стороны ея устройства, опредѣленіе значенія которой имъ было важно, но не занимались другими ея сторонами. Тоже касается этимологіи слова вервь, то болѣе вѣроятій за славянское происхожденіе этого слова, чѣмъ за германское.

Интересно при этомъ отмѣтить, что новѣйшіе германисты (какъ, напр., v. Amira, Brunner, R. Schröder) придаютъ словамъ Hwarf, Warf, Werf, (отъ которыхъ производятъ у насъ слово вервь) вовсе не значеніе окру́ги, округа, т. е. территоріальнаго подраздѣленія волостей, а значеніе mallus, folcgemót, ding, Thing, что значитъ вѣчевое собраніе, вѣче (народное собраніе, Volksversammlung), какъ бы слѣдовало перевести эти слова, примѣняясь къ нашей древней терминологіи. Но, если это такъ, аналогія значенія

1) Изслѣдованія народной жизни (М., 1884 г.), стр. 213 и сл.

слова вервь съ словами Hwarf, Warf, Werf дѣлается, какъ намъ кажется, еще менѣе возможной.

Какъ уже отмѣчено, о верви говоритъ Русская Правда, при чемъ въ однихъ постановленіяхъ своихъ, она возлагаетъ на всѣхъ членовъ верви обязанность платить виру, въ другихъ-же — эта обязанность падаетъ лишь на тѣхъ изъ нихъ, которые „вложились“ въ такъ наз. „дикую виру“. Разсмотримъ отдѣльно тѣ и другія постановленія. Перваго рода постановленія гласятъ, что, если убьютъ умышленно (въ разбоѣ) княжа мужа (или „огнищанина“ по другимъ спискамъ), а убійцу (головника) не сыщутъ, то виру (виревную) въ 80 гривенъ платитъ та вервь, въ которой найденъ убитый („въ чьей-же верви голова лежитъ“); если же былъ убитъ „людинъ“, то вервь платитъ 40 гривенъ [1]). Второго рода постановленія разрѣшаютъ платить верви такъ наз. „дикую виру“, — если убійцы (головника) нѣтъ налицо, — столько лѣтъ, во сколько она можетъ ее выплатить. Когда-же убійца находится въ самой верви, то послѣдняя, либо помогаетъ ему въ уплатѣ виры, въ случаѣ, если онъ раньше вносилъ свою часть въ общую складчину, либо платитъ дикую виру въ 40 гривенъ, при чемъ самъ убійца платитъ такъ наз. „головничество“ (вознагражденіе за убійство, или „за голову“, платимое родственникамъ убитаго), въ уплату-же виры (пени за убійство, шедшей князю) вноситъ только свою часть. Но, если онъ убилъ кого въ ссорѣ (въ свадѣ), или на пиру явно, то вервь платилъ по раскладкѣ („по вервинынѣ“) изъ общей суммы той складчины, которая добровольно дѣлалась между членами верви (Троицк. сп. ст. 4); но, если кто изъ членовъ верви не вложился въ дикую виру, (т. е. не внесъ своей доли на ея уплату), тому люди не помогаютъ въ уплатѣ пени за убійство, но онъ самъ ее платитъ

1) „Аже кто оубиеть княжа мужа въ разбои, а головника не ищють, то виревную платити въ чьей-же верви голова лежитъ, то 80 гривенъ; пакиль людинъ, то 40 гривенъ“ (Троиц. сп., 3 ст.; ср. Академ. сп., 19 ст.).

(ibid., ст. 6). Мы изложили, по возможности, кратко содержаніе весьма темнаго и спорнаго постановленія Русской Правды второго рода — о правѣ членовъ верви принимать или не принимать участіе въ уплатѣ такъ наз. „дикой виры“ —, изъ котораго нѣкоторые ученые (напр., И. Д. Бѣляевъ) дѣлали тотъ выводъ, что сама „вервь была союзомъ, устроеннымъ добровольно для платежа „дикой виры“. Но такое утвержденіе прежде всего противорѣчитъ перваго рода постановленію, изъ котораго ясно видно, что вервь была территоріальною единицею [1]), а не простымъ безземельнымъ союзомъ людей (она, по приведенной выше 3-ьей статьѣ Троицкаго списка Русской Правды, платитъ виру, когда на ея землѣ найдена голова убитаго). Скорѣе надо признать, что, наряду съ вервью, какъ территоріальною единицею, какъ подраздѣленіемъ волости, подобномъ погосту, Русская Правда признаетъ вервь, какъ общество лицъ, связанныхъ добровольно между собою такъ наз. „круговою порукою“. Вира, взыскиваемая не съ одного преступника, а со всей такой общины, называется дикою. Слово дикій, надо понимать, по толкованію ученыхъ, въ смыслѣ либо слова общій, такъ что „дикая вира“ — это вира платимая всею вервью сообща (Соловьевъ), либо въ смыслѣ слова чужой, такъ что „дикая вира“ есть вира платимая за чужую вину (Дубенскій; другія толкованія см. у Собѣстіанскаго, ibid., 154). То и другое толкованіе возможно принять, такъ какъ „дикая вира“, дѣйствительно, платилась вервью сообща и за

1) Что вервь наша была территоріальною единицею, это еще съ бо́льшею ясностью видно, изъ процедуры исканія вора по слѣду, извѣстной, какъ нашей Русской Правдѣ, такъ и leges barbarorum, подъ именемъ vestigii minatio и др. Такъ, напр., если земля будетъ разсѣчена, или на землѣ будетъ найденъ знакъ ловли, или сѣть, то надо было по верви искать вора; въ противномъ-же случаѣ — платить князю продажу, именно: „оже будеть разсѣчена земля, или на землѣ знаменіе, имъ-же ловлено, или сѣть, то по верви искати къ собѣ татя, а либо продажу платити“ (Карамз. сп., ст. 80). О производствѣ исканія вора по слѣду у древнихъ германцевъ и у насъ см. мою статью „Начальныя стадіи процесса виндикаціи движимостей по leges barbarorum“ (въ Сборникѣ въ честь проф. М. Ф. Вл.-Буданова).

чужую вину. Общее заключеніе изъ всего сказаннаго то, что по Русской Правдѣ, въ случаѣ умышленнаго убійства, когда вервь не отыскала преступника, отвѣтственность за убійство падаетъ на всю общину, какъ территоріальную единицу; въ случаѣ, если убійство было непредумышленное, на пиру или ссорѣ, вервь помогаетъ убійцѣ въ уплатѣ пени только въ томъ случаѣ, когда онъ былъ вкладчикомъ въ „дикую“, или общую „виру“. Изъ Русской Правды невидно, сохранила-ли эта территоріальная община родственныя связи; объ этомъ лишь можно заключить изъ другихъ данныхъ, о которыхъ говорилось уже выше.

Въ сѣверныхъ княжествахъ, какъ сказано, вервь, какъ подраздѣленіе волости, носила наименованіе погоста. Первое извѣстіе о погостахъ относится къ 947 г.; подъ этимъ годомъ Лаврентьевская лѣтопись сообщаетъ, что в. кн. Ольга „устави по Мстѣ погосты и дани и по Лузѣ оброки и дани“. Какъ ни кратко это свидѣтельство лѣтописи, но то обстоятельство, что здѣсь о погостахъ говорится въ связи съ данями и оброками, заставляло изслѣдователей уже давно придти къ тому заключенію, что погосты имѣютъ отношеніе къ вопросу объ этихъ даняхъ и оброкахъ, почему часто и называютъ погосты (какъ, впрочемъ, и верви) финансовыми, или податными, округами. Въ пользу этого предположенія есть доказательства, между прочимъ, въ такъ наз. писцовыхъ книгахъ, гдѣ описываются владѣнія княжескія, частныя и пр. Въ этихъ книгахъ погосты противополагаются нерѣдко присудамъ. Такъ какъ присуды — судебные округа, то погосты уже потому, между прочимъ, надо считать податными округами, что судъ, съ одной стороны, дани и повинности съ другой, составлялъ весьма важный интересъ тогдашняго управленія: если одни округа вѣдали судъ, то другіе должны были вѣдать сборъ этихъ даней и наблюденіе за несеніемъ повинностей. Погостъ, будучи податнымъ округомъ, имѣлъ извѣстный центръ, гдѣ жили сборщики

податей и другіе органы управленія, такъ что словомъ погостъ въ источникахъ обозначается, какъ самъ округъ, такъ и его главное поселеніе. Такъ какъ погосты были очень древняго происхожденія, то нѣкоторые ученые (Неволинъ и др.) предполагаютъ, что въ языческое время погосты были мѣстами отправленія языческаго богослуженія. Если-же мы примемъ во вниманіе производство слова погостъ отъ слова гость, то можно допустить, что уже въ незапамятныя времена къ этимъ мѣстамъ народныхъ сборищъ стекались торговцы-чужеземцы, которые и могли дать свое имя тѣмъ мѣстамъ, гдѣ они вели свой торгъ, какъ они дали это имя самому своему торгу (иностранная торговля называлась тогда „гостьбою"), или тѣмъ дорогамъ, по которымъ они вели этотъ торгъ (большая проѣзжая дорога называется въ Русской Правдѣ „гостинецъ великій": „аже погубять (потеряютъ) слѣдъ на гостиньцѣ на велицѣ" . . . говоритъ 70 статья Троицкаго списка). Такое торговое мѣсто могло быть весьма удобно обращено позднѣе въ правительственный округъ податнаго характера. Нѣкоторые ученые (въ новѣйшее время, напр., авторъ изслѣдованія „Погосты въ значеніи правительственныхъ округовъ и сельскихъ приходовъ въ сѣверной Россіи," А. А. Папковъ), признавая погосты, какъ главную мѣстность округа, правительственнымъ центромъ, въ которомъ жили органы этого управленія, въ тоже время настаиваютъ на церковномъ значеніи погостовъ и утверждаютъ, что „погосты, въ качествѣ церковно-административныхъ центровъ, составляли обычное явленіе". Такое значеніе погостовъ есть явленіе, однако, болѣе поздняго времени, вѣроятно, начала московскаго періода, такъ какъ о „погостскихъ церквахъ" и о мѣстахъ для погоста, какъ кладбища и поселенія причта, свѣдѣнія идутъ отъ XV вѣка, при чемъ изъ писцовыхъ книгъ видно, что часто въ этихъ погостахъ, какъ правительственныхъ округахъ, не было ни церквей, ни кладбищъ и поселеній для причта, т. е.,

иначе говоря, погосты въ раннее время, до XV вѣка по крайней мѣрѣ, не могли быть, во многихъ случаяхъ, церковно-административными центрами. Надо еще оговориться, что, хотя мы и называемъ верви и погосты правительственными округами, но называемъ ихъ такъ не въ томъ смыслѣ, что они были учреждены правительствомъ того времени (т. е. князьями), но лишь въ томъ, что они вѣдали задачи тогдашняго управленія; сами-же верви и погосты происхожденія, вѣроятно, доисторическаго.

Указанныя выше подраздѣленія волостей на верви и погосты не были единственными въ древней Руси; кромѣ нихъ извѣстны еще сотни, потуги и др. Памятники довольно безразлично упоминаютъ эти всѣ термины, нерѣдко замѣняя одно съ другимъ; въ свою очередь и нѣкоторые ученые считаютъ возможнымъ разсматривать эти термины, какъ разныя лишь наименованія, касающіяся однихъ и тѣхъ-же понятій. Извѣстный историкъ нашего права И. Д. Бѣляевъ, напр., говоритъ въ своемъ изслѣдованіи „О круговой порукѣ на Руси“, что „по всей землѣ, гдѣ жилъ русскій народъ, были устроены общины круговой поруки, извѣстныя подъ именемъ вервей, погостовъ, волостей (?), сотенъ и подъ другими наименованіями; общины устраивались по добровольному согласію членовъ, а не по принужденію и правительство въ это дѣло вовсе не вмѣшивалось, а только признавало законность такого порядка дѣлъ.“ Мы пытались выше провести развитіе между вервями и погостами, по крайней мѣрѣ въ ихъ первоначальномъ значеніи. Позднѣе, во второй половинѣ изучаемаго періода, эти различія сгладились и съ точки зрѣнія управленія оба подраздѣленія стали весьма близко подходить другъ къ другу. Тоже надо сказать о сотняхъ и потугахъ. Первоначально между этими единицами была большая разница: сотни были подраздѣленія чисто-военнаго характера, потуги — податнаго; позднѣе они стали выполнять въ управленіи тоже назначеніе, что и

верви, погосты и пр. Подраздѣленіе земскихъ народныхъ войскъ по численному составу ихъ (на сотни, тысячи и т. д.) есть явленіе общее многимъ народамъ на первоначальныхъ стадіяхъ ихъ культуры; въ древнегерманскомъ правѣ встрѣчаемъ, напр., такъ наз. centenae, Hunderte, Hundertschaften, сотни; первоначально это — настоящая сотня воиновъ, которая даетъ затѣмъ свое наименованіе уже сотнѣ, какъ округу, какъ подраздѣленію такъ наз. pagus, Gau, нашей волости, на части; во главѣ этого округа стоитъ сотскій, центенарій (centenarius). Позднѣе, впрочемъ, слова сотня и сотскій получили еще болѣе широкое примѣненіе: какъ сотскій сталъ означать нетолько органа военнаго, но и гражданскаго управленія, такъ и сотня — гражданское общество. Такъ, напр., въ Новгородѣ купеческія общества носили наименованіе сотенъ: „а купецъ пойдетъ въ свое сто, а смердъ потянетъ въ свой потугъ (или иначе въ свой „погостъ"), какъ гласитъ одинъ древній актъ. Потугъ, повидимому, какъ былъ первоначально, такъ и остался позднѣе податнымъ округомъ, къ которому тянули тяглые люди того времени, смерды и др.; въ качествѣ такового округа, слово потугъ могло замѣняться словами погостъ, верви и пр., поскольку они также были податными единицами, или платежными округами, къ которымъ были приписаны жители для несенія податей и повинностей.

§ 2.

Органы и предметы управленія.

(Органы и предметы княжескаго управленія. Органы земскаго самоуправленія. Посадники и тысяцкіе въ Новгородѣ.)

Въ изучаемомъ періодѣ нашей исторіи, князья являлись нетолько центральною, но и мѣстною властію, такъ какъ ихъ управленіе лично и непосредственно простиралось нетолько на всю землю-госу-

дарство, но и на его отдѣльные округа, волости и ихъ части, гдѣ присутствіе князя упраздняло дѣйствіе мѣстныхъ властей. Какія-же мѣстныя власти, или органы власти центральной, были въ изучаемое время? Прежде всего здѣсь надо назвать посадниковъ. Посадники, какъ это показываетъ само наименованіе слова, были люди, посаженные княземъ въ данной мѣстности, для управленія и суда надъ жителями оной. Посадники явились вмѣстѣ съ первыми князьями. Уже Рюрикъ, сдѣлавшись послѣ смерти братьевъ своихъ единодержавнымъ правителемъ, сталъ раздавать волости мужамъ своимъ: изъ Лаврентьевской лѣтописи мы узнаемъ, что „по дву-же лѣту (правленія 3-хъ братьевъ, т. е. въ 864 г.). Синеусъ умре и братъ его Труворъ и прія власть Рюрикъ и раздая мужемъ своимъ грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ, овому Бѣлоозеро.“ Впервые, впрочемъ, выраженіе „посадить мужей своихъ“ въ городахъ (т. е. сдѣлать изъ нихъ посадниковъ) является въ той-же лѣтописи подъ 882 г., гдѣ объ Олегѣ встрѣчаемъ извѣстіе, что „поиде Олегъ, поимъ вои многи, Варяги, Чюдь, Словѣни, Мерю, Весь, Кривичи и приде къ Смоленьску съ Кривичи и прія градъ и посади мужь свои; откуда поиде внизъ и взя Любецъ и посади мужь свой“. Обыкновенно, занятіе чужой волости сопровождалось надѣленіемъ ея княжескимъ посадникомъ, если занятіе это было результатомъ военнаго похода; если-же волость добровольно присоединялась къ какому-либо княжеству, она брала у него сама посадника, какъ-бы въ выраженіе своей покорности его князю: подъ 1147 г. „послаша“, напр., „куряне (въ знакъ своей покорности) къ князю и пояша у него посадникъ къ себѣ“. Посадники были личными органами князя и, раздавая имъ волости (провинціи) въ посадничество, онъ, обыкновенно, поступалъ вполнѣ самостоятельно, при чемъ назначалъ, какъ своихъ дѣтей и родственниковъ, такъ и старшихъ дружинниковъ (мужей и бояръ), иногда-же даже—младшихъ дружинниковъ. О Владимірѣ Св.

лѣтопись говоритъ, напр., что онъ „избра мужи добры, смышлены и храбры, и раздая имъ грады“, т. е. онъ назначалъ посадниковъ изъ старшихъ дружинниковъ; о Всеволодѣ Ярославовичѣ, в. кн. кіевскомъ, лѣтопись говоритъ, что „печаль бысть ему отъ сыновецъ своихъ, яко начаша ему стужати (т. е. докучать), хотя власти (т. е. волостей), овъ сея, овъ-же другія; сей-же омиряя ихъ, раздаваша власти имъ“ (въ 1093 г.), т. е. здѣсь мы видимъ примѣръ раздачи волостей дѣтямъ. Наконецъ, объ однихъ князьяхъ (Ростиславичахъ Ростовскихъ) сказано въ лѣтописи, что они „раздаяла бѣста посадничества русскимъ дѣтскимъ“, т. е. младшимъ дружинникамъ (Ипатьев. л., 1175 г.). Обычай требовалъ чтобъ посадниками были княжіе мужи или бояре, но здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, бывали отъ обычая отступленія. — Древнѣйшему періоду исторіи права совершенно было чуждо какое-либо понятіе о раздѣленіи властей или функцій власти: поэтому посадники были въ одно и тоже время властью военною и гражданскою, являлись администраторами и судьями въ той мѣстности, гдѣ ихъ князья сажали, поскольку простота жизни и отношеній требовала отъ нихъ такой дѣятельности. Что посадники были и судьями, видно, между прочимъ, изъ словъ лѣтописи о посадникахъ, назначенныхъ Ростиславичами въ Суздальскую область, которые „многу тяготу людямъ сотвориша продажами и вирами“, т. е. именно судебными пошлинами. Такъ какъ посадники были, какъ сказано, нетолько гражданскою, но и военною властью, то иногда въ должности посадниковъ назначались воеводы, т. е. лица, обыкновенно завѣдывавшія, вмѣсто князя, по его порученію, командываніемъ частями войска; вѣроятно, это бывало въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ военная опытность была особенно нужна.

Посадники назначались княземъ и сидѣли на своихъ посадничествахъ до тѣхъ поръ, пока это находилъ нужнымъ князь; были, впрочемъ, случаи изгнанія народомъ неугодныхъ ему посадниковъ. Посадники жили съ соби-

раемыхъ судебныхъ и торговыхъ пошлинъ, часть которыхъ шла въ ихъ пользу, а равно и получали съ населенія кормы натурою.

Особенное значеніе пріобрѣла должность посадника въ Новгородѣ, гдѣ посадникъ былъ съ XIII уже высшимъ сановникомъ, выбираемымъ самимъ вѣчемъ, лицомъ несмѣняемымъ княземъ и отъ него независимымъ. Прежняго-же посадника уже съ начала XIII вѣка смѣнили въ Новгородѣ намѣстникъ князя, затѣмъ съ XIV вѣка намѣстники вытѣсняютъ вездѣ прежнихъ посадниковъ. Такъ какъ образованіе и развитіе этой должности относится уже къ слѣдующему періоду, то мы на ней пока и не будемъ останавливаться.

Какъ мы уже знаемъ, изстари отдѣльныя княжества (или „волости“, „земли“, какъ государства) дѣлились на „волости“, какъ части государства, или „уѣзды“, какъ стали еще волости называться позднѣе на Москвѣ. Въ этихъ „волостяхъ“, или отдѣльныхъ административныхъ округахъ, сидѣли т. н. „волостели“; съ XIV вѣка слово „волость“, въ значеніи части княжества, является общеупотребительнымъ и исчезаетъ его прежнее значеніе. Волостель въ волости — тоже, что посадникъ въ городѣ; противоложность города и волости, какъ провинціи, сказавшаяся очень рано, вызвала необходимость созданія этихъ 2-хъ должностей. Во всѣхъ городахъ, кромѣ стольныхъ, гдѣ живетъ самъ князь, есть посадники, во всѣхъ волостяхъ — волостели, какъ лица, которымъ поручилось управленіе въ данномъ уѣздѣ; волостель живетъ въ главномъ поселеніи своей волости, погостѣ, разъѣзжая по ней для отправленія своихъ обязанностей. Города и волости дѣлятся, въ свою очередь, на мелкія административныя единицы — сотни, потуги и погосты, которыми завѣдуются сотскіе и старосты.

Какъ сами князья, правившіе, обыкновенно, лично стольнымъ городомъ и судившіе гражданъ, такъ и поставленные ими посадники (позднѣе — намѣстники) и волостели, при нераздѣльности въ лицѣ ихъ всѣхъ

функцій власти, нуждались въ мѣстахъ своей дѣятельности въ лицахъ, которымъ-бы они могли поручать исполненіе нѣкоторыхъ дѣлъ, прежде-же всего — дѣлъ судебныхъ. Такими лицами были тіуны, какъ княжескіе, такъ и тіуны посадниковъ, намѣстниковъ и даже волостелей, назначавшіеся тѣми лицами, при которыхъ они состояли для рѣшенія тяжебныхъ дѣлъ. Тіунъ (или тивунъ) — понятіе очень широкое въ изучаемое время: подъ этимъ наименованіемъ разумѣлись, какъ лица, служившія въ княжескихъ селахъ и дворахъ, т. е. ведшіе частное хозяйство князя, такъ и судьи; весьма нерѣдко тіуны были холопами. Общее наименованіе „тіунъ“, дававшееся какъ личнымъ слугамъ (или приказчикамъ) князя, какъ хозяина-землевладѣльца, такъ и судьямъ, какъ органамъ власти, характерно весьма въ томъ отношеніи, что наглядно показываетъ намъ, что интересы князя, какъ хозяина, мало еще выдѣлились отъ его интересовъ, какъ государя, или, иначе говоря, частноправные интересы его сливались съ интересами государственными, — явленіе, частью, впрочемъ, переходящее изъ изучаемой эпохи и въ слѣдующій періодъ. Слово „тіунъ“ употребляется въ источникахъ нерѣдко съ различными эпитетами: такъ говорятъ „тіунъ княжескій“, для отличія „тіуновъ“ князя отъ всякихъ другихъ; „тіунъ огнищный“ для обозначенія тіуна, который являлся прикащикомъ надъ „огнищами“ т. е. рабами; „тіунъ дворскій“ завѣдывавшій дворомъ и дворовыми людьми князя, въ томъ числѣ нерѣдко и рабами (въ послѣднемъ случаѣ оба наименованія совпадали); „тіунъ конюшій“, завѣдывавшій очень важною отраслью княжескаго хозяйства — коневодствомъ; „тіунъ ратайный“, или „сельскій“, завѣдывавшій „ратаями“, земледѣльцами, сидѣвшими на княжескихъ земляхъ, и сельскими рабочими. Тіуны, какъ судьи, замѣняли князей, посадниковъ, волостелей, въ тѣхъ случаяхъ, когда они не могли сами лично исполнять свои обязанности по разбору дѣлъ, съ которыми обращались къ нимъ стороны. Въ созданіи

должности судебныхъ тіуновъ нельзя, однако, видѣть еще выдѣленія судебной функціи отъ функціи административной, въ цѣляхъ передачи ея исполненія особымъ независимымъ органамъ, а лишь замѣну одного лица другимъ, при чемъ эта замѣна происходитъ по необходимости, ввиду невозможности самому князю, или его посаднику, всегда разбирать тяжебныя дѣла. Этимъ и объясняется тотъ фактъ что, если князь пріѣзжалъ въ пригородъ, или волость, гдѣ были его посадники и волостели, то власть ихъ eo ipso прекращалась и князь могъ, если хотѣлъ, вступить въ отправленіе врученныхъ имъ обязанностей; тоже надо сказать и относительно должности тіуновъ.

Кромѣ должностей судебныхъ, выдѣлившихся, по указаннымъ основаніямъ, изъ общеадминистративныхъ, очень рано встрѣчаемъ должности финансоваго характера. Управленіе доходами князя, неразличавшимися отъ доходовъ государственныхъ, находилось въ непосредственномъ завѣдываніи самихъ князей; первоначально князья даже сами ходили для собиранія даней и оброковъ по своимъ княжествамъ; съ XI вѣка они посылаютъ, однако, для этого особыхъ сборщиковъ („дань емлющихъ“ или „данщиковъ“), но и въ это время и позднѣе они удерживаютъ управленіе доходами въ непосредственномъ своемъ вѣдомствѣ, что наглядно выражается въ томъ, что эти доходы поступаютъ прямо къ самому князю и что лица, завѣдывающія сборомъ доходовъ, лично сносятся съ князьями, а не съ ихъ посадниками и волостелями. Думаютъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда эти лица собирали княжескіе доходы сами, они ихъ собирали лишь на себя, какъ добавленіе къ ихъ корму, или кормамъ, получавшимся съ населенія натурою. Доходы князей заключались въ данякъ, въ урокахъ (оброкахъ), пошлинахъ съ товаровъ и судебныхъ, наконецъ, въ натуральныхъ повинностяхъ. Дани шли съ земли: дворъ или домъ, рало или соха, были единицами обложенія, такъ какъ, по выраженію лѣто-

писи, дани брались „отъ дыма“, или „отъ рала“. Въ этомъ смыслѣ слово „дань“, встрѣчаемое въ лѣтописяхъ, надо понимать, какъ поземельную подать, т. е., какъ одинъ изъ видовъ прямыхъ налоговъ; но слово „дань“ нерѣдко понималось, кромѣ того, весьма широко: все, что дается князю, называется данью. Слово „дань“ замѣняется, въ этомъ смыслѣ, иногда словомъ „пошлина“, собственно-же пошлина есть дань, которая „пошла“ изъ старины. Впрочемъ, нерѣдко, кромѣ того, слово „пошлина“ вообще имѣетъ значеніе того, что „пошло“ изъ старины и не относится только къ вопросу о старыхъ налогахъ (такъ говорятъ, напр., „быть по старинѣ и по пошлинѣ“). Въ указанномъ выше широкомъ смыслѣ слово „дань“ употребляется въ жалованныхъ грамотахъ, гдѣ, напр., говорится: „а не надобѣ ему ни которая моя дань: ни мыть (пошлина съ торговцевъ), ни мостовщина (постройка мостовъ и гатей), ни коня кормить“; иногда это слово замѣняется словомъ „пошлина“ и въ тѣхъ-же грамотахъ говорится: „не надобѣ ни ямъ, ни подвода, ни мытъ, ни которая пошлина“, т. е. ни одна изъ повинностей (ямская и подводная) и пошлинъ, здѣсь упоминаемыхъ (мытъ) и неупоминаемыхъ. Впрочемъ, первоначально слово „дань“ употреблялась преимущественно по отношенію къ покореннымъ народамъ, такъ какъ и само покореніе первоначально не означало ничего иного, какъ лишь обязанность платить дань.

Кромѣ дани, какъ прямого налога отъ дыма (или двора) или „отъ рала“ (сохи, какъ пространства обработанной земли), брались, какъ мы сказали, съ населенія особыя, въ нашемъ теперешнемъ смыслѣ этого слова, пошлины судебныя и торговыя, (пошлина — сборъ за услуги, оказанныя государствомъ кому-либо), а равно и налагались на населеніе натуральныя повинности. Естественно, что сборы прямыхъ налоговъ и пошлинъ, а равно и наблюденіе за исполненіемъ натуральныхъ повинностей, приводили къ необходимости созданія цѣлаго ряда княжескихъ чиновниковъ для завѣдыванія этимъ сложнымъ дѣломъ, сло-

жнымъ особенно ввиду того, что нерѣдко эти сборы взносились натурою, сырыми продуктами, какъ хлѣбъ, кожи, медъ и пр. Если дани главнымъ образомъ брались первоначально съ покоренныхъ народовъ, то внутри самихъ княжествъ самымъ важнымъ видомъ княжескаго дохода были пошлины судебныя и торговыя. Что касается первыхъ, то онѣ брались, ввидѣ вира (денежныхъ пеней за убійство свободныхъ людей), продажъ (денежныхъ пеней за личное оскорбленіе или вообще пеней за всѣ преступленія, кромѣ убійства), уроковъ ротныхъ (взимавшихся, при приводѣ къ присягѣ или ротѣ, за совершенія разныхъ актовъ, напр., укрѣпленія въ холопствѣ, при продажѣ земли и пр.), т. наз. „желѣзнаго“, особаго платежа въ пользу князя, взимавшагося при испытаніи желѣзомъ съ проигравшей стороны и др. Еще больше было видовъ пошлинъ торговыхъ: такъ гостинное была пошлина, взимавшаяся съ гостей, или купцовъ иноземныхъ или иногородныхъ; торговая, взимавшаяся при продажѣ товаровъ; т. н. мытъ, или пошлина, сбиравшаяся первоначально при провозѣ товаровъ черезъ т. н. „мытныя заставы“, вѣсчее — при взвѣшиваніи товаровъ; предмѣръ или помѣрное — при перемѣрѣ товаровъ; пятно — при продажѣ лошадей (на лошадей клали при продажѣ ихъ особыя клейма или пятна, какъ они назывались въ то время), корчмита — пошлина съ содержателей корчемъ и. т. д. Какъ для сбора судебныхъ пошлинъ, такъ и торговыхъ, князьями назначались особыя лица, таковы, напр., были вирники, собиравшіе виры, мечники, собиравшіе пошлины за испытаніе желѣзомъ, мытники, собиравшіе вообще торговыя пошлины, а иногда приставленныя къ одному какому-либо сбору, какъ, напр., пятенщики, собиравшіе пошлины съ пятна. Кромѣ этихъ лицъ, собиравшихъ дани и пошлины, были при князѣ еще лица, эти сборы хранившіе и затѣмъ раздававшіе по приказу князей, при чемъ первоначально неразличалось, завѣдывали-ли они имуществомъ князей,

какъ частныхъ людей, или какъ представителей власти, правителей. Такими лицами были дворскіе, или дворецкіе, съ подчиненными имъ ключниками и тіунами, казначеи и др. Вообще надо замѣтить, что какъ у насъ, такъ и древнихъ германцевъ, первоначально различныя должности по управленію княжествами выросли изъ должностей дворскихъ, или придворныхъ. Въ свою очередь, эти должности создались изъ необходимости такъ или иначе удовлетворять потребностямъ княжескаго хозяйства. Когда государственное хозяйство стало выдѣляться изъ хозяйства княжескаго, а затѣмъ и царскаго, многія должности, имѣвшія первоначально придворный характеръ и назначенныя для удовлетворенія, какъ сказано, потребностей этого княжескаго, или царскаго хозяйства, не исчезли, но превратились въ должности государственныя, какъ это будетъ особенно ясно въ слѣдующемъ періодѣ.

Мы до сихъ поръ останавливались на органахъ управленія и предметахъ управленія, находившихся въ непосредственномъ вѣдомствѣ князей и бывшихъ въ тѣсной связи съ ихъ компетенціею, какъ правителей княжествъ-государствъ. Но органы княжескаго управленія стали развиваться лишь съ призывомъ князей; они не упразднили при томъ органовъ управленія народнаго, бывшихъ еще въ до-княжескій періодъ и оставшихся частію въ изучаемое время: двойственность состава верховной власти этой эпохи, а именно наличность въ немъ вѣчевой и княжеской власти, не могла не отразиться и на органахъ управленія, которые были также двояки, а именно, наряду съ органами власти княжеской, были органы власти земской, или органы самоуправленія, при чемъ по происхожденію своему, они были древнѣе первыхъ. О характерѣ этого древняго самоуправленія нѣтъ единомыслія между учеными: если одни, какъ, напр., Бѣляевъ склонны думать, что оно было издревле очень широко, то другіе, какъ, напр., Чичеринъ, почти его отрицаютъ. Что было въ докня-

жеское время — судить, за отсутствіемъ точныхъ данныхъ, весьма трудно; въ изучаемое-же время мы находимъ слѣды нѣкотораго самоуправленія въ тѣхъ органахъ его, которые никакъ не могутъ быть названы княжескими. Такими органами были тысяцкіе, сотскіе и десятскіе. Ихъ происхожденіе было связано съ древнѣйшимъ подраздѣленіемъ волостей отдѣльныхъ княжествъ на сотни. Подраздѣленіе это первоначально было, какъ мы уже говорили, военнаго характера: земскія военныя силы были сложены въ сотни, въ тысячи, или полки, находившіеся подъ начальствомъ сотскихъ, тысяцкихъ, или воеводъ. Лаврентьевская, напр., лѣтопись, говоря подъ 6597 г. (т. е. подъ 1089 годомъ), объ освященіи церкви Св. Богородицы Печерской, отмѣчаетъ, между прочимъ, что это было „при благородномъ князѣ Всеволодѣ . . . . воеводство держащю Кыевскыя тысячи Яневи“. Тоже видно и изъ другихъ мѣстъ лѣтописей, гдѣ тысяцкіе называются воеводами и обратно. Для насъ важно въ данномъ случаѣ обратить вниманіе на то, что первоначально, рядомъ съ княжескими воеводами или тысяцкими, были тысяцкіе народные, или начальники городовыхъ полковъ, командовавшіе народнымъ ополченіемъ и противополагавшіеся княжескимъ воеводамъ. Затѣмъ тысяцкихъ стали назначать сами князья, какъ они назначали позднѣе сотскихъ (или старостъ). Чѣмъ больше развивалась военная дѣятельность князей и ихъ дружинниковъ, тѣмъ больше уменьшалось военное значеніе должностей сотскихъ и десятскихъ, которые затѣмъ превратились въ лицъ, завѣдывавшихъ податями и натуральными повинностями населенія, хотя и продолжавшихъ быть выборными людьми. Послѣднее объяснялось тѣмъ, что сами первоначальныя общины (верви, погосты) имѣли право на раскладку податей и повинностей между собою, или, какъ говорятъ первоисточники, на „разметъ“ ихъ. Въ одной изъ грамотъ XII вѣка читаемъ, что „въ тѣхъ погостахъ платитъ ктожъ свою дань по силѣ, кто

что мога". „Разметъ" или „разрубъ" этихъ податей и дѣлался сотскими и десятскими, какъ выборными довѣренными людьми данной верви или погоста. Думаютъ также, что такіе-же выборные присутствовали въ извѣстныхъ случаяхъ на княжескомъ судѣ. Въ Русской Правдѣ есть, дѣйствительно, одна статья, говорящая о производствѣ суда при постороннихъ лицахъ: „аже гдѣ възыщетъ на дроузѣ проче", гласитъ 14 ст. Академическаго списка Правды (въ другихъ — „кунъ", т. е. денегъ, или „скота"), а онъ ся запирати почнеть, то ити ему на изводъ предъ 12 человѣка"; т. е., если кто-нибудь будетъ взыскивать на другомъ впредь (проче) деньги, а должникъ начнетъ запираться, то итти ему на изводъ (на изобличеніе) передъ 12-ю человѣками. Въ этихъ 12-ти человѣкахъ, передъ лицомъ которыхъ долженъ кредиторъ изобличить запирающагося должника, видятъ выборныхъ изъ народа, общинныхъ судей. Что-же касается тысяцкихъ, то они сохранялись, въ качествѣ начальниковъ городовыхъ или вѣчевыхъ полковъ, до начала XIV вѣка. Они, хотя и назначались княземъ (кромѣ Новгорода), но шли съ своими полками за княземъ лишь тогда, когда на это соглашалось вѣче.

Какъ уже сказано, совершенно особенное положеніе занимали посадникъ и тысяцкій въ Новгородѣ. Что касается прежде всего посадниковъ, то первоначально посадники выбирались вѣчемъ пожизненно, затѣмъ временно, безъ точнаго, однако, обозначенія срока, на которой дѣлалось избраніе. Князь не имѣлъ права назначать въ новгородскія волости мужей своихъ безъ согласія съ посадникомъ и не могъ безъ него судить новгородцевъ. Посадникъ созывалъ и открывалъ вѣче, предлагалъ на его обсужденія дѣла, заботился о порядкѣ на вѣчѣ, приводилъ въ исполненіе, въ мирное время, приговоры вѣча, былъ, по выраженію И. Д. Бѣляева „правителемъ Новгорода отъ земщины, постояннымъ органомъ народной воли"; онъ представлялъ Новгородъ, какъ цѣлое, во всѣхъ внѣшнихъ сношеніяхъ и заботился о тишинѣ и спокой-

ствіи внутри новгородскихъ земель; имѣлъ свой особый судъ, отличный отъ суда тысяцкаго. Посадникъ, пока занималъ свою должность, назывался степеннымъ (отъ степени или особаго помоста-возвышенія, на которомъ онъ находился на вѣчевыхъ собраніяхъ); оставившій свою должность посадникъ назывался старымъ. Власть посадника, въ цѣломъ, близко подходила къ власти князя. Въ свою очередь, наибольшаго развитія значенія должность тысяцкихъ достигла въ Новгородѣ, что, конечно, и понятно, ввиду того положенія, какое занимало само вѣче въ этихъ городахъ. Тысяцкій въ Новгородѣ, съ тѣхъ поръ, какъ должность посадника сдѣлалась выборною, также сталъ лицомъ, избиравшимся вѣчемъ. Какъ и понятно, онъ предводительствовалъ вѣчевымъ войскомъ, заботился объ укрѣпленіи города, замѣнялъ посадника на вѣчѣ, вѣдалъ, вмѣстѣ съ старостами новгородскихъ концевъ, судъ по дѣламъ торговымъ, игравшимъ большое значеніе въ Новгородѣ, входилъ, наконецъ, вмѣстѣ другими высшими лицами (епископомъ, княжескимъ намѣстникомъ, посадникомъ и старостами) въ составъ особаго правительственнаго совѣта. Онъ, какъ и посадникъ, избирался, обыкновенно, изъ представителей старыхъ боярскихъ фамилій и представлялъ собою, вмѣстѣ съ посадникомъ, аристократическій элементъ въ составѣ правительства великаго Новгорода.

Періодъ II.

Введеніе.

(Общее отличіе II-го періода отъ I-го. Первыя извѣстія о Москвѣ. Причины возвышенія Москвы; содѣйствіе, оказанное Москвѣ въ ея задачахъ отдѣльными частями населенія. Связь Московскаго періода съ удѣльно-вѣчевымъ).

Если мы обратимся къ изученію исторіи государственнаго права Московскаго періода и прослѣдимъ эту исторію по отношенію къ тѣмъ-же тремъ необходимымъ элементамъ государства — территоріи, верховной власти и населенія — которыхъ организацію мы разсматривали въ періодъ удѣльно-вѣчевой, то должны будемъ отмѣтить громадную разницу въ развитіи и соотношеніи этихъ элементовъ ко времени окончательнаго сложенія Московскаго государства, а именно ко второй половинѣ XV вѣка, сравнительно съ предъидущимъ періодомъ. Такъ, вмѣсто многочисленныхъ княжествъ-государствъ, между которыми дѣлилась русская земля, мы видимъ лишь *два* обширныхъ государства — Московское и Русско-Литовское —, объединившихъ въ *двѣ* крупныя территоріи области всѣхъ прежнихъ государствъ, вмѣсто слабой и ограниченной власти князей — *сильную власть* московскихъ государей-самодержцевъ; вмѣсто раздѣленія свободнаго населенія на классы — зачатки *сословной* организаціи общества и созданіе *крѣпостныхъ* отношеній

всѣхъ слоевъ этого общества къ государству. Такія рѣзкія перемѣны какъ во внѣшней формѣ, такъ и въ комбинаціи основныхъ элементовъ государственной жизни не могли, конечно, совершиться сразу, онѣ подготовлялись долгимъ историческимъ процессомъ и явились результатомъ многихъ причинъ. Москва, какъ извѣстно, очень рано упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ, а именно въ первый разъ въ 1147 г., когда Юрій Долгорукій пригласилъ своего союзника князя Святослава Ольговича Черниговскаго въ Москву на свиданіе; едва-ли въ это время она была даже пригородомъ, вѣрнѣе, что это было село, называвшееся по имени своего владѣльца Степана Кучки, также Куцковымъ или Кучковымъ; покрайней мѣрѣ, есть извѣстіе, что г. Москва былъ заложенъ въ 1156 г., „на устижи Неглинны рѣки выше рѣки Яузы“, кн. Юріемъ Владиміровичемъ, но и этотъ разсказъ не всѣми историками признается достовѣрнымъ и вѣрнѣе всего, что Москва, какъ пригородъ, явилась нѣсколько позднѣе: впервые лѣтопись именуетъ ее такъ подъ 1177 г., говоря о нападеніи кн. Глѣба Рязанскаго на кн. Всеволода („Глѣбъ же на ту осень пріѣха на Москву и пожже городъ весь и села“). Но, если Москва, какъ одинъ изъ младшихъ городовъ, или пригородовъ въ Суздальской землѣ, является въ исторіи лишь въ послѣдней четверти XII вѣка, то Москва, какъ стольный городъ небольшаго Московскаго княжества, расположеннаго по теченію Москвы-рѣки, является только черезъ сто слишкомъ лѣтъ, послѣ означеннаго извѣстія, когда въ ней утверждается младшій сынъ Александра Невскаго — Даніилъ Александровичъ, сдѣлавшійся затѣмъ родоначальникомъ особой линіи князей Московскихъ; послѣ его смерти въ 1303 г. княжилъ его сынъ Юрій Даниловичъ, умершій въ 1325 г., ему наслѣдовалъ братъ его Иванъ Даниловичъ Калита, въ 1328 г. сдѣлавшійся великимъ княземъ Московскимъ, послѣ знаменитой борьбы съ Тверью. Не надо думать, однако, что это великое княжество тогда было значительно по своимъ размѣрамъ. Иванъ Калита

въ это время владѣлъ лишь Москвою, Можайскомъ, Дмитровымъ, Серпуховымъ и Переяславлемъ; затѣмъ, какъ извѣстно, княжество расширяется съ каждымъ новымъ царствованіемъ, но проходитъ, однако, еще почти двѣсти лѣтъ, прежде чѣмъ въ царствованіе Василія III исчезаютъ въ сѣверо-восточной Руси послѣдніе удѣлы (въ 1523 г. присоединяется Сѣверское княжество) и Москва, наконецъ, становится центромъ обширнаго единодержавнаго и самодержавнаго государства. Но и присоединяя послѣдніе удѣлы къ Московскому великому княжеству, всѣ московскіе князья до Іоанна IV включительно, назначаютъ удѣлы своимъ дѣтямъ, такъ что, въ дѣйствительности, удѣльная система исчезаетъ лишь тогда, когда умираетъ послѣдній государь изъ династіи Рюрика (1598 г.) и только народное избраніе въ 1613 г. царемъ „всея Русіи“ Михаила Ѳеодоровича утверждаетъ начало единодержавія окончательно.

Объясненіе причинъ этого долго-подготовлявшагося факта первѣйшей важности весьма различно у нашихъ историковъ и юристовъ-историковъ, но прежде чѣмъ мы обратимся къ ихъ, хотя-бы бѣглому, изложенію, нельзя не обратить вниманія на слѣдующее: въ вопросѣ объ образованіи изъ незначительнаго княжества, лежавшаго по Москвѣ-рѣкѣ, единодержавнаго и самодержавнаго государства Московскаго, надо различать два совершенно разныхъ вопроса: вопросъ о причинахъ возвышенія собственно Московскаго княжества въ едино- и самодержавное государство и вопросъ о причинахъ, вызывавшихъ вообще необходимость объединенія отдѣльныхъ русскихъ княжествъ подъ сильною, единою (первоначально, впрочемъ, двуединою, въ лицѣ Московскаго и Литовско-Русскаго государства,) властью. Первый вопросъ есть вопросъ о тѣхъ особыхъ условіяхъ и обстоятельствахъ, которыя выдвинули именно Москву между всѣми другими княжествами; второй-же вопросъ, наоборотъ, есть вопросъ о тѣхъ общихъ причинахъ, которыхъ дѣйствіе началось уже въ предъидущій періодъ,

но окончательно сказалось лишь въ XV—XVI вѣкахъ; иначе говоря, отвѣчая на первый вопросъ, мы тѣмъ самымъ отмѣтимъ, что отличаетъ Московскій періодъ отъ удѣльно-вѣчеваго; отвѣчая на второй, укажемъ, что ихъ связываетъ и поскольку продолжается преемственность историческаго процесса въ этотъ новый періодъ исторіи нашей, такъ какъ въ исторіи ни одна эпоха не является совершенно оторванной отъ другой.

Обращаясь прежде всего къ первому вопросу о причинахъ возвышенія Москвы, попытаемся свести ихъ сначала къ нѣсколькимъ категоріямъ, а затѣмъ уже дать краткую оцѣнку ихъ относительной важности. Причины эти были: во 1-хъ въ географическомъ положеніи Московскаго княжества, во 2-хъ въ экономическихъ условіяхъ, бывшихъ болѣе благопріятными для населенія въ предѣлахъ Московскаго княжества, чѣмъ на юго-западѣ, ввиду частію удобствъ того-же географическаго положенія княжества, въ 3-хъ въ личныхъ качествахъ князей московскихъ, лучше другихъ понявшихъ, хотя и несразу, необходимость насажденія и развитія новыхъ политическихъ началъ и лучше другихъ умѣвшихъ ихъ проводить въ жизнь и, наконецъ, въ 4-хъ въ разнообразной помощи, которая оказывалась московскимъ государямъ — въ ихъ борьбѣ за единодержавіе и за усиленіе своей власти — съ разныхъ сторонъ, то вольно (какъ это дѣлалось духовенствомъ и высшимъ боярскимъ классомъ), то невольно (какъ, напр., татарскими ханами). Что касается первой причины, то еще С. М. Соловьевъ отмѣтилъ выгодное географическое положеніе Московскаго княжества, какъ въ томъ смыслѣ, что Москва была близка къ истокамъ важнѣйшихъ рѣкъ, такъ и въ томъ, что нападенія враговъ извнѣ должны были прежде падать на окружающія княжества. Туже мысль развиваетъ далѣе и проф. Ключевскій, говоря что „въ Москву, какъ центральный водоемъ со всѣхъ краевъ русской земли, угрожаемой внѣшними врагами, стекались народныя силы. Это центральное положеніе Москвы прикрывало ее со всѣхъ сторонъ отъ

внѣшнихъ враговъ; внѣшніе удары падали на сосѣднія княжества Рязанское, Нижегородское, Ростовское, Ярославское, Смоленское и рѣдко достигли до Москвы. Благодаря такому прикрытію Московская область стала убѣжищемъ для окрайнаго русскаго населенія, всюду страдавшаго отъ внѣшнихъ нападеній. Въ XIII и первой половины XIV вѣка Московское княжество было единственнымъ краемъ сѣверной Руси, свободнымъ отъ такихъ бѣдствій". Не всѣ, однако, ученые наши склонны придавать указанной причинѣ такое первенствующее значеніе. Возражая еще Соловьеву, Бестужевъ-Рюминъ, напр., говоритъ, что „эта причина, очевидно, второстепенная и безъ другихъ не имѣла-бы значенія: Москва не такъ далека отъ другихъ княжествъ, чтобъ эти выгоды принадлежали ей отдѣльно. Важнѣе было, что благоразумная политика, охраняя Москву отъ нападеній татарскихъ, вызвала сюда прибылое населеніе и тѣмъ обогатило Москву". Несомнѣнно, что указанный ученый правъ въ томъ отношеніи, что не одна Москва, съ прилегающимъ къ ней небольшимъ удѣломъ, была въ такомъ удобномъ географическомъ положеніи срединнаго княжества, чтобъ выгоды этого положенія принадлежали ей одной только: любой городъ тогоже Московскаго-же княжества, а также и другихъ сосѣднихъ, напр. Ярославль, или Тверь, съ которою такъ долго боролась за преобладаніе Москва, могъ-бы съиграть роль Москвы, но, однако, никто этой роли не выполнилъ, такъ какъ нигдѣ, кромѣ Москвы, наряду съ указанной причиной, благопріятствовавшей возвышенію означеннаго княжества, не было столь много другихъ, сопутствующихъ этой причинѣ, благопріятныхъ обстоятельствъ. Одно изъ нихъ уже отмѣчено выше: удачная политика князей по отношенію къ татарамъ, оберегавшее княжество отъ ихъ нападеній. Но эта политика — лишь одинъ изъ многихъ случаевъ общей политики московскихъ князей, благотворно повліявшихъ на возвышеніе собственно Москвы. Извѣстна мастерская характеристика московскихъ князей,

сдѣланная С. М. Соловьевымъ. Указывая на ловкость, съ которою московскіе князья добивались ханской милости, ярлыка на великое княженіе, и увеличивали свои владѣнія, онъ говоритъ: „всѣ они похожи другъ на друга, въ ихъ безстрастныхъ ликахъ трудно уловить историку характерныя черты каждаго: всѣ они заняты одною думою, всѣ идутъ по одному пути, идутъ медленно, осторожно, но постоянно, неуклонно; каждый ступаетъ шагъ впередъ предъ своимъ предшественникомъ, каждый приготовляетъ для своего преемника возможность ступать еще шагъ впередъ“. . . Чтоже это за путь, по которому такъ неуклонно идутъ князья московскіе? Это путь постепеннаго расширенія территоріи княжества Московскаго всѣми средствами, какія были подъ руками, будь то насильственное завладѣніе, купля, угроза, или иной способъ пріобрѣтенія сосѣднихъ земель. Этотъ путь не былъ по существу новымъ; имъ пользовались и князья Кіевскаго періода, онъ при томъ долго не приносилъ пользы самой Москвѣ, такъ какъ московскіе князья несразу сами разстались съ удѣльными традиціями и собиратель земли русской Иванъ Калита, а равно и его преемники, до Іоанна IV включительно, также раздавали въ удѣлъ своимъ дѣтямъ части все болѣе и болѣе растущаго Московскаго княжества, какъ раздавали ихъ князья предшествовавшаго періода. Но этотъ старый порядокъ не приносилъ на новой московской почвѣ того вреда, какой онъ принесъ въ Кіевской Руси во 1-хъ потому, что самъ владѣтельный домъ московскихъ князей не былъ такъ многочисленъ, какъ дома другихъ удѣльныхъ князей, во 2-хъ потому, что великое княженіе Московское все время остается въ родѣ Ивана Калиты и въ теченіи ста лѣтъ послѣ него великимъ княземъ является обыкновенно старшій сынъ предшествовавшаго князя и въ 3-хъ, наконецъ, со второй половины XIV вѣка устанавливается обычай давать старшему сыну бо́льшій удѣлъ, чѣмъ другимъ, „на старѣйшій путь“, какъ тогда говорили, чѣмъ полагается начало неприкосновенности и

нераздѣльности Московскаго княжества: въ своемъ завѣщаніи (отъ 1389 г.). Дмитрій Донской присоединяетъ къ удѣлу старшаго сына безраздѣльно великое княжество Владимірское и даетъ изъ пяти своихъ сыновей старшему сыну 1/3 всѣхъ земель; Василій Темный даетъ затѣмъ уже половину, а Іоаннъ III — 3/4 всѣхъ владѣній. Доля старшаго сына все увеличивается и не отчуждается, что при постоянномъ и сильномъ ростѣ территоріи Московскаго великаго княжества все болѣе и болѣе увеличиваетъ силы его великихъ князей и создаетъ для нихъ совершенно-особое положеніе среди всѣхъ другихъ.

Еще задолго до нашествія татаръ начался притокъ съ юга на сѣверо-востокъ многочисленныхъ поселенцевъ; съ нашествіемъ татаръ и разгромомъ Кіевской Руси притокъ этотъ еще болѣе усилился. Дать этому все болѣе и болѣе увеличивающемуся населенію возможность мирнаго существованія и занятія земледѣліемъ и торговлею было задачею высокой важности и къ ней московскіе князья стремились разнообразными способами. Какъ извѣстно, уже Ивану Калитѣ предписываютъ обычай самому доставлять въ орду дань или „выходъ“, обычай избавлявшій его княжество отъ нашествія татарскихъ сборщиковъ подати на страну, съ одной стороны, обогащавшій, какъ извѣстно, самого князя, съ другой, такъ какъ изъ собраннаго онъ не все отдавалъ въ орду. Полученіе московскимъ княземъ Иваномъ Калитою въ 1328 г. великокняжескаго стола имѣло своимъ слѣдствіемъ, по сказанію лѣтописца, водвореніе спокойствія на сѣверо-востокѣ: „бысть оттолѣ тишина велика по всей русской земли на сорокъ лѣтъ и преста татарови воевати землю русскую“; результатъ этой тишины рѣзко сказался уже скоро, а именно тогда, когда почти всѣ сѣверо-русскіе князья, между рѣкою Непрядвою и Дономъ, на Куликовомъ полѣ, въ 1380 г., собрались вмѣстѣ и когда Дмитрій Донской разбилъ татаръ, одержавъ надъ ними блестящую побѣду. Это дѣло, по выраженію проф. Ключевскаго, „сообщило

московскому князю значеніе національнаго вождя сѣверной Руси, въ борьбѣ съ внѣшними врагами" и такое значеніе осталось за нимъ, несомнѣнно, надолго; самаже битва, по замѣчанію Соловьева „служитъ гранью между двумя отдѣлами въ исторіи отношеній Европы къ Азіи: съ этихъ поръ прекращается наступательное движеніе Азіи на Европу и начинается явленіе обратное: наступательное движеніе Европы на Азію". Вотъ, въ немногихъ словахъ, наиболѣе крупные результаты политики первыхъ московскихъ князей, сказавшіеся внѣшне уже къ концу XIV вѣка.

Въ указанной политикѣ собиранія земли и укрѣпленія своей власти московскіе князья нашли многообразную помощь съ разныхъ сторонъ и прежде всего съ стороны духовенства и бояръ. Духовенство весьма рано, а именно еще со времени принятія христіанства, явилось у насъ проводникомъ византійскихъ идей; эти идеи вліяли на весь государственный и гражданскій строй обращенной въ новую вѣру страны [1]). По вѣрному замѣчанію Соловьева, „немедленно послѣ принятія новой вѣры мы видимъ уже епископовъ совѣтниками князя, истолкователями воли Божіей; но христіанство принято изъ Византіи; русская земля составляетъ одну изъ епархіи, подвѣдомственныхъ константинопольскому патріарху; для русскаго духовенства единственнымъ образцомъ всякаго строя служитъ устройство византійское; отсюда понятно и гражданское вліяніе имперіи на юное русское государство". Между многими понятіями, принесенными къ намъ изъ Византіи вмѣстѣ съ христіанствомъ, явилось понятіе о божественномъ происхожденіи власти и необходимости повиновенія, въ силу этого, земнымъ носителямъ этой власти, при чемъ, согласно съ византійскимъ правомъ, такой носитель дол-

1) О вліяніи византійскихъ идей на развитіе власти московскихъ государей см. изслѣдованіе М. А. Дьяконова „Власть московскихъ государей" (СП. 1889 г.); ср. его-же статью „Царьвъ М. государствѣ", въ „Энциклоп. словарѣ", подъ словомъ Царь.

женъ быть единоличнымъ, единодержавнымъ правителемъ: единому Богу на небесахъ долженъ соотвѣтствовать единый властитель на землѣ. Идеи эти не находили, однако, для своего развитія и укрѣпленія въ первомъ періодѣ соотвѣтственной почвы, какъ ввиду вѣчеваго уклада страны, такъ и ввиду княжескихъ усобицъ, дробившихъ страну на много государствъ; лишь отдѣльные князья, какъ, напр., Андрей Боголюбскій еще въ концѣ XII вѣка, въ эпоху наибольшаго развитія удѣльной системы, пытались, хотя и неудачно, сдѣлаться единодержавными и самодержавными правителями. Только на Москвѣ эти идеи получаютъ, хотя далеко несразу, возможность развиваться. Вѣче было, какъ извѣстно, и въ Ростово-Суздальской волости, какъ и въ старшихъ ея городахъ — Ростовѣ и Суздалѣ, такъ и въ младшихъ, какъ Москва, Дмитровъ и др.; извѣстія о немъ начинаютъ появляться со второй половины XII вѣка и идутъ до второй половины XIII вѣка; но интересно, однако, притомъ отмѣтить, что послѣднія вѣчевыя собранія часто должны были выступать въ новой роли, прежде имъ неизвѣстной и совершенно для нихъ неподходящей, а именно въ безплодной борьбѣ съ татарскими „данниками“, т. е. сборщиками дани. Подъ 1262 г., напр., лѣтопись говоритъ: „избави Богъ отъ лютаго томленья бесурменскаго люди ростовскія земли: вложи ярость въ сердца крестьяномъ, нетерпяще насилья поганыхъ, изволиша вѣчь и выгнаша (ихъ) изъ городовъ, изъ Ростова, изъ Володимира, изъ Суздаля, изъ Ярославля; окупахуть бо тіи окаяннїи бесурмени дани“; подъ 1289 г. читаемъ: „князь Дмитрій Борисовичъ сѣде въ Ростовѣ. Умножи же ся тогда татаръ въ Ростовѣ и гражане створиша вѣче и изгнаша ихъ, а имѣніе ихъ разграбиша“. Но бороться съ татарами вѣчу отдѣльныхъ княжествъ, или городовъ, было вовсе не подъ силу; какъ взрывъ народнаго гнѣва противъ сборщиковъ даней, отданныхъ на откупъ, эта борьба заслуживаетъ, конечно, вниманія, но указанныя дѣйствія народа имѣютъ скорѣе характеръ народнаго

возмущенія, чѣмъ правильнаго функцированія вѣчевого собранія; здѣсь только употреблено лѣтописцемъ, по привычкѣ, старое слово вѣче, но само вѣче является не въ свойственной ему роли, является выбитымъ изъ своей обычной колеи и близкимъ потому къ паденію. Затѣмъ, вѣче въ Москвѣ, — первоначально пригородѣ, младшемъ городѣ, — имѣло вообще меньшее значеніе, какъ и вездѣ, сравнительно съ вѣчемъ главнаго города, возвышеніе-же Москвы въ самостоятельный городъ особаго княжества Московскаго относится къ самому концу XIII вѣка, когда вѣчевыя собранія вообще замолкаютъ и когда народу, спасавшемуся отъ татарскихъ и иныхъ погромовъ и устраивавшемуся на новыхъ мѣстахъ, было вообще не до управленія страною.

Къ тому-же едва-ли подлежитъ сомнѣнію, что начало возвышенія Москвы, а затѣмъ расширеніе ея границъ, водвореніе въ ней мира, отстраненіе татаръ отъ вмѣшательства въ управленіе и т. д. было въ значительной мѣрѣ дѣломъ личной политики князей московскихъ, а не результатомъ дѣятельности самого города, какъ вѣчевой общины' какъ это въ Новгородѣ или Псковѣ. Вообще одинъ изъ элементовъ верховной власти, стоявшій въ предъидущій періодъ на пути развитія власти князей, вѣче, сходитъ со сцены раньше, чѣмъ Москва достигаетъ своего могущества, неговоря уже о томъ, что чѣмъ болѣе росла-бы территорія Московскаго княжества, тѣмъ меньше являлось-бы возможности созывать такія непосредственныя народныя собранія, какъ вѣче. Народъ не относится безучастно въ сѣверо-русскихъ земляхъ къ возвышенію Москвы, онъ работаетъ, вмѣстѣ съ другими элементами, на пользу усиленія власти московскихъ князей, такъ какъ, по выраженію одного изъ самыхъ выдающихся историковъ Москвы, Забѣлина, и „народъ, отягченный и татарскими погромами и междоусобными распрями князей, естественно, относится сочувственно къ московскимъ князьямъ и ихъ хозяйственной дѣятельности.“ Но, народъ, какъ составной элементъ верховной власти, исче-

заетъ и является лишь ввидѣ подданныхъ. Собирая землю, усиливая свою власть московскіе князья, естественно, нашли въ духовенствѣ своего первѣйшаго союзника уже по принципіальному сходству ихъ идей съ идеями духовенства, заимствованными изъ Византіи и долго ненаходившими себѣ почвы. Наиболѣе важнымъ актомъ помощи духовнаго сословія, оказаннаго московскимъ князьямъ, было, какъ извѣстно, перенесеніе митрополіи въ Москву, благодаря чему послѣдняя сдѣлалась русскимъ религіознымъ центромъ: еще въ 1299 г. Кіевскій митрополитъ Максимъ переселился въ Владиміръ на Клязьму; его преемникъ Петръ часто и подолгу пребывалъ въ Москвѣ, гдѣ и умеръ (въ 1326 г.); митрополитъ Ѳеогностъ, бывшій послѣ него, явился уже митрополитомъ Московскимъ и хотя, по наивному замѣчанію лѣтописца „инымъ-же княземъ многимъ немного сладостно-бѣ, еже городъ Москва митрополита имяше въ себѣ живуща,“ но фактъ совершился, благодаря усиліямъ московскихъ князей и оставилъ въ тогдашнемъ обществѣ громадное и выгодное для этихъ князей впечатлѣніе; дѣло было затѣмъ завершено преобразованіемъ митрополіи въ патріаршество (въ 1589 г.). Не будемъ касаться здѣсь многообразной помощи оказанной высшими представителями церкви Московскимъ князьямъ; въ общемъ можно утверждать вполнѣ справедливо, что и принципіально и фактически духовенство стояло за Москву и никто больше его не способствовалъ нравственному освященію власти московскихъ государей.

Неменьшее значеніе имѣла и помощь, оказанная князьямъ боярскимъ классомъ, какъ это многократно свидѣтельствуютъ сами князья и какъ объ этомъ мы знаемъ изъ другихъ источниковъ. Симеонъ Гордый, напр., въ своемъ завѣщаніи проситъ братьевъ слушать митрополита, а „такожъ старыхъ бояръ, кто хотѣлъ отцу нашему (Іоанну Калитѣ) добра и намъ“; Дмитрій Донской, говоритъ, умирая, дѣтямъ: „бояры своя любите, честь имъ достойную вздавайте противу служеній

ихъ, безъ воли ихъ ничтоже не творите," самимъ-же боярамъ, благодаря ихъ за службу, в. князь говоритъ: „съ вами на многи страны мужествовалъ, вами въ браняхъ страшенъ былъ и Божіею помощію низложихъ враги своя и покорихъ подъ себе; съ вами великое княженіе вельми укрѣпихъ и тишину княжеству своему сотворихъ и державу отчины своея соблюдохъ." Боярскій классъ, иначе говоря крупно-землевладѣльческій классъ, нетолько въ XIV вѣкѣ, къ которому эти слова князей относятся, но и позднѣе, до второй половины XV вѣка, является наиболѣе крупною политическою силою, отдавшеюся всецѣло на служеніе московскимъ князьямъ; лишь тогда, когда дѣло единодержавія и самодержавія оказалось уже во многомъ сдѣланнымъ, боярство начинаетъ проявлять оппозицію противъ московскихъ порядковъ, а именно со второй половины XV и особенно въ XVI вѣкѣ; до этого боярство, вмѣстѣ съ духовенствомъ, самые важные защитники этого дѣла. Не касаясь извѣстныхъ фактовъ, какъ и чѣмъ бояре помогали сложенію и развитію едино и самодержавной власти московскихъ князей, отмѣтимъ лишь, что, помимо того, что боярство, подобно духовенству, могло помогать этому сложенію и развитію власти московскихъ князей, какъ великому національному дѣлу, объединявшему русское населеніе воедино и дававшему затѣмъ ему силы для внѣшней борьбы за независимость, оно могло находить въ этомъ для себя и важныя экономическія выгоды и удобства. Бояре, подобно представителямъ высшаго духовенства и монастырей, были крупными землевладѣльцами; землевладѣніе это нуждалось въ мирѣ и спокойствіи, съ одной стороны, въ рабочихъ рукахъ, съ другой. То и другое больше, чѣмъ гдѣ-нибудь, въ удѣльное время могло обезпечиваться уже съ конца XIII вѣка въ небольшомъ Московскомъ княжествѣ, куда и начинаютъ притекать знатные и вмѣстѣ вольные слуги со всѣхъ концевъ земли русской. Чѣмъ больше расширялось Московское княжество, тѣмъ больше вотчинъ и помѣстій

могутъ получать отъ князей бояре; чѣмъ выше дѣлалась власть князей, тѣмъ болѣе почета и выгодъ было въ службѣ у московскихъ великихъ князей, тѣмъ больше въ Москву стекалось бояръ для занятія придворныхъ должностей; чѣмъ богаче дѣлался московскій князь, тѣмъ выгоднѣе отражалось это на его приближенныхъ и тѣмъ болѣе онъ могъ давать имъ разныхъ льготъ по землевладѣнію; наконецъ, только сильное московское правительство могло закрѣпить за землевладѣніемъ рабочія руки, нужныя ему прежде всего потому, что рабовладѣніе въ этотъ періодъ количественно значительно сокращается и надо было пользоваться услугами свободнаго населенія, заставивъ его сидѣть на частновладѣльческихъ земляхъ.

Если въ помощи, которую оказывало духовенство и боярство политикѣ московскихъ князей можно видѣть сознательное служеніе новымъ началамъ объединенія, то въ знаменитой формулѣ, которая когда-то была сказана Карамзинымъ, а именно въ формулѣ, что „Москва обязана своимъ величіемъ ханамъ“, надо отмѣтить примѣръ совершенно безсознательнаго служенія дѣлу возвышенія Москвы со стороны татаръ. Московскіе князья нетолько находили въ ханахъ постоянныхъ себѣ помощниковъ въ борьбѣ съ другими княжествами за преобладаніе, получая отъ нихъ ярлыки на великокняжескій столъ, но татарское иго, измѣнивъ отношеніе князей къ народу или вѣчу, а равно и явившись важнымъ факторомъ во взаимныхъ отношеніяхъ князей, которые должны были отнынѣ прежде всего считаться съ волею хановъ, а не съ волеюнарода и своими взаимными распрями, косвенно повліяло на укрѣпленіе въ умахъ идеи единодержавія: борьба съ сильнымъ врагомъ возможна была только при единствѣ силъ.

Таковы причины возвышенія Москвы. Вопросъ объ этихъ причинахъ, какъ мы сказали, есть вопросъ о тѣхъ особыхъ условіяхъ и обстоятельствахъ, которыя выдвинули Москву среди всѣхъ другихъ княжествъ и создали

новый періодъ исторіи нашей. Но чтоже, однако, этотъ періодъ связываетъ съ предъидущимъ и поскольку продолжается преемственность историческаго процесса въ этотъ новый періодъ? Въ немногихъ словахъ отвѣчая на этотъ вопросъ, надо сказать, что дѣло національнаго, или народнаго, объединенія, для котораго такъ много было культурныхъ элементовъ въ предъидущемъ періодѣ, какъ это уже своевременно отмѣчалось нами (см. выше, стр. 90 и сл.), должно было рано или поздно завершиться объединеніемъ политическимъ. Установить это объединеніе пытались уже лучшіе князья удѣльно-вѣчеваго времени, но путь, по которому шли ихъ попытки, не былъ пройденъ до конца, такъ какъ не было создано такихъ общихъ союзныхъ учрежденій, которыя, не уничтожая извѣстной доли самостоятельности отдѣльныхъ княжествъ, приводили-бы всѣхъ ихъ къ необходимости подчиняться одной власти, достаточно-сильной, чтобъ настоять на исполненіи своихъ требованій. Въ Московскій періодъ исторіи нашей таже мысль о превращеніи культурнаго единства въ единство политическое, или созданія изъ русскаго населенія, какъ этническаго понятія, понятія политическаго, не остается безъ исполненія, но она, однако, проводится теперь въ жизнь другими средствами, оказавшимися болѣе по плечу времени и его тяжелымъ условіямъ, а именно это единство строится на собраніи земли, раздробленной на мелкіе удѣлы, въ одно цѣлое, на подчиненіи всѣхъ ея частей одному центру, на созданіи одной общей и сильной власти. Изъ сказаннаго видна, какъ связь между собою двухъ первыхъ періодовъ нашей исторіи, такъ и ихъ различіе.

Отдѣлъ I.

Государственное устройство.

Глава I.

Территорія.

(Внѣшній ростъ территоріи Московскаго государства и основанія, на которыхъ пріобрѣтались отдѣльныя части территоріи. Общій характеръ присоединеній. Присоединеніе Малороссіи).

Приступая къ разсмотрѣнію вопроса объ образованіи территоріи Московскаго государства, остановимся прежде всего на краткомъ очеркѣ внѣшняго роста его территоріи и основаній, на которыхъ пріобрѣтались отдѣльныя части этой территоріи, а затѣмъ коснемся вопроса объ юридическомъ характерѣ этихъ присоединеній или пріобрѣтеній [1]).

Московское княжество, какъ извѣстно, начало свое историческое поприще съ небольшой области, лежавшей по Москвѣ-рѣкѣ, но уже въ княженіе перваго Московскаго князя Данила Александровича въ 1301 г. къ Москвѣ была присоединена Коломна, а въ 1302 г. княжество Переяславское, перешедшее къ Данилу Александровичу по завѣщанію отъ его бездѣтнаго племянника Іоанна Дмитріевича; въ 1303 г. былъ взятъ кн. Юріемъ Даниловичемъ Можайскъ. Первый великій князь Московскій Іоаннъ Калита, если не считать довольно-обширнаго княжества Переяславскаго, владѣлъ къ 1328 г. всего 6-ью городами съ ихъ уѣздами (а именно Москвою, Коломною, Можайскомъ, Звенигородомъ, Серпуховымъ,

---

1) Свѣдѣнія о важнѣйшей литературѣ по исторіи государственнаго права II періода, а равно и болѣе подробныя указанія на нее можно найти въ изданіяхъ, отмѣченныхъ уже выше, на стр. 39—40. По отдѣльнымъ вопросамъ исторіи государственнаго права даннаго періода указанія на важнѣйшую литературу дѣлаются нами при очеркахъ этихъ вопросовъ.

Рузою) т. е. пространствомъ около 500 кв. миль, но уже къ началу княженія Іоанна III (т. е. къ 1462 г.) владѣнія Московскихъ государей простирались до 15 т. кв. миль, иначе говоря, черезъ 125 лѣтъ они увеличились въ 30 разъ. Способы увеличенія были различны: Іоаннъ Калита, напр., купилъ три города, а именно Угличъ, Бѣлоозеро, Галичъ. Дмитрій Донской присоединилъ въ 1363 г. силою Галицкое княжество, или, какъ выражается лѣтописецъ, „взялъ волю“ надъ княземъ Константиномъ Ростовскимъ, затѣмъ купилъ часть Мещерской области (въ Рязанскомъ княжествѣ); сынъ его Василій I купилъ у татаръ княжества Муромское и Нижегородское (въ 1392 г.), выгнавъ съ помощью тѣхъ же татаръ ихъ князей.

Наибольшія пріобрѣтенія, на счетъ другихъ русскихъ княжествъ и городовъ, были сдѣланы, однако, въ продолжительное царствованіе Іоанна III, при чемъ основанія, по которымъ дѣлались эти пріобрѣтенія, также были весьма различны. Такъ ярославскіе князья, видя безполезность борьбы съ Москвою сами уступили свои княженія, великое и удѣльные, Іоанну III въ 1463 г.; въ 1474 г. два ростовскіе князя продали остававшуюся еще за ними часть княжества; въ 1478 г. былъ покоренъ Новгородъ, въ 1485 г. взята была Тверь, въ 1489 г. — Вятка, и въ концѣ столѣтія цѣлый рядъ мелкихъ князей, какъ князья вяземскіе, одоевскіе, новосельскіе, воротынскіе и др. били челомъ о принятіи ихъ на службу къ государю Московскому. При Іоаннѣ же III, наряду съ присоединеніемъ русскихъ княжествъ, началось присоединеніе инородческихъ областей: такъ въ 1472 г. завоевана Пермская земля, въ 1483 г. Югорская, при чемъ въ 1499 г. московскія войска перешли за Уральскія горы. Въ княженіе Василія III присоединены были послѣдніе города и княженія, сохранявшія еще независимость: въ 1510 г. — Псковъ, въ 1514 — Смоленское, въ 1517 г. — Рязанское

и въ 1523 г. Сѣверское княжества; наконецъ, при Іоаннѣ IV присоединены были царства Казанское, Астраханское и Сибирское.

Переходя къ XVII вѣку надо сказать, что начало его было, какъ извѣстно, весьма неблагопріятно для сѣверо-восточной Руси: прекращеніе династіи Рюрика и послѣдовавшее затѣмъ смутное время не только пріостановили на время ростъ территоріи Московскаго государства. но и сопровождались потерею важныхъ для него областей; такъ, по Столбовскому договору со Швеціей въ 1617 г. были отданы ей Ивангородъ, Ямъ, Копорье и Орѣшекъ и Кексгольмъ; Польшѣ, по Деулинскому перемирію 1618 г. (заключенному на 14 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ) были отданы города Смоленскаго княжества и часть Сѣверской области; эти же города, кромѣ г. Серпейска, были затѣмъ оставлены за нею въ 1634 г., по вѣчному миру, заключенному при рѣкѣ Поляновкѣ. Но эта пріостановка роста территоріи Московскаго государства была лишь временной и самъ вѣчный миръ съ Польшею былъ весьма непродолжителенъ: на знаменитомъ земскомъ соборѣ 1 октября 1653 г. было рѣшено принять въ подданство Малороссію, что вовлекло Московскую Русь въ войну съ Польшею, окончившуюся Виленскимъ договоромъ 24 октября 1656 г., по которому къ Московскому государству присоединялись Бѣлоруссія и Малоруссія. Гордая своимъ національнымъ и политическимъ единствомъ, торжественно подтвержденнымъ земскими соборами, избиравшими уже государями „всея Руси“ сперва царя Бориса, потомъ Василія Шуйскаго и Владислава и, наконецъ, Михаила Ѳедоровича, Москва никогда еще не выдвигала такъ далеко своихъ форпостовъ на Западъ Европы, какъ послѣ 1-ой войны съ Польшею, окончившейся Виленскимъ договоромъ. Но такое ея движеніе на Западъ не могло быть сразу и безропотно признано Польшею, еще сравнительно недавно въ самой Москвѣ боровшейся за преобладаніе свое на востокѣ Европы. Послѣ-

довала, какъ извѣстно, вторая война съ Польшею, гораздо менѣе удачная для Москвы, чѣмъ первая, часть завоеваній въ Литвѣ и Бѣлоруссіи была потеряна, но всеже Андрусовское перемиріе въ 1667 г. утвердило за Россіею Смоленскъ и нѣкоторые другіе города тогоже княжества, а главное признало присоединеніе къ Московскому государству Малороссіи къ востоку отъ Днѣпра съ г. Кіевомъ во главѣ, хотя и уступленномъ Москвѣ всего на 2 года, но оставшемся навсегда за нею; въ 1686 г. статьи Андрусовскаго перемирія были навсегда утверждены.

Таковъ самый краткій очеркъ внѣшняго роста территоріи Московскаго княжества, затѣмъ великаго княжества и наконецъ, Московскаго царства или государства. Какъ видно изъ этого очерка, государственная территорія расширялась въ этихъ послѣдовательно смѣнявшихъ другъ друга формахъ національнаго объединенія разнообразными способами: путемъ войнъ, насильственныхъ и добровольныхъ присоединеній, путемъ покупокъ и пріобрѣтенія земель по завѣщанію и т. п. Если война и насильственное завладѣніе чужими землями являются способами, примѣняемыми сильными сосѣдями по отношенію къ слабымъ, при удобныхъ случаяхъ, едва-ли невездѣ и едва-ли не во всѣ времена, а потому на разборѣ этихъ способовъ нѣтъ основанія здѣсь останавливаться, то такіе способы, какъ пріобрѣтеніе территорій куплею, или добровольною передачею ихъ во владѣніе другимъ, — а именно эти способы больше всего содѣйствовали расширенію территоріи Московскаго государства — заслуживаютъ особаго разсмотрѣнія, такъ какъ они не встрѣчаются постоянно въ исторіи сложенія большихъ государствъ и не встрѣчаются потому, что требуютъ для своего осуществленія комбинаціи многихъ особыхъ условій. Отъ предъидущаго періода князья московскіе унаслѣдовали взглядъ на государственную территорію, какъ на свою отчину (или вотчину), которою они

могутъ распоряжаться какъ хотятъ. Этотъ взглядъ раздѣлялся и всѣми другими князьями, но нигдѣ онъ не привелъ къ такимъ оригинальнымъ послѣдствіямъ, какъ въ сѣверо-восточныхъ княжествахъ XIII—XIV вѣковъ. Земля суздальская въ XII-мъ вѣкѣ, во главѣ съ г. Владиміромъ, составляла одно княженіе и занимала все среднее теченіе р. Волги и ея притоковъ, но уже въ XIII-мъ столѣтіи она распалась на 4 княжества: 1) Ростовское, самое сѣверное, съ городами Ярославлемъ, Угличемъ, Бѣлоозеромъ, 2) Суздальско-Нижегородское — по нижнему теченіи Оки и по Волгѣ, 3) Московское — въ центрѣ и 4) Тверское на югѣ Суздальской земли. Каждое изъ этихъ княжествъ, именовавшихся великими, дѣлилось на множество удѣловъ, которые въ XIII и XIV вѣкахъ были такъ незначительны по своимъ размѣрамъ, что скупка ихъ не представляла, съ финансовой точки зрѣнія, никакого затрудненія, особенно, ввиду бѣдности ихъ князей, съ одной стороны, и естественнаго ихъ стремленія, съ другой, перейти на службу къ болѣе сильнымъ и богатымъ князьямъ, а таковыми были уже съ XIV вѣка на сѣверо-востокѣ главнымъ образомъ князья Московскіе.

Такимъ образомъ принципъ удѣльнаго дробленія своихъ княжествъ, доведенный въ Суздальской землѣ до самыхъ крайнихъ предѣловъ, вызывалъ естественную реакцію: мелкіе удѣльные князья, владѣнія коихъ нерѣдко состояли изъ незначительнаго города, или нѣсколькихъ селъ, сами тяготились своимъ положеніемъ и охотно уступали свои земли тому, кто за нихъ больше давалъ и кто обезпечивалъ за ихъ прежними владѣльцами больше привиллегій, но никто, кромѣ князей московскихъ, не могъ тогда этого сдѣлать. Тамъ-же, гдѣ послѣдніе встрѣчались съ притязаніями на эти земли другихъ сильныхъ князей, какъ тверскіе, рязанскіе и др., они пускали въ ходъ другіе способы, прибѣгали къ помощи хановъ, духовенства, бояръ. Въ общемъ, частно-правовой взглядъ на владѣніе княже-

ствами, съ одной стороны, чрезвычайное дробленіе удѣловъ, съ другой, значительно облегчали политику пріобрѣтенія земель куплею или уступкою. Въ слѣдующій періодъ нѣтъ налицо этихъ обстоятельствъ, нѣтъ и пріобрѣтенія земель указанными способами. Пріобрѣтеніе Москвою мирнымъ путемъ многихъ территорій прежнихъ княжествъ характерно еще въ томъ отношеніи, что оно показываетъ отношеніе населенія къ факту присоединенія. Какъ-бы ни укоренился въ князьяхъ взглядъ на территорію ихъ княжествъ, какъ на свою собственность, которою они могутъ распоряжаться, какъ хотятъ, но мирный исходъ присоединеній въ значительной степени объяснялся тѣмъ фактомъ, что въ самомъ населеніи присоединяемыхъ княжествъ было извѣстное тяготѣніе къ Москвѣ. Даже въ тѣхъ нерѣдкихъ случаяхъ, когда Москвѣ приходилось вести борьбу за территорію, какъ это надо отмѣтить, напр., по отношенію къ Новгороду и др., борьба эта въ значительной мѣрѣ облегчалась тѣмъ, что въ самомъ Новгородѣ былъ классъ, который стоялъ за Москву. Новгородъ, какъ и Псковъ, были торговыми республиками; въ нихъ задолго до возвышенія Москвы, а именно еще сначала XIV вѣка, замѣчается усиленіе борьбы между двумя политически-равноправными, но экономически различно-поставленными классами, высшимъ, богатымъ классомъ и низшимъ, бѣднымъ имущественно, городскимъ населеніемъ т. е. между боярами и черными людьми. Нигдѣ, какъ въ городахъ не чувствуется, обыкновенно, такъ рѣзко экономическая противоположность между имущими и неимущими классами; нигдѣ поэтому и сами отношенія не принимаютъ такого враждебнаго характера. Фактъ этой борьбы въ исторіи указанныхъ 2-хъ городскихъ нашихъ республикъ не подлежитъ сомнѣнію и именно его наличность значительно облегчила для Москвы обладаніе ими, такъ какъ неимущее населеніе не видѣло ухудшенія въ своей судьбѣ отъ присоедине-

нія къ Москвѣ, а наоборотъ, стояло за Москву, какъ по враждебности къ своей собственной аристократіи, такъ и по смутному сознанію, что политическое объединеніе будетъ имѣть однимъ изъ своихъ слѣдствій смягченіе экономическихъ неравенствъ и уравненіе положенія населенія, весьма, конечно, неодинаковаго въ различныхъ княжествахъ.

Наряду, съ указанною причиною, наиболѣе рѣзко сказавшеюся въ Новгородѣ, можно отмѣтить и другія: въ мелкихъ княжествахъ нетолько сами князья, но и ихъ служилый классъ часто и охотно мѣняли свое положеніе на службу Москвѣ, ввиду тѣхъ удобствъ, какую такая служба представляла въ богатомъ княжествѣ. Такое отношеніе къ Москвѣ особенно сказалось въ сѣверо-восточныхъ княжествахъ, служилое сословіе которыхъ могло наблюдать воочію различіе между положеніемъ служилыхъ людей тамъ и здѣсь. Наоборотъ въ сѣверо-западныхъ княжествахъ, уже съ XV вѣка, съ усиленіемъ Литвы, какъ и въ юго-западныхъ — съ развитіемъ польскаго вліянія тяготѣніе къ Москвѣ, помимо всѣхъ прочихъ частныхъ причинъ, объяснялось стремленіемъ сохранить свою вѣру и свою національность противъ все болѣе и болѣе возрастающаго польскаго вліянія, а равно и католицизма. Эта причина съ особенною яркостью сказалась на добровольномъ присоединеніи къ Московскому государству Малороссіи, присоединеніи, имѣвшемъ громадное значеніе: къ политическому объединенію великорусскаго племени, надъ чѣмъ работала Москва съ XIV вѣка до начала XVI столѣтія, присоединилось племя малорусское, что обезпечивало Москвѣ вліяніе на юго-западѣ и поддержало народную колонизацію юга, начавшуюся еще въ XV-XVI вѣкахъ.

Присоединеніе Малороссіи имѣетъ важное значеніе нетолько съ народной и политической точекъ зрѣнія, но и съ юридической, а именно со времени этого присоединенія государство Московское временно перестало

быть государствомъ простымъ, а сдѣлалось сложнымъ. Въ наукѣ различаются два типа государствъ: государства простыя и сложныя. Простыми называются такія государства въ которыхъ всѣ составныя его части поглощаются даннымъ государствомъ, перестаютъ быть самостоятельными государствами, входятъ in corpore его, или, какъ говорятъ, инкорпорируются. Если отдѣльныя части такого государства и продолжаютъ пользоваться привиллегіями въ мѣстномъ управленіи и сохраняютъ при этомъ свои мѣстныя особенности, то на эти привиллегіи и особенности надо смотрѣть, какъ на дарованныя тѣмъ государствомъ, которое эти провинціи къ себѣ присоединило; они производнаго, а не первоначальнаго характера, зависятъ отъ присоединяющаго государства, а не отъ присоединяемаго. До присоединенія Малороссіи всѣ государства-княжества, входившія въ составъ Московскаго государства, либо инкорпорировались въ моментъ присоединенія, либо оставались нѣкоторое время въ качествѣ государствъ, а затѣмъ превращались въ провинціи Московскаго государства: первое имѣло мѣсто по отношенію къ небольшимъ удѣламъ, второе — къ обширнымъ княжествамъ, какъ, напр., Тверское. Со времени присоединенія Малороссіи Московское государство дѣлается сложнымъ, происходитъ соединеніе 2-хъ государствъ. Соединеніе государствъ бываетъ 2-хъ типовъ, а именно различаютъ т. н. уніи и федераціи. О федераціяхъ мы имѣли случай уже говорить. Что же касается уній, то это есть соединеніе государствъ не чрезъ единство общесоюзныхъ учрежденій, какъ въ федераціяхъ, а чрезъ единство монарха. Уніи бываютъ 2-хъ родовъ: личныя и реальныя. Личная унія такое соединеніе государствъ, которое основано на случайномъ и временномъ занятіи однимъ и тѣмъ-же монархомъ 2-хъ троновъ, или 2-хъ престоловъ, при чемъ во всемъ остальномъ оба государства остаются совершенно раздѣленными. Такое случайное объеди-

неніе 2-хъ государствъ въ лицѣ единаго монарха можетъ произойти, или вслѣдствіи избранія монарха одного государства на тронъ другого, сдѣлавшійся свободнымъ, или вслѣдствіи родственныхъ связей двухъ династій, благодаря чему монархъ одного государства является на тронѣ другого. Реальная унія есть соединеніе, основанное не на случайной общности монарха, а на соединеніи, являющемся результатомъ общаго закона о престолонаслѣдіи, по которому монархъ одного государства есть eo ipso всегда и монархъ другого. Къ какому изъ 2-хъ типовъ болѣе подойдетъ первоначальное присоединеніе Малороссіи? Его нельзя подвести подъ начало федераціи, такъ какъ ни въ моментъ присоединенія, ни позднѣе не было создано общей союзной власти и учрежденій, которыя-бы, объединяя 2 государства, въ тоже время обезпечивали ихъ самостоятельность; его нельзя подвести и подъ понятіе реальной уніи, такъ какъ не было выработано какого-либо общаго закона о престолонаслѣдіи, по которому монархъ Московскій eo ipso становился-бы и монархомъ Малороссіи. Принимая же во вниманіе, что въ моментъ присоединенія, Малороссія присоединялась, какъ особое государство, имѣющее свое особое устройство, войско, законодательство, право сношеній съ иностранными государствами, нельзя ее признать инкорпорируемой провинціею. Остается личная унія; по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ нашихъ (напр., проф. Сергѣевича) на ея основаніи и было произведено соединеніе, а именно на знаменитой Переяславской радѣ 1654 г., рѣшившей это присоединеніе, прямо была высказана та мысль, что Малороссія присоединяется къ Москвѣ, „желая быть подъ царемъ Московскимъ православнымъ, нежели ненавистникамъ христовымъ достаться,“ подразумѣвая подъ послѣдними турецкаго султана и крымскаго хана. Личная унія, впрочемъ, остается недолго и уже въ XVIII вѣкѣ Малороссія инкорпорируется.

Глава II.

Верховная власть.

§ 1.

Характеристика власти московскихъ государей.

(Сказанія современниковъ о характерѣ власти московскихъ государей. Понятіе о власти московскихъ государей и черты дѣятельности ихъ по отношенію къ сложившемуся порядку. Попытки ограниченія власти московскихъ государей въ XVII вѣкѣ и ихъ значеніе. Византійское и другія вліянія на развитіе идеи единодержавной и самодержавной власти. Титулъ государей московскихъ.)

Обращаясь къ вопросу о характеристикѣ верховной власти изучаемаго періода, надо прежде всего замѣтить, что законодательная формулировка понятія верховной власти у насъ является только въ XVIII в. Это обстоятельство затрудняетъ рѣшеніе вопроса по отношенію къ той-же формулировкѣ въ XVII в., т. е. въ концѣ Московскаго періода, т. к., не имѣя опоры въ законодательствѣ и строя свои выводы на изученіи трудно-уловимыхъ и измѣнчивыхъ данныхъ обычнаго права, изслѣдователь невольно проявляетъ при рѣшеніи вопроса нѣкотораго рода субъективизмъ, результатомъ котораго является, то идеализація самого изучаемаго понятія и связанныхъ съ нимъ вопросовъ, то сгущеніе его отрицательныхъ качествъ. Отсюда, между прочимъ, объясняется тотъ разладъ мнѣній по вопросу о характерѣ верховной власти въ Московскій періодъ, какой еще держится въ литературѣ, сглаживаясь, впрочемъ, все болѣе и болѣе при накопленіи историческаго матеріала по данной эпохѣ. Обращаясь къ этому матеріалу, надо вывести, что въ XVI—XVII вв. верховная власть московскихъ государей, вслѣдствіе постепеннаго угасанія началъ вѣчевого и договорнаго, вслѣдствіе долгой и упорной борьбы государства за

свою политическую независимость, борьбы, требовавшей сосредоточенія сильной власти въ единыхъ рукахъ, наконецъ, вслѣдствіе постояннаго, вѣками длившагося воздѣйствія византійскихъ теорій духовенства и т. д., слагается de jure окончательно во власть самодержавную, неограниченную. Такою эта власть представлялась современникамъ, особенно иностранцамъ, являвшимся къ намъ въ XVI—XVII вв., такою ее понимали всѣ, бравшіеся по какому-либо поводу за ея опредѣленіе: „россійскіе самодержавцы изначала сами владѣютъ всѣми царствы, а не бояры и вельможи .... Како-же и самодержецъ наречется, аще не самъ строитъ?“ говоритъ Іоаннъ Грозный Курбскому. „Если хочешь быть самодержцемъ“, — внушаетъ Іоанну Вассіанъ Топорковъ, — „не держи при себѣ ни одного совѣтника, который былъ-бы умнѣе тебя; держись правила: ты долженъ учить, а не учиться, повелѣвать, а не повиноваться, тогда будешь твердъ на царствѣ и страшенъ боярамъ“. Такъ понималось самодержавіе въ періодъ борьбы со строптивымъ боярствомъ, такъ его опредѣляли раньше и позднѣе иностранцы. „Неизвѣстно, загрубѣлость-ли народа требуетъ такого самовластнаго государя, или отъ самовластія государя этотъ народъ сдѣлался такимъ грубымъ и жестокимъ“, говорилъ Герберштейнъ. Сравненіе съ турецкимъ султаномъ стало даже общимъ мѣстомъ для иностранныхъ писателей при характеристикѣ ими власти московскаго государя. По ихъ описаніямъ, властью своею надъ подданными московскій государь превосходилъ всѣхъ государей въ свѣтѣ. Эта власть одинаково и безусловно простирается и на лицъ отъ перваго боярина до послѣдняго раба, и на имущества, ибо на Москвѣ „великъ и малъ живетъ государевымъ жалованьемъ и Государь, какъ Богъ, и малаго дѣлаетъ великимъ“. При упоминовеніи въ разговорѣ имени Государя присутствующіе обнажаютъ свои головы, нищіе протягиваютъ руку во имя Бога и Государя; въ

челобитьяхъ подписываются уничижительно-уменьшительными именами, постоянно называя себя рабами, холопами и сиротами его, великаго Государя („работаю я, холопъ, вамъ, великимъ Государемъ, яко Богу“ . . . писалось въ челобитныхъ). Еще отецъ Іоанна Гр., Василій Ивановичъ, выгоняетъ изъ Б. Думы боярина Берсеня-Беклемишева, вздумавшаго говорить ему „встрѣчу“: „поиди, смердъ, прочь, не надобенъ ми еси“ (А. А. Эк. 1, № 172); его сынъ стираетъ съ лица земли едва-ли не цѣлое поколѣніе бояръ, утверждая, что „жаловать своихъ холопей мы вольны, а и казнить ихъ вольны-же“, и на зло боярамъ, вступая въ управленіе, возводитъ въ вельможи человѣка, взятаго „отъ гноища нищаго“ . . . Можно до безконечности приводить мнѣнія современниковъ и факты, взятые изъ временъ и мирныхъ, и бурныхъ, и едва-ли не всѣ они, повидимому, только подтверждаютъ взглядъ на московское самодержавіе, какъ на время господства полнаго деспотизма съ одной стороны и рабскаго безправія съ другой. Но оставляя въ сторонѣ исключительныя эпохи и исключительные характеры, надо сказать, что къ XVII вѣку вырабатывается на Москвѣ типъ самодержавной власти, совсѣмъ не подходящій подъ видъ восточнаго деспотизма[1]), какъ это казалось иностранцамъ, неимѣвшимъ возможности глубоко войти въ изученіе своеобразныхъ порядковъ Москвы. Надо замѣтить, что типъ отношеній между государемъ и его слугами-хо-

1) Повидимому это понимается хорошо и на Москвѣ, какъ можно заключить изъ дошедшей до насъ грамоты опальному боярину кн. Хворостинину, думавшему уѣхать въ Литву и хулившему московскіе порядки. Въ ней, между прочимъ, говорится слѣдующее: „да въ твоемъ-же письмѣ сыскано, написано Государя-Царя и в. к. Михаила Ѳ. всея Руси именованье не по достоинству: деспотомъ русскимъ, а деспота словетъ греческою рѣчью владыка или владѣтель, а не князь и самодержецъ; а ты, князь Иванъ, не иноземецъ, московскій природный человѣкъ и тебѣ-бъ было такъ про государево именованье писати не пристойно“. (Соб. Г. Гр. и Дог. т. III, № 90.)

лопями первоначально слагался у насъ, какъ, впрочемъ и вездѣ, не по началамъ государственнаго права, а по началамъ права гражданскаго. Московскій государь выросъ изъ князя-вотчинника, князя собирателя земель, на которыя онъ долго смотрѣлъ, какъ на свой личный „прибытокъ“, и съ окружающими его служилыми людьми обращался, какъ съ холопами-слугами, то награждая ихъ за личную ему службу, то отнимая у нихъ имѣнія и кладя на нихъ свою опалу. Отсюда и всѣ внѣшніе аттрибуты отношеній князя-хозяина къ слугамъ-холопамъ, такъ поражавшіе иностранцевъ. Но они не должны насъ обманывать и быть переносимыми на сужденіе о типѣ государственной верховной власти въ XVI—XVII вв. во 1-хъ потому, что этими аттрибутами не исчерпывалось все ея внутреннее содержаніе, а, во 2-хъ, потому, что къ частно-правнымъ, гражданскимъ основаніямъ верховной власти рано примѣшиваются, и все болѣе съ теченіемъ времени растутъ въ своемъ значеніи начала права государственнаго, которыя и выражаются въ томъ различіи, какое начинаетъ развиваться между учрежденіями государственными и государевыми, какъ это мы увидимъ потомъ.

Неограниченная de jure, эта власть de facto, въ періодъ наибольшаго своего процвѣтанія, была обставлена такими учрежденіями, которыя немыслимы въ деспотіи, а именно Боярскою Думою и З. Соборами, и дѣйствовала, въ силу историческихъ условій своего образованія, такъ, что могла проявлять свою полноту надъ лицами, а не порядками. „Московскій государь“, какъ справедливо выразился проф. Ключевскій въ своей „Боярской Думѣ“, „имѣлъ обширную власть надъ лицами, но не надъ порядкомъ, не потому что у него не было матеріальныхъ средствъ владѣть и порядкомъ, а потому, что въ кругу его политическихъ понятій не было самой идеи о возможности и надобности распоряжаться порядками, какъ

лицами". (стр. 273 I-го изданія). Мы не можемъ совершенно согласиться съ мыслью о томъ, что государи московскіе, при желаніи, могли-бы овладѣть и порядкомъ, что у нихъ лишь не было надобности распоряжаться имъ (доказательства будутъ приведены ниже). Но, несомнѣнно, однако, что сама формула верховной власти ихъ, какъ власти „надъ людьми, а не порядкомъ", имѣетъ за себя полную вѣроятность. Только принявъ ея удачную постановку, можно, кажется, ясно и вѣрно понять сущность верховной власти московскаго государя, по внѣшнимъ аттрибутамъ и произволу надъ людьми казавшейся деспотіею, но представлявшей въ себѣ важныя особенности, совершенно немыслимыя при деспотіи. Петръ В. и его ближайшіе преемники, обративъ свои взоры только къ Западу, не умѣли, или не могли, уловить этихъ особенностей Московскаго періода, правда, къ концу XVII в. довольно уже потускнѣвшихъ, въ результатѣ чего и получилось, что XVIII вѣкъ затерялъ очень важное историческое наслѣдіе.

Приведу нѣсколько наглядныхъ примѣровъ этой 1-ой особенности верховной власти московскихъ государей, за которой выступаетъ и другая особенность, наиболѣе удачная формулировка которой, на нашъ взглядъ, доселѣ дана была славянофильствомъ и именно однимъ изъ лучшихъ его представителей К. С. Аксаковымъ: „неограниченная власть. . . . свобода дѣйствія и закона (принадлежитъ) — Царю, свобода мнѣнія и слова — народу." (П. С. Соч. т. 1., 296 стр.) Подтвержденіе этой формулы даетъ вся исторія З. Соборовъ, въ то время какъ подтвержденіе 1-ой — вся законодательная дѣятельность московскихъ государей. Разсматривая ее въ цѣломъ, изслѣдователь замѣчаетъ, что вся она запечатлѣна удивительнымъ консерватизмомъ по формѣ и таковымъ-же новшествомъ по внутреннему своему содержанію. Передѣлывая старину по своему, Москва совершаетъ это не путемъ

ломокъ, прямыхъ и быстрыхъ, а медленно и постепенно, постоянно ссылаясь на эту старину и подъ ея флагомъ проводя новое. Самое рѣзкое выраженіе эта тенденція находитъ въ перепискѣ Іоанна Гр. съ Курбскимъ: здѣсь Іоаннъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, склоненъ видѣть въ своей дѣятельности только „старину и пошлину," — какъ нѣкогда говорили, — не справляясь вовсе съ исторической правдою: „самодержавства нашего починъ," говоритъ Грозный, „отъ великаго князя Владиміра. . ." Вводя новшества, цари московскіе очень часто, если не всегда, ссылаются „на прародителей" своихъ, на то, что основанія ихъ распоряженій идутъ „оттолѣ", отъ этихъ прародителей, „до сихъ мѣстъ," какъ говорилось прежде, то есть до ихъ собственнаго времени. Такъ стремятся московскіе государи прикрыть свои воздѣйствія на порядокъ ссылкою на то, что они этотъ порядокъ только будто-бы поддерживаютъ. Такъ въ извѣстныя историческія эпохи развитія, значеніе права, въ смыслѣ обязательности тѣхъ или иныхъ нормъ, исходящихъ отъ верховной власти, вездѣ признается только за тѣмъ, что идетъ изстари, что освящено долговременнымъ соблюденіемъ. Знаменитый, напр., собиратель саксонскаго права въ XIII в. и составитель его „зерцала" (т. н. „Sachsenspiegel") Эйке ф. Репгау или Репковъ (Repgau или Repkow) не находитъ лучшей похвалы собранному имъ матеріалу, какъ указаніе на его старину стародавнюю, на его перенесеніе отъ предковъ [1]). Это первоначальное воззрѣніе живетъ и въ Москвѣ XVI-XVII вв. Ему сознательно или безсознательно подчиняется законодатель, оно сдерживаетъ его ломку

1) Въ стихотворномъ предисловіи къ памятнику эта мысль выражена такъ:

„Dies Recht hab ich nicht erdacht
„Es habn von Alter uf uns bracht
„Unsere gute Vorfahren. . . . . .

(т. е.: „Это право не изобрѣтено мною; изстари принесли его къ намъ наши добрые предки")

старыхъ порядковъ, оно примиряетъ съ новыми порядками даже тѣхъ, противъ кого эти порядки идутъ, такъ какъ эту ломку прикрываютъ уваженіемъ къ старому. Господствовать вполнѣ надъ искони-сложившимся порядкомъ поэтому трудно правителямъ при такомъ воззрѣніи, надо измѣнять его очень осторожно и медленно. Примѣры въ доказательство этой мысли — долгая неустанная борьба Москвы съ мѣстничествомъ и съ т. н. „правомъ отъѣзда“ служилыхъ людей.

Извѣстно, какъ сильно договорное начало проникало всѣ отношенія князей къ ихъ дружинникамъ въ періодъ домосковскій, и неудивительно, что это начало, съ вытекавшимъ изъ него правомъ свободнаго отъѣзда, перешло и въ Москву, когда въ нее съѣхались со всѣхъ сторонъ на службу дружинники. Въ Москвѣ это начало столкнулось съ другимъ, новымъ началомъ, началомъ крѣпости и вытекавшимъ изъ него слѣдствіемъ — обязательной службой уже не князю-товарищу, а великому князю и Царю Московскому. . . . Какъ-же поступаетъ Москва, чтобы измѣнить свободное договорное начало, въ начало крѣпости? Въ наше время, когда законъ, по своей идеѣ, обязателенъ для всѣхъ и когда онъ господствуетъ (по крайней мѣрѣ въ идеѣ), и надъ отдѣльными лицами, и надъ строемъ, стоило-бы издать извѣстныя правила, чтобы ввести въ жизнь извѣстныя начала. Жизнь, конечно, могла-бы не принять ихъ, если-бъ они слишкомъ шли въ разрѣзъ съ ея требованіями, но, по крайней мѣрѣ, никто не возражалъ-бы противъ права правительства издавать извѣстныя распоряженія, имъ считаемыя необходимыми. Не такъ стоитъ дѣло на Москвѣ. Въ данномъ примѣрѣ мы видимъ, что законодатель сначала, повидимому, вовсе не хочетъ покуситься на право отъѣзда каждаго дружинника, а, напротивъ, хочетъ какъ-бы охранить это право: такъ лица, несвязанныя черезъ дачу имъ государями помѣстій, и лица, владѣвшія вотчинами, имѣли право

отъѣхать, куда хотѣли; лица, владѣвшія помѣстьями, лишь только оставляли ихъ, также могли перейти на службу къ другому князю. До половины XV в. грамоты договорныя и духовныя выставляютъ общія правила: „а боярамъ и слугамъ между насъ вольнымъ воля“ ... или: „а боярамъ, кто будетъ не подъ дворскимъ, вольнымъ воля,“ или: „а кто будетъ подъ дворскимъ слугъ, тѣхъ на службу не принимати...“ Отсюда видно, что только слуги „подъ дворскимъ,“ т. е. тѣ слуги, которые получали землю за свою службу и которыми, по ихъ земельнымъ отношеніямъ, завѣдывалъ дворскій или дворецкій, обязаны были служить, не отъѣзжая, общее же правило оставалось прежнимъ. При томъ и само исключеніе ослаблялось тѣмъ, что de jure и тотъ, кто былъ „подъ дворскимъ,“ не былъ лично отвѣтственъ за отъѣздъ: онъ только терялъ въ такомъ случаѣ свое имущество, которое отбиралось великому князю. Но не рѣшаясь сразу прикрѣпить служилое сословіе и долго еще повторяя формулу „а боярамъ и слугамъ между насъ вольнымъ воля,“ московское правительство на практикѣ стремится къ постепенному нарушенію этого права отъѣзда, беря съ бояръ крестоцѣловальныя записи о неотъѣздѣ и прибѣгая ко всякимъ другимъ мѣрамъ, чтобы удержать у себя служилыхъ людей, и борясь съ правомъ отъѣзда долго спустя того времени, когда на Руси уничтожились вовсе удѣлы и отъѣзды могли совершаться только въ чужія земли. Такъ исторически сложившійся порядокъ былъ сильнѣе людей и долго противустоялъ власти московскихъ государей, по сказанію иностранцевъ-современниковъ, превосходившей своею силою власть всѣхъ монарховъ Европы. Еще интереснѣе борьба нашихъ государей съ боярскимъ консерватизмомъ и однимъ изъ его крайнихъ выраженій — мѣстничествомъ. Съ нашей современной точки зрѣнія кажестя непонятнымъ, какимъ образомъ на пространствѣ двухъ вѣковъ, въ теченіи которыхъ случалось боярству, въ лицѣ

своихъ родовитѣйшихъ представителей, сотнями бывать и въ царской опалѣ, или ссылкѣ, класть свои головы на плаху, видѣть вторженіе въ Боярскую Думу и приближеніе къ царю „людей худородныхъ“ и. т. д., какимъ образомъ во все это долгое время гордая мѣстническая формула бояръ: „за службу жалуетъ Государь помѣстьемъ и деньгами, а не отечествомъ“ (т. е. не „породою“) признается государями и съ нею считаются они, только въ случаяхъ важной государственной необходимости, рѣшаясь обойти ее (но не уничтожить).[1]) Это опять будетъ понятно, если вспомнить, что власть не господствовала надъ крѣпкимъ, исторически-сложившимся, порядкомъ, а онъ самъ держалъ ее въ извѣстномъ гармоничномъ отношеніи къ себѣ. Если обратить далѣе вниманіе на ту важную роль, какую вѣками играла Б. Дума въ созиданіи законодательства московскаго, если вспомнить о томъ, какую роль играли челобитья и З. Соборы, то станетъ яснымъ, что неорганиченная de jure верховная власть государей de facto развивалась и дѣйствовала въ кругѣ учрежденій и понятій крѣпкихъ, устойчивыхъ, отъ которыхъ она не могла эманципироваться нетолько по ихъ только-что указаннымъ качествамъ, но и потому, что она сама слагалась постепенно, и наконецъ, потому, что она не могла-бы ничего найти имъ взамѣнъ. Опричнина Грознаго, когда царь ушелъ отъ этого порядка, не имѣя возможности сломить его вполнѣ, отлично потверждаетъ эту мысль. Не даромъ и въ смутное время поляки, видя плотность духовной и боярской среды, замыкавшейся около царя, немогшаго сдѣлать шага безъ высшаго духовенства и бояръ, считали

1) Таже формула высказана въ отвѣтѣ, какой должны были дать въ 1615 г. московскіе послы полякамъ: „видали мы отъ прежнихъ государей опалы себѣ, только во всемъ государствѣ справа всякая была на насъ (т. е. все нами дѣлалось, справлялось), а худыми людьми насъ не безчестили, и чести нашей природной не отнимали.“

необходимымъ, для проведенія своихъ плановъ, вырвать царя изъ этой среды и перенести царскую резиденцію изъ Москвы куда-нибудь въ иное мѣсто. Несомнѣнно, въ этомъ плотномъ кругѣ было много совсѣмъ неподвижнаго консерватизма, но его значеніе надо констатировать, чтобы понять устойчивость, органичность учрежденій Москвы. Только въ XVIII в. является возможною игра своими учрежденіями и понятіями и противопоставленіе имъ и смѣна ихъ чужими, и только въ XVIII в. власть эманципируется болѣе или менѣе отъ вліянія среды. Намъ придется касаться дѣятельности Боярской Думы и Земскихъ Соборовъ и фактами подтвердить значеніе ихъ въ исторіи вопроса. Обратимъ лишь вниманіе на тѣ попытки ограничить верховную власть юридически, извѣстнымъ договоромъ съ государями, какія являются въ началѣ XVII в. прямо подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ исключительныхъ обстоятельствъ, и именно вымиранія своей династіи и смутъ междуцарствія. Эти попытки лучше всего показываютъ отношенія между властью и учрежденіями — Б. Думою и З. Соборами, такъ сами онѣ не идутъ дальше простаго желанія закрѣпить юридически то положеніе вещей, какое въ дѣйствительности раньше существовало между верховною властію и названными учрежденіями, хотя и не было обставлено какими-либо гарантіями. Такъ бояре возводятъ на престолъ Шуйскаго, взявши съ него запись, чтобы онъ никого не казнилъ безъ суда бояръ („не осудя истиннымъ судомъ съ бояры своими"), не отнималъ-бы имѣнія у родственниковъ преступника, не слушалъ доносовъ, а разслѣдовалъ бы дѣло, и, поставя обвиняемаго и обвинителя съ очей на очи, наказывалъ-бы затѣмъ ложнаго доносчика. Въ этомъ актѣ боярство хотѣло закрѣпить за собою de jure то, что de facto въ обычномъ теченіи дѣлъ и такъ ему принадлежало. Есть свѣдѣнія, что Шуйскій пытался свергнуть съ себя это обязательство предъ боярствомъ.

Такъ въ своей присягѣ онъ, по словамъ „Лѣтописи о мятежахъ“, сказалъ: „цѣлую я крестъ всей землѣ на томъ, что мнѣ ни надъ кѣмъ ничего не дѣлати безъ Собору никакого дурна“, на что, согласно съ исторической правдой, „бояре и всякіе люди говорили ему, чтобъ онъ на томъ креста не цѣловалъ, потому что въ Московскомъ государствѣ того не повелось“, и эта формула присяги новаго царя была выпущена изъ его манифеста. Еще интереснѣе другая запись, которая была предложена 4 февраля 1610 года, подъ Смоленскомъ Салтыковымъ сыну короля Польскаго — Владиславу. Здѣсь договоръ является уже не такимъ одностороннимъ, какъ при избраніи Василія Шуйскаго, но и онъ старается только точнѣе опредѣлить и юридически закрѣпить то status quo, какое развилось въ XVI в. По этому договору верховная власть ограничивается З. Соборомъ и Б. Думою. Измѣненіе суднаго обычая или исправленіе Судебника зависитъ отъ бояръ и всей земли. Духовенство, бояре и всѣхъ чиновъ люди бьютъ челомъ царю по разнымъ вопросамъ, а государь обсуждаетъ ихъ челобитья „со всѣмъ освященнымъ Соборомъ, боярами и всею землею, по обычаю Московскаго государства“. Б. Дума, по договору, высшій законодательно-судебный органъ: безъ согласія съ Б. Думою государь не вводитъ новыхъ налоговъ, не рѣшаетъ вопросовъ о жалованьѣ, вотчинахъ и помѣстьяхъ служилымъ людямъ, никого не караетъ безъ суда, „съ бояры всѣми“ и т. д. Но и въ этомъ договорѣ мало новаго. Есть извѣстія и свои (Котошихина, Татищева и др.) и иностранныя (Штраленберга, Манштейна) „что и царь новой династіи — Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ выбранъ съ „записью“. Котошихинъ говоритъ даже, что „на всѣхъ царей“, избиравшихся послѣ старой династіи, „были писаны письма“, съ обязательствами, закрѣплявшими значеніе Б. Думы, съ которою Государи должны были „мыслити о всякихъ дѣлахъ соопча“,

что „когда избрали на царство Алексѣя Михайловича, то письма онъ на себя не далъ никакого, что прежніе цари давывали, и не спрашивали, потому что разумѣли его гораздо тихимъ“.

Такимъ образомъ исключительно тяжелыя обстоятельства царствованія Іоанна Гр., возбудившія громадныя опасенія въ боярствѣ, прекращеніе династіи и смуты междуцарствія, выдвинули въ обществѣ мысль о договорѣ съ государемъ, но, по вѣрному замѣчанію В. О. Ключевскаго, „эта мысль внесла очень мало въ правительственную практику“, т. к. „политическій договоръ былъ только замѣною правительственнаго обычая, дѣйствовавшаго въ XVI в., но поколебавшагося въ концѣ этого столѣтія“ („Боярская Дума“ стр. 390). Но, если пытались оградить юридически тотъ порядокъ вещей, какой de facto обычно дѣйствовалъ, то, значитъ, было, что оградить, ergo время XVI—XVII в. не было временемъ политическаго безправія и деспотизма, хотя несомнѣнно, что власть московскаго государя-вотчинника, развивавшаяся въ началѣ на частно-правныхъ основахъ и окруженная всѣми аттрибутами патріархальности и крѣпости [1]), могла вводить въ заблужденіе изслѣдователей.

Мы уже указывали, что отчасти вліянію Византіи надо приписать тѣ стремленія къ абсолютизму, какія проявляются рано на Москвѣ и которыя находятъ себѣ сдержку въ твердомъ консервативномъ порядкѣ отношеній. Это положеніе подтверждается многими данными, хотя въ литературѣ были мнѣнія, что идея самодержавія къ намъ привита татарами. Еще Карамзинъ говорилъ, что „Москва обязана величіемъ своимъ ханамъ“; въ недавнее, сравнительно, время Костома-

1) „Вотчинническій, господарскій типъ“ московскихъ государей отлично изображенъ И. Е. Забѣлинымъ въ его извѣстной книгѣ „Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII ст.“ (М., 1895 г., III изданіе).

ровъ развивалъ ту-же мысль, доказывая, что власть царей московскихъ была продолженіемъ изчезнувшей власти ордынской. Но, если еще можно допустить, что владычество татаръ укрѣпило нѣсколько развитіе единой и самодержавной власти московскихъ государей, то сама идея ея появилась задолго у насъ до татарскаго нашествія, и все ея обоснованіе строилось у насъ всегда по началамъ византійскимъ. Достаточно указать на то, что русскій царь всегда представлялся защитникомъ и верховнымъ главою церкви, что онъ считался какъ бы продолжателемъ власти греческихъ царей, послѣ паденія Византіи, что именно византійскому вліянію и внушенію духовенства обыкновенно приписывали современники всѣ деспотическія стремленія такихъ государей, какъ Іоаннъ III, Іоаннъ Грозный и др., чтобъ согласиться съ этимъ, тѣмъ болѣе, что Византія всегда была для Руси источникомъ высшаго знанія, и оттуда приходила теорія, на подмогу жизненнымъ фактамъ; правда, византійскія идеи самодержавія долго не могли (какъ это уже нами указывалось) найти себѣ мѣста въ удѣльно-вѣчевомъ укладѣ древней Руси (кромѣ отдѣльныхъ случаевъ, какъ, напр., при Андреѣ Боголюбскомъ и пр.), но въ XVI—XVII в. онѣ уже находятъ себѣ полное приложеніе. Самъ титулъ „Царь“ происхожденія византійскаго и есть сокращеніе титула „цесарь“ (въ Остромировомъ Евангеліи въ молитвѣ Господней читаемъ: „да пріидетъ цесарствіе твое“); въ литературныхъ памятникахъ вѣчевого періода онъ иногда присвояется наиболѣе важнымъ великимъ князьямъ, но какъ политическій терминъ, титулъ „Царь“ сталъ употребляться только съ Іоанна III въ сношеніяхъ съ нѣкоторыми иностранными государями; при Іоаннѣ IV уже въ сношеніяхъ со всѣми, равно какъ и для законодательныхъ актовъ внутри государства. У древнихъ болгаръ и сербовъ также можно найти наименованіе „царь“ для обозначенія носителя верховной власти. Совре-

менники отмѣчаютъ наибольшее усиленіе вліянія византійскихъ порядковъ и идей послѣ брака Іоанна III съ Софіею Палеологъ. „Какъ пришла сюда мати великаго князя, в. кн. Софья съ вашими греки“ говорилъ извѣстный Берсень Максиму Греку, „такъ наша земля замѣшалася и пришли нестроенія великія, какъ и у васъ во Царѣ-городѣ при вашихъ царѣхъ; .... здѣсь у насъ старые обычаи кн. великій перемѣнилъ .... запершись самъ-третей у постели всякія дѣла дѣлаетъ“ (А. А. Э., I, № 172). Выше приводились уже тѣ внушенія, какія дѣлалъ Іоанну IV Вассіанъ, чтобы царь былъ самодержцемъ. Знаменитый политическій памфлетъ XVI в., т. наз. „Бесѣда Валаамскихъ чудотворцевъ“, въ которой боярство выразило свой взглядъ на усилившееся вліяніе духовенства — въ ущербъ, конечно, боярскому вліянію на государей, — говоритъ слѣдующее: „пишутся они (т. е. цари) въ своихъ титулахъ самодержцами: такимъ царямъ никакъ не слѣдуетъ писаться самодержцами, потому что не сами собою держатъ Богомъ данное имъ царство и міръ и не съ пріятелями своими, князьями и боярами, а владѣютъ имъ и совѣтуются съ непогребенными мертвецами [1])“. Курбскій также осуждалъ эти „шептанія“ монаховъ государямъ и называлъ совѣтъ Вассіана „силлогизмомъ сатанинскимъ“. Но еще болѣе, чѣмъ на идею самодержавія, воззрѣнія духовенства повліяли, кажется, на идею „единодержавія“, постояннымъ внушеніемъ мысли, что какъ одинъ Богъ — создатель всего, такъ точно долженъ быть и одинъ государь, и что съ паденіемъ Византіи представителемъ единой православной церкви долженъ быть единый Государь Московскій. „Римъ и Константинополь пали“ —

1) „Бесѣда преподобныхъ Сергѣя и Германа, Валаамскихъ чудотворцевъ“. Апокрифическій памятникъ XVI вѣка. С.-П., 1890 г., 4 стр. — Впрочемъ, нѣкоторые ученые, напр., В. И. Сергѣевичъ и др. отвергаютъ заимствованіе идеи самодержавія изъ Византіи (Русск. юрид. древности, Т. II, в. II, стр. 599 сл.).

говорится въ одномъ духовномъ посланіи — „первый отъ ереси, второй — отъ меча поганыхъ. Взамѣнъ ихъ является русская церковь, русское царство. Въ русскомъ царствѣ совокупились и сложились всѣ прежнія государства. Русскій царь есть враздодержатель всѣхъ престоловъ, ему долженъ принадлежать титулъ Августа и скипетръ Константина . . . .“

§ 2.

Порядокъ престолонаслѣдія на Москвѣ.

(Порядокъ преемства престола отъ начала XIV вѣка до конца XVI вѣка (1598 г.) Распредѣленіе великими князьями московскими волостей между своими сыновьями. Вопросъ о престолонаслѣдіи по смерти Ѳедора Іоанновича. Роль Земскихъ Соборовъ въ избраніи государей.)

Обращаясь послѣ характеристики верховной власти московскихъ государей къ вопросу о порядкѣ престолонаслѣдія или преемства престола на Москвѣ, прежде всего отмѣтимъ, что въ развитіи этого вопроса необходимо различать два, весьма неравномѣрныхъ, по времени, періода, а именно: 1) время отъ начала XIV вѣка и почти до конца XVI столѣтія (до 1598 г.) и 2) XVII вѣкъ. Въ первый періодъ, отъ начала XIV вѣка, когда умираетъ первый московскій князь Даніилъ Александровичъ, оставляя престолъ сыну своему Юрію Даниловичу и почти до конца XVI вѣка, когда умираетъ въ 1598 г. послѣдній представитель Рюрикова дома Ѳедоръ Іоанновичъ, назначивъ по себѣ преемницею престола супругу свою Ирину Ѳедоровну, дѣйствуетъ принципъ наслѣдованія престола между членами одного царствующаго дома, во второй періодъ, обнимающій XVII вѣкъ, принципъ избранія государя волею народа, т. е., иначе говоря, въ одинъ періодъ московская монархія является на-

слѣдственною, въ другой — избирательною. Остановимся особо на каждомъ изъ этихъ періодовъ.[1]) Изучая вопросъ о преемствѣ столовъ въ удѣльно-вѣчевое время, мы уже отмѣтили, что въ это время не могло выработаться одной общей системы престолонаслѣдія и столы получались князьями по разнымъ основаніямъ. Въ Московскомъ княжествѣ, великомъ княжествѣ и, наконецъ, государствѣ преемство престола является менѣе сложнымъ и запутаннымъ, чѣмъ въ предъидущій періодъ исторіи нашей, хотя всетаки не получаетъ твердой и вполнѣ опредѣленной формы, которой-бы князья считали себя обязанными всегда слѣдовать. Происходитъ это частію потому, что не всѣ прежнія представленія о порядкѣ преемства престола перестаютъ примѣняться нынѣ, частію-же потому, что князья считаютъ себя въ правѣ распоряжаться, по своей волѣ, своимъ княженіемъ, а потому иногда и отступаютъ при назначеніи себѣ наслѣдника отъ обычныхъ формъ преемства. Изъ прежнихъ представленій о порядкѣ преемства престола особенно живучимъ оказывается начало родового старшинства, по которому на великокняжескомъ престолѣ, въ старшемъ стольномъ городѣ, долженъ сидѣть старшій изъ братьевъ, исключая тѣмъ отъ наслѣдованія престола старшаго сына умершаго великаго князья. Это извѣстное уже намъ начало отчины, приводившее въ удѣльно-вѣчевое время къ борьбѣ дядей съ племянниками, но на Москвѣ отъ XIV по XVI вѣкъ началу старшинства начинаетъ на практикѣ все чаще и чаще противополагаться начало наслѣдованія престола по праву первородства въ нисходящей линіи, т. е. иначе говоря, начи-

1) Подробное изложеніе вопроса о преемствѣ престола на Москвѣ см. въ I томѣ „Исторіи права Московскаго государства“ Н. П. Загоскина (Казань, 1877 г.) стр. 150 и сл.; срав. также „Русскую исторію“ К. Н. Бестужева-Рюмина (С.-П., 1872 г. т. I), стр. 326 и сл.; т. II (С.-П., 1885 г.), стр. 142 и сл.

наетъ проводиться начало устраненія, отъ наслѣдованія престола, старшимъ сыномъ даннаго умершаго князя своего дяди. Трудно сказать, насколько сознательно московскіе князья склонялись къ мысли о необходимости проводить это начало первородства въ вопросѣ о наслѣдованіи престола, несмотря на все его преимущество, въ смыслѣ простоты примѣненія на практикѣ, сравнительно съ сложностью счетовъ наслѣдованія по старшинству; можно лишь сказать, что это начало первородства несразу завоевало себѣ право на признаніе, будучи, съ одной стороны, принуждено вступать неразъ въ борьбу съ правомъ старшинства, а, съ другой, съ волею самихъ князей, считавшихъ возможнымъ распоряжаться престоломъ по своему усмотрѣнію. Впрочемъ, въ Москвѣ, по счастливой случайности, борьба дядей съ племянниками, — иначе говоря борьба двухъ принциповъ престолонаслѣдія за преобладаніе и даже за исключительное господство — лишь, сравнительно, изрѣдка принимаетъ острый характеръ, и, наоборотъ, въ первые 122 года, а именно отъ 1303 г., когда скончался первый московскій князь Даніилъ Александровичъ, до 1425 г. когда умеръ Василій I Дмитріевичъ, престолъ сначала княжескій, а затѣмъ великокняжескій почти всегда переходитъ мирнымъ спокойнымъ образомъ, то отъ отца къ сыну, то отъ брата къ брату. Что это лишь простая случайность, это видно, какъ изъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ передачу престола отъ одного князя къ другому, такъ и изъ того, что позднѣе въ той же Москвѣ въ княженіе Василія II Темнаго борьба дяди съ племянниками принимаетъ ожесточенный характеръ. Переходя къ краткому изображенію этой борьбы, укажемъ на обстоятельства, сопровождавшія преемство престола въ первые 122 года по смерти Даніила Александровича.

Даніилъ Александровичъ былъ первымъ московскимъ княземъ; по смерти его право на престолъ московскій принадлежало по праву старшинства его брату Андрею Александровичу, великому князю Суздаль-

скому, и старшему сыну его Юрію Даниловичу, по праву первородства. Но Андрей Александровичъ, владѣя великимъ княженіемъ Суздальскимъ, не пожелалъ предъявлять своего притязанія на московскій столъ, какъ менѣе тогда значительный, чѣмъ суздальскій и сынъ Даніила Юрій безпрепятственно занялъ мѣсто отца, т. е., случайно борьба дяди съ племянникомъ не имѣла мѣста. Юрій Даниловичъ умираетъ въ 1325 г. бездѣтнымъ и престолъ переходитъ къ его единственному брату Ивану Даниловичу Калитѣ, успѣвшему затѣмъ въ 1328 г. получить въ ордѣ ярлыкъ на великое княженіе Московское; Иванъ Калита, хотя и входитъ на престолъ, какъ братъ умершаго князя, но собственно входитъ не потому, чтобъ за нимъ признавалось право старшинства, но потому, что у Юрія не было сыновей; еслибъ они были, то могла-бы возникнуть между ними и Иваномъ борьба. Въ 1341 г., по смерти Ивана Калиты, престолъ переходитъ къ его старшему сыну Симеону, прозванному Гордымъ, который умираетъ бездѣтнымъ въ 1353 г. и Московское великое княженіе вновь передается отъ брата къ брату, а именно къ старшему брату Симеона Ивану II Ивановичу. Такимъ образомъ въ теченіи первыхъ пятидесяти лѣтъ престолъ переходитъ, то отъ отца къ сыну, то отъ брата къ брату совершенно безпрепятственно, ввиду того, что налицо не было одновременно (за исключеніемъ момента смерти Даніила Александровича), дядей и племянниковъ, могущихъ спорить за наслѣдованіе. Но со вступленіемъ на престолъ Ивана II возгарается борьба между нимъ и правнукомъ Андрея Суздальскаго, Константиномъ Суздальскимъ, прадѣдъ котораго когда-то (въ 1303 г.) могъ-бы вступить въ борьбу съ Юріемъ Московскимъ за княженіе, но *не вступилъ*, правнукъ же, исходя изъ идеи *родового старшинства*, нашелъ возможнымъ вести эту борьбу, ввиду, конечно, того значенія, которое стало пріобрѣтать въ это время уже великое княженіе Московское; борьба эта, впрочемъ, кончается скоро тѣмъ, что ярлыкъ на москов-

ское княженіе дается ордою Ивану II. Послѣдній, умирая въ 1359 г., передаетъ престолъ своему сыну Дмитрію, столь прославившемуся потомъ борьбою съ татарами, хотя у Ивана II былъ, кромѣ сына, братъ Андрей Ивановичъ; этотъ князь, впрочемъ, не вступаетъ въ борьбу съ племянникомъ, но за то Дмитрій Суздальскій, сынъ Суздальскаго князя Константина, боровшагося за великое княженіе съ Иваномъ II, успѣваетъ получить въ Ордѣ велико-княжескій ярлыкъ, но Дмитрій Донской вступаетъ съ нимъ въ борьбу и скоро получаетъ въ ордѣ самъ такой-же ярлыкъ, съумѣвъ въ тоже время помириться съ своимъ противникомъ. По смерти Дмитрія Донскаго въ 1389 г. престолъ переходитъ къ его старшему сыну Василію I Дмитріевичу, который въ 1425 г., умирая, передаетъ его опять-таки старшему сыну Василію II Васильевичу.

Такимъ образомъ въ теченіи первыхъ 122 лѣтъ, — за исключеніемъ двухъ случаевъ притязаній на московское великое княженіе суздальскихъ князей Константина и Дмитрія, притязаній, неимѣвшихъ фактически большаго значенія, — наблюдается спокойное преемство престола, при чемъ, обычно, престолъ переходитъ по праву первородства къ старшему сыну и лишь за отсутствіемъ сыновей къ братьямъ. Повидимому 122 года достаточно-большой срокъ, чтобъ примириться съ этимъ простымъ и вполнѣ естественнымъ, съ нашей современной точки зрѣнія, переходомъ правъ на престолъ отъ отца къ старшему сыну. Однако, въ княженіе Василія II въ теченіи двадцати лѣтъ происходитъ борьба стараго начала родового старшинства съ новымъ началомъ наслѣдованія въ нисходящей линіи по праву первородства. Въ немногихъ словахъ эта борьба состояла въ слѣдующемъ. У Василія I былъ братъ Юрій Галичскій; когда престолъ послѣ Василія перешелъ въ 1425 г. къ его единственному сыну Василію II, этотъ братъ вступилъ въ борьбу за него съ племянникомъ своимъ и, несмотря на то, что ханъ Улу-Махметъ

утвердилъ великое княженіе за Василіемъ II (въ 1432 г.), Юрій началъ съ нимъ войну, выгналъ его изъ Москвы и умеръ великимъ княземъ Московскимъ; послѣ Юрія борьбу съ Василіемъ ведутъ сыновья его, изъ которыхъ особенной энергіею отличается, какъ извѣстно, Дмитрій Шемяка; борьба кончилась лишь въ 1453 г. побѣдою Василія надъ племянниками, побѣдою, которую можно разсматривать какъ торжество новаго начала наслѣдованія престола надъ старымъ, а именно принципа наслѣдованія по нисходящей линіи по праву первородства надъ принципомъ родоваго старшинства. Слѣдующія царствованія, до прекращенія династіи Рюрика, подтверждаютъ примѣненіе этого принципа на практикѣ: такъ Василій II Темный, умирая, передаетъ престолъ старшему сыну своему Ивану III въ 1462 г.; послѣ него, не безъ нѣкоторыхъ, впрочемъ, смутъ, о которыхъ скажемъ ниже особо, престолъ переходитъ въ 1505 г. ко второму сыну Ивана III Василію III, отъ него къ его старшему сыну Іоанну IV (въ 1533 г.) и въ 1584 г. затѣмъ ко второму его, оставшемуся въ живыхъ, сыну Ѳедору Іоанновичу. Такимъ образомъ, de facto примѣняется въ Московскомъ періодѣ новый порядокъ преемства престола, которому недоставало лишь одного для полнаго своего торжества, а именно законодательнаго утвержденія, но для этого должно было пройти слишкомъ 250 лѣтъ, когда по закону императора Павла I 5 апрѣля 1797 г. обычай былъ превращенъ въ законъ.

Какъ уже указывалось выше, порядокъ престолонаслѣдія по праву первородства въ нисходящей линіи, вступая и на Москвѣ въ борьбу со старымъ принципомъ преемства престола по праву старшинства, нарушался еще и тѣмъ, что сами князья считали возможнымъ распоряжаться престоломъ своимъ по собственному усмотрѣнію. Это сказывалось какъ въ томъ, что они назначали себѣ преемника, такъ и въ томъ, какъ они распредѣляли свои владѣнія между своими дѣтьми.

Въ Московскій періодъ, до Іоанна III, вопросъ о назначеніи тѣмъ или другимъ княземъ себѣ преемника не приводилъ ни къ какимъ особеннымъ неудобствамъ лишь потому, что самъ родъ князей московскихъ былъ немногочисленъ и почти всегда приходилось отдавать престолъ, либо сыну, либо брату, смотря по тому, кто изъ нихъ имѣлся налицо (исключеніе лишь было въ 1359 г., когда Иванъ II, умирая, могъ завѣщать престолъ, либо старшему сыну Дмитрію, либо младшему брату своему Андрею). Но въ царствованіе Ивана III такой взглядъ князей московскихъ на назначеніе себѣ преемника привелъ къ нѣкоторымъ смутамъ. Дѣло въ томъ, что у Ивана III было два сына, старшій Иванъ (Іоаннъ Молодой), умершій въ 1490 г. и младшій Василій, царствовавшій по смерти отца своего въ 1505 г., подъ именемъ Василія III, по назначенію отца. Но этому назначенію предшествовалъ рядъ событій, на которыхъ необходимо остановиться, ввиду ихъ важности. По смерти старшаго сына Іоанна III Ивана въ 1490 г. остался, какъ уже сказано, второй сынъ Василій и внукъ старшаго сына — Дмитрій, т. е. налицо были дядя и племянникъ. Самому Іоанну III предстояло такимъ образомъ выбрать между двумя началами наслѣдованія: по праву старшинства или по праву первородства въ нисходящей линіи. Такъ какъ Иванъ Молодой былъ сыномъ Іоанна III отъ Маріи Тверской, а Василій отъ Софьи Палеологъ, то дворъ раздѣлился на 2 стороны: такъ наз. „старые бояре“ стояли за сына Ивана Молодого, Дмитрія, будучи недовольны Софьей и новыми порядками, которые стали заводиться съ ея прибытія въ Москву Іоанномъ III, другіе за сына Софьи — Василія. Узнавъ, что великій князь хочетъ провозгласить своимъ преемникомъ своего внука Дмитрія (хотя раньше онъ-же считалъ своимъ наслѣдникомъ сына Василія), послѣдніе устроили заговоръ въ пользу Василія, были, однако, открыты прежде приведенія своихъ плановъ въ исполненіе, казнены, сынъ Василій заключенъ въ тюрьму, а 4 февраля 1498 г. Дмитрій Ивано-

вичъ былъ провозглашенъ преемникомъ Іоанна III, т. е., великій князь высказался за новый принципъ наслѣдованія по праву первородства въ нисходящей линіи. Но это продолжалось недолго: черезъ 4 года отецъ помирился съ сыномъ и назначилъ его великимъ княземъ Новгородскимъ и Псковскимъ. Новгородцы и псковичи не были довольны такимъ назначеніемъ и опасались, что по смерти Іоанна III можетъ возникнуть борьба дяди съ племянникомъ и усобица дурно отразится на нихъ самихъ; они выразили великому князю Іоанну III свое нежеланіе имѣть особаго отъ Москвы князя. Тогда Іоаннъ такъ отвѣтилъ посламъ Новгорода: „развѣ я не воленъ въ сынѣ или внукѣ: кому хочу, тому и даю свое царство.“ Затѣмъ Іоаннъ III поссорился съ внукомъ и назначилъ наслѣдникомъ опять своего сына Василія. Посламъ, отправлявшимся въ Крымъ, вел. князь велѣлъ объяснить эту перемѣну такъ: „внука своего Государь нашъ было пожаловалъ, а онъ сталъ Государю нашему грубить; но, вѣдь, жалуетъ всякій того, кто служитъ и наровитъ, а который грубитъ, за что жаловать?“ Здѣсь ясно выраженъ тотъ принципъ, что назначеніе великокняжескаго стола есть дѣло царствующаго Государя, и именно примѣромъ Іоанна III воспользовался, между прочимъ, Петръ В., чтобы оправдать устраненіе отъ престола своего единственнаго сына. Однако, несомнѣнно, что народное убѣжденіе было, какъ увидимъ въ свое время, не на сторонѣ Петра В. но стояло за болѣе простой и ясный принципъ наслѣдственности престола по прямой линіи по праву первородства, а не за принципъ усмотрѣнія, введенный Петромъ В., согласно частію московскому обычаю, наиболѣе яркое выраженіе коего мы видимъ въ царствованіе Іоанна III.

Если такимъ образомъ въ Москвѣ съ XIV по XVI вѣкъ устанавливается преемство престола, по преимуществу, по прямой нисходящей линіи и по праву первородства, то это есть порядокъ не закономъ созданный,

а лишь по обычаю соблюдаемый, которому князья слѣдуютъ, хотя и могутъ и не слѣдовать. Частно-правовой взглядъ на занимаемый престолъ иногда сказывался весьма рѣзко, какъ это было при Іоаннѣ III и великіе князья могли назначать и даже мѣнять наслѣдниковъ своихъ по своей воли; только случайныя обстоятельства, изложенныя выше, помогли тому, что такой взглядъ на дѣло не приводилъ на Москвѣ обычно ни къ какимъ коллизіямъ.

Тотъ-же частно-правовой взглядъ сказывался долго и на самомъ способѣ, коимъ распредѣлялись волости московскими великими князьями между своими сыновьями. Волости эти распредѣлялись между ними въ такъ наз. „духовныхъ грамотахъ.“ Содержаніе грамотъ весьма рельефно подтверждаетъ взглядъ князей на эти волости, какъ на свое достояніе, взглядъ, идущій, какъ извѣстно, еще отъ удѣльнаго времени: если отъ усмотрѣнія государя зависѣло назначеніе себѣ преемника, то и доля его, какъ и другихъ братьевъ, въ наслѣдіи опредѣлялась также усмотрѣніемъ князя-наслѣдодателя, при чемъ въ духовныхъ грамотахъ дѣло шло нетолько о распредѣленіи государственной территоріи и доходовъ между сыновьями, но и о распредѣленіи между ними также личной движимой собственности князей. Отъѣзжая въ орду, Іоаннъ Калита пишетъ напр., свою духовную такъ: „во имя Отца и Сына и Св. Духа. Се язъ грѣшный худой рабъ Божій Иванъ пишу душевную грамоту, идя въ орду, никѣмъ не нуженъ (не вынуждаемъ), цѣлымъ своимъ умомъ, въ своемъ здоровьѣ. Аже Богъ что разгадаетъ о моемъ животѣ, даю рядъ сыномъ своимъ и княгинѣ своей“.... Разбирая это начало грамоты, Б. Н. Чичеринъ спрашиваетъ себя: виденъ-ли здѣсь государь, представитель цѣлаго общества или народа? Ничего подобнаго нѣтъ. Пишетъ „худой рабъ Божій Иванъ“ въ здравомъ умѣ, безъ принужденія. На случай смерти, онъ даетъ рядъ женѣ и дѣтямъ, какъ дѣлалъ всякій частный человѣкъ. Стало быть, изъ самой формы мы усматриваемъ уже

сильное развитіе частнаго права.“ Обращаясь къ содержанію завѣщанія, мы видимъ, что, наряду съ раздачею волостей сыновьямъ, идутъ распоряженія о раздачѣ частной собственности князя, какъ сыновьямъ, такъ и женѣ съ дочерью и постороннимъ людямъ, а также раздѣлъ доходовъ между ними: Семенъ, старшій сынъ, получаетъ, напр., кожухъ червленый и золотую шапку, Иванъ — кожухъ желтый: обручи, ожерелья, монисто идутъ дочери, золотая коробочка княгинѣ; или напр., о стадахъ князя говорится: „а что есмь далъ сыну моему Семену стадцо, а другое Ивану, а иными стады моими подѣлятся сынове мои и княгиня моя.“ „А что ся останеть моихъ портъ (одеждъ), а то раздадять по всемъ попьямъ и на Москвѣ. А блюдо великое серебряное, а то есмь далъ святѣй Богородицѣ Володимерской. А приказываю тебѣ, сыну моему Семену, братью твою молодшую и княгиню свою съ меньшими дѣтьми; по Бозѣ ты имъ будешь печальникъ.“ Все, что есть у князя, онъ дѣлитъ, какъ хочетъ и на одинаковомъ основаніи, безъ разбора, частная-ли это или государственная (какъ волости) собственность. Но, подобно тому, какъ въ опредѣленіи наслѣдника послѣ себя, — наряду съ формулою, какую высказалъ Іоаннъ III („кому хочу, тому и даю царство“) — у московскихъ князей есть сознаніе необходимости ввести въ это назначеніе общій и болѣе или менѣе постоянный порядокъ (что и сказывается въ призывѣ къ наслѣдію престола, если возможно, сыновей и пр.), въ духовныхъ ихъ грамотахъ также начинаетъ пробиваться государственное начало въ самомъ способѣ распредѣленія частей государственной территоріи: во 1-хъ Москва остается всегда въ общемъ владѣніи всѣхъ сыновей, во 2-хъ старшій наслѣдуетъ великокняжескій титулъ и въ 3-хъ старшій получаетъ нѣсколько больше другихъ и изъ владѣній старшаго сына получается нѣкоторое основное цѣлое великаго княженія Московскаго, переходящее затѣмъ къ другимъ старшимъ дѣтямъ,

или внукамъ. Со времени Дмитрія Донскаго преобладаніе старшаго сына надъ младшими, по отношенію къ владѣнію государственными волостями, сказывается еще въ томъ, что въ завѣщаніи своемъ онъ увеличиваетъ значительно владѣніе своего старшаго сына Василія, какъ въ Москвѣ и ея станахъ, такъ и въ другихъ частяхъ своего княжества, давая ему больше братьевъ „на старѣйшій путь“ („а сына своего Василья благословляю на старѣйшій путь въ городѣ и станѣхъ моего удѣла двою жеребью половина, а тремъ сыномъ моимъ половина и въ пошлинахъ городскихъ половина“). Это начало укрѣпляется въ дальнѣйшее время и, если въ концѣ XIV, когда было составлено завѣщаніе Дмитрія Донскаго, удѣлъ старшаго сына составляетъ 1/3 всѣхъ вообще владѣній, то уже Василій Темный въ первой четверти XVI вѣка получилъ 1/2, а Іоаннъ III во второй половинѣ того-же столѣтія 3/4 его. Уже это одно ставило удѣльныхъ князей въ подчиненіе великому князю московскому. Затѣмъ, сама Москва, бывшая еще по завѣщанію Дмитрія Донскаго въ общемъ владѣніи всѣхъ братьевъ, при Василіи Темномъ уже въ 1/3 является принадлежащей великому князю, а по завѣщанію Ивана III она уже цѣликомъ принадлежитъ одному великому князю Московскому; наконецъ, съ конца XV вѣка, ему принадлежитъ вся полнота верховной власти въ Московскомъ государствѣ, младшіе сыновья, хотя и имѣютъ небольшіе удѣлы, но находятся въ полномъ его подчиненіи. Нечего говорить, что это подчиненіе еще болѣе усиливается въ слѣдующее столѣтіе. Такимъ образомъ государственное начало единодержавія беретъ верхъ надъ частно-правовымъ взглядомъ князей на государственную землю, какъ на свою собственность: распоряжаясь ею до конца изучаемаго періода, они, однако, идутъ постепенно къ установленію единодержавія.

Перейдемъ теперь къ вопросу о преемствѣ престола послѣ кончины 7 января 1598 г. царя Ѳедора

Іоанновича. Несмотря на то, что по смерти Ѳеодора патріархъ, бояре и народъ принесли присягу супругѣ его Иринѣ, она удалилась въ Новодѣвичій монастырь и тамъ постриглась, тронъ явился вакантнымъ и небыло налицо наслѣдника престола. Оставалось прибѣгнуть къ избранію и 17 февраля 1598 г. Земскій Соборъ, состоявшій изъ 457 лицъ, выбралъ шурина царя Ѳеодора Бориса Годунова „Государемъ Царемъ и Великимъ княземъ всея Русіи“. Этотъ Соборъ изслѣдователи вопроса о земскихъ соборахъ, какъ проф. Загоскинъ, Латкинъ и др., считаютъ прискорбнымъ образцемъ злоупотребленія названіемъ и значеніемъ Земскаго Собора; онъ составленъ въ громадной части изъ людей зависѣвшихъ такъ или иначе отъ Бориса и жившихъ въ Москвѣ, между тѣмъ какъ представительство отъ городовъ выразилось всего въ 34 человѣкахъ. Но какъ-бы то ни было, этотъ Соборъ открываетъ собою эру господства избирательныхъ Соборовъ, такъ какъ, хотя Борису Годунову, умершему 13 апрѣля 1605 г., и наслѣдовалъ по праву первородства его сынъ Ѳедоръ, но онъ процарствовалъ всего лишь 2 мѣсяца, будучи свергнутъ Лжедимитріемъ I, въ свою очередь убитымъ 17 мая 1606 г., причемъ въ томъ же году состоялся новый Земскій избирательный Соборъ, который, хотя и не можетъ быть названъ настоящимъ Соборомъ, но избираетъ однако, 29 мая Царемъ Василія Шуйскаго, обязавшагося, по однимъ извѣстіямъ, „ничего не дѣлати безъ Собору никакого дурна“, по другимъ-же, болѣе вѣроятнымъ, цѣловавшаго крестъ на томъ, чтобъ „не осудя истиннымъ судомъ съ бояры своими“ никого „смерти не предати, и вотчинъ, и дворовъ, и животовъ у братьи ихъ, и у женъ и у дѣтей не отъимати“ и пр., т. е. обѣщалъ править при помощи Боярской Думы. Шуйскій, вступивъ на престолъ при помощи незначительной и количественно и качественно партіи, не могъ держаться долго на немъ и 17 іюля 1610 г. былъ низложенъ съ престола. Интересно, что, ни Борисъ

Годуновъ, ни Василій Шуйскій, несмотря на критическое положеніе въ которомъ находились въ ихъ царствованіе и государство и тронъ, ни разу не обращались къ помощи Земскихъ Соборовъ, какъ это дѣлалъ позднѣе царь Михаилъ Ѳедоровичъ: по мнѣнію Бѣляева, это объясняется тѣмъ, что оба они, будучи избраны неправильно и не по волѣ народа, не могли разсчитывать на одобреніе народа. По низложеніи Шуйскаго, государствомъ стала править, какъ извѣстно, Боярская Дума во главѣ съ кн. Ѳеодоромъ Ивановичемъ Мстиславскимъ. Хотя указанные 2 избирательные Собора и по составу своему и по способу созыва выборныхъ были совершенно-неправильными, важно, однако, то, что для рѣшенія вопроса о томъ, кто долженъ править государствомъ, считали нужнымъ прибѣгать къ народному избранію. По низложеніи Шуйскаго, Земскій Соборъ постановилъ избрать новаго государя „сослався со всѣми городы". Это, однако, не могло совершиться скоро: страна была раздираема внутренними междоусобіями, внѣшніе враги, поляки и шведы, угрожали независимости государства. Временное правительство въ Москвѣ, во главѣ съ кн. Мстиславскимъ, вело переговоры съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ о вступленіи на русскій престолъ сына его Владислава и уже 17 августа, черезъ мѣсяцъ по низложеніи Шуйскаго, заключило съ гетманомъ Жолкевскимъ условіе о вступленіи Владислава на престолъ, при чемъ Владиславъ обязывался править страною нетолько и съ участіи Боярской Думы, но и Земскаго Собора. Народъ, однако, не призналъ этого избранія, нѣкоторые города стояли за Лжедимитрія II, а сами поляки, несмотря на означенный договоръ, не остановились въ своемъ поступательномъ непріятельскомъ движеніи по русской землѣ и заняли Москву. Положеніе страны имѣло чрезвычайно-критическій характеръ, внѣшніе враги и внутреннія усобицы угрожали принять еще большіе размѣры, какъ послѣдовавшая смерть Лжедимитрія II,

или Тушинскаго вора, нѣсколько облегчила положеніе въ томъ отношеніи, что одинъ изъ претендентовъ на престолъ сошелъ со сцены и теперь осталось лишь справиться съ устраненіемъ Владислава (былъ еще, впрочемъ, 3-ій кандидатъ — шведскій принцъ Карлъ-Филиппъ выставленный Новгородомъ для себя, въ цѣляхъ образованія особаго государства Новгородскаго). Въ началѣ 1611 г. къ Москвѣ подошло 1-ое земское ополченіе, которое создало извѣстный тріумвиратъ изъ князя Д. Т. Трубецкого, Заруцкаго и Ляпунова, считавшій себя какъ бы временнымъ правительствомъ, наряду съ боярскимъ правленіемъ, запертымъ въ Москвѣ; но это ополченіе, будучи составлено „изъ всякаго сбора, болѣе годнаго“, по справедливому замѣчанію проф. Латкина, „для грабежа, чѣмъ для правильной войны“, не освободило Москвы отъ поляковъ; это было сдѣлано 27 ноября 1612 г. лишь 2-мъ ополченіемъ, подошедшимъ къ Москвѣ 20 августа подъ предводительствомъ кн. Пожарскаго. Но еще до освобожденія Москвы, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ тогоже года, кн. Пожарскій созвалъ Земскій Соборъ въ Ярославлѣ, предварительно разославъ грамоты, въ которыхъ города призывались нетолько къ выбору представителей, но и къ дачѣ имъ инструкцій по управленію государствомъ. Этотъ Соборъ окружалъ кн. Пожарскаго до прибытія его къ Москвѣ. Затѣмъ, освободивъ Москву отъ враговъ, стали разсылать грамоты „о обираньи государьскомъ и о совѣтѣ, кому быть на Московскомъ государствѣ“, требуя, чтобъ изъ всѣхъ городовъ Московскаго государства изо всякихъ чиновъ людей, по десяти человѣкъ изъ городовъ, для государственныхъ и земскихъ дѣлъ прислали . . . къ Москвѣ“. Города должны были послать „лучшихъ“, крѣпкихъ“ и „разумныхъ постоятельныхъ людей“. Соборъ былъ весьма многолюденъ; по предположеніямъ проф. Платонова, имѣющимъ за себя много вѣроятій, онъ состоялъ изъ 700 человѣкъ и многолюдствомъ

Собора тотъ же изслѣдователь объясняетъ интересный фактъ, что Соборъ зачастую засѣдалъ въ самомъ просторномъ помѣщеніи тогдашней Москвы — въ Успенскомъ соборѣ. Города вообще исполнили свою задачу съ полнымъ пониманіемъ ея важности и уже въ январѣ 1613 г. собрались въ Москвѣ.[1]) Соборъ, прежде чѣмъ приступилъ къ избранію, наложилъ на страну 3-хъ дневный постъ, затѣмъ издалъ постановленіе объ устраненіи изъ числа кандидатовъ на тронъ иностранныхъ претендентовъ и Марины съ сыномъ („Литовскаго и Свійскаго короля и ихъ дѣтей за ихъ многія неправды, и иныхъ нѣкоторыхъ земель людей на Московское государство не обирать и Маринки съ сыномъ не хотѣть"), за что повидимому, стояли нѣкоторые изъ высшихъ государственныхъ чиновъ, собравшихся на Соборъ, и, наконецъ, послѣ долгихъ и бурныхъ преній и волненія („многое было волненіе", говоритъ лѣтопись, „и всякимъ людемъ, койждо хотяше по своей мысли дѣяти, койждо про коею говоряше"), изъ нѣсколькихъ кандидатовъ Соборъ остановился на 16-ти лѣтнемъ Михаилѣ Романовѣ, который и былъ выбранъ 21-го февраля 1613 г.; по словамъ одного письма, будто-бы выборъ Романова состоялся потому, что бояре думали, ввиду его молодости, править государствомъ сами; этому извѣстію, однако, противорѣчитъ то обстоятельство, что тѣже бояре не могли не знать, что былъ живъ отецъ Михаила, Филаретъ Никитичъ, человѣкъ въ умѣ котораго и твердости характера никто не сомнѣвался, какъ не сомнѣвался и въ томъ, что онъ будетъ вліять на управленіе государствомъ. Былъ-ли или нѣтъ у бояръ указанный мотивъ къ избранію Михаила Романова, точно установить, за отсутствіемъ достовѣрныхъ данныхъ, очень трудно. Можно, однако, указать на другой мотивъ: народъ было легко склонить",

1) Литература о Земскихъ Соборахъ будетъ указана ниже, въ очеркѣ, касающемся этихъ учрежденій.

по вѣрному замѣчанію проф. В. Н. Латкина, „на сторону Романовыхъ, благодаря ихъ популярности и родству съ прежней династіею“, а народное мнѣніе, для укрѣпленія новой династіи на тронѣ, было самымъ важнымъ дѣломъ, такъ какъ только въ такомъ случаѣ можно было покончить со смутою междуцарствія и возстановить порядокъ: Земскіе Соборы, стоявшіе затѣмъ около царя Михаила почти во все царствованіе и дѣятельно ему помогавшіе, служатъ лучшимъ доказательствомъ что и народное мнѣніе было за новаго царя, да и онъ самъ не имѣлъ никакихъ причинъ избѣгать народнаго представительства.

Дѣйствіе воли народной не окончилось съ избраніемъ царя новой династіи; есть извѣстія, что тотчасъ-же послѣ смерти царя Михаила Ѳеодоровича, послѣдовавшей 12-го іюня 1645 г., собрался Земскій Соборъ, который и избралъ на царство сына Михаила Ѳеодоровича — Алексѣя, не взявъ съ него, впрочемъ, никакого ограничительнаго „письма“ (какое было взято съ его отца) потому, что „разумѣли его“, по словамъ Котошихина, „гораздо тихимъ“. Объ этомъ избраніи говоритъ и Котошихинъ, и Олеарій, бывшій въ Россіи въ царствованіи Михаила Ѳеодоровича: по словамъ Котошихина, по смерти Михаила „мало время минувши, патріархъ и митрополиты, и архіепископы, и епископы, и архимандриты и игумены, и весь духовный чинъ соборовали, и бояре, и окольничіе, и думные люди, и дворяне и дѣти боярскіе и гости, и торговые и всякихъ чиновъ люди, и чернь, послѣ смерти прежняго царя на царство обрали (т. е. избрали) сына его, нынѣшняго царя (т. е. Алексѣя Михайловича) и учинили коронованіе въ соборной большой первой церкви и молили Бога“... По Олеарію, на другой день по смерти Михаила, привѣтствовали царемъ и великимъ княземъ всея“ Россіи сына его, 16-ти лѣтняго Алексѣя Михайловича и въ тотъ-же день, единодушнымъ согласіемъ всѣхъ бояръ, знатныхъ господъ и всего народа, его вѣнчали на царство и присягнули ему“.

Другихъ прямыхъ извѣстій объ избраніи Алексѣя Михайловича на царство не имѣется, но нѣтъ пока основаній не вѣрить указаннымъ извѣстіямъ; они во всякомъ случаѣ характерны и заставляютъ придти къ выводу, что идея о народномъ избраніи царя могла пониматься на Москвѣ весьма широко, а именно избраніе могло имѣть мѣсто нетолько въ случаѣ прекращенія династіи и неимѣнія налицо наслѣдника, но и тогда, когда такой наслѣдникъ былъ, или когда приходилось выбирать между двумя лицами. Можетъ быть наличность наслѣдника въ данномъ случаѣ (а именно наличность у царя Михаила Ѳедоровича сына Алексѣя) потому казалась недостаточною для утвержденія его на престолѣ безъ санкціи Земскаго Собора, что сама династія Романовыхъ только что вступила на царство и требовалось подтвержденія самимъ народомъ ея правъ на престолъ въ дальнѣйшее время, можетъ быть необходимость этой санкціи естественно вытекала изъ того положенія, какое занимали въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича сами Земскіе Соборы, бывшіе почти постояннымъ учрежденіемъ около царя. Но, если въ данномъ случаѣ была лишь санкція со стороны народа правъ царевича Алексѣя на престолъ, то исторія наша знаетъ два случая выбора народомъ изъ двухъ наличныхъ наслѣдниковъ одного. Такой выборъ былъ сдѣланъ земскимъ соборомъ 1584 г., по смерти Іоанна Грознаго, послѣ котораго осталось 2 сына, Ѳеодоръ и Дмитрій: ввиду малолѣтства послѣдняго былъ выбранъ первый. Затѣмъ такой-же выборъ былъ сдѣланъ въ 1682 г., по смерти Ѳеодора Алексѣевича, послѣ котораго осталось 2 брата, Іоаннъ и Петръ: созванный на 27 апрѣля тогоже года соборъ выбралъ Петра, но черезъ мѣсяцъ состоялся второй соборъ, на которомъ былъ выбранъ Іоаннъ; затѣмъ, какъ извѣстно, борящіяся партіи помирились на томъ, чтобъ царствовали оба брата, подъ управленіемъ царевны Софьи; это двоевластіе продолжалось до 29 января 1696 г., а

именно до кончины Іоанна Алексѣевича. Въ XVII вѣкѣ вопросъ о преемствѣ престола ставился такимъ образомъ совершенно иначе, чѣмъ въ предъидущіе три вѣка Московскаго періода исторіи нашей.

§ 3.

Боярская Дума.

(Очеркъ исторіи развитія Боярской Думы на Москвѣ, въ связи съ развитіемъ власти московскихъ государей. Составъ Боярской Думы, мѣсто и время ея засѣданій. Компетенція, характеръ и порядокъ дѣятельности Боярской Думы въ дѣлахъ законодательныхъ. Компетенція Боярской Думы въ дѣлахъ судебныхъ и административныхъ. Дѣлопроизводство Боярской Думы.)

Обращаясь къ очерку исторіи развитія Боярской Думы на Москвѣ, а равно и къ вопросу о ея составѣ, компетенціи и дѣлопроизводствѣ, прежде всего надо замѣтить, что Боярская Дума московскихъ государей [1]) была естественною преемницею Княжеской Думы удѣльно-вѣчевого періода и если въ послѣдней можно видѣть зародышъ будущаго совѣщательнаго учрежденія, стоявшаго около князей, въ качествѣ ихъ личнаго Совѣта, то, несомнѣнно, Дума Московскаго періода пріобрѣтаетъ многія черты настоящаго учрежденія, съ тѣмъ, впрочемъ, отличіемъ отъ учрежденій позднѣйшаго времени, что, хотя у ней есть болѣе или менѣе опредѣленное, особенно въ нѣкоторыхъ частяхъ, устройство, составъ и кругъ дѣятельности, все это устанавливается, однако, фактически,

1) По исторіи Боярской Думы имѣются въ литературѣ двѣ монографіи: „Боярская Дума“ Н. П. Загоскина (въ его „Исторіи права Московскаго государства“, т. II, вып. I, Казань, 1879 г.) и „Боярская Дума древней Руси“ В. О. Ключевскаго (М., 1882 г., 2-ое изданіе, М. 1902). Кромѣ того какъ о древнѣйшей, такъ и о Думѣ Московскаго періода подробное изслѣдованіе можно найти въ „Русскихъ юридическихъ древностяхъ“ В. И. Сергѣевича (т. II, выпускъ II, С.-П., 1896 г.).

постепенно, а не на основаніи какого-либо одного общаго устава или статута, вполнѣ точно-обозначающаго ея организацію и предѣлы компетенціи. Надо при этомъ замѣтить, что, говоря это, мы разумѣемъ Думу въ ея о б ы ч н о й дѣятельности при наличности на тронѣ совершеннолѣтняго монарха, такъ какъ Дума, дѣйствовавшая при малолѣтствѣ государя (какъ это было, напр., послѣ кончины въ 1538 г. Елены Глинской, матери Ивана Грознаго, до его вѣнчанія на царство) была „правительствомъ или регентствомъ“, какъ это справедливо было уже указано проф. Загоскинымъ (слово „правительство“ употребляется иногда въ нашихъ основныхъ законахъ и донынѣ въ спеціальномъ значеніи слова „регентства“), а Дума, дѣйствовавшая въ эпоху междуцарствія, олицетворяла собою, вмѣстѣ съ такъ наз. „избирательными соборами“, верховную власть въ государствѣ. Не касаясь этихъ чрезвычайныхъ случаевъ дѣятельности Б. Думы, мы будемъ имѣть въ послѣдующемъ очеркѣ ея дѣятельность при обычномъ порядкѣ.

Постепенное объединеніе подъ властію московскихъ государей сѣверо-русскихъ, а затѣмъ и иныхъ земель, не могло не отразиться на отношеніяхъ ихъ къ прежнимъ дружинникамъ, превращающимся изъ вольныхъ людей въ зависимыхъ слугъ великихъ князей московскихъ. По справедливому замѣчанію проф. Сергѣевича, „съ того момента, какъ право отъѣзда утратило свое практическое значеніе, думцы великихъ князей московскихъ изъ вольныхъ слугъ, которые могли соглашаться съ ними и не соглашаться, обратились въ покорныхъ исполнителей воли своихъ государей“. Тотъ гордый отвѣтъ, который былъ когда-то данъ старшими дружинниками одному изъ великихъ князей: „о собѣ еси, княже, замыслилъ, а не ѣдемъ по тобѣ, мы того не вѣдали“, уже съ конца XV вѣка былъ-бы немыслимъ на Москвѣ и боярамъ, которымъ не нравилось, что великіе князья московскіе позволяютъ себѣ,

когда находятъ это нужнымъ, рѣшать дѣла безъ совѣта съ своею Думою, „запершись самъ-третей у постели“ (какъ говорилъ бояринъ Берсень-Беклемишевъ въ бесѣдѣ съ Максимомъ Грекомъ о Василіи III), оставалось только роптать на эти новшества, рискуя потерять за это, впрочемъ, свою голову. Уже съ конца XV вѣка московскіе великіе князья смотрятъ на участіе служивыхъ людей, прежнихъ дружинниковъ, въ своихъ совѣтахъ не какъ на ихъ право, а какъ на обязанность: не великій князь обязанъ нравственно обращаться непремѣнно къ высшимъ разрядамъ прежнихъ дружинниковъ своихъ за совѣтомъ, а эти дружинники, превратившихъ въ слугъ государей, должны быть всегда около нихъ, чтобъ быть позванными въ Думу для совѣщанія, или чтобъ быть посланными куда-либо на службу государству. Прежніе удѣльные князья и ихъ бояре, отовсюду сошедшіеся ко двору московскаго государя и ставшіе около его трона, вмѣстѣ съ его боярами и слугами входятъ, несомнѣнно, въ той или иной части своей въ составъ Думы. Безъ Думы, какъ постояннаго учрежденія, необходится ни одно царствованіе и, наоборотъ, все болѣе и болѣе развивающіяся задачи управленія требуютъ все бо́льшаго и бо́льшаго числа органовъ власти и усложняютъ компетенцію самой Боярской Думы, но составъ Думы, съ развитіемъ власти московскихъ великихъ князей, всецѣло зависитъ отъ нихъ. Въ этомъ заключается второе отличіе Боярской Думы отъ Думы Княжеской. Третье отличіе, какъ намъ кажется, состоитъ въ томъ, что Дума, какъ личный Совѣтъ государя, или, какъ Государева Дума, начинаетъ выдѣляться отъ Боярской Думы, какъ постояннаго учрежденія, носящаго государственный характеръ. Московскіе государи какъ и удѣльные князья, могли совѣтоваться съ кѣмъ угодно; общественное мнѣніе не одобряло, однако, тѣхъ удѣльныхъ князей, которые обходились безъ своихъ старшихъ дружинниковъ, сами-же эти дружинники нерѣдко

могли поставить князей въ большое затрудненіе отказомъ принимать участіе въ предпріятіяхъ, задуманныхъ безъ нихъ. Московскіе государи уже весьма мало стѣснены въ выборѣ личныхъ своихъ совѣтниковъ, и совѣтуются, съ кѣмъ хотятъ. Котошихинъ, говоря, напр., о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, замѣчаетъ, что „съ кѣмъ похочетъ учинити войну и покой и, по покою, что кому по дружбѣ отдати или какую помочь чинить, или и иные какіе великіе и малые своего государства дѣла похочетъ по своей мысли учинить, зъ бояры и зъ думными людьми спрашивается о томъ мало, въ его воли, что хочетъ, то учинити можетъ. Однако, кого изъ бояръ, и изъ думныхъ и изъ простыхъ людей любитъ и жалуетъ, спрашиваетъ и совѣтуетъ съ ними о всякихъ дѣлахъ.“ Здѣсь Котошихинымъ дается картина отношеній царей къ своимъ служилымъ людямъ, въ общемъ, совершенно вѣрная и находящая себѣ соотвѣтствіе и въ другихъ свѣдѣніяхъ какъ XVI, такъ и XVII вѣковъ; изъ нея съ ясностью, можно вывести, что, наряду, съ Думою Боярскою, — съ которою царь совѣтовался, по его словамъ, мало — была особая Государева Дума, куда входили всѣ тѣ, кого царь любилъ и жаловалъ и съ кѣмъ онъ хотѣлъ совѣтоваться „о всякихъ дѣлахъ.“ Эти государевы совѣтники могли быть и думными людьми, т. е. входить въ составъ Боярской Думы, какъ государственнаго учрежденія, но, на нашъ взглядъ, выдѣленіе личнаго Совѣта государя изъ его Боярской Думы, какъ учрежденія постояннаго, безъ котораго нельзя обойтись, составляло большой шагъ впередъ.

Хотя Боярская Дума существуетъ и дѣйствуетъ, какъ цѣлое, не на основаніи какого-либо законодательнаго акта, или устава. но фактически; важность ея, однако, такова, что бояре, когда къ тому представлялась возможность, пытались, — какъ мы частію отмѣчали уже это раньше, — превратить фактъ въ право. Первую попытку такого превращенія, нѣкоторые изслѣдователи, какъ, напр., проф. Сергѣе-

вичъ, видятъ еще въ извѣстной 98-ой статьѣ царскаго Судебника, гласящей слѣдующее: „а которые будутъ дѣла новыя, а въ семъ Судебникѣ не написаны, и какъ тѣ дѣла съ государева докладу и со всѣхъ бояръ приговору вершатся, и тѣ дѣла въ семъ Судебникѣ приписывати“. Проф. Сергѣевичъ думаетъ, что эта статья, являясь ограниченіемъ царской власти, составляла новость и была создана подъ вліяніемъ такъ наз. „избранной рады“, т. е. особаго совѣта, стоявшаго, во главѣ съ Сильвестромъ и Адашевымъ, около Ивана IV съ 1547 по 1560 гг. По словамъ кн. Курбскаго эти лица, вмѣстѣ съ митрополитомъ Макаріемъ, собираютъ около царя совѣтниковъ, „мужей разумныхъ“, старыхъ и „средняго вѣку“ и „сице ему ихъ въ пріязнь и въ дружбу усвояютъ, яко безъ ихъ совѣту ничего-же устроити или мыслити... И нарицалися тогда оные совѣтницы у него „избранная рада“. Эта то рада и провела будто-бы указанную статью въ Судебникъ, желая, чтобъ въ будущемъ дѣла рѣшались царемъ „со всѣхъ бояръ приговору“, но этого, по мнѣнію тогоже ученаго, никогда не было приведено въ исполненіе. Нельзя, однако, не замѣтить, что та формула, съ которою выходили въ Московскій періодъ, законы, а именно формула „государь указалъ и бояре приговорили“, достаточно ясно подтверждаетъ, что фактъ совмѣстной дѣятельности царя и боярской думы въ дѣлѣ законодательства былъ самымъ обычнымъ явленіемъ государственной жизни даннаго времени. Но такъ какъ, наряду съ законами, прошедшими черезъ Боярскую Думу и снабженными указанной формулою, было немало и такихъ, которые были даны только по указу государя и черезъ Думу не проходили, то, разумѣется, понимать указанное постановленіе Судебника, какъ безусловно-обязательное для царя, нельзя, хотя, можетъ быть, у его авторовъ и было стремленіе сдѣлать его такимъ; говоримъ, можетъ быть, потому, что вопросъ этотъ нельзя считать вполнѣ разъясненнымъ. (Проф.

Владимирскій-Будановъ, напр., не признаетъ, чтобъ указанное постановленіе Судебника было дѣломъ той „избранной рады“, которая окружила царя съ 1547 г., справедливо спрашивая: „если это т а к ъ, то почему-же Грозный, осудившій потомъ Сильвестра, Адашева и др. и обвинявшій ихъ въ посягательствѣ на самодержавную власть, почему онъ, въ теченіи послѣдующаго долгаго царствованія, не отмѣнилъ этого закона, будто-бы нарушающаго его права?“). По нашему мнѣнію, указанную статью Судебника нельзя сопоставлять съ тѣми попытками ограниченія самодержавія, какія были дѣлаемы при избраніи государей; скорѣе здѣсь было простое констатированіе факта совмѣстной законодательной дѣятельности царя и Боярской Думы, къ половинѣ XVI вѣка бывшей совершенно-обычной принормальномъ теченіи дѣлъ. И если современники, какъ Іоаннъ IV, не видѣли въ этой статьѣ ограниченія царской власти, то нѣтъ основаній видѣть его и намъ.

Боярская Дума пережила, въ Московскій періодъ, нѣсколько стадій развитія: въ XIV и XV вѣкахъ она еще во многомъ напоминаетъ Княжескую Думу удѣльнаго періода, изображеніе устройства которой было дано нами въ свое время; только въ Москвѣ, ввиду того дѣятельнаго участія, какое принимаетъ въ сложеніи государства боярство, находящее въ возвышеніи его и національный, и личный интересъ, связь между московскимъ великимъ княземъ и его Думою тѣснѣе и ближе, чѣмъ это было въ удѣльное время. Затѣмъ, ростъ силы и значенія московскихъ великихъ князей, благопріятно отражаясь на силѣ и экономическомъ положеніи ихъ ближайшихъ совѣтниковъ и соратниковъ, привелъ къ нѣкоторымъ юридическимъ послѣдствіямъ, измѣнившимъ взаимныя отношенія князей къ боярству: „боярство, бывшее въ удѣльно-вѣчевой періодъ,“ по вѣрному замѣчанію проф. Загоскина, „терминомъ для обозначенія извѣстнаго фактическаго состоянія превосходства — со времени татарскаго погрома стремится

пріобрѣсти опредѣленное юридическое значеніе, значеніе высшаго придворнаго чина, который непосредственно уже можетъ быть жалуемъ княземъ"; боярство, подобно другому чину, а именно окольничеству, „сказывается" или „дается", полученіе-же этихъ чиновъ ведетъ eo ipso къ праву засѣдать въ Боярской Думѣ. Эти бояре получаютъ наименованіе „бояръ введенныхъ", потому, что они „вводились" во дворъ князя и въ Б. Думу. Первоначально ихъ было мало, но затѣмъ число ихъ растетъ, служа внѣшнимъ показателемъ роста значенія самихъ князей, вводящихъ въ свой дворъ и въ Б. Думу лишь того, кого они находятъ нужнымъ къ себѣ приблизить. Затѣмъ нельзя не отмѣтить и второго юридическаго послѣдствія, измѣнившаго отношеніе великихъ князей московскихъ къ боярству: въ XV вѣкѣ Москва начинаетъ борьбу съ правомъ свободнаго отъѣзда бояръ и слугъ изъ государства и достигаетъ къ концу вѣка того, что de facto бояре и слуги московскаго великаго княжества уже не могутъ отъѣзжать, куда хотятъ изъ Москвы, хотя договорныя грамоты съ князьями продолжаютъ подтверждать за ними право отъѣзда до конца XV вѣка. Эта фактическая невозможность для прежнихъ удѣльныхъ князей и ихъ бояръ отъѣзжать изъ Москвы подготовляетъ ихъ превращеніе изъ вольныхъ людей въ подневольныхъ слугъ, что и совершается окончательно въ слѣдующее столѣтіе.

Вторая стадія развитія Боярской Думы, начавшаяся обозначаться уже въ XV вѣкѣ, проявляется, однако, вполнѣ опредѣленно лишь въ XVI столѣтіи. Такъ въ этомъ столѣтіи право отъѣзда отмѣняется уже de jure, впервые въ 1534 г., послѣ смерти Василія III, когда митрополитъ московскій Даніилъ приводитъ къ крестному цѣлованію братьевъ великаго князя Василія III, которые были удѣльными князьями, въ томъ, чтобъ имъ „людей отъ великаго князя Ивана не отзывати". Въ 1537 г. попытка нѣкоторыхъ новгородскихъ помѣщиковъ отъѣхать къ князю Андрею Старицкому

строго наказывается, а именно повелѣвается „бити ихъ кнутьемъ на Москвѣ, да казнити смертной казнію, вѣшати на Новгородской дорогѣ до Нова-города“; въ 1553 г. послѣдній удѣльный князь Владиміръ Андреевичъ обѣщаетъ не принимать къ себѣ на службу московскихъ бояръ. Съ присоединеніемъ удѣловъ къ Москвѣ, отъѣздъ является возможнымъ de facto лишь въ литовское государство, но онъ карается уже, какъ измѣна. Еще съ конца XV вѣка берутся, въ особенности съ служилыхъ князей, кресто-цѣловальныя клятвенныя записи о неотъѣздѣ изъ Москвы: древнѣйшая изъ такихъ записей идетъ еще отъ 1474 г., въ ней князь Даніилъ Холмскій обязуется „своему осподарю, великому князю Ивану Васильевичу и его дѣтямъ служити до своего живота и не отъѣхати отъ своего осподаря, ни отъ его дѣтей, къ иному ни къ кому“. Тоже продолжается при Василіи III и при Іоаннѣ IV: при нихъ, „при малѣйшемъ подозрѣніи въ желаніи отъѣхать, служебный князь берется подъ стражу, а затѣмъ даетъ запись и представляетъ за себя поручителей. Эти послѣдніе въ свою очередь должны были представить за себя поручителей-подручниковъ. Въ неотъѣздѣ того или другого князя оказывались, такимъ образомъ, заинтересованными сотни служилыхъ людей. Въ 1568 г. за князя И. Д. Бѣльскаго поручились 29 бояръ, шесть изъ нихъ представили за себя 105 подручниковъ. Іоаннъ Гр. такими мѣрами, писалъ кн. Курбскій, „затворилъ царство русское, сирѣчь свободное естество человѣческое, словно въ адовой твердыни“ [1]). Окончательная отмѣна права отъѣзда князей, бояръ и вольныхъ слугъ изъ Москвы отражается косвенно и на ихъ положеніи въ Думѣ Боярской: послѣдняя, уже въ царствованіе Іоанна III будучи послушнымъ орудіемъ въ рукахъ великаго князя, при

1) Павловъ-Сильванскій „Государевы служилые люди“ (СП., 1898 г.), стр. 49 и др.

Василіи III (1505—1533 гг.), еще болѣе падаетъ въ своемъ значеніи, такъ какъ великій князь, по словамъ боярина Берсень-Беклемишева, былъ „упрямъ и встрѣчи противъ себя (т. е. возраженій) не любитъ; кто ему встрѣчу говоритъ и онъ на того опаляется; а отецъ его, князь великій (т. е. Іоаннъ III), противъ себя стрѣчу любилъ и тѣхъ жаловалъ, которые противъ его говорили"; объ умаленіи значенія Боярской Думы въ царствованіе Василія VII говорятъ и иностранцы, бывшіе въ это время въ Москвѣ: „уничтоживъ удѣлы, лишивъ бояръ права перехода и обративъ ихъ въ служилыхъ людей, великій князь (московскій)", по справедливому замѣчанію проф. Вл.-Буданова „не нуждался болѣе въ ихъ содѣйствіи для укрѣпленія своей власти". Какъ уже извѣстно, современники готовы были приписать эту перемѣну отношенія великихъ князей московскихъ къ своимъ боярамъ браку Іоанна III, съ Софьею Палеологъ, совершившемуся въ 1472 г. („какъ пришла сюда мати великаго князя великая княгиня Софья съ вашими греки, такъ наша земля замѣшалась". . ., жаловался тотъ-же Берсень-Беклемишевъ Максиму Греку). Ученые наши, какъ, напр., Соловьевъ, Сергѣевичъ, Загоскинъ и др., также согласны, что бракъ этотъ повліялъ внѣшнимъ образомъ на измѣненіе отношеній вел. князей къ своимъ боярамъ, усиливъ вообще значеніе сана первыхъ: по словамъ Соловьева, для возвышенія московскихъ князей надъ всѣми другими „нужна была помощь преданій имперіи (византійской); эти-то преданія и были принесены въ Москву Софьею Палеологъ", а усиленіе и возвышеніе московскихъ великихъ князей, конечно, должно было, въ свою очередь, привести къ измѣненію ихъ отношеній къ своимъ боярамъ, бывшимъ имъ прежде столь нужными. Но, разумѣется, означенный бракъ лишь болѣе ярко и наглядно подчеркнулъ то, что явилось естественнымъ слѣдствіемъ развитія единодержавной и самодержавной власти, а не былъ самъ причиною измѣненія этихъ отношеній великихъ князей къ ихъ боярамъ.

Наконецъ, измѣненіе означенныхъ отношеній привело и къ тому, что, какъ въ концѣ XVI, такъ равно и въ XVII вѣкахъ, московскіе князья не стѣсняются вводить въ Боярскую Думу людей худородныхъ, подъ наименованіемъ думныхъ дворянъ и дьяковъ.

Но Боярская Дума, будучи со второй половины великаго княженія Іоанна III и особенно въ княженіе Василія III, умалена въ своемъ значеніи, вновь его пріобрѣтаетъ какъ въ правленіе Елены Глинской, такъ и послѣ нея, въ эпоху такъ наз. боярскаго правленія, до вѣнчанія на царство Іоанна IV (1533—1547 гг.). Послѣ вступленія своего на царство, Іоаннъ IV правитъ съ 1547 по 1560 гг. съ помощью Боярской Думы, къ чему его побуждаютъ члены „избранной рады“, но съ 1560 г. Іоаннъ, какъ извѣстно, выходитъ изъ подъ ея вліянія и начинаетъ свою знаменитую борьбу съ боярствомъ, борьбу продолжавшуюся за тѣмъ четверть вѣка. Значеніе Боярской Думы вновь падаетъ и хотя она продолжаетъ существовать и дѣйствовать, но, рядомъ съ ней, во 1-хъ, — говоря словами князя Курбскаго, — „вмѣсто избранныхъ и преподобныхъ мужей“ (т. е. членовъ названной „рады“, главнымъ образомъ Сильвестра и Адашева) мы видимъ „прескверныхъ паразитовъ и маньяковъ, прегнуснодѣйныхъ и богомерзкихъ Бѣльскихъ съ товарищи“, т. е. личныхъ недостойныхъ совѣтниковъ царя, а во 2-хъ сама Боярская Дума весьма сильно наполняется людьми неродовитыми, въ лицѣ думныхъ дворянъ и дьяковъ. Дьяки, или (какъ ихъ называетъ тотъ же Курбскій) „писари-же наши русскіе, имъ же князь великій зѣло вѣритъ избираются имъ „не отъ шляхетскаго рода, ни отъ благородна, но паче отъ поповичевъ, или отъ простаго всенародства“ и это дѣлаетъ Іоаннъ, „ненавидячи вельможъ своихъ“. Что-же касается думныхъ дворянъ“, то, являясь послѣ бояръ и окольничихъ, третьимъ чиномъ придворной іерархіи, имѣющимъ право засѣдать въ Боярской Думѣ, они вмѣстѣ съ дьяками, несомнѣнно,

подрываютъ значеніе аристократическаго элемента въ Боярской Думѣ, такъ какъ думные дворяне были людьми незнатнаго происхожденія. Спорнымъ является вопросъ о томъ, когда появились думные дворяне: одни ученые, какъ, напр., проф. Загоскинъ самому Іоанну Грозному предписываютъ созданіе новаго придворнаго чина думнаго дворянина, дававшаго право засѣдать въ Б. Думѣ; другіе, какъ проф. Сергѣевичъ, соглашаясь, что о думныхъ дворянахъ рѣчь идетъ лишь въ памятникахъ второй половины XVI вѣка, утверждаютъ, что въ это время является только новый „терминъ", такъ какъ то понятіе, которое обозначается теперь словами „думные дворяне", раньше обозначалось словами „дѣти боярскіе": „терминъ новый, а не дѣти боярскія или дворяне новость въ Думѣ", говоритъ онъ. Въ одномъ документѣ, въ которомъ описывается пріемъ Литовскаго полка въ 1534 г., говорится, напр., что при этомъ „князь великій сидѣлъ въ брусяной избѣ, а у него бояре, и окольничіе, и дворецкіе, и дѣти боярскія, которые живутъ въ Думѣ (т. е. присутствуютъ), и дѣти боярскія прибыльныя, которыя не живутъ въ Думѣ". Кажется, болѣе справедливымъ является третье мнѣніе, а именно проф. Вл.-Буданова, который отмѣчая, что „въ источникахъ встрѣчаются дѣти боярскіе, которые въ Думѣ живутъ, еще въ 1536 и 1542 годахъ, приходятъ къ такому выводу: „слѣдуетъ думать, что подобное расширеніе состава Думы было произведено вел. княземъ Василіемъ Іоанновичемъ (и при томъ простиралось на дѣтей боярскихъ). Эту мѣру усилилъ и опредѣлилъ Іоаннъ IV во время борьбы своей съ родовитымъ боярствомъ: съ 1572 г. „думные дворяне" появляются въ спискахъ Думы, какъ особый постоянный разрядъ думныхъ людей". Такимъ образомъ борьба царя съ боярствомъ отражается на Б. Думѣ усиленіемъ въ ней демократическихъ элементовъ.

Прекращеніе династіи Рюриковичей и смуты междуцарствія дали боярству важный поводъ озаботиться

укрѣпленіемъ значенія Боярской Думы особымъ договоромъ съ государями, въ видахъ избѣжанія впредь тѣхъ политическихъ измѣненій въ составѣ и значеніи Б. Думы, какія имѣли мѣсто при Василіи Іоанновичѣ и особенно при Іоаннѣ IV. Послѣ избранія новой династіи и ея укрѣпленія на престолѣ вновь наступаютъ обычное, изстари установившееся отношеніе царей къ боярству, прерванное въ предшествующій вѣкъ, въ указанныя два царствованія: по вѣрному замѣчанію проф. Вл.-Буданова, въ третью эпоху исторіи Б. Думы, а именно въ XVII вѣкѣ „наступаетъ нормальное отношеніе Боярской Думы къ власти царя, т. е. нераздѣльность дѣйствій той и другой безъ взаимныхъ посягательствъ на верховное значеніе послѣдней и вспомогательную роль первой: государь безъ Думы и Дума безъ государя были одинаково явленіями ненормальными".

Переходимъ теперь къ вопросу о составѣ, компетенціи и дѣятельности Боярской Думы. Что касается прежде всего состава, то Дума Боярская въ первую стадію развитія состоитъ изъ служилыхъ князей, бояръ и окольничихъ, во 2-ой четверти XVI вѣка въ Б. Думѣ являются дѣти боярскіе, со второй половины тогоже вѣка называемые думными дворянами; съ конца-же XVI вѣка появляются въ ней „думные дьяки". Служилые князья, т. е. бывшіе удѣльные князья, съѣзжавшіеся на службу ко двору московскихъ князей, первоначально стояли выше бояръ московскихъ и оттѣсняли на второй планъ старые московскіе боярскіе роды: еще въ XV вѣкѣ они занимали первое мѣсто въ Боярской Думы, бывъ ея членами ipso jure, вслѣдствіе своего княжескаго достоинства. Чѣмъ болѣе, однако, стекалось этихъ князей на Москву, чѣмъ больше дробились ихъ удѣлы и чѣмъ выше дѣлалась власть великихъ князей московскихъ, тѣмъ больше падало значеніе этихъ титулованныхъ представителей прежнихъ владѣтельныхъ родовъ: въ XVI вѣкѣ изъ

множества княжескихъ фамилій далеко не всѣ являются членами Боярской Думы и для того, чтобы сдѣлаться ими, они должны получить чины боярина или околничаго, которые даютъ право на присутствіе въ Б. Думѣ, такъ что съ XVI вѣка въ составѣ Думы видимъ 4 разряда лицъ: бояре, окольничіе, думные дворяне и думные дьяки. Будучи въ XVI—XVII вѣкахъ довольно-многочисленны, не всѣ эти чины могутъ, въ дѣйствительности, участвовать въ засѣданіяхъ Боярской Думы; обыкновенно въ нихъ присутствуютъ лишь немногіе, но для того, чтобъ имѣть право присутствовать въ ней, необходимо получить одинъ изъ указанныхъ чиновъ. Одна уже эта наличность понятія особыхъ „думныхъ чиновъ" даетъ основаніе считать Боярскую Думу постояннымъ учрежденіемъ. По вычисленію проф. Загоскина при вступленіи на престолъ Ивана III Боярская Дума состояла всего изъ 5-ти бояръ и одного окольничаго, при вступленіи Іоанна IV изъ 20 бояръ, 1 дворецкаго и 1 окольничаго, при воцареніи Ѳедора Іоанновича изъ 10 бояръ, 1 окольничаго, 1 крайчаго, 1 казначея и 8 думныхъ дворянъ.

Что касается думныхъ дьяковъ, то съ царствованія Іоанна IV, когда явился въ составѣ Думы этотъ чинъ, до конца царствованія Алексѣя Михаиловича, ихъ было 4 и они завѣдывали 4-мя главными приказами того времени, а именно Разряднымъ (или „Разрядомъ"), Посольскимъ, Помѣстнымъ и такъ наз. „приказомъ Казанскаго Дворца" (или „Казанскимъ Дворцомъ"); думные дьяки были членами Б. Думы, а не ея секретарями, какъ это думали прежде. Надо при этомъ еще замѣтить, что, хотя въ составѣ Б. Думы, несомнѣнно, можно различить указанные выше 4 разряда лицъ, но терминологія источниковъ, либо подводитъ ихъ всѣ подъ одно наименованіе „бояръ" („бояре приговорили", „по государеву указу и по боярскому приговору" и т. п.), либо говоритъ о боярахъ, окольничихъ и думныхъ людяхъ, подводя

подъ послѣднее выраженіе думныхъ дворянъ и думныхъ дьяковъ.

Засѣданія Боярской Думы бывали почти всегда во дворцѣ государей, въ „верху“ или въ „палатѣ“, какъ говорятъ, обыкновенно, источники, „въ комнатѣ“ (т. е. внутреннихъ покояхъ государя), при чемъ иногда обозначалось, въ какой именно „палатѣ“ происходили засѣданія („Золотой“, „Столовой“ и др.). Наименованія „Боярская Дума“ нѣтъ въ источникахъ и оно образовано учеными, источники-же, говоря о засѣданіяхъ Думы, выражаются описательно („царь указалъ и бояре приговорили“ „бояре приговорили“ и пр.). Уже само мѣсто засѣданій — во дворцѣ государей — показываетъ наглядно близость учрежденія къ монарху и, дѣйствительно, Б. Дума естъ установленіе, дѣйствующее подъ непосредственнымъ наблюденіемъ государя, который, хотя лично невсегда присутствуетъ въ Б. Думѣ, но является, однако, ея главою. Если вѣрить свидѣтельству Флетчера, идущему отъ конца XVI вѣка, то для засѣданій Б. Думы были назначены опредѣленные дни въ недѣли, а именно понедѣльникъ, среда и пятница, при чемъ, конечно, это относилось только къ обыкновеннымъ засѣданіямъ ея, такъ какъ чрезвычайная „сидѣнья“ съ боярами могли быть назначены царемъ во всякое время; со второй половины XVII вѣка засѣданія Б. Думы „повидимому, уже не пріурочиваются къ опредѣленнымъ днямъ недѣли и бываютъ ежедневно“ (Загоскинъ).

Обращаясь къ вопросу о компетенціи Б. Думы, надо сказать, что прежде всего она была высшимъ законодательнымъ учрежденіемъ. Пространство ея дѣятельности въ законодательствованіи, какъ и сферѣ административнаго управленія, не было строго опредѣлено, но приведенная нами выше статья 98 царскаго Судебника („а которыя будутъ дѣла новыя, а въ семъ Судебникѣ не написаны и какъ тѣ дѣла съ государева докладу и со всѣхъ бояръ приговору вер-

шатся и тѣ дѣла въ семъ Судебникѣ приписывати") во всякомъ случаѣ можетъ быть толкуема въ томъ смыслѣ, что законодательная дѣятельность Б. Думы, по крайней мѣрѣ, со 2-ой половины XVI вѣка признается вполнѣ необходимой. Это подтверждается и фактами: новыя дѣла, разрѣшавшіяся „съ государева докладу и со всѣхъ бояръ приговору," создаютъ необходимость изданія новыхъ „указовъ" или „статей", которые приписываются къ 2-му Судебнику; они носятъ въ наукѣ наименованіе дополнительныхъ ко 2-му Судебнику „указовъ" или „статей". Когда въ 1648 г. было приступлено къ составленію новаго законодательнаго кодекса, такъ наз. „Соборнаго Уложенія", то особой законодательной коммиссіи было, между прочимъ, поручено собрать государевы указы и боярскіе приговоры, состоявшіеся послѣ изданія царскаго Судебника (т. е. именно указанныя дополнительныя „статьи" къ Судебнику) и затѣмъ сличить съ старыми Судебниками (т. е. съ Судебниками Іоанна III и Іоанна IV). Источниками законодательными являются такимъ образомъ, наряду съ царскими указами, боярскіе приговоры; фактически пространство законодательной власти Б. Думы, по справедливому выводу одного изъ историковъ ея, „совпадаетъ съ предѣлами государевой верховной власти, потому что послѣдняя дѣйствовала вмѣстѣ съ первой и черезъ первую" (Ключевскій, „Боярская Дума"). Общій духъ эпохи, нелюбившій ни въ чемъ юридической опредѣленности, сказался и здѣсь. Боярская Дума законодательствовала нестолько de jure, сколько de facto. Ея высокой важности законодательная роль въ эпоху московскаго періода исторіи нашей подтверждается, кромѣ вышеуказаннаго, еще слѣдующими данными. Прежде всего внѣшне она выражается въ тѣхъ формулахъ, которыми обыкновенно сопровождались указы и вообще законодательныя опредѣленія эпохи: „по указу царя, бояре приговорили," говорилось обыкновенно объ извѣстномъ новомъ

законѣ, прошедшемъ чрезъ Боярскую Думу; „бояре, сей статьи слушавъ, приговорили: „быть по прежнему великаго государя указу и по ихъ боярскому приговору,“ говорилось объ опредѣленіи, подтверждавшемъ старый, уже дѣйствовавшій законъ; или „бояре, сей статьи слушавъ, приговорили отставить“ ... (т. е. отмѣнить то или то) — говорилось объ опредѣленіи, признанномъ Б. Думою отмѣненнымъ. Эти формулы, ставившія рядомъ указъ государя и приговоръ бояръ, выражали 2 факта обычной дѣятельности Боярской Думы: предполагалось во 1-хъ, что Б. Дума законодательствовала вмѣстѣ съ государемъ, бывшемъ ея главою и во 2-хъ ея приговоръ имѣлъ силу закона, какъ и царскій указъ, имѣлъ, конечно, въ силу того, что онъ составлялся отъ имени государя, „по его указу“. Законодательствовать государямъ вмѣстѣ съ Боярскою Думою было „за обычай“, какъ говорили на Москвѣ и нетолько отдѣльныя „статьи“ или указы, но и цѣлые законодательные кодексы составлялись совмѣстно ими (что не исключало, разумѣется, права царя, создавать законы помимо участія Боярской Думы): такъ въ 1-омъ Судебникѣ Іоанна III читаемъ, что „уложилъ князь великій Иванъ Васильевичъ всея Руси съ дѣтьми своими и съ бояры о судѣ, какъ судити бояромъ и окольничимъ“; во 2-мъ Судебникѣ царя Іоанна IV читаемъ также, что „царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Руссіи, съ своей братьею и съ бояры сесь Судебникъ уложилъ“ ... Боярскіе приговоры всегда составляются по уполномочію государя, предполагаемому, молчаливому, или спеціально ad hoc даваемому, когда государь предлагалъ Боярской Думѣ обсудить данный вопросъ. Первое съ ясностью, между прочимъ, видно, какъ изъ той формулы, съ которою обращались Приказы въ Б. Думу, такъ и изъ отвѣтовъ, которые давались ею на ихъ вопросы. Именно, когда въ Приказахъ (центральныхъ административныхъ учрежденіяхъ эпохи) возникало, — по неимѣнію закона,

для рѣшенія даннаго дѣла, или по другимъ причинамъ, — сомнѣніе въ томъ, какъ надо рѣшить извѣстный вопросъ, они вносили его на разсмотрѣніе Б. Думы, всегда на имя государя, съ обычной формулою: „и о томъ великій государь что укажетъ?“ Вопросъ обыкновенно, рѣшался Думою, въ видѣ ея приговора, не поступавшаго на утвержденіе государя (кромѣ нѣкоторыхъ случаевъ, когда сама Дума не хотѣла на себя брать рѣшенія дѣла) и непоступавшаго, конечно, потому, что самый приговоръ этотъ дѣлался „по указу государя“. Государь могъ не участвовать лично въ рѣшеніи извѣстнаго вопроса Думою, но его участіе de jure предполагалось здѣсь, рѣшеніе Думы не обращалось въ законъ безъ его санкціи, хотя-бы молчаливой. Поэтому закономъ одинаково считался и актъ, составленный дьякомъ по государему приказу и актъ, составленный „по боярскому приговору“, и подъ общую формулу „государь указалъ и бояре приговорили“ могло подходить рѣшеніе, составленное съ участіемъ Царя и Боярской Думы, и рѣшеніе, составленное, въ дѣйствительности, одною Думою. Обычай такъ привыкъ видѣть законодательную дѣятельность царя въ сопутствіи Думы, что предполагалъ, что нормально они законодательствовали вмѣстѣ, что и было вѣрно, такъ какъ государь всегда зналъ о рѣшеніяхъ Думы и могъ принять, въ той или иной формѣ, въ нихъ непосредственное участіе.

Изучая законодательную дѣятельность Боярской Думы нельзя не отмѣтить также, что основною чертою этой дѣятельности было отсутствіе у Боярской Думы права законодательнаго почина или инициативы. Дѣла въ Б. Думѣ, обыкновенно, начинались разсмотрѣніемъ, либо по усмотрѣнію государя („по государеву указу“, какъ тогда говорили), либо, вслѣдствіе упомянутаго уже выше „доклада“ ихъ Приказами, либо, наконецъ, по челобитью частныхъ лицъ или общественныхъ союзовъ. Законодательная инициатива государей проявлялась тогда, когда царь хотѣлъ знать рѣшеніе

Думы по какому-либо вопросу внѣшней и внутренней политики, когда онъ предлагалъ членамъ Думы, чтобъ они, „помысля о томъ крѣпко и единодушно согласясь, Государю объявили, на какихъ мѣрахъ тому дѣлу быть“ (какъ это предлагалъ Іоаннъ IV по вопросу объ устройствѣ Казанскаго царства) или, когда царь, „свою мысль Думѣ объявя, приказываетъ, чтобъ они, бояре и думные люди, помысля, къ тому дѣлу дали способъ“ (какъ говоритъ Котошихинъ). Царь предлагалъ въ такихъ случаяхъ на обсужденіе и рѣшеніе, либо цѣлые развитые уже законопроекты, либо только вопросы о томъ, что надо сдѣлать въ такомъ-то случаѣ, при чемъ могъ, или лично „сидѣть“ съ боярами, т. е. предсѣдательствовать въ Боярской Думѣ, или-же приказать „боярамъ сидѣть“ по извѣстному вопросу, т. е. обсуждать его и дать затѣмъ рѣшеніе.

Наиболѣе часто возбуждались въ Думѣ какъ законодательные, такъ и административные вопросы докладами изъ Приказовъ, обращавшихся къ Думѣ за рѣшеніемъ дѣла. При неясности, неполнотѣ и разногласіи законовъ, начальники Приказовъ, или устно излагали въ Думѣ содержаніе дѣла или вносили въ нее „докладную выпись“, т. е. докладную записку, въ которой излагали письменно сущность дѣла со всѣми необходимыми справками изъ законовъ или съ указаніемъ на случаи юридической практики. Докладъ заканчивался обыкновенно формулою: „и великій Государь о томъ что уложитъ?“ или „и великій Государь о томъ что укажетъ?“ Если даннымъ Приказомъ ставился Думѣ заразъ рядъ законодательныхъ вопросовъ, или „статей“, выражаясь языкомъ времени, то Думѣ представлялся тогда такъ называемый „статейный списокъ;“ на каждую „статью“, или вопросъ, Дума давала отвѣтъ, записывавшійся думными дьяками. Эта дьяческая запись однако, не отдавалась прямо въ Приказъ къ исполненію, а пересматривалась государемъ съ боярами, или однимъ государемъ. О первомъ случаѣ

говоритъ Котошихинъ такъ: „также и иныя дѣла написавъ, взнесутъ слушать всѣмъ боярамъ и, слушавъ, бояре учнутъ слушать въ другорядь съ царемъ-же“, о второмъ въ актахъ читаемъ: „государь указалъ о томъ сидѣть бояромъ, да что бояре о томъ приговорятъ и государь указалъ о томъ доложить себя, государя“ и т. п. Пересмотръ дьяческой записи приговора можно, кажется, разсматривать и какъ санкцію приговора, и какъ провѣрку дьяческой редакціи приговора. Всегда-ли, однако, былъ такой пересмотръ, сказать трудно; вѣроятнѣе всего онъ былъ въ наиболѣе важныхъ, или наиболѣе интересовавшихъ государей случаяхъ. Путемъ докладовъ изъ Приказовъ Боярской Думѣ отдѣльныхъ вопросовъ, или ряда ихъ въ „статейныхъ спискахъ“, творился законъ въ промежуткахъ между изданіями общихъ сборниковъ законовъ, или кодексовъ; такъ, напр., создались дополнительныя статьи ко 2-му Судебнику, такъ создались такъ наз. „новоуказныя статьи“ къ Соборному Уложенію.

Наконецъ, законодательные вопросы возбуждались просьбами, или челобитьями, отдѣльныхъ лицъ, или цѣлыхъ корпорацій. Иногда уже сами доклады въ Думу вызывались челобитными, поступавшими въ Приказы и требовавшими разъясненія высшей инстанціи, какъ Б. Дума; но еще чаще эти челобитья поступали прямо отъ царя, которому онѣ подавались, либо лично, либо изъ особаго Челобитнаго Приказа, куда онѣ обыкновенно шли отвсюду. Дѣлу давала ходъ, впрочемъ, не всякая челобитная, а только такъ называемая „подписная челобитная“. Челобитье, — поданное самому царю во время одного изъ его выходовъ въ церковь, въ походъ и т. п., или-же въ Челобитный Приказъ, въ томъ случаѣ, если послѣдній не могъ учинить по ней самъ“ расправы или рѣшенія, — вносилось на разсмотрѣніе государя и Боярской Думы, когда дѣло шло о какомъ-либо вопросѣ юридическаго характера, требовавшаго новаго закона или разъясненія стараго. Если

челобитье казалось заслуживающимъ вниманія, то оно направлялось обыкновенно въ тотъ или другой Приказъ для составленія о немъ „докладной выписки“, которая взносилась уже въ Боярскую Думу. Что Государь и Боярская Дума приказывали сдѣлать по челобитью, то на ней помѣчалъ, или подписывалъ, думный дьякъ (откуда и ея названіе „подписной“). Подписной челобитной одинъ изъ историковъ Боярской Думы придаетъ громадное значеніе въ развитіи законодательства, говоря, что „это была наиболѣе обычная, такъ сказать ежедневная, форма участія общества въ устроеніи общественнаго порядка“ (Ключевскій „Боярская Дума“, изд. I, стр. 472); она давала поводъ къ очень важнымъ законодательнымъ вопросамъ, возбуждавшимся по общественной иниціативѣ. Это было челобитное представительство, съигравшее большую роль въ движеніи московскаго законодательства.

По всѣмъ вопросамъ дѣла въ Боярской Думѣ вершились, или въ общемъ собраніи Думы, то съ участіемъ, то безъ участія Государя, или въ общемъ собраніи Думы и такъ наз. „Освященнаго Собора“ (т. е. собранія высшихъ представителей церковной іерархіи), или, наконецъ, въ особыхъ отдѣленіяхъ Б. Думы („коммиссіяхъ“, какъ ихъ называетъ проф. Загоскинъ). Въ такихъ отдѣленіяхъ Б. Думы рѣшались не всѣ текущія дѣла, а лишь спеціальныя, вѣдать которыя поручалось имъ государемъ, постоянно или временно. Къ постояннымъ отдѣленіямъ Б. Думы надо отнести такъ наз. „Расправную палату“, вѣдавшую судебную функцію Б. Думы. Начало этого отдѣленія Б. Думы одни ученые, какъ, напр., Сергѣевичъ относятъ къ 1564 г., а именно къ году учрежденія Иваномъ IV опричнины, причемъ эта „расправная коллегія“, какъ называетъ ее тотъ же ученый, не была только судною, но вѣдала и судъ и управленіе вмѣстѣ; другіе, какъ, напр., проф. Загоскинъ утверждаютъ, что лишь въ послѣдней четверти XVII вѣка возникаетъ при Думѣ особое отдѣленіе, съ-

опредѣленнымъ личнымъ составомъ и извѣстною организаціею, для вѣданія расправныхъ (т. е. судныхъ) дѣлъ, переносимыхъ на разсмотрѣніе Думы изъ отдѣльныхъ Приказовъ. Это чисто-судебное отдѣленіе — возникшее, вѣроятно, въ виду необходимости придать болѣе твердую и правильную организацію судебно-инстанціонной функціи Думы, которая не могла правильно отправляться Думою въ полномъ составѣ ея — въ первые годы своего существованія упоминается описательно („быть“ или „сидѣть у расправныхъ дѣлъ“), а съ начала послѣдняго десятилѣтія XVII вѣка (съ 1690 г.) получаетъ уже постоянное и юридическо-опредѣленное названіе „Расправной Палаты“. Кромѣ этой „Палаты“, въ концѣ Московскаго періода дѣлающейся постояннымъ отдѣленіемъ Думы, были еще отдѣленія временныя. Такъ было отдѣленіе „отвѣтное“ (или „Отвѣтная палата“), которое вѣдало переговоры съ иностранными послами („быти въ отвѣтѣ“ или „быти въ отвѣтахъ“ съ иноземными послами значило вести съ ними дипломатическіе переговоры); отдѣленіе, вѣдавшее Москву въ отсутствіе государя; наконецъ, отдѣленія (или собственно коммиссіи), назначавшіяся для одного какого-либо дѣла (такова, напр., была коммиссія кн. Одоевскаго съ товарищами по собранію матеріаловъ для составленія Соборнаго Уложенія, коммиссію по дѣлу патріарха Никона и др.).

Какъ уже видно изъ предъидущаго, кромѣ вопросовъ законодательнаго характера, Думѣ подлежали дѣла судебныя. Она была первою инстанціею по дѣламъ политическимъ и мѣстническимъ, преступленіямъ по должности, и высшей аппеляціонной инстанціею — для судящихся, недовольныхъ рѣшеніемъ Приказовъ. Наконецъ, Боярская Дума, какъ высшій правительственный Совѣтъ, принимала участіе въ важнѣйшихъ дѣлахъ государственныхъ, какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ. Такъ, обыкновенно, ратное дѣло и необходимыя преобразованія въ его строѣ вѣдались Б. Думою: если

въ Разрядѣ и другихъ военныхъ Приказахъ вѣдалось ратное дѣло въ его обычномъ теченіи, то въ военное время вопросъ о мобилизаціи, порядкѣ набора войска и т. д., равно какъ въ мирное — законодательныя измѣненія въ военномъ устройствѣ, всегда почти дѣлаются царемъ вмѣстѣ съ Боярскою Думою. Членамъ Б. Думы принадлежало, обыкновенно, и веденіе дипломатическихъ сношеній. Въ тѣхъ случаяхъ, когда разсматриваемыя Думою дѣла касались церкви, духовенства и его имущества въ засѣданіяхъ по этимъ дѣламъ принимало участіе духовенство, въ лицѣ т. наз. „Освященнаго Собора“. Это участіе прямо вызывалось тѣмъ положеніемъ, какое имѣло на Москвѣ духовенство: оно не было постановлено совершенно независимо отъ свѣтской государственной власти, всегда дѣйствовало подъ ея контролемъ, но, наравнѣ съ боярствомъ, играло весьма важную роль въ жизни государства. Неудивительно что оно, вмѣстѣ съ нимъ, принимало участіе въ законодательствѣ и правленіи Б. Думы.

Дѣлопроизводство въ Боярской Думѣ поражаетъ своей упрощенностью. У Думы совсѣмъ не было того, что на современномъ языкѣ называется канцеляріею. Докладъ дѣлъ, подлежавшихъ компетенціи Думы, подготовлялся въ соотвѣтствующихъ Приказахъ и докладывался ей начальникомъ Приказа. Затѣмъ по докладамъ происходили пренія, по окончаніи которыхъ докладъ былъ уже „вершеннымъ“ дѣломъ, какъ тогда говорилось, что и обозначалось помѣтою думнаго дьяка: „великій государь, сей докладной выписки слушавъ, указалъ и бояре приговорили“... (если царь „сидѣлъ“ въ Думѣ; объ этихъ случаяхъ говоритъ Котошихинъ такъ: „на чемъ которое дѣло быти приговорятъ, приказываетъ царь и бояре думнымъ дьякамъ помѣтить и приговоръ записать“), или: „по указу великаго государя бояре, той докладной выписки слушавъ, приговорили“... (если бояре рѣшали данное дѣло одни). Есть мнѣніе, что нѣкоторые изъ важнѣйшихъ Прика-

зовъ (Посольскій, Разрядъ, Помѣстный и др.) были ничѣмъ инымъ, какъ отдѣленіями думской канцеляріи, по порученію Думы вѣдавшими подлежащія ей дѣла посольскія, разрядныя и помѣстныя.

Какъ велись самыя пренія, извѣстны описанія Котошихина, иностранца Буссо́ва, бывшаго при первомъ самозванцѣ и др. По Котошихину, когда „лучится (случился) царю мысль свою о чемъ объявити (бояромъ) и онъ имъ, объявя, приказываетъ, чтобъ они, бояре и думные люди, помысля, къ тому дѣлу дали способъ," что они и дѣлаютъ, „мысль свою къ способу объявливаютъ; а иные бояре, брады свои уставя, ничего не отвѣчаютъ, потому, что царь жалуетъ многихъ въ бояре не по разуму ихъ, но по великой породѣ, и многіе изъ нихъ грамотѣ не ученые и не студерованные, однако, сыщется и окромѣ ихъ, кому быти на отвѣты разумному изъ большихъ и изъ меньшихъ статей бояръ." Буссовъ сообщаетъ, что бояре любили долго разсуждать по пустому и что Дмитрій Самозванецъ нерѣдко смѣялся надъ ними. Что пренія иногда очень затягивались и что не всѣ бояре могли всегда принимать участіе въ рѣшеніи важныхъ государственныхъ дѣлъ, съ этимъ можно согласиться, но, несмотря на это, если судить по результатамъ дѣятельности Б. Думы, то надо признать, что ею неразъ по многимъ вопросамъ давались дѣльныя рѣшенія, по внимательномъ обсужденіи всѣхъ обстоятельствъ дѣла. Рѣшенія дѣлъ по большинству голосовъ, посредствомъ закрытой или открытой подачи голосовъ, не было, отчего и источники предписываютъ боярамъ дѣлать дѣла „всѣмъ вмѣстѣ", т. е. достигать единогласія. По важнѣйшимъ вопросамъ, когда при рѣшеніи ихъ не достигалось единогласія, дѣла докладывались государю.

§ 4.

Земскіе Соборы.

(Понятіе о Земскихъ Соборахъ; виды Земскихъ Соборовъ. Историческій обзоръ дѣятельности отдѣльныхъ Соборовъ и важнѣйшіе результаты ихъ совѣщаній. Причины исчезновенія Земскихъ Соборовъ. Значеніе Земскихъ Соборовъ. Внутренняя организація Земскихъ Соборовъ.)

Касаясь вопроса о преемствѣ престола въ Московскомъ государствѣ въ XVII вѣкѣ, мы имѣли уже случай кратко указать на ту роль, какую играли въ разрѣшеніи этого важнаго вопроса новыя учрежденія, возникшія на Москвѣ въ половинѣ XVI вѣка подъ наименованіемъ Земскихъ Соборовъ.[1]) Переходя теперь къ общему историческому очерку образованія, организаціи и дѣятельности Земскихъ Соборовъ, надо прежде всего сказать, что Земскіе Соборы были представительными народными собраніями, созывавшимися въ Москвѣ въ наиболѣе трудныя эпохи жизни государства, въ цѣляхъ, либо управленія государствомъ, при вакантности трона, либо подачи мнѣній и постановленія рѣшеній по важнѣйшимъ дѣламъ, при наличности государя. Уже изъ этого опредѣленія видно, что не всѣ Земскіе Соборы были одинаковы по объему своей компетенціи, почему и необходимо между ними, съ точки зрѣнія этого объема власти, различать два вида: 1) Соборы избирательные, созывавшіеся въ такъ наз. „безгосударное время“ и занимавшіеся не

1) Важнѣйшая литература о Земскихъ Соборахъ: К. С. Аксаковъ „Краткій ист. очеркъ Земскихъ Соборовъ“ (Пол. Собр. сочиненій, М., 1861 г.); И. Д. Бѣляевъ „Земскіе Соборы на Руси“ (Рѣчи и отчетъ Московскаго Университета за 1867 г.); Б. Н. Чичеринъ „О народномъ представительствѣ“ (М. 1866 г.), стр. 355 и слѣд.; В. И. Сергѣевичъ „Земскіе Соборы въ Московскомъ государствѣ“ (Сборникъ государственныхъ знаній, П., 1875 г., т. II); Н. П. Загоскинъ „Земскіе Соборы“ (въ его „Исторіи права Московскаго государства,“ Казань, 1877 г., т. I); В. Н. Латкинъ „Земскіе Соборы древней Руси“ (П., 1885 г.); В. О. Ключевскій „Составъ представительства на Земскихъ Соборахъ древней Руси“ (Русская Мысль, 1891 г., № 1, 1892 г., № 1); И. И Дитятинъ „Роль челобитій и Земскихъ Соборовъ въ управленіи Московскаго государства“ („Статьи по исторіи русскаго права,“ С.-П., 1896 г.); С. Ф. Платоновъ „Замѣтки по исторіи Московскихъ Земскихъ Соборовъ“ („Статьи по русской исторіи,“ С.-П., 1903 г.).

только „обраніемъ“ или избраніемъ государя, но и правившіеся государствомъ, и 2) Соборы совѣщательнаго характера, созывавшіеся тѣмъ или другимъ государемъ и высказывавшіе свои мнѣнія царю, подававшіе ему отъ лица выборныхъ челобитья и постановлявшіе тѣ или иныя рѣшенія, неимѣвшія, однако, для царя обязательнаго значенія. Перваго вида Соборы олицетворяли въ себѣ временно верховную власть страны; второго вида Соборы, наиболѣе многочисленные, имѣли цѣлію ознакомленіе правительства съ нуждами и интересами страны, съ одной стороны, проведеніе мнѣній и рѣшеній, какъ самого правительства, такъ и народныхъ представителей въ жизнь, или обезпеченіе имъ лучшихъ способовъ исполненія, съ другой. Какъ увидимъ изъ дальнѣйшаго очерка, совѣщательные Соборы XVI вѣка значительно отличаются, съ точки зрѣнія состава и цѣли ихъ созыва, отъ Соборовъ XVII столѣтія. Что-же касается Соборовъ избирательныхъ, то мы уже видѣли, какое значеніе они имѣли въ вопросѣ о замѣщеніи престола. Но эти Соборы, какъ только что сказано, олицетворяли въ себѣ въ „безгосударное время“, какъ выражаются памятники, верховную власть [1]). Поэтому, при вакантности трона непосредственное участіе въ отправленіи функціи власти законодательной, административной и судебной принадлежало самимъ Соборамъ и производилось отъ ихъ имени, подобно тому, какъ при наличности государя на тронѣ дѣлалось отъ его имени; нѣкоторые избирательные Соборы имѣли собственную свою печать, которая и прикладывалась къ посылаемымъ ими грамотамъ. Соборы эти, въ свою очередь, можно подраздѣлить на двѣ группы: 1) Соборы избирательные въ собственномъ смыслѣ, т. е. тѣ, которые

1) Спеціальное изслѣдованіе объ этомъ времени принадлежитъ С. Ѳ. Платонову — „Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ“ (С.-П., 1901 г., 2 изд); ср. также И. Е. Забѣлина „Мининъ и Пожарскій. Кривые и прямые въ смутное время.“ (М. 1901 г.)

дѣйствовали до избранія государя; таковъ соборъ 1598 г., избравшій на царство Бориса Годунова, 1606 г., избравшій В. Шуйскаго и 1613 г., избравшій Михаила Ѳеодоровича и могущій служить лучшимъ примѣромъ собора, правившаго государствомъ 2) Соборы, созывавшіеся при нахожденіи налицо наслѣдника или наслѣдниковъ престола, т. е. Соборы, либо утверждавшіе права перваго на тронъ (какъ это было при вступленіи на престолъ Ѳедора Іоанновича или Алексѣя Михаиловича), либо выбиравшіе изъ двухъ претендентовъ на тронъ одного (какъ это было, напр., первоначально, по отношенію къ Петру В.). Всѣ остальные, бывшіе у насъ Соборы, принадлежатъ ко второй группѣ соборовъ, къ такъ наз. „совѣщательнымъ Соборамъ“. На историческомъ обзорѣ этихъ соборовъ мы и остановимся.

Какъ извѣстно, первый Земскій Соборъ былъ созванъ въ 1550 г. царемъ Іоанномъ, всего черезъ 3 года по принятіи имъ титула царя и вѣнчанія на царство. Ближайшимъ поводомъ къ созыву Собора было критическое положеніе государства, созданное боярскимъ самовластіемъ, ненаходившимъ себѣ никакой сдержки при малолѣтнемъ государѣ. Неудачныя войны съ татарами и поляками, грабительства воеводъ, народные мятежи, опасность отпаденія отъ Москвы присоединенныхъ областей и усобицы самихъ правящихъ фамилій (Шуйскихъ, Бѣльскихъ, Глинскихъ и др.) между собою — вотъ, въ немногихъ словахъ, результатъ боярскаго правленія въ теченіи 17-ти лѣтъ, по кончинѣ въ 1533 г. Василія III, оставившаго на престолѣ 4-хъ лѣтняго сына. Одинъ иностранецъ, итальянскій архитекторъ Петръ Фрязинъ, уходя изъ Москвы, объяснилъ свой уходъ такъ: „великаго князя и княгини не стало, государь нынѣшній малъ остался, а бояре живутъ по своей волѣ и отъ нихъ великое насиліе, управы на землѣ никому нѣтъ, между боярами самими вражда, и уѣхалъ я отъ великаго мятежа и безгосударства“ . . . Извѣстій подобнаго

рода дошло до насъ много. Время это было однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ въ исторіи Москвы; боярская олигархія, доведя государство Московское до разоренія, нетолько не съумѣла справиться съ дѣломъ правленія, но и не могла дать надлежащаго воспитанія будущему царю и обуздать рано-пробудившіеся дурные инстинкты его дегенеративной натуры; она скорѣе покровительствовала ихъ развитію и тѣмъ подготовляла для будущаго государя-тирана. Изъ своей юности Іоаннъ вынесъ чувство ненависти къ боярству и сознаніе необходимости держать его въ страхѣ и повиновеніи. Извѣстно, какъ отразились эти впечатлѣнія юности на послѣдующей дѣятельности Іоанна въ эпоху казней. Первоначальноже, вѣнчавшись на царство, онъ уже черезъ три года выдвинулъ противъ боярства другую силу — силу мирную и могучую — народное мнѣніе въ лицѣ выборныхъ впервые созданнаго имъ новаго учрежденія, а именно Земскаго Собора. Если мысль о созывѣ Земскаго Собора, исходившая повидимому, отъ такъ наз. „избранной рады“, стоявшей около царя, во главѣ съ Сильвестромъ и Адашевымъ и живо воспринятая самимъ молодымъ государемъ, свидѣтельствуетъ о правильномъ пониманіи имъ великаго значенія непосредственнаго общенія съ народомъ въ годины бѣдствій, то совпаденіе перваго созыва Собора съ вѣнчаніемъ московскаго великаго князя царскою короною вскрываетъ предъ нами общую причину возникновенія этого вида народнаго представительства: первый московскій царь выросъ изъ великаго князя московскаго, собирателя земли русской, государя дѣлавшаго въ теченіи почти двухъ съ половиною вѣковъ великое національное дѣло объединенія земли русской и передавшаго это дѣло и послѣдующимъ поколѣніямъ. Въ качествѣ такового дѣлателя, царь не имѣлъ причины чуждаться народа, а, наоборотъ, могъ всегда ждать отъ него и добраго совѣта и дѣятельной помощи въ нуждѣ, о чемъ весьма краснорѣчиво и свидѣтельствуютъ разнообразные факты изъ исторіи Земскихъ Соборовъ. Форма

обращенія къ народу и роль, отводимая на соборахъ тѣмъ или инымъ элементамъ населенія, подсказывались обстоятельствами даннаго времени и чрезвычайно отличались отъ предъидущей эпохи вѣчевыхъ собраній, но тамъ и здѣсь жила одна общая мысль, связующая времена столь непохожія другъ на друга, а именно мысль о необходимости дать представительство въ устроеніи государственныхъ дѣлъ демократическому элементу: царь, по мнѣнію кн. Курбскаго, долженъ былъ искать „добраго совѣта не токмо у совѣтниковъ, но и у всенародныхъ человѣкъ“; онъ долженъ былъ имѣть около себя „вселенскій Совѣтъ“ и спрашивать его „про всякое дѣло міра“, по мнѣнію автора извѣстной „Бесѣды Валаамскихъ чудотворцевъ,“ т. е., наряду съ Думою, какъ представительницею элемента аристократическаго, долженъ былъ стоять, по мнѣнію современниковъ, Земскій Соборъ, и при томъ — какъ думалъ авторъ указанной Бесѣды — Соборъ постоянный. И, конечно, этотъ соборъ былъ вполнѣ своевременно созванъ Иваномъ IV, когда онъ долженъ былъ, вѣнчавшись на царство, озаботиться устроеніемъ своего государства, расшатаннаго боярскимъ управленіемъ: ничто не могло такъ поднять авторитета власти, какъ обращеніе къ народу. Оно и было сдѣлано царемъ въ знаменитой его рѣчи на Красной площади въ Москвѣ, отлично объясняющей поводъ къ этому обращенію. Какъ извѣстно, обращаясь къ митрополиту и прося его помощи, царь сказалъ: „Азъ, владыко, и самъ ты вѣси, яко азъ остался отца своего четырехъ лѣтъ, а матери своея 8-ми лѣтъ. Родители о мнѣ не брегоша, а сильніе мои бояре и вельможи о мнѣ не радѣша и самовластни быша, и самъ себѣ саны и чести похитиша моимъ именемъ, имъ-же нѣсть возбраняющаго, и во многія корысти и въ хищенія и въ обиды упражняхуся. Азъ же, яко глухъ, и не слышахъ, и не имый во устѣхъ своихъ обличенія юности ради моя и пустоты. Они же властвоваху“. . . . Обратившись къ народу, царь сказалъ:

„люди Божіе, и намъ дарованіи Богомъ! Молю вашу вѣру въ Бога и къ намъ любовь. Нынѣ вашихъ обидъ и разореній и налогъ исправити невозможно замедленія ради юности моея и пустоты и безпомощства, и неправдъ ради бояръ моихъ и властей, и безсудства неправеднаго, и лихоиманія, и сребролюбія. Молю васъ, оставьте другъ другу вражды и тяготы свои, развѣ елико чего большего дѣля невмѣстно; и въ томъ, и въ иныхъ, я вамъ, елико вмѣстно намъ, самъ буду судія и оборона, и неправды разоряти и хищенія возвращати". Въ этой рѣчи обращаетъ на себя вниманіе и сознанная царемъ необходимость сложить съ себя всенародно вину за происшедшія въ его малолѣтство „обиды", разоренія" и „безсудство неправедное" на управленіе бояръ, и обѣщаніе быть впредь народу „судіею и обороною", и предложеніе боярамъ помириться съ народомъ, на что и былъ назначенъ особый срокъ, какъ это видно изъ другихъ данныхъ, въ цѣляхъ превращенія тяжебъ и враждебныхъ отношеній. Дальнѣйшихъ свѣдѣній о Соборѣ 1550 г. не имѣется, но нельзя, однако, допустить, что все дѣло ограничилось одною рѣчью царя къ съѣхавшимся отовсюду выборнымъ; наоборотъ, цѣлый рядъ реформъ, предпринятыхъ послѣ Собора, какъ напр., введеніе земскаго самоуправленія, исправленіе перваго Судебника и др., надо разсматривать, какъ необходимый результатъ обращенія къ выборнымъ, съ требованіемъ отъ нихъ помощи въ устроеніи государства.

Слѣдующій Земскій Соборъ былъ созванъ Иваномъ IV въ 1566 г. т. е. черезъ 16 лѣтъ послѣ перваго Собора. Ближайшимъ поводомъ къ созыву была необходимость знать мнѣніе народа о заключеніи мира съ Польшею по поводу Ливоніи. Какъ извѣстно, Іоаннъ еще въ 1558 г. началъ войну съ Ливонскимъ орденомъ и настолько успѣшно велъ ее, что скоро вся Ливонія, или нынѣшняя Лифляндская губернія, съ нѣкоторыми другими городами, какъ напр., Нар-

вою и пр., была уже въ рукахъ русскихъ воеводъ и жители ихъ принесли присягу на вѣрность Іоанну. Тогда магистръ ордена Готгардтъ Кетлеръ заключилъ договоръ съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ-Августомъ, по которому послѣдній долженъ былъ защищать владѣнія ордена отъ русскихъ, а самъ орденъ отдавался подъ протекторатъ Польши. Іоанну пришлось теперь вести войну съ польскимъ королемъ, потребовавшимъ, когда военное счастіе измѣнило Іоанну, отъ русскихъ отказа отъ всякихъ притязаній на ливонскіе города. Іоаннъ, прежде чѣмъ заключить миръ, пожелалъ знать мнѣніе народа. „Неудачныя военныя дѣйствія, истощеніе государственной казны, оппозиція бояръ, недовольство народа“, по замѣчанію проф. Латкина, „все это побуждало царя вспомнить времена своей молодости, и, какъ прежде въ трудную годину, такъ и теперь, снова искать опоры въ народѣ“. На соборѣ этомъ принимало участіе 374 лица, при чемъ они раздѣлились на 8 группъ, или „статей“, по выраженію „приговорной грамоты“ (т. е. грамоты, въ которой былъ записанъ въ окончательной формѣ соборный приговоръ) и каждая „статья“ совѣщалась отдѣльно, подавъ затѣмъ свое мнѣніе. Всѣ группы высказались за удержаніе ливонскихъ городовъ, при чемъ изъявляли готовность „положить свои головы за государя“, „за него, государя, и за его государству правду служити“, т. е. поддержали государя и шли на жертвы, если это потребовалось-бы для продолженія войны съ Польшею. Война, дѣйствительно, и продолжалась послѣ рѣшенія Собора, но военныя дѣйствія съ обѣихъ сторонъ не привели ни къ чему рѣшительному и въ 1569 г. было заключено перемиріе съ Польшею. Нѣкоторые отвѣты, указанныхъ группъ выборныхъ весьма интересны по своей содержательности и обдуманности. Духовенство, напр., находило, что „пригоже государю за тѣ городы ливонскіе стояти, которые взялъ король въ оберегапье (перечисляются города

Рига, Венденъ, Вольмаръ и др.) . . . . . которые къ государскимъ порубежнымъ городамъ ко псковскимъ и къ юрьевскимъ подошли (т. е. лежатъ недалеко отъ Пскова и Юрьева); а не стояти государю за тѣ городы . . . . . нетокмо государевымъ городамъ Юрьеву и инымъ городамъ государскимъ и Пскову тѣсноты будутъ великія, но и Великому Новгороду и иныхъ городовъ торговымъ людямъ торговли затворятся" . . . Бояре, окольничіе и другіе высшіе чины, высказываясь за удержаніе этихъ городовъ, изъявляли готовность „за государя головы свои класти, видя королёву высость" (т. е. высокомѣріе польскаго короля). Такъ какъ король польскій, требуя возврата завоеванныхъ ливонскихъ городовъ, соглашался на уступку царю Полоцка, передъ этимъ запятаго русскими, но не соглашался отдать окружающія городъ земли, то торопецкіе помѣщики, по вопросу о полоцкихъ земляхъ, отвѣтили: „мы за одну десятину земли Полоцкаго и Озерищскаго повѣту головы положимъ, чѣмъ намъ въ Полоцкѣ помереть запертымъ; а мы, холопы его государскіе, нынѣ на коняхъ сидимъ и мы за его государское (достояніе) съ коня помремъ"; а жители Смоленска къ этому добавили: „и село безъ земля какъ быти? только будетъ около Полоцка королёва земли и король около Полоцка городы поставитъ и дороги отыметъ, и Полоцкъ стѣснитъ". . . . Во всѣхъ отвѣтахъ, кромѣ готовности стоять за государево дѣло, видно пониманіе важности владѣнія для русскаго государства Ливоніею. И, если Ливонія не осталась тогда за Москвою, то въ этомъ вина не Собора.

Въ слѣдующія затѣмъ 18 лѣтъ царствованія Іоанна IV не было Земскихъ Соборовъ, Земскіе-же Соборы, бывшіе послѣ него въ 1584, 1598, 1606 и 1613 гг., были Соборами избирательными, о которыхъ мы уже говорили особо. Со времени-же Собора 1613 г., избравшаго царемъ Михаила Ѳеодоровича, мы имѣемъ цѣлый рядъ Соборовъ и вступаемъ въ царствованіе, которое было, какъ справедливо говоритъ проф. Загоскинъ, „золотымъ вѣкомъ" Зем-

скихъ Соборовъ. На этомъ „золотомъ вѣкѣ“ Соборовъ, слѣдуетъ остановиться нѣсколько подробнѣе.

Если первый царь изъ династіи Рюриковичей созвалъ первый Земскій Соборъ, то первый царь новой династіи почти все время правилъ съ помощью Земскаго Собора, который въ началѣ его царствованія почти не распускался, превратившись въ учрежденіе постоянное. Такъ во 1-хъ избирательный Соборъ 1613 г., „обравъ на Московское государство государя царя и великаго князя“, не расходился до конца 1615 г., продолжая свою дѣятельность почти три года; затѣмъ Соборы созывались ежегодно отъ 1616 по 1622 г. включительно, кромѣ одного года, а именно 1617, когда было, однако, совѣщаніе съ торговыми людьми. Послѣ 1622 г. Соборы созывались въ 1633—1634, 1636—37, 1642 гг. Мы уже указывали выше, что Михаилъ Ѳеодоровичъ не имѣлъ, подобно Б. Годунову или В. Шуйскому, причины избѣгать народнаго представительства, въ которомъ нашелъ (какъ это будетъ нами отмѣчено при обзорѣ дѣятельности Земскихъ Соборовъ его царствованія) самую дѣятельную помощь; наоборотъ, есть указанія, что онъ самъ желалъ, чтобъ Соборы были около него. Извѣстно, что, когда Соборъ 1613 г. предложилъ Михаилу корону, онъ не принялъ ее, но, по словамъ одного оффиціальнаго акта, „съ великимъ гнѣвомъ и плачемъ“ отказался отъ нея; послы обратились къ его матери, инокини Маѳѣ, которая, указавъ на молодость сына (ему было 16 лѣтъ), замѣтила что „всякихъ чиновъ люди по грѣхомъ измалодушествовались, прежнимъ московскимъ государямъ не прямо служили“ (указаніе на службу Борису Годунову, его сыну и В. Шуйскому) и что „видя такія прежнихъ государямъ крестопреступленія, какъ быть на Московскомъ государствѣ и прирожденному государю государемъ“, что государство разорено и принятіе престола будетъ Михаилу „лишь на погубленіе“. Послы Собора справедливо возразили, что Борисъ Годуновъ

взошелъ на престолъ „своимъ хотѣніемъ“, Василій Шуйскій — по выбору немногихъ людей, а Михаилъ взойдетъ на престолъ „не своимъ хотѣніемъ, но волею всей земли“, что земля будетъ оказывать ему „всякое радѣніе и хотѣніе, что всякъ учнетъ стоять въ крѣпости и служить государю безъ всякія измѣны“ и что, наконецъ, „Московскаго государства всякіе люди въ бѣдахъ поискусились и въ чувство и въ правду пришли“... Если въ этихъ словахъ пословъ Собора справедливо видятъ изслѣдователи вопроса обѣщаніе помощи молодому вновь-избранному государю, то въ первой-же своей грамотѣ, Михаилъ, принявъ, послѣ долгихъ убѣжденій его со стороны пословъ, корону отъ Земскаго Собора, обратился къ нему съ требованіемъ перейти отъ словъ къ дѣлу; „а вамъ бы боярамъ нашимъ... (далѣе перечисляются другіе чины государства), на чемъ вы намъ крестъ цѣловали и души свои дали, стояти въ крѣпости разума своего, безъ всякаго позыбанія намъ служити и прямити, и воровъ никого царскимъ именемъ не называть, и ворамъ не служить, и грабежей-бы у васъ и убійствъ на Москвѣ и въ городѣхъ и по дорогамъ не было и быти бы вамъ межъ себя въ соединеніи и въ любви, на чемъ есте намъ души свои дали и крестъ цѣловали, на томъ бы и стояли, а мы васъ за вашу правду и службу рады пожаловать.“ Соборъ отвѣчалъ обѣщаніемъ водворить внѣшній порядокъ въ столицѣ и около нея и усиленно звалъ царя прибыть въ Москву; затѣмъ имъ, дѣйствительно, стали приниматься мѣры противъ безпорядковъ въ государствѣ, къ сбору денегъ въ опустошенную государственную казну, а равно хлѣба и всякихъ запасовъ для войска, стали, наконецъ, посылать полки ратныхъ людей для изгнанія непріятельскихъ отрядовъ, бродившихъ по странѣ и обузданія разбоевъ, при чемъ Соборъ не останавливался ни передъ какими жертвами для достиженія намѣченныхъ имъ цѣлей: такъ, напр., въ 1615 г. было предписано „по царскому указу и всей

земли приговору", т. е. по приговору Собора, собрать на жалованье ратнымъ людямъ съ имущества всѣхъ жителей государства „пятую деньгу", т. е. 20% всего имущества. Не входя въ подробное изложеніе дѣятельности этого 3-хъ лѣтняго Собора, надо вообще замѣтить, что, если въ государствѣ былъ возстановленъ какой-либо порядокъ, то этимъ правительство было обязано прежде всего нелицепріятной и неустанной дѣятельности Собора. Въ концѣ 1615 г. Соборъ былъ распущенъ, но, повидимому, тотчасъ-же были сдѣланы распоряженія о созывѣ новаго. Такъ уже 12 января 1616 г. была, напр., послана въ Пермь Великую грамота воеводѣ, въ которой указывалось, что „на передъ сего (т. е. раньше) была послана къ вамъ наша грамота", въ которой „велѣно вамъ прислать къ намъ къ Москвѣ, для нашего великаго и земскаго дѣла, на совѣтъ пермичъ, посадскихъ лучшихъ и среднихъ людей, 3-хъ человѣкъ, добрыхъ и разумныхъ и постоятельныхъ людей тотчасъ, не мѣшкавъ ни часу . . . И вы тѣхъ выборныхъ людей къ намъ и по ся мѣста не присылывали". Грамота требуетъ скорѣе выслать выборныхъ, „чтобъ за тѣмъ наше и великое земское дѣло не стало". Такимъ образомъ изъ этой вторичной грамоты, посланной уже 12 января 1616 г., надо заключить, что первая была отправлена еще въ концѣ 1615 г., вскорѣ послѣ распущенія перваго Собора. Чтоже это „за великое земское дѣло", которымъ долженъ былъ такъ спѣшно заняться этотъ 2-ой Соборъ Михаилова царствованія? Онъ долженъ былъ постановить „всемірный приговоръ" о сборѣ съ занимающихся торговлею и промыслами „пятой деньги" и по 120 рублей съ сохи [1]) т. е. о сборѣ этихъ денегъ съ землевладѣльцевъ. И этотъ Соборъ долженъ былъ такимъ образомъ вновь принести громадныя матеріальныя жертвы на пользу государства. Кромѣ того, со Строгановыхъ „власти и всѣхъ городовъ выборные

1) Соха — поземельная единица, содержавшая отъ 600 до 1800 десятинъ земли.

люди приговорили: взять съ вотчинъ, и съ промысловъ, и съ животовъ 40 тысячъ рублей".

Слѣдующему Собору, а именно Собору 1618 г., пришлось принимать энергичныя мѣры по случаю нашествія королевича Владислава на русскую землю, составляя, вмѣстѣ съ государемъ, приговоры о защитѣ Москвы отъ нападенія. Кромѣ того, собору пришлось высказаться въ одномъ изъ засѣданій по вопросу о мѣстничествѣ. Михаилъ Ѳедоровичъ заявилъ собору, что „посылаетъ онъ, государь, бояръ, и окольничьихъ, и стольниковъ, и стряпчихъ и дворянъ въ городы въ воеводы и на Москвѣ и въ городахъ для своихъ государевыхъ дѣлъ; и бояре и окольничіе и стряпчіе и дворяне межъ себя считаются и бьютъ челомъ ему, государю, о мѣстахъ и затѣмъ его государеву дѣлу ставится мотчаніе", и что слѣдовало бы „по нынѣшнимъ его Литовскимъ вѣстемъ быть безъ мѣстъ". И вотъ соборъ постановилъ: „всякимъ служилымъ людемъ быти на нынѣшнихъ государевыхъ службахъ и впередъ (т. е. впредь) до 128 (т. е. 7128) году (1620 г.) на Москвѣ и въ городахъ.... у всякихъ дѣлъ безъ мѣстъ". Надо вообще замѣтить, что мѣры, принятыя царемъ вмѣстѣ съ соборомъ къ защитѣ Москвы, были очень цѣлесообразны и Владиславъ долженъ былъ съ большими потерями отступить отъ нея, а по Деулинскому миру 1 декабря 1618 г. отказался отъ Московской короны и призналъ Михаила Ѳеодоровича царемъ. Соборъ слѣдующаго 1619 года билъ челомъ отцу государя митрополиту Филарету Никитичу, только что вернувшемуся изъ польскаго плѣна, о принятіи имъ патріаршества; затѣмъ уже, по почину Филарета, земскій соборъ 1619 г. занялся очень важнымъ вопросомъ о неравномѣрномъ распредѣленіи податей между плательщиками ихъ, результатомъ чего было рѣшеніе послать писцовъ во всѣ тѣ города, которые не подвергались разоренью отъ поляковъ, а въ разоренные города особыхъ „добрыхъ" дозорщиковъ, для приведенія въ извѣстность имущественнаго состоянія означенныхъ пла-

тельщиковъ, возвратить на прежнія мѣста вышедшихъ изъ своихъ обществъ людей, образовать особую коммиссію изъ 2-хъ бояръ съ товарищами, для сыска „про сильныхъ людей во всякихъ обидахъ“ т. е. для производства слѣдствій о притѣсненіяхъ, чинимыхъ людьми сильными слабымъ и др. О Соборѣ 1620 г. нѣтъ свѣдѣній; что-же касается Собора 1621 г., то ему пришлось обсуждать вопросъ о войнѣ съ Польшею. Собору было доложено о нарушеніи, со стороны поляковъ, условій заключеннаго мира и о многихъ обидахъ отъ нихъ; Соборъ 1621 г., который можно считать продолженіемъ предъидущаго, постановилъ бить челомъ государю и его отцу, „чтобъ они за святыя церкви и за свою государскую честь и за свое государство противъ недруга своего, искони вѣчнаго врага Московскаго государства... стояли крѣпко, сколько имъ, государямъ, милосердный Богъ помощи подастъ.“ Война съ Польшею, впрочемъ, не произошла немедленно, но Соборъ во всякомъ случаѣ рѣшался на нее: предварительно былъ, однако, посланъ въ октябрѣ 1621 г. въ Польшу „къ панамъ радѣ“ гонецъ, который требовалъ исполненія всѣхъ условій и угрожалъ войною; такъ какъ отвѣтъ „пановъ рады“ былъ очень неудовлетворителенъ, то Собору 1622 г. пришлось вновь обсуждать вопросъ о войнѣ; рѣшено было готовиться къ войнѣ, но она произошла, однако, лишь въ 1632 г.; царю Михаилу Ѳеодоровичу пришлось вновь обратиться въ 1633—1634 гг. къ созыву выборныхъ, ввиду обнаружившагося недостатка у государства средствъ на веденіе этой войны и выборные сказали царю, что они „для вспоможенія и для избавы православныя христіанской вѣры дадутъ „по своимъ пожиткамъ что кому можно дать“. Въ 1637—1638 г. обращеніе къ Собору состоялось, ввиду того, что ожидалось нашествіе крымскаго хана на Москву. Нашествіе же ожидалось вслѣдствіе взятія Азова донскими казаками. Крымскій царевичъ Сафа-гирей вторгся въ украинскіе города, мстя за взятіе Азова, разорилъ

русскія области и, уходя обратно, извѣстилъ царя, что весною придетъ въ Московское государство самъ крымскій ханъ Богатъ-гирей. Собравъ Соборъ, царь поставилъ вопросъ: „какъ намъ стоять противъ нашего непріятеля, крымскаго хана и какъ ратныхъ людей собирать, чтобы Божьи церкви не были осквернены, государство разорено, и православные люди въ плѣнъ не попались," указавъ въ тоже время, что „ратные люди въ числѣ уменьшились и безъ прибавочныхъ людей съ земель быти не мочно." Соборъ постановилъ приговоръ о порядкѣ сбора „прибавочныхъ людей" для предстоящаго похода. Но походъ, этотъ, не состоялся, такъ какъ крымскій ханъ не произвелъ предполагаемаго нападенія на Московское государство и Азовъ оставался безпрепятственно въ рукахъ донскихъ казаковъ до 1641 г., когда самъ турецкій султанъ Ибрагимъ I послалъ противъ нихъ большую армію и началъ осаду Азову. Хотя осада и окончилась для турокъ неудачею, но казаки, опасаясь, что при новомъ приступѣ татаръ и турокъ имъ придется сдаться, обратились къ Михаилу Ѳеодоровичу съ челобитьемъ о принятіи у нихъ Азова и о защитѣ его; Москвѣ пришлось рѣшать очень трудный вопросъ: отказаться-ли отъ Азова, являвшагося очень важнымъ, — какъ въ политическомъ, для укрѣпленія Россіи на Черномъ морѣ, такъ и въ торговомъ отношеніи, — пунктомъ, или вести изъ-за него войну съ сильною турецкою державою? Михаилъ Ѳеодоровичъ, по обыкновенію, обратился за рѣшеніемъ вопроса къ Земскому Собору, который и былъ созванъ 3 января 1642 г. Этотъ Соборъ, носящій въ литературѣ наименованія Азовскаго, былъ послѣднимъ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича.

Значеніе Азовскаго Собора чрезвычайно важно, какъ по самому предмету, который пришлось обсуждать ему, такъ и по тѣмъ мнѣніямъ, или „сказкамъ", какія были поданы отдѣльными группами выборныхъ. Вопросъ о владѣніи Азовомъ былъ вопросъ, занимавшій вниманіе государей нашихъ отъ Ивана IV до Екатерины II-ой

включительно: кто владѣлъ Азовомъ, владѣлъ Крымомъ, а владѣніе Крымомъ, присоединеннымъ къ Россіи лишь въ 1783 г., означало достиженія Россіею на югѣ своихъ естественныхъ границъ и было возможно лишь послѣ того, какъ было сломлено могущество турокъ, въ которыхъ крымскіе татары находили себѣ постоянно защитниковъ. Собору пришлось отвѣчать на вопросъ о томъ, взять-ли отъ казаковъ городъ Азовъ и вести-ли войну изъ-за него съ Крымомъ и Турціею и, если вести, то гдѣ взять денегъ и припасовъ на ея веденіе, т. е. касаться вопроса, который требовалъ громаднаго напряженія силъ и съ которымъ покончить удалось только черезъ сто слишкомъ лѣтъ (Азовъ былъ присоединенъ къ Россіи по Кучукъ-Кайнарджинскому миру 1774 г.), послѣ многихъ кровопролитныхъ войнъ, которыя велись Россіею за обладаніе югомъ съ Турціею и Крымомъ. Какъ мы увидимъ дальше, выборные Собора отнеслись довольнохолодно къ вопросу о завладѣніи Азовомъ и это отношеніе ихъ заставило царя отказаться отъ мысли вести изъ-за него войну, хотя онъ этого хотѣлъ раньше и даже обѣщалъ поддержать донскихъ казаковъ. Отношеніе выборныхъ къ вопросу дало поводъ говорить въ литературѣ нашей объ упадкѣ соборнаго устройства, сказавшагося будто бы ясно на Азовскомъ Соборѣ. Б. Н. Чичеринъ, который вообще смотритъ довольно отрицательно на дѣятельность Соборовъ, говоритъ, что „въ Азовскомъ Соборѣ, послѣднемъ въ царствованіи Михаила Ѳеодоровича, нельзя не видѣть упадка соборнаго устройства. По своей чисто совѣщательной формѣ, по разрозненности поданныхъ мнѣній, онъ напоминалъ времена, предшествующія междуцарствію; по отсутствію всякой политической мысли, по наивно-высказывающимся эгоистическимъ стремленіямъ сословій, онъ не дѣлаетъ чести тогдашнему обществу! Грустно смотрѣть на этотъ послѣдній памятникъ нашего древняго земства!“ Заключительное восклицаніе автора

заставляетъ думать, что у насъ уже не было послѣ Азовскаго Собора Соборовъ важныхъ по своему значенію, что, конечно, несправедливо, такъ какъ достаточно указать на Соборъ, касавшійся составленія Уложенія царя Алексѣя Михайловича 1648—1649 гг. [1]) или на Соборъ малороссійскій 1653 г., чтобъ не видѣть въ Азовскомъ Соборѣ „послѣдняго памятника нашего древняго земства". Сдержанное отношеніе части выборныхъ къ разрѣшенію войною Азовскаго вопроса, на нашъ взглядъ, показываетъ лишь наличность большой доли здраваго у нихъ смысла, такъ какъ то, что имъ предлагалось рѣшать немедленно, совершенно не созрѣло еще для рѣшенія и могло, да и то лишь съ большимъ напряженіемъ силъ, быть рѣшено спустя слишкомъ сто лѣтъ. Выборные Собора какъ-бы провидѣли, что удержаніе Азова не подъ силу данному времени и это уже одно должно быть поставлено имъ въ большую заслугу, такъ какъ знать мѣру силъ своей страны — дѣло высокой важности для государственныхъ дѣятелей. Разсматривая съ указанной точки зрѣнія „сказки", или мнѣнія выборныхъ, нельзя, по нашему мнѣнію, присоединиться къ мнѣнію тѣхъ, которые видятъ въ нихъ какой-то упадокъ народнаго представительства . . . Обращаясь, послѣ указанныхъ замѣчаній, къ краткому обзору названныхъ сказокъ, отмѣтимъ, что онѣ довольно обширны, а потому изложеніе ихъ цѣликомъ отняло-бы у насъ много времени; передадимъ поэтому лишь ихъ сущность. Большинство выборныхъ сознавало необходимость взятія Азова, но вмѣстѣ съ этимъ понимало, что это потребуетъ такихъ матеріальныхъ и иныхъ затратъ, какія не можетъ вынести государство и безъ того уже потрясенное въ своихъ основаніяхъ въ предшествующую эпоху между-

1) Объ этомъ Соборѣ см. рѣчь Н. П. Загоскина „Уложеніе царя и в. кн. Алексѣя Михайловича и Земскій Соборъ 1648—1649 гг. (Казань, 1874 г.) и брошюру А. Н. Зерцалова „Новыя данныя о Земскомъ Соборѣ 1648—1649 г. г." М. 1887 г.).

царствія и едва начавшее оправляться отъ этихъ потрясеній въ новое царствованіе. Въ тоже время, выборные пользуются случаемъ, чтобъ указать на существующіе непорядки и тягости. Такъ, напр., гости и торговые люди гостинной и суконной сотенъ, заявивъ, что дѣло о взятіи Азова зависитъ отъ воли государя („какъ тебѣ, государю, о томъ Богъ извѣститъ“ говорятъ они), въ тоже время указываютъ, что „мы, холопи твои . . . питаемся на городѣхъ отъ своихъ промыслишковъ, а помѣстій и вотчинъ за нами нѣтъ никакихъ, а службы твои государевы служимъ на Москвѣ и въ иныхъ городѣхъ по вся годы, а отъ тѣхъ твоихъ государевыхъ безпрестанныхъ службъ и отъ пятинныя деньги (т. е. отъ сбора „пятой деньги“ или 20% съ имущества) . . . . многіе люди оскудѣли и обнищали до конца,“ что вообще „въ городѣхъ всякіе люди обнищали и оскудали до конца отъ твоихъ государевыхъ воеводъ,“ между тѣмъ „при прежнихъ государѣхъ въ городѣхъ вѣдали губные старосты, а посадскіе люди сами промежъ себя, а воеводъ въ городахъ не было“ . . . Сотскіе и посадскіе черныхъ сотенъ и слободъ, тоже находя, что вопросъ о взятіи Азова — дѣло государя, заявляютъ, между прочимъ, что нахожденіе Азова въ рукахъ турокъ есть бѣдствіе для русскихъ окраинъ, но что „мы, сироты твои . . . и всѣ тяглые людишка нынѣ, грѣхомъ своимъ, оскудѣли и обнищали отъ великихъ пожаровъ, и отъ пятинныхъ денегъ, и отъ даточныхъ людей, и отъ подводъ . . . и отъ твоихъ государевыхъ великихъ податей и отъ многихъ цѣловальничъ службъ . . . и отъ тое великія бѣдности многіе тяглые людишка изъ сотенъ и изъ слободъ разбрелися розно и дворишка свои мечутъ“. . . . Служилые люди нѣкоторыхъ городовъ, находятъ, что возвращать Азовъ туркамъ нельзя, что это „не утолитъ и не удобритъ ихъ“, но „пуще тою отдачею на себя подвигнемъ“ и что поэтому „лучше Азовъ тебѣ, государю, и всей землѣ принять и крѣпко за

него стоять". Касаясь вопроса, гдѣ взять деньги и хлѣбъ для продолжительной войны, въ случаѣ взятія Азова, „сказка" означенныхъ городовыхъ служилыхъ людей, какъ и другія „сказки" городовыхъ служилыхъ людей, требуетъ, „чтобъ деньги и хлѣбные запасы брались равномѣрно со всѣхъ людей, съ духовенства, монастырей, бояръ и другихъ чиновъ, а отъ ратныхъ сборовъ не освобождались-бы и государевы дворовые люди и дворцовыя волости. Въ заключеніе и указанные городовые люди замѣчаютъ, что „разорены мы, холопи твои, пуще турскихъ и крымскихъ бусурмановъ московскою волокитою и отъ неправдъ и отъ неправедныхъ судовъ". . . Служилые люди другихъ городовъ заходятъ очень далеко и совѣтуютъ, между прочимъ, если война потребуетъ много денегъ, отобрать „патріаршую казну, и у митрополитовъ, и у архіепископовъ, и у епископовъ, и въ монастырѣхъ лежачую казну", а затѣмъ обложить сборомъ на войско гостей, торговцевъ и „всякаго рода черныхъ людей". Нѣкоторыя группы выборныхъ совѣтуютъ послать на помощь казакамъ лишь „охочихъ вольныхъ людей"; другія, какъ, напр., духовенство уклоняются отъ прямаго отвѣта, мало вообще сочувствуя войнѣ.

Первымъ Соборомъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича былъ весьма важный Соборъ 1648—49 гг., на которомъ было составлено знаменитое „Соборное Уложеніе" царя Алексѣя Михайловича (на этомъ соборѣ мы остановимся подробно при обзорѣ памятниковъ нашего права). Слѣдующимъ за нимъ, былъ Соборъ 1650 г., созванный по случаю мятежа, вспыхнувшаго въ Псковѣ и Новгородѣ и считаемаго многими за естественный отголосокъ того бунта, какой былъ въ Москвѣ 25 Мая 1648 г. Напомнимъ кратко обстоятельства псковскаго мятежа. Въ 1650 году правительство должно было заплатить Швеціи выкупъ деньгами и хлѣбомъ за перебѣжчиковъ, ушедшихъ въ Россію изъ тѣхъ русскихъ земель, которыя по Столбовскому миру

были уступлены Швеціи. Во Псковъ былъ посланъ гость Емельяновъ для скупки хлѣба и отправки его въ Швецію. Емельяновъ приступилъ къ своему дѣлу слишкомъ энергично: не обращая вниманіе на голодъ, свирѣпствовавшій тогда въ городѣ, онъ скупалъ весь хлѣбъ, перепродавая его самъ. Произошелъ мятежъ, ознаменовившійся между прочимъ задержаніемъ, избіеніемъ и ограбленіемъ шведскаго посла Нуменса, который везъ съ собою 20 тысячъ денегъ въ счетъ выкупа. Затѣмъ мятежники встрѣтили вооруженнымъ сопротивленіемъ кн. Хованскаго и его отрядъ, посланный для разслѣдованія дѣла и пр. Царь Алексѣй Михайловичъ, видя, что мятежъ разгорается, и не желая прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ, созвалъ Соборъ, который и открылся 26 Іюля того-же года. Этому Собору былъ предложенъ вопросъ, какъ поступить, если возставшіе не послушаютъ увѣщаній депутаціи, посланной къ нимъ 4 Іюля и состоявшей изъ епископа Коломенскаго Рафаила, одного архимандрита и одного протопопа, вмѣстѣ съ выборными? (по одному отъ стольниковъ, стряпчихъ, московскихъ и городовыхъ дворянъ, отъ сотенъ гостинной и суконной и отъ посадскихъ людей). Отвѣтъ Собора, къ сожалѣнію, не дошелъ до насъ, и пока извѣстенъ только наказъ, посланный епископу Рафаилу, въ которомъ предписывалось ему дѣйствовать миролюбиво и не требовать зачинщиковъ (Доп. къ Ак. Ист. т. III, № 74); предполагается учеными, что этотъ наказъ именно составленъ подъ вліяніемъ отвѣта выборныхъ. Впрочемъ, этотъ отвѣтъ и не имѣлъ примѣненія, такъ какъ мятежники встрѣтили почтительно и съ повинной депутацію и цѣловали крестъ на вѣрность Государю. Во всякомъ случаѣ, обращеніе къ мнѣнію З. Собора въ данномъ случаѣ очень характерно.

Въ 1651 и въ 1653 г. состоялись два Земскихъ Собора по малороссійскому вопросу, весьма важные, и по своему внутреннему значенію, и по тому обстоятельству, что они являются послѣдними полными Соборами,

на которыхъ созывалась „вся земля“, „всѣ люди“, какъ выражаются наши древніе акты (Ак. Арх. Эк. III, № 105). Литературная исторія перваго собора любопытна въ томъ отношеніи, что большинство писателей нашихъ совершенно объ немъ умалчивало. Только К. С. Аксаковъ упоминалъ о немъ въ своей полемикѣ съ С. М. Соловьевымъ по поводу 2-го малороссійскаго собора. Изъ матеріаловъ, изданныхъ проф. Латкинымъ, мы узнаемъ, что „Государь Царь, указалъ о Литовскомъ дѣлѣ учинить Соборъ. А на Соборѣ быть: патріарху и митрополитамъ и архіепископамъ, и чернымъ властямъ и боярамъ, и окольничьимъ, и думнымъ людямъ и стольникамъ и стряпчимъ и дворянамъ Московскимъ и дьякамъ и дворянамъ изъ городовъ и гостямъ и торговымъ и всякихъ чиновъ людямъ. И указалъ Государь имъ объявити Литовскаго короля и пановъ рады прежнія и нынѣшнія неправды [1]), что съ ихъ стороны дѣлаются, мимо вѣчнаго докончанья; а отъ короля и отъ пановъ рады исправленія въ томъ не бывало. И чтобъ тѣ, ихъ неправды его, государевымъ Московскаго государства всякимъ людямъ были вѣдомы; также и запорожскаго гетмана Богдана Хмельницкаго присылки объявити, что они бьютъ челомъ подъ государеву высокую руку въ подданство. А на Соборѣ говорить всякихъ чиновъ людямъ въслухъ“. . . . Изъ письменной рѣчи государя (или „письма“) въ которой б. изложенъ подробно и самый договоръ съ поляками и его нарушенія, видно, что Собору б. предложенъ вопросъ: если король Янъ-Казиміръ и паны рады, по договору, „исправленія и за государеву честь виноватымъ казни не учинятъ и то дѣло начнутъ впередъ

1) Эти „неправды“ состояли въ нарушеніи состороны поляковъ договора, въ писаніи Государева титула „со многимъ премѣненіемъ“ („а иные злодѣи писали именованіе Михаила Ѳеодоровича „Ѳеодоромъ Михайловичемъ, Михаиломъ Филаретовичемъ“, а Алексѣя Михайловича — Александромъ Мих. и пр.) въ сношеніи Польскаго короля съ крымскимъ ханомъ, „чтобы имъ сопча Московское государство воевать и разорить“ и т. д.

откладывать въ проволоку съ сойму на соймъ по прежнему; и о томъ великомъ дѣлѣ .... съ королемъ и что онъ ссылается о войнѣ на Московское государство съ крымскимъ ханомъ какъ быть?“ До насъ дошло только мнѣніе, поданное духовенствомъ, изъ котораго видно, что церковь, если поляки не исправятся, „можетъ подати разрѣшеніе“ государю на войну и принятіе въ подданство „запорожскаго гетмана съ черкасы:“ а исправятся, то, какъ вамъ, великому государю-царю .... Богъ извѣститъ“ (предполагаютъ, что и другія мнѣнія были однородны съ мнѣніемъ духовенства). Король и „паны рады“ не исправились, и черезъ два года, именно 1653 г., б. созванъ вновь З. Соборъ. Собору вновь б. разсказано объ обидахъ отъ поляковъ и нарушеніяхъ договора, заключеннаго Михаиломъ Θед. съ Владиславомъ, выполненіе пунктовъ котораго, несмотря на постоянныя обѣщанія, никогда не дѣлалось. При Янѣ-Казимірѣ эти нарушенія и обиды „учали быть пуще прежняго“: такъ о русскихъ царяхъ въ польскихъ книгахъ писались такія „злыя безчестья, укоризны и хулы“, что „слышати и терпѣть невозможно и помыслити страшно“. Тоже пишется и о всѣхъ русскихъ: „не токмо за вѣчнымъ докончаніемъ (т. е. во время мира), но и въ развратье того не бываетъ“. Кромѣ того, съ польской стороны „учали быть въ порубежныхъ мѣстахъ задоры большіе“. Польскіе люди совершаютъ всевозможныя насилія надъ русскими, разоряютъ и грабятъ крестьянъ, „и урядники ихъ расправы въ томъ не чинятъ.“ Наконецъ, продолжаетъ царскій докладъ Собору, „въ прошлыхъ годахъ гетманъ запорожскій Богданъ Хмельницкій и все запорожское войско много разъ посылали пословъ, говорившихъ, что поляки постоянно учиняли гоненіе на православіе и на церкви, то принуждая къ переходу въ католицизмъ, то вводя унію, и „всякія надъ ними гоненія и поруганіе и злости нехристіанскія чинили, чего они и надъ еретиками и

надъ жидами не чинятъ . . .“ Поэтому казаки возстали на своихъ гонителей, соединились съ крымскимъ ханомъ, „и у царскаго величества милости просятъ, чтобы онъ ихъ принялъ подъ свою высокую руку.“ Докладъ Собору разсказываетъ далѣе о посольствѣ кн. Рѣпнина-Оболенскаго въ Польшу, вслѣдствіе челобитья гетмана, просившаго Царя о посредничествѣ при заключеніи такого мира съ Польшею, которымъ-бы обезпечивалась свобода вѣроисповѣданія казацкому войску, и заканчивается историческою справкою о томъ, что Янъ-Казиміръ, при избраніи его на престолъ, обѣщался быть вѣротерпимымъ, „межъ разнствующими въ вѣрѣ христіанской остерегати и защищати и никакими мѣрами для вѣры самому не тѣснити и никого на то не попущати,“ и что по условіямъ польской конституціи нарушеніе обѣщаній избавляетъ подданныхъ отъ вѣрности Государю (этимъ какъ-бы давался Собору намекъ, что запорожцы de iure свободны отъ обязательствъ по отношенію къ королю, а потому и могутъ быть приняты Москвою въ подданство.) Докладъ сообщаетъ также, что въ Москву только-что прибылъ еще новый посолъ Хмельницкаго, Лавринъ Капуста, извѣщающій о войнѣ казаковъ съ Польшею и просящій отъ имени гетмана хоть какой-либо помощи. Выборные, отвѣчавшіе на запросъ правительства отдѣльно по чинамъ, т. е. по разрядамъ, подали мнѣніе за войну и принятіе Малороссіи, при чемъ бояре и думные люди послѣднее считали необходимымъ для спасенія православной вѣры (а, слѣдовательно, и народности казаковъ), предусмотрѣвъ и тотъ случай, когда царь рѣшитъ противное: „а буде Государь ихъ не пожалуетъ,“ говоритъ соборный актъ,[1]) то такъ-бы „велѣлъ помирить ихъ черезъ своихъ великихъ пословъ, чтобы имъ тотъ миръ былъ надеженъ.“ Самихъ-же казаковъ бояре и думные люди,

1) Этотъ актъ помѣщенъ въ Румянцевскомъ Соб. Гос. Гр. и Дог. III, № 157.

вслѣдствіе нарушенія королемъ присяги, считаютъ свободными отъ вѣрноподданства („потому что они", говоритъ соборный актъ, „стали нынѣ присягою королевскою вольные люди"); служилые люди сказали, что они готовы „съ Литовскимъ королемъ битися, не щадя своихъ головъ и рады помереть за ихъ государскую честь" . . . , а торговые всякихъ чиновъ люди „вспоможеньемъ и за ихъ Государскую честь головами-же своими рады помереть . . . . ."

Итакъ представители послѣдняго Собора всей земли, какъ и всѣхъ другихъ, оказались на высотѣ своего дѣла, поняли важность вопроса и внушили Царю увѣренность въ важномъ вопросѣ, благопріятное рѣшеніе котораго для казаковъ спасло прекрасную, родную Украйну отъ порабощенія, да и Москвѣ придало впослѣдствіи немало блеска и силы. Вопросъ о значеніи этого Собора поднялъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ оживленную полемику между 2-мя учеными — С. М. Соловьевымъ и К. С. Аксаковымъ. Извѣстно, что еще 6 Сент. 1653 г. было отправлено къ Хмельницкому посольство изъ стольника Стрѣшнева и дьяка Бредихина, которое повезло гетману подарки и милостивую царскую грамоту, въ которой, между прочимъ, довольно таинственно сообщалось гетману, чтобы онъ вѣрилъ посламъ въ томъ, „о чемъ они тебѣ говорить учнутъ", а изъ отвѣта гетмана Царю видно, что дѣло шло именно о принятіи Малороссіи въ подданство, т. к. гетманъ сообщалъ, что онъ передалъ войску о согласіи Царя на это принятіе. С. М. Соловьевъ, основываясь на датѣ самого соборнаго акта, пріурочивающей открытіе Собора къ 1 Октября 1653 г., высказалъ слѣдующее: „въ обстоятельствахъ созванія малороссійскаго Собора ясно видно, что явленіе вымерло, осталась одна форма, которую сочли нужнымъ еще исполнить изъ уваженія къ обычаю предшествовавшаго царствованія. 6-го Сентября Государь послалъ къ гетману съ объявленіемъ, что онъ принялъ его въ под-

данство, а 1-го Октября созванъ былъ Соборъ для разсужденія о томъ, принимать-ли гетмана въ подданство? Положимъ, что Алексѣй Мих. былъ увѣренъ въ согласіи Собора, ибо объ этомъ было разсуждаемо прежде (т. е. на Соборѣ 1651 г.), но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ созывать вторично Соборъ и предлагать снова дѣло на обсужденіе; если-же хотѣли бо́льшаго, окончательнаго удостовѣренія, то зачѣмъ было созывать Соборъ послѣ рѣшенія дѣла?" К. С. Аксаковъ, опровергая этотъ выводъ о значеніи Собора, говоритъ, что 2-й Соборъ былъ собранъ „для торжественнаго признанія, для санкціи рѣшенія, въ которомъ и Царь, и земля были согласны . . ." „Между 1-мъ и 2-мъ Соборомъ прошло три года; поэтому нужна была торжественная санкція отъ новаго Собора и только послѣ рѣшенія его Царь посылаетъ открыто и торжественно своихъ великихъ пословъ" (первые послы были тайные, съ „тайными" рѣчами). „Малороссійское дѣло нетолько не умаляетъ значенія Земскихъ Соборовъ, но еще усиливаетъ оное." (П. С. Соч. I, 207 стр.) Выводъ Аксакова усиливается въ послѣднее время тѣми свѣдѣніями о времени созыва Собора 1653 г., которыя имѣются въ литературѣ вопроса. Изъ нихъ оказывается, что 1-е Октября было не днемъ открытія Собора, какъ предполагали прежде, а, по всей вѣроятности, днемъ послѣдняго его засѣданія, такъ какъ выборные созывались еще къ 5 Іюня 1653 г. (Латкинъ — „Земскіе Соборы", стр. 236, пр. 1-е) [1]). Но

1) Добавимъ еще къ этому, что проф. Платоновъ доказываетъ, что означенный Соборъ занимался польскими и малороссійскими дѣлами съ 25 приблизительно мая 1653 г. по 1 октября, а засѣданіе 1 октября было послѣднимъ торжественнымъ собраніемъ выборныхъ. По весьма основательнымъ соображеніямъ означеннаго ученаго, надо признать, что отправленіе Стрешнева и Бредихина состоялось не иначе, какъ съ вѣдома Собора: они должны были объявить Хмельницкому, что государь приметъ его подъ свою высокую руку, если посольство Рѣпнина постигнетъ неудача. Когда это, дѣйствительно, случилось, послали догнать Стрешнева, причемъ ему велѣно было уже прямо объявить Хмельницкому о принятіи его царемъ въ подданство. (Статьи по русской исторіи, стр. 25 сл.).

если это такъ, то значитъ, что посольство Стрѣшнева и Бредихина было отправлено уже во время пребыванія выборныхъ въ Москвѣ и съ ихъ вѣдома, а, слѣдовательно, этотъ Соборъ не былъ одною формальностью.

Изъ неполныхъ Соборовъ при Алексѣѣ Михаиловичѣ и Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, представляющихся ничѣмъ инымъ, какъ совѣщаніемъ правительства по тѣмъ или инымъ вопросамъ со свѣдующими людьми, надо назвать совѣщаніе съ гостями и торговыми людьми въ 1660 г. и 1672 г., совѣщаніе съ гостями 1676 г., со служилыми людьми — въ 1681—82 г. (объ уничтоженіи мѣстничества) и, наконецъ, совѣщаніе съ выборными изъ гостей, гостинной и суконной сотни и посадскихъ людей въ 1682 г. по вопросу объ уравненіи службъ и податей, которыя неслись этими классами (о результатахъ этого совѣщанія ничего неизвѣстно въ литературѣ). На совѣщаніи 1660 г. гости и торговые люди должны были дать правительству отвѣтъ, отчего вздорожалъ хлѣбъ и съѣстные припасы и что надо сдѣлать, чтобы понизить имъ цѣну? Выборные сказали, что хлѣбъ вздорожалъ вслѣдствіе неурожая, усиленнаго винокуренія и скупки его и перепродажи „закупщиками и кулащиками“ (т. е. скупщиками и кулаками). Для удешевленія хлѣба надо-бы прекратить продажу вина на кружечныхъ царскихъ дворахъ и запретить скупщикамъ перепродажу — тогда крестьяне будутъ привозить на Москву хлѣбъ и продавать его сами; предлагали раздавать стрѣльцамъ жалованье не деньгами, а хлѣбомъ, который можно взять у патріарха, духовенства и у монастырей „который у нихъ будетъ хлѣбъ въ мѣшкѣ“, и другія мѣры, часть которыхъ была принята. (Собр. Гос. Гр. и Д. IV., № 18.)

Въ 1667 г. торговый договоръ, заключенный московскимъ правительствомъ съ армянскими купцами, предоставилъ послѣднимъ право непосредственной торговли персидскими товарами, а въ 1672 г. московскіе гости б. спрошены, не будетъ-ли „московскимъ и всѣхъ

городовъ купецкимъ людямъ въ промыслахъ ихъ помѣшки“ отъ того, что армяне, согласно договору, будутъ привозить шелкъ-сырецъ и другіе персидскіе товары въ Россію и заграницу. Гости дали отвѣтъ, что при прежнихъ государяхъ „Шаховы персидскія области купецкіе люди кизилбаши“ (персіяне), армяне и другіе восточные народы никогда не ѣздили въ нѣмецкія земли и не торговали съ иностранцами, — торговля съ Востокомъ была въ рукахъ русскихъ купцовъ, и они, привозя изъ Астрахани и Персіи товары, продавали ихъ въ казну великаго Государя, откуда они уже и перепродавались нѣмцамъ за ефимки. Отъ этой торговли выигрывали и купцы и казна, тогда какъ, по договору, вся выгода шла-бы въ пользу армянъ и персіянъ (С. Г. Гр. и Д. № 56 и 81). Правительство согласилось съ представителями торговаго класса и договоръ былъ отмѣненъ.

Въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича не было ни одного З. Собора, а изъ совѣщаній съ свѣдующими людьми замѣчательно совѣщаніе правительства съ выборными отъ служилыхъ людей по поводу пересмотра ратнаго устава. Подъ предсѣдательствомъ В. В. Голицына собрались выборные, чтобъ обсудить вопросъ о лучшемъ устройствѣ русскаго войска, въ виду того обстоятельства, что „въ мимошедшихъ воинскихъ бранѣхъ, — будучи въ бояхъ съ его государевыми ратными людьми — его государевы непріятели показали новые въ ратныхъ дѣлахъ вымыслы.“ Разсуждая, какъ бороться противъ этихъ непріятельскихъ „вымысловъ“, выборные предложили, вмѣсто прежняго дѣленія полковъ по сотнямъ, дѣленія по ротамъ, во главѣ которыхъ должны стоять „ротмистры и поручики“ „изо всѣхъ родовъ и чиновъ и межъ себя безъ мѣстъ и безъ подбору, кому въ какомъ чинѣ государь укажетъ.“ Это мнѣніе выборныхъ было утверждено Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ, приказавшимъ, кромѣ того, выборнымъ составить списокъ, „кому

быть ротмистрамъ и поручикамъ", для чего имъ дали списокъ тѣхъ лицъ, какія состояли уже въ стольникахъ, стряпчихъ, дворянахъ и жильцахъ. Выборные исполнили это порученіе, при чемъ били челомъ Государю во 1-хъ о томъ, чтобъ въ списокъ этотъ были внесены дѣти разныхъ знатныхъ родовъ, которыя въ немъ не значатся по причинѣ своихъ „малыхъ лѣтъ," чтобы имъ, выборнымъ, внесшимъ себя и своихъ родственниковъ въ названный списокъ, „впредь отъ тѣхъ родовъ въ попрёкѣ и укоризнѣ не быть", и во 2-хъ говорили въ челобитной, чтобъ, „для совершенной въ ратныхъ, въ посольскихъ и во всѣхъ дѣлахъ прибыли и лучшаго устроенія", Государь указалъ, „всѣмъ боярамъ и окольничьимъ и думнымъ людямъ и всѣмъ чинамъ быти на Москвѣ въ приказѣхъ и въ полкѣхъ у ратныхъ и у посольскихъ и у всякихъ дѣлъ и въ городахъ межъ себя безъ мѣстъ, гдѣ кому великій Государь укажетъ, и никому ни съ кѣмъ впредь разрядомъ и мѣсты не считаться, и разрядные случаи и мѣсты отставить и искоренить, что-бы впредь отъ тѣхъ случаевъ въ его государевыхъ ратныхъ и во всякихъ дѣлѣхъ помѣшки не было."

Когда это, богатое послѣдствіями, челобитье выборныхъ служилыхъ людей было доложено кн. Голицынымъ Царю, послѣдній назначилъ на 12 Января 1682 г. чрезвычайное „сидѣнье съ бояры", съ патріархомъ и другими духовными властями, окончившееся рѣшеніемъ уничтожить мѣстничество и сжечь разрядныя книги, на которыхъ основывались мѣстническіе счеты. „Соборное дѣяніе объ уничтоженіи мѣстничества "было подписано Царемъ, патріархомъ Іоакимомъ, Освященнымъ Соборомъ, членами Боярской Думы и 39-ю выборными отъ стольниковъ, генераловъ, полковниковъ, стряпчихъ, дворянъ и жильцовъ (всѣхъ подписей было 173). Дѣяніе это de iure уничтожило явленіе, игравшее громадную роль во всю исторію Московскаго государства и de facto уже умиравшее къ

концу XVII в., чѣмъ и объясняется, конечно, то единодушіе съ одной стороны и безучастіе, съ другой, какое при этомъ обнаружилось. Характерно, что и этотъ актъ вышелъ изъ иниціативы выборныхъ служилаго класса и при томъ тѣхъ низшихъ его разрядовъ, которые, давно видя вредъ мѣстничества, никогда, конечно, не могли сочувствовать ему, какъ послѣдней опорѣ политическаго значенія боярства, какъ сословія. Нѣтъ необходимости передавать всю сложную исторію мѣстничества съ XV по XVII в., — отмѣтимъ лишь тѣ черты этого явленія, какія имѣютъ цѣну во 2-й половинѣ XVII столѣтія. Мѣстническій распорядокъ сослужилъ громадную службу въ исторіи Москвы. Москва, поддерживая его долго и упорно въ лицѣ своей верховной власти, привязала къ себѣ крѣпкими цѣпями всю эту разнородную по составу, богатству и способностямъ родовую знать, сошедшуюся въ Кремль изъ прежнихъ, потерявшихъ свое политическое значеніе центровъ, и привязала потому, конечно, что каждый пришедшій зналъ, что его родовая честь не затеряется здѣсь, что если извѣстному лицу, какъ говорили грамоты, „невмѣстно стать“ вмѣстѣ съ другимъ, то ему дозволятъ встать, „гдѣ ему пригоже“. Нѣкоторые изслѣдователи думаютъ, что московское правительство сознательно поддерживало мѣстничество изъ дальновидной политики, чтобъ разбить боярство на отдѣльные круги. Но это едва-ли справедливо: скорѣе можно думать, что правительство долго шло въ этомъ вопросѣ, какъ почти во всемъ, по унаслѣдованнымъ историческимъ традиціямъ, не имѣя возможности разорвать связь съ ними. Это подкрѣпляется и тѣмъ соображеніемъ, что въ XVI—XVII в., когда запутались до чрезвычайности мѣстническіе споры и когда правительство особенно стало чувствовать себя связаннымъ мѣстничествомъ и на войнѣ и въ мирное время, оно все таки не могло порвать съ этимъ закоренѣлымъ обычаемъ, за который родовитое боярство, —

не съумѣвъ изъ смутъ междуцарствія и смѣны династіи создать себѣ твердое de iure положеніе (о попыткахъ достичь этого было уже говорено), — ухватилось, какъ за послѣдній оплотъ своего прежняго значенія, и противъ властолюбивыхъ притязаній верховной власти, и противъ „затирки“ его людьми худородными, наполняющими собою и Б. Думу и Приказы въ концѣ XVII в. „То ихъ смерть, что имъ безъ мѣстъ быть“, говорили о себѣ справедливо знатные люди еще вѣкомъ раньше. Легко понять все значеніе мѣстничества для служилаго класса: благодаря признанію его государствомъ, устанавливались извѣстныя нормальныя, съ точки зрѣнія родовой чести, служебныя отношенія, дававшія каждому опредѣленное мѣсто. Такъ извѣстно, что очень долго мѣста въ войскѣ не подлежали распредѣленію по волѣ власти, но каждое мѣсто было напередъ опредѣлено за извѣстнымъ лицомъ или лицами, по извѣстнымъ обычнымъ отношеніямъ этихъ мѣстъ между собою и по напередъ даннымъ, переходящимъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, мѣстническимъ отношеніямъ. Извѣстный изслѣдователь мѣстничества, Валуевъ, очень вѣрно рисуетъ положеніе дѣлъ, говоря, что верховная власть, особенно-же въ началѣ единодержавія Московскаго, рѣшала только миръ или войну, назначала извѣстный походъ или опредѣляла войску собраться тогда-то и тамъ-то: „войско-же само собою собиралось и становилось подъ знамена, не нуждаясь ни въ наборщикахъ, ни въ росписаніи, кому, гдѣ и какъ быть“ („Синбирскій Сборникъ“). Мѣстничество проявлялось во всѣхъ родахъ службы государству людей родовитыхъ, распространившись впослѣдствіи, по аналогіи, и среди людей совсѣмъ „неродословныхъ“, хотя сами эти неродословные люди были, между прочимъ, призываемы государями съ цѣлью избѣжать мѣстническихъ споровъ, какъ это было разъ заявлено: государь „для докуки и челобитья (т. е. вслѣдствіе докуки и пр.)

велѣлъ изъ меньшихъ статей выбирати“ . . . людей для своей службы. Подъ вліяніемъ мѣстничества образовался рядъ служилыхъ знатныхъ родовъ, которые, хотя и могли быть иногда совсѣмъ не выше всѣхъ другихъ по породѣ или по старшинству, но которые успѣли путемъ прохожденія по высшимъ разряднымъ ступенямъ службы опередить, затереть послѣднихъ. Котошихинъ указывалъ въ XVII в на „роды, которые бываютъ въ боярѣхъ, а въ окольничихъ не бываютъ“ и на „роды меньше тѣхъ, которые бываютъ въ окольничихъ и боярахъ“ и т. д. Въ теченіи двухъ вѣковъ московское правительство стремилось сокращать случаи примѣненія мѣстничества и прежде всего, конечно, въ военныхъ дѣлахъ. Но издававшіяся общія распоряженія, въ родѣ того, что всегда большой воевода (т. е. воевода большаго полка) меньшему воеводѣ помогаетъ „и въ томъ всегда мѣстъ не бываетъ“ и т. д., не приводили ни къ какимъ результатамъ, ясно доказывая, что искони сложившійся порядокъ былъ сильнѣе людей, понимавшихъ его вредъ.

Послѣ этого историческаго обзора дѣятельности отдѣльныхъ земскихъ соборовъ и изображенія важнѣйшихъ результатовъ ихъ совѣщаній, обратимся къ вопросу о причинахъ исчезновенія учрежденія.

Призывая выборныхъ всей земли нѣсколько разъ въ первые годы своего царствованія, Алексѣй Михайловичъ не обращался къ нимъ уже въ послѣдніе 23 года царствованія (т. е. съ 1653 г. по 1676 г.), совѣтуясь время отъ времени, какъ мы видѣли, только съ отдѣльными выборными изъ свѣдующихъ людей. Тоже дѣлаетъ его сынъ Ѳедоръ. По смерти Ѳедора, два раза пытаются созвать З. Соборъ и оба эти раза этотъ созывъ является фиктивнымъ, хотя акты и утверждаютъ противное. Въ 1-й разъ этотъ созывъ происходитъ 27 Апр. 1682 г., послѣ кончины Ѳедора Алексѣевича, съ цѣлію рѣшить, кому изъ двухъ братьевъ — Петру или Іоанну царствовать. Харак-

терно, что Соборъ былъ собранъ въ тотъ-же день, когда патріархъ обратился къ собранію духовенства и боярамъ съ вопросомъ, кому изъ царевичей царствовать, и именно былъ созванъ потому, что собраніе, имѣвшее въ своей средѣ приверженцовъ царевны Софьи, стоявшихъ за Іоанна, и приверженцевъ Петра, не пришло ни къ какому рѣшенію и опредѣлило, что необходимо „тому избранію быти общимъ согласіемъ всѣхъ чиновъ Московскаго государства людей", т. е., иначе говоря, рѣшеніе должно принадлежать избирательному З. Собору. Но уже самый созывъ Собора на тотъ-же день, когда было рѣшено отдать дѣло избранія Собору, показываетъ, что послѣдній былъ фикціей, ибо созывалась просто толпа людей безъ выборовъ, безъ всякой правильной организаціи, обычной на Москвѣ, при настоящихъ Соборахъ, и толпа, конечно, состоявшая только изъ тѣхъ лицъ, какія были нужны здѣсь въ интересахъ той или иной партіи. „Всякихъ чиновъ люди", по соборному акту, до насъ дошедшему, (Соб. Г. Г. и. Д. IV, № 132) единогласно рѣшили вопросъ въ пользу Петра; изъ другихъ источниковъ извѣстно, что были голоса и за Іоанна, ссылавшіеся на его „первенство". Во всякомъ случаѣ этотъ Соборъ, — какъ и слѣдующій за нимъ фиктивный Соборъ 26 Мая 1682 г., весьма искусно составленный царевною Софьею такъ, что на немъ разные члены Московскаго государства заявили о желаніи видѣть на престолѣ вмѣстѣ съ ц. Петромъ и ц. Іоанна, — свидѣтельствуютъ ясно, что учрежденіе, къ которому еще прибѣгали изъ эгоистическихъ цѣлей, отжило свой вѣкъ и отъ него осталась только одна формула въ актахъ, такъ какъ и сама форма уже не прилагалась, ибо вмѣсто выборныхъ являлась здѣсь случайная толпа москвичей и иногородцевъ, бывшихъ случайно-же въ Москвѣ, а вмѣсто оповѣщенія „всей земли" — лишь сборище тѣхъ, кого нашли нужнымъ собрать, и т. д.

Если вспомнить о той роли, какую играли З. Соборы въ XVI в., если возобновить въ памяти факты

ихъ дѣятельности въ половинѣ XVII-го вѣка, по созданію Уложенія, по вопросу о Малороссіи, и пр., то естественно задаться вопросомъ, отчего къ концу вѣка вымерло учрежденіе, еще въ началѣ царствованія Алексѣя Мих. столь жизненное и плодотворно дѣйствовавшее? Вопросъ этотъ разрѣшается въ наукѣ далеко не единообразно и далеко при томъ не съ тою ясностью, какую требуетъ его важность. Причина этого частію заключается въ неполнотѣ нашихъ свѣдѣній о З. Соборахъ вообще, а частію въ томъ, что изслѣдователю трудно вполнѣ отказаться отъ субъективныхъ взглядовъ при рѣшеніи вопроса, трудно войти глубоко въ кругъ тѣхъ понятій и отношеній, которыя когда-то дѣйствовали и обусловливали извѣстное значеніе изучаемаго учрежденія. Вопросъ о причинахъ исчезновенія З. Соборовъ естественно связанъ съ другимъ вопросомъ — о значеніи учрежденія. Послѣднее мы частію поймемъ, когда обратимся къ фактамъ изъ дѣятельности З. Соборовъ. По мнѣнію однихъ ученыхъ, — З. Соборы исчезли „не вслѣдствіе сословной розни и опасеній монарховъ, а просто вслѣдствіе внутренняго ничтожества. Кратковременная роль ихъ было кончена, они не могли дать правительству ни помощи, ни совѣта“ (Чичеринъ — „О народномъ представительствѣ,“ гл. V). Но Уложенный Соборъ, гдѣ не только даны были правительству многіе совѣты, но гдѣ эти совѣты, какъ и на другихъ Соборахъ, были правительствомъ благоразумно приняты; но Соборы при Михаилѣ Ѳеод., гдѣ давались обильныя средства государю, по приговору Соборовъ, и хлѣбомъ, и „даточными“ людьми, и деньгами — лучше всего опровергаютъ это мнѣніе, наиболѣе крайнее изъ всѣхъ мнѣній отрицательнаго характера о З. Соборахъ. Не выдерживаютъ, кажется, научной критики и тѣ мнѣнія, которыя хотятъ видѣть въ З. Соборахъ представительныя учрежденія западнаго типа, хотя-бы и въ

зародышевомъ состояніи. По формамъ своей организаціи З. Соборы, дѣйствительно, подходятъ внѣшне подъ типы тѣхъ сословныхъ собраній, какъ états généraux, средневѣковой англійскій парламентъ, какіе были на Западѣ, но разнятся отъ нихъ глубоко одной основной чертою: въ дѣятельности З. Соборовъ не было ничего враждебнаго монархическому принципу, какъ это было въ дѣяніяхъ французскихъ генеральныхъ штатовъ XIV-XV вв., стремившихся расширить свою власть на счетъ королевской власти, не было ничего похожаго на ту борьбу за политическія гарантіи, какая въ Англіи уже въ началѣ XIII в. приводитъ къ Magna Charta libertatum. Надо отмѣтить эту основную черту земскихъ нашихъ Соборовъ, такъ какъ только вдумываясь въ ея значеніе, можно яснѣе понять и истинное значеніе З. Собора. Наши Соборы никогда не были политическою силою, съ которою должны были юридически считаться представители власти. И не были прежде всего потому, что сама эта власть покоилась на патріархальныхъ, частно-правныхъ основаніяхъ, при которыхъ все ведется, все строится по началамъ обычая и „пошлины“ и при которыхъ люди мало думаютъ о юридическомъ смыслѣ учрежденія, прибѣгая къ нему болѣе всего, въ виду тѣхъ практическихъ удобствъ, какія оно даетъ имъ. Съ точки зрѣнія этихъ удобствъ, Соборы чаще всего созываются тогда, когда потребность въ общемъ мнѣніи, въ помощи деньгами, или какъ-либо иначе, сильнѣе чувствуется государями; рѣже всего, когда можно съ ходомъ государственнаго дѣла справиться самимъ, когда ходъ этотъ ясенъ для правителей въ своемъ направленіи. Примѣръ — царствованіе Михаила Ѳеод., когда Соборы созывались постоянно, потому, что государство нуждалось и въ совѣтахъ, и въ средствахъ, а то и другое обильно давалось выборными, и вторая половина царствованія Алексѣя Мих., когда государство, достаточно окрѣпнувъ, не находило нужнымъ

прибѣгать къ созыву Соборовъ. Обиліе противорѣчивыхъ, то слишкомъ возвышающихъ, то совершенно отрицающихъ значеніе Собора, мнѣній, на нашъ взглядъ, происходитъ главнымъ образомъ оттого, что трудно различается въ данномъ вопросѣ сторона права и сторонафакта. Съ 1-ой, дѣйствительно, Соборы учрежденія, лишенныя силы, со 2-ой — чрезвычайно важныя. Давно замѣченная нелюбовь русскаго человѣка къ формамъ, къ строгимъ опредѣленіямъ права, сказалась, между прочимъ, въ томъ, что наши правовые институты и въ жизни доселѣ еще очень измѣнчивы, индивидуальны, а въ исторіи часто не обставлены de iure никакими гарантіями прочности. Примѣръ перваго дается нашимъ обычнымъ правомъ. Когда члены извѣстной комиссіи сенатора Любощинскаго объ изслѣдованіи волостныхъ судовъ спрашивали въ 1873—74 г.г. судей-крестьянъ, какіе обычаи существуютъ у нихъ, напр., по наслѣдству и т. д., то получали отвѣтъ: „какіе у насъ обычаи, судимъ, глядя по человѣку“. Очень ошибется, конечно, тотъ, кто приметъ буквально этотъ отвѣтъ и подумаетъ, что у народа нѣтъ яснаго представленія объ извѣстныхъ обычаяхъ, какъ общихъ правовыхъ нормахъ, потому-же наслѣдству. Но отвѣтъ очень характеренъ потому, что вскрываетъ намъ ту необыкновенную индивидуализацію права, при которой, примѣняя извѣстную норму, стараются ее примѣнить „глядя по человѣку,“ то непониманіе, ту нелюбовь русскаго человѣка къ ius strictum, какъ къ чему-то неизбѣжно, и хотя формально, но всегда-дѣйствующему, какая выработалась у него вѣками. Въ исторіи такое учрежденіе, какъ Земскій Соборъ, долго дѣйствуетъ, къ нему считаютъ себя нравственно обязанными прибѣгать представители власти. Чего-же лучше? „Неюридическая область доброй вѣры“ была дороже правовой формулы, разъ ей подчиняются и власть и подданные, подчиняются потому, что живутъ сами болѣе по началамъ морали, чѣмъ права (хотя, несомнѣнно, что, при

такомъ типѣ отношеній, разъ одна изъ сторонъ отказывается подчиняться, легко теряется и само учрежденіе). Разсматриваемые съ точки зрѣнія факта, З. Соборы представляются учрежденіями высокаго значенія, далеко превосходящими учрежденія чисто-совѣщательнаго характера, какими ихъ представляютъ. Конечно, московскіе государи могли не обращаться къ совѣтамъ Соборовъ или, обращаясь къ нимъ, могли поступать не по этимъ совѣтамъ, а по своему, но такъ не повелось въ дѣйствительности, и разъ они обращались, то, обыкновенно, и слѣдовали имъ. По характерному выраженію пр. Сергѣевича, рядомъ съ своимъ правомъ дѣйствовать и помимо Соборовъ, московскіе государи, признаютъ, „что-то и за народомъ, въ силу чего и обращаются иногда къ его согласію.“ „Съ исторической точки зрѣнія,“ добавляетъ В. И. Сергѣевичъ, „это что-то есть несомнѣнно слабый остатокъ порядковъ княжеской эпохи, когда князь и народъ, по особенностямъ быта того времени, находились въ непосредственныхъ другъ къ другу отношеніяхъ.“ Хотя мнѣніе о преемственной связи между Соборомъ и вѣчемъ нѣкоторыми учеными и оспаривается, въ виду того, что между этими учрежденіями прошли цѣлые вѣка ничѣмъ ненаполненнаго промежутка, его, въ общемъ, нельзя не признать справедливымъ, какъ нельзя не согласиться, что de facto Соборы были иногда больше, чѣмъ совѣщательныя учрежденія. Мы уже не говоримъ здѣсь объ избирательно-учредительныхъ Соборахъ конца XVI и начала XVII вв., созывавшихся нетолько для „обранія на престолъ“ Государя, но и олицетворявшихъ собою идею верховной власти въ эпохи междуцарствія. Нѣтъ, и тѣ полные соборы, которымъ, обыкновенно, въ литературѣ дается наименованіе „совѣщательныхъ“ Соборовъ, не ограничивались иногда одними совѣтами, но въ почтительной формѣ челобитій, заявляли свои нужды, предлагали свои проекты (какъ это напр., особенно выразилось на Уложенномъ Соборѣ) и раскры-

вали смѣло и ясно передъ царемъ язвы общественной жизни, то жалуясь на волокиту въ судахъ и на лихоимство воеводъ и дьяковъ, то прося объ уравненіи службъ и податей, то указывая на привилегіи духовенства и бояръ, вредныя остальнымъ классомъ [1]) и пр. Это великое, право духовной свободы, другими словами: свободы мысли и слова, бывшее на Москвѣ, какъ справедливо сказалъ К. С. Аксаковъ, „неотъемлемымъ правомъ земли“, утрачивается почти совсѣмъ въ періодъ нашей новой исторіи XVIII вѣка, и въ этомъ нельзя не видѣть нѣкотораго попятнаго движенія. — Нельзя также не сказать, что мы убогіе, мало извѣстные древнимъ народамъ, заброшенные въ уголъ вселенной (какъ характеризовалъ русскихъ XVI вѣка Курбскій), не были, однако, уже совсѣмъ бѣдны въ исторіи политическою мыслію и выработали весьма удачную, для своего времени, комбинацію государственныхъ и общественныхъ силъ.

То широкое значеніе, чисто, впрочемъ, повторяемъ, фактическое, и только нравственно-обязательное, какое имѣли Соборы на Москвѣ, уясняетъ намъ частію и причину ихъ исчезновенія. Когда государство достаточно окрѣпло, и верховная власть достаточно выросла

---

1) Къ извѣстнымъ уже примѣрамъ, можно добавить еще нѣсколько: на Азовскомъ Соборѣ, напр., посадскіе люди говорятъ Царю: „а торжишки, Государь, стали у насъ гораздо худы, потому что всякія наши торжишки на Москвѣ и въ городахъ отняли иноземцы; а въ городахъ всякіе люди обнищали и исхудали до конца отъ твоихъ государевыхъ воеводъ.“ Городовые дворяне, разсуждая о средствахъ для войны, между прочимъ, просятъ обложить налогами „противъ ихъ домовъ и пожитковъ“ (т. е. сообразно съ цѣнностью домовъ и имущества) дьяковъ и подъячихъ, которые .... „твои Государевы дьяки и подъячіи, пожалованы жалованіемъ .... и обогатѣвъ многимъ богатствомъ неправеднымъ своимъ мздоимствомъ и покупили многія вотчины и домы свои состроили многіе, палаты каменныя такія, что неудобь сказаемыя .... При прежнихъ Государяхъ и у великородныхъ людей такихъ домовъ не бывало“. (С. Гос. Гр. и Дог. Т. III, № 113).

и вышла изъ-подъ опеки строго сложившагося и крѣпкаго патріархальнаго порядка, когда она этому порядку могла противопоставить иные чужіе порядки, не имѣвшіе ничего подобнаго московскому, когда, наконецъ, свобода слова выборныхъ, направленная противъ правящихъ классовъ, стала послѣднимъ казаться надоѣдливой, съ Соборами разстались. Нѣкоторые ученые держатся той мысли, что Соборы перестали созываться именно потому, что Алексѣю Мих. внушена была мысль о ненужности учрежденія и внушена была, конечно, духовенствомъ, боярами и ближними людьми, правительственную дѣятельность которыхъ обличали выборные, требуя иногда и ограниченія ихъ привилегій (Сергѣевичъ). Это мнѣніе, кажется, вѣрно, но съ тою оговоркою, что дѣятельность выборныхъ, дѣйствительно не нравилась правящимъ классамъ въ XVII в. (тогда какъ въ XVI в. были извѣстны приверженцы З. Соборовъ и среди бояръ [1]), и что она могла быть представлена слабому Алексѣю Мих. или его сыну ненужною [2]).

---

1) Это видно, между прочимъ, изъ тѣхъ указывавшихся мною уже попытокъ политическаго договора съ государями, которыя исходили отъ бояръ и въ которыхъ удѣлялась извѣстная, согласная „съ московскимъ обычаемъ“, роль и З. Собору. У Курбскаго встрѣчается такое мѣсто, обыкновенно понимаемое въ смыслѣ признанія значенія З. Собора: „Царь, аще и почтенъ царствомъ, а дарованій которыхъ отъ Бога не получилъ, долженъ искати добраго и полезнаго совѣта не токмо у совѣтниковъ (т. е. у боярства), но и у всенародныхъ человѣкъ, (т. е. у З. Собора), понеже даръ духа дается не по богатству внѣшнему и не по силѣ царства, но по правости душевной“.

2) Оригинальный, хотя, по нашему мнѣнію, и невполнѣ вѣрный взглядъ высказывается въ „Обзорѣ исторіи русск. права“ пр. М. Ф. Владимірскаго-Буданова (стр. 194). По мнѣнію проф. Вл.-Буданова „причина прекращенія созыва Соборовъ заключается въ реформаторскомъ направленіи дѣятельности правительства, въ которой оно не надѣялось найти сочувствія и поддержки населенія“. Но, во 1-хъ такая дѣятельность въ своемъ рѣзкомъ, возбуждавшемъ неудовольствія части населенія, видѣ началась очень долго спустя по прекращеніи созыва З. Соборовъ; во 2-хъ, вся исторія З. Соборовъ говоритъ противъ косности этихъ учрежденій, противъ ихъ стремленія мѣшать разумнымъ мѣрамъ правительства. Трудно сказать, какъ-бы отнеслись З. Соборы къ нѣкоторымъ мѣрамъ Петра

Скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ о внутренней организаціи З. Соборовъ. Наши З. Соборы были представительными собраніями сословнаго характера, причемъ духовенство, высшіе разряды служилыхъ лицъ и придворныхъ чиновъ (какъ, напр., конюшій, дворецкій, казначей и др.) обыкновенно члены Боярской Думы, являлись на Соборахъ лично — безъ выбора, а низшіе разряды служилыхъ людей (начиная со стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ и пр.) также, какъ и всѣ разряды тяглыхъ людей, призывались по выборамъ (примѣры этого мы видѣли на многихъ Соборахъ). Случалось, что выборные и члены Освященнаго Собора и Б. Думы дѣлились на двѣ палаты, отдѣльно засѣдавшія.

Совѣщаніи и выработка отвѣтовъ на правительственные вопросы, обыкновенно, производились по разрядамъ выборныхъ, или „по чинамъ“, какъ тогда говорили. Сами-же отвѣты давались, или сообща отъ всего Собора въ цѣломъ, или также отъ отдѣльныхъ группъ; послѣднее, обыкновенно, предписывалось государями въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ именно нужно было знать мнѣніе отдѣльной группы населенія. Такъ на Соборѣ 1566 г. отдѣльныя группы соборныхъ людей, подавая свои мнѣнія, заявляютъ въ нихъ, что „межи себя говорили“ о дѣлѣ и пришли къ такому-то рѣшенію. Въ Актѣ объ Азовскомъ Соборѣ 1642 г. читаемъ: „Государь указалъ стольникамъ объ Азовѣ помыслить накрѣпко и ему Государю мысль свою объявити“; или: „велѣно Московскимъ дворянамъ говорити и мыслити . . . . о пріимкѣ у донскихъ атамановъ и казаковъ города Азова“. Наоборотъ, есть мнѣнія, поданныя вмѣстѣ: такъ въ актѣ Собора 1618 г. читаемъ: „И Государю Ц. в. к. Михаилу Ѳеод. гово-

---

В., если-бы при немъ были Соборы созываемы; возможно — что и отрицательно. Но и Петръ В. прежде всего не обращался къ нимъ, кажется, потому, что считалъ себя одного вполнѣ сильнымъ для проведенія своихъ реформъ.

рили на соборѣ митрополиты, архіепископы и бояре .... и всякихъ чиновъ люди Моск. государства, что они“.... и т. д. Но, призывая выборныхъ отъ различныхъ разрядовъ и классовъ населенія, правительство, однако, считало необходимымъ имѣть на Соборѣ представительство всей земли, что видно изъ самой терминологіи актовъ. Такъ Михаилъ Ѳеод. совѣщается „съ людьми всякихъ чиновъ всего Московскаго государства“ (С. Г. Г. и Д., III, № 57); избирательный Соборъ 1613 г. наз. Соборомъ „всякихъ людей всякихъ чиновъ всего Россійскаго царствія“; въ царской грамотѣ 1615 г. говорится, что „по нашему указу и всей земли приговору велѣно со всякихъ городовъ сбирати деньги“; посламъ къ императору Австрійскому предписывается сказать, что у русскихъ никогда не было мысли объ избраніи на московскій престолъ его брата, и въ доказательство того, что кн. Пожарскій не могъ дѣлать такого предположенія, какъ это на него взводили, говорится: „а то вамъ думнымъ людямъ (т. е. думнымъ австрійскимъ людямъ) мочно и самимъ разсудити, что и не такое великое дѣло безъ совѣту всей земли не дѣлается“. (С. Г. Гр. и Дог., III, стр. 68). Такимъ образомъ, призывая по возможности, всѣ отдѣльныя группы населенія на З. Соборъ, правительство понимаетъ важное значеніе рѣшенія всей земли, что и выражается въ терминологіи соборныхъ актовъ. Само это представительство всей земли, было, конечно, несовершенно, но важно, что была идея о необходимости его [1]). Избирательною единицею былъ городъ съ уѣздомъ (кромѣ Новгорода), причемъ большіе, по населенности и пр., города присылали и бо́льшее число выборныхъ, чѣмъ

1) Начало выборное было болѣе ярко представлено на Соборахъ XVII вѣка, чѣмъ на соборахъ XVI столѣтія, гдѣ оно уступало мѣсто, по утвержденію проф. Ключевскаго, призыву извѣстныхъ лицъ самимъ правительствомъ: „Соборъ XVI вѣка былъ“, по утвержденію автора, „нестолько законодательный совѣтъ власти съ народомъ, сколько административно-распорядительный уговоръ правительства съ своими органами“.

малонаселенные (иногда даже больше, чѣмъ требовалось); а такъ какъ опредѣленіе понятія „малаго и большаго“ города не было, въ законѣ, то оно опредѣлялось воеводами или избирателями. Впрочемъ, число выборныхъ невсегда опредѣлялось, а иногда отдавалось на усмотрѣніе жителей прислать, „поскольку человѣкъ пригоже“. Конечно, объясняется это тѣмъ, что число выборныхъ не могло играть важной роли на Соборахъ, такъ какъ рѣшенія по голосамъ на Соборахъ не было (оттого-то „лишніе“ выборные допускаются на Соборы охотно). Правительство, не считало далѣе необходимымъ непремѣнное присутствіе de facto всѣхъ „чиновъ“ отъ всѣхъ пунктовъ населенія. Это во 1-хъ не было всегда возможно при тогдашнихъ путяхъ сообщенія и пр., а во 2-хъ, и не считалось всегда особенно-важнымъ: жизнь была проста, общіе московскіе порядки болѣе или менѣе проникали всюду и, напр., низшій служилый чинъ или посадскій отъ одной изъ подмосковныхъ мѣстностей легко могъ быть представителемъ цѣлаго района этихъ мѣстностей, въ общихъ вопросахъ. Больше всего и лучше всего была представлена, обыкновенно, на Соборахъ Москва, какъ государственно-экономическій центръ Московіи.

Выборы производились такъ. Воевода, или губной староста, получивъ „призывную“ грамоту, обыкновенно собиралъ въ церкви или губномъ станѣ народъ для выборовъ, причемъ требовалось избрать, какъ гласили, обыкновенно грамоты, „лучшихъ людей“, или „добрыхъ и смышленыхъ людей“, которымъ „государевы и земскія дѣла за обычай“, „добрыхъ и разумныхъ постоятельныхъ людей, съ которыми можно-бы было говорить“, „которые умѣли-бы разсказать обиды, насильства и разоренье и чѣмъ Московскому Государству полниться и ратныхъ людей жаловать, и умѣли-бы устроить Московское государство, чтобъ всѣ пришли въ достоинство . . .“ (А. А. Эк. №№ 27, 77, 105. С. Г. Гр. и Дог., Ш, № 113; Латкинъ „Матеріалы“ стр. 92 сл.). Выборы

происходили по разрядамъ, или „по чинамъ“, т. е. каждый разрядъ избирателей выбиралъ представителя отъ себя и изъ своей среды. Принадлежность къ извѣстному „чину“ обусловливала и право выбирать, и право быть избраннымъ (т. е. такъ наз. активное и пассивное избирательное право). Единственнымъ цензомъ былъ цензъ нравственный. Когда выборы были произведены, то составлялся объ этомъ и подписывался всѣми ихъ протоколъ, или, выражаясь языкомъ памятниковъ, „выборы за руками.“ Единственный дошедшій до насъ протоколъ составленъ такъ: „Лѣта 7159, Февр. 15 . . . . . по Государевѣ . . . . . грамотѣ новосильцы дворяне и дѣти боярскіе (слѣдуютъ ихъ многочисленныя фамиліи) . . . . выбрали новосильцевъ: Прокофья Потапова сына Савенка, да Ивана Кирѣева сына Головина для Государева царственнаго, великаго земскаго и литовскаго дѣла. И тѣ новосильцы . . . къ тому дѣлу годны и смышлены и сколько ихъ будетъ, то намъ и выборъ.“ (Латкинъ „Матеріалы“ стр. 90). Воеводамъ запрещалось вмѣшиваться въ выборы, и есть примѣры наказанія ихъ за неисполненіе этого. Есть данныя предполагать, что выборные получали „наказы отъ избирателей; къ сожалѣнію, подлиннаго наказа не дошло до насъ ни одного. Выборные отправлялись на Москву „съ запасами“ отъ общества, а также иногда получали и отъ правительства „жалованье“ [1]).

1) Въ такъ наз. „памяти“ дьяку Богдану Силину отъ 17 января 1649 г., между прочимъ, сказано: „да въ нынѣшнемъ въ 157 г., генваря въ 17 день Хвалимера Шатилова, да Федора Колупаева пожаловалъ государь: велѣлъ имъ своего государева денежнаго жалованья придачи учинить, къ прежнимъ ихъ окладамъ, по 5 рублей человѣку, за то, что они въ нынѣшнемъ въ 157 году, (т. е. 7157 г. или 1649 г.) по выбору Одоевскихъ всякихъ чиновъ людей были на Москвѣ для государевыхъ и земскихъ дѣлъ въ приказѣ съ боярыи (т. е. дѣлами вмѣстѣ съ ними то, что послѣднимъ было приказано дѣлать), съ княземъ Н. И. Одоевскимъ, да со княземъ С. В. Прозоровскимъ да съ окольничемъ со княземъ Ф. Ф. Волконскимъ и съ дьяками“, а этимъ всѣмъ лицамъ было поручено

Очень трудно судить по тѣмъ немногимъ фактамъ, какіе дошли до насъ, какъ относились русскіе люди къ присылкѣ выборныхъ, считали-ли они это своимъ драгоцѣннымъ правомъ, или только тяжелой обязанностью. Если судить по тому, что очень многіе города довольно часто не пользовались этимъ правомъ и не присылали выборныхъ на Соборы, а воеводы не могли иногда собрать избирательныхъ съѣздовъ, то придется принять 2-е положеніе, находящее себѣ, можетъ быть, объясненіе и въ бѣдности страны, и въ дальности и неудобствѣ сообщеній и т. д., вслѣдствіе чего всякое право является непремѣнно тяжелой обязанностью (хотя не надо забывать, что были города, какъ мы говорили, присылавшіе выборныхъ въ обильномъ, даже лишнемъ сверхъ требованія, количествѣ). Созываясь по волѣ государей, по мѣрѣ надобности, безъ опредѣленныхъ сроковъ, и также распускаясь, Соборы, по отношенію къ объему своей компетенціи, являются учрежденіями очень колеблющимися. Чаще всего къ нимъ обращаются, когда государственная казна пуста и правительство затрудняется найти средства для ея наполненія. Затѣмъ они созываются, какъ „для устроенія земли“ внутри, понимая подъ этимъ и избраніе государя изъ новой династіи и пересмотръ законодательства, какъ Соборъ 1648., совѣщаніе 1682 г. и др., и успокоенія населенія отъ мятежа (Соборы 1649, 1650 г. и др.), такъ и для рѣшенія вопросовъ внѣшней политики, какъ это было по вопросу объ Азовѣ (1642 г.) и Малороссіи (1653) и др. Всякое серьезное обстоятельство, нарушавшее мирное теченіе государственной жизни [1]),

собрать матеріалы для Соборнаго Уложенія и составить проектъ его. Есть также свѣдѣнія, что выборные подавали царю челобитья о выдачѣ „жалованья“ за свое участіе въ Земскихъ Соборахъ.

1) По поводу созыва Уложеннаго Собора патріархъ Никонъ высказалъ, между прочимъ, такое мнѣніе: „и то всѣмъ вѣдомо, что Соборъ былъ не по волѣ, — боязни ради междуусобія отъ всѣхъ черныхъ людей, а не истинныя правды ради“.

понуждало правительство созывать представителей земли, чтобъ найти среди нихъ и совѣтъ, и помощь, и указаніе на средства избѣгнуть затрудненія или исправить извѣстное зло. Чѣмъ больше подвигается изученіе источниковъ права, тѣмъ болѣе выясняется вся важность роли Соборовъ и челобитій выборныхъ въ жизни Московскаго государства. Возможность непосредственнаго сношенія съ народомъ верховной власти спасала Москву XVI—XVII вѣковъ отъ многихъ бѣдъ, такъ какъ давала средства знать интересы и нужды страны.

Глава III.

Населеніе.

§ 1.

Служилые люди Московскаго государства.

(Раздѣленіе населенія Московскаго государства на группы. Закрѣпощеніе вольныхъ дружинниковъ на службу государству. Основные моменты развитія института государственной службы. Общій характеръ власти московскихъ государей и отношенія къ своимъ слугамъ. Значеніе придворныхъ чиновъ на Западѣ Европы и у насъ въ вопросѣ объ организаціи государственной службы; связь „должности“ съ „чиномъ“. Устройство государева двора. Необходимость службы. Отдѣльные разряды служилыхъ людей; значеніе слова „чинъ“; лѣстница „чиновъ“. Права служилыхъ людей.)

Ко времени окончательнаго сложенія власти московскихъ государей во власть единую и самодержавную, свободное населеніе Московской Руси представляется раздѣленнымъ на нѣсколько болѣе и менѣе обособленныхъ группъ, отличающихся другъ отъ друга во 1-хъ по тому тяглу, которое онѣ несутъ въ пользу государства и во 2-хъ по тѣмъ правамъ, которыми онѣ

владѣютъ. Группы эти, не будучи еще вполнѣ и строго-сословными группами, превращаются затѣмъ, во второй половинѣ XVIII вѣка, уже въ сословія, т. е., въ такія общественныя подраздѣленія, которыя, въ силу закона, обладаютъ извѣстными правами и привилегіями, отличающими ихъ отъ другихъ группъ. Въ XVI—XVII вѣкахъ всѣ эти группы еще закрѣпощены на службу государству, всѣ одинаково тяглы, что и выражается въ томъ, что всѣ онѣ несутъ извѣстныя обязанности въ пользу государства, а эти обязанности, въ свою очередь, обусловливаютъ ихъ положеніе и права въ государствѣ. Такими группами являются на Москвѣ служилые люди, городскіе посадскіе люди и крестьяне, при чемъ каждая изъ этихъ группъ подраздѣляется, какъ это будетъ отмѣчено въ своемъ мѣстѣ, на нѣсколько отдѣльныхъ разрядовъ, или „чиновъ“. Въ XVIII вѣкѣ происходитъ процессъ постепеннаго освобожденія отдѣльныхъ группъ населенія отъ наложеннаго на нихъ особаго государственнаго тягла, при чемъ, въ свою очередь, права и обязанности этихъ группъ (первоначально, конечно — только права и привилегіи дворянства) не стоятъ уже ни въ какой связи съ обязанностями этой группы передъ государствомъ и превращаются поэтому въ чисто-сословныя. Разсмотримъ кратко положеніе каждой изъ указанныхъ группъ населенія XV—XVII вѣковъ и прежде всего остановимся на такъ наз. служиломъ классѣ, или „служилыхъ людяхъ“ Московскаго государства.[1])

1) Важнѣйшая литература вопроса: Н. П. Загоскинъ „Очерки организаціи и происхожденія служилаго сословія въ допетровской Руси“ (К., 1875 г.); Н. П. Павловъ-Сильванскій „Государевы служилые люди. Происхожденіе русскаго дворянства“ (С.-П., 1898 г.); С. В. Рожественскій „Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ XVI вѣка“ (С.-П., 1897 г.); В. И. Сергѣевичъ „Русскія юридическія древности“, т. I, изд. II (С.-П., 1902 г.).

Договорныя отношенія между древнимъ княземъ и его дружиною, съ вытекавшею изъ этихъ отношеній товарищескою дружескою связью и правомъ свободнаго отъѣзда изъ одного княжества въ другое, при постепенномъ соединеніи удѣловъ подъ властію московскихъ государей и при усиленіи ихъ могущества, естественно, должны были смѣниться другими, болѣе соотвѣтствующими измѣнившимся обстоятельствамъ, отношеніями: иная, по типу, власть требовала и иныхъ слугъ себѣ. Намъ уже приходилось касаться вопроса о томъ, какъ боролась Москва съ правомъ свободнаго отъѣзда прежнихъ дружинниковъ. Окончательное уничтоженіе этого права отъѣзда должно было, въ концѣ концовъ, привести къ закрѣпощенію служилаго класса, этихъ вольныхъ когда-то людей. Затѣмъ, могущественнымъ средствомъ къ реорганизаціи положенія этого класса на Москвѣ явилась еще такъ наз. помѣстная система землевладѣнія, обязывавшая, получившаго отъ государя помѣстье, служить за него. Для лица, получившаго помѣстье, или для помѣщика, создавалось особаго вида государственное тягло, крѣпко его связывавшее, а именно тягло личной службы, въ соотвѣтствіе которому создались и извѣстныя его права на землю и сидящихъ на нихъ крестьянъ. Это измѣненіе положенія прежнихъ дружинниковъ приводитъ къ измѣненію характера самой службы на Москвѣ.

Государственная служба и ея организація имѣетъ свою длинную исторію, но главные ея моменты сводятся къ слѣдующему. Въ первоначальныя эпохи государственной жизни, когда верховная власть слаба, эта служба организуется, какъ мы уже знаемъ, въ формѣ личнаго соглашенія свободнаго дружинника съ княземъ-вождемъ, какъ таковымъ. Затѣмъ наступаетъ второй основной моментъ въ развитіи идеи государственной службы — это пониманіе службы, какъ личной повинности (и при томъ повинности пре-

имущественно одного только класса) нести извѣстный родъ службы (военной и придворный, по преимуществу). Эта служба несется первоначально государю (откуда ея наименованіе въ памятникахъ права „государева служба"), а затѣмъ государству, когда понятіе послѣдняго уже развивается настолько, что государство начинаетъ мыслиться, какъ нѣчто абстрактное. Наконецъ, третій моментъ, полное развитіе котораго встрѣчается уже въ новое время, это моментъ пониманія государственной службы, какъ свободнаго соглашенія извѣстнаго лица съ государствомъ. При такомъ пониманіи института государственной службы, извѣстное лицо несетъ предъ государствомъ извѣстныя обязанности столь долго и постольку, поскольку оно вызвалось ихъ нести, при чемъ, говоря вообще и не касаясь возможныхъ исключеній изъ этого основнаго начала, государство, принимая данное лицо на службу, заранѣе и de jure опредѣляетъ какъ его права, такъ и обязанности по службѣ. Интересно еще замѣтить, что указанные основные моменты развитія государственной службы наблюдаются въ исторіи этого института нетолько у насъ, но и на Западѣ Европы, лишній разъ подтверждая, что одинаковыя причины (въ данномъ случаѣ — усиленіе началъ централизаціи и развитія верховной власти государей) приводятъ къ одинаковымъ слѣдствіямъ. Московская Русь знаетъ государственную службу въ ея второмъ моментѣ (какъ повинность государству). Въ XVIII вѣкѣ происходитъ постепенное раскрѣпощеніе отдѣльныхъ группъ, несущихъ ту или другую службу, и организація службы ввидѣ свободнаго соглашенія съ государствомъ.

Намъ уже приходилось указывать на частно-правный гражданскій характеръ отношеній московскихъ государей къ служилому классу, къ своимъ „государевымъ слугамъ и холопямъ," какъ они нерѣдко называются въ памятникахъ. Теперь на организаціи государевой

службы въ Москвѣ, пояснимъ эту мысль болѣе подробно. Хотя чисто-военныя задачи, которыя долго приходится разрѣшать въ исторіи каждому почти государству, и требуютъ, обыкновенно, чтобъ всѣ окружающіе князя взрослые люди всегда были на готовѣ къ отправленію военной службы, но, однако, позднѣе, — у насъ съ XV вѣка, — совсѣмъ не одна эта воинская служба даетъ колоритъ всѣмъ отношеніямъ представителей верховной власти къ своимъ окружающимъ.

Въ княжескій періодъ нашей исторіи, когда князь являлся, по преимуществу „военнымъ сторожемъ“ страны, какъ его называютъ иногда, почти всѣ его отношенія къ дружинѣ и обратно опредѣлялись ихъ взаимными военными качествами, храбростью, военною доблестью и удачливостью. Но, когда князь постепенно превращается изъ вождя-полководца въ хозяина-вотчинника, когда постепенное собираніе земли создаетъ ему множество чисто-хозяйственныхъ заботъ по раздачѣ земли, обработкѣ ея, пользованію угодьями и по продажѣ продуктовъ своего производства, князь становится государемъ. А выраженіе „государь“ и „государыня“, въ первоначальномъ значеніи этого слова, означаетъ прежде всего „хозяина“ и „хозяйку“, что мы и видимъ въ словоупотребленіи этихъ выраженій въ Домостроѣ и въ другихъ древнихъ памятникахъ и что частію сохранилось въ современныхъ народныхъ свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ. Именемъ государя въ древности, какъ это доказывается И. Е. Забѣлинымъ (въ его уже указывавшемся нами изслѣдованіи „Домашній бытъ царей“), обозначался извѣстный типъ отношеній, а именно типъ властный, оборотная сторона котораго выставляла сначала противоположный типъ раба, холопа и вообще слуги, при чемъ первоначально одно было немыслимо безъ другого. „Большой бояринъ“ вотчинникъ, съ очень широкими требованіями жизни, государь московскій требовалъ для своей „прохлады“, какъ тогда говорили,

множество слугъ и служба государству являлась сначала у насъ (какъ впрочемъ, и вездѣ) въ видѣ службы государю-вотчиннику, собирателю земель и хозяину ихъ, а не въ видѣ службы отвлеченному понятію государства и отечества. Вотчинный, господарскій типъ отношеній къ государю сказался прежде всего на самомъ устройствѣ стольнаго города Москвы, которая, по существу своему, первоначально была ничѣмъ инымъ, какъ обширнѣйшею помѣщичьею усадьбою великаго хозяина-государя, усадьбою, стоявшею среди деревень и слободъ, имѣвшихъ опредѣленное служебное значеніе въ громадномъ хозяйствѣ государя и такъ или иначе удовлетворявшихъ потребностямъ его домашняго обихода (любопытное подтвержденіе этой мысли можно видѣть въ сохранившихся доселѣ еще изстаринныхъ наименованіяхъ многихъ московскихъ слободъ, улицъ и переулковъ). Чѣмъ выше подымалось значеніе московскаго князя, тѣмъ выше и почетнѣе было служить при его дворѣ, быть „слугою государевымъ“, какъ тогда говорили. Самъ классъ этихъ „государевыхъ слугъ“ получилъ позднѣе названіе „дворянства“, а это наименованіе, въ свою очередь, произошло отъ слова „дворянинъ“; первоначально-же дворянинъ былъ никто иной, какъ дворовой слуга князя-государя. [1])

---

1) Еще въ концѣ XII вѣка начинаетъ встрѣчаться въ лѣтописи терминъ „дворяне“; такъ, подъ 1175 г. Ипатьевская лѣтопись говоритъ, напр., по повѣду убіенія Андрея Боголюбскаго, что дворъ его былъ разграбленъ Боголюбскими горожанами и дворянами. Такъ какъ извѣстно, что убіеніе Андрея Боголюбскаго было дѣломъ дворовыхъ людей князя, во главѣ съ ключникомъ-тіуномъ Анбаломъ, то это извѣстіе лѣтописи, въ связи съ другими данными, не оставляетъ сомнѣнія, что дворяне здѣсь — младшіе дружинники, жившіе во дворѣ князя, тоже, что отроки или гриди, о роли коихъ мы въ свое время говорили, указавъ, что въ мирное время они были домашними слугами князя, въ военное — входили въ составъ его войска. Въ лѣтописяхъ и грамотахъ слово „дворянинъ“ замѣняется нерѣдко словомъ „слуга“ (часто даже въ одной и той-же грамотѣ, напр., см. Собр. Госуд. Грамотъ и Договоровъ, т. I, №№ 1, 3, 6, 7 и др.). Съ теченіемъ времени, съ возвышеніемъ власти князей и усиленіемъ

Чѣмъ болѣе выростало значеніе государя московскаго, тѣмъ больше значенія пріобрѣтало приближеніе къ нему, какъ къ источнику всякихъ благъ и милостей. Многія, даже мелкія, черты дворцоваго быта московскаго времени характерны для пониманія взаимныхъ личныхъ отношеній государя къ своимъ служилымъ людямъ. Домовитый хозяинъ-вотчинникъ, московскій государь нерѣдко раздаетъ своимъ слугамъ, наряду съ должностями-кормленіями и помѣстьями, изъ своихъ обширныхъ запасовъ одежды, шубы, обѣды и ужины; чѣмъ ближе слуга къ государю-хозяину, тѣмъ больше онъ всего получаетъ отъ него и тѣмъ больше для него чести, почета въ этомъ. Въ свою очередь, каждый слуга, начиная съ высшаго „чина“ боярина, обязанъ являться ежедневно во дворецъ, ждать приказаній и порученій, отпрашиваться у государя въ гости, просить разрѣшеніе на женитьбу сыновей, выдачу замужъ дочерей и т. д. Мелкія черты этого дворцоваго быта подтверждаютъ общую мысль о частноправномъ характерѣ отношеній государей къ своимъ слугамъ; только къ концу XVII вѣка или, правильнѣе сказать, въ началѣ XVIII вѣка, уже при Петрѣ Великомъ, эти отношенія начинаютъ пріобрѣтать государственный характеръ.

Изучая организацію служилаго класса на Москвѣ,

значенія его двора, возвышается и значеніе, вѣсъ дворянина, какъ двороваго слуги князя-государя, пока, наконецъ, самъ терминъ дворянинъ не дѣлается общимъ названіемъ служилаго класса, какъ класса ближайшаго ко двору государей. — Интересно при этомъ, хотя кратко, указать на соотношеніе между терминомъ „дворяне“ и терминомъ „дѣти боярскіе“. Сначала „дѣти боярскіе“ выше дворянъ, какъ по происхожденію (первоначально они, дѣйствительно, дѣти бояръ), такъ и по положенію при княжескомъ дворѣ, почему въ памятникахъ XIII—XV вѣковъ дѣти боярскіе стоятъ впереди дворянъ. Затѣмъ съ возвышеніемъ значенія государя и его двора, терминъ „дворяне“ беретъ верхъ надъ терминомъ „боярскіе дѣти“, ставится выше его въ лѣстницѣ московскихъ чиновъ, ясно показывая, съ одной стороны, перемѣну отношеній дружины къ князю, важность значенія приближенія къ князю и его двору, сравнительно съ происхожденіемъ, съ другой.

нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что нетолько въ нашей исторіи, но и въ исторіи Западной Европы, въ извѣстныя эпохи ихъ развитія, почти всѣ должности, какъ военныя, такъ и гражданскія, по управленію государствомъ, первоначально наполняются чинами или разрядами придворной службы, а эти послѣдніе создаются подъ вліяніемъ главныхъ потребностей государева хозяйства и благоустройства дворцоваго вѣдомства, какъ, напр., наблюденія за пищею и напитками, платьемъ государей, предметами ихъ обширнаго и сложнаго хозяйства, вообще за всѣмъ, что было цѣннаго, дорогого у государя-вотчинника, государя-домохозяина, какъ-бы онъ ни именовался, королемъ, царемъ и т. п. Эти дѣйствительные, а не по имени только (какъ это бываетъ позднѣе, когда значительная часть придворныхъ званій дѣлается простыми отличіями) управители дворцами, имѣніями, угодьями (или „путями“, какъ они въ старину назывались) государей, эти дворецкіе, конюшіе, казначеи, стольники, стряпчіе и т. д., и т. д., являются затѣмъ въ роли лицъ, занимающихъ различныя государственныя должности, какъ, напр., намѣстниковъ, воеводъ, начальниковъ приказовъ, а ровно и исполняютъ всякія порученія государственнаго характера, напр., бываютъ послами, командующими отрядами войскъ и т. п. Занятіе почти исключительно придворными чинами государственныхъ должностей ясно показываетъ, съ одной стороны, ростъ личнаго авторитета государевой власти, а съ другой — свидѣтельствуетъ, что понятіе государственной службы не выдѣлилось еще изъ понятія службы государевой и не выдѣлилось потому, что само государство первоначально олицетворялось въ монархѣ, его личной волѣ и власти, его устроительной дѣятельности. А такъ какъ власть государей носила первоначально частно-правный и личный характеръ, то этотъ характеръ власти отражался и на отношеніи государей къ ихъ слугамъ.

Указанный характеръ власти государей московскихъ не есть что-либо особенное, имъ только свойственное. Наоборотъ частно-правовое воззрѣніе на государство и на институтъ государственной службы былъ присущъ и другимъ государствамъ въ извѣстные періоды ихъ праворазвитія. На западѣ Европы, напр., типомъ государствъ, гдѣ это частно-правовое воззрѣніе на государство и государственную службу вылилось въ особенно-яркія формы, является франкская монархія. Извѣстный историкъ германскаго государственнаго права Г. Вайцъ [1]) даетъ напр., въ одномъ изъ томовъ своего обширнаго труда о германскомъ государственномъ устройствѣ [1]) громадный матеріалъ для изученія вопроса объ организаціи различныхъ придворныхъ должностей при меровингахъ, должностей, возникавшихъ, какъ и у насъ, изъ потребностей обширнаго частнаго хозяйства королей и только впослѣдствіи получившихъ значеніе чисто-государственныхъ должностей, тогда какъ сначала на одно и тоже лицо возлагались обязанности и частнаго, домашняго, и государственнаго характера, почему понятіе дворцоваго управленія („Hofverwaltung“ по выраженію R. Schröder'a) сливалось часто съ понятіемъ управленія монархіею, какъ государствомъ („Reichsverwaltung“). Аналогія между организаціею государственной службы на Москвѣ и въ франкской монархіи является, на нашъ взглядъ, вполнѣ возможною потому, что въ понятіяхъ того и другого государства, какъ-бы ни велика была между ними разница въ другихъ отношеніяхъ, задачи частно-владѣльческаго, вотчиннаго управленія и задачи государственныя сначала весьма мало различались, откуда и вытекло то интересное слѣдствіе, что въ характерѣ

1) G. Waitz „Deutsche Verfassungsgeschichte“, т. II, глава „Die Beamten und Hof des Königs“; срав. также R. Schröder, „Lehrbuch d. deutschen Rechtsgeschichte“, изд. 3, главу „Der königliche Hof“, стр. 137 сл.

и въ постепенномъ развитіи тамъ и здѣсь института государственной службы и въ организаціи служилаго класса являются нерѣдко разительныя черты сходства. Приведу прежде всего примѣры изъ исторіи германскаго права.

По древне-германскому праву, какъ это указываетъ Вайцъ и др., для каждой изъ домашнихъ потребностей хозяйства существовали особые служители, которые первоначально брались изъ числа лицъ несвободныхъ, какъ это было и у насъ (достаточно вспомнить здѣсь тіуна или ключника Русской Правды, званіе котораго только тогда не сообщало лицу холопскаго состоянія, когда было ограждено особымъ договоромъ, что уже само по себѣ указываетъ, что даже наиболѣе довѣренные слуги при дворахъ князей, бояръ и пр. были людьми несвободными). Но, затѣмъ, съ развитіемъ власти королей и другихъ владѣтельныхъ особъ, придворныя должности начинаютъ поручаться свободнымъ и даже знатнымъ лицамъ, которыхъ государи стараются привлечь на свою службу (какъ у насъ — удѣльныхъ князей и бояръ), награждая ихъ землями, давая имъ должности въ кормленія и ставя вообще ихъ въ привилегированное положеніе. Понятіе должности вообще обозначалось въ древнихъ германскихъ юридическихъ памятникахъ (написанныхъ, какъ извѣстно, на латинскомъ языкѣ) словомъ ministerium, а лица, отправлявшія домашнія службы. назывались ministeriales, т. е. слуги (какъ и у насъ). Изъ придворныхъ должностей владѣльныхъ князей и королей, лишь впослѣдствіи получившихъ государственное значеніе, въ эпоху франкской монархіи были особенно важны: Seneschalk (Seniskalk), сенешалъ, старшій (senis) между слугами, глава всѣхъ ихъ; другимъ наименованіемъ той-же должности было слово Majordomus, майордомъ, нашъ дворскій, или дворецкій, называемый въ германскихъ памятникахъ управителемъ дворца (gubernator, или princeps palatii). За

сенешаломъ или майордомомъ слѣдовалъ Marschalk первоначально главный конюхъ (Pferdeknecht), или Stallgraf, называвшійся полатынѣ comes stabuli. Сначала просто надзиратель за королевскими конями и конюшнями (какъ и у насъ „конюшій“), этотъ довѣренный слуга королей сталъ позднѣе исполнителемъ важныхъ порученій государственнаго характера, являлся посломъ своего государя, предводителемъ его войска (у насъ на Москвѣ конюшій боярин также игралъ очень важную роль); прибавленіе къ наименованію Marschalk'a или Marschall'a эпитетовъ гофъ (Hof), ландъ (Land) и др. сообщило этой должности еще болѣе широкое значеніе и первоначальное значеніе ея было затѣмъ совсѣмъ забыто. Неменѣе важное значеніе имѣлъ такъ наз. thesaurarius, казначей, завѣдывавшій движимымъ имуществомъ королей, ихъ одеждою, домашней утварью, собиравшій казну королей и раздававшій изъ нея подарки; позднѣе, при каролингахъ, онъ назывался камераріусомъ (camerarius). Какъ и у насъ при дворѣ московскихъ государей, такъ и при дворѣ меровинговъ и каролинговъ, находимъ, кромѣ указанныхъ, еще длинный рядъ другихъ придворныхъ должностей, какъ pincerna (Schenk, нашъ чашникъ), cubicularius (кравчій, крайчій), camerarius (Kämmerer, нашъ „жилецъ“) spatarius (или мечникъ, меченосецъ) и т. д. Будучи первоначально созданы (какъ это видно уже изъ самаго названія должностей) для потребностей частнаго домашняго хозяйства правителей даннаго государства, лица занимавшія эти должности въ тоже время являлись и на аренѣ государственной дѣятельности, какъ довѣренные агенты этихъ правителей, исполнявшіе ихъ порученія или приказы всегда и вездѣ, безразлично, относились-ли тѣ или другіе къ области государевой или государственной службы. Впрочемъ, надо замѣтить, что уже въ меровингскій періодъ франкской монархіи — какъ и у насъ на Москвѣ въ

XVI еще вѣкѣ, — наряду съ чисто-придворными должностями, являлись должности, которыя создавались уже въ силу такъ или иначе заявлявшаго о себѣ въ жизни государственнаго начала. Таковы у насъ всѣ думные чины, институтъ дьячества и др.; такова на Западѣ Европы должность т. н. referendarius'a, хранителя печати государства, нашего „печатника, подписывавшагося подъ королевскими грамотами (дипломами); т. н. comes palatii (Pfalzgraf'a). соучастника королевскаго суда и др. Въ цѣломъ всѣ указанные выше придворные слуги, такъ и называвшіеся palatini, aulici, ministri, Hofleute и т. д., составляли первоначально главный фондъ, изъ котораго наполняются всѣ государственныя должности. Впослѣдствіи забывается первоначальное назначеніе этихъ слугъ и всѣ эти сенешалы, маршалы, майордомы являются высшими чинами государства, безъ всякаго нерѣдко уже отношенія къ тѣмъ должностямъ при дворѣ, какія они когда-то занимали.

Обращаясь, послѣ сказаннаго, къ нашей исторіи, надо сказать, что чѣмъ болѣе развивается власть государей московскихъ, тѣмъ болѣе, конечно, растетъ блескъ ихъ двора и тѣмъ замѣтнѣе увеличивается число придворныхъ должностей. Въ XVI—XVII вѣкахъ эти должности составляютъ изъ себя уже цѣлую лѣстницу степеней, при чемъ, чѣмъ выше степень или разрядъ должности, тѣмъ ближе она стоитъ къ лицу государя. Съ этихъ должностей, также какъ и на Западѣ, назначаются у насъ отдѣльныя лица на военную и судебно-административную службу государству, какъ въ центрѣ его, такъ и въ областяхъ. Нельзя было въ Москвѣ быть ни воеводою въ полку, ни его товарищемъ, ни начальникомъ приказа, ни посломъ государя, вообще „начальнымъ человѣкомъ“, какъ тогда говорили, а равно и занимать другія должности, не бывъ въ тоже время бояриномъ, окольничимъ, стольникомъ, стряпчимъ, жильцомъ, или дворяниномъ, т. е.

иначе говоря, извѣстнымъ придворнымъ или военнымъ чиномъ. Изъ названныхъ-же чиновъ, какъ и другихъ, о которыхъ скажемъ ниже, каждый, — кромѣ боярина, наименованія сложившагося не на придворной почвѣ, — означалъ первоначально извѣстную обязанность, службу при дворѣ и только въ XVI вѣкѣ должности эти обратились частію въ чины въ собственномъ смыслѣ, т. е. въ почетные наименованія, почетныя степени, неимѣвшія уже отношенія къ должностямъ, до которыхъ они касались. Только съ этого времени стало возможнымъ, чтобъ извѣстныя обязанности при дворѣ исполнялись указанными придворными чинами лишь въ особо-торжественныхъ случаяхъ, при чемъ нерѣдко обязанности, связанныя первоначально съ извѣстною должностью, исполнялись, въ дѣйствительности, другими лицами. Такъ, напр., въ записяхъ царскихъ „походовъ“ читаемъ: „ходилъ государь къ Спасу .... а возница былъ стольникъ (такой-то), а ухабничій былъ стольникъ“; посла ... встрѣчалъ стольникъ“, или „рынды были стольники“ ... (такіе-то)[1]), хотя у этихъ придворныхъ лицъ были свои прямыя обязанности, несовмѣстимыя съ указанными (у стольниковъ — „въ столы смотрѣть и сказывать кушанья“, т. е. распоряжаться угощеніемъ; у рындъ — стоять около государя „для береженья“ и т. п.). Впрочемъ, между придворными должностями надо различать два разряда: одни должности всегда почти сохраняли свое первоначальное значеніе (каковы, напр., должности дворецкаго, казначея, кравчаго, оружничаго, казначея), другіе, какъ окольничіе, стольники, спальники и др., сдѣлались чинами, отличіями и имѣли очень мало связи съ тѣми придворными должностями, которыя дали имъ свое наименованіе (о наименованіяхъ этихъ скажемъ особо ниже).

---

1) „Дворцовые разряды“, томъ II, стр. 490, 494, 521 и др.

Государевъ дворъ былъ центромъ жизни русскихъ служилыхъ людей; въ XVI—XVII вѣкахъ онъ сдѣлался какъ-бы священнымъ и недоступнымъ жилищемъ; малѣйшее нарушеніе благопристойности среди этого двора казалось, какъ особое преступленіе, называемое Соборнымъ Уложеніемъ оскорбленіемъ чести государева двора. Естественно, какое важное значеніе пріобрѣла степень приближенія къ государю и его двору. Внѣшне это выражалось въ такихъ обычаяхъ. По Котошихину, напр., только высшіе чины, а именно бояре, окольничіе и думные люди пользовались правомъ сходить съ лошадей, „не доѣзжая двора и неблизко отъ крыльца“; въѣзжать на царскій дворъ они не смѣли. Другіе, низшіе чины, какъ стольники, стряпчіе, дворяне, жильцы, дьяки сходили далеко отъ царскаго дворца, обыкновенно, между Ивановскою колокольнею и Чудовымъ монастыремъ. Въ самомъ царскомъ дворцѣ для каждаго „чина“ было свое мѣсто: часть названныхъ чиновъ — стряпчіе, дворяне, дьяки — не шла дальше крылечной площади или постельнаго крыльца; дьяки и подъячіе дожидались „начальныхъ лицъ“ на постельномъ крыльцѣ или въ сѣняхъ предъ Грановитою палатою; „а другимъ чинамъ и до тѣхъ поръ ходить не велѣно, гдѣ были стольники и иные нарочитые люди“, говоритъ Котошихинъ . . . Пройдя крыльцо царскаго дворца, высшіе только слуги — бояре, окольничіе, думные люди — могли идти дальше, а именно въ „переднюю“. Попасть въ „переднюю“ палату считалось уже важнымъ повышеніемъ, отчего, напр., и читаемъ въ одной изъ челобитныхъ слѣдующее: „пожалуй меня, холопа твоего (проситъ государя одинъ жилецъ), вели, государь, мнѣ быть при своей царской свѣтлости въ передней; а родители мои пожалованы въ переднюю“. Такъ важно было для службы и для возвышенія каждый день быти при лицѣ государя „въ передней“, или еще лучше „въ Верху“ (т. е. въ верхнихъ покояхъ государей). Но, были изъ „холопей“

государя лица, которыя не останавливались въ передней, а „улуча время“, какъ выражается Котошихинъ, входили даже въ „комнату“, т. е. въ кабинетъ государя; возможность достичь этого считалось уже самымъ высшимъ знакомъ приближенія и служебной чести.

Хотя принципъ рода или породы признается московскими государями (что видно, между прочимъ, изъ долговременнаго существованія у насъ мѣстничества), однако, онъ признается только подъ условіемъ государевой службы. Самый знатный по своей породѣ, бояринъ, Рюриковичъ или Гедеминовичъ, если хотѣлъ, чтобъ „родъ“ его „не захудалъ“, какъ тогда говорили, долженъ былъ служить и чѣмъ ближе къ царю, тѣмъ лучше, такъ какъ отъ царя зависѣли его богатство, почетъ и значеніе въ обществѣ. Какъ въ древности, такъ частію и въ Московскомъ государствѣ, служилый человѣкъ имѣлъ мало значенія „по землѣ“ въ той мѣстности, гдѣ онъ былъ вотчинникомъ или помѣщикомъ, такъ какъ онъ былъ, обычно, въ своихъ владѣніяхъ „наѣзжимъ“ человѣкомъ, который долженъ былъ быть всегда готовымъ къ отправленію на службу по приказу изъ центра. Постоянныя отлучки изъ вотчинъ и помѣстій на службу не давали у насъ возможности развиться такъ наз. феодальной системѣ, съ ея основными явленіями — крѣпкой связью по землѣ, съ уступкою сюзереномъ части своихъ верховныхъ правъ собственнику и т. д. Несмотря на то, что въ Москвѣ земля стала раздаваться служилымъ людямъ, какъ жалованье, это, однако, не сдѣлало изъ прежняго дружинника феодала, засѣвшаго въ своемъ мѣстномъ замкѣ, все болѣе и болѣе отвоевывавшаго у сюзерена его права и вступавшаго съ нимъ въ борьбу. Прежніе вольные дружинники и бывшіе когда-то удѣльными служилые князья превратились у насъ не въ гордыхъ виконтовъ и бароновъ, а въ простыхъ „холопей и слугъ государя“, которые, хотя и получаютъ помѣстья за свою службу, но по прежъ-

нему толпятся около его дворца и двора, а не уединяются въ свои помѣстья. Рѣшающимъ обстоятельствомъ въ этомъ было то, что моментъ наибольшаго осѣданія прежнихъ дружинниковъ на пожалованныхъ земляхъ совпалъ въ Московскомъ государствѣ съ моментомъ усиленія власти государей, съ одной стороны, развитіемъ государственныхъ потребностей, съ другой. Какъ возвышеніе каждаго служилаго человѣка на высшую ступень почета и общественнаго положенія, ихъ завѣдываніе его службою, такъ и назначеніе на ту или иную должность всецѣло зависитъ отъ власти государей. Въ свою очередь, громадныя и все болѣе и болѣе растущія нужды центра требуютъ много слугъ себѣ, эти слуги постоянно вызываются на службу въ центрѣ и ѣдутъ по посылкамъ изъ центра государства туда, гдѣ эта служба всего болѣе полезна, причемъ правительство мало заботится о томъ, чтобъ дать мѣстнымъ центрамъ — уѣздамъ — дѣйствительнаго помѣщика, испомѣщеннаго на землѣ, лежащей въ этомъ уѣздѣ, не de jure только, но и de facto, т. е. нетолько владѣющаго здѣсь пожалованнымъ ему помѣстьемъ, но и могущаго отдавать себя на служеніе данной мѣстности. Въ Московскомъ государствѣ помѣщикъ жилъ, обыкновенно, въ своемъ помѣстьѣ или вотчинѣ только тогда, когда ему изъ милости давался отпускъ, или когда онъ укрывался отъ службы, за что, при случаѣ, и могъ быть наказанъ отнятіемъ помѣстья. Правда, онъ являлся нерѣдко мѣстнымъ дѣятелемъ, въ качествѣ воеводы и т. п., но большею частію онъ назначался на службу въ мѣстныхъ центрахъ безъ особаго вниманія къ тому, было или нѣтъ у него имѣніе въ данномъ уѣздѣ. Правда также, что наши вотчинники и помѣщики владѣли, подобно западнымъ феодаламъ, однимъ изъ видовъ иммунитета, а именно судебнымъ иммунитетомъ, были освобождены отъ суда великокняжескихъ чиновниковъ и имѣли право вотчиннаго суда надъ сидящимъ

на ихъ земляхъ населеніемъ, но это имѣло своимъ слѣдствіемъ ухудшеніе положенія этого населенія, не превратившись въ рукахъ помѣщика въ политическое право. Царскій Судебникъ, впрочемъ, отмѣняетъ „тарханныя“ или „несудимыя грамоты“, какъ они еще называются („а тарханныхъ впредь не давати никому, а старыя тарханныя грамоты поимати у всѣхъ“ гласитъ 43 статья этого Судебника) и, хотя постановленіе это не выполняется на практикѣ вполнѣ, такъ какъ жалованныя тарханныя грамоты продолжаютъ иногда даваться и позднѣе, но во всякомъ случаѣ этимъ кладется преграда распространенію иммунитетовъ и кладется именно тогда, когда власть государей московскихъ окончательно складывается во власть едино и самодержавную. Вообще въ XVI—XVII вѣкахъ на Москвѣ не выработалось типа служилаго человѣка, какъ мѣстнаго человѣка, какъ не выработалось служилаго класса, какъ мѣстной корпораціи. Все это является уже продуктомъ законодательства XVIII вѣка. Вѣчная служба центру и на посылкахъ изъ центра придавала служилымъ людямъ Московскаго государства особый своеобразный отпечатокъ, слѣды коего чувствуются и въ новой нашей исторіи.

Перейдемъ теперь къ очерку отдѣльныхъ разрядовъ московскихъ служилыхъ людей. Всѣ служилые люди Московскаго государства являлись служилыми чинами. Слово чинъ имѣло на Москвѣ двоякое значеніе — общее и спеціальное. Въ первомъ, общемъ, значеніи слово это означало разрядъ, или классъ лицъ, несшихъ извѣстное тягло предъ государствомъ и отличавшихся поэтому другъ отъ друга. Такъ служилые люди несли службу, какъ личную повинность, такъ наз. „посадскіе“ несли „черное тягло“, крестьяне свое особое тягло; каждый изъ этихъ разрядовъ назывался „чиномъ“. Избирательный Земскій Соборъ 1613 г. именуется, напр., Соборомъ „всякихъ людей всякихъ чиновъ всего великаго россійскаго царства“, т. е.

здѣсь слово чинъ употребляется для наименованія всѣхъ тѣхъ группъ, или разрядовъ, свободнаго населенія, какіе обозначились въ это время и представители отъ которыхъ созывались на Соборъ; въ этомъ же смыслѣ надо понимать словоупотребленіе соборныхъ актовъ, гласящихъ, напр., что „всякихъ чиновъ люди Московскаго государства били челомъ на Соборѣ государю“... (о томъ-то)... или „государь приговорилъ со всякихъ чиновъ людьми Московскаго государства“... (сдѣлать то или другое). Въ широкомъ общемъ смыслѣ слова чинъ, служилые люди, какъ и посадскіе, крестьяне и другіе разряды населенія могутъ быть названы „чинами“ Московскаго государства. Но, наряду, съ этимъ широкимъ и общимъ смысломъ, тоже слово употребляется весьма часто въ памятникахъ въ смыслѣ спеціальномъ и узкомъ, означая извѣстную степень, первоначально соотвѣтствующую извѣстной опредѣленной придворной или военной должности; этотъ смыслъ близокъ къ нашему современному понятію чина и въ этомъ смыслѣ памятники изучаемаго времени говорятъ о чинахъ бояръ, окольничихъ, стольниковъ, стряпчихъ и др. Въ концѣ Московскаго періода уже довольно твердо устанавливается de facto извѣстная лѣстница служилыхъ степеней, или чиновъ, хотя эта лѣстница и отличалась многими особенностями, сравнительно съ знаменитою Табелью о рангахъ 1722 г., которая была создана Петромъ В. Основнымъ принципомъ ея XIV степеней было полное соотвѣтствіе извѣстнаго чина (или ранга, какъ сталъ называться чинъ, въ смыслѣ извѣстной степени, въ XVIII вѣкѣ) извѣстной должности: возвышеніе въ чинѣ вело къ возвышенію въ должности; высшія должности должны были заниматься болѣе заслуженными, болѣе свѣдущими людьми, прошедшими всѣ низшія должности. Москвѣ также не была совершенно чужда мысль объ извѣстномъ соотвѣтствіи чина, какъ степени, какъ отличія, съ должностью, такъ

какъ сами чины жалуются также, говоря вообще, за службу. Но, принципъ постепеннаго возвышенія въ чины, какъ степени, за службу встрѣчался на Москвѣ съ принципомъ рода, породы и долго отступалъ передъ послѣднимъ. Затѣмъ переходъ изъ одного чина въ другой не имѣлъ на Москвѣ такой строгой опредѣленности и послѣдовательности, какую пытался установить Петръ В. въ своей „Табели о рангахъ“. То и другое зависѣло отъ многихъ причинъ. Во 1-хъ во все время, пока признавалось мѣстничество[1]), каждый служилый человѣкъ могъ отказаться (по своимъ соображеніямъ объ „отеческой чести“) отъ извѣстнаго чина или должности. Дворянинъ, пожалованный въ окольничіе, могъ сказать, напр., „что окольничихъ въ его пору нѣтъ“, что отецъ его былъ въ боярахъ, а потому ему „невмѣстно быть въ окольничихъ“, чтобы тѣмъ его роду не было „потёрки“ и т. п. Во вторыхъ, обычай съиздавна установилъ на Москвѣ преимущественное право однихъ родовъ, болѣе знатныхъ, проходить лѣстницу степеней (или „чиновъ“, въ спеціальномъ значеніи этого слова) болѣе быстро и достигать ея верхнихъ ступеней скорѣе, чѣмъ это выпадало на долю другихъ. По Котошихину, напр., были роды, представители коихъ прямо жаловались государями въ бояры, безъ прохожденія всѣхъ нижнихъ степеней (таковы, напр., князья Черкасскіе, Воротынскіе, Трубецкіе, Голицыны и др.); были затѣмъ роды „которые бываютъ въ окольничихъ и боярахъ“, т. е. быстро доходятъ на дѣйствительной службѣ до чина окольничаго и затѣмъ переходятъ въ бояры; было множество родовъ, „которые бываютъ въ думныхъ дворянахъ и окольничихъ и тѣ роды“, по Котошихину, „больше тоѣ чести не доходятъ“ и т. д. Надо къ приведенному, въ разъясненіе, добавить, что всѣ эти пожалованія въ высшіе

1) Объ общемъ значеніи мѣстничества говорилось уже выше, стр. 257 и сл.

чины имѣли мѣсто только послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія при дворѣ. Обыкновенно, юноша знатнаго рода уже рано (лѣтъ 10) брался во дворецъ, поступая стольникомъ на царицыну половину и переходя затѣмъ въ стольники или спальники государя. Живя близко отъ государя, въ его „комнатахъ“, и исполняя здѣсь ту или иную придворную службу (при чемъ чинъ, который носился даннымъ лицомъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и должностью), знатный юноша, придя въ зрѣлый возрастъ, получалъ затѣмъ извѣстную должность (воеводы, начальника Приказа и т. д.) и исполнялъ различныя порученія (отправлялся посломъ, объявлялъ государевы повелѣнія и т. д.). При этомъ онъ, либо сохранялъ свой прежній „чинъ“, либо повышался въ слѣдующій и въ такихъ случаяхъ (при службѣ не при дворѣ, а гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ) чинъ, конечно, не совпадалъ съ должностью, а отдѣлялся отъ нея. Наконецъ, въ болѣе пожиломъ возрастѣ, представители наиболѣе знатныхъ родовъ достигаютъ чиновъ окольничихъ и бояръ, сидятъ въ „Боярской Думѣ“ и занимаютъ высшія должности въ государствѣ.

За исключеніемъ „чина“ боярина, всѣ „чины“ Московскаго государства образовались изъ придворныхъ или военныхъ должностей. Что же касается боярства, то оно, по крайней мѣрѣ до второй половины XV вѣка, было наслѣдственнымъ достоинствомъ извѣстныхъ фамилій, выдвинувшихся тѣмъ или другимъ путемъ въ разрядъ „лучшихъ“, „нарочитыхъ людей“ и пр. Боярство первоначально принадлежало потомкамъ боярскихъ фамилій, безъ всякаго отношенія къ ихъ службѣ. Но на Москвѣ въ XVI—XVII вѣкахъ оно уже жалуется, оно уже есть высшій „чинъ“ государства, въ узкомъ смыслѣ этого слова, оно дается уже государями за службу. Но старина часто слышется въ Москвѣ подъ новыми формами. Какъ уже указывалось, на Москвѣ были роды, дѣлавшіе очень быструю служебную карьеру, наглядно

показывающую, что цари признавали за этими „боярскими“ родами право какъ-бы возстановить свое прежнее, когда-то бывшее „родовымъ“, достоинство, сдѣлаться боярами, хотя и подъ условіемъ службы, но на самыхъ льготныхъ основаніяхъ, тогда какъ, наоборотъ, другіе, менѣе знатные роды только упорною и долгою службою достигали того, что имъ „сказывали боярство“, т. е. производили въ чинъ боярина; были, наконецъ, роды, которые не доходили и до чина окольничаго, о которомъ скажемъ особо ниже. Первоначально, тѣ бояре, которымъ „боярство“, въ качествѣ придворнаго чина „сказывается“, носятъ названіе „бояръ введенныхъ“; сначала ихъ число было очень незначительно, напр., къ концу царствованія Василія II (1462 г.) ихъ было всего 5 человѣкъ, при Іоаннѣ III — 13; въ XVII вѣкѣ число ихъ уже доходитъ до 20—30 человѣкъ. Этимъ „введеннымъ“ боярамъ поручались самыя высшія должности въ государствѣ. Такъ какъ „боярство введенное“ было чиномъ, а не наслѣдственнымъ, какъ раньше, достоинствомъ, то за преступленія его можно было лишиться, какъ это видно, напр., изъ Соборнаго Уложенія. Въ памятникахъ Московскаго времени нерѣдко встрѣчаются особые эпитеты, прибавляемые къ слову бояре. Такъ встрѣчаются прежде всего бояре „путные“. Слова „путь“ и „путный“ употреблялись на Москвѣ въ различномъ смыслѣ. Въ широкомъ смыслѣ слова „путями“ называются всякаго рода земледѣльческіе промыслы, а именно добываніе воска, меда, разнообразная охота, разведеніе домашнихъ животныхъ и т. д. Въ этомъ смыслѣ напр., источники говорятъ объ „ловчемъ пути“, т. е. объ охотничьемъ промыслѣ и о завѣдываніи имъ, о „конюшемъ пути“ и завѣдываніи имъ, о „сокольничемъ“, о „стольничемъ пути“, добывавшемъ продукты для княжескаго или царскаго стола. Уже въ древности земли жаловались князьями нерѣдко подъ условіемъ разработки въ нихъ разныхъ угодій и развитія тѣхъ

или другихъ промысловъ, „путиковъ“, какъ они назывались. Въ болѣе узкомъ, — для насъ въ данномъ случаѣ наиболѣе важномъ смыслѣ слово путь означало „кормленіе“, или полученіе корма натурою; „путный бояринъ“ это первоначально бояринъ, получавшій въ кормленіе какую-либо доходную статью, или „путь“ (ловчій, сокольничій и т. п.), а затѣмъ „путный бояринъ“ вообще всякій „кормленщикъ“, т. е. лицо, получающее за отправленіе своей должности, кормъ натурою, въ опредѣленномъ размѣрѣ. Другіе эпитеты, прибавляемые къ слову „бояринъ“, какъ напр., „бояринъ ближній“, „комнатный“ и др., обозначали тѣхъ бояръ, которые выдѣлились изъ числа другихъ, по степени приближенія своего къ государю и занимали поэтому наиболѣе важныя должности въ государствѣ. Наконецъ, третьи эпитеты — конюшіе бояре и др. указывали на должность, которую первоначально занималъ при дворѣ данный бояринъ.

Вторымъ чиномъ на Москвѣ былъ „чинъ“ окольничаго. Окольничіе упоминаются впервые въ памятникахъ еще въ концѣ XIII вѣка, въ домосковскій періодъ; въ московскій періодъ, окольничество первоначально должность, позднѣе (въ XVI—XVII вѣкѣ) — чинъ. Что касается окольничества, какъ должности, то она имѣла своимъ главнымъ назначеніемъ заботу обо всемъ, что касалось „походовъ“ или путешествій московскихъ государей. Походы эти были часты, дѣлались очень пышно и вызывали необходимость всякаго рода сложныхъ приготовленій. Изъ извѣстій объ этихъ походахъ, указываемыхъ такъ наз. „Дворцовыми Разрядами“, видно, что окольничіе распоряжались всѣмъ, что относилось къ походамъ (Дв. Разр., т. II, стр. 410, 521 и др.). Производство слова возбуждало въ литературѣ много споровъ. Извѣстный историкъ XVIII вѣка В. Н. Татищевъ производилъ его отъ слова „окольность“, „околичность“. Другой ученый того-же вѣка, Г. Ф. Миллеръ, производя отъ тогоже слова „околичность“,

слово „окольничій“, замѣтилъ, что „первая (т. е. главная) должность окольничаго состояла въ томъ, чтобъ въ государевы дальніе походы напереди ѣхать, наблюдать пути . . . , мосты исправлять, дворы занимать, подводы заготовлять и на станѣхъ (мѣстахъ остановокъ) всѣ надобности въ готовности держать“ [1]). Карамзинъ производилъ окольничаго отъ предлога около; къ этому мнѣнію близко примыкалъ Неволинъ, утверждавшій, что „названіе окольничихъ, по всей вѣроятности, происходило отъ того, что они были чиновниками, повсюду непосредственно окружавшими и сопровождавшими князя [2]). Вѣрнѣе, однако, производство даннаго слова отъ существительнаго „околичность“. Распоряженіе всѣмъ, что касалось путешествій государей, а затѣмъ и распоряженіе по встрѣчѣ пословъ, по отводу имъ „подворій“, представленіе ихъ государямъ и т. д., было обязанностью окольничихъ на Москвѣ. Въ XVI—XVII вѣкахъ, однако, ту-же обязанность часто исполняютъ другіе чины двора, напр., дворяне, какъ видно изъ тѣхъ-же „Дворцовыхъ Разрядовъ“ (ib., стр. 9, 168 и др.), а окольничество превращается въ чинъ, какъ степень, непосредственно идущую за степенью боярина (въ Судебникахъ, напр. говорится, что „судъ судити бояромъ и окольничимъ“) и окольничіе сидятъ въ Приказахъ, на воеводствахъ и въ другихъ мѣстахъ. Черезъ окольничество проходили, какъ черезъ необходимую ступень къ боярству, люди неродовитые, но способные, отличившіеся на службѣ государству.

Если боярство и окольничество являлись безспорно двумя высшими чинами-степенями въ Московскомъ государствѣ, то классификація остальныхъ чиновъ-степеней представляетъ большія трудности во 1-хъ потому, что законодательство времени не установило такой классифика-

1) Древняя Россійская Вивліоѳика, М., 1791 г., т. XX, стр. 196 и сл.
2) Пол. Соб. Сочин., СП., 1859, т. VI, стр. VI.

ціи, а во 2-хъ потому, что одни чины, какъ были первоначально должностями, такъ и остались въ этомъ своемъ значеніи, а другіе, наоборотъ, выдѣлились, какъ степени, потерявъ свое значеніе должностей, между тѣмъ въ законодательныхъ памятникахъ и другихъ актахъ эпохи они стоятъ рядомъ, какъ равно-значительные. Напр., достаточно, въ подтвержденіи сказаннаго, указать на Судебникъ 1550 г., первая статья коего гласитъ, что „судъ царя и в. князя судити бояромъ и окольничимъ и дворецкимъ и казначеямъ и дьякомъ“. Если два первыхъ наименованія (бояре и окольничіе) являются здѣсь чинами (въ смыслѣ степеней), то два среднія означаютъ должности, но не чины; тоже встрѣчается и во многихъ другихъ актахъ эпохи, гдѣ рядомъ съ чинами стоятъ наименованія должностей [1]). Трудность возстановленія вполнѣ-точнаго и опредѣленнаго порядка степеней-чиновъ Московскаго государства зависитъ также и отъ того, что чины и должности создавались постепенно, по мѣрѣ роста значенія и власти московскихъ государей и усиленія блеска ихъ двора. Такъ изъ одного списка придворныхъ чиновъ со второй половины XV до третьей четверти XVI вѣка мы узнаемъ, что должности казначея, постельничаго и ясельничаго явились съ 1495 г., ловчаго — съ 1509 г., крайчаго съ 1514 г., дворянъ думныхъ — съ 1572 г., думныхъ дьяковъ — съ 1655 г., и пр. Созданіе-же новыхъ придворныхъ чиновъ, въ свою очередь, вліяло на мѣсто, занимавшееся ими на ступеняхъ служебной лѣстницы, такъ какъ одни изъ нихъ отодвигались ниже, другіе подвигались выше. Изъ всѣхъ классификацій чиновъ и должностей наиболѣе простою пред-

1) См., напр., актъ Земскаго Собора 1566 г. (Собр. Гос. Грам., и Дог., I, № 192), или „утвержденную грамоту“ объ избраніи въ цари Бориса Годунова (Акты Арх. Эксп., т. II, № 7); въ этой грамотѣ, замѣтимъ между прочимъ, приведенъ весьма полный списокъ чиновъ и должностей конца XVI вѣка; для XVII вѣка такой списокъ см. въ I Полномъ Собраніи Законовъ, т. I, № 114).

ставляется, на нашъ взглядъ, та, которая дѣлитъ ихъ во 1-хъ на чины думные, во 2-хъ придворные и въ 3-хъ военные. Думными чинами, кромѣ бояръ и окольничихъ, являются еще думные дворяне и думные дьяки, о которыхъ было уже говорено нами при изученіи вопроса о составѣ Боярской Думы (стр. 220 сл.). Замѣтимъ лишь, что нѣкоторые ученые, какъ, напр., В.-Будановъ думныхъ, какъ и простыхъ дьяковъ, выдѣляютъ въ особую категорію „лицъ гражданской службы", но это выдѣленіе возможно было-бы принять лишь въ томъ случаѣ, еслибъ думные чины или чины придворные не были также „лицами гражданской службы", но они, несомнѣнно, выполняли — особенно чины „думные" — эту службу. Остановимся на „чинахъ" придворныхъ и военныхъ.

„Придворными" или „дворовыми чинами", въ смыслѣ должностей, были дворецкіе, крайчіе, казначеи, оружничіе, постельничьи съ подчиненными имъ спальниками, стряпчіе съ ключемъ и др. Дворецкіе, древніе ключники, завѣдывали княжескими и великокняжескими дворами, всѣми слугами, дворцовыми землями и ихъ раздачею. До конца XV вѣка прежніе дружинники, поступавшіе на службу въ Москву, сохраняли право отъѣзда и въ случаѣ отъѣзда должны были лишь возвращать земли, полученные отъ князей. Лица, получавшія эти земли, назывались слугами „подъ дворьскимъ" (дворецкимъ), такъ какъ ими завѣдывалъ дворецкій по ихъ земельнымъ отношеніямъ; въ болѣе широкомъ смыслѣ слугами „подъ дворьскимъ" назывались всѣ лица, состоявшія на службѣ при дворѣ. Въ XVII вѣкѣ все управленіе царскимъ дворомъ сосредоточивалось въ рукахъ „Большого дворца", особаго Приказа, во главѣ котораго стоялъ московскій дворецкій. Дворецкій, по своей служебной чести, стоялъ непосредственно за окольничимъ. Что-же касается крайчаго, то онъ былъ начальникомъ стольниковъ, какъ должности, а именно стольники подавали царю за сто-

ломъ (обыкновенно, въ торжественныхъ случаяхъ) блюда, кравчій-же наблюдалъ за ними; онъ же завѣдывалъ разсылкою блюдъ съ царскаго стола служилымъ людямъ, что считалось большею милостію. Изъ формулъ присягъ, которые давались придворными чинами при вступленіи въ должность, узнаемъ, какъ объ обязанностяхъ ихъ, такъ и о тѣхъ суевѣріяхъ, которыя всѣми тогда раздѣлялись. Такъ изъ этихъ формулъ видно, напр., что стольники обѣщались, принимая присягу, „государю служити и прямити, и его государева здоровья во всемъ оберегати и ничѣмъ его, государя, въ ѣствѣ и питьѣ не испортити, и зелья и коренья лихова ни въ чемъ не дати“ и т. д.; стряпчіе клялись „лиха никакого государю не мыслити и въ платьѣ и въ полотенцѣ и во всякой стряпнѣ коренья лихова не положити“, постельничій обѣщался „въ государскомъ платьѣ и въ постеляхъ и въ подушкахъ и въ одѣялахъ и въ иныхъ во всякихъ государскихъ чинѣхъ никакого дурна не учинити и зелья и коренья ни въ чемъ не положити“ (I Полн. Собр. Законовъ, т. I, № 114). Заслуживаетъ вниманіе слова „стряпня“ и „стряпчій“. Глаголъ стряпать имѣлъ первоначально очень широкое значеніе дѣлать, хлопотать. Поэтому „стряпчіе“, въ качествѣ работниковъ или лицъ сдѣлающихъ что-либо, были вездѣ, причемъ на конюшняхъ они запрягали и отпрягали лошадей, въ мастерскихъ царскихъ палатахъ работали надъ тѣмъ, что данной палатѣ было поручено дѣлать и т. д. Но, наряду съ этимъ широкимъ смысломъ, слово стряпчій имѣло и спеціальный смыслъ; по Котошихину, когда „царю бываетъ выходъ въ церковь или походъ“, стряпчіе „несутъ передъ царемъ скипетръ, а въ церкви держатъ шапку и платокъ, а въ походахъ возятъ панцырь, саблю и саадакъ“ (колчанъ со стрѣлами). Но такъ какъ стряпчихъ, — какъ должныхъ лицъ, которые должны были носить указанную „стряпню“ (т. е. то, что сдѣлано или состряпано) было много, — то стряпчіе, подобно

другимъ придворнымъ чинамъ, являлись и въ другихъ должностяхъ, напр., посылались съ порученіями, занимали провинціальныя мѣста и т. д. „Стряпчій съ ключемъ“, между другими стряпчими, былъ главнымъ, у него былъ ключъ отъ такъ наз. „постельной казны“, т. е. всѣхъ предметовъ царскихъ опочиваленъ, и въ этомъ качествѣ, онъ былъ помощникомъ постельничаго. Изъ дворовыхъ чиновъ, какъ степеней, надо прежде всего назвать стольниковъ, которые первоначально были также должностями, но въ XVII вѣкѣ все чаще и чаще эти термины употребляются въ смыслѣ степеней или чиновъ, непосредственно идущихъ за боярами и окольничими; въ эти чины, обычно, назначаются представители московскаго дворянства.

Таковъ самый краткій очеркъ придворныхъ „чиновъ“, частію сохранявшихъ значеніе должностей, частію являвшихся простыми отличіями, или чинами, какъ степенями служебной лѣстницы. Что-же касается чиновъ военныхъ, то таковыми могутъ быть названы жильцы, дворяне московскіе и городовые, наконецъ, дѣти боярскіе. Жильцы были охранителями „государевыхъ хоромъ и палатъ“, они жили, въ извѣстной очереди, во дворцѣ (откуда и ихъ названіе) и избирались, обыкновенно, изъ городовыхъ дворянъ. Черезъ эту должность городовые дворяне переходили въ слѣдующіе чины спальниковъ, стольниковъ и пр. Московскими дворянами назывались дворяне, имѣвшія помѣстья въ Московскомъ уѣздѣ, городовыми — въ другихъ уѣздахъ, гдѣ они, обыкновенно, несли такъ наз. „осадную службу“. Что касается терминовъ „дворяне“ и „дѣти боярскіе“, то со второй половины XVI вѣка они мало отличаются, по своему значенію, другъ отъ друга, но дворяне стоятъ выше дѣтей боярскихъ, а послѣдніе являются низшимъ разрядомъ служилыхъ людей. Дворяне городовые дѣлились на нѣсколько „статей“, или группъ; первую группу составляли „дворяне выборные“, изъ коихъ избирались на срочную службу „жильцы“ и дворяне

городовые, несшіе службу въ городахъ. Второй разрядъ былъ многочисленнѣе перваго и онъ далъ позднѣе, уже въ новой исторіи, одно общее наименованіе прежнему служилому классу, а именно наименованіе дворянства.

Всѣ служилые люди получали за свою службу помѣстья, при чемъ за эти помѣстья они нетолько должны были служить сами, но должны были являться на службу „конны, людны и оружны“, т. е. приходить съ конями, людьми и оружіемъ. Московское правительство, не имѣя возможности содержать на свои средства войско, платило служилымъ людямъ землею; денежное жалованье, если оно и давалось, то являлось лишь незначительной добавкой къ помѣстной земельной дачѣ. Вопросъ о вотчинахъ и помѣстяхъ, которыми владѣли отдѣльные разряды служилыхъ людей, есть вопросъ гражданскаго права, поэтому мы на немъ теперь не останавливаемся подробно и лишь замѣтимъ, что основнымъ началомъ политики московскихъ государей при раздачѣ земель служилымъ людямъ было стремленіе, чтобъ „земля изъ службы не выходила“, какъ тогда говорили. Поэтому само помѣстье было недвижимымъ имѣніемъ, которое давалось за службу и подъ условіемъ службы, оставаясь за лицомъ, его получившимъ, до тѣхъ поръ, пока оно служило. Каждый изъ разрядовъ служилыхъ людей получалъ извѣстный помѣстный окладъ и долженъ былъ лично отбывать съ этого оклада службу. Недвижимыми имѣніями могли владѣть въ Московской Руси и другія лица, кромѣ служилыхъ людей, но на помѣстномъ правѣ землею владѣли лишь послѣдніе. Какъ владѣльцы помѣстій, а также и вотчинъ [1]), служилые люди не несли лично податей и повинностей (кромѣ

1) Вотчиною первоначально называлось недвижимое имѣніе, принадлежавшее отцу и отъ него перешедшее къ дѣтямъ. Царскій Судебникъ, напр., гласитъ въ статьѣ 85-ой, между прочимъ, слѣдующее: „а кто напишетъ свою к у п л ю (т. е. свое купленное имѣніе) дѣтямъ своимъ послѣ своего живота (послѣ своей кончины)... то имъ держати (имѣть) в ъ в о т ч и н у“.

обязанности служить); ихъ земли были „бѣлыми“, въ отличіе отъ „земель черныхъ“ или тяглыхъ, т. е. землями, освобожденными отъ податей и повинностей. Кромѣ того они имѣли право вотчиннаго суда надъ населеніемъ сидѣвшимъ на ихъ земляхъ, пользовались „кормленіями“ при назначеніи на должности, о чемъ скажемъ болѣе подробно въ отдѣлѣ объ управленіи въ Московскій періодъ. Къ личнымъ правамъ отдѣльныхъ разрядовъ служилыхъ людей надо отнести право на особую „честь“. „Честь“ эта оцѣнивалась сообразно тому или иному служебному положенію лица въ государствѣ и выражалась въ особомъ штрафѣ за безчестье, т. е. за оскорбленіе чести даннаго лица. Штрафъ этотъ былъ различенъ для отдѣльныхъ разрядовъ служилыхъ людей; его установленіемъ уже занимается Судебникъ 1550 г. (статья 26), но еще болѣе подробно — Соборное Уложеніе (гл. X, ст. 90—93), при чемъ, по этому памятнику, низшіе разряды служилыхъ людей получали штрафъ за безчестье въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ гости и торговые люди гостинной сотни (ibid., ст. 94—95). Есть также нѣкоторыя особенности положенія отдѣльныхъ разрядовъ служилыхъ людей въ области права уголовнаго и процесса, но эти особенности могутъ быть выяснены обстоятельно лишь при обзорѣ исторіи уголовнаго права и процесса. Въ общемъ, служилый классъ является тяглымъ, какъ и всѣ другіе классы Московскаго государства, но особенность его тягла (служба, какъ личная повинность) объясняла и особенности его положенія, какъ по отношенію къ землевладѣнію и къ сидящимъ на его земляхъ крестьянамъ, такъ и по отношенію къ правамъ и преимуществамъ, которыми онъ владѣлъ. Неся тягло личной службы, этотъ классъ не могъ нести тягла другихъ классовъ, почему и былъ избавленъ отъ податей и повинностей, падавшихъ на другіе классы. Въ свою очередь близость къ государямъ приводила ко многимъ личнымъ его преимуществамъ.

§ 2.

Городское население.

(Понятіе города и посада. Посадскіе люди и ихъ тягло; запрещеніе выхода изъ тягла и очищеніе посадовъ и слободъ на Москвѣ и въ городахъ отъ частно-владѣльческаго населенія. Дѣленіе посадскихъ людей на разряды. Гости, торговые люди гостинной и суконной сотенъ; городскіе молодшіе люди, или собственно-посадскіе. Попытка объединенія посадскихъ людей въ XVII вѣкѣ).

Древніе русскіе города состояли, обыкновенно, изъ укрѣпленнаго мѣста, крѣпости, или кремля, какъ называлось это укрѣпленное мѣсто нерѣдко въ древности [1]). Около этихъ городовъ ютились посады. Посады первоначально были неогражденныя поселенія, создававшіяся за стѣнами города. По мѣрѣ увеличенія населенія посадовъ, развитія ихъ торговли и промысловъ и т. д. являлась необходимость окружить и посады стѣнами, въ интересахъ безопасности ихъ жителей. Нерѣдко дальнѣйшее развитіе даннаго поселенія и увеличеніе числа его жителей влекло образованіе около него новыхъ посадовъ и слободъ, которые, въ свою очередь, обносились валами и стѣнами, такъ что въ городѣ образовывалось иногда нѣсколько концентрическихъ круговъ стѣнъ или валовъ (примѣромъ можетъ служить Москва ея Кремлемъ, за нимъ Китай-городъ, опять обнесенный стѣной, Бѣлый городъ и т. д.) Если въ первоначальномъ укрѣпленіи, или собственно-городѣ, какъ крѣпости, жили, обыкновенно, служилые люди, представители духовенства, то въ посадахъ обитали такъ наз. „посадскіе люди“, мѣщане, какъ они стали именоваться въ новой нашей исторіи. Жи-

1) Литература: А. Д. Градовскій „Исторія мѣстнаго управленія (С.-П., 1868), стр. 145 сл.; Н. Д. Чечулинъ „Города Московскаго государства въ XVI вѣкѣ“ (С.-П., 1889 г.); В. И. Сергѣевичъ „Русс. юрид. древности“, т. II, стр. 313 сл.

тели этихъ посадовъ въ старину мало отличались отъ сельскаго населенія по роду своихъ занятій, такъ какъ нетолько вели мелкую торговлю и промыслы, но и занимались земледѣліемъ, огородничествомъ, имѣли обширные сѣнные покосы и это продолжалось во многихъ городахъ до конца изучаемаго періода. Но, между посадскими людьми и крестьянами, сидѣвшими на частно-владѣльческихъ земляхъ, а именно на земляхъ монастырей и служилыхъ людей, было то весьма важное различіе, что первые состояли въ тяглѣ самого государства, т. е. несли извѣстныя повинности съ такъ наз. „тяглыхъ городскихъ дворовъ“ и съ торговыхъ промысловъ непосредственно въ пользу самого государства. Въ этомъ случаѣ. посадскіе люди были подобны свободному сельскому населенію, сидѣвшему на такъ наз. государевыхъ волостныхъ земляхъ, и носившему наименованіе „черныхъ людей“. Въ то время, какъ служилые люди несли личную службу, а крестьяне, сидѣвшіе на ихъ земляхъ, разные оброки и повинности главнѣйше въ ихъ пользу, черные люди — волостные и посадскіе, — иначе говоря свободные сельчане и горожане, несли такъ наз. „черное тягло“ въ пользу государства, различаясь другъ отъ друга нестолько по роду своихъ занятій, сколько по тому, куда они тянули по своему тяглу, т. е., куда они были приписаны для выполненія своихъ повинностей и податей, а именно — къ городу, или къ уѣзду. Первоначально всѣ тяглые люди, волостные, или уѣздные, посадскіе, или городскіе, могли свободно переходить изъ города въ городъ, а равно изъ волостей въ города и обратно. Съ начала XVII вѣка, частію подъ вліяніемъ челобитій самихъ посадскихъ людей, правительство начинаетъ возвращать въ посады ушедшихъ изъ нихъ людей, а затѣмъ, по Соборному Уложенію, прикрѣпляетъ посадскихъ къ ихъ поселеніямъ, требуя, чтобъ каждый посадскій принадлежалъ къ обществу того города, гдѣ онъ числится въ тяглѣ. Затѣмъ имъ-же запрещается

частно-владѣльческому населенію выходить изъ-за вотчинниковъ и другихъ владѣльцевъ и селиться въ посадахъ и государевыхъ слободахъ. Съ этого времени въ городахъ могутъ жить, въ качествѣ его постоянныхъ обывателей, только тяглые или черные люди, составляя изъ себя такъ называемыя черныя сотни и черные слободы. Разница между тѣми и другими состояла въ томъ, что слобожане были приписаны къ государеву дворцовому управленію, черные-же сотни составлялись изъ посадскихъ людей, сидѣвшихъ на государственныхъ земляхъ. Указанныя постановленія Соборнаго Уложенія полагаютъ начало обособленію тяглаго городскаго населенія отъ сельскаго, при Петрѣ В. это обособленіе идетъ еще дальше и городское торгово-промышленное населеніе уже рѣзко отличается отъ сельскаго, какъ мы увидимъ это въ свое время. Чтобы понять указанныя постановленія Соборнаго Уложенія, надо войти въ нѣкоторыя подробности, касающіяся положенія посадскихъ людей.

Посадскіе люди были, какъ сказано, людьми „черными“, а это на языкѣ памятниковъ московскаго времени значитъ, что они были людьми тяглыми. Они владѣли сообща посадскою землею, имѣли, подобно слобожанамъ, своихъ старостъ и выборныхъ, несли сообща подати и отправляли повинности, что и было ихъ тягломъ. Изъ сказки тяглыхъ посадскихъ людей на Земскомъ Соборѣ 1642 г. видно, между прочимъ, каковы были эти подати и повинности.[1]) Желаніе избыть тяжести этого тягла, съ одной стороны, надежда найти болѣе льготныя условія существованія,

1) А именно они заявили царю, что-де „мы сироты твои... нынѣ оскудѣли и обнищали отъ великихъ пожаровъ, и отъ пятинныхъ денегъ, и отъ даточныхъ людей, отъ подводъ..., и отъ поворотныхъ денегъ, и отъ городоваго земляного дѣла, и отъ твоихъ государевыхъ великихъ податей, и отъ многихъ цѣловальничь службъ... съ гостьми и опричь гостей...“

съ другой, приводили къ тому, что многіе посадскіе уходили изъ посадовъ и тѣмъ увеличивали податное время остававшихся на прежнихъ поселеніяхъ людей, ввиду того, что подати и повинности неслись всею посадскою общиною, на основаніи круговой поруки. Кромѣ того, само правительство переводило лучшихъ людей изъ посадовъ въ такъ наз. гостинную и суконную сотни, о которыхъ мы скажемъ ниже особо, какъ объ этомъ заявляли, напр., сами посадскіе люди въ 1621 г. („людишки бѣдные и молотшіе отъ того великаго тягла (отъ насъ) бѣгутъ розно; а которые были у насъ лутшіе люди, и тѣ взяты въ гостинную сотню и суконную"). Такъ какъ тяжелыя обстоятельства, въ которыхъ было государство въ первой половинѣ XVII вѣка, не дозволяли ему и думать объ уменьшеніи податныхъ тяготъ посадскаго населенія, то оставалось лишь принять мѣры къ возвращенію убѣгавшихъ на ихъ прежнія „посады" и запретить выходъ имъ оттуда впредь, что и дѣлается какъ въ рядѣ указовъ первой половины XVII вѣка, такъ и по Соборному Уложенію. Затѣмъ, какъ уже было указано, въ послѣднемъ, подъ вліяніемъ челобитій выборныхъ отъ служилыхъ и посадскихъ людей (Ак. А. Э., IV, № 32), явилось знаменитое постановленіе, благодаря которому посады и слободы на Москвѣ и въ городахъ были очищены отъ частно-владѣльческаго населенія, а именно ст. 1 гл. XIX Ул. предписала: „впредь опричь государевыхъ слободъ ничьимъ слободамъ на Москвѣ и въ городахъ не быти". Какъ извѣстно, между посадскими и частно-владѣльческими крестьянами, сидѣвшими въ слободахъ было то коренное различіе, что первые состояли въ тяглѣ самого государства, тогда какъ вторые, живя около городовъ, хотя „всякими промыслы промышляютъ и лавками владѣютъ", какъ говоритъ Уложеніе, однако, „государевыхъ податей не платятъ и службъ не служатъ". Но, если отъ этого терпѣла

государственная казна, то не меньше несли убытковъ и сами посадскіе, около посадовъ которыхъ, на прежнихъ „животинныхъ выгонахъ“ (т. е. выгонахъ скота), — какъ говоритъ указанное челобитье служилыхъ и посадскихъ людей, — крестьяне частныхъ владѣльцевъ „покупили себѣ . . . тяглые дворы и лавки и погребы каменные и торгуютъ всякими товары и своею мочью и заступою откупаютъ откупы . . . и отъ того-де служилые и тяглые люди обѣдняли и одолжали неоплатными долги, а промысловъ своихъ многіе отбыли“ (Ак. А. Э., IV № 32, 1). Уложеніе беретъ эти частновладѣльческія слободы „за государя въ тягло“, чѣмъ радикально разрѣшаетъ вопросъ волновавшій тогдашнее посадское населеніе. Въ государево тягло должны далѣе записываться всѣ тѣ „вольные люди“ или иные „чьи-нибудь“, которые вздумаютъ „всякими промыслы промышлять“ (Ул. XIX, 3); „быть въ тяглѣ“ должны и „всякихъ чиновъ“ служилые люди, имѣющія лавки и промыслы; иначе-же — они должны „лавки свои продати государевымъ тяглымъ людямъ“ (ib. 4 ст.). Уложеніе дозволяетъ, впрочемъ, жить торговымъ людямъ на частновладѣльческихъ земляхъ (въ „вотчинныхъ и помѣстныхъ слободахъ, селахъ и деревняхъ“, какъ оно говоритъ), если они лежатъ „отъ посадовъ не близко“ (ibid., 9 ст).

Посадскіе люди, являясь кореннымъ населеніемъ городовъ, какъ торгово-промышленныхъ центровъ, дѣлились, подобно служилымъ людямъ, на разряды, (или „на статьи“): высшимъ разрядомъ были гости, выбиравшіеся изъ лучшихъ (собственно — наиболѣе богатыхъ) посадскихъ, за ними шли средніе торговые люди, подраздѣлявшіеся на двѣ „сотни“, такъ наз. „гостинную“ и „суконную“; наконецъ „молодшіе“ „городскіе“ люди были собственно-посадскими людьми, занимавшимися мелкою торговлею и промыслами, неисключая и земледѣльческаго. Уже Царскій Судебникъ различаетъ во 1-хъ гостей, во 2-хъ торговыхъ людей

среднихъ и въ 3-хъ городскихъ, или посадскихъ, людей молодшихъ (26 ст.), назначая каждому изъ этихъ разрядовъ особое вознагражденіе за безчестье. Остановимся на каждомъ изъ этихъ разрядовъ особо. Верхнимъ слоемъ посадскаго, или городскаго, населенія были гости. Гости извѣстны и предъидущему періоду, первоначально, какъ иноземные или чужестранные торговцы (стр. 117); въ Московскій періодъ исторіи нашей — гость есть званіе, жалуемое государями торговымъ людямъ за ихъ особо-усердную, точнѣе — за особо-прибыльную, для государевой казны, службу. По словамъ Котошихина, „гостиннымъ именемъ“ жаловались торговые люди за службу въ таможенныхъ и кружечныхъ (кабацкихъ) дворахъ и у соболиной казны, т. е. за службу по продажѣ мѣховъ, привозимыхъ изъ Сибири. Пожалованный въ „гости“ торговый человѣкъ получалъ на свое званіе, или чинъ, особую грамоту, которая обезпечивала за нимъ многія преимущества. Въ грамотѣ, данной царемъ Борисомъ Годуновымъ „торговому человѣку“ Ивану Соскову, пожалованному „гостиннымъ именемъ“, мы читаемъ слѣдующее: „велѣли ему быти въ гостѣхъ и на дворѣ его стоялщикомъ никакимъ не ставитися (т. е. не ставить на его дворѣ никакихъ постоевъ), опричь нашихъ походовъ, и всякое питье велѣти ему держати безъявочно и безвыимочно про себя, а въ которые городы Иванъ поѣдетъ, или его дѣти, или племянники съ его товары, и въ тѣхъ городѣхъ наши намѣстники и воеводы и всякіе приказные люди ихъ не судятъ ни въ чемъ, а судимъ мы, великій государь . . . . и сынъ нашъ, царевичъ . . . .“ (Доп. къ Актамъ Истор., т. I, № 147.) Первоначально такія грамоты давались отдѣльнымъ торговымъ людямъ, затѣмъ въ XVII вѣкѣ вообще гости, какъ особый высшій разрядъ торговыхъ людей, имѣли особыя преимущества, сводившіяся къ праву быть свободными отъ суда воеводъ и другихъ приказныхъ людей и быть судимымъ

самимъ государемъ, къ свободѣ отъ чернаго тягла, къ праву на владѣніе вотчинами и помѣстьями, подъ условіемъ службы въ таможенныхъ и иныхъ финансовыхъ учрежденіяхъ и исполненія порученій правительства. Гостей было вообще немного; по Котошихину „будетъ ихъ близко 30 человѣкъ“. Наглядно важность ихъ служилаго значенія на Москвѣ видна изъ того большаго штрафа, сравнительно, съ другими посадскими людьми, какой назначался имъ, по Судебнику 1550 г., за „безчестье“: „а гостемъ большимъ“, гласитъ 26 статья Судебника, „безчестіе 50 рублевъ, а женамъ ихъ вдвое противъ безчестья. А торговымъ людямъ . . . середнимъ . . . 5 рублевъ . . .; а . . . черному городскому („посадскому“) молодчему безчестья рубль . . .“ Такимъ образомъ честь „гостей“, какъ лицъ, занимавшихъ важныя финансовыя должности (головъ таможенныхъ, кабацкихъ и пр.) и исполнявшихъ отвѣтственныя порученія, цѣнилась въ 10 разъ больше чести среднихъ торговыхъ людей и въ 50 разъ больше молодшихъ посадскихъ людей. Состоя на службѣ у правительства, гости вели сами свою торговлю, обычно — оптовую и при томъ нерѣдко „отъѣзжую“, т. е. не только на Москвѣ, но и въ другихъ городахъ.

Среднимъ торговымъ классомъ на Москвѣ были торговые люди гостинной и суконной сотенъ. По Котошихину „гостиная и суконая сотни устроены для того: на Москвѣ и въ городѣхъ бываютъ (онѣ) у зборовъ царскіе казны, въ цѣловальникахъ, и торги своими торгуютъ же и всякими промыслами промышляютъ“ т. е., иначе говоря, члены этихъ двухъ сотенъ, взятые изъ посадскихъ, остаются торговцами и промышленниками, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, служатъ правительству по сбору государевыхъ доходовъ и занимаютъ должности цѣловальниковъ, о которыхъ скажемъ особо въ своемъ мѣстѣ. Являясь вообще товарищами „гостей“ по службѣ своей, торговые люди этихъ сотенъ пользовались и тѣми преимуществами, какими пользовались

первые, но только въ нѣсколько меньшихъ размѣрахъ, „Гостинная сотня“ считалась выше „суконной“ и только члены первой дѣлались гостями. Каждая сотня являлась особою корпораціею, отличною отъ черныхъ посадскихъ сотенъ, почему жалованныя грамоты, дававшіяся членамъ гостинной, напр., сотни предписывали имъ „съ черными сотнями никакихъ дѣлъ не дѣлати и не тянути ни въ чемъ, опричь своей г о с т и н ы я сотни“ . . . (А. А. Э., т. II, № 49). Каждая сотня дѣлилась на 3 „статьи“, или разряда (большую, среднюю и меньшую статьи) и каждой „статьѣ“, по Уложенію, полагалось особое вознагражденіе за безчестье (ст. 94, гл. X Уложенія).

Выйдя изъ состава „молодшихъ“, или „городскихъ“ (посадскихъ) какъ ихъ называетъ Судебникъ 1550 г., людей, всѣ эти разряды не были тяглыми людьми, тогда какъ „молодшіе“, или собственно-посадскіе, люди тянули „черное тягло“. Они сидѣли на государевой (государственной) землѣ, которой были наслѣдственными владѣльцами. Они могли распоряжаться своими тяглыми дворами, т. е. могли ихъ продавать, закладывать, завѣщать и пр., подъ условіемъ, чтобъ лица, ихъ пріобрѣтавшіе, н е „обѣляли“ ихъ, т. е. не уклонялись отъ несенія тѣхъ податей и повинностей, какія лежали на городскихъ тяглыхъ дворахъ, такъ какъ иначе тоже тягло разлагалось между меньшимъ количествомъ плательщиковъ и было для нихъ еще тяжелѣе; въ теченіи всего періода идутъ запрещенія „обѣлять“ тяглые дворы, но запрещенія эти, однако, обходятся различными способами.

Посадскіе люди, раздѣлявшіеся на указанные разряды, не были объединены въ одно цѣлое; наоборотъ, между отдѣльными разрядами была очень большая разница: если гости и торговые люди указанныхъ двухъ „сотенъ“ были своего рода „служилыми людьми“, несшими свою службу въ финансовыхъ учрежденіяхъ эпохи, то собственно-посадскіе, или „городскіе молодшіе люди“, были тяглыми закрѣпощенными людьми, имѣв-

шими много сходства съ тяглыми волостными людьми, или крестьянами, сидѣвшими на государевой (государственной) землѣ. Въ концѣ XVII вѣка явилась, впрочемъ, попытка объединить управленіе городскимъ посадскимъ населеніемъ въ одномъ учрежденіи и черезъ это связать это населеніе въ одно цѣлое. А именно еще въ 1867 г. знаменитый весьма дѣятель царствованія Алексѣя Михаиловича А. Л. Ординъ-Нащокинъ въ Новоторговомъ уставѣ [1]), между многими другими мѣрами провелъ мысль объ объединеніи управленія торгово-промышленнаго населенія городовъ въ одномъ общемъ „пристойномъ Приказѣ“. Статьи 88 „Нов. устава“ гласятъ, „что, для многихъ волокитъ во всѣхъ приказахъ, купецкихъ людей пристойно вѣдать въ одномъ пристойномъ Приказѣ... который бы Приказъ былъ купецкимъ людямъ во всѣхъ порубѣжныхъ городахъ отъ иныхъ государствъ оборономъ и во всѣхъ городахъ отъ воеводскихъ налогъ былъ имъ защитою и управою... чтобъ всѣмъ купецкимъ людямъ давати судъ и управа на всякихъ чиновъ людей въ томъ же одномъ приказѣ непремѣнно“... Въ литературѣ высказывалось мнѣніе (И. Д. Бѣляевымъ, И. И. Дитятинымъ и др.), что этотъ приказъ такъ и остался проектомъ. Замѣтимъ кстати, что это мнѣніе находитъ подтвержденіе въ архивныхъ данныхъ, напечатанныхъ Н. А. Поповымъ. Изъ нихъ видно, что, хотя на Москвѣ XVII в. и существовали учрежденія подъ именемъ „Купецкой Палаты“ или „Приказа купецкихъ дѣлъ“, но эти учрежденія не имѣли ничего общаго ни съ Приказомъ Ор.-Нащокина, ни съ Бурмистерскою Палатою, явившеюся при Петрѣ Великомъ [2]). Во всякомъ случаѣ, мысль Ординъ-Нащокина, хотя и не осуще-

1) Текстъ его см. въ Собр. Гос. Грам. и Дог., т. IV, № 55.
2) „Вопросъ о приказѣ купецкихъ дѣлъ“ (Жур. Мин. Нар. Просв., 1889 г., № 2).

ствилась при немъ, но и не погибла совершенно, возродившись вновь при Петрѣ Великомъ, когда 30 янв. 1699 г. данъ былъ указъ объ утвержденіи въ Москвѣ „Бурмистерской Палаты“ а въ городахъ т. н. „Земскихъ избъ“.

§ 3.

Сельское крестьянское населеніе.

1.

Крестьяне черныхъ волостей.

(Наименованія сельскаго населенія въ Московской Руси. Крестьяне тяглыхъ, или черныхъ, волостей; порядокъ пользованія и распоряженія ими землею; ограниченія въ правѣ ея отчужденія. Самоуправленіе крестьянъ, сидѣвшихъ на черныхъ волостныхъ земляхъ. Понятіе о черномъ тяглѣ.)

Сельское земледѣльческое свободное населеніе, носившее въ удѣльно-вѣчевой періодъ наименованіе смердовъ (стр. 119 сл.), съ конца XIV вѣка стало называться христіанами или крестьянами[1]). Впервые это

---

1) Важнѣйшая литература по исторіи крестьянъ: Б. Н. Чичеринъ „Холопы и крестьяне въ Россіи до XVI вѣка“ (Опыты по исторіи русскаго права, М. 1858); И. Д. Бѣляевъ „Крестьяне на Руси“ (М. 1860); К. С. Аксаковъ „О состояніи крестьянъ въ древней Россіи“ (П. Соб. Сочиненій, I т., М. 1861 г.); К. П. Побѣдоносцевъ „Историческіе очерки крѣпостнаго права“ (Историческія изслѣдованія и статьи“, С.-П., 1876 г.); П. А. Соколовскій „Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи“ (С.-П., 1877 г.); его-же „Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи и колонизація юго-восточныхъ степей предъ крѣпостнымъ правомъ“ (С.-П., 1878 г.); И. Е. Энгельманъ „Die Leibeigenschaft in Russland“ (Д., 1884 г.); русскій переводъ той же книги, подъ названіемъ „Исторія крѣпостнаго права въ Россіи, М., 1900 г.). В. И. Ключевскій „Происхожденіе крѣпостнаго права въ Россіи“ (Русская Мысль, 1885 г., №№ 8—10); М. А. Дьяконовъ „Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ (XVI—XVII в. в)“. С.-П., 1898 г.; В. И. Сергѣевичъ „Рус. Юр. древности“ (С.-П., 1902 г.), т. II; срав. также статью П. Н. Милюкова — „Исторія крестьянъ въ Россіи до освобожденія“ — въ „Энциклопедическомъ

названіе, какъ думаютъ, встрѣчается въ уставной грамотѣ, данной митрополитомъ Кипріяномъ въ 1391 г. одному монастырю, гдѣ говорится, что „Кипріянъ такъ рекъ игумену и христіаномъ монастырскимъ: ходите вси по моей грамотѣ, игуменъ сироты держи и сироты игумена слушайте“ (Акты Арх. Экс., т. I, № 11). Изъ дальнѣйшаго содержанія грамоты видно, что подъ христіанами-сиротами разумѣются земледѣльцы, сидѣвшіе на монастырской землѣ и обязанные извѣстными оброками и повинностями. И если, въ широкомъ смыслѣ слова, „христіаниномъ-крестьяниномъ“ былъ всякій, кто исповѣдывалъ Христову вѣру, то въ спеціальномъ — это былъ земледѣлецъ, прежній смердъ, сидѣвшій на чьей-либо землѣ, а именно, либо на землѣ государевой (дворцовой), либо государственной (черной, волостной), либо, наконецъ, на землѣ частныхъ владѣльцевъ (монастырей, вотчинниковъ и помѣщиковъ). Упоминаніе о крестьянахъ, какъ людяхъ, сидящихъ на землѣ и ее обработывающихъ, встрѣчается постоянно въ памятникахъ Московскаго періода нашей исторіи, почему выраженія „порядиться во крестьяне“, „быть въ крестьянствѣ“ и т. п. означали состояніе людей, водворившихся на землѣ для веденія хозяйства: оба Судебника (1497 г. и 1550 г. г.) говорятъ о крестьянскихъ „дворахъ“ (статьи 57 и 88); по Соборному Уложенію крестьяне записаны „на помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ“ (ст. 30 главы XI), при чемъ владѣльцамъ запрещается отрывать крестьянъ отъ земли и переводить въ городовые (городскіе) дворы (ст. 14 главы XIX). Понятіе крестьянина искони мыслилось у насъ, какъ понятіе человѣка, связаннаго съ землею, а не съ лицомъ помѣщика или вотчинника, во владѣніяхъ коего онъ обиталъ. Впослѣдствіи, особенно въ

словарѣ“ Брокгауза, подъ словомъ „крестьяне“; въ концѣ статьи приведена важнѣйшая литература о крестьянахъ до времени освобожденія ихъ отъ крѣпостной зависимости включительно.

новой исторіи нашей, эта мысль почти затеривается, крестьяне постоянно отрываются отъ земли, какъ бы считаясь крѣпкими не землѣ, а помѣщику, но общественное сознаніе лучшихъ людей какъ XVII вѣка, такъ и послѣдующихъ двухъ вѣковъ всегда стояло за связь крестьянина съ землею, почему и протестовало противъ предполагавшагося нѣкоторыми безземельнаго или личнаго освобожденія крестьянъ. Кромѣ наименованія земледѣльцевъ крестьянами, были и другія. Такъ крестьяне именовались людьми „тяглыми“, „черными“, „волостными“, „монастырскими“, „помѣщичьими“ и пр., когда отмѣчалось, на чьихъ земляхъ они сидѣли; назывались людьми „письменными“, „численными“ (т. е. записанными въ тягло и „изчисленными“ для уплаты податей), когда указывалось на ихъ податное состояніе (съ этой точки зрѣнія они назывались также „даньскими людьми“, т. е. платящими „дань“); назывались „сиротами“, какъ люди „молодшіе“, требовавшіе болѣе другихъ защиты и помощи, „бобылями“, когда являлись людьми безземельными, „старожильцами“, когда долго жительствовали, или сидѣли, на земляхъ тѣхъ или другихъ владѣльцевъ; „своеземцами“ (въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ), когда сидѣли на своихъ собственныхъ земляхъ, и т. д. Громадное большинство крестьянъ сидѣло, впрочемъ, какъ сказано, на земляхъ, либо государевыхъ, либо государственныхъ, либо частно-владѣльческихъ (откуда и названіе послѣдняго рода крестьянъ „владѣльческими“, встрѣчающееся въ литературѣ нашей). Такъ какъ положеніе крестьянъ, сидѣвшихъ на земляхъ государевыхъ и государственныхъ не было, въ изучаемый періодъ, всегда и во всемъ одинаково съ положеніемъ крестьянъ владѣльческихъ, то, для ясности, необходимо разсмотрѣть особо вопросъ о крестьянахъ, сидѣвшихъ на черныхъ, или тяглыхъ, волостныхъ земляхъ, и о крестьянахъ, сидѣвшихъ на земляхъ частныхъ владѣльцевъ. Подъ перваго рода землями (т. е.

черными волостными землями) разумѣлись долго (по крайней мѣрѣ до половины XVI вѣка) какъ земли государевы, такъ и государственныя и положеніе крестьянъ, сидѣвшихъ на этихъ земляхъ, въ общемъ, было до конца періода весьма схоже, что и даетъ основаніе къ раздѣленію крестьянъ лишь на двѣ группы — крестьянъ черныхъ волостныхъ и крестьянъ владѣльческихъ (или частно-владѣльческихъ). Къ очерку этихъ двухъ группъ крестьянъ мы теперь и обратимся.

Тяглыя волостныя земли когда-то (въ XIV—XV вѣкахъ) занимали въ Московской Руси громадныя пространства и были населены многочисленнымъ, хотя и тяглымъ, но свободнымъ крестьянствомъ, жившимъ въ самоуправляющихся общинахъ. Въ княженіе Іоанна III впервые можно отмѣтить (хотя, впрочемъ, лишь въ покоренной Москвою Новгородской землѣ) обширныя раздачи въ вотчины и помѣстья черныхъ земель; въ послѣдующія царствованія эти раздачи продолжаютъ совершаться, весьма убавляя количество черныхъ волостныхъ, или уѣздныхъ (какъ онѣ еще называются) земель, особенно въ центральныхъ мѣстностяхъ Московскаго государства. Наоборотъ, въ поморскихъ сѣверныхъ уѣздахъ черныя земли сохранялись очень долго [1]). Въ половинѣ XVII вѣка Котошихинъ считалъ въ черныхъ волостяхъ и слободахъ лишь 20 тысячъ дворовъ, въ дворцовыхъ-же волостяхъ уже 30 тысячъ, у патріарха, митрополитовъ, архіепископовъ и монастырей болѣе 100 тысячъ; за боярами-же и прочими чинами ихъ было столько, что, по автору, „того и написати немочно“ („О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михаиловича“, гл. XI). Московскіе государи распоряжались этими черными землями по своему усмотрѣнію, раздавая ихъ служилымъ людямъ и мона-

1) О количественномъ отношеніи земель частныхъ владѣльцевъ къ чернымъ тяглымъ землямъ въ концѣ XVI вѣка см. свѣдѣнія, приводимыя въ книгѣ Н. Рожкова „Сельское хозяйство Московской Руси XVI в.“ (М. 1899 г.) стр. 368 сл.

стырямъ. На эти земли садились крестьяне по особымъ договорамъ, носившимъ наименованіе „порядныхъ записей“. Въ этихъ договорахъ, они обѣщали нести „со крестьяны вмѣстѣ“ черное тягло, за что получили особые податные участки (или „выти“) въ пользованіе. Какъ-бы ни относиться къ вопросу о происхожденіи тяглой общины „черныхъ людей“, или крестьянъ, т. е. считать-ли ее изстариннымъ учрежденіемъ, какъ думалъ Бѣляевъ и др., или, наоборотъ, признавать ее учрежденіемъ, создавшимся въ исторіи довольно поздно (въ XVI вѣкѣ), подъ вліяніемъ мѣръ правительства, какъ полагаетъ Чичеринъ (вѣрнѣе — первое мнѣніе), неоспоримымъ, на нашъ взглядъ, является фактъ, что, по крайней мѣрѣ съ XV вѣка черныя земли, по бо́льшей части, суть общинныя земли. Однѣ части этихъ земель, какъ лѣса, луга, выгоны, пустоши и воды, находятся въ общемъ непосредственномъ владѣніи и пользованіи цѣлой общины, другія-же, какъ усадьбы, пашни, находятся въ наслѣдственномъ пользованіи отдѣльныхъ членовъ-вытчиковъ. Первое положеніе можно вывести изъ такихъ, напр., мѣстъ актовъ, въ которыхъ говорится, что „сѣкутъ лѣсъ (рубятъ) крестьяне, съѣзжаяся“, что „лѣсъ у села . . . вопче“; что „тотъ, господине, Митя (говорятъ крестьяне судьѣ, жалуясь на своего сосѣда „Митьку Ѳомина сына Нефедьева“) у насъ, у всей волости, поскотинныя земли (т. е. выгонъ) отнялъ и отгородилъ къ своей землѣ“ и мн. др.; второе изъ такихъ, въ которыхъ видно, что садившимся въ черныя волости крестьянамъ давались отдѣльные участки („мнѣ тотъ лѣсъ дали волость — староста, со крестьяне — и язъ, господине, избу поставилъ“, говоритъ, напр., одинъ поселенецъ о расчищенномъ подъ усадьбу участкѣ земли, который онъ получилъ отъ волости; „а далъ намъ, господине, селище Драчково... староста ... и всѣ крестьяне“, говоритъ другой и т. п.). Крестьяне, съ согласія общины (когда въ ея владѣніи земли было много), переходятъ съ одного

участка на другой, или-же подчиняются общему ея передѣлу, согласно количеству наличныхъ душъ, качествамъ земли и пр. Община тяглыхъ крестьянъ, въ дѣлахъ о землѣ, являлась юридическимъ лицомъ, которое пріобрѣтало земли всѣми возможными способами (пожалованіемъ, куплею, мѣною, по завѣщаніемъ и пр.) и защищало свои владѣнія отъ чьихъ-либо посягательствъ на землю черезъ своихъ старостъ и другихъ выборныхъ лицъ. Поэтому въ спорныхъ дѣлахъ о земляхъ черныхъ общинъ, или сотенъ, мы читаемъ, что „тягался ... староста (такой-то) и во всѣхъ крестьянъ мѣсто“ (вмѣсто всѣхъ крестьянъ) съ такимъ то (приказчикомъ или монастыремъ и пр.).

Весьма спорнымъ въ литературѣ является вопросъ о томъ, были-ли крестьяне черныхъ волостей, или сотенъ, собственниками земли, на которой они сидѣли, или только ихъ владѣльцами? Терминологія юридическихъ актовъ, говорящихъ о черной тяглой землѣ и объ отношеніи къ ней крестьянъ не даетъ вполнѣ твердой опоры для рѣшенія этого важнаго вопроса. Если въ такъ называемыхъ отступныхъ грамотахъ (или купчихъ договорахъ на тяглую землю) земля эта постоянно именуется государевою землею, при чемъ указывается, что крестьянамъ принадлежитъ лишь право владѣнія ею, то, съ другой стороны, въ актахъ, касающихся споровъ о землѣ тѣже земли крестьяне называютъ „своими“, „нашими“ и т. п. „Се язъ ... отступился есми царевы (государевы) великаго князя земли, а моего владѣнья“; или „отступился (т. е. уступилъ такому-то лицу) государеву великаго князя землю, а мое владѣнье“, или „посилье“ [1]) — го-

1) „Посилье“ — тяглый участокъ или „жеребій“, находящійся во владѣніи даннаго лица; величина участка обусловливаетъ размѣръ тягла. Обычно, „посилье“ уступаетъ крестьянинъ другому, когда, онъ „изнемотлъ“, т. е. когда ему „не по силѣ“ нести тягло, а именно „государевы великаго князя дани давати, ни службы служити съ земскими людьми, или хлѣба посыпнаго сыпати въ государевы житницы, или пошлинъ платити“ ...

ворятъ акты перваго рода; „та, господине, земля — наша“; „а за Савкою, господине, земля наша была за нашимъ крестьяниномъ въ выти“; „отнялъ (такой-то) у насъ, господине, ту нашу землю... сильно, а ужо тому семь лѣтъ, а та земля наша волостная, черная, тяглая“ и т. д. — говорятъ крестьяне судьѣ при спорѣ о землѣ, какъ-бы подтверждая второе положеніе, при чемъ иногда и сами государи называютъ эту землю крестьянскою; говоримъ, „какъ-бы“ потому, что наименованіе общиною данной земли „своею“, „нашею“ и т. д. еще не служитъ само по себѣ доказательствомъ, что община является собственникомъ земли, такъ какъ и владѣлецъ земли можетъ называть ее своею, въ качествѣ лица, пользующагося землею и т. д. Но, если терминологія актовъ не даетъ возможности отвѣтить вполнѣ положительно на вопросъ, кто былъ собственникомъ черной волостной земли, то отношеніе самой волостной общины къ этой земли было таково, что заставляетъ притти къ заключенію, что она нетолько пользовалась землею, но и распоряжалась ею, а именно мѣняла, продавала, вообще отчуждала, а равно и отыскивала землю по суду, въ случаѣ завладѣнія ею кѣмъ-либо постороннимъ, т. е. распоряжалась землею, какъ своею собственностью. Тѣже ограниченія въ правѣ отчужденія, какія ставило законодательство, не уничтожали вообще права распоряженія землею со стороны общины, или ея отдѣльныхъ членовъ (съ согласія первой), но лишь имѣли въ виду пресѣчь выходъ черной земли изъ тягла; пріобрѣтеніе черной земли кѣмъ-либо возможно было лишь въ случаѣ взятія на себя пріобрѣтателемъ обязанности нести тягло, лежащее на этой землѣ, стало быть, отчуждать землю можно было только лицамъ, обязавшимся „тянуть тягло“ [1]). Ввиду обхода этого запрещенія, было

1) Въ грамотѣ царя Михаила Ѳеодоровича, данной въ 1614 г. Устюжнѣ Желѣзопольской, говорится, напр., что „кто учнетъ жити на черной землѣ, сынъ боярскій или приказный человѣкъ,

запрещено (по указу 1626 г.) продавать черныя земли бѣломѣсцамъ „безъ государя“, чтобъ земля не выходила изъ тягла. Общее заключеніе, къ которому надо притти, будетъ то, что, хотя земля считалась государевою (государственною), или, какъ иногда говорятъ источники, „Божіею, да государевою“, а у крестьянъ, сидѣвшихъ на этой землѣ было лишь право владѣнія ею (откуда и выраженія актовъ, что „то земля царя и великаго князя, а нашего владѣнья“), отношенія крестьянъ къ землѣ не ограничивались однимъ владѣніемъ ею, но шли дальше и крестьяне распоряжались ею, какъ-бы своею собственностью. Происходило это отъ того, что правительство московское болѣе всего интересовалъ вопросъ о томъ, чтобъ земля не выходила изъ тягла, а не о томъ, въ какой мѣрѣ осуществляютъ крестьяне свои права на эту землю, тѣмъ болѣе, что оно всегда могло ограничить это право распоряженія, если находило его для себя неудобнымъ. Смотря на это право распоряженія черными волостями, а иногда и отдѣльными крестьянами, тяглою землею, мы бы должны были считать ихъ собственниками этой земли, въ дѣйствительности-же, по взглядамъ эпохи, они были только ея владѣльцами, но владѣльцами съ очень широкими правами, дѣлавшими ихъ фактически настоящими собственниками.

Внутри черныя волости пользовались правами самоуправленія. Котошихинъ, хотя кратко, но довольно ясно рисуетъ намъ картину этого самоуправленія, находящую себѣ, въ общемъ, подтвержденіе и въ другихъ извѣстіяхъ эпохи. Говоря о царскихъ дворцовыхъ селахъ и волостяхъ, въ которыхъ „крестьянъ судятъ и расправу чинятъ . . . приказчики, по грамотахъ“, онъ добавляетъ: „а въ иныхъ царскихъ черныхъ волостяхъ, гдѣ приказчиковъ не бываетъ, учинены

или митрополичъ . . . или чей ни буди, и тѣ люди волостелю устюженскому и его тіуну судимы и тягло имъ съ тѣхъ дворовъ, оброки и всякіе разметы тянути повытно, что на нихъ цѣловальники положатъ“.

судейки, человѣкъ съ 10, выборные люди, тѣхъ волостей крестьяне; и судятся межъ себя по царскимъ грамотамъ и безъ грамотъ, кромѣ уголовныхъ и разбойныхъ дѣлъ. А доходы денежные и иные собираютъ они сами межъ себя, сколько съ кого доведется, смотря по ихъ промысламъ и животамъ (имуществу) и по землѣ, сколько подъ кѣмъ лежитъ земли и сѣется хлѣба и косится сѣнныхъ покосовъ" (ib., гл. XI, 1). Разсматривая это самоуправленіе черныхъ общинъ, сохранившееся въ XVI—XVII вѣкахъ больше всего на Сѣверѣ [1]), надо сказать, что органами его были во 1-хъ выборные старосты и сотскіе, вѣдавшіе различныя дѣла „міра" (т. е. дѣла общины) внутри ея и представлявшія ее во внѣшнихъ сношеніяхъ, затѣмъ „судейки", или выборные судьи, вѣдавшіе всѣ дѣла, кромѣ уголовныхъ и разбойныхъ. „Се азъ (такой-то) далъ есми на себя запись", пишетъ, напр., одинъ новопоселенецъ, „старостѣ и всѣмъ крестьянамъ, что азъ взялъ у нихъ 12-ую долю обжи пустаго съ великаго дня Пасхи... (такого года) до великаго-же дня (такого-то года). А покину (землю) и жильца (на свое мѣсто) не посажу, и на мнѣ взять старостѣ въ міръ рубль" (Ак. Юрид., т. I, № 151). Староста, напр., одной волости, спорящей съ Троицкимъ монастыремъ изъ-за земли, защищаетъ права волости, говоря судьѣ: „а тѣ, господине, наволоки тянутъ къ нашей землѣ... къ тяглой къ черной изъ старины. А какъ, господине, у насъ отняли тѣ наволоки старцы Троицкіе, тому есть лѣтъ 20-ть"... (ibid., № 4). Если въ первомъ случаѣ, староста съ крестьянами припускаетъ къ землѣ поселенца и беретъ съ него „въ міръ" деньги за неисполненіе условія, то во второмъ онъ представляетъ свою волость на судѣ. Выборныя крестьянскія власти

1) Интересная картина этого самоуправленія дается П. А. Соколовскимъ въ его книгѣ „Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи" (С.-П., 1877 г.).

завѣдывали раскладкою податей и повинностей и слѣдили за выполненіемъ чернаго тягла, лежащаго на волости. Въ одномъ напр., спорномъ о землѣ дѣлѣ староста говоритъ о себѣ судьѣ: „былъ есмь (я), господине, староста, и я, господине, на ту землю на Носково металъ пометы и дань и проторы поводилъ“ т. е. раскладывалъ между отдѣльными членами данной черной волости ихъ тягло.

Обратимся, въ заключеніе вопроса о тяглыхъ волостныхъ крестьянахъ, къ уясненію того, что надо понимать подъ чернымъ тягломъ? Если подъ тягломъ, въ широкомъ смыслѣ этого слова, надо разумѣть всякую повинность, лежащую какъ на отдѣльныхъ лицахъ, такъ и на цѣлыхъ общественныхъ классахъ (какъ, напр., на служилыхъ людяхъ, на торговыхъ людяхъ и т. д.), то, въ частности, подъ „чернымъ тягломъ“ надо разумѣть ту сумму натуральныхъ повинностей, а затѣмъ и прямыхъ денежныхъ налоговъ, которые падали на данную черную волость, или общину крестьянъ, сидѣвшихъ на государевой или государственной земли. Изъ этихъ натуральныхъ повинностей надо назвать: во 1) кормъ, или доставленіе княжескимъ агентамъ продуктовъ питанія натурою, лишь въ половинѣ XVI вѣка переложенный на деньги, или на денежный оброкъ; затѣмъ во 2) подводную повинность, т. е. дачу лошадей (первоначально — подъ верховыхъ) перешедшую съ XIII вѣка въ ямскую повинность, или въ повинность по устройству ямовъ (т. е. почтовыхъ станцій) и содержаніе почтъ; въ 3) городовое дѣло или повинность по устройству городовыхъ стѣнъ, приказныхъ избъ, тюремъ и пр.; въ 4) мостовщину или повинность по устройству гатей и мостовъ; въ 5) ратное дѣло, или поставку, по требованію правительства, даточныхъ людей, вооруженныхъ тогдашнимъ огнестрѣльнымъ оружіемъ — пищалями, а равно и другими предметами защиты, какія только могли найтись. Ратную службу несли какъ черные

волостные, такъ и посадскіе люди. Всѣ эти, какъ и нѣкоторыя другія, составлявшія черное тягло, повинности, были первоначально натуральными повинностями, но затѣмъ перелагались на денежные сборы: такъ, напр., вносились ямскія деньги, затѣмъ деньги на „городовое дѣло“, на мостовщину и др. (А. А. Эк., т. I, № 323, т. III, № 164 и др.) Нѣкоторыя изъ этихъ повинностей, какъ, напр., мостовщина были общими, какъ для бѣлыхъ, такъ и для черныхъ земель“, такъ какъ „мостами“, по выраженію актовъ, „ѣздятъ всякіе люди“. Въ XVI—XVII вѣкахъ, съ ростомъ государственныхъ расходовъ, къ прежнимъ налогамъ и пошлинамъ, о которыхъ мы уже говорили выше (стр. 149 сл.), прибавились новыя, какъ, напр., ямчужныя деньги (сборъ на пріобрѣтеніе ямчуга, или селитры, для пороха) пищальныя деньги, т. е. деньги на пріобрѣтеніе пищалей; полоняничныя деньги, т. е. деньги на выкупъ плѣнниковъ (или полоняянниковъ, какъ они назывались), стрѣлецкій хлѣбъ, или хлѣбный сборъ (деньги на пріобрѣтеніе хлѣбныхъ запасовъ для стрѣльцовъ) и др. Когда въ XVI вѣкѣ, въ царствованіе Іоанна IV были, по челобитьямъ общинъ, введены, вмѣсто прежнихъ намѣстниковъ и волостелей, выборные цѣловальники и старосты, кормы, шедшіе на содержаніе первыхъ, были отмѣнены и жители стали платить оброчныя деньги (или оброкъ). Въ концѣ XVII вѣка, обиліе налоговъ и разнообразіе ихъ приводитъ правительство къ мысли объединить ихъ, а именно въ 1681 г. является указъ, которымъ всѣ прямые налоги свѣдены были во 1-хъ на такъ наз. „стрѣлецкія деньги“ и во 2-хъ на „деньги ямскія и полоняночныя“. Крестьяне всѣхъ наименованій (черные, дворцовые, частно-владѣльческіе и др.) платили послѣдніе два налога, тогда какъ первый брался съ посадскаго населенія.

Кѣмъ и какъ сбирались эти налоги въ тяглыхъ общинахъ, какъ посадскихъ, такъ и волостныхъ? Об-

щины эти раскладывали или „разметывали“ ихъ сами черезъ своихъ выборныхъ людей, причемъ разверстка дѣлалась „по животамъ“ и „промысламъ“ т. е. сообразно платежной способности каждаго члена общины. Правительство, обыкновенно, опредѣляло лишь о б щ у ю сумму налога, падающую на данную общину и уже дѣло послѣдней было разверстать эту сумму между всѣми. Понятно поэтому, какъ важно было общинамъ (посадскимъ и чернымъ) удерживать на своей землѣ бо́льшее число плательщиковъ, чѣмъ и объясняются жалобы посадскихъ людей и волостныхъ крестьянъ на уходъ съ ихъ земель людей, съ одной стороны, стремленіе удержать ихъ, съ другой.

2.

Крестьяне владѣльческіе.

(Условія, на которыхъ садились крестьяне на частно-владѣльческія земли. „Порядныя записи“ и ихъ содержаніе; неустойка или „зарядъ“; сроки выхода крестьянъ, уплата „пожилаго“, долговъ и пр. Вопросъ о прикрѣпленіи крестьянъ. Указъ 24 ноября 1597 г. и его толкованія. Отмѣна „урочныхъ“ или „срочныхъ лѣтъ“ по С. Уложенію и значеніе этой отмѣны. Очеркъ личныхъ и имущественныхъ правъ владѣльческихъ крестьянъ.)

Переходимъ теперь къ крестьянамъ, сидѣвшимъ на частно-владѣльческихъ земляхъ. На эти земли, какъ и на черныя, крестьяне садились на основаніи особыхъ условій, заключаемыхъ съ землевладѣльцами и носившихъ наименованіе „порядныхъ“, или „рядныхъ“ („рядъ“ — договоръ) записей. Первоначально эти „ряды“ или „поряды“ заключались словесно, но съ XVI вѣка порядныя являются уже письменными условіями (древнѣйшая изъ дошедшихъ до насъ порядныхъ относится къ 1556 г.). Въ нихъ, обыкновенно, обозначался участокъ земли обработанной, необработанной, или запущенной, на которую садился крестьянинъ,

затѣмъ принималось на себя крестьяниномъ обязательство нести государственныя подати и повинности, а равно сборы и повинности въ пользу помѣщика, при чемъ выговаривались, въ извѣстныхъ случаяхъ, льготы отъ этихъ сборовъ и повинностей, опредѣлялись условія о такъ наз. „подмогѣ“ или ссудѣ, наконецъ, обезпечивались интересы землевладѣльца отъ нарушенія порядившимся крестьяниномъ его обязательства и т. д. Срокъ поселенія первоначально не опредѣлялся; позднѣйшія-же порядныя, а именно — XVII вѣка, по выводу новѣйшаго ихъ изслѣдователя проф. Дьяконова, „тѣмъ существенно отличаются отъ болѣе раннихъ, что содержатъ условіе жить безвыходно или вѣчно“.

Войдемъ въ разсмотрѣніе главныхъ условій порядныхъ записей, чтобъ выяснить положеніе крестьянъ, садившихся на частно-владѣльческія земли.

Въ порядныхъ, обыкновенно, обозначалось количество земли, на которую садился крестьянинъ („се язъ . . . порядился въ деревню во крестьяне на четвертину обжи“, или „на обжу земли съ четвертью“ и т. д.). Величина земельнаго участка была различна, единицею измѣренія была такъ наз. „обжа“, или „выть“, почему въ порядныхъ и говорится, что крестьянинъ садился на $^1/_2$, $^1/_4$, $^1/_6$, и т. д. обжи, или на $^1/_2$ выти, $^1/_4$, $^1/_5$ и т. д. Обжа и выть, какъ земельная мѣра, не была величиною постоянною, завися отъ качества земли и времени: въ 1566 г., напр., обжа равнялась 12 четвертямъ, въ 1581 г. 10 четвертямъ, т. е. пяти десятинамъ доброй земли. „Вытью“, какъ мы уже говорили, назывался податной участокъ, на который садился крестьянинъ, но, кромѣ того, это была земельная мѣра: въ концѣ XVI вѣка въ выти полагалось 6 десятинъ земли доброй, 7 — средней, 8 — худой, но были и выти меньшаго размѣра (5—$3\,^1/_2$ десятины „земли доброй“ и т. д.). Отъ количества земли, на которую садилея крестьянинъ (а онъ, обычно, садился на извѣстную часть обжи или выти), зависѣлъ и раз-

мѣръ тягла, на него падавшаго. Такъ какъ въ Московскій періодъ господствовала трехпольная система хозяйства, то общимъ правиломъ было, что каждому крестьянину отводилось тройное количество земли противъ обозначаемаго, чѣмъ и объясняется обычная формула писцовыхъ книгъ о количествѣ земли, находящейся во владѣніи даннаго лица: „три (или 5 и т. д.) чети въ полѣ, а въ дву потому-жъ“, т. е. у владѣющаго 3, 5 и т. д. четями (четвертями) въ полѣ было столько-же и въ каждомъ изъ 2-хъ остальныхъ полей. Поэтому, кто садился на цѣлую обжу, то получалъ (если считать обжу въ 10 четвертей или 5 десятинъ) пять десятинъ въ полѣ, а всего 15 десятинъ.

Если крестьянинъ садился на обработавшуюся ранѣе землю, на которой были постройки, то онъ долженъ былъ ихъ держать въ порядкѣ и пристраивать къ нимъ, глядя по надобности, новыя („а во дворѣ хоромъ: изба новая, да два сѣнника . . .; а живучи мнѣ, Ивану, тѣ хоромы не огноити и вновь ставити“, говорится, напр., въ порядной отъ 1585 г., Ак. Юр., № 290). Если, наоборотъ, на землѣ не было построекъ и земля была еще не распахана, построить нужныя зданія и распахать землю было дѣломъ „порядившагося во крестьяне“ лица („жити намъ“, говорится въ одной порядной отъ 1626 г., „мнѣ Степану съ сыномъ . . . въ деревнѣ на Высокомъ и дворъ поставити крестьянскій, какъ ведется, да клѣть, да мшанникъ, и участокъ распахати, и поля разгородити, и пожни расчистити . . .“). Обыкновенно, поселеніе на такихъ участкахъ —, требовавшихъ отъ крестьянина предварительной затраты труда, прежде чѣмъ онъ могъ воспользоваться плодами рукъ своихъ —, имѣло своимъ послѣдствіемъ различнаго рода льготы по несенію повинностей и налоговъ, а иногда и полное освобожденіе отъ нихъ на извѣстное число лѣтъ, съ дачею „подмоги“ деньгами, хлѣбомъ или скотомъ. Въ той-же вышеуказанной порядкой

1621 г.[1]) сказано, напр., что „для дворового поставленья и новыя селидьбы . . . пожаловалъ намъ (собственникъ вотчины) льготы на 4 года съ нынѣшняго со 129 г., да впредь на 4 года, апрѣля съ 16 числа, и въ тѣ урочные лѣта мнѣ, Степану съ сыномъ, въ митрополичью казну (вотчина принадлежала Новгородскому митрополиту Макарію) и съ хлѣба никакого снопа не давати, и дѣла никакого не дѣлати; а какъ минуется, пройдутъ тѣ урочные 4 года и намъ съ того своего участка изо всякаго хлѣба давати снопъ, чимъ насъ преосвященный Макарій митрополитъ пожалуетъ, благословитъ дѣло намъ дѣлати, потомужъ и тягло всякое платити съ волощаны съ сусѣдями вмѣстѣ, что доведется съ нашего участка, по своему жеребью". Условія льготы, а равно и размѣры „подмоги", были различны, но безъ льготы невозможно было, обыкновенно, завлечь крестьянина на неразработанный участокъ.

Крестьянинъ, садившійся на извѣстный участокъ земли, несъ съ него извѣстныя налоги и повинности, какъ въ пользу владѣльца земли, такъ и въ пользу государства: „жити намъ за Кирилловымъ монастыремъ", пишутъ, напр., крестьяне, порядившіеся на $^1/_2$ обжи въ вотчину монастыря въ Каргопольскомъ уѣздѣ, „а государевъ царскій оброкъ денежный давати по старому, по книгамъ; а въ Кириллов монастырь давати съ обжи по три бочки рыбы живопросольныя". . . и пр. (Ак. Юр., № 176). Уплачиваемая владѣльцамъ за наемъ земли плата носила названіе оброка и бралась, обычно, натурою (хлѣбомъ, рыбою и пр.), хотя иногда и переводилась на деньги. Обыкновенно, въ извѣстной мѣстности существовалъ привычный размѣръ оброка, падавшаго на данный участокъ земли. Кромѣ оброка натурою или деньгами, а иногда и въ замѣну

1) Она помѣщена, въ ряду другихъ, въ приложеніи къ книгѣ Н. Н. Дебольскаго „Гражданскаго дѣеспособность по русскому праву до конца XVII вѣка". (С.-П., 1903.) стр. 434.

его, крестьяне исполняли на владѣльцевъ земли различныя издѣльныя, или барщинныя, повинности. Въ упоминавшейся уже нами грамотѣ митрополита Кипріана отъ 1391 г. Константиновскому монастырю, крестьяне „церковь наряжали, дворъ тынили, хоромы ставили, пашню пахали на монастырь изгономъ, убирали хлѣбъ и сѣно (на монастырскихъ пашняхъ и сѣнокосахъ), прудили пруды, сады оплетали, на неводъ ходили, хлѣбы пекли, пиво варили, ленъ пряли“... (Ак. А. Э., т. I, № 11), конечно, въ томъ порядкѣ и въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ эти повинности, а равно и оброки, назначались игуменомъ. Правительство не вмѣшивалось въ это дѣло; притомъ какъ оброкъ, такъ и „издѣлье“ (повинности), обыкновенно, въ порядныхъ обозначалось (съ конца XVI вѣка) общими выраженіями, въ родѣ „всякій оброкъ хлѣбной платити сполна, и издѣліе намъ монастырское дѣлати, какъ и прочіе крестьяне“ и т. п. Вообще говоря, оброки и повинности въ пользу владѣльцевъ земли были весьма разнообразны и тяжелы для крестьянъ. Но, кромѣ того, крестьяне, садясь на частно-владѣльческую землю не освобождались отъ государственныхъ податей (по порядным крестьяне обѣщали, „живучи намъ на той деревнѣ, тягло государьское всякое тянуть съ волостью вмѣстѣ, какъ соху наставимъ“, какъ гласитъ порядная 1576 г., Ак. Юр., № 178). Хотя большая часть государственнаго тягла лежала на тяглыхъ земляхъ, но и владѣльческіе крестьяне не были вполнѣ освобождены отъ него.

Садясь на частно-владѣльческую землю, крестьяне обезпечивали исполненіе взятыхъ на себя обязательствъ уплатою неустойки (или „заряда“) и поручительствомъ другихъ крестьянъ за нихъ: „а не придемъ мы на тое деревню на тотъ срокъ“ (т. е. на срокъ, съ коего начинается, по условію, аренда земли) — гласитъ одна, напр., порядная отъ 1585 г. — „и не поставимъ хоромъ въ 93 году и не станемъ пашни пахати и навозити, и на насъ взяти... за убытки

и за волокиту 10 рублевъ московскую и подможныя деньги" („подмогу", Ак. Юр., № 183). Что касается поручительства, то оно могло быть какъ со стороны отдѣльныхъ крестьянъ данной вотчины, такъ и со стороны цѣлыхъ селъ, какъ гласитъ, напр., уставная грамота патріарха Іова 1590 г., данная Новинскому монастырю: „а который крестьянинъ выйдетъ изъ тѣхъ селъ за волость, дворъ огноивши, — и тотъ дворъ ставить тѣхъ селъ крестьяномъ, которые останутся въ тѣхъ селѣхъ, своими деньгами, потому чтобъ берегли другъ друга, чтобъ дворъ не огноенъ былъ". Неустойки эти брались обычно въ размѣрѣ 5—10 рублей, а эта сумма по тому времени была очень значительна.

Какъ въ удѣльно-вѣчевой періодъ, такъ и въ XIV и XV вѣкахъ, крестьяне de jure пользовались правомъ свободнаго перехода отъ одного владѣльца къ другому, но, однако, подъ условіемъ соблюденія во 1-хъ извѣстнаго срока выхода, во 2-хъ уплаты такъ называемаго пожилаго, а въ 3-хъ лежащихъ на уходящемъ крестьянинѣ долговъ и „государевой подати". Что касается прежде всего условія о срокѣ, то первоначально, какъ видно изъ многихъ данныхъ, переходы крестьянъ совершались въ разные сроки, а именно на „Рождество", „на великъ день" (т. е. на Пасху), „на Николинъ день вешній" и др., но излюбленнымъ, впрочемъ, срокомъ народнымъ былъ „Юрьевъ день осенній" (т. е. 26 ноября). Этотъ срокъ, какъ наиболѣе принятый въ народномъ быту, былъ узаконенъ по I-му Судебнику въ такомъ видѣ, что переходъ дозволялся за недѣлю до Юрьева дня осенняго и недѣлю спустя этотъ день (ст. 57); тоже требованіе о срокѣ повторено и въ царскомъ Судебникѣ (ст. 88). Надо при этомъ замѣтить, что это ограниченіе перехода крестьянъ означеннымъ общимъ срокомъ не было новостью уже почти за 50 лѣтъ до I-го Судебника, такъ какъ впервые встрѣчается, въ грамотѣ Бѣлозерскаго князя Михаила Андреевича, данной въ 1450 г.

(Бѣляевъ „Крестьяне на Руси“, стр. 52). Это ограниченіе „христіанскаго отказа“ (т. е. заявленія крестьяниномъ о своемъ уходѣ или о вывозѣ его къ другому владѣльцу) однимъ лишь срокомъ въ году не было вообще отрицаніемъ права крестьянина на уходъ отъ владѣльца, но лишь имѣло въ виду соблюсти интересы послѣдняго: крестьянинъ могъ уйти въ удобное для землевладѣльца время, а именно по окончаніи осеннихъ работъ, но не когда хотѣлъ самъ. Кромѣ опредѣленнаго срока, „отказъ“ былъ обусловленъ уплатою такъ наз. „пожилаго“. „Пожилое“ есть плата за пользованіе дворомъ: „отказываясь“ жить у прежняго владѣльца, крестьянинъ еще по первому Судебнику (ст. 57) уплачивалъ ему за „дворы пожилые“ — „въ полѣхъ“, т. е. въ мѣстностяхъ безлѣсныхъ, 1 рубль; „въ лѣсахъ“ [1]) — полтину за дворъ, въ томъ случаѣ, если прожилъ „за кѣмъ“ въ этомъ дворѣ 4 года; если жилъ 3 года, уплачивалъ за $^3/_4$ двора, 2 года — за $^1/_2$ двора. Повидимому, постройки крестьянъ не были особенно прочны, если четырехлѣтнее пользованіе ими, по опредѣленію закона, равнялось приведенію ихъ въ полную негодность. Замѣтимъ при этомъ, что рубль, по вычисленію проф. Ключевскаго, въ 1500 году (т. е. почти ко времени созданія I Судебника) стоилъ не менѣе 100 нынѣшнихъ рублей, понизившись съ 1501 по 1550 г.г. до 63—73 нынѣшнихъ рублей [2]) (но за то и плата за „пожилое“ по второму Судебнику была нѣсколько увеличена, а именно — на 2 алтына). Уплатить такую значительную сумму крестьянину было, конечно, весьма трудно, но, обычно, онъ ее самъ и не уплачивалъ, а уплачивалъ за него тотъ владѣлецъ, къ которому крестьянинъ переходилъ: въ источникахъ изучаемой эпохи есть указанія, что землевладѣльцы

1) Второй Судебникъ объясняетъ это выраженіе „въ лѣсахъ“, говоря, что „въ лѣсахъ, гдѣ 10 верстъ до хоромного лѣсу.. (ст. 88).

2) „Русскій рубль XVI—XVII в. въ его отношеніи къ нынѣшнему“ („Чтенія въ Им. Обществѣ Исторіи и Древ. Росс.“, 1884 г., № 1).

посылали своихъ приказчиковъ для „отказа“ крестьянъ (или „отказчиковъ“, какъ они назывались), которые и уплачивали за вывозимыхъ какъ пожилое, такъ и другіе крестьянскіе долги. Но самому крестьянину „отказаться“ отъ прежняго владѣльца и перейти къ другому было, конечно, нелегко, какъ ввиду указанной высокой таксаціи за пользованіе „дворомъ“ этого владѣльца, такъ и ввиду того, что владѣльцы невсегда ограничивались узаконенною платою за „пожилое“. Уходъ-же не въ срокъ и безъ платежа „пожилаго“ обращалъ крестьянина въ „выбѣжавшаго“, какъ говорятъ источники, т. е. въ бѣглаго. Но и „отказываясь“ отъ даннаго владѣльца въ узаконенный срокъ и уплачивая, тѣмъ или инымъ путемъ, „пожилое“, крестьянинъ еще не раздѣлывался черезъ это вполнѣ съ прежнимъ владѣльцемъ и съ государствомъ. Мы уже имѣли случай кратко указать выше, что крестьяне, садясь на землю, получали такъ наз. „подмогу“ или „подможныя деньги“. Кромѣ этой „подмоги“, порядныя записи говорятъ о „ссудѣ“. Вопросъ о значеніи этихъ двухъ выраженій представляется спорнымъ: если по мнѣнію однихъ ученыхъ, напр., проф. В.-Буданова, Дьяконова и др. „подмога“, или „ссуда“ только различные термины для обозначенія одного и того-же понятія [1]), то по мнѣнію другихъ, напр., проф. Сергѣевича, Дебольскаго, это — два различныхъ понятія. По мнѣнію проф. Сергѣевича, „подмога выдается впередъ. Это есть способъ привлеченія крестьянъ“. Отъ нея

1) По выводу проф. Дьяконова, формулированному въ 5-мъ положеніи къ его „Очеркамъ изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ, „между подмогой и ссудой порядныхъ XVII вѣка нельзя провести никакого различія ни по способу выдачи, ни по условію о погашеніи ихъ. Та и другая выдаются въ пособіе земледѣльцу для пріобрѣтенія самого необходимаго въ крестьянскомъ хозяйствѣ инвентаря, безъ котораго нельзя было приняться за хозяйство даже на готовомъ участкѣ. Выдача крестьянамъ ссуды была настолько распространеннымъ явленіемъ, что крестьянскія порядныя записи со второй половины XVII в. стали называться ссудными записями“..

„надо отличать крестьянскіе займы. Заемъ (по другимъ памятникамъ ссуда) есть процентный долгъ, который погашается уплатою полученнаго въ займы капитала“ и пр. (Юрид. древ., т. I, стр. 216). Кажется, однако, установить разницу между „подмогою“ и „ссудою“ трудно, такъ какъ и „ссуда“ есть ничто иное, какъ помощь (подмога) деньгами, хлѣбомъ или скотомъ, даваемая крестьянину владѣльцемъ земли, обычно — при вступленіи его на данный участокъ. Важнымъ обстоятельствомъ было здѣсь то, что какъ ни смотрѣть на „подмогу“ и „ссуду“, т. е. различать эти 2 понятія или нѣтъ, крестьянинъ при выходѣ своемъ съ земли долженъ былъ возвратить владѣльцу земли занятое „серебро“, какъ называлась эта подмога, или ссуда деньгами. Пока это „серебро“ не было возвращено „серебреникомъ“ (т. е. крестьяниномъ, его получившимъ) землевладѣльцу или — что было чаще — пока за него это „серебро“, не внесъ тотъ, кто его „вывозилъ“ за себя, или на свою землю, крестьянинъ не могъ оставить свой участокъ. Этимъ и объясняется постановленіе, напр., грамоты 1450 г. Бѣлозерскаго князя Михаила Андреевича, въ которой запрещается намѣстникамъ, боярамъ, боярскимъ людямъ и посельскимъ старостамъ „отказывать серебреника“ другому владѣльцу безъ уплаты долга, или „серебра“, на немъ лежавшаго: „и вы-бъ серебрениковъ, и половниковъ, и слободныхъ людей (Кирило-Бѣлозерскаго монастыря) не о Юрьевѣ дни не отказывали, а отказывали серебреника и половника о Юрьевѣ дни, да и серебро заплатитъ“ (Ак. Арх. Э. I, № 48). Подобно „пожилому“ и это „серебро“ уплачивалось, обычно, за крестьянина, который уходилъ отъ прежняго землевладѣльца, новымъ владѣльцемъ земли, его къ себѣ „вывозившемъ“. Нерѣдки, однако, были случаи „вывоза“ крестьянъ безъ уплаты всего того, что требовалось по закону, какъ и нерѣдко были случаи ухода крестьянъ безъ „отказа“ и не въ урочное время.

Разсмотрѣвъ какъ условія, на которыхъ садились крестьяне на частно-владѣльческія земли, такъ и условія ихъ „отказа“ и перехода съ однѣхъ земель на другія, переходимъ къ весьма спорному и во многихъ пунктахъ мало-выясненному вопросу, а именно къ вопросу о прикрѣпленіи крестьянъ. Не входя во всѣ подробности вопроса, коснемся главнѣйшаго. Можно различить два основныхъ взгляда на вопросъ. По одному взгляду, высказанному еще въ XVIII вѣкѣ (В. Н. Татищевымъ), крестьяне были прикрѣплены къ землѣ по указу царя Ѳедора Іоанновича отъ 1592 г.; по другому, — который всего лучше былъ формулированъ еще въ 1858 г. М. П. Погодинымъ (въ его статьѣ „Должно-ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостнаго права“) — „никакого общаго безусловнаго указа о прикрѣпленіи крестьянъ Борисъ не давалъ“, „основателя крѣпостнаго права“ у насъ не было, „винить въ его развитіи“ можно лишь „обстоятельства“, наконецъ, указъ 1597 г., въ которомъ упоминается объ указѣ 1592 г. (или 1593 г.) есть „установленіе пятилѣтней давности по искамъ о бѣглыхъ крестьянахъ“. Съ тѣхъ поръ, въ разныхъ комбинаціяхъ и варіаціяхъ, эти два взгляда борятся въ литературѣ за преобладаніе, но не единомыслія доселѣ не устанавливается [1]). Прежде, чѣмъ мы приступимъ къ разсмотрѣнію указанныхъ взглядовъ, необходимо обратить вниманіе на самые указы, состоявшіеся въ концѣ XVI и въ XVII вѣкахъ и изъ нихъ остановиться сначала на указѣ 1597 г., въ которомъ содержится, какъ думаютъ, упоминаніе объ указѣ 1592 г., который до сихъ поръ не найденъ. По указу 24 ноября 1597 года [2]) повелѣвалось „давать судъ“

1) Довольно подробный сводъ указаній на литературу о прикрѣпленіи см. у Н. Н. Добольскаго, ibidem, стр. 140 и сл.

2) Приведемъ этотъ указъ, ввиду его важности, цѣликомъ: „лѣта 7106 (1598), ноября въ 24 день, ц. и в. кн. Ѳедоръ Ивановичъ всея Русіи указалъ и бояре приговорили:

Которые крестьяне, изъ за бояръ и изъ за дворянъ и

на бѣглыхъ („выбѣжавшихъ“) крестьянъ, если они бѣжали за пять лѣтъ до указа 1597 г. и затѣмъ „по суду и сыску“ возвращать ихъ обратно на прежнія мѣста съ ихъ семьями и имуществомъ. Буде-же крестьяне „выбѣжали“ отъ помѣщиковъ, вотчинниковъ и пр. за 6—10 „и больше“ лѣтъ до указа 1597 г., а эти помѣщики и вотчинники ихъ, въ теченіи означеннаго времени, не отыскивали, они уже лишались впредь права на вчинаніе въ судѣ иска о возвращеніи крестьянъ и крестьяне обратно къ прежнимъ владѣльцамъ не „вывозились“ („суда не давати и назадъ ихъ, гдѣ кто жилъ, не вывозити“ говоритъ указъ 1597 г. объ этихъ кресть-

---

изъ за приказныхъ людей и изъ за боярскихъ и изъ за всякихъ людей, изъ помѣстей и изъ вотчинъ, и изъ патріарховыхъ и изъ митрополичьихъ и изъ владычнихъ и изъ монастырьскихъ вотчинъ выбѣжали до нынѣшняго 106 (7106) году за пять лѣтъ и на тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ, и на тѣхъ помѣщиковъ, за кѣмъ они, выбѣжавъ, живутъ. тѣмъ помѣщикомъ, изъ за кого они выбѣжали, и патріаршьимъ и митрополичьимъ и владычнимъ дѣтямъ боярскимъ и монастырскихъ селъ прикащикомъ и служкамъ судъ давати и сыскивати накрѣпко всякими сыски и по суду и по сыску тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ съ женами и дѣтьми и со всѣми животы возити назадъ, гдѣ тотъ жилъ. А которые крестьяне выбѣжали до нынѣшняго 106 году, лѣтъ за 6 и за 7 и за десять и больше, а тѣ помѣщики и вотчинники, изъ за кого они выбѣжали и патріаршьи и митрополичьи и владычни дѣти боярскіе и монастырскихъ вотчинъ приказчики и служки, на тѣхъ своихъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ, и на тѣхъ помѣщиковъ и на вотчинниковъ, за кѣмъ они, изъ за нихъ выбѣжавъ, живутъ, до нынѣшняго 106 году, лѣтъ за 6 и 7 и за 10 и больше, государю ц. и в. кн. Ѳедору Ивановичу всея Руси не бивали челомъ: и государь ц. и в. князь Ѳедоръ Ивановичъ всея Русіи указалъ и по государеву цареву и в. князя Ѳедора Ивановича всея Русіи указу бояре приговорили: на тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ и на тѣхъ помѣщиковъ и на вотчинниковъ, за кѣмъ они, выбѣжавъ, живутъ, суда не давати и назадъ ихъ, гдѣ кто жилъ, невывозити“ (Акты Историч., т. I, № 221). Затѣмъ кстати, что указъ 24 ноября 1598 г. называется обыкновенно въ литературѣ вопроса указомъ 1597 г., примѣняясь къ современному нашего лѣтоисчисленію, по которому годъ начинается съ 1 января; по тогдашнему-же лѣтоисчисленію онъ начинался съ 1 января и указъ 24 ноября 7106 г. былъ указомъ 1598 г.

янахъ). „Въ 1592 или 93 году послѣдовало укрѣпленіе (крестьянъ)“ говоритъ Чичеринъ; „самый указъ до насъ не дошелъ, но содержаніе его ясно изъ указа 24 ноября 1598 г.“ Тоже мнѣніе раздѣляетъ, напр. Костомаровъ, говоря, что „въ 1592 г. должно было послѣдовать относительно крестьянъ важное распоряженіе, сдѣлавшееся виною указа 1597 г. и вслѣдъ за нимъ прочихъ указовъ, ему подобныхъ“ [1]). Вотъ два наиболѣе ясно и опредѣленно высказанныхъ взгляда на указъ 1597 г. (1598 г.), какъ на указъ, которому пять лѣтъ назадъ предшествовалъ другой указъ, запретившій переходъ крестьянъ отъ одного владѣльца къ другому и объявлявшій ихъ бѣглыми. Погодинъ, какъ уже указывалось, высказалъ мнѣніе противоположное предъидущему и это мнѣніе принимается многими доселѣ: по утвержденію, напр., проф. В.-Буданова „къ концу XVI в., при общемъ фактическомъ прикрѣпленіи, не было надобности издавать законъ о прикрѣпленіи, перехода не было; былъ лишь вывозъ крестьянъ. Предстояло не отнимать свободу у крестьянъ, а ограничивать произволъ землевладѣльцевъ. Накопилась масса исковъ о возвращеніи крестьянъ, которые уже именуются „бѣглыми“. При этомъ, по автору „не отыскивая мнимо-утраченнаго общаго закона о прикрѣпленіи раньше 1597 г. (т. е. въ 1592 г.), видимъ, что самый указъ 1597 г. означаетъ, что отношенія между крестьянами и землевладѣльцами государство беретъ подъ свою регламентацію и обращаетъ его къ своимъ цѣлямъ. Самое назначеніе давности исковъ отстраняетъ отъ крестьянъ состояніе холопства. ибо для исковъ о холопахъ никогда не полагалось никакой давности“. (Обзоръ, стр. 157 и прим.)

---

1) Чичеринъ „Опыты по исторіи русскаго права“, стр. 223; Костомаровъ „Историческія монографіи и изслѣдованія“, С.-П., т. I., стр. 393 сл.

Разберемъ эти 2 взгляда съ точки зрѣнія самого указа 1597 (1598) г. Во 1-хъ, говоритъ-ли въ немъ объ указѣ, якобы изданнымъ за 5 лѣтъ до разбираемаго указа? Несомнѣнно, указъ 1597 г. о такомъ указѣ не говоритъ, а лишь устанавливаетъ, что можно возвращать бѣжавшихъ отъ владѣльцевъ крестьянъ только въ томъ случаѣ, когда искъ о нихъ былъ возбужденъ въ теченіи пяти лѣтъ, считая отъ 24 ноября 1597 (1598) г.; если-бы искъ былъ возбужденъ о крестьянахъ, бѣжавшихъ раньше (т. е. за 6, 7 и больше лѣтъ до указа 1597 года), онъ не долженъ былъ приниматься къ разсмотрѣнію и крестьяне не должны были возвращаться къ прежнему владѣльцу; иначе говоря, указъ 1597 г. устанавливаетъ. на нашъ взглядъ, дѣйствительно только срокъ такъ называемой „исковой давности“, во избѣжаніе всякаго рода преканій о крестьянахъ, давно вышедшихъ изъ даннаго помѣстья или вотчинника. Во 2-хъ, является-ли этотъ срокъ какимъ-либо нововведеніемъ, сразу и радикально измѣнившимъ, по закону, взаимныя отношенія крестьянъ къ помѣщику, или вотчиннику, на земляхъ коихъ они сидѣли? Мы уже видѣли выше, какъ трудно было крестьянину выйти изъ владѣній одного помѣщика и перейти (или быть „вывезену“) къ другому, ввиду тѣхъ обязательствъ, какія онъ долженъ былъ выполнить до этого перехода. Крестьянская „задолженность“, какъ выражаются нѣкоторые изъ нашихъ изслѣдователей, давно уже служила препятствіемъ для крестьянъ къ осуществленію ими права свободнаго перехода на практикѣ. Въ этомъ случаѣ, какъ намъ кажется, можно провести аналогію между крестьянами, долго сохранявшими de jure право свободнаго перехода отъ одного владѣльца къ другому, съ одной стороны, и боярами и вольными слугами, съ другой, долго также имѣвшими право на свободный отъѣздъ изъ Москвы, но лишь съ большимъ трудомъ его осуществлявшаго на дѣлѣ, задолго еще до его отмѣны.

Первоначально, отъѣздъ „бояръ и вольныхъ слугъ“ также неограниченъ, какъ переходъ крестьянъ, что ясно видно изъ общей формулы грамотъ: „и бояромъ и дѣтямъ боярскимъ и слугамъ и христіаномъ межъ насъ вольнымъ воля“ (Рум. Соб. Г. Гр. и Д., т. I, № 127). Затѣмъ начинаютъ являться ограниченія того и другого, чѣмъ и подготовляется постепенно закрѣпленіе какъ бояръ, такъ и крестьянъ (послѣднихъ задолго до указа 1597 г.). Ученые, предполагающіе, что этому указу предшествовалъ указъ 1592 г. о прикрѣпленіи крестьянъ, между прочимъ, въ доказательство своей мысли приводятъ то соображеніе, что крестьяне стали считаться „бѣглыми“ (со всѣми невыгодными для нихъ отъ этого послѣдствіями) лишь со времени этого предполагаемаго указа 1592 г., но бѣглыми крестьянами назывались еще раньше, разъ они уходили отъ землевладѣльцевъ, не выполнивъ всѣхъ тѣхъ обязательствъ, какія на нихъ лежали. Указъ 1597 г. не хочетъ лишь входить въ разбирательство о неисполненіи этихъ обязательствъ крестьянами, разъ уходъ ихъ состоялся за 6 лѣтъ и болѣе до 1597 г. и не хочетъ, ввиду трудности разбора предъявляемыхъ земледѣльцами исковъ, съ одной стороны, и неудобствъ, сопряженныхъ какъ для новыхъ владѣльцевъ крестьянъ, такъ и для послѣднихъ съ выводомъ ихъ, обратно на прежнія мѣста, съ другой, но онъ не устанавливаетъ, какъ думаютъ нѣкоторые, крѣпостнаго права и не производитъ никакой крупной реформы. Затрудненіе фактически крестьянскаго выхода — дѣло, по крайней мѣрѣ, всего предшествовавшаго столѣтія (XVI), а окончательное его запрещеніе — дѣло слѣдующаго, къ краткому очерку законодательныхъ опредѣленій котораго мы теперь и обратимся.

Указомъ 1597 г. устанавливался общій пятилѣтній срокъ для возвращенія бѣглыхъ крестьянъ, такъ называемые, въ актахъ изучаемаго времени, „урочные“, „срочные“ или „указные годы“. Установленіе этихъ „урочныхъ лѣтъ“ вовсе не было первоначально мѣрою

желательною для землевладѣльцевъ (особенно — для землевладѣльцевъ мелкихъ) такъ какъ крестьянинъ, успѣвавшій скрываться отъ своего прежняго владѣльца въ теченіи этихъ 5-ти лѣтъ, не подлежалъ затѣмъ возвращенію. Перезывъ-же крестьянъ изъ вотчины въ вотчину вообще былъ болѣе доступенъ богатымъ и крупнымъ землевладѣльцамъ, чѣмъ мелкимъ, такъ какъ первые и легче могли „льготить“ крестьянъ, и удобнѣе могли ихъ скрывать въ своихъ дальнихъ имѣніяхъ. Послѣдующее законодательство до времени Соборнаго Уложенія, входя въ интересы мелкихъ собственниковъ, постоянно увеличивало срокъ сыска крестьянъ прежними владѣльцами, повышая его съ 5-лѣтняго до десяти и пятнадцатилѣтняго, какъ это видно изъ указа 1642 г., въ которомъ былъ установленъ пятнадцатилѣтній срокъ, взамѣнъ прежняго десятилѣтняго; окончательная же отмѣна „урочныхъ“ или „срочныхъ лѣтъ“ есть дѣло С. Уложенія, которое и можетъ считаться памятникомъ, установившимъ у насъ окончательное прикрѣпленіе крестьянъ, такъ какъ только послѣ того, какъ крестьянинъ вѣчно долженъ былъ сидѣть на землѣ даннаго владѣльца (а, въ случаѣ ухода, могъ всегда быть возвращенъ къ нему обратно) его зависимость изъ временной и условной превратилась въ постоянную, что не замедлило оказать вообще ухудшающее дѣйствіе на положеніе крестьянина. Коснемся кратко обстоятельствъ, сопровождавшихъ отмѣну „срочныхъ“ или „урочныхъ лѣтъ“, по Уложенію.

Какъ извѣстно, Уложеніе царя Алексѣя Михайловича было составлено при весьма значительномъ участіи выборныхъ Земскаго Собора. Формою участія выборныхъ была, между прочимъ, подача царю челобитій черезъ такъ наз. комиссію кн. Одоевскаго съ товарищами, которой было поручено составленіе Уложенія. Эти челобитья касались различныхъ законодательныхъ вопросовъ и обсуждались въ коммиссіи, а затѣмъ докладывались государю и собору. Такъ, какъ

извѣстно, въ 1648 г., между другими челобитьями, „дворяне московскіе и жильцы и городовые дворяне и дѣти боярскія и всѣхъ городовъ служилые люди“ били челомъ государю о томъ, чтобы имъ позволено было „съискивать безъ урочныхъ лѣтъ“ ихъ бѣглыхъ крестьянъ (Акты Историч., т. I, № 30). И это челобитье было доложено царю коммиссіей Одоевскаго. „И Мы, великій Государь Царь“... говоритъ грамота, содержащая данную челобитную, „слушавъ челобитья... совѣтовавъ съ... Патріархомъ... и со всѣмъ Освященнымъ Соборомъ и говорили съ нашими бояры, и съ окольничими, и съ думными людьми, и со стольники, и со стряпчими, и съ дворяны московскими, и съ городовыми дворяны и съ дѣтьми боярскими всѣхъ городовъ, которые Намъ били челомъ о бѣглыхъ крестьянахъ, и Мы указали и Соборомъ уложили: генваря съ 2-го числа нынѣшняго 157 (т. е. 1649) года бѣглыхъ крестьянъ и бобылей отдавать всякихъ чиновъ людямъ... безъ срочныхъ лѣтъ“. Это челобитье дало содержаніе 1-ой и 2-ой статьямъ XI главы Уложенія, называющейся „судъ о крестьянѣхъ“, равно какъ и нѣкоторымъ слѣдующимъ ея статьямъ, развивающимъ тѣ же положенія. Какъ уже указывалось, эти „срочные годы“ въ первой половинѣ XVII вѣка колебались между пятью и пятнадцатью годами, пока, наконецъ, совершенно не были отмѣнены Уложеніемъ, которое дозволило владѣльцамъ отыскивать бѣглыхъ крестьянъ и возвращать ихъ себѣ безсрочно, т. е. черезъ сколькобы лѣтъ послѣ бѣгства владѣлецъ не нашелъ ихъ у другого. Въ приведенномъ челобитьѣ указанъ и мотивъ, почему мелкіе владѣльцы просили объ этой отмѣнѣ: они „по вся годы бываютъ... на службѣ и имъ въ тѣ указные лѣта тѣхъ своихъ крестьянъ сыскивать и провѣдать немочно, потому что-де тѣ ихъ бѣглые крестьяне, вѣдаючи указныя лѣта и живучи за сильными людьми и за монастыри, пере-

ходятъ изъ вотчинъ въ вотчину, хотя указныя лѣта выжить и отъ тѣхъ стариннаго крестьянства отбыть“ ... Правительство, послѣ долгихъ колебаній, склоняется на сторону мелкихъ собственниковъ, вынужденное необходимостью обезпечить за ними крестьянъ, чтобы въ свою очередь не слышать отъ нихъ жалобъ на невозможность исправно нести службу въ войскѣ, въ которомъ они составляли главный контингентъ. Послѣдствія этой мѣры, отмѣнившей урочные годы и закрѣпившей окончательно крестьянъ ихъ владѣльцамъ (или къ землѣ, на которой они сидѣли [1]), были, какъ сказано, очень печальны. Но нельзя не замѣтить, что эта мѣра была „уложена Соборомъ“, по челобитью извѣстной части его членовъ.

Вообще надо, въ заключеніе, замѣтить, что прикрѣпленіе крестьянъ подготовлялось съиздавна сложною совокупностью многихъ факторовъ; приписывать его дѣйствію одного какого-либо указа совершенно-невозможно. Фактъ прикрѣпленія крестьянъ не является при томъ чѣмъ-либо особеннымъ и имѣвшимъ мѣсто лишь по отношенію къ одному этому общественному классу; прикрѣплены на службу государству въ Московскій періодъ нашей исторіи были всѣ; разница состояла лишь въ томъ, какое тягло несъ одинъ классъ и какое другой.

Переходимъ къ очерку личныхъ и имущественныхъ правъ крестьянъ, сидѣвшихъ на частно-владѣльческихъ земляхъ.

Обязанности крестьянъ по отношенію къ помѣщикамъ опредѣлялись въ такъ называемыхъ „послушныхъ“ или „вводныхъ“ грамотахъ. Владѣлецъ земли, при вводѣ во владѣніе землею, получалъ такъ наз.

---

1) Вопросъ о томъ, были-ли крестьяне прикрѣплены къ землѣ, или къ помѣщику. является весьма спорнымъ въ литературѣ; намъ кажется болѣе вѣрнымъ мнѣніе о постепенномъ прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ, а не къ лицу помѣщика.

„послушную“ или „вводную грамоту“, въ которой предписывалось крестьянамъ, сидѣвшимъ на землѣ, слушаться новаго владѣльца. Отношенія къ владѣльцу обозначались, обычно, такъ: „и вы-бы всѣ крестьяне, которые въ томъ селѣ и въ тѣхъ деревняхъ живутъ, (такого-то) слушали, пашню на него пахали, и оброкъ ему помѣщиковъ, хлѣбный и денежный, платили“, „чѣмъ онъ васъ изоброчитъ“, или „по старинѣ“, какъ говорилось еще нерѣдко (Ак. Ист., I, № 180, 182 и др., Ак. А. Э., I, № 251, 290 и др.) Какъ видно изъ приведенныхъ выраженій грамотъ, отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ обозначались лишь въ общихъ формулахъ, оставлявшихъ много простора для помѣщика регулировать эти отношенія по своей волѣ; „старина“, или обычай, конечно, являлись содерживающимъ элементомъ въ слишкомъ произвольномъ измѣненіи оброковъ и барщины, но во 1-хъ обычай былъ довольно различенъ по отдѣльнымъ мѣстностямъ, а во 2-хъ легко могъ нарушаться сильными людьми. Кромѣ того, естественнымъ послѣдствіемъ того положенія, что крестьянинъ, послѣ законодательной отмѣны „урочныхъ лѣтъ“, долженъ былъ вѣчно сидѣть на землѣ одного и того-же помѣщика, явилось *ухудшеніе* его личныхъ и имущественныхъ правъ, что вызывалось легкою возможностью для помѣщика злоупотреблять своею ничѣмъ неперерываемою отнынѣ властью надъ крестьяниномъ. Соборное Уложеніе, а затѣмъ и послѣдующее законодательство, довольно рѣдко брало на себя тяжелую обязанность опредѣленія *объема власти* помѣщика надъ крестьяниномъ, какъ-бы предоставляя рѣшеніе этого мудренаго вопроса времени, смягченію нравовъ, личнымъ качествамъ помѣщика и т. д. Вообще-же говоря, власть помѣщика надъ крестьяниномъ слагалась постепенно, фактически, вызывая общее законодательное воздѣйствіе только въ случаяхъ крайнихъ, когда необходимо было уже поневолѣ опредѣлить границы, дальше которыхъ не могла прости-

раться власть одного человѣка надъ другимъ. Крѣпостное право достигло своего полнаго развитія лишь въ XVIII вѣкѣ, въ изучаемомъ же періодѣ многое является еще въ моментѣ сложенія, почему объ отношеніяхъ помѣщиковъ къ крестьянамъ трудно составить вполнѣ опредѣленное представленіе. Собирая воедино важнѣйшія свѣдѣнія по вопросу, надо сказать, что личныя и имущественныя права крестьянъ мало были вообще защищены по закону. Уже изучаемый періодъ исторіи нашей знаетъ 2 рода крестьянъ — оброчныхъ и барщинныхъ, но законъ не останавливается ни на опредѣленіи maximum'a оброка или барщины крестьянина, ни на указаніи, какіе именно натуральныя повинности долженъ нести крестьянинъ на помѣщика. „Послушныя грамоты", какъ уже указывалось, говорили очень неопредѣленно объ обязанности крестьянъ „пашню помѣщика пахать и доходъ вотчинниковъ ему платить... по старинѣ... чѣмъ помѣщикъ изоброчитъ", а Котошихинъ, касаясь отношеній помѣщиковъ и вотчинниковъ къ крестьянамъ, утверждаетъ, что помѣщики и вотчинники налагаютъ „свои подати на крестьянъ сами, сколько съ кого взяти", при чемъ единственнымъ и очень неопредѣленнымъ условіемъ, о которомъ писалось въ жалованныхъ грамотахъ на землю, было требованіе, чтобъ „подати съ крестьянъ взимались по силѣ, съ кого что можно взяти, а не черезъ силу". Котошихинъ увѣряетъ, впрочемъ, что у помѣщиковъ, разорявшихъ своихъ крестьянъ, могло быть отнято государемъ помѣстье, или жалованная вотчина, а купленное ими имѣніе передавалось родственникамъ; но, если это и дѣлалось, то, вѣроятно, лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Въ XVII вѣкѣ блюли строго лишь за однимъ, а именно, чтобъ „въ воскресный день отнюдь не дѣлать (дѣла) ни господину, ни госпожѣ, ни рабамъ, ни свободнымъ" и это единственное ограниченіе въ работѣ, предъявляемое ко всѣмъ, касалось и работы крестьянъ; подтвердительное требованіе указовъ

о непринужденіи крестьянъ работать по воскресеньямъ на господъ и на себя служитъ, однако, указаніемъ, что это ограниченіе на практикѣ не выполнялось. По словамъ Герберштейна, у крестьянъ 7-ой день недѣли только и оставался для работы на себя, такъ какъ остальные 6 дней проходили на барщинѣ.

Но, если такъ неопредѣленно стоялъ вопросъ, о размѣрѣ оброковъ и повинностей, падавшихъ на крестьянъ владѣльческихъ, то небольше опредѣленности было и въ другомъ важномъ вопросѣ, а именно въ вопросѣ о правѣ помѣщиковъ переводить крестьянъ съ пашни въ дворовую службу и такимъ образомъ превращать ихъ въ безземельныхъ людей, распоряжаясь ихъ „пашенными жеребьями“ по своей волѣ. Законъ не касался этого, а практика къ концу изучаемаго періода, — съ тѣхъ поръ въ особенности, когда крестьянинъ (по отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ) не могъ уйти отъ помѣщика, — была весьма неблагопріятна для крестьянина. Не опредѣлялось, наконецъ, по закону и отношеніе помѣщика къ крестьянскимъ „животамъ“, т. е. имуществу крестьянъ; практика-же была склонна разсматривать эти „животы“, какъ достояніе помѣщика.

Обращаясь къ вопросу о личныхъ правахъ крестьянина, сидѣвшаго на частно-владѣльческой землѣ, надо сказать, что крестьяне первоначально могли вступать лично во всякаго рода, письменныя и устныя, сдѣлки (покупать, продавать, занимать деньги, наниматься на работу, и т. д.), искать и отвѣчать на судѣ, вступать въ браки и т. п. Но къ концу изучаемаго періода въ этой области личныхъ правъ крестьянъ начинаютъ являться ограниченія, частію по закону, частію по обычаю. Мы уже указывали, напр., что С. Уложеніе запрещаетъ частно-владѣльческимъ крестьянамъ владѣть на посадахъ дворами и лавками, а, слѣдовательно, и совершать сдѣлки на это имущество. По Уложенію крестьяне не могутъ также наниматься на работу, дѣлать долги, безъ согласія помѣщика; крестьяне уже не

ищутъ и не отвѣчаютъ по суду во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ „разбойныхъ и татебныхъ дѣлъ“, „потому, что за крестьянъ своихъ ищутъ и отвѣчаютъ дворяне и дѣти боярскіе“. Хотя церковь запрещала помѣщикамъ приневоливать къ бракамъ своихъ крестьянъ, но практика знала другое. С. Уложеніе и въ этомъ вопросѣ ухудшило положеніе крестьянъ. Именно, въ С. Уложеніи есть постановленіе, изъ коего видно[1]), что принадлежащая извѣстному помѣщику крестьянка могла выйти за крестьянина другого помѣщика, только получивъ отъ своего помѣщика, послѣ уплаты ему „вывода“, или „выводныхъ денегъ“, такъ наз. „отпускную“. Этотъ „выводъ“, т. е. иначе говоря — цѣна, платимая помѣщику за потерю имъ, въ лицѣ уходившей, извѣстной рабочей силы, опредѣлялся каждый разъ „по договору“, сообразно мѣстнымъ условіямъ. Дѣвушка, выходившая замужъ безъ отпускной и вывода, считалась бѣглою, и Уложеніе постановляетъ „ее тому, изъза кого (т. е. отъ кого) она сбѣжитъ, отдати и съ мужемъ ея и съ дѣтьми, которыхъ она съ тѣмъ мужемъ приживетъ“ . . . Спрашивается, какое значеніе имѣетъ это постановленіе Уложенія объ отпускной и выводѣ? Могъ-ли, напримѣръ, помѣщикъ не дать такой отпускной дѣвушкѣ? Хотя Уложеніе прямо и не говоритъ, что помѣщикъ могъ не дать этой отпускной, но такой случай можно предположить, конечно, на практикѣ, тѣмъ болѣе, что законъ умалчивалъ совершенно о какомъ-либо, хотя бы нравственномъ, понужденіи помѣщика не мѣшать такому

---

1) „а будетъ который помѣщикъ или вотчинникъ изъ помѣстья своего или изъ вотчины . . крестьянскихъ дочерей, дѣвокъ или вдовъ, начнутъ отпускати итти за мужъ за чьихъ людей или за крестьянъ, и имъ тѣмъ . . . дѣвкамъ и вдовамъ давати отпускныя за своими или за своихъ отцовъ духовныхъ руками впредь для спору (т. е. на случай спора о томъ, не бѣглыя ли эти крестьянки и, дѣйствительно ли ихъ отпустилъ помѣщикъ для брака). А выводъ (или т. н. „выводныя деньги“) имати за тѣ крестьянскія дочери по договору“ (XI, 19).

браку, предоставляя все дѣло на его добрую волю. Жизнь, однако, надо думать, допускала слишкомъ много произвола въ данномъ вопросѣ, почему въ XVIII вѣкѣ уже петровское правительство, какъ увидимъ потомъ, находитъ нужнымъ, хотя нѣсколько, вмѣшаться въ дѣло.

На ухудшеніе личнаго положенія владѣльческаго крестьянина вліяетъ и право помѣщика на наказаніе крестьянъ. Право это восходитъ еще къ XVI вѣку и вытекаетъ изъ общаго положенія „послушныхъ грамотъ“, предписывавшихъ крестьянамъ слушаться владѣльцевъ помѣстій; отсюда легко было помѣщикамъ сдѣлать выводъ, что непослушаніе ихъ волѣ могло повлечь за собою наказаніе ослушника, хотя самъ законъ долго вовсе не касался вопроса о правѣ наказанія помѣщикомъ крестьянина. Лишь тогда, когда наказаніе переходило границу дозволеннаго, по обычаямъ и нравамъ, а именно кончалось смертію крестьянина, оно подвергалось всякій разъ особому обсужденію, причемъ „буде сыщется допряпа и за то смертное убійство что государь укажетъ“. Затѣмъ Уложеніе требуетъ отъ господина, къ которому вернули бѣглаго крестьянина, чтобъ онъ „его не убилъ, не изувѣчилъ и голодомъ не морилъ“, а пойманнаго въ разбоѣ крестьянина не убивалъ-бы самовольно, но отдалъ-бы его губнымъ властьямъ; иначе у него (въ послѣднемъ случаѣ) отнималось помѣстье. Изъ сопоставленія статей С. Уложенія по данному вопросу, надо вывести, что законъ вступался въ вопросъ о наказаніи помѣщикомъ крестьянина лишь тогда, когда оно кончалось убійствомъ, при чемъ законодатель, не давая общей нормы, разсматривалъ каждый случай отдѣльно и, сообразно обстоятельствамъ дѣла, налагалъ то или иное наказаніе на помѣщика. (Постановленія С. Уложенія о крестьянахъ, замѣтимъ кстати, имѣютъ важность еще и потому, что частію они дѣйствуютъ и въ XVIII вѣкѣ.) Впрочемъ, Котошихинъ, неимѣющій привычки смягчать мрачныя краски суровой дѣйствитель-

ности своего времени, рисуетъ, на нашъ взглядъ, дѣло гораздо лучше, чѣмъ это можно вывести изъ С. Уложенія. Такъ онъ говоритъ, что если „отданный (господину) слуга учнетъ бити челомъ на господина своего, что онъ надъ нимъ дѣлаетъ надругательства и бьетъ безъ вины, или надъ женою его и надъ дѣтьми учинитъ какое злое дѣло: и по сыску у такого господина того человѣка возьмутъ назадъ безденежно... А буде увѣчный отъ его надругательства умретъ и того господина самого казнятъ смертію, а женѣ того умершаго и дѣтямъ возьмутъ того господина изъ животовъ на прожитокъ и такимъ-же обычаемъ, межъ всякихъ господъ и подданныхъ ихъ, дворовыхъ людей и крестьянъ, указъ во всемъ противъ того-жъ и ни въ чемъ не разнится". Жизнь, съ ея безчисленными злоупотребленіями и насиліями надъ слабыми, заставляла правительство, при умолчаніи закона, вступаться за крестьянъ. Котошихинъ, говоря о томъ случаѣ, когда убійство крестьянина помѣщикомъ могло пройти безнаказанно, за отсутствіемъ жалобъ на это злодѣяніе, весьма картинно добавляетъ: „а не будетъ на него (помѣщика) челобитчиковъ и такимъ дѣломъ за мертвыхъ людей бываетъ истецъ самъ царь". Такихъ случаевъ, когда „истцемъ за крестьянина" только и былъ самъ царь, можно указать въ исторіи много, при томъ и не по отношенію къ одному только вопросу объ убійствѣ крестьянъ.

Какъ это понятно само собою, главнымъ способомъ обезпеченія личности владѣльческаго крестьянина могло бы служить его право жалобы на помѣщика. Повидимому, до XVII вѣка это право жалобы примѣнялось широко на практикѣ, но С. Уложеніе, однако, очень сокращаетъ случаи, когда такая жалоба считается допустимой по закону. Именно, жалоба допускалась, когда дѣло шло „о государевымъ здоровьѣ", объ измѣнѣ помѣщика, „когда кто у себя въ дому учнетъ дѣлать беззаконіе съ рабою", но и только.

§ 4.

Несвободное населеніе.

(Вліяніе церкви на улучшеніе положенія холоповъ въ Московскомъ государствѣ. Холопы кабальные и докладные. Измѣненія въ способахъ установленія полнаго холопства. Экономическія обстоятельства, подготовлявшія постепенно сліяніе холопства съ крѣпостнымъ крестьянствомъ.)

Несвободное состояніе людей, извѣстное удѣльно-вѣчевому періоду нашей исторіи подъ наименованіемъ холопства, продолжаетъ существовать и въ Московскомъ государствѣ, подвергаясь, однако, значительнымъ измѣненіямъ, какъ по законодательству, такъ и по обычаямъ [1]). Во 1-хъ работа христіанской церкви надъ смягченіемъ тяжелаго, какъ юридически, такъ и фактически, положенія рабовъ, которая началась еще въ удѣльно-вѣчевой періодъ (стр. 129 сл.), продолжается и въ Московское время. Въ 2-хъ, наряду съ полнымъ, или вѣчнымъ, холопствомъ является еще холопство неполное, или кабальное, менѣе, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, суровое, чѣмъ холопство обельное. Въ 3-хъ происходятъ измѣненія въ способахъ установленія полнаго холопства и, наконецъ, въ 4-хъ нѣкоторыя перемѣны въ экономическомъ положеніи холоповъ подготовляютъ постепенно сліяніе холопства съ крѣпостнымъ крестьянствомъ. Коснемся каждаго изъ указанныхъ пунктовъ особо.

Продолжая прежнюю проповѣдь, церковь требуетъ милостиваго отношенія къ рабамъ, какъ „къ братьямъ

1) Важнѣйшая литература вопроса: В. Н. Чичеринъ „Холопы и крестьяне въ Россіи до XVI вѣка („Опыты по исторіи р. права“, М. 1858); В. О. Ключевскій „Подушная подать и отмѣна холопства“ (Русская Мысль, 1886 г., кн. V, VII, IX и X); его-же „Происхожденіе крѣпостнаго права въ Россіи“, (ibid., 1885 г., кн. VIII и X); В. И. Сергѣевичъ Русск. Юрид. древности, т. I (С.-П., 1902 г.); М. А. Дьяконовъ „Холопство“ (Энциклопедическій словарь Брокгауза, т. 74).

своимъ", которыхъ надо „и питати и одѣвати довольно и душами ихъ пещися и наказывати ихъ на благая дѣлеса (дѣла)", такъ какъ всѣ люди „созданіе Господне, вси плоть едина и вси миромъ единѣмъ помазани", какъ училъ извѣстный Іосифъ Санинъ, игуменъ Волоколамскаго монастыря въ концѣ XV вѣка. Въ XVI вѣкѣ извѣстный Сильвестръ училъ въ „Домостроѣ", чтобъ „государи и государыни" (т. е. хозяева и хозяйки) людей своихъ, — мужей и женъ, и робятъ и всякихъ слугъ — жаловали и кормили и поили и одѣвали и въ теплѣ-бы (они) жили и въ благоденствѣ всегда". Уча о снабженіи рабовъ „пищею и одеждою и иными всякими нужными потребами", требуя отъ господъ непрепятствованія бракамъ холоповъ, а равно и ихъ поступленію, при желаніи, въ монастыри въ монашество, настаивая, наконецъ, на необходимости отпущенія рабовъ на волю какъ при жизни, такъ и особенно послѣ смерти „на упокой души", „по душѣ" и т. п., церковь достигла нетолько смягченія положенія рабовъ въ жизни, но провела рядъ законодательныхъ мѣръ въ защиту рабовъ. Такъ, напр., въ началѣ XVI вѣка, въ 1603 г. явился указъ, который требовалъ отъ господъ прокормленія рабовъ въ голодные годы, когда бывало въ обычаѣ „ссылать" холоповъ со двора и приказывать имъ „кормиться собою", т. е. добывая самимъ себѣ пропитаніе; господа, неисполнявшіе этого указа, лишались своихъ рабовъ и на нихъ повелѣно было „давати отпускныя (грамоты) въ Приказѣ Холопьяго Суда". Въ С. Уложеніи этотъ указъ нашелъ себѣ нетолько подтвержденіе, но и распространеніе: господа, если не хотѣли лишиться своихъ рабовъ, должны были кормить ихъ, а не предоставлять имъ самимъ отыскивать себѣ пропитаніе. Затѣмъ въ началѣ XVI вѣка, а именно по указу 1607 г., „которые люди держатъ рабу до 18 лѣтъ, а вдову послѣ мужа болѣе 2 лѣтъ, а парня холостого за 20 лѣтъ, а не женятъ и воли имъ не даютъ", то, при жалобѣ на это

со стороны холоповъ, имъ дается отпускная и иски о возвращеніи такихъ холоповъ обратно не принимаются: „не держи неженатыхъ надъ законъ Божій и правила св. отецъ, да не умножится блудъ и скверное дѣяніе въ людяхъ“. С. Уложеніе также покровительствуетъ бракамъ холоповъ, непозволяя разлучать мужа отъ жены („по правилу св. апостолъ и св. отецъ жены съ мужемъ разводить не велѣно: гдѣ мужъ, тутъ и жена; кому жена, то и мужъ“, говоритъ 62 ст. XX главы Уложенія). Затѣмъ можно указать цѣлый рядъ постановленій о рабахъ, созданныхъ подъ вліяніемъ церкви и то приводившихъ къ свободѣ ихъ, то облегчавшихъ ихъ участь. Изъ первыхъ укажемъ, напр., на постановленіе С. Уложенія, по которому холопъ, принявшій христіанство, дѣлался свободнымъ въ случаѣ, если его господинъ оставался некрещеннымъ, на постановленія, освобождавшія рабовъ въ случаѣ ихъ бѣгства изъ плѣна (сначала — татарскаго, по ст. 57 перваго Судебника, а затѣмъ — и всякаго, по ст. 80 2-го Судебника и по Уложенію); изъ вторыхъ — требованіе С. Уложенія, чтобъ господинъ, которому возвращался бѣглый холопъ, „того своего бѣглаго человѣка до смерти не убилъ и не изувѣчилъ и голодомъ не морилъ“ (XX, ст. 92); или требованіе, чтобъ челобитная рабы о прижитіи съ ней господиномъ въ блудѣ дѣтей разсматривалось святительскимъ судомъ по церковнымъ правиламъ (ibid., ст. 80) и др. Но, однако, самая наличность вышеуказанныхъ требованій закона показываетъ, что жизнь знала случаи, и жестокаго обращенія господъ съ рабами, и насилія надъ рабынями и т. д., тѣмъ болѣе, что тѣ и другія невсегда могли защищаться и многое не доходило до суда. И, если мы знаемъ, что нѣкоторые люди, какъ, напр., тотъ-же авторъ „Домостроя“ Сильвестръ, „работныхъ своихъ (людей) всѣхъ свободихъ и надѣлихъ, и иные окупихъ изъ работы и на свободу попущахъ“, а другой его современникъ, извѣстный Башкинъ, отпустилъ всѣхъ

своихъ рабовъ на волю и держалъ только людей вольныхъ, то еще болѣе было людей, мало слушавшихъ и внушеній церкви и законовъ, заботящихся о холопахъ. Лишь „передъ смертію“, говоря словами Чичерина, „человѣкъ приходилъ въ себя и тогда сильнѣе слышался ему нравственный голосъ, осуждавшій его стремленія“; оттого-то въ такъ наз. „духовныхъ грамотахъ“ встрѣчается много распоряженій объ отпускѣ холоповъ на волю, о надѣленіи ихъ „пожитками“ и пр. Не преувеличивая практическаго вліянія всѣхъ этихъ нравственныхъ и юридическихъ требованій на вопросъ объ улучшеніи положенія холоповъ, нельзя, однако, не замѣтить, что въ Московскій періодъ эти требованія дѣлаются болѣе настойчивыми и болѣе входятъ въ жизнь, частію, можетъ быть, потому, что само рабовладѣніе играетъ теперь меньшую экономическую роль, чѣмъ прежде.

Какъ уже указывалось, на Москвѣ, на ряду съ полными (или прежними „обельными“) холопами являются еще холопы неполные или кабальные. Нѣкоторые наши ученые, напр., проф. Ключевскій, находятъ, что, если „обельное холопство Русской Правды соотвѣтствовало полному холопству Судебниковъ“, то „точно также кабальные холопы XV и XVI вѣковъ были тѣже закупы Русской Правды, полусвободные люди, вступавшіе во временную условную зависимость, но при этомъ нетерявшіе правъ личности и неперестававшіе быть членами русскаго общества“ [1]); другіе, какъ, напр., проф. Сергѣевичъ видятъ въ „кабальныхъ холопахъ“ новый видъ холопства и утверждаютъ, что „сравнительно съ старинными холопами кабальные представляютъ новость“ [2]). Несомнѣнно, конечно, что „кабальные“ — новый видъ холопства и что юриди-

1) „Происхожденіе крѣпостнаго права въ Россіи“, Русская Мысль, 1885, кн. VIII, стр. 11; срав. также В.-Буданова „Обзоръ“, стр. 386 сл.

2) Рус. юридическія древности, т. I, стр. 153.

чески они не тоже, что закупы (о нихъ, стр. 120 сл.), которые были людьми свободными; свобода послѣднихъ однако, какъ людей безземельныхъ и мало-обезпеченныхъ экономически, всегда висѣла на волоскѣ. Превращался-ли, теряя эту свободу, закупъ въ кабальнаго холопа или нѣтъ — это вопросъ весьма спорный и прежде, чѣмъ отвѣтить на него, необходимо разсмотрѣть происхожденіе кабальнаго холопства.

Въ такъ называемыхъ переписныхъ книгахъ XVII вѣка постоянно имѣются такія указанія: во дворѣ (такого помѣщика или вотчинника) „живетъ задворный человѣкъ“ или „живутъ задворные люди“ (такіе-то), а „служитъ“, или „служатъ“ они „ему“ (помѣщику или вотчиннику) „по кабалѣ“ или „по кабаламъ“. „Задворные люди“ были холопы даннаго помѣщика, жившіе за его дворомъ; если эти холопы были полными или старинными, то тѣже книги называютъ ихъ задворными людьми старинными или „служащими по старинѣ“, отличая ихъ отъ холоповъ, служащихъ „по кабалѣ“. Кабальные люди или холопы это — люди, давшіе на себя кабалу. Но что такое кабала? Арабское слово кабала, перешедшее къ намъ отъ татаръ, имѣло у послѣднихъ значеніе „заемной расписки“. Эти расписки являются у насъ въ концѣ XIII или въ началѣ XIV вѣка. Беря въ заемъ деньги, должникъ, либо выплачивалъ за это проценты („ростъ“), либо, не имѣя возможности платить этихъ процентовъ (какъ въ древности, такъ и на Москвѣ, весьма большихъ), поступалъ на службу къ кредитору и личнымъ трудомъ своимъ оплачивалъ свой долгъ. „А которые люди вольные учнутъ бити челомъ княземъ и бояромъ и дѣтямъ боярскимъ и всякимъ людямъ“, гласитъ 78 статья 2-го Судебника, „а станутъ на себя давати кабалы за ростъ служити: и болѣе 15 рублевъ на серебряника кабалы не давати“. Эти „заемныя расписки“, обезпеченныя личною службою даннаго человѣка, носили названіе „служилыхъ кабалъ“ и отличались отъ „ростовыхъ кабалъ“,

т. е. расписокъ, дававшихся объ уплатѣ долга и процентовъ, безъ обезпеченія уплаты послѣднихъ личною службою должника. Кабалы служилыя писались такъ: „се язъ (такой-то) занялъ (столько-то) рублей . . . а за ростъ мнѣ служити (у такого) во дворѣ“. Такъ какъ по служилой кабалѣ требовалось лишь уплата занятаго капитала, ввиду того, что проценты отработывались натурою, то казалось-бы она не должна была вести къ установленію холопства: достаточно лишь было уплатить долгъ, чтобъ покончить со всякимъ обязательственнымъ отношеніемъ къ кредитору. Но уплатить долгъ лицу, работающему за проценты, въ громадномъ большинствѣ случаевъ не было никакой возможности. Неуплатившій-же долга превращался въ кабальнаго холопа. Бывали, впрочемъ, случаи, что кредиторы прощали въ своихъ завѣщаніяхъ, или „духовныхъ грамотахъ, долги этихъ „кабальныхъ людей“ и тѣмъ. конечно, возвращали имъ свободу, но это прощеніе долговъ лучше всего показываетъ, какъ трудно было выйти самому должнику изъ той зависимости, въ какую онъ попадалъ, занимая деньги и служа за проценты.

Разница между кабальнымъ и полнымъ холопомъ первоначально состояла въ томъ, что первый выходилъ изъ зависимости, уплачивая свой долгъ, второй-же оставался рабомъ по свою смерть. Важное измѣненіе, de jure по крайней мѣрѣ, произошло по указамъ 1586 и 1597 г., а именно съ этого времени кабальное холопство превращается изъ временнаго (до уплаты долга) въ пожизненное, въ томъ смыслѣ, что оно длится по жизнь кредитора и прекращается лишь съ его смертію, при чемъ кабальный не могъ уже уплатить своего долга, еслибъ и хотѣлъ, такъ какъ кредитору было запрещено взятіе съ него этого долга. Указъ 1 іюня 1586 г., устанавливающій означенное правило, не сохранился до нашего времени, но о его содержаніи можно судить по указу 25 апрѣля 1597 г. Оба указа устанавливаютъ, какъ означенное правило,

такъ и новый порядокъ для писанія на себя „служилыхъ кабалъ“. Эти кабалы надо было писать въ Москвѣ съ доклада Приказа Холопьяго суда, а въ городахъ — „съ вѣдома“ приказныхъ людей; эти кабалы затѣмъ записываются въ „кабальныя книги“. Сами холопы, получавшіе эти „докладныя кабалы“, начали называться „докладными холопами“ и образовали собою особый видъ холопства (третій), отличающійся, впрочемъ, отъ „кабальнаго“ только по способу своего установленія (черезъ „докладъ“), а не по способу возникновенія, который былъ одинаковъ для того и другого вида холопства; источниками нашего права во всякомъ случаѣ различаются три вида холоповъ: холопы полные, кабальные, докладные. Затѣмъ, какъ сказано, указы эти обращаютъ кабальныхъ людей въ пожизненныхъ холоповъ ихъ кредиторовъ, какъ это видно ясно изъ указа 25 апрѣля 1597 г. Этотъ указъ, установивъ, что „служилыя кабалы“ пишутся въ Москвѣ „съ докладу Холопьяго Суда“ (т. е. Приказу Холопьяго суда), а въ городахъ — „съ вѣдома (т. е. тоже „съ докладу“), „приказныхъ людей“, добавляетъ, что „тѣмъ всѣмъ людямъ и женамъ и дѣтямъ, — которыя жены и дѣти въ тѣхъ служилыхъ кабалахъ писаны въ службу государемъ своимъ, — по тѣмъ служилымъ кабаламъ, по старымъ и по новымъ (т. е. докладнымъ) быти въ холопствѣ, какъ и по докладнымъ (кабаламъ), а отъ государей своихъ (т. е. господъ) имъ не отходити и денегъ по тѣмъ служилымъ кабаламъ у тѣхъ холопей (господамъ) не имати и челобитья ихъ въ томъ не слушати по старымъ кабаламъ, а выдавать ихъ тѣмъ государемъ, по тѣмъ кабаламъ, въ службу до смерти (господъ). А котораго записнаго кабальнаго человѣка кабала, старая или новая (т е. докладная), по новому уложенью записана въ книги, а въ томъ кабальномъ холопствѣ у него родится сынъ или дочь, и тѣ ихъ дѣти своимъ государемъ (господамъ) въ холопи, противъ докладныхъ

людей, и по государевѣ-жъ смерти, какъ и отцы (освобождаются отъ кабалы); а женамъ послѣ мужей своихъ, и дѣтямъ послѣ отцовъ своихъ, до тѣхъ кабальныхъ записныхъ людей, и до ихъ дѣтей, которыя дѣти въ кабалахъ будутъ писаны и которыя дѣти въ томъ кабальномъ холопствѣ родятся, дѣла нѣтъ, и денегъ по тѣмъ кабаламъ на тѣхъ кабальныхъ холопахъ женамъ и дѣтямъ не указывати". . . (Акты Ист., т. I, № 221, I). Мы привели въ подлинникѣ выдержку изъ указа 1597 г. о холопахъ, ввиду его важности. Попытаемся уяснить смыслъ этого постановленія о холопахъ. Повидимому, устанавливая, что кабальный человѣкъ и его семья должны были находиться въ холопствѣ до смерти „государя" (т. е. господина, у котораго они служатъ), указъ этотъ (какъ и указъ 1586 г.) ухудшалъ положеніе холопа; съ правовой точки зрѣнія это такъ и было, конечно, такъ какъ теперь кабальные люди не могли уйти отъ своихъ кредиторовъ, даже если-бы хотѣли уплатить свой долгъ. Въ дѣйствительности-же такая уплата была крайней рѣдкостью, почему кабальные люди являлись холопами нетолько своихъ кредиторовъ, но и ихъ потомковъ. Указъ 1597 г., запрещая женамъ послѣ мужей и дѣтямъ послѣ отцевъ взыскивать долги на кабальныхъ людяхъ и погашая ихъ со смертію кредитора-отца, превращалъ фактически обязанныхъ служить до своей смерти кабальныхъ въ людей свободныхъ со дня кончины кредитора и при томъ распространялъ это освобожденіе на дѣтей и жену его, т. е., иначе говоря, улучшалъ положеніе тѣхъ и другихъ, хотя и улучшалъ уже послѣ смерти кредитора. При жизни-же его, необходимость для должника быть всегда крѣпкимъ своему господину сближала фактически холопа кабальнаго съ холопомъ полнымъ; ввиду этого, вѣроятно, и установлена была новая форма служилой кабалы, съ „доклада" или „съ вѣдома" указанныхъ органовъ, такъ какъ иначе могли быть большія злоупотребленія. По

закону „кабальныхъ“ холоповъ нельзя было „ни продавать, ни закладывать, ни въ приданое отдавать“, но на практикѣ, однако, все это случалось нерѣдко. Если-же господинъ и оставлялъ при себѣ такихъ холоповъ и не распоряжался ими по своей волѣ, то, во всякомъ случаѣ, они мало чѣмъ отличались отъ холоповъ полныхъ, такъ какъ, находясь по смерть своихъ кредиторовъ въ рукахъ ихъ, дѣлали нерѣдко тоже, что дѣлали и холопы полные.

Наряду съ указанными двумя видами холопства, продолжаетъ существовать старый видъ холоповъ обельныхъ или одерноватыхъ, получающихъ, впрочемъ, на Москвѣ другія наименованія, а именно холоповъ „полныхъ“, „людей полныхъ“, „людей“, или холоповъ купленныхъ, грамотныхъ, духовныхъ, приданыхъ и др. Различіе наименованія этихъ „людей“, или холоповъ, относится не къ существу ихъ положенія, — оно у всѣхъ ихъ одинаково, — но къ актамъ, по которымъ они укрѣпляются въ своемъ рабскомъ состояніи, а именно по „полнымъ“, „купчимъ“, „приданымъ“, „духовнымъ“ грамотамъ (откуда также и названіе ихъ „людьми грамотными“, т. е. пріобрѣтенными „по грамотѣ“). Всѣ эти грамоты были „полными“, т. е. укрѣпляли холопа за господиномъ навсегда („въ полницу“, какъ въ нихъ говорилось), но онѣ носили также и названіе „купчихъ“, „приданыхъ“, „духовныхъ“, смотря по тому, пріобрѣтался-ли холопъ куплею, дачею въ приданое, или по завѣщанію. Если всѣ указанныя наименованія имѣли цѣлію обозначить способъ, коимъ поступалъ въ вѣчное рабство холопъ, то другія наименованія обозначали занятія этихъ холоповъ; такъ холопы назывались пахотными, страдными, дѣловыми, дворовыми людьми и т. д., смотря по тому, сидѣли-ли они на пашнѣ или жили во дворѣ господина. Но не одно лишь наименованіе прежнихъ обельныхъ или одерноватыхъ холоповъ измѣнилось на Москвѣ; измѣнилось, подъ вліяніемъ ученій церкви, и ихъ положеніе

и произошли, наконецъ, перемѣны въ способахъ установленія холопства. Такъ прежде всего потерялъ свое прежнее весьма важное значеніе, какъ источника рабства, плѣнъ. Хотя плѣнъ, какъ источникъ рабства, существуетъ и на Москвѣ, но онъ ужъ не даетъ такого обилія рабовъ, какое давалъ онъ въ удѣльно-вѣчевой періодъ. Хотя и въ Московскій періодъ плѣнные обращаются въ холопство, но, обыкновенно, какъ только междукняжескія усобицы прекращались и миръ возстановлялся, плѣнные отпускались по выкупу, или обмѣнивались „безъ окупа“, т. е. одни плѣнные шли за другихъ, а затѣмъ уничтожались всѣ крѣпостные акты на людей чужаго княжества. Въ договорѣ Дмитрія Донскаго съ Тверскимъ княземъ читаемъ, между прочимъ, обязательство объ уничтоженіи „дерноватыхъ грамотъ“ (т. е. грамотъ, коими укрѣплялись люди въ одерноватое или полное холопство): „а какъ еси взялъ Торжокъ и кто ти ся продалъ . . . одернь . . . тѣхъ ти отпустити по цѣлованію, а грамоты дерноватыя подрати“. Но и это обращеніе во временное холопство (до выкупа или до обмѣна) плѣнныхъ было, конечно, пока существовали удѣлы: чѣмъ болѣе сокращалось число послѣднихъ, тѣмъ болѣе уменьшалась возможность взятія плѣнныхъ. Плѣнные могли браться лишь при столкновеніяхъ съ Литвою, Крымомъ и другими инородческими окраинами, но и здѣсь, по большей части, сталъ входить въ обычай обмѣнъ или выкупъ, при чемъ уже по указу 1556 г. плѣнникъ былъ холопомъ господина лишь до его смерти, „а дѣтямъ его — не холопъ“. Впрочемъ, этотъ указъ, повидимому пересталъ дѣйствовать по С. Уложенію, которое постановляетъ, что плѣнники „крѣпки и женамъ и дѣтямъ, и внучатомъ и правнучатомъ“ (ст. 61. гл. XX). Во всякомъ случаѣ, плѣнъ перестаетъ быть важнымъ, съ количественной точки зрѣнія, источникомъ холопства. Затѣмъ въ Московской періодъ, уже въ XVI вѣкѣ, преступленіе не является источникомъ

рабства. Несостоятельный преступникъ отдается головою истцу „до искупа“ (т. е. до покрытія убытковъ, понесенныхъ истцемъ отъ его преступленія) уже по 2-му Судебнику (ст. 55), хотя еще по первому Судебнику онъ выдавался „головою на продажу“ (ст. 10), т. е. онъ могъ быть, либо проданъ истцомъ, либо обращенъ въ рабство для себя. Уложеніе идетъ дальше и отмѣняетъ постановленіе 2-го Судебника: за преступленія караются люди не рабствомъ, а уголовными наказаніями. Измѣняется по 2-му Судебнику и правило Русской Правды, вошедшее въ 1-ой Судебникъ, о несостоятельномъ должникѣ, погубившемъ товаръ по своей винѣ: по этому Судебнику, погубившій товаръ свой „безъ напрасньства“ отдается истцу „головою на продажу“ (ст. 55; ср. Рус. Прав., 68 ст. Карамз. сп.); по 2-же Судебнику, онъ отдается уже не „на продажу“, а „головою до искупа“, т. е. до отработанія своего долга. С. Уложеніе уже опредѣляетъ точно, въ какой срокъ какое количество долга могло быть отработано, а именно 5 р. въ годъ мущиною, $2\frac{1}{2}$ рубля женщиною. Все это, въ цѣломъ, нельзя не разсматривать, какъ смягченіе института рабства. Изъ прежнихъ способовъ установленія полнаго холопства остаются въ дѣйствіи: 1) рожденіе отъ родителей-холоповъ, 2) бракъ между холопами, что формулировано по Судебникамъ и С. Уложенію въ юридической пословицѣ „по робѣ холопъ, по холопу роба“ и въ 3) „холопство по ключу“, при чемъ по 1-му Судебнику лишь „сельскій ключъ“ ведетъ къ холопству, городской-же не ведетъ, т. е. поступленіе на службу ключникомъ въ городѣ не является источникомъ холопства (ст. 66); по царскому-же Судебнику „по сельскому ключу безъ докладныя (грамоты) не холопъ“, т. е. только „съ докладу“ можно было стать холопомъ „по сельскому ключу“, безъ „доклада“-же и „сельскій ключъ“ не велъ къ холопству. Введеніе „доклада“, и здѣсь должно было предотвратить воз-

можные споры о томъ, было-ли соглашеніе о поступленіи въ холопство или нѣтъ.

До конца XVII вѣка холопы юридически отличались отъ крѣпостныхъ крестьянъ, такъ какъ законодательство, разсматривая холопа, какъ частную собственность господина, на крестьянина смотрѣло какъ на лицо, хотя и находившееся въ сложной экономическо-юридической зависимости отъ помѣщика, однако, подвластнаго ему всетаки постольку, поскольку этого требовала государственная необходимость. По этому и актами укрѣпленія въ крестьянство были въ XVII в. не частные договоры (какъ въ холопство), а государственныя писцовыя и переписныя книги. Исполненіе успѣшно помѣщикомъ государевой службы съ одной стороны, подати и повинности, ложившіяся на крестьянскую землю, съ другой настоятельно требовали отъ государства прикрѣпленія крестьянина или къ помѣщику, или къ землѣ (вопросъ о этомъ весьма споренъ въ литературѣ, почему мы и говоримъ столь условно), и эта прикрѣпленность крестьянина, была его тягломъ передъ государствомъ, но государство никогда не уничтожало извѣстной своей связи съ крѣпостнымъ крестьянствомъ. Такимъ образомъ юридически холопъ въ XVII в. и въ началѣ XVIII вѣка, до указовъ о ревизіи, былъ еще строго отличенъ отъ крѣпостнаго. Было, однако, одно обстоятельство, чисто экономическаго свойства, которое подготовило постепенно сліяніе холопства съ крѣпостнымъ крестьянствомъ. Это обстоятельство новѣйшій изслѣдователь вопроса, В. О. Ключевскій, справедливо видитъ въ той работѣ, какую несли холопы, наравнѣ съ крѣпостными, въ имѣніяхъ тѣхъ лицъ, коимъ они принадлежали. Именно хозяйственные интересы, недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, очень давно стали вынуждать земледѣльцевъ поручать холопамъ, кромѣ дворовой службы, различнаго рода сельскія работы. Какъ замѣчено В. О. Ключевскимъ — по своему хозяйственному положенію

и по условіямъ крѣпостной службы, этотъ классъ (холоповъ) раздѣлялся на людей дворовыхъ, дѣловыхъ и задворныхъ: одни жили во дворахъ своихъ господъ, состоя въ домашнемъ услуженіи; другіе исправляли сельскія работы на господъ, живя въ ихъ сельскихъ усадьбахъ, но на ихъ содержаніи; третьи, исправляя сельскіе работы на господъ, получали отъ нихъ земельные участки въ пользованіе и жили особыми дворами, имѣя каждый свое особое хозяйство. Послѣдній разрядъ холоповъ носилъ до XVII вѣка наименованіе „страдниковъ“ или „страдальниковъ“, обозначавшее, что эти холопы были земледѣльцами, такъ какъ, по замѣчанію В. О. Ключевскаго, „страда, въ широкомъ смыслѣ слова всякій черный трудъ, рано получила у насъ тѣсное значеніе сельской полевой работы“. Эти „страдные люди“, эти пахотные холопы-страдники составляли собою низшій разрядъ, „дѣловыхъ людей“, или „людей“ просто, какъ вообще назывались холопы. Высшимъ разрядомъ были „холопы служилые“, сопровождавшіе господъ на войны и походы, и „холопы приказные“, завѣдывавшіе частями хозяйства и домомъ господина; средній разрядъ многочисленной челяди, подчиненной этимъ „большимъ“ холопамъ, назывался мéньшими холопами; иногда оба разряда холоповъ, въ отличіе отъ страдниковъ или деревенскихъ холоповъ, назывались дворными людьми. Если вся многочисленная городская дворня этихъ холоповъ была въ полной зависимости отъ господина (хотя ея высшіе разряды иногда и пользовались большимъ значеніемъ въ его домѣ и при его хозяйствѣ), то пахотные холопы, посаженные на землю для сельскихъ работъ, довольно рано получили у насъ извѣстную долю самостоятельности и матеріальной обезпеченности, явившихся естественнымъ результатомъ самого положенія этихъ холоповъ, какъ земледѣльцевъ. Сложность и отвѣтственность сельскихъ работъ необ-

ходимо требовала и больше свободы для лица, ею занимавшагося, и больше имущественнаго достатка. Поэтому холопамъ-страдникамъ отводилась земля для пашни и огородовъ, давался инвентарь, позволялось заводить свое хозяйство. У нихъ, за выполненіемъ обязанностей въ пользу господина, оставалось время для занятій на себя; они скорѣе и легче, чѣмъ дворовые холопы, могли пріобрѣсти себѣ своимъ трудомъ личную собственность, самостоятельное значеніе которой нерѣдко признавалось господиномъ. Юридически всѣ холопы, чѣмъ бы они не занимались, подходили подъ тѣ основные три вида холопства, какіе были извѣстны въ это время (холоповъ полныхъ, кабальныхъ и докладныхъ), но разница въ ихъ занятіяхъ, въ свою очередь, приводившая къ различію ихъ хозяйственнаго положенія, не осталась безъ вліянія и на ихъ юридическое положеніе, сблизивъ ихъ во многомъ съ крѣпостнымъ крестьянствомъ. Въ XVII в., среди пахотныхъ холоповъ, наряду съ полными и докладными, являются также холопы кабальные, получающіе общее названіе задворныхъ людей, происшедшее, какъ извѣстно, оттого, что они селились съ особыхъ избахъ, за дворомъ господина. Они, въ общемъ, ничѣмъ не отличались по своему хозяйственному положенію отъ холоповъ-страдниковъ. Но юридически они, какъ холопы кабальные, первоначально отличались отъ страдныхъ людей, бывшихъ холопами полными. Господа ихъ, однако, нуждаясь постоянно въ рабочихъ рукахъ, стремились удержать вѣчно кабальныхъ холоповъ (служившихъ при ихъ дворѣ лишь до смерти господина), на пашнѣ; иначе говоря, — заставить ихъ служить имъ задворными людьми, т. е. земледѣльцами, а не дворовыми среди челяди, исполняющей во дворѣ тѣ или иныя порученья. Вслѣдствіе этого въ „ссудной жилой записи“, коею укрѣплялся въ задворные люди кабальный холопъ, онъ обязывался вѣчно слу-

жить господину на пашнѣ, въ томъ участкѣ и съ тѣмъ инвентаремъ, какой будетъ ему указанъ. Развитіе такихъ задворныхъ записей и превращеніе кабальныхъ холоповъ въ вѣчныхъ хлѣбопашцевъ очень сблизило задворныхъ людей юридически съ крѣпостнымъ крестьянствомъ, какъ сближала ихъ прежде съ ними общность сельско-хозяйственныхъ занятій. Положеніе холоповъ, какъ задворныхъ людей, стало съ теченіемъ времени столь похоже юридически и экономически на положеніе крѣпостныхъ, что еще до Петра Великаго, во второй половинѣ XVII в., государство пытается, хотя еще довольно нерѣшительно, наложить на этихъ пахотныхъ холоповъ податное тягло, т. е. иначе говоря, пытается и къ нимъ, какъ къ крѣпостнымъ крестьянамъ, стать въ прямое непосредственное отношеніе, не считая ихъ уже болѣе только частною собственностью ихъ господъ, до которой оно не касается. Эта попытка [1]), естественно, ведетъ къ юридическому сліянію холопства съ крѣпостнымъ крестьянствомъ, что и довершается, наконецъ, указами Петра В. о подушной подати.

---

1) Болѣе подробно о ней см. у проф. Ключевскаго „Подушная подать“ и пр. (Русская мысль, 1886 г., кн. X, стр. 8 и сл.).

Отдѣлъ II.

Государственное управленіе.

Глава I.

Центральное управленіе.

(Приказы, ихъ происхожденіе; время и обстоятельства возникновенія отдѣльныхъ Приказовъ. Составъ Приказовъ и порядокъ рѣшенія въ нихъ дѣлъ. Кругъ вѣдомства Приказовъ. Классификація Приказовъ.)

Со второй половины XV вѣка въ Московскомъ государствѣ можно различать учрежденія центральныя и учрежденія мѣстныя, или областныя. Центральными учрежденіями на Москвѣ были такъ наз. Приказы[1]). Приказы, какъ учрежденія, выросли изъ личныхъ порученій, дававшихся государями своимъ служилымъ людямъ. Государь поручалъ, или приказывалъ, тому или другому изъ этихъ людей, — обыкновенно, наиболѣе довѣренному, — вѣдать одно какое-либо дѣло въ государствѣ своемъ, или нѣсколько дѣлъ вмѣстѣ. Завѣдываніе это могло продолжаться столько времени, сколько это было необходимо по даннымъ обстоятельствамъ. Затѣмъ лицо, исполнивъ возложенное на него порученіе или приказъ, возвращается къ своимъ прежнимъ обязанностямъ, а, если нужно, несетъ какія-либо другія. Но нерѣдко исполненіе порученія принимаетъ длящійся характеръ, при чемъ сложность его заставляетъ окружать то лицо, которому поручается данное дѣло, помощниками, дьяками, а равно и подьячими для веденія письмоводства. Завѣ-

1) Литература: К. А. Неволинъ „Образованіе управленіе въ Россіи отъ Іоанна III до Петра В." (Пол. С. Соч., С.-П., 1859 г., т. VI); Ѳ. М. Дмитріевъ „Исторія судебныхъ инстанцій" и пр. (М. 1859 г.); В. И. Сергѣевичъ „Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права" (С.-П., 1903 г.).

дываніе извѣстнымъ дѣломъ, или кругомъ дѣлъ, сосредоточенное на болѣе или менѣе продолжительное время въ рукахъ извѣстныхъ лицъ, создаетъ нѣкоторый опредѣленный порядокъ въ разсмотрѣніи и рѣшеніи дѣлъ, чѣмъ полагается начало несовершенному учрежденію, съ мало-устойчивою компетенціею, съ постоянно-измѣняющимся, по волѣ государей, составомъ, со смѣшанными функціями власти и т. д. Такія зародышевыя учрежденія, непохожія на нынѣ дѣйствующія, мы видѣли уже въ удѣльно-вѣчевой періодъ нашей исторіи, въ лицѣ первоначальнаго вѣча, Княжеской Думы и др. Такимъ-же учрежденіемъ является и первоначальный Приказъ въ Московскомъ государствѣ. Наличность Приказовъ, какъ нѣкоторыхъ несовершенныхъ административныхъ учрежденій, вѣдающихъ, однако, болѣе или менѣе продолжительное время извѣстный родъ дѣлъ, можно видѣть уже въ словахъ 1-го Судебника, гласящихъ, во 2-ой статьѣ, о томъ, что, если „котораго жалобника (челобитчика) а непригоже управити, и то сказати великому князю, или къ тому его послати, которому которые люди приказаны (т. е. приказано) вѣдать". Уже 1-ый Судебникъ знаетъ, на нашъ взгляъ, слово приказъ нетолько въ значеніи повелѣнія, даннаго государемъ своемуслужилому человѣку, исполнить то или иное порученіе, но и въ смыслѣ учрежденія: каждое такое учрежденіе, вѣдающее болѣе или менѣе постоянно то или другое дѣло, называется Приказомъ и къ нему должны направляться челобитчики-истцы по извѣстному роду дѣлъ. Второй Судебникъ выражаетъ эту мысль еще яснѣе, говоря, что, если „къ которому бояриву, или дворецкому, или къ казначею или къ дьяку придетъ жалобникъ его приказу, и ему жалобниковъ своею приказу отъ себя не отсылати, а давати ему жалобникомъ своею приказу всѣмъ управа, которой будетъ жалобникъ бьетъ челомъ по дѣлу" и т. д. (ст. 7). Но итти истцу-челобитчику къ извѣстному боярину или

дьяку и пр., а этимъ послѣднимъ принять его жалобу, было, конечно, возможно въ томъ случаѣ, когда тотъ и другой знали, съ одной стороны, какія дѣла приказано вѣдать данному лицу и когда это завѣдываніе, съ другой, не было случайнымъ и временнымъ, а было болѣе или менѣе постояннымъ и опредѣленнымъ. Говоримъ „болѣе или менѣе“ потому, что полной точности въ опредѣленіи компетенціи даннаго Приказа, какъ учрежденія, еще не было, почему и могло случаться иногда, что бояринъ или дьякъ, вѣдающій тѣ или иныя дѣла, могъ bona fide отказать истцу въ разсмотрѣніи, а затѣмъ и рѣшеніи дѣла. Что компетенція Приказовъ, какъ учрежденій, невсегда была ясно опредѣлена и устойчива, это видно, между прочимъ, изъ той-же статьи 2-го Судебника. А именно по этой-же статьѣ бояринъ, дьякъ и пр. наказывался „опалою государя“ за отказъ кому-либо въ правосудіи лишь въ томъ случаѣ, когда, по челобитью истца, „государь ту его жалобницу отошлетъ къ тому, чей судъ, и велитъ управу учинить“, т. е. здѣсь предполагается, что отказъ произошелъ потому, что данный бояринъ, или дьякъ думалъ, что дѣло истца ему неподсудно; его, конечно, и нельзя было наказывать за отказъ въ правосудіи. Другое дѣло, когда самъ государь признаетъ, что данное дѣло принадлежитъ къ его компетенціи и „велитъ ему управу учинить“; неисполненіе этого повелѣнія влечетъ уже за собою опалу. Надо еще, въ поясненіе къ сказанному, замѣтить, что слово приказъ употреблено въ царскомъ Судебникѣ такъ, что нѣкоторые ученые, напр., Ѳ. М. Дмитріевъ утверждаютъ, что оно не имѣетъ здѣсь еще „того техническаго значенія, какое оно получило впослѣдствіи“, т. е. что оно употреблено въ этомъ памятникѣ въ смыслѣ приказа, какъ личнаго повелѣнія, но не въ смыслѣ Приказа, какъ учрежденія. Конечно, выраженіе „жалобникъ его приказа“ можно понимать здѣсь и въ томъ смыслѣ, что это „жалобникъ“ или истецъ по тому роду дѣлъ,

которой приказано царемъ вѣдать данному боярину и т. д. Но такое словоупотребленіе слова приказъ не значитъ, однако, что въ это время не было еще Приказовъ, какъ учрежденій. Уже при Іоаннѣ III существовали Приказы Разрядный, Холопій, Большаго Дворца, Конюшенный, а отъ 1512 г. сохранилась грамота Великаго князя Василія Іоанновича одному монастырю, въ которой слово Приказъ употреблено въ значеніи правительственнаго мѣста или учрежденія (т. е. въ техническомъ смыслѣ этого слова), а не въ смыслѣ повелѣнія или приказанія. Необходимо еще имѣть въ виду, что наряду съ наименованіемъ центральныхъ административныхъ учрежденій на Москвѣ Приказами, были въ ходу наименованія ихъ палатами, дворами, дворцами, избами, третями и четвертями (послѣднія 2 наименованія произошли отъ дѣленія при Іоаннѣ III государства на 3 части, а при Іоаннѣ IV— на четыре); но во всякомъ случаѣ слово Приказъ, для обозначенія центральныхъ административныхъ учрежденій, возобладало надъ всѣми другими и стало общеупотребительнымъ съ половины XVI вѣка.

Приказы, какъ центральныя учрежденія, возникали постепенно, по мѣрѣ надобности и вмѣстѣ съ ростомъ территоріи Московскаго государства и соединеннаго съ этимъ ростомъ осложненія задачъ управленія. Такъ къ Приказамъ, возникшимъ при Іоаннѣ III и частію уже упомянутымъ нами выше, въ княженіе Василія Іоанновича присоединились Ямской Приказъ и нѣкоторые придворные Приказы; при Іоаннѣ IV — Приказы Челобитный, Помѣстный, Иноземный, Бронный, Разбойный, Казанскій и другіе, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ носили названіе четвертей; при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ — Сибирскій Приказъ, 2 патріаршіе Приказа, при Борисѣ Годуновѣ — Каменный, при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ — Дворцовый, Судный, Аптекарскій и др., при Алексѣѣ Михайловичѣ — Приказъ тайныхъ дѣлъ Рейтарскій, Малороссійскій, Монастырскій и др. Число

Приказовъ вообще не было постояннымъ, такъ какъ время отъ времени возникали новые Приказы и уничтожались старые; кромѣ того отдѣльные Приказы то раздѣлялись на части, образуя особые Приказы, то соединялись въ одинъ Приказъ. Котошихинъ во 2-ой половинѣ XVII вѣка насчитывалъ 42 Приказа. Какъ видно уже изъ наименованій нѣкоторыхъ Приказовъ, одни изъ нихъ возникали для управленія новыми областями, присоединявшимися къ Московскому государству, какъ, напр., Приказы Казанскій, Сибирскій, Малороссійскій и др., другіе являлись для завѣдыванія особыми отраслями управленія, выдѣлившимися изъ прежнихъ въ самостоятельное цѣлое; такъ, напр., учрежденіе патріаршества въ 1589 г. положило начало 2-мъ патріаршимъ приказамъ (Патріаршему Разряду и Патріаршему Казенному Приказу); учрежденіе отдѣльнаго Стрѣлецкаго Приказа было вызвано необходимостью управлять особымъ родомъ войска, явившагося въ началѣ XVI вѣка подъ наименованіемъ стрѣльцовъ; образованіе Пушечнаго или, какъ сталъ называться онъ позднѣе, Пушкарскаго Приказа — необходимостью завѣдывать „пушечнымъ дѣломъ“, Аптекарскаго — врачебною частью, послѣ того, какъ эти части управленія, такъ и многія другія, настолько развились, что требовали отдѣльнаго управленія. Вообще, если на ростѣ придворныхъ должностей и чиновъ мы можемъ наглядно слѣдить за развитіемъ власти московскихъ государей и потребностей ихъ дворцоваго хозяйства, то по все болѣе и болѣе увеличивающемуся числу Приказовъ можемъ наблюдать за постепеннымъ выдѣленіемъ однѣхъ задачъ управленія изъ другихъ, что приводило къ необходимости ввѣрять завѣдываніе каждой изъ этихъ задачъ особымъ учрежденіямъ.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній о происхожденіи Приказовъ, о времени и обстоятельствахъ возникновенія отдѣльныхъ Приказовъ, коснемся кратко во 1-хъ вопроса о составѣ Приказовъ и порядкѣ рѣ-

шенія въ нихъ дѣлъ, во 2-хъ круга ихъ вѣдомства, или компетенціи, и въ 3-хъ классификаціи Приказовъ. Что касается прежде всего состава Приказовъ, то онъ не отличался опредѣленностью и всецѣло зависѣлъ отъ государя, который могъ приказать вѣдать данное дѣло одному или нѣсколькимъ лицамъ, при чемъ этими лицами могли быть, какъ высшіе чины бояре, окольничіе, думные дворяне и дьяки, такъ и просто дворяне, дьяки, и др. Еще Неволинъ различалъ въ Приказахъ „лицъ двоякаго рода: одни занимались сужденіемъ и рѣшеніемъ дѣлъ, другіе — письменною частью; первые вообще назывались судьями, вторые дьяками и подъячими". Эту мысль можно принять лишь съ тою оговоркою, что въ Приказахъ было, говоря языкомъ позднѣйшихъ актовъ, „присутствіе" и „канцелярія"; но это „присутствіе", обсуждавшее и рѣшавшее дѣла, могло состоять, какъ изъ указанныхъ выше чиновъ, такъ и изъ дьяковъ, собственно-же канцелярію составляли подъячіе. Были Приказы, гдѣ около главнаго „судьи" товарищами были дьяки; иногда-же дьяки являлись сами „судьями", какъ обычно называли членовъ „Приказовъ". Чѣмъ больше усложнялась компетенція даннаго „Приказа", тѣмъ больше становился и составъ, а равно и канцелярія его. Довольно спорнымъ представляется вопросъ о порядкѣ рѣшенія дѣлъ въ Приказахъ, а именно о томъ, рѣшались-ли въ Приказахъ дѣла коллегіально, или требовалось единогласія, какъ это было вообще въ духѣ древняго времени, на что уже нами неразъ указывалось. Нѣкоторые историки нашего права говорятъ „о коллегіальномъ устройствѣ Приказовъ", „о коллегіальномъ составѣ Приказовъ" и т. п. По Дмитріеву, напр., „устройство Приказовъ было большею частію коллегіальное, но встрѣчаются, однако, и исключенія"; по Сергѣевичу, „всѣ Приказы, за исключеніемъ Панафиднаго, имѣютъ коллегіальный составъ". Другіе ученые, какъ, напр., Неволинъ, Кавелинъ, Вл.-Будановъ не признаютъ коллегіальности

Приказовъ. По Неволину, „хотя по закону, въ тѣхъ Приказахъ, гдѣ было нѣсколько судей, надлежало рѣшать дѣла всѣмъ вмѣстѣ, но на самомъ дѣлѣ первенствующій судья имѣлъ такую силу, что онъ дѣлалъ, что хотѣлъ“. По Кавелину назначеніе судей и нѣсколькихъ воеводъ для управленія однимъ Приказомъ или областью дѣлалось лишь потому, что многочисленность занятій, связанныхъ съ извѣстнымъ управленіемъ, превышали силы одного человѣка. Кавелинъ, ссылаясь на Рейца, думаетъ, что товарищи боярина, вѣдавшаго извѣстный Приказъ, или городового воеводы, были его помощниками, совѣтниками, а несамостоятельными членами, т. е., иначе говоря, утверждаетъ, что устройство Приказовъ не было коллегіальнымъ. Какое-же изъ этихъ мнѣній надо считать наиболѣе соотвѣтствующимъ строю нашихъ Приказовъ? Что въ послѣднихъ нерѣдко было нѣсколько „судей“, или лицъ, обсуждавшихъ дѣла, и что законодательные акты московскаго времени предписывали имъ рѣшать дѣла всѣмъ вмѣстѣ, это, конечно, не подлежитъ сомнѣнію. Едва-ли, однако, какъ это совмѣстное обсужденіе, такъ и рѣшеніе дѣлъ, поскольку оно практиковалось въ Приказахъ, можетъ дать намъ основаніе, съ юридической точки зрѣнія, говорить „о коллегіальномъ устройствѣ Приказовъ“, о ихъ „коллегіальномъ составѣ“ и т. д. Съ юридической точки зрѣнія коллегіально-устроеннымъ учрежденіемъ надо считать только такое учрежденіе, въ которомъ по закону каждый членъ имѣетъ равное съ другими членами положеніе и всѣ дѣла рѣшаются по большинству голосовъ. Ни того, ни другого не было въ Приказахъ и, хотя de facto, въ нихъ, можетъ быть, нерѣдко соблюдалось уваженіе къ мнѣнію другъ друга, но считаться съ мнѣніемъ каждаго юридически и подчиняться рѣшенію большинства, какъ это бываетъ въ коллегіяхъ, предсѣдателю или судьѣ вовсе не было никакой нужды. Это отлично высказано въ одномъ пет-

ровскомъ указѣ. Именно, въ указѣ отъ 22 декабря 1718 г. Петръ прямо указалъ на главное основаніе, заставившее его прибѣгнуть къ устройству коллегій: „управя“ войско, говоритъ указъ „Его Величество милосердуя о народѣ и о земскомъ справедливомъ правленіи . . . трудится и сіе въ такой же добрый порядокъ привесть, какъ и воинское дѣло, чего ради учинены коллегіи, т. е. собраніе многихъ персонъ (вмѣсто Приказовъ), въ которыхъ президенты или предсѣдатели не такую мочь имѣютъ, какъ старые судьи (Приказовъ): дѣлали, что хотѣли. Въ коллегіяхъ же президентъ не можетъ безъ произволенія товарищевъ своихъ ничего учинити“ (П. С. З., т. V, № 3261). Нѣкоторые ученые видятъ въ этихъ словахъ лишь указаніе на злоупотребленіе судьями своею властью, на отступленіе отъ обычнаго порядка, дѣйствовавшаго въ Приказахъ, а не наобщее правило, по которому и въ послѣднихъ дѣла должны были рѣшаться вмѣстѣ. Но, едва-ли здѣсь можно видѣть указаніе лишь на злоупотребленіе властью или на отступленіе отъ обычнаго порядка обсужденія и рѣшенія дѣлъ. Во главѣ Приказа стояло, обычно, лицо довѣренное, которому государь поручалъ завѣдываніе тѣмъ или дѣломъ, а иногда и цѣлымъ рядомъ дѣлъ; къ нему, въ качествѣ товарищей, присоединялось еще нѣсколько лицъ; отношенія его къ другимъ лицамъ, входившимъ въ составъ Приказа, не были опредѣлены по закону, какъ это бываетъ въ коллегіальныхъ учрежденіяхъ: нисколько не злоупотребляя своею властью, bona fide, судья Приказа могъ рѣшать дѣла „безъ произволенія товарищевъ своихъ“, посовѣтовавшись лишь съ ними о дѣлахъ; наоборотъ, въ коллегіи онъ этого по закону дѣлать уже не могъ, такъ какъ каждый членъ коллегіи имѣетъ право голоса и потому принимаетъ участіе въ рѣшеніи дѣлъ. На практикѣ, разумѣется, случалось, что и въ коллегіальныхъ учрежденіяхъ всѣ дѣла вер-

шились 1—2 членами, какъ и наоборотъ, въ приказныхъ учрежденіяхъ они рѣшались съ общаго согласія, но съ формальной юридической точки зрѣнія была всегда большая разница между тѣми и другими учрежденіями, почему, съ этой именно, точки зрѣнія, и нельзя говорить о коллегіальности Приказовъ на Москвѣ. Затѣмъ требованіе единогласія въ рѣшеніяхъ, всюду проводившееся въ допетровской Руси, само по себѣ говоритъ противъ предположенія о коллегіальности приказнаго строя.

Обращаясь къ уясненію вопроса, каковъ былъ кругъ вѣдомства, или компетенція Приказовъ, надо сказать, что, въ цѣломъ, Приказы являлись центральными административными учрежденіями Московскаго государства, игравшими въ управленіи его ту-же роль, какую въ періодъ имперіи, въ XVIII вѣкѣ, играли Коллегіи, а съ начала XIX столѣтія — Министерства. Такъ какъ, однако, на Москвѣ судебная функція управленія не была строго и послѣдовательно отдѣлена отъ функціи административной, то каждый Приказъ, завѣдуя тѣмъ или инымъ родомъ дѣлъ, въ то-же время былъ частію и судебнымъ учрежденіемъ, какъ для лицъ, ему подчиненныхъ, такъ и для дѣлъ, ему подвѣдомственныхъ. Напр., такъ наз. „Разрядъ“ или „Разрядный Приказъ“ нетолько вѣдалъ службу и все воинское дѣло, но и судилъ служилыхъ людей, какъ таковыхъ; или, напр., Помѣстный Приказъ завѣдывалъ нетолько помѣстьями и вотчинами, но и рѣшалъ различныя судебныя тяжбы, возникавшія изъ [illegible]нія, пользованія или распоряженія вотчинами и помѣстьями. Такое соединеніе функцій судебной и административной представляло многія удобства по условіямъ времени, почему оно и удерживалось долго на Москвѣ. Вообще два столь различныхъ, съ нашей современной точки зрѣнія, понятія, какъ понятіе „судить“ и понятіе „управить“, въ первые два періода нашей исторіи такъ близко сливались одно съ другимъ,

что сами лица, завѣдывавшія тѣми или иными Приказами назывались судьями, а Котошихинъ, напр., говоря о Приказахъ, описываетъ дѣятельность членовъ ихъ такъ, что можно подумать, что Приказы были чисто-судебными учрежденіями („а судити указано въ Приказахъ бояромъ и окольничимъ и стольникомъ и дворяномъ и дьякомъ, кому въ которомъ Приказѣ вѣдати приказано, всѣмъ вмѣстѣ . . .“ (VII гл.), тогда какъ, въ дѣйствительности, эти „судьи“, — которымъ было „судити указано въ Приказахъ“, — были администраторами, хотя и вѣдавшими въ тоже время, въ извѣстныхъ случаяхъ, нѣкоторыя судебныя дѣла. Съ указанной точки зрѣнія можно называть Приказы и административно-судебными учрежденіями, не упуская, однако, изъ виду, что преимущественное назначеніе ихъ было административное, или исполнительное. Что касается, далѣе, круга вѣдомства, или компетенціи, отдѣльныхъ Приказовъ, то, ввиду того, что наши Приказы слагались постепенно и въ теченіи долгаго времени, что на принадлежность даннаго рода дѣлъ къ кругу вѣдомства одного или нѣсколькихъ Приказовъ вліяли многія и разнообразныя причины, компетенція ихъ постоянно измѣнялась и отличалась большею спутанностью. Эти особенности компетенціи Приказовъ чрезвычайно ярко сказываются (какъ это мы увидимъ ниже) тогда, когда хотятъ классифицировать многочисленные московскіе Приказы въ извѣстныя группы по роду дѣлъ, которыми они завѣдывали, такъ какъ при этомъ обнаруживается, что однородныя дѣла, напр., судебныя, вѣдаются въ разныхъ Приказахъ, между тѣмъ, какъ дѣла, которыя слѣдовало-бы поручить нѣсколькимъ Приказамъ, сосредоточиваются въ одномъ и пр. Кромѣ того, наряду съ Приказами, вѣдавшими отдѣльныя отрасли управленія во всемъ государствѣ, были Приказы, которые завѣдывали всѣми дѣлами управленія и суда, но лишь въ извѣстныхъ частяхъ государства (это

такъ наз. „областные Приказы“). Происходило все это отъ того, что Приказы наши не создавались сразу по какимъ-либо образцамъ (какъ это надо сказать о Коллегіяхъ или о Министерствахъ), а устроивались по мѣрѣ роста государственной территоріи, развитія государственной жизни и осложненія задачъ управленія. По мѣрѣ присоединенія новыхъ земель къ Москвѣ надо было создавать и новыя учрежденія для ихъ управленія, что и вызвало образованіе областныхъ Приказовъ. Развитіе государственной жизни и задачъ управленія, либо приводило къ тому, что къ дѣламъ, которыми завѣдывалъ какой-либо прежній Приказъ, присоединялись новыя дѣла, либо заставляло правительство создавать еще другой новый Приказъ, или даже рядъ другихъ Приказовъ. Такъ какъ, кромѣ того, основною чертою приказныхъ учрежденій было, что они выросли изъ системы личныхъ порученій, или приказаній, которыя давались государями отдѣльнымъ довѣреннымъ своимъ слугамъ, то это, въ свою очередь, не могло не вліять на кругъ дѣлъ, поступавшихъ въ завѣдываніе того или другого лица: одному можно было довѣрить въ управленіе одно дѣло, другому — другое, почему съ устраненіемъ отъ завѣдыванія даннымъ дѣломъ того или иного лица могла измѣняться и компетенція самого учрежденія, которымъ это лицо завѣдывало. Все это, въ концѣ концевъ, приводило къ большой спутанности вѣдомства отдѣльныхъ Приказовъ, почему въ каждомъ почти Приказѣ, вѣдавшемъ извѣстный родъ дѣлъ военныхъ, судебныхъ, придворныхъ и др. (что и даетъ основаніе къ классификаціи Приказовъ по роду дѣлъ), были еще дѣла, которыя попали подъ его компетенцію по какимъ-либо другимъ основаніямъ, иногда самымъ случайнымъ. Обозрѣвая въ общемъ кругъ вѣдомства Приказовъ, можно согласиться съ мнѣніемъ проф. Вл.-Буданова, что „въ системѣ Приказовъ смѣшивались три основанія для дѣленія органовъ: по роду дѣлъ, по

классамъ лицъ и по территоріальнымъ районамъ. А потому подданные нерѣдко вовсе не знали, какому Приказу они подвѣдомы по тому или другому дѣлу".

Перейдемъ, наконецъ, къ классификаціи Приказовъ и кратко остановимся на важнѣйшихъ изъ нихъ. Учеными нашими, изучавшими приказное устройство, предлагалось нѣсколько системъ классификаціи Приказовъ. Остановимся лишь на простѣйшей изъ нихъ. Всѣ Приказы можно прежде всего раздѣлить на 2 крупныя группы: Приказы областные и Приказы центральные. Первые, какъ уже было указано, вѣдали данную область, или часть государства, порученную ихъ управленію, во всѣхъ отношеніяхъ, т. е. они заботились о ея безопасности, производили въ ней судъ и правили ею, собирали въ пользу государства всѣ доходы и пр. Такое общее сосредоточіе всѣхъ дѣлъ управленія въ одномъ учрежденіи — особенно первоначально, когда данная область только-что была присоединена къ государству — представляло большія удобства, какъ ввиду мѣстныхъ особенностей, какія имѣла каждая область, такъ и ввиду необходимости проводить по отношенію къ ней какую-нибудь одну политику и т. д. Москва отлично понимала это, почему и создавала новые Приказы для управленія важнѣйшими изъ присоединяемыхъ областей. Общею чертою областныхъ Приказовъ было то, что чѣмъ больше сглаживались мѣстныя особенности управленія данною частью государства и чѣмъ больше она подводилась подъ общія начала управленія государствомъ, тѣмъ меньше дѣлался кругъ дѣлъ, входившихъ въ завѣдываніе даннаго областнаго Приказа, такъ какъ дѣла, принадлежавшія первоначально къ его компетенціи, передавались другимъ центральнымъ Приказамъ, которые вообще вѣдали тотъ или иной родъ дѣлъ въ государствѣ. Областными Приказами были: Приказъ Смоленскій, возникшій въ началѣ XVI вѣка, вскорѣ по

присоединеніи Смоленскаго княжества, Казанскій Приказъ (или Приказъ Казанскаго Дворца), возникшій въ концѣ царствованія Іоанна Грознаго, Сибирскій, явившійся во 2-ой четверти XVII вѣка, Малороссійскій — во 2-ой половинѣ тогоже вѣка, и нѣкоторые другіе (Литовскій, Приказъ Лифляндскихъ дѣлъ и пр.). Но, кромѣ этихъ областныхъ Приказовъ, былъ еще цѣлый рядъ Приказовъ, носившихъ наименованіе четей (или четвертей), каковы чети Новгородская, Устюжская, Галицкая, Костромская, Владимірская, Новая. Вопросъ о происхожденіи четей одинъ изъ самыхъ спорныхъ въ историко-юридической литературѣ нашей [1]). Проф. В.-Будановъ, развивая мысль, высказанную еще проф. А. Д. Градовскимъ, утверждаетъ, что „при присоединеніи удѣловъ къ Москвѣ, ихъ центральныя учрежденія (дворы) переносились въ Москву, сохраняя за собою тотъ же районъ вѣдомства. Так. обр. въ Москвѣ возникли учрежденія, мѣстныя по району дѣятельности, и центральныя по степени власти, а именно сначала три (т. е. трети), а затѣмъ 4, отчего и Приказы названы четвертями, которыхъ въ XVII вѣкѣ образовалось уже 5 и даже присоединена (Новая)“; по его мнѣнію, какъ вѣдомство этой „Новой четверти“, возникшей въ концѣ XVI в., такъ „и вѣдомство прочихъ четвертныхъ Приказовъ было преимущественно-финансовое“. По мнѣнію проф. Милюкова происхожденіе четей стоитъ въ связи съ выдѣленіемъ въ концѣ XVI вѣка государственныхъ доходовъ изъ доходовъ дворцовыхъ; по мнѣнію проф. Середонина чети возникли вслѣдствіи уничтоженія намѣстниковъ, функціи коихъ перешли сначала къ казначеямъ и дьякамъ, а затѣмъ къ центральному учрежденію, явившемуся подъ име-

1) Сводъ и разборъ мнѣній о происхожденіи Московскихъ Приказовъ-Четвертей см. у С. Ѳ. Платонова въ статьѣ „Какъ возникли чети?“ (Статьи по русской исторіи, С.-П., 1903 г.)

немъ Дворцоваго Четвертнаго Приказа во время опричины; позднѣе этотъ Приказъ распался на нѣсколько четвертей. Послѣднее мнѣніе частію принимается проф. Платоновымъ, при чемъ, однако, имъ отвергается связь вопроса съ опричиной. Отсутствіе положительныхъ данныхъ ведетъ къ тому, что вопросъ остается пока открытымъ, а изъ предположеній, высказанныхъ учеными, болѣе вѣроятнымъ, на нашъ взглядъ, является мнѣніе проф. В.-Буданова. Замѣтимъ еще, что эти „чети“ иногда назывались по имени дьяковъ, стоявшихъ во главѣ ихъ („четь дьяка Щелкалова и др.).

Вторую, болѣе многочисленную, группу составляютъ Приказы центральные. Всѣ эти Приказы можно подраздѣлить на 2 вида: на Приказы, вѣдавшіе управленіе государствомъ, и на Приказы, вѣдавшіе судъ. Хотя, какъ уже было сказано, всѣ Приказы были частію судебными учрежденіями, такъ какъ разбирали дѣла о лицахъ, имъ подвѣдомственныхъ и пр., но были еще Приказы чисто-судебные, вѣдавшіе, либо гражданскій судъ (Приказы Владимірскій, Дмитровскій, Рязанскій и Московскій), либо судъ уголовный (Разбойный Приказъ), а равно и нѣкоторыя особыя дѣла по тяжбамъ, выдѣленныя почему-либо изъ прочихъ дѣлъ, напр., дѣла о холопахъ, которыми завѣдывалъ Приказъ Холопьяго Суда. Приказы собственно-административные (съ указанною выше оговоркою о ихъ судебной функціи) можно опять таки подраздѣлить на 2 категоріи: 1) Приказы, вѣдавшіе дѣла иноземныя и 2) Приказы, вѣдавшіе дѣла внутреннія. Иностранными или иноземными дѣлами управлялъ Посольскій Приказъ или Посольская Палата. Этотъ Приказъ, кромѣ того, какъ и многіе другіе Приказы, имѣлъ въ своемъ распоряженіи нѣсколько городовъ, доходами съ которыхъ онъ содержался и которыми управлялъ. Кромѣ этого Приказа, существовавшаго еще со 2-ой половины XVI вѣка, въ XVII вѣкѣ явился Приказъ Полоняничный, завѣдывавшій иноземными плѣнными и сборомъ

денегъ на выкупъ русскихъ плѣнниковъ и Приказъ Панскій вѣдавшій дѣла Литвы и Польши.

Всѣ Приказы, вѣдавшіе внутреннія дѣла, можно раздѣлить во 1-хъ на Приказы военные, во 2-хъ, придворные, въ 3-хъ финансовые и въ 4-хъ — вѣдавшіе дѣла полицейскаго характера. Военными Приказами, кромѣ уже упоминавшихся нами раньше Приказовъ Разряднаго и Помѣстнаго, были Приказы Стрѣлецкій, вѣдавшій стрѣльцовъ, Пушкарскій — „пушечное дѣло“, Рейтарскій — конницу, Иноземный — иностранцевъ, вступившихъ въ русскую воинскую службу; наконецъ, Оружейный и Бронный завѣдывали „дворами“, гдѣ приготовлялось оружіе, брони, шлемы и пр. Приказы придворные были многочисленны, что и понятно, конечно, какъ ввиду того значенія, какое пріобрѣла власть московскихъ государей, съ одной стороны, такъ и ввиду того обширнаго хозяйства, которое вели государи. Изъ Приказовъ, имѣвшихъ отношеніе къ этому хозяйству, надо прежде всего назвать Приказъ Большаго Дворца, вѣдавшій приходы и расходы государева двора. Во главѣ его стоялъ дворецкій и ему былъ подчиненъ цѣлый рядъ Дворовъ или Приказовъ, назначеніе которыхъ ясно видно уже изъ самого наименованія ихъ (Хлѣбный, Кормовой Дворъ и мн. др.). Приказъ этотъ вѣдалъ также судъ надъ духовенствомъ до С. Уложеніе, которымъ установленъ для этого особый Приказъ. — Монастырскій. Затѣмъ былъ цѣлый рядъ Приказовъ, завѣдывавшихъ отдѣльными отраслями того же хозяйства государей, каковы напр., Приказъ Конюшенный, Ловчій, Сокольничій, Казенный (хранившій и раздававшій по принадлежности казну государеву — золотыя и серебрянныя издѣлія, драгоцѣнныя матеріи и т. п.) и мн. др. Но были, кромѣ указанныхъ придворныхъ Приказовъ, Приказы личные, непосредственно стоявшіе при особѣ государей, или, какъ ихъ называетъ Неволинъ, „Приказы по производству дѣлъ, подлежавшихъ непосредственному усмотрѣнію и рѣшенію

царя". Такими Приказами онъ считаетъ во 1-хъ Приказъ Тайныхъ дѣлъ (или Тайный Приказъ), во 2-хъ Разрядный Приказъ и въ 3-хъ Челобитный. Кажется, однако, Разрядный Приказъ (или Разрядъ) правильнѣе относить къ Приказамъ военнымъ и такимъ образомъ личныхъ Приказовъ государей, состоявшихъ при дворѣ ихъ, было 2 — Тайный Приказъ и Челобитный Приказъ. Изъ нихъ второй (впервые подъ именемъ Челобитной Избы) упоминается въ 1571 г., а первый лишь въ 1658 г. Челобитный Приказъ игралъ очень важную роль въ Московскомъ управленіи. Какъ извѣстно, на Москвѣ челобитья свободно подавались царю какъ отъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и отъ цѣлыхъ общинъ. Благодаря простотѣ отношеній, выработался весьма доступный для населенія способъ непосредственнаго обращенія къ царю, почему токъ челобитій непрерывно шелъ въ Москву изъ всѣхъ частей государства [1]). Обычно, челобитчики, прибывъ въ Москву, старались, при такъ называемыхъ „выходахъ" государей, вручить имъ свою челобитную лично. По свидѣтельству Котошихина, царя сопровождалъ при выходахъ бояринъ и дьякъ Челобитнаго Приказа, которымъ и передавались челобитья для разсмотрѣнья. Челобитья затѣмъ докладывались изъ Приказа государю или, по его повелѣнію, Боярской Думѣ, гдѣ „тѣхъ челобитенъ царь слушаетъ самъ и бояре", какъ говоритъ Котошихинъ; иногда-же челобитья направлялись Приказомъ для рѣшенія въ тѣ учрежденія, до которыхъ онѣ относились по своему содержанію. Если по челобитной состоялось рѣшеніе государя, или государя и Боярской Думы, то оно объявлялось Челобитеннымъ (или Челобитнымъ) Приказомъ. Кромѣ всего указаннаго, названный Приказъ вѣдалъ „судомъ" дьяковъ и

1) Любопытныя свѣдѣнія по вопросу см. въ статьѣ И. И. Дитятина „Роль челобитій и Земскихъ Соборовъ" („Статьи по исторіи р. права", М., 1896 г.).

подъячихъ, а равно и разбиралъ разныя другія дѣла по повелѣнію государей. Что касается Тайнаго Приказа или Приказа Тайныхъ дѣлъ, то его общимъ назначеніемъ было вообще наблюденіе за всѣмъ управленіемъ въ государствѣ. Характерною чертою его устройства было то, что онъ состоялъ изъ дьяка и подъячихъ и въ него не входили ни бояре, ни окольничіе, ни другія лица, можетъ быть, именно потому, что Приказъ этотъ наблюдалъ за ихъ дѣятельностью. Дѣла, подлежавшія его вѣдомству, были весьма разнообразны: такъ, онъ завѣдывалъ царскою птичьею охотою, наблюдалъ за дѣятельностью царскихъ пословъ, велъ слѣдствія по разнымъ важнымъ государственнымъ дѣламъ, являлся вообще личною канцеляріею государя по тѣмъ дѣламъ, которыя восходили къ нему непосредственно и по которымъ имъ самимъ постановлялись рѣшенія и т. п.

Третью группу Приказовъ, вѣдавшихъ внутреннія дѣла управленія, составляютъ Приказы финансовые. Компетенція этихъ Приказовъ была, кажется, самою неустойчивою изъ всѣхъ, такъ какъ сборы и расходы „государевой казны“ вѣдались то одними, то другими Приказами, сливаясь или раздѣляясь по мѣрѣ того, какъ практика жизни выясняла необходимость того или другого. Что касается прежде всего приходовъ и расходовъ денежной казны, то ихъ вѣдали Приказъ Большой Казны (или „Большая Казна“, какъ его еще называли), Приказъ Большаго Прихода (или „Большой Приходъ“ просто) и Новая Четверть. Въ эти Приказы поступали сборы кабацкіе, таможенные, всякія пошлины и пр., при чемъ одни сборы, какъ, напр., таможенные вѣдали то Большой Приходъ, то Большая Казна, а нѣкоторые предметы вѣдомства, какъ напр., чеканку монеты вѣдалъ то тотъ-же Большой Приходъ, то она находилась въ особомъ Приказѣ (Денежномъ). Въ свою очередь Новая Четверть выдѣлилась въ концѣ XVI вѣка изъ Большой Казны для спеціальнаго завѣдыванія питейными, или кабацкими, сборами. Съ

половины XVII вѣка является новый Приказъ — Печатный, куда поступали и гдѣ хранились пошлины, шедшія съ разнаго рода актовъ, къ которымъ прикладывалась казенная печать (откуда и названіе — Печатный Приказъ). Въ половинѣ-же XVII вѣка явился Счетный Приказъ, бывшій контрольнымъ, такъ какъ онъ завѣдывалъ повѣркою приходовъ и расходовъ отдѣльныхъ Приказовъ. Такъ какъ, однако (какъ это уже указывалось), нѣкоторые города были приписаны къ отдѣльнымъ Приказамъ для ихъ содержанія, то, въ свою очередь, несмотря на существованіе финансовыхъ Приказовъ, они сами завѣдывали сборомъ доходовъ съ этихъ городовъ и ихъ расходываніемъ. Вообще въ Москвѣ не было единства государственной кассы и какъ доходы, такъ и расходы вѣдались многими учрежденіями.

Наконецъ, на Москвѣ были Приказы полицейскаго характера, т. е. Приказы, вѣдавшіе „государственное благоустройство и благочиніе“. Къ первымъ надо отнести: 1) Житный Приказъ, явившійся при Іоаннѣ III и заготовлявшій хлѣбные запасы на случай неурожая; 2) Ямской Приказъ, явившійся при Василіи III (въ 1516 г.) и завѣдывавшій „ямами“, или почтовыми станціями, ямщиками и пр.; 3) Каменный, при Б. Годуновѣ, вѣдавшій „каменное дѣло“, т. е. все, что относилось къ постройкѣ церквей, дворцовъ и домовъ изъ камня; 4) Аптекарскій Приказъ, со второй четверти XVII в., вѣдавшій врачебное и аптечное дѣло. Изъ Приказовъ, заботящихся о благочиніи, надо назвать Земскій Приказъ, вѣдавшій управленіе Москвою и замѣнявшій для нее и полицейскія и городскія самоуправляющіяся учрежденія позднѣйшаго времени. Если этотъ Приказъ былъ мѣстнымъ, а не центральнымъ учрежденіемъ, то такіе Приказы, какъ Разбойный, или Сыскной, Холопій (или Холопьяго суда), будучи Приказами судебными по преимуществу, являлись также частію Приказами, вѣдавшими полицію благочинія.

Въ общемъ, Приказы сослужили, конечно, свою службу на Москвѣ; но къ концу Московскаго періода спутанность ихъ вѣдомства, отсутствіе юридической опредѣленности во взаимныхъ отношеніяхъ членовъ, значительная административная неповоротливость въ дѣйствіяхъ стали сказываться весьма сильно, Приказы оказались мало-пригодными учрежденіями въ кипучую эпоху петровскаго царствованія, почему и были замѣнены Коллегіями.

§ 2.

Мѣстное или областное управленіе.

1.

Административное дѣленіе Московскаго государства.

(Уѣздъ; первоначальное и позднѣйшее значеніе этого слова. Подраздѣленіе уѣздовъ. Общія и мѣстныя наименованія частей государства.)

При изученіи государственнаго управленія въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ указывалось на административное дѣленіе нашихъ древнихъ княжествъ (стр. 133 сл.); на Москвѣ частію сохраняются прежнія дѣленія, частію возникаютъ новыя. Остановимся кратко лишь на послѣднихъ [1]). Собираніе около Москвы прежнихъ удѣльныхъ княжествъ приводило постепенно къ цент-

1) Важнѣйшая литература о мѣстномъ управленіи въ Московскомъ государствѣ: Б. Н. Чичеринъ „Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ“ (М. 1856 г.); Ѳ. М. Дмитріевъ „Исторія судебныхъ инстанцій“ и пр. (М. 1859 г.); К. А. Неволинъ „Образованіе управленія въ Россіи отъ Іоанна III до Петра В.“ (II. С. Соч., С.-П., 1859 г., т. VI); А. Д. Градовскій „Исторія мѣстнаго управленія“ (С.-П., 1868 г.).

рализаціи управленія. Всѣ присоединяемыя области и ихъ города должны были стоять въ непосредственномъ отношеніи къ Москвѣ, какъ административному центру. Наиболѣе крупную единицу дѣленія на Москвѣ представлялъ такъ наз. уѣздъ съ городомъ, составлявшимъ, въ свою очередь, его административный центръ, зависимый отъ Москвы. Первоначальное значеніе слова уѣздъ стояло въ связи съ припискою или съ присоединеніемъ къ данному городу окружающихъ земель, въ цѣляхъ судебныхъ и податныхъ. По остроумному замѣчанію Соловьева „все, что было приписано, примежевано къ извѣстному мѣсту, было къ нему уѣхано, или заѣхано, составляло его уѣздъ“. Въ этомъ первоначальномъ смыслѣ слово уѣздъ иногда встрѣчалось и въ первомъ періодѣ: къ городу тянули „судомъ и данью“ всѣ тѣ подраздѣленія волостей, о которыхъ мы уже говорили въ свое время; они и были его уѣздомъ; обычно, однако, этотъ уѣздъ назывался тогда волостью. Въ Московскій періодъ слово уѣздъ становится на мѣсто слова волость (въ значеніи волости, какъ провинціи, о чемъ см. выше, стр. 135) и получаетъ опредѣленное значеніе административной единицы: уѣздъ — это городъ съ принадлежащими къ его управленію землями. Уѣзды, по величинѣ своей, отличались первоначально большою неравномѣрностью, обнимая то цѣлыя княжества, присоединяемыя къ Москвѣ, то лишь часть послѣднихъ, съ административными и иными цѣлями раздѣляемыхъ на нѣсколько уѣздовъ. Въ концѣ концевъ подъ именемъ уѣздовъ скрылись прежнія земли, княженія, волости, удѣлы и прочія подраздѣленія древней Руси: единству политическому должно было соотвѣтствовать и единство административныхъ дѣленій. Затѣмъ, чѣмъ болѣе посадскіе городскіе люди обособлялись отъ „уѣздныхъ людей“, или „черныхъ волостныхъ людей“, тѣмъ болѣе сами уѣзды выдѣлились отъ городовъ и само слово уѣздъ получило

„болѣе тѣсное значеніе“, какъ это было уже отмѣчено проф. Градовскимъ, указавшимъ, что уѣздъ сталъ въ послѣдствіи означать „совокупность земель, приписанныхъ къ городу, въ противоположность самому городу“, а уѣздные люди стали противополагаться городскимъ посадскимъ людямъ. Вообще надо сказать, что московское административное дѣленіе областей слагалось вѣками и наглядно отражало на себѣ длинную, подчасъ мучительную, исторію образованія Московскаго государства. Поэтому въ немъ нельзя искать правильности и однообразія, ясности въ терминологіи и т. п. Такъ, напр., рядомъ съ дѣленіемъ государства на уѣзды, существовали старыя дѣленія на земли (Вятская земля и др.) а послѣднихъ на трети, четверти и пр.; наконецъ, всѣ эти части государства подраздѣлялись на губы (судебные округа), на разряды (военные округа, въ главномъ центрѣ которыхъ собирались всѣ служилые люди даннаго разряда) и др. Сами уѣзды подраздѣлялись на станы, станы на волости; впрочемъ, и это подраздѣленіе не было вполнѣ выдержано на Москвѣ, почему источники то говорятъ о волостяхъ и станахъ, какъ равнозначительныхъ подраздѣленіяхъ, къ которымъ уѣздные люди „тянули судомъ и данью“ (т. е. которымъ они были подвѣдомственны въ судебномъ и податномъ отношеніяхъ), то представляютъ станы подраздѣленными на волости (иногда, впрочемъ, и наоборотъ). Равнозначительность этихъ двухъ подраздѣленій видна, напр., изъ Бѣлозерской грамоты 1488 г., въ которой читаемъ, что, если „учинится [illegible]родѣ душегубство, а не доищутся душегубца, ино вины 4 рубля заплатятъ горожане; а учинится душегубство въ коемъ стану или въ коей волости, а не доищутся душегубца и они вины 4 рубля заплатятъ въ стану или въ волости, въ коей душегубство учинилось“. Если изъ этой цитаты и видно противоположеніе горожанъ уѣзднымъ людямъ, то, съ другой стороны, станъ вовсе не пред-

ставленъ, какъ подраздѣленіе волости. Наоборотъ, есть грамоты, изъ которыхъ ясно видно, что, по крайней мѣрѣ, съ XVII вѣка[1]), весьма частымъ является дѣленіе становъ на волости: напр., одна грамота отъ 1603 г. посылается „въ Важскій уѣздъ и въ Шенкурскій и въ Подвинской . . . и тѣхъ становъ въ волости и въ погосты и въ деревни“. (А. А. Эк., т. II, № 25). Такимъ образомъ слово волость пережило рядъ измѣненій своего значенія („волость“, какъ княжество-государство, какъ часть его, или уѣздъ, наконецъ, какъ подраздѣленіе становъ), означая послѣдовательно все меньшую и меньшую территорію.

Волости на Москвѣ сдѣлались подраздѣленіемъ становъ. Слово станъ, происходя отъ слова становиться, означало первоначально мѣсто, гдѣ останавливались тіуны, волостели и другія должностныя лица, объѣзжая, съ административными цѣлями, ту часть уѣздныхъ земель, которая была имъ подвѣдомствена; затѣмъ станомъ началъ называться самый округъ, какъ часть уѣзда, находящаяся подъ управленіемъ данныхъ людей, т. е. лицъ, управлявшихъ этимъ округомъ („волостелей“, поскольку волость понималась, какъ административная единица, равнозначительная со станомъ).

Волости, какъ подраздѣленія становъ, въ свою очередь, распадались на болѣе мелкія единицы, а именно на деревни, выставки, починки, слободы, села и пр. Все это были общинные міры, тянувшіе судомъ и данью къ волостямъ, и съ этой точки зрѣнія между ними нѣтъ разницы. Различіе-же наименованій обусловли-

---

1) Указанное выше словоупотребленіе сохраняется однако очень долго: въ 1680 г. были посланы въ Московскій уѣздъ писцы для опредѣленія границъ становъ и имъ было предписано „про станы и про волости распрашивати старожиловъ и окольныхъ людей, съ котораго урочища станъ или волость пказать“. Писцы донесли, что эти люди о границахъ становъ „ничего не знаютъ“. Здѣсь слово станъ является равнозначущимъ со словомъ волость.

вается, какъ разницею въ образованіи этихъ міровъ, такъ и другими обстоятельствами. Такъ, починокъ есть только что зачинающееся поселеніе на новомъ мѣстѣ (почать — зачать), выставка — поселокъ крестьянъ, вышедшихъ изъ другого, бо́льшаго по размѣрамъ поселенія, села, деревни (поселеніе, выставившееся изъ другого), слободы — поселенія крестьянъ, ремесленниковъ и промышленниковъ близъ городовъ, первоначально освобожденныя отъ податей и повинностей (откуда и названіе ихъ), и пр. Нѣкоторыя изъ указанныхъ выше наименованій административныхъ дѣленій были общими, употребительными въ большей части древнихъ русскихъ княжествъ, присоединявшихся къ Московскому государству, другія, наоборотъ, сохраняли свое мѣстное значеніе весьма долгое время, а частію употребляются народомъ и доселѣ. Такъ слово уѣздъ было извѣстно и въ другихъ княжествахъ. Но были наименованія мѣстныя. Такъ Новгородская земля дѣлилась на пятины, т. е. на пять частей (Деревскую, Обонежскую, Шелонскую, Воцкую и Бѣжицкую); дѣленіе это ученые приводятъ въ связь съ дѣленіемъ самого города Новгорода на пять концевъ; каждая пятина тянула къ тому или иному концу или части города. Волости въ Новгородѣ, какъ подраздѣленія становъ, назывались погостами, въ Псковѣ губами и др.

2.

Мѣстное приказное управленіе.

(Понятіе. Органы мѣстнаго приказнаго управленія. Намѣстники-кормленщики, ихъ функціи, характеръ должности. Воеводы, общая характеристика должности. Причины и время введенія должности воеводъ; функціи воеводъ и порядокъ отвѣтственности; права и обязанности воеводъ.)

Въ половинѣ XVI вѣка мѣстное управленіе на Москвѣ является въ двухъ видахъ: управленія при-

казнаго, или правительственнаго, и управленія выборнаго, или самоуправленія. Тамъ, гдѣ дѣйствуетъ правительственное управленіе, его органами являются лица, посылаемыя изъ Москвы, которымъ поручается, или приказывается, завѣдываніе тѣмъ или инымъ дѣломъ, а равно и цѣлымъ рядомъ дѣлъ, подобно тому, какъ это дѣлалось въ центрѣ; тамъ, гдѣ дѣйствуетъ самоуправленіе, его органами являются выборные мѣстные люди. Обѣ системы управленія — приказная и выборная — практиковались на Москвѣ иногда одновременно, а именно такимъ образомъ, что въ однихъ мѣстахъ были правительственные органы, выполнявшія извѣстныя функціи власти, въ другихъ выборные. Какъ само правительство, такъ и населеніе постоянно колебалось между этими двумя системами управленія, прибѣгая то къ одной, то къ другой, смотря по тому, какая изъ нихъ въ данное время и при данныхъ обстоятельствахъ казалась болѣе примѣнимою на практикѣ. Остановимся на организаціи каждой изъ этихъ двухъ системъ отдѣльно.

Обращаясь прежде всего къ мѣстному правительственному, или приказному, управленію, надо сказать, что съ XIV в. до конца XVI столѣтія управленіе это находилось въ рукахъ намѣстниковъ и волостелей, смѣнившихъ прежнихъ посадниковъ, съ начала-же XVII вѣка намѣстники и волостели изчезаютъ и замѣняются воеводами. Присоединеніе прежнихъ княженій или удѣловъ къ Москвѣ сопровождалось назначеніемъ въ главныя города намѣстниковъ, взамѣнъ ихъ князей, а въ волости, — какъ части даннаго княжества, или въ уѣзды, — волостелей. Обычно намѣстники носили наименованіе тѣхъ городовъ, которые были когда-то стольными городами прежнихъ князей (намѣстникъ Бѣлозерскій, Переяславскій, Владимірскій и пр.) и власть ихъ была подобно власти князей. Намѣстники и волостели были кормленщиками, т. е. лицами, получавшими содержаніе съ жителей на-

турою, при чемъ размѣръ корма опредѣлялся первоначально уставными грамотами, дававшимися отдѣльнымъ мѣстностямъ, а затѣмъ, какъ видно изъ царскаго Судебника, уже вообще по книгамъ, которыя велись въ Приказахъ („а безчестье дѣтемъ боярскимъ, за которыми кормленія, указывати противу доходу, что на томъ кормленьи по книгамъ", ст. 26). „Кормъ" намѣстниковъ слагался изъ нѣсколькихъ частей. Во 1-хъ они получали такъ наз. „въѣзжій кормъ", въ неопредѣленномъ размѣрѣ, ввидѣ добровольныхъ приношеній со стороны жителей („възоѣзжаго корму горожане и становые люди намѣстникамъ нашимъ на взоѣздъ что кто принесетъ, то имъ взяти", говоритъ, напр.. Бѣлозерская грамота 1488 г.), хотя и этотъ кормъ переводился иногда на опредѣленный взносъ деньгами. Затѣмъ, во 2-хъ, они получали „кормъ" на Рождество, на Пасху, на Петровъ день въ извѣстномъ установленномъ размѣрѣ и, въ 3-хъ, они пользовались различными пошлинами судебными, торговыми и свадебными, а именно, если бракъ совершался между жителями одного и тогоже города или волости, намѣстники и волостели получали такъ наз. „свадебное" или „новоженый убрусъ"; если дѣвушка выдавалась замужъ (или „выводилась") въ чужой городъ или волость, имъ платилась такъ наз. „выводная куница". Кормленія жаловались на срокъ, или были безсрочными, иногда наслѣдственными. Уставныя грамоты, опредѣляя размѣръ „корма", который долженъ былъ итти въ пользу намѣстниковъ, заботились также вообще о томъ, чтобъ намѣстники, ихъ тіуны и доводчики (судебные пристава) не отягощали жителей своими поборами и постоями („а гдѣ доводчикъ ночуетъ, туто ему не обѣдати, а гдѣ обѣдаетъ, туто ему не ночевати" и т. п.), но это стремленіе правительства ограничить излишніе, противъ обычныхъ и установленныхъ, кормы и повинности не приводило къ желательнымъ результатамъ, въ Москву неслись постоянныя жалобы на невыно-

симыя тягости, налагаемыя на жителей, почему въ царствованіе Іоанна IV, по указу 1556 г., кормы намѣстниковъ и волостелей были отмѣнены и повелѣно было вносить, взамѣнъ ихъ, въ государеву казну опредѣленные денежные налоги, но, въ дѣйствительности, система кормленій продолжала существовать фактически до конца изучаемаго періода, сказываясь въ жизни и позднѣйшаго времени. Во всякомъ случаѣ съ Іоанна IV допускались лишь добровольные „приносы“ со стороны жителей, требовать-же себѣ „кормовъ“ намѣстники, а потомъ и воеводы, по закону уже не могли.

Намѣстники, замѣнивъ посадниковъ, имѣли, въ общемъ, тѣже функціи власти, какъ и послѣдніе, т. е. они были въ одно и тоже время властью военною и гражданскою, являлись судьями и администраторами. Но осложненіе задачъ управленія въ Московскомъ государствѣ, сравнительно съ предшествующимъ періодомъ, не могло не отразиться и на положеніи намѣстниковъ, какъ правителей городовъ, и волостелей, какъ правителей волостей-уѣздовъ. Правительственная дѣятельность намѣстниковъ и волостелей была гораздо шире и разнообразнѣе дѣятельности посадниковъ; самъ судъ ихъ простирается на большой кругъ дѣлъ, хотя и не въ одинаковой степени для всѣхъ намѣстниковъ и волостелей. Какъ извѣстно, были намѣстники и волостели, за которыми были „кормленія съ боярскимъ судомъ“ и были другіе, за которыми было „кормленіе безъ боярскаго суда“; по 1-му Судебнику, первые могли рѣшать дѣла о холопахъ (о ихъ укрѣпленіи въ холопствѣ и выдачѣ „открытыхъ грамотъ“) и дѣла уголовныя (о татяхъ и душегубцахъ и всякихъ лихихъ людяхъ) „безъ доклада въ Москву, вторые — не могли (38 и 43 ст.). Ѳ. М. Дмитріевъ думалъ что по царскому Судебнику законъ Ивана III былъ перенесенъ „на всѣхъ вообще намѣстниковъ“ и второй Судебникъ „всѣмъ равно запрещаетъ безъ доклада „казнить татя, давать отпускныя,

правыя холопу и бѣглыя грамоты", но его утвержденію „о татяхъ" противорѣчитъ, однако, 60 статья втораго Судебника, которая гласитъ, что, „если на кого доведутъ татьбу, или душегубство, или иное какое лихое дѣло, опричь разбоя, въ которомъ городѣ и волости, а будетъ вѣдомый лихой человѣкъ: и намѣстнику или волостелю велѣти того казнити смертною казнію" . . . Во всякомъ случаѣ, въ постановленіяхъ Судебниковъ о раздѣленіи „кормленій" на „кормленія съ боярскимъ судомъ" и „безъ боярскаго суда", а равно и въ ограниченіи власти тіуновъ (чего не было въ предъидущій періодъ) нельзя не видѣть, по справедливому замѣчанію Б. И. Чичерина, „государственныхъ распоряженій, возникшихъ изъ потребности ограничить произволъ судей". Дѣйствительно, должность намѣстниковъ и волостелей имѣла въ себѣ очень много частно-правныхъ чертъ, что и понятно, ввиду того, что намѣстники, какъ это показываетъ само слово, назначались „на мѣсто князя", а власть самихъ князей удѣльнаго времени, какъ долгое время и власть московскихъ великихъ князей, имѣла также частно-правный характеръ. Намѣстники и волостели правили черезъ своихъ тіуновъ и доводчиковъ, нерѣдко бывшихъ холопами, интересъ „кормленія" стоялъ у нихъ на первомъ планѣ и, если не уничтожалъ совершенно, — какъ думаетъ, напр., тотъ-же Б. Н. Чичеринъ, — интересовъ государственныхъ (управленіе имѣло совершенно видъ владѣнія на частномъ правѣ", говоритъ онъ, „кормленщикъ управлялъ не на князя, а на себя"), то во всякомъ случаѣ значительно заслонялъ этотъ интересъ. Отвѣтственность намѣстниковъ и волостелей передъ князьями за свою дѣятельность, смѣна ихъ по жалобамъ населенія, ограниченія ихъ произвола въ сборѣ „кормовъ", въ интересахъ жителей, наконецъ, различія въ размѣрѣ ихъ юрисдикцій, дѣлаемыя Судебниками и неизвѣстныя раньше, показываютъ, что и въ должности намѣстниковъ и волостелей, такъ или

иначе, сказываются государственныя начала, почему утвержденіе того-же ученаго, что „судъ“ кормленщиковъ „имѣлъ характеръ не общественной должности, а частной собственности“ можно принять лишь въ томъ смыслѣ, что общественныя (государственныя) начала еще были слабо развиты въ положеніи этой должности въ дѣйствительности, но не въ томъ, конечно, что ихъ вовсе не было: имѣя „кормленія“, намѣстники и волостели несли за это и извѣстныя обязанности передъ государемъ, какъ правителемъ, значитъ ихъ должность не была только ихъ „частной собственностью“.

Перейдемъ теперь къ воеводамъ, смѣнившимъ съ начала XVII вѣка намѣстниковъ и волостелей. Держась указаннаго выше взгляда на должность намѣстниковъ, Б. Н. Чичеринъ думаетъ, что нетолько „установленіе воеводъ было у с и л е н і е м ъ правительственнаго начала въ областномъ управленіи“, но и въ самой постановкѣ должности воеводъ, сравнительно съ предшествующими имъ намѣстниками, была громадная разница: „намѣстникъ завѣдывалъ дѣломъ на себя, воевода на царя; намѣстникъ былъ кормленщикъ, воевода правитель“ (Област. учреж., стр. 54). Но, если можно согласиться, что таковая была и д е я д о л ж н о с т и воеводы, то эта идея не была развита еще вполнѣ, не проводилась вполнѣ безусловно: „начало кормленія“, какъ говоритъ другой изслѣдователь вопроса, „уцѣлѣло въ воеводской должности“, почему и сама служба воеводы еще разсматривается „какъ милость, какъ временный отпускъ, ради поправленія дѣлъ на счетъ ввѣреннаго города“ (Градовскій, „Начала рус. гос. права.“ стр. 76 [1]). Это

1) Въ юмористической формѣ, но вполнѣ вѣрно, однако, изобразилъ С. М. Соловьевъ тотъ взглядъ, какимъ смотрѣлъ самъ в о е в о д а и всѣ его окружающіе на свое назначеніе: вотъ бьетъ дворянинъ, напр., челомъ Государю о воеводствѣ, челобитная его уважена: „радъ дворянинъ собираться въ городъ на воеводство — и честь большая и кормъ сытый. Радуется жена: ей тоже будутъ приносы; радуются дѣти и племянники: послѣ батюшки и матушки,

начало кормленія совершенно исчезаетъ въ организаціи областныхъ должностей только при Петрѣ В., хотя, какъ уже говорилось, долго живетъ еще въ нравахъ и взглядахъ общества на эти должности, что и понятно, какъ ввиду того, что нравы и обычаи не измѣняются сразу, такъ и вслѣдствіи того, что постоянное денежное жалованье за несеніе мѣстныхъ правительственныхъ должностей вводится лишь съ Петра В. Только тогда, когда это было сдѣлано законодательствомъ, можно было de jure разсматривать всякое иное вознагражденіе, какъ лихоимство и наказывать за него. Вообще, если нельзя на должность намѣстниковъ смотрѣть, какъ „на частную собственность“, имъ всецѣло принадлежавшую, то не слѣдуетъ, кажется, преувеличивать значеніе перемѣны, совершенной введеніемъ системы воеводскаго управленія, по крайней мѣрѣ по скольку дѣло идетъ о кормленіи. Если послушать заявленія современниковъ, (а ихъ голосъ, конечно, имѣетъ, при оцѣнкѣ значенія должности воеводъ первенствующее значеніе), то мы не увидимъ разницы между намѣстникомъ-кормленщикомъ и воеводою-правителемъ по отношенію къ вопросу о „кормѣ“ съ населенія. Если въ 1555 г. Іоаннъ IV сознавался, что „жаловали мы напередъ сего бояръ своихъ и князей и дѣтей боярскихъ, городы и волости давали имъ въ кормленія и намъ отъ крестьянъ челобитья великія и докука была безпрестанная“ (на злоупотребленіе „кормленщиковъ“), то эти челобитья и „докука“ не прекратились и со времени введенія воеводскаго управленія, какъ это частію можно видѣть изъ заявленій выборныхъ на З. Соборахъ (стр.

дядюшки и тетушки, земскій староста на праздникахъ зайдетъ и къ нимъ съ поклономъ; радуется вся дворня — ключники, подклѣтные: будутъ сыты; прыгаютъ малые ребята и ихъ не забудутъ; пуще прежняго, отъ радости, несетъ вздорныя рѣчи юродивый, живущій во дворѣ: ему тоже будутъ подачи. Все поднимается, ѣдетъ на вѣрную добычу. Вотъ вдали уже видна соборная церковь города... (Исторія Россіи т. XIII, изд. 2, стр. 94).

248 сл.), частію изъ другихъ данныхъ, говорящихъ о грабительствѣ и лихоимствѣ воеводъ и ихъ товарищей (эти данныя собраны у Чичерина, „Областныя учрежденія“, стр. 310 сл.) и, хотя правительство, отмѣнивъ „кормленія“, какъ обязанность населенія, предписывало (какъ это видно изъ одного акта отъ 1615 г.) послѣднему „воеводамъ кормовъ не давать, въ томъ самимъ себѣ убытковъ не чинить“, но воеводы брали эти кормы силою. Правительство не могло съ этимъ сладить вполнѣ: кратковременность назначенія воеводъ на должности и другія мѣры мало помогали дѣлу; запрещенія указомъ воеводамъ брать кормы лучше всего показываетъ, что они de facto существовали и воевода неменьше прежняго намѣстника-кормленщика заботился о томъ, чтобъ быть сытымъ на воеводствѣ.

Обращаемся, послѣ этой общей характеристики воеводской должности, къ краткому разсмотрѣнію вопроса о причинахъ введенія ея, времени появленія воеводъ, о назначеніи воеводъ, о функціяхъ ихъ и порядкѣ отвѣтственности, правахъ и обязанностяхъ. Воеводы являются съ начала XVII вѣка, когда потребность въ централизаціи и усиленіи правительственнаго начала въ управленіи мѣстномъ начинаетъ особенно сказываться, а именно когда надо было имѣть въ этомъ управленіи лицо, которое не замѣняло-бы только князя-государя, но было-бы болѣе подчинено центральнымъ его органамъ, чѣмъ прежній намѣстникъ. Если, кромѣ того, придавать значеніе самому наименованію должности, то можно согласиться съ мнѣніемъ проф. В.-Буданова, что „причина введенія воеводъ съ дьяками заключается въ томъ, что смутная эпоха обнаружила необходимость имѣть въ каждомъ городѣ военную власть, и сверхъ того такой органъ управленія, который-бы связывалъ провинцію съ центромъ и простиралъ свою власть на всѣ классы провинціальнаго общества (а не на однихъ тяглыхъ людей)“. Само введеніе воеводъ относится къ смутному времени, такъ какъ, по утверж-

денію одного оффиціальнаго акта „при ц. Ѳедорѣ Иван. и при ц. Борисѣ по 113-й годъ (1606 г.) — по Ростригинъ приходъ — . . . воеводъ не было, а были судьи и губные старосты и городовые прикащики“.

Воеводы, обыкновенно, назначались на каждый городъ съ его уѣздомъ, но такъ какъ нѣкоторые уѣзды заключали въ себѣ по нѣскольку городовъ съ прилежащими къ нимъ землями, другіе же одинъ городъ, то воевода могъ вѣдать, смотря по удобству, нѣсколько городовъ. Сами города, въ свою очередь, дѣлились на главные (большіе), средніе и меньшіе. Въ первые (какъ, напр., въ Новгородъ, Смоленскъ, Казань, Тобольскъ и др.) посылались воеводами знатнѣйшія лица и высшіе „чины“ и при томъ „съ товарищи“ или съ дьяками, принимавшими также участіе въ управленіи воеводъ; въ малые — безъ нихъ. Воеводы съ дьяками имѣли больше власти, чѣмъ воеводы безъ нихъ. Товарищи воеводъ назначались, обычно, „чиномъ“ или двумя ниже воеводы: съ боярами назначались окольничіе и дьяки; съ окольничими — стольники и дьяки и т. д. Назначеніе къ воеводамъ товарищей, или дьяковъ, а равно и предписаніе имъ „вѣдать дѣла вмѣстѣ безъ всякой розни“ даетъ нѣкоторымъ ученымъ думать (напр., проф. Сергѣевичу и др.), что „воеводское управленіе въ большинствѣ случаевъ было не единоличнымъ, а коллегіальнымъ“. Но то, что мы говорили объ отсутствіи коллегіальности въ Приказахъ, относится вполнѣ и къ мѣстному правительственному управленію на Москвѣ: юридической опредѣленности между взаимными отношеніями членовъ этого управленія не было, а, слѣдовательно, оно не было и коллегіальнымъ, въ строгомъ значеніи этого выраженія. Воевода, конечно, долженъ былъ дѣйствовать въ согласіи съ своими товарищами и если всѣ они „межъ себя чинили рознь и несогласіе и той своею рознью чинили государеву дѣлу поруху“, ихъ наказывали, но, не говоря уже о томъ, что памятники времени сохра-

нили множество данныхъ, говорящихъ о самовластіи воеводъ и несогласіяхъ ихъ съ товарищами, нельзя говорить о коллегіальности управленія воеводъ, разъ не было установлено рѣшенія дѣлъ по большинству голосовъ. Служба воеводъ, обыкновенно, продолжалась не болѣе 3-хъ лѣтъ на одномъ мѣстѣ, что вызывалось, во 1-хъ необходимостью „дать покормиться“ и другимъ лицамъ, а 2-хъ сдерживало нѣсколько воеводъ въ ихъ дѣйствіяхъ. Такъ какъ воеводство назначалось, обыкновенно, въ награду за прежнюю военную службу, то заслуги на этой службѣ всего болѣе и принимались въ расчетъ. Есть, однако, примѣры, что въ воеводы назначали, или служившимъ удлиняли срокъ пребыванія въ томъ же городѣ, по просьбѣ жителей.

Ввиду того, что понятіе о раздѣленіи властей (собственно — функцій власти) не было вообще развито на Москвѣ, воеводы имѣли въ своемъ вѣдомствѣ всѣ отрасли тогдашняго мѣстнаго управленія, а именно они вѣдали дѣла военныя, дипломатическія, духовныя, судебныя, финансовыя, полицейскія и пр. и при томъ не въ томъ смыслѣ общаго надзора за управленіемъ, какой здѣсь имѣли впослѣдствіи (въ XVIII вѣкѣ), смѣнившіе воеводъ губернаторы, а въ смыслѣ непосредственной власти во всемъ мѣстномъ управленіи. „Съѣзжая изба“ гдѣ засѣдалъ воевода, дьякъ и подъячее, была сосредоточіемъ всего управленія: воевода, и судилъ, и подати собиралъ, и заботился о ратномъ дѣлѣ, и о полицейскомъ благоустройствѣ и пр. Таковъ былъ общій характеръ должности. Что касается объема власти воеводъ, то, между прочимъ, въ отношеніи судебномъ, они имѣли различную степень власти. Именно, по С. Уложенію (гл. XIII, 3) „воеводы малыхъ городовъ“ въ гражданскихъ искахъ до 20 р. сами даютъ судъ, а въ болѣе цѣнныхъ, равно какъ въ вотчинныхъ, помѣстныхъ и холопьихъ дѣлахъ, „суда не даютъ“, за исключеніемъ тѣхъ городовъ, гдѣ съ воеводами бываютъ дьяки; для воеводъ большихъ городовъ огра-

ниченія заключаются только въ томъ, что они посылаютъ на Москву тѣ дѣла, „которыхъ имъ зачѣмъ-либо вершить (т. е. рѣшить) будетъ немочно“. Въ уголовныхъ дѣлахъ воеводы судили всѣ важнѣйшія преступленія (кромѣ государственныхъ, и постановляли по нимъ рѣшенія. Смертные приговоры, впрочемъ, постановлялись только воеводами нѣкоторыхъ городовъ. Тамъ, гдѣ были губные старосты (о которыхъ скажемъ особо), воеводы не вѣдали, обыкновенно, уголовнаго суда, или вѣдали его вмѣстѣ со старостами. Кромѣ судебной дѣятельности, военное и финансовое вѣдомство также составляло важный предметъ заботъ каждаго воеводы. Пріѣхавъ въ городъ, они должны были осмотрѣть его крѣпость, укрѣпить или поправить ее, снабдить всѣмъ нужнымъ, имѣть отъ нея ключи, вѣдать ея гарнизонъ, заботится о надлежащемъ сборѣ служилыхъ людей и т. п. Въ финансовомъ отношеніи они должны были прилагать стараніе къ успѣшному сбору податей и пошлинъ, надзирать за таможеннымъ, кабацкимъ и всякимъ другимъ управленіемъ и вообще не упускать фискальныхъ интересовъ.

Воеводская должность представляетъ интересъ по тому взгляду, какой имѣло тогда государство вообще на управленіе, унаслѣдовавъ этотъ взглядъ изстари. Не говоря уже о неопредѣленности функцій воеводской должности, открывавшей просторъ злоупотребленіямъ и пр. (въ наказахъ воеводамъ нерѣдко предписывалось дѣйствовать „какъ пригоже“, „по своему усмотрѣнію, какъ Богъ вразумитъ“ и т. п.), сама отвѣтственность и отчетность ихъ передъ центральнымъ управленіемъ была всего болѣе проводима на практикѣ по отношенію къ дѣламъ финансовымъ. Воеводы больше всего отвѣчали за убытки, причиненные царской казнѣ, происходили ли эти убытки по винѣ воеводы или нѣтъ; затѣмъ уже воеводы отвѣчали за взятки, насилія и притѣсненія мѣстныхъ жителей. Указы угрожали за все это „опалою“ или „великою опалою“ государя. Вопросъ объ от-

вѣтственности нерѣдко возбуждался, въ случаяхъ насилія, лихоимства и т. п., по просьбѣ самихъ мѣстныхъ жителей, неустанно посылавшихъ челобитья въ Москву, такъ какъ страшныя злоупотребленія воеводъ выводили населеніе изъ терпѣнія. За взятки и убытки, причиненныя воеводою мѣстнымъ жителямъ, (С. Уложеніе, гл. X, ст. 156), положено было взыскивать взятое для возвращенія челобитчикамъ и кромѣ того, налагать пеню, „что государь укажетъ, смотря по дѣлу“. Вообще уголовная отвѣтственность воеводъ была совершенно неопредѣленна; виновный, смотря по обстоятельствамъ, могъ подвергнуться смерти, конфискаціи имуществъ, штрафу, удаленію отъ должности и т. д.

Права и обязанности воеводъ, частію указанныя выше, опредѣлялись, обыкновенно, даваемыми имъ отъ правительства „наказами“. „Наказы“ эти, впрочемъ, отличались полнотою и опредѣленностью главнымъ образомъ только по отношенію къ сбору податей, военному дѣлу, объему судебной власти воеводъ. Способъ и время исполненія какъ своихъ обязанностей, такъ равно и правительственныхъ распоряженій, предоставлялись личному такту и сообразительности воеводъ, почему наказы позволяютъ воеводамъ поступать, „смотря по тамошнему дѣлу и своему высмотру“. Если, съ одной стороны, предоставленіе извѣстной свободы дѣйствій было вполнѣ разумно и необходимо, ввиду невозможности изъ отдаленнаго нерѣдко центра предусмотрѣть всѣ мѣстныя обстоятельства, то, съ другой, это порождало произволъ, особенно, конечно, потому, что организація контроля надъ дѣятельностью воеводъ была весьма неудовлетворительна.

Воеводы, помимо вотчинъ и помѣстій, которыя они имѣли, какъ служилые люди, получали иногда денежные оклады жалованья. По уничтоженіи de jure „кормленій“ они, какъ уже сказано, существовали de facto, ввидѣ добровольныхъ „приносовъ“ и въ московскихъ Приказахъ отлично знали, сколько каждый городъ можетъ дать такихъ „приносовъ“ безъ вымогательствъ

и тотъ воевода считался честнымъ, который довольствовался „дарами въ почесть“, какъ тогда говорилось. Воеводамъ неразъ подверждалось не брать кормовъ съ жителей и не заставлять ихъ что-либо на себя дѣлать, а С. Уложеніе запрещало воеводамъ входить съ жителями въ какія-либо обязательственныя отношенія, но всѣ эти запрещенія нарушались постоянно.

Около воеводъ былъ цѣлый рядъ подчиненныхъ имъ органовъ мѣстнаго управленія. Таковы были разныя военныя власти (стрѣлецкіе, пушкарскіе, казацкіе, засѣчные и осадные головы, городовые приказчики), полицейскіе (объѣзжіе головы), финансовыя и пр.

3.

Органы выборнаго управленія.

Причины введенія органовъ земскаго самоуправленія на Москвѣ. „Вѣрныя „должности финансоваго характера. Судебныя выборныя должности. Губные старосты и цѣловальники).

Какъ уже указывалось, на Москвѣ въ половинѣ XVI вѣка, наряду съ органами мѣстнаго правительственнаго управленія, являются органы выборные. Ихъ признаніе правительствомъ больше всего объясняется кажется, тѣмъ соображеніемъ, что правительство, недовѣряя собственнымъ органамъ (ввиду невозможности установить надъ ними строгій и цѣлесообразный контроль), хотѣло привлечь къ наиболѣе важнымъ, съ его точки зрѣнія должностямъ — именно къ финансовымъ, а затѣмъ и уголовнымъ — лучшихъ представителей самого населенія [1]), конечно, съ тою цѣлію во

1) Впрочемъ, поскольку дѣло шло о тяглыхъ людяхъ, посадскихъ и волостныхъ, первоначальнымъ мотивомъ къ предоставленію имъ выборнаго самоуправленія было желаніе облегчить ихъ положеніе, сдѣлавшееся невыносимымъ „отъ продажъ и убытковъ“, чинимыхъ имъ кормленщиками (намѣстниками, волосте-

1-хъ, чтобы сдѣлать его отвѣтственнымъ за убытки казны, а во 2-хъ потому, что предполагало, что выборныя лица не будутъ отличаться тѣмъ произволомъ и тѣми вымогательствами, какими отличались правительственные агенты провинціи, возбуждавшіе въ населеніи постоянныя жалобы. Эти соображенія подтверждаются тѣмъ обстоятельствомъ, что выборныя, или вѣрныя, т. е. „присяжныя должности“, привились болѣе всего къ дѣламъ финансовымъ и къ такъ наз. губному институту. Такъ, напр., выборные земскіе старосты и цѣловальники завѣдывали, между прочимъ, раскладкою и сборомъ податей, отправленіемъ населеніемъ повинностей, мірскими выборами и пр. (мѣстомъ ихъ присутствія была такъ наз. земская изба[1]). Отвѣтственность за сборы лежала на выборныхъ, которые въ случаѣ недоимокъ, или становились „на правежъ“ (А. А. Э., т. III, № 129 и др.), или прямо уплачивали ихъ изъ своихъ средствъ, для чего во всѣ выборныя должности старались подыскать людей состоятельныхъ. Выборными головами и цѣловальниками завѣдывались и такъ наз. кабацкіе и таможенные сборы. Обыкновенно, въ кабацкіе и таможенные головы и цѣловальники избирались посадскіе и торговые люди, являвшіеся прямо правительственными чиновниками, устраивавшими питейное и таможенное дѣло (таможни,

---

лями и ихъ подчиненными органами), какъ это видно изъ указа Іоанна IV отъ 1555 г., гдѣ царь, — указавъ на „челобитья и докуку“ отъ крестьянъ на то, что „намѣстники чинятъ имъ продажи и убытки великія“, — затѣмъ говоритъ: „и мы, жалуючи крестьянство намѣстниковъ, волостелей, праветчиковъ отъ городовъ и отъ волостей отставили велѣли есми во всѣхъ городахъ и волостяхъ учинить старостъ излюбленныхъ, кому межъ крестьянъ управу чинити“ (А. А. Э., т. I, № 242). Впрочемъ, раньше, а именно въ 1552 г., Іоаннъ „пожаловалъ“, по знаменитой Важской грамотѣ, этою отмѣною „намѣстничьяго управленія“ жителей Важскаго уѣзда.

1) Надо при этомъ отмѣтить, что воеводамъ строго запрещалось „въ денежные ихъ сборы и въ мірскіе дѣла вступаться и воли у нихъ въ ихъ мірскомъ окладѣ и въ иныхъ дѣлахъ отъимать . . ., и (выборныхъ) не перемѣнять“.

заводы, кружечные дворы и т. д.), преслѣдовавшими контрабанду и т. д. Правительство обыкновенно назначало общій окладъ сбора и если онъ не выбирался головами и цѣловальниками, то весь недоборъ взыскивался съ нихъ или съ ихъ избирателей. Иногда этотъ сборъ отдавался на откупъ желающимъ, причемъ правительство почти постоянно, смотря по мѣстностямъ и разнымъ соображеніямъ, мѣняло систему откупа на отдачу сборовъ „вѣрнымъ“ должностямъ и обратно. Въ избраніи вѣрныхъ головъ и цѣловальниковъ участвовали богатые люди, изъ мѣстныхъ жителей (въ большіе города, какъ Архангельскъ, присылались, впрочемъ, гости и торговые люди изъ Москвы) причемъ предписывалось выбирать людей „добрыхъ“, „не воровъ, не бражниковъ, которые были бы душою прямы и животомъ прожиточны и которымъ бы можно было вѣрить въ сборѣ государевой казны“; иначе отвѣчали за убытки сами ихъ избиратели. Жители очень тяготились этими должностями, какъ отвѣтственными, и просили часто объ освобожденіи отъ нихъ. „Вѣрныя“ должности, явившись еще въ XVI в., не потеряли своего значенія и въ концѣ XVII в., хотя въ это время воеводское управленіе пріобрѣло большее значеніе. Это служитъ яснымъ доказательствомъ, что правительство признавало эти должности именно потому, что они доставляли ему, если не всегда безупречныхъ, то всегда отвѣтственныхъ за ущербы казны лицъ. Небезъинтересно, что „начальныя“ выборныя лица никогда почти не несли службы въ томъ округѣ, гдѣ были избраны, такъ что ихъ связь съ мѣстнымъ населеніемъ прерывалась вмѣстѣ съ ихъ избраніемъ.

Наконецъ на Москвѣ были выборныя судебныя должности. Къ концу XVII в. еще дѣйствуютъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ остатокъ прежней системы, выборные земскіе судьи, называвшіеся въ памятникахъ „излюбленными головами и старостами, земскими судейками“ и т. д. Эти земскіе судейки дѣйствовали

преимущественно въ дворцовыхъ и черныхъ селахъ и волостяхъ, будучи даваемы населенію, вслѣдствіе челобитій, особыми жалованными грамотами. Они судили гражданскіе иски крестьянъ и посадскихъ людей между собою, но тяжбы ихъ съ посторонними людьми, обыкновенно, переносились въ Москву; иногда земскіе судейки принимали участіе въ уголовномъ вѣдомствѣ губныхъ старостъ. (А. А. Э. т. III, № 36.)

Всѣ разсмотрѣнныя должности были служебнымъ тягломъ, которое налагалось на извѣстные, классы общества. Были, однако, выборныя должности, являвшіяся земскою властью. Это именно такъ наз. губные старосты и цѣловальники, установленные при Іоаннѣ Грозномъ, въ отвѣтъ на просьбы общинъ о дозволеніи имъ самимъ преслѣдовать и казнить разбойниковъ [1]). Царь давалъ жителямъ т. н. губныя грамоты, которыми имъ дозволялось просимое, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возлагалась отвѣтственность, личная и имущественная, за непоимку разбойниковъ. Являясь въ началѣ носителями права суда, дарованнаго общинамъ въ XVI в., губные старосты и цѣловальники въ теченіи XVII в., получили значеніе главнымъ образомъ приказное: имъ приказывается охранять общество отъ воровъ и разбойниковъ и казнить послѣднихъ безъ пощады (право сначала предоставленное общинамъ). Затѣмъ они постепенно завоевывали все большее и большее значеніе. Невходя въ подробности, замѣтимъ, что постепенно усиливая свой

---

1) Большія подробности объ этихъ старостахъ и цѣловальникахъ указываются обыкновенно въ отдѣлѣ уголовнаго процесса. Здѣсь лишь замѣтимъ, что выборныя губныя должности являются еще во 2-ой четверти XVI вѣка, по челобитью самого населенія, ввиду того, что количество разбоевъ и грабежей возрасло до невыносимыхъ размѣровъ. По Бѣлозерской грамотѣ 1539 г., было разрѣшено жителямъ Бѣлозерскаго уѣзда „самимъ межъ себя, безъ нашего вѣдома, обыскивати и имати разбойниковъ". Затѣмъ Іоаннъ IV распространилъ учрежденіе губныхъ старостъ и на другія мѣстности государства.

надзоръ за этими должностями, правительство усилило и объемъ власти губнаго вѣдомства; напр. къ прежнимъ дѣламъ, которыя вѣдали названныя лица, указъ 1669 г. присоединяетъ совращеніе изъ православія, насиліе надъ женщинами, непочтеніе къ родителямъ и пр.; затѣмъ большая часть дѣлъ рѣшается губнымъ управленіемъ окончательно. Такъ XVII вѣкъ заканчивался здѣсь, какъ и во всемъ, усиленіемъ приказнаго начала. (Чичеринъ, ibidem, стр. 388 сл.). Надо еще отмѣтить, что губныя учрежденія, какъ несоотвѣтствующія, по идеи, государственному началу, всюду строго и неуклонно проводившемуся Петромъ В., перестали существовать съ начала XVIII в., а именно въ 1702 г. дѣла, вѣдавшіяся этими учрежденіями, входятъ въ кругъ вѣдомства воеводъ [1].

1) Указъ 10 Марта 1702 г. гласитъ: „въ городахъ губнымъ старостамъ и сыщикамъ не быть, а вѣдать всякія дѣла съ воеводы дворянамъ . . .“ (П. С. З., IV, № 1900.)

Періодъ III.

Введеніе.

(Общее направленіе законодательной дѣятельности въ періодъ имперіи и характерныя его особенности.)

Новая исторія наша открывается, какъ извѣстно, большимъ преобразовательнымъ движеніемъ, поднятымъ Петромъ В. и его ближайшими сотрудниками [1]). Петровская реформа, какъ извѣстно, не была реформою одностороннею, направленною на реорганизацію одной какой-либо области государственной или общественной жизни. Наоборотъ, одною изъ ея особенностей былъ ея универсальный характеръ, благодаря которому все было такъ или иначе задѣто ею, хотя далеко не все перестроено по планамъ великаго императора. Этотъ универсальный характеръ реформы, — заставившій еще одного изъ ея современниковъ (Неплюева) сказать, что „на что въ Россіи не взгляни, все его (Петра) началомъ имѣетъ и чтобы впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будемъ“ — можетъ быть съ ясностью выясненъ лишь при изученіи отдѣль-

---

1) Объ участіи русскаго общества въ реформаторской дѣятельности Петра В. см. книгу Н. П. Павлова-Сильванскаго „Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра В.“ (С.-П., 1897 г.).

ныхъ сторонъ преобразовательныхъ мѣропріятій Петра В. Послѣднія касались, либо тѣхъ или иныхъ сторонъ быта государственнаго, либо быта частнаго, гражданскаго [1]). Въ области перваго реформа подняла и своеобразно разрѣшила вопросъ о престолонаслѣдіи, о реорганизаціи центральныхъ и мѣстныхъ учрежденій, сословій, податной системы. Подробныя характеристики мѣропріятій Петра В. въ области государственнаго права, съ одной стороны, уясненіе связей реформы съ послѣдующимъ движеніемъ законодательства, съ другой, и будетъ основною задачею послѣдующихъ нашихъ чтеній. Но прежде, чѣмъ перейти къ изученію отдѣльныхъ вопросовъ по исторіи государственнаго права новаго періода, считаемъ необходимымъ коснуться кратко того общаго направленія, какое принимаетъ у насъ законодательство съ тѣхъ поръ, какъ Петръ В. начинаетъ свою реформаторскую дѣятельность и считаемъ необходимымъ прежде всего потому, что само это направленіе законодательства получаетъ съ Петра В. особый характеръ, неизвѣстный прежде. Это-то направленіе больше всего, на нашъ взглядъ, и отличаетъ Петербургскій періодъ исторіи нашей отъ Московскаго, ибо именно въ средствахъ, которыми стали пользоваться реформаторы съ XVIII вѣка и заключается глубокая разница между ними и законодателями XVI—XVII вѣковъ. Цѣли реформы, въ общемъ, намѣчены были всѣмъ ходомъ исторіи уже XVII вѣка, — вѣка, также искавшаго разумнаго сближенія съ Западомъ, также стремившагося воспринять оттуда техническія усовершенствованія и обновить нѣкоторыя устарѣлыя формы жизненныхъ отношеній и т. д. Съ точки зрѣнія цѣлей реформы, Петръ В. былъ несомнѣнно продолжателемъ реформаціоннаго періода,

1) Общій очеркъ основныхъ началъ петровскаго законодательства въ области государственнаго и гражданскаго права см. въ моемъ изслѣдованіи „О наказаніи по законодательству Петра В., въ связи съ реформою“ (М., 1891 г.).

начавшагося еще въ XVII вѣкѣ. Съ точки зрѣнія ея средствъ, Петръ В. и особенно нѣкоторые изъ неумѣлыхъ продолжателей его дѣла являлись вполнѣ новаторами, неимѣвшими корней въ прошедшемъ, что и отразилось прежде всего на ходѣ, направленіи самого законодательства. Ограничиваясь пока общей характеристикой этого направленія, поскольку оно отпечатлѣлось на законодательствѣ, мы, на изученіи самихъ нормъ XVIII вѣковъ, будемъ имѣть неразъ случай показать, каково было новое содержаніе, внесенное реформами, и каково было жизненное значеніе этого новаго при встрѣчѣ со старымъ.

Какъ извѣстно, на Москвѣ главнѣйшимъ источникомъ законодательства было право обычное, т. е. совокупность тѣхъ юридическихъ нормъ, которыя слагались въ самомъ обществѣ путемъ долговременной практики, путемъ жизненнаго опыта. Отъ вліянія этихъ нормъ довольно рѣдко уходили распоряженія московскихъ государей и приговоры ихъ законодательныхъ органовъ. Были, конечно, вліянія иноземныя на законодательство, вліянія личныхъ свойствъ законодателей и т. д., но все это почти не мѣшало законодательству находить свое содержаніе преимущественно въ правѣ обычномъ, т. е. въ правѣ, по характеру своему, наиболѣе консервативномъ и національномъ. Слѣдуя по преимуществу началамъ этого права, законодатель въ своихъ нормахъ не отрывается отъ почвы, отъ традицій, выработанныхъ вѣками, хотя въ тоже время и труднѣе сбрасываетъ съ себя, съ своей мысли, остатки старины, вредные иногда для прогресса общества.

Въ періодъ петербургскій право творится уже не путемъ обычая, только санкціонируемаго закономъ, но путемъ закона, какъ самостоятельнаго источника, проводящаго свои цѣли, свои принципы. Иначе говоря, законодатели въ своей творческой реформаторской дѣятельности очень часто не справляются съ народными нравами и обычаями, а ищутъ содержанія для своихъ

нормъ, или въ тѣхъ образцахъ иноземныхъ источниковъ права, какіе считаютъ наилучшими, или даже созидаютъ свои учрежденія и правила по началамъ тѣхъ теорій западныхъ мыслителей или публицистовъ, какія выставляетъ ученость ихъ вѣка. Въ высшей степени важныя послѣдствія вытекаютъ отсюда.

Во-первыхъ рядъ государственныхъ учрежденій, какъ Коллегіи, Министерства, Магистраты, Ландраты и т. д., являются, или прямо пересаженными къ намъ, съ своей шведской, французской или нѣмецкой почвы, или, если и переходятъ къ намъ видоизмѣненными, согласно мѣстнымъ условіямъ, то все-таки представляютъ собой часто рядъ учрежденій, непринаровленныхъ другъ къ другу, противорѣчащихъ одно другому, такъ какъ одни изъ нихъ, напр., проводятъ принципъ коллегіальности въ управленіи, другія — начала личнаго управленія и т. д.

Во-вторыхъ, нормы законодательства, созидаясь теоретически, по образцамъ или ученіямъ своимъ и иноземнымъ, теряютъ постепенно тотъ казуистическій характеръ, какимъ нерѣдко они отличаются въ древности. Законы отъ этого весьма выигрываютъ со стороны формы и содержанія, такъ какъ теперь они, болѣе умѣло, чѣмъ прежде, развиваютъ общія правовыя положенія и общія начала. Несомнѣнно также, что эти начала весьма часто принадлежатъ къ болѣе высокому порядку политическихъ и общественныхъ идей, чѣмъ таковыя-же идеи московскаго законодательства (однако невсегда: правила судопроизводства, взятыя Петромъ В. изъ устарѣлыхъ шведскихъ и нѣмецкихъ источниковъ были ниже, по достоинству, дѣйствовавшихъ до него у насъ). Такіе западные мыслители, какъ Лейбницъ, Монтескье, Беккарія, нѣкоторые изъ энциклопедистовъ, Бентамъ и мн. др., или такіе кодексы, какъ Code Napoléon, или такіе порядки, какъ англійскіе, и т. д. начинаютъ вліять на юридическую мысль законодателей. Являются, какъ слѣдствія этого изученія западныхъ

мыслителей и законовъ, цѣлые теоретическіе трактаты, указывающіе основанія и направленіе желаемыхъ правителями реформъ, какъ напримѣръ, знаменитый „Екатерининскій наказъ“, или „общія основанія права“ (principia iuris), представленныя Императору Александру I Министромъ юстиціи Лопухинымъ въ 1803 году, или извѣстный планъ Сперанскаго по составленію Свода законовъ и т. д. Взятыя безотносительно къ нашему отечеству, нѣкоторыя изъ этихъ теоретическихъ построеній, несомнѣнно, очень важны. Екатерининскій Наказъ былъ для своего времени замѣчательнымъ произведеніемъ, какъ былъ таковымъ-же и проектъ гражданскаго Уложенія 1809 года, составленный гр. Сперанскимъ подъ вліяніемъ французскаго кодекса. Но, обращаясь къ изслѣдованію практическаго значенія подобныхъ построеній у насъ, мы должны сказать, что они, или иногда оставались только на бумагѣ, или-же переработывались русскою жизнью по своему, такъ что нерѣдко подъ новою формою скрывалось содержаніе старое. И это понятно, почему: теоріи, приходившія съ Запада, отвѣчали, обыкновенно, тѣмъ потребностямъ и тѣмъ стремленіямъ, какія назрѣвали именно тамъ, гдѣ созидались сами эти теоріи. Эти-же потребности и эти стремленія могли не соотвѣтствовать нашимъ, а потому и сами теоріи, ими порожденныя, оставались у насъ непримѣнимыми. Какъ справедливо было замѣчено въ комитетѣ, разсматривавшемъ вышесказанный проектъ Сперанскаго, искусные люди могутъ, конечно, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ составить Уложенія, довольно хорошо написанныя, но, если они замѣнятъ начала, дѣйствительно принятыя (въ странѣ), началами чужеземными, то ихъ Уложенія будутъ ничто иное, какъ книги, содержащія въ себѣ систематическія разсужденія о правѣ несуществующемъ. Можно, конечно, со справедливостью утверждать, что въ этихъ великихъ теоріяхъ, хотя и не порожденныхъ мѣстными условіями и интересами, все таки было зерно общечеловѣческой

правды, пригодной для всѣхъ странъ и народовъ. Но это зерно надо было умѣть выдѣлить, иначе говоря, умѣть глубоко-сознательно отнестись къ теоріи, переработать ее внутренно, но этого-то часто и не было, да и не могло быть по условіямъ времени.

Благодаря этому громадному, (мало переработанному внутренно) напору образцовъ разнородныхъ западныхъ и иныхъ учрежденій и идей, русскій человѣкъ эпохъ, наиболѣе подражательныхъ, вырабатываетъ въ себѣ, или большую способность приспособленія (особенно приспособленія внѣшняго, которое воспринимаетъ болѣе формы, чѣмъ содержаніе реформъ, а потому и мало успѣваетъ въ нихъ), или вовсе уходитъ изъ-подъ вліянія новыхъ началъ законодательства, ему чуждыхъ, что́ въ дѣйствительности и случилось у насъ, напр., съ населеніемъ крестьянскимъ, живущимъ доселѣ, въ массѣ, на основахъ своего особаго обычнаго права, иногда совершенно расходящагося съ писаннымъ закономъ. Какъ извѣстно, у насъ цѣлые милліоны крестьянъ, мѣщанъ и проч. живутъ, нетолько не зная Свода Законовъ Россійской Имперіи по причинамъ внѣшнимъ (безграмотности и т. д.), но и не имѣя возможности примѣнять его постановленія по причинамъ внутреннимъ: эти постановленія часто не соотвѣтствуютъ совсѣмъ ихъ быту, потребностямъ и интересамъ.

Какъ слѣдствіе вышесказаннаго направленія законодательства, надо еще отмѣтить, что, по примѣру Запада, въ XVIII вѣкѣ развивается у насъ, въ небывалыхъ прежде размѣрахъ, значеніе правительственной иниціативы во всѣхъ вопросахъ жизни государственной и общественной. Если припомнить, что говорилось нами неразъ о вліяніи челобитій на законодательство, то будетъ ясно, что этотъ процессъ громаднаго развитія правительственной иниціативы въ XVIII является прямо противоположнымъ процессу развитія общественной иниціативы, отлившейся въ

челобитьяхъ. Надо также замѣтить, что XVIII вѣкъ на Западѣ Европы былъ, какъ извѣстно, вѣкомъ просвѣщеннаго абсолютизма, когда государство, во имя общаго блага, вмѣшивалось во все и когда оно проводило до крайности принципъ централизаціи. Это направленіе, развившееся главнымъ образомъ во Франціи, переходитъ частію и къ намъ. Проекты преобразованій почти постоянно исходятъ отъ представителей правительственной власти, при чемъ эта власть весьма часто идетъ далеко впереди общества, благотворно вліяя своими начинаніями на улучшеніе учрежденій, общественнаго быта и нравовъ, сметая съ нихъ все отжившее и устарѣлое. Но нельзя не отмѣтить оборотной стороны этого направленія: частой смѣны однихъ реформъ другими, ихъ неустойчивости и неорганичности, пріучающей общество одинаково съ легкимъ сердцемъ принимать и возникновеніе, и исчезновеніе самыхъ благихъ изъ этихъ реформъ. Не говоримъ уже о томъ, какъ эта легкость смѣнъ могла дурно вліять на развитіе твердости и устойчивости общественныхъ убѣжденій, могла подрывать вѣру въ жизненность и важность самихъ принциповъ, проводимыхъ тою или другою реформой.

Всемогущество правительственнаго почина, естественно приводитъ къ другому слѣдствію: законъ въ періодъ Петербургскій окончательно пріобрѣтаетъ значеніе обще-обязательной, исключительной нормы, на основаніи которой должно рѣшаться каждое дѣло. Это большой шагъ впередъ, сравнительно съ періодомъ Московскимъ. Въ Имперіи окончательно утверждается въ законодательствѣ принципъ исхожденія обязательныхъ общихъ нормъ только отъ субъекта верховной власти т. е. отъ Императора, какъ это гласитъ статья 47 Основныхъ законовъ: „Имперія Россійская управляется на твердомъ основаніи положительныхъ законовъ, учрежденій и уставовъ, отъ самодержавной власти исходящихъ“. Это начало

законности въ управленіи принципіально устанавливается еще Петромъ В.

Установивъ твердо значеніе закона, (хотя на практикѣ не создавъ ясной границы между нимъ и распоряженіемъ административнымъ или временнымъ), новое направленіе законодательства вноситъ больше порядка и въ самыя формы проявленія закона, какъ воли субъекта верховной власти. Законодательство съ Петра В., хотя невсегда послѣдовательно, стремится опредѣлить, при какихъ условіяхъ воля законодателя подлежитъ исполненію. Такъ Петръ В. въ генеральномъ регламентѣ коллегіямъ (глава IV) постановляетъ, что должно исполнять всѣ тѣ указы Его Величества „которые надлежатъ быть письменные и зарученные (т. е. подписанные), а не словесные“ (Въ Москвѣ указы государя Боярской Думѣ были словесные). Но послѣ Петра В. издаются распоряженія, по которымъ и словесная воля государя считается закономъ, если она объявлена въ извѣстномъ установленномъ порядкѣ и извѣстными лицами. (Теперь дѣйствующія постановленія изложены въ ст. 55 Основн. Зак.).

Затѣмъ болѣе правильно устанавливается принципъ обнародованія закона. На Москвѣ одни законы прокликались по торгамъ, другіе сообщались только тѣмъ органамъ суда и управленія, до которыхъ они касались. Правда, Соборное Уложеніе уже печатается во всеобщее свѣдѣніе, но послѣ него появляются важныя узаконенія, совсѣмъ непрошедшія этотъ путь. Съ Петра В. принципъ обнародованія закона во всеобщее свѣдѣніе а, слѣдовательно, и обязательность знанія закона подданными, проводится очень настойчиво (главнымъ образомъ черезъ печатаніе законовъ, иногда-же черезъ расклейку ихъ по людныхъ мѣстамъ, чрезъ чтеніе народу въ церквахъ особенно важныхъ манифестовъ и т. д.). Такъ, напр., въ одномъ изъ петровскихъ указовъ говорится: „примѣнять къ

судебнымъ дѣламъ указы всенародно напечатанные и повсюду объявленные"; въ Уставѣ Благочинія Екатерины II постановляется, что нельзя взыскивать исполненія по закону необнародованному и т. д.

Отдѣлъ I.

Государственное устройство.

Глава 1.

Территорія.

(Внѣшній ростъ территоріи Россіи въ періодъ имперіи. Юридическій характеръ важнѣйшихъ пріобрѣтеній территоріи.)

Какъ извѣстно, ростъ территоріи русскаго государства не былъ законченъ въ Московскій періодъ исторіи нашей; наоборотъ, въ періодъ имперіи произошли весьма крупныя увеличенія государственной области какъ на западѣ, такъ и на югѣ и на востокѣ [1]). Много дорогихъ силъ народныхъ было истрачено на эти увеличенія, немало высокихъ культурныхъ задачъ было временно, въ этой тяжкой работѣ, оставлено безъ должнаго развитія. Едва-ли, однако, эта трата была непроизводительна и случайна. Государственная территорія есть достояніе народа; затраты на пріобрѣтенія ея окупаются затѣмъ вѣками. Въ самомъ ростѣ территоріи Россіи какъ на Москвѣ, такъ и въ періодъ имперіи много было чего-то фатальнаго, непроизвольнаго. . . Съ

---

1) Общій обзоръ всѣхъ вопросовъ по исторіи государственнаго права періода имперіи см. въ „Учебникѣ исторіи русскаго права" В. Н. Латкина (С.-П., 1899 г.), гдѣ указывается и литература этихъ вопросовъ.

другой стороны, расширяя въ томъ или иномъ направленіи государственную территорію, періодъ имперіи не разрывалъ связи съ традиціею Москвы, но лишь продолжалъ ее новыми средствами. Стремленіе къ берегамъ Балтійскаго, древняго Варяжскаго, моря ярко сказывалось уже въ царствованіе Іоанна IV; попытка стать твердо на Черномъ морѣ еще въ первой половинѣ XVI вѣка, какъ это видно изъ актовъ Азовскаго Земскаго Собора, занимала Москву; присоединеніе Малороссіи, совершившееся еще во 2-ой половинѣ XVII вѣка, открывало польскій вопросъ, закончившійся во 2-ой половинѣ XVIII вѣка участіемъ Россіи въ раздѣлахъ Польши.

Какъ извѣстно, Петръ В. первоначально обратился на югъ и пытался утвердиться на Черномъ морѣ; въ 1696 г. былъ взятъ Азовъ, но въ 1700 г. Петръ В., начиная войну со Швеціею, заключилъ съ Турціею перемиріе на 10 лѣтъ и обратился къ завоеванію Балтійскаго моря, въ цѣляхъ стать въ непосредственное соприкосновеніе съ образованнымъ Западомъ. Еще въ 1702 г. была взята у шведовъ крѣпость Нотеборгъ, принадлежавшая когда-то, подъ именемъ Орѣшка, В. Новгороду и переименованная Петромъ въ Шлиссельбургъ, въ 1703 г. заложенъ Петербургъ, а затѣмъ двадцатилѣтняя тяжелая война Россіи со Швеціею, окончившаяся Ништадтскимъ миромъ 30 августа 1721 г., доставила Россіи Лифляндію съ островами Эзелемъ и Даго, Эстляндію, Ингерманландію, Корелію и часть Финляндіи съ г. Выборгомъ. Война со Швеціею, столь удачно окончившаяся для Петра В., вовлекла Россію въ войну съ Турціею, перемиріе было нарушено, Петръ предпринялъ такъ наз. Прутскій походъ, который былъ неудаченъ и Россіи пришлось уступить, по Прутскому договору 1711 г., Азовъ и другіе завоеванные у Турціи города и вновь быть черезъ это отрѣзанной отъ береговъ Чернаго моря. Но эта временная неудача на югѣ была, конечно, совершенно незначительною, въ сравненіи съ громаднымъ успѣхомъ борьбы за Балтійское море.

При Петрѣ-же были присоединены въ 1723 г. нѣкоторые персидскіе города (Дербентъ, Баку и др.). Послѣдующія царствованія принесли новыя территоріальныя пріобрѣтенія. Вторая война со Швеціею въ 1741 г. доставила Россіи, по миру, заключенному въ 1743 г. въ г. Або, часть Финляндіи до рѣки Кюмени, съ городами Фридрихсгамомъ, Вильманстрандомъ, и часть Карелiи съ крѣпостью Нейшлотомъ. Въ царствованіе Екатерины II, по Кучукъ-Кайнарджинскому миру 1774 г., Россіи были навсегда уступлены Азовъ, Керчъ, Епикале и Кинбургъ; въ 1783 г. присоединенъ былъ къ Россіи Крымъ и область рѣки Кубани; послѣ такъ наз. второй войны съ Турціею, по миру, заключенному въ Яссахъ въ 1791 г., утверждалось господство Россіи въ Крыму и уступались ей земли между рѣками Бугомъ и Днѣстромъ.

Таковы были территоріальныя пріобрѣтенія на сѣверѣ и на югѣ. Но Екатерина II, какъ извѣстно, принуждена была, помимо своей воли, принять участіе въ раздѣлахъ Польши: По 1-му раздѣлу (1772 г.) къ Россіи были присоединены земли между рѣками Днѣпромъ, Западною Двиною и Дручемъ, что составляетъ область теперешнихъ губерній Витебской и Могилевской; по 2-му раздѣлу (1793 г.) Россія получила области Волынскую, Подольскую и Минскую, по третьему (1794 г.) — къ ней присоединена Курляндія и области, занятыя нынѣ губерніями Виленской, Гродненской и Ковенской. Въ свою очередь, XIX вѣкъ принесъ, послѣ ряда войнъ, новыя приращенія государственной территоріи Россіи. Послѣ первыхъ двухъ войнъ съ Франціею, по Тильзитскому миру 1807 г. Россія получила Бѣлостокскую область; по Фридрихсгамскому миру 1809 г., которымъ закончилась война со Швеціею, къ Россіи отошла Финляндія до рѣки Торнео и Аландскіе острова; по миру Бухарестскому (1812 г.), послѣ войны съ Турціею, Бессарабія, уступленная позднѣе (въ 1856 г.) въ южной своей части, Молдаванскому княжеству (по

Парижскому трактату; возвращена по Берлинскому трактату 1878 г.). Наконецъ, на Вѣнскомъ конгрессѣ 1815 г. было рѣшено присоединить къ Россіи, подъ именемъ царства Польскаго, Великое герцогство Варшавское. Еще по третьему раздѣлу къ Пруссіи была присоединена Варшава съ рядомъ польскихъ земель; эти земли, по Тильзитскому договору, были соединены воедино подъ наименованіемъ герцогства Варшавскаго, которое въ 1815 г. и было присоединено къ Россіи. Таковы результаты войнъ съ 1805 по 1815 г. г. на сѣверѣ и западѣ Россіи. Съ 1811 г. по 1829 г. постепенно распространялись владѣнія Россіи на Кавказѣ, закончившіяся, по Адріанопольскому миру 1829 г., присоединеніемъ къ Россіи ряда крѣпостей (Анапы, Поти, Ахалцыха и др.) и уступкою Россіи Турціею восточнаго берега Чернаго моря. Затѣмъ XIX вѣкъ принесъ рядъ территорій въ Средней Азіи.

Таковъ, въ самомъ краткомъ очеркѣ, внѣшній ростъ нашей территоріи въ періодъ имперіи. Территорія постоянно и неудержимо расширялась и за весь періодъ извѣстны лишь 2 случая уступки территоріи: по Парижскому трактату 1856 г. временно была уступлена южная часть Бессарабіи, возвращенная въ 1878 г., да по договору въ Вашингтонѣ, заключенному въ 1867 г., Россія уступила за денежное вознагражденіе свои Американскія владѣнія, вмѣстѣ съ Алеутскими островами, Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ штатамъ.

Коснемся теперь вопроса о юридическомъ характерѣ важнѣйшихъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ въ періодъ имперіи. Ништадтскій мирный договоръ 1721 г. подтвердилъ тѣ пріобрѣтенія, какія были сдѣланы Россіею на берегахъ Балтійскаго моря, при чемъ, еще при фактическомъ присоединеніи въ 1710 г. Лифляндіи, за ея дворянами и горожанами были сохранены ихъ права и привиллегіи по особымъ жалованнымъ грамотамъ; такую-же жалованную грамоту получила Эстляндія въ 1712 г., послѣ своего присоединенія въ 1710 г.

Утверждая эти права и привиллегіи, Петръ В., однако, сдѣлалъ въ грамотахъ оговорку, что они даются „елико оныя къ нынѣшнему правительству и времени приличаются“ и что „Наше и Нашихъ государствъ высочество и права“ должны быть предоставлены этимъ провинціямъ „безъ предосужденія и вреда“ для государства. Эта оговорка не оставляетъ сомнѣнія, что означенныя провинціи присоединялись на началѣ инкорпораціи. Инкорпорація присоединяемыхъ провинцій не исключаетъ возможности предоставленія имъ самой широкой автономіи, но эта автономія существуетъ постольку, посколько она „приличается“, т. е. поскольку она соотвѣтствуетъ интересамъ государства. Какъ извѣстно, эти провинціи долго пользовались правами и привиллегіями, дарованными имъ Петромъ В.; впервые нѣкоторыя попытки ограниченія ихъ являются въ царствованіе Екатерины II. Что касается присоединенія областей, принадлежавшихъ бывшему Польскому королевству, то, при такъ наз. раздѣлахъ Польши, присоединяемыя части инкорпорировались. При каждомъ изъ этихъ раздѣловъ Россія получила области, населенныя главнѣйшимъ образомъ бѣлоруссами, малоруссами и литовцами, т. е. населеніемъ весьма близкимъ, по крови, къ населенію великорусскому, а въ значительной части притомъ единовѣрному, или находившемуся въ состояніи уніи. Не принять этого русскаго населенія въ составъ своей имперіи, и не принять тогда, когда раздѣлъ былъ дѣломъ рѣшеннымъ со стороны Пруссіи и Австріи, значило отказаться отъ давней исторической задачи — объединенія славяно-русскихъ племенъ, жившихъ на восточно-европейской равнинѣ, въ цѣляхъ достиженія ими общихъ культурныхъ высокихъ цѣлей; уже уступка Галиціи Австріи, по первому раздѣлу 1772 г., была, въ сущности, историческою измѣною по отношенію къ коренному и знаменитому въ нашей древней исторіи населенію Червонной Руси. Говоря вообще, Россія участвуя въ раздѣлахъ

Польши, присоединяла къ себѣ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, то, что было, народно и культурно, съ нею связано уже раньше. Иначе, однако, нѣсколько дѣло стояло съ присоединеніемъ въ 1815 г., подъ именемъ царства Польскаго, бывшаго герцогства Варшавскаго, составившагося изъ собственно-польскихъ земель (такъ наз. княжества Мазовецкаго и др.). Первая статья Вѣнскаго трактата, отдавая Россіи это герцогство, постановляла: „герцогство Варшавское соединено съ Имперіею Россійскою. Оно будетъ безповоротно связано своимъ устройствомъ, дабы принадлежать Императору Россійскому, его наслѣдникамъ и преемникамъ на вѣки. Императоръ Россійскій сохраняетъ за собою право дать этому государству, пользующемуся особымъ административнымъ строемъ, внѣшнія границы, какія онъ заблагоразсудитъ. Онъ присоединяетъ къ своему титулу еще титулъ царя Польскаго. Поляки, подданные Россіи, Австріи и Пруссіи, получатъ народное представительство и національныя учрежденія, согласныя съ тѣмъ образомъ политическаго существованія, которое каждымъ изъ поименованныхъ правительствъ будетъ признанъ приличнымъ и полезнымъ". Какъ извѣстно, Царство Польское и получило, дѣйствительно, „народное представительство и національныя учрежденія", по особой конституціи, или „хартіи государственныхъ установленій", данной Александромъ I 27 ноября 1815 г., при чемъ эта хартія дѣйствовала неприкосновенно до возстанія 1830 г., когда она была отмѣнена. Первоначальныя отношенія Россіи къ Царству Польскому, въ періодъ отъ 1815 до 1830 г. могутъ быть охарактеризованы, какъ отношенія, возникающія при реальной уніи. Впрочемъ, вопросъ этотъ не рѣшается учеными единогласно и нѣкоторые изъ нихъ видятъ здѣсь не реальную унію, а инкорпорацію. Разсмотрѣніе этого вопроса во всей его подробности есть дѣло современнаго государственнаго права.

Еще болѣе спорнымъ нынѣ въ государственномъ правѣ является вопросъ о характерѣ присоединенія къ Россіи Финляндіи. Если въ прежнее время громадное большинство писателей признавало Финляндію инкорпорированной провинціей Россіи, то въ новѣйшей литературѣ мнѣнія очень раздѣлялись: одни находятъ здѣсь полную инкорпорацію, другіе — инкорпорацію неполную (лишь въ области международныхъ, а не внутреннихъ отношеній), третьи видятъ въ этомъ присоединеніи случай личной, четвертые — реальной уніи и т. д. Разсмотрѣніе вопроса о томъ, каково нынѣ юридическое отношеніе Финляндіи къ Россіи, не принадлежитъ, конечно, къ предмету исторіи русскаго права; но вопроса о характерѣ первоначальнаго присоединенія Финляндіи къ Россіи, совершившагося de jure по Фридрихсгамскому трактату 1809 г., необходимо коснуться и намъ, хотя-бы лишь въ немногихъ словахъ. Финляндія, до своего завоеванія Россіею, не была государствомъ, а была шведскою провинціею. Она была затѣмъ занята русскимъ войскомъ въ 1808 г., при чемъ еще до заключенія мирнаго договора съ Швеціею въ 1809 г. Александръ I, занявъ Финляндію своими войсками, издалъ манифестъ, въ которомъ провозгласилъ, что „страну сію, оружіемъ Нашимъ покоренную, мы присоединяемъ отнынѣ навсегда къ Россійской Имперіи, вслѣдствіе чего жителямъ Финляндіи повелѣваемъ принести присягу на вѣрное престолу нашему подданство“. Затѣмъ 5 сентября 1809 г., по Фридрихгамскому договору, это фактическое, въ силу занятія побѣдоносными войсками, присоединеніе Финляндіи къ Россійской Имперіи (а не къ лицу императора какъ это бываетъ при уніяхъ), было превращено въ юридическое обладаніе, причемъ по этому договору „Его Величество, король Шведскій отказывается неотмѣнно и навсегда въ пользу Его Величества Императора Всероссійскаго и преемниковъ его престола и Россійской Имперіи отъ всѣхъ своихъ

правъ и притязаній. Губерніи сіи со всѣми жителями и пр., а равно ихъ принадлежности, преимущества, права и выгоды будутъ состоять въ собственномъ и державномъ обладаніи Имперіи Россійской и ей всегда принадлежитъ". Если принять во вниманіе, что Финляндія, до присоединенія своего къ Россіи, не была государствомъ, а въ моментъ своего присоединенія Россіею въ достоинство государства не возводилась, а присоединялась въ собственное и державное обладаніе Имперіи Россійской, какъ ея провинція, то нѣтъ основанія разсматривать это присоединеніе, какъ унію и надо признать болѣе отвѣчающимъ дѣйствительности утвержденіе тѣхъ ученыхъ, которые видятъ здѣсь примѣръ инкорпораціи. Надо при этомъ замѣтить, что инкорпорированіе присоединяемой области вовсе не означаетъ непремѣнно отнятія у ней ея автономіи. Государство, присоединяя данную провинцію, можетъ оставить ея прежнія привиллегіи или дать новыя; разница инкорпораціи отъ состоянія уніи будетъ лишь въ томъ, что при уніи эти привиллегіи обусловливаются договоромъ между соединяющимися государствами, а при инкорпораціи волею того государства, къ которому данная провинція присоединилась. Уніи между Финляндіею и Россіею не могло быть по той простой причинѣ, что сама Финляндія, до присоединенія своего къ Россіи, не была государствомъ, договоръ о ея присоединеніи заключается между Россіею и Швеціею и, наконецъ, въ моментъ присоединенія она не возводилась въ рангъ государства, а ей лишь давались привиллегіи и права самоуправленія. Какія измѣненія въ положеніи Финляндіи по отношенію къ Россіи произошли позднѣе — это относится уже къ современному государственному праву, почему мы ихъ и не касаемся.

Глава II.

Верховная власть.

§ 1.

Верховная власть государей въ періодъ имперіи.

(Первыя законодательныя опредѣленія понятія верховной власти. „Правда воли монаршей“ и ученіе ея о верховной власти государей. Мысли, высказанныя Екатериною II въ ея „Наказѣ“ о формѣ правленія въ Россіи. Титулъ и гербъ государей въ періодъ имперіи).

Какъ уже указывалось нами, только въ XVIII вѣкѣ является впервые законодательная формулировка понятія верховной власти у насъ. Нѣкоторые ученые полагаютъ, что этотъ фактъ находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что только „въ имперіи завершается сложеніе абсолютной власти русскихъ государей“, что „воззрѣніе на власть государя, какъ власть самодержавную еще не сложилось въ Московскомъ государствѣ“, такъ какъ на Москвѣ мы еще встрѣчаемся съ нѣкоторыми отголосками стараго порядка вещей, съ нѣкоторымъ участіемъ народа въ государственныхъ дѣлахъ, а рядомъ съ этимъ остаткомъ старины у московскихъ государей возникаетъ понятіе о томъ, что ихъ власть неограниченна. Это и затрудняетъ точно формулированіе характера власти московскихъ государей; съ одной стороны участіе народнаго представительства, а съ другой — стремленіе царей къ неограниченному господству. Это послѣднее стремленіе получаетъ, однако, перевѣсъ, и въ XVIII вѣкѣ мы уже имѣемъ дѣло единственно съ абсолютной властью императоровъ. (Сергѣевичъ, Лекціи, и изсл. по древней исторіи р. права, 144 и сл.). Послѣ того, что говорилось нами о значеніи Б. Думы и З. Соборовъ, представляется яснымъ, что формулировка понятія верховной власти

и для Московскаго и для Петербургскаго періода нашей исторіи будетъ одна и та-же; de jure — власть эта есть власть неограниченная, самодержавная еще съ XVI вѣка. Правда, внутреннее содержаніе ея de facto совсѣмъ неодинаково въ оба періода, но это не измѣняетъ, конечно, ея юридической сущности. И вотъ почему всѣ тѣ „московскія“ попытки ея опредѣленія, какія дѣлались, хотя и не законодательно, такъ похожи на первое законодательное опредѣленіе ея въ новой исторіи Петромъ В. Въ толкованіи къ 20-му артикулу „воинскаго устава“ говорится: „Его Величество есть самовластный Монархъ, который никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отвѣту дать не долженъ, но силу и власть имѣетъ свои государства и земли, яко христіанскій Государь, по своей волѣ и благомнѣнію управлять“. Іоаннъ Грозный писалъ Курбскому: „Како же и самодержецъ наречется, аще не самъ строитъ? Земля правится Божіимъ милосердіемъ, а послѣди (потомъ) нами, государи своими, а не воеводы и судьи“. Правда, въ Москвѣ терминъ „самодержецъ“ понимался сначала въ смыслѣ термина, обозначавшаго только государя самостоятельнаго во внѣшнихъ отношеніяхъ, такъ что противоположнымъ ему долженъ быть терминъ вассала, но это не относится ко времени 2-ой половины XVII в.; еще Іоаннъ IV старался понять его прямо „въ этимологическомъ смыслѣ“; послѣ него это стремленіе пріобрѣтаетъ значеніе факта. Отсутствіе законодательной формулировки понятія верховной власти на Москвѣ объясняется скорѣе всего нелюбовію кодификаторовъ права къ общимъ абстрактнымъ опредѣленіямъ.

Понятіе верховной власти, опредѣленное въ „Воинскомъ Уставѣ“, устанавливается затѣмъ въ „Духовномъ Регламентѣ“, гласящемъ что „Монарховъ власть самодержавная, которой повиноваться самъ Богъ за совѣсть повелѣваетъ.“ Эта формулировка переходитъ затѣмъ и въ наши основные законы: („Императоръ Все-

россійскій есть Монархъ самодержавный и неограниченный. Повиноваться Его Верховной власти нетокмо за страхъ, но и за совѣсть самъ Богъ повелѣваетъ"), а также подробно объясняется въ извѣстномъ сочиненіи Ѳеофана Прокоповича „Правда воли Монаршей". Сочиненіе это написано авторомъ по порученію самого Петра В., вслѣдствіе тѣхъ толковъ и неудовольствія, какое возбудило въ народѣ устраненіе отъ престола царевича Алексѣя, послѣдовавшее на основаніи манифеста Государя отъ 3-го февраля 1718 года (П. С. З. т. V, № 2789). Въ этомъ манифестѣ Петръ В., ссылаясь на право каждаго изъ своихъ подданныхъ лишать наслѣдства своихъ „непотребныхъ дѣтей" (по указу 1714 года „о единонаслѣдіи"), лишаетъ и своего сына наслѣдства и издаетъ 5-го февраля 1722 года Уставъ о наслѣдіи престола (П. С. З. т. V, № 3157), въ которомъ указывается, что въ волѣ Государя назначить себѣ наслѣдника: „дабы сіе было всегда въ волѣ правительствующаго Государя, кому оный хочетъ, тому и опредѣлитъ наслѣдство, и опредѣленному, видя какое непотребство, паки отмѣнитъ, дабы дѣти и потомки не впали въ злость, имѣя на себя узду сію." Императоръ въ своемъ уставѣ утверждаетъ, что сынъ его „былъ надменъ авессаломскою злостью" къ отцу, „а сіе ни для чего иного у него взросло, токмо отъ обычая стараго, что большему сыну наслѣдство давали, къ тому же одинъ онъ тогда мужеска пола нашей фамиліи былъ и для того ни на какое отеческое наказаніе смотрѣть не хотѣлъ. Сей недобрый обычай, не знаю для чего былъ такъ затвержденъ: ибо неточію въ людяхъ, по разсужденію умныхъ родителей, бывали отмѣны, но и въ Св. писаніи видимъ; еще-жъ и въ нашихъ предкахъ оное видимъ" (напр. Іоаннъ III). Уставъ этотъ былъ подтвержденъ присягою всѣхъ подданныхъ, но, однако, вызвалъ во многихъ мѣстностяхъ неудовольствіе и даже отказъ отъ присяги новому закону. Тогда-то Петръ счелъ себя

вынужденнымъ еще бо́льшими доводами, чѣмъ въ Уставѣ о престолонаслѣдіи, подтвердить свое право поступать такъ и высказать свой взглядъ на основанія неограниченной монархической власти вообще, что и было исполнено Ѳеофаномъ Прокоповичемъ въ „Правдѣ воли Монаршей“, изданной 1722 года (П. С. З., V, № 4870). Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о значеніи новаго порядка престолонаслѣдія, обратимъ вниманіе только на формулировку Ѳеофаномъ понятія верховной власти и ея происхожденія. Сочиненіе любопытно потому, что авторъ пользуется для этой формулировки ученіями западныхъ „изряднѣйшихъ законодателей — Гугона Гроція, Ѳомы Гоббеса и Самуила Пуфендорфа“, равно какъ и примѣрами изъ библіи, греческаго и римскаго законодательства и пр. Для объясненія, что такое „Величество“, или „Маестетъ“, приводится опредѣленіе Гуго Гроція: „высочайшая власть (Величество нарицаемая) есть та, которой дѣянія ничьей-же власти не подлежатъ, тако, дабы могли уничтожены быти изволеніемъ другого человѣка; когда же глаголю другого, изъемлю самого его, кто такую Высочайшую власть имѣетъ; ему бо волю свою перемѣнить можно.“ Въ предисловіи къ „Правдѣ“, написанной, какъ мы сказали, для оправданія Устава Петра о престолонаслѣдіи, выставляется на видъ, что Уставъ этотъ, однако, не нуждается ни въ какихъ доводахъ, такъ какъ „уставы бо и всякіе законы, отъ самодержца въ народъ исходящіе, у подданныхъ послушанія себѣ не просятъ, аки бы свободнаго, но истязуютъ (требуютъ), аки должнаго: истязуютъ же нетокмо страхомъ гнѣва властительнаго, но и страхомъ гнѣва Божьяго“. На чемъ же основывается и откуда беретъ свое начало неограниченная власть монарха? Согласно ученіямъ Гуго Гроція и Гоббса, начало всякой верховной власти берется изъ договора подданныхъ между собою. По ученію Гуго Гроція, автора знаменитаго трактата „De jure belli ac pacis“ (Парижъ 1625), разумное основаніе,

по которому человѣкъ долженъ подчиняться власти, есть его добровольное соглашеніе, выраженное въ договорѣ, который можетъ быть явнымъ, заключеннымъ формально, или подразумѣваемымъ, молчаливымъ. Послѣдній имѣетъ мѣсто при покореніи извѣстнаго народа побѣдителю; если этотъ договоръ и не доброволенъ, то все-таки онъ долженъ быть здѣсь подразумѣваемъ, такъ какъ побѣжденный, терпя подчиненіе, выражаетъ этимъ свое согласіе на повиновеніе власти. Та же мысль еще энергичнѣе развивается и у Гоббса въ его сочиненіяхъ „De cive“ (1646), Левіафанъ, и развивается при томъ главнымъ образомъ съ цѣлью теоретической защиты абсолютизма. Исходя изъ того положенія, что до утвержденія государственной власти существовало естественное состояніе людей, при которомъ господствовало „bellum omnium contra omnes“, какъ результатъ присущаго людямъ стремленія удовлетворять своимъ эгоистическимъ потребностямъ и естественнаго равенства ихъ, изъ котораго вытекало для каждаго индивидуума право на все, Гоббсъ думалъ, что люди, съ цѣлью установить хотя какой либо порядокъ, отказались отъ своего естественнаго права на все и поступились частію своихъ правъ въ пользу другихъ. Человѣкъ или правительство, волѣ котораго подчинили свою волю отдѣльныя лица и въ пользу котораго отказались они отъ своихъ правъ, получаетъ въ государствѣ высшую, верховную власть. Эту власть онъ можетъ употреблять противъ всякаго, кто нарушитъ порядокъ, и эта власть необходимо должна быть абсолютна. Надо замѣтить, что Гоббсъ былъ теоретическимъ защитникомъ абсолютическихъ стремленій Стюартовъ, а потому въ своихъ трудахъ хотѣлъ доказать научно правоту ихъ стремленій и необязательность для нихъ соблюденія народныхъ правъ и преимуществъ потому, что народъ перенесъ на нихъ tacito consensu всѣ эти права и преимущества. Ту же теорію развивалъ и Ѳеофанъ

Прокоповичъ, сначала уніатъ, воспитанникъ одной изъ римскихъ духовныхъ коллегій іезуитовъ, а потомъ перешедшій въ православіе монахъ Кіевской Лавры и профессоръ Академіи, впослѣдствіи вызванный въ Петербургъ, гдѣ онъ скоро заявилъ себя горячимъ поклонникомъ всѣхъ реформъ Петра. Въ „Правдѣ воли Монаршей“ онъ также отправляется, для оправданія правомѣрности дѣйствія Петра, отъ договорнаго происхожденія власти (хотя въ этомъ не было вовсе никакой нужды для русскаго государя, власти котораго вообще никто не оспаривалъ), говоря, что „сама наслѣдная монархія имѣетъ начало отъ перваго въ народѣ соглашенія . . . самъ народъ добровольнымъ своимъ преклоненіемъ являетъ на то свою волю“. Россійскіе подданные также заключили между собою договоръ, какъ бы сказавъ государю: „согласно вси хощимъ, да ты, государь, къ общей нашей пользѣ владѣеши нами вѣчно, т. е. понеже ты смертенъ, то по себѣ ты напередъ оставляешь намъ наслѣднаго владѣтеля; мы же единожды воли нашея совлекшеся, никогда же впредь, ниже по смерти твоей, оной употребляти не будемъ, но, какъ тебѣ, такъ и наслѣдникамъ твоимъ подчиняться клятвеннымъ обѣщаніемъ обязуемся“. Далѣе, авторъ „Правды“ дѣлаетъ такіе выводы изъ своего положенія о томъ, что народъ, заключивъ договоръ, „воли своей совлекся“: народъ исполняетъ все, что прикажетъ государь, хотя бы это приказаніе было только проявленіемъ того, что нравится государю; народъ отрекается отъ права судить проступки государя, такъ какъ онъ перенесъ на него всѣ свои права, оставивъ себѣ только обязанность, и т. д.

Въ знаменитомъ „Наказѣ“, данномъ депутатамъ извѣстной коммиссіи 1767 г., которая была созвана для составленія новаго Уложенія въ Москвѣ, Екатерина II попыталась вновь коснуться теоретически вопроса о формѣ правленія въ Россіи. Въ своемъ „Наказѣ“ она

находила, что въ Россіи „государь есть самодержавный (т. е. долженъ быть самодержавнымъ), ибо никакая другая, какъ только соединенная въ его особѣ власть, не можетъ дѣйствовать сходно съ пространствомъ толь великаго государства. Пространное государство предполагаетъ самодержавную власть . . . ибо надлежитъ, чтобъ скорость въ рѣшеніи дѣлъ, изъ дальнихъ странъ присылаемыхъ, награждала медленіе, отдаленностью мѣстъ причиняемое. Всякое другое правительство въ Россіи нетолько было бы вредно но и въ конецъ разорительно“. Мысль объ этой связи формы правленія государства съ его пространствомъ могла быть навѣяна Екатеринѣ II Монтескье, сочиненіе котораго „Духъ законовъ“ служило для нея (какъ она сама выражалась) „молитвенникомъ“. Монтескье-же думалъ, что республики мыслимы только въ небольшихъ государствахъ, ограниченныя монархіи — въ среднихъ, по величинѣ, а въ большихъ государствахъ должна быть абсолютная монархія, такъ какъ здѣсь „быстрота рѣшеній должна восполнить дальность растояній“. Надо, впрочемъ, замѣтить, что уже русскій историкъ 1-ой половины XVIII вѣка, извѣстный, В. Н. Татищевъ указывая на тоже, кромѣ того, выставлялъ еще и другую причину, а именно въ своей „Исторіи Россіи“ названный авторъ говорилъ, что „въ великихъ пространственныхъ государствахъ, окруженныхъ многими сосѣдями, особенно гдѣ народъ недовольно ученіемъ просвѣщенъ и за страхъ, а не изъ благонравія, или познанія пользы законъ хранитъ, тамъ необходимо само или единодержавіе“.

Новая исторія XVIII вѣка принесла измѣненіе въ титулѣ государей. Еще Іоаннъ III началъ употреблять титулъ царя, но окончательно этотъ титулъ былъ признанъ за московскими государями при Іоаннѣ IV, который получилъ на него „утвердительную грамоту“ вселенскихъ патріарховъ въ 1561 г. Окончаніе трудной шведской войны, послѣ которой Россія была по-

бѣдоносными дѣйствіями своей арміи возведена въ рангъ великой державы на сѣверо-востокѣ Европы, Сенатъ и Синодъ 20 октября 1721 г. поднесли Петру В. титулъ „Императора Всероссійскаго“, „Великаго“ и „Отца Отечества“ (Ништадтскій миръ былъ заключенъ 30 августа 1721 г.). Петръ принялъ титулъ императора и такимъ образомъ московское царство стало называться оффиціально „Всероссійскою имперіею“. Оставалось получить признаніе этого титула со стороны европейскихъ государствъ; признаніе это было достигнуто несразу и давалось неохотно. Причины этого были сложны: во 1-хъ одни государства склонны были разсматривать успѣхъ Россіи на поприщѣ внѣшней политики, а равно и вступленіе ея въ рангъ европейскихъ державъ, какъ дѣло генія Петра В., со смертію коего все будетъ по старому и Россія не будетъ имѣть никакого вліянія на общеевропейскія отношенія державъ; во 2-хъ титулъ императора въ это время принадлежалъ лишь австрійскому императору или „римскому цесарю“, какъ его звали тогда, и нѣкоторые державы „ожидали“, по словамъ одного современника (Голикова), „соизволенія отъ него“. Прошло поэтому нѣсколько лѣтъ прежде, чѣмъ этотъ титулъ получилъ общее признаніе европейскихъ державъ, а именно Швеція признала его въ 1723 г., Турція въ 1739 г., Англія и Австрія въ 1742 г., Франція и Испанія въ 1745 г.; немедленно-же, послѣ провозглашенія, титулъ этотъ былъ признанъ только Голландіею и Пруссіею; позднѣе-же всѣхъ державъ — Польшею.

Касаясь вопроса о титулѣ государей, надо сказать, что, если наименованіе государей великими князьями, царями и, наконецъ, императорами изображаетъ собою постепенное возвышеніе ихъ власти, а равно и вызвышеніе значенія самого государства, главами коего они являются, олицетворяя въ себѣ все болѣе и болѣе растущее народное могущество, то такъ наз. „территоріальная“ часть титула указываетъ на послѣдовательное расши-

реніе государственной области Россіи. Извѣстно, что полный титулъ нашихъ государей содержитъ въ себѣ указаніе на важнѣйшія части государственной территоріи. Внѣшній ростъ территоріи отражается и на самомъ титулѣ: титулъ государей все болѣе и болѣе растетъ съ расширеніемъ территоріи. Такъ, при Петрѣ В., къ титулу московскихъ государей были прибавлены слова „Князь Эстляндскій, Лифляндскій и Корельскій“, какъ результатъ завоеваній Петра В. и присоединенія новыхъ областей. Петръ III, имѣвшій какъ герцогъ голштинскій, наслѣдственныя права на Норвегію и нѣкоторыя нѣмецкія владѣнія, присоединилъ къ своему титулу слова „Наслѣдникъ Норвежскій, Герцогъ Шлезвигъ-Голштинскій“ и др.; при Екатеринѣ II введены въ титулъ слова „Царица Херсонеса Таврическаго и Княгиня Курляндская и Семигальская“, Александръ I, послѣ присоединенія Финляндіи и герцогства Варшавскаго, получившаго въ это время наименованіе Царства Польскаго, сталъ называться „Великимъ Княземъ Финляндскимъ, Князямъ Бѣлостокскимъ и Царемъ Польскимъ“, Николай I къ титулу своихъ предшественниковъ прибавилъ слова „и области Арменскія“ (1828 г.). Послѣднее прибавленіе въ титулѣ произошло послѣ окончательнаго присоединенія Средней Азіи, когда съ 1882 г. русскій императоръ сталъ именоваться „Государемъ Туркестанскимъ“.

Что касается герба государей, который есть вмѣстѣ съ тѣмъ и гербъ государственный, то въ удѣльный періодъ не было одного общаго герба, что и понятно. Съ конца XIV вѣка является, однако, болѣе или менѣе общимъ гербомъ изображеніе скачущаго всадника съ копьемъ или мечемъ; это изображеніе дѣлается затѣмъ, съ конца XIV вѣка постояннымъ гербомъ московскихъ великихъ князей. До конца московскаго періода этотъ всадникъ именовался не св. Георгіемъ Побѣдоносцемъ, а „ѣздецемъ“, „ѣздокомъ“, „царемъ съ копьемъ“. Котошихинъ объяснялъ изображеніе его на

московской печати, какъ изображеніе „царя на конѣ“, побѣдившаго змѣя; наоборотъ, иностранцы думали, что этотъ всадникъ на конѣ означалъ св. Георгія Побѣдоносца [1]); оффиціально этотъ всадникъ на конѣ получилъ наименованіе св. Георгія Побѣдоносца съ 1769 г., когда былъ учрежденъ орденъ того-же имени. Іоаннъ III, послѣ брака своего съ Софіею Палеологъ, принялъ, въ добавленіе къ прежнему гербу, еще византійскій гербъ — чернаго двуглаваго орла, причемъ первоначально, на печатяхъ, которыя привѣшивались къ грамотамъ, на одной сторонѣ изображался двуглавый орелъ, а на другой — указанный выше всадникъ на конѣ; съ Іоанна IV входитъ въ употребленіе изображеніе всадника уже въ срединѣ, на груди орла. Окончательное сложеніе герба русскаго государства, въ той формѣ, въ какой онъ изображается теперь, было сдѣлано въ 1857 г.

§ 2.

Порядокъ преемства престола въ періодъ имперіи.

(Вопросъ о наслѣдіи престола въ царствованіе Петра В. Уставъ о наслѣдіи престола 5 февраля 1722 г. и его значеніе. „Правда воли монаршей“ въ ея отношеніи къ вопросу. Положеніе вопроса о престолонаслѣдіи послѣ Петра В. до царствованія императора Павла I. Законъ о престолонаслѣдіи 5 апрѣля 1797 г. и его содержаніе.)

Какъ уже указывалось при изученіи порядка престолонаслѣдія въ предъидущій періодъ, въ Москвѣ съ XIV по XVI вѣкъ установливается преемство престола, по преимуществу, по прямой нисходящей линіи и по праву первородства. Этотъ порядокъ былъ созданъ не закономъ, а обычаемъ, но государи его, по бо́льшей части, соблюдали, хотя и могли ему не-

1) Романовичъ-Славатинскій „Система русскаго государственнаго права“ и пр. (Кіевъ, 1886 г.), стр. 153 слд.

слѣдовать (стр. 192 ст.); съ воцареніемъ новой династіи престолъ въ XVII вѣкѣ также переходилъ отъ отца къ сыну. Этотъ сложившійся по обычаю порядокъ престолонаслѣдія Петръ В. хотѣлъ замѣнить новымъ, а именно, по Уставу о престолонаслѣдіи 5 февраля 1722 г.[1]), онъ хотѣлъ ввести въ дѣйствіе принципъ произволенія царствующаго государя назначать послѣ себя наслѣдникомъ того, кого ему угодно. Личное чувство раздраженія противъ сына, внесенное въ вопросъ общегосударственной важности, помѣшало Петру В. видѣть всю опасность примѣненія этого принципа произволенія царствующаго государя къ избранію наслѣдника престола[2]). Неудовольствія подданныхъ противъ Устава о наслѣдіи при жизни Петра, и особенно смуты, порожденныя имъ, послѣ его смерти, во весь XVIII в., до изданія закона Императора Павла 5 апр. 1797 г., служатъ не-

---

1) Этотъ принципъ, какъ извѣстно, утверждается Уставомъ о престолонаслѣдіи 5 февр. 1722 г. въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „заблагоразсудили мы сей Уставъ учинить, дабы сіе всегда было въ воли Правительствующаго Государя, кому оный хочетъ, тому и опредѣлитъ наслѣдство, и опредѣленному, видя какое непотребство, паки отмѣнитъ, дабы дѣти и потомки не впали въ такую злость, какъ выше писано, имѣя сію узду на себя“. Въ заключеніи Устава сказано: „того ради повелѣваемъ, дабы всѣ наши вѣрные подданные, духовные и мірскіе безъ изъятія, сей нашъ Уставъ передъ Богомъ и Его Евангеліемъ утвердили на томъ основаніи, что всякъ, кто сему будетъ противенъ. или иначе какъ толковать станетъ: тотъ за измѣнника почтенъ, смертной казни и церковной клятвѣ подлежать будетъ“. (П. С. З., т. VI, № 3893.)

2) Какъ извѣстно, въ манифестѣ 1718 г. о лишеніи престола ц. Алексѣя, объявлялось о назначеніи наслѣдникомъ престола „другого сына нашего, Петра, хотя еще и малолѣтна суща, ибо иного возрастнаго наслѣдника не имѣемъ“ (ibid., V, № 3151 стр. 538); въ Уставѣ о наслѣдіи 5 февр. 1722 г. не говорится уже о какомъ-либо опредѣленномъ наслѣдникѣ, а только о принципѣ „воли Правительствующаго Государя“ (VI, № 3893). Это очень характерно для пониманія вопроса — значитъ Петръ В., начавъ съ лишенія неугоднаго ему лица престола (что̀ еще понятно, ввиду его отношенія къ сыну и боязни за судьбу реформы) — т. е. съ того, чему бывали „экземпли“ въ древности, — пошелъ затѣмъ далѣе и установилъ новый, съ точки зрѣнія обычая, принципъ наслѣдованія по произволенію царствующаго государя вообще.

оспоримымъ свидѣтельствомъ, какъ неудачна была попытка Петра, взамѣнъ исторически выработавшагося обычнаго порядка престолонаслѣдія, поставить нѣчто новое. Войдемъ въ нѣкоторыя подробности для уясненія сказаннаго. Извѣстно, что манифестомъ отъ 3 февраля 1718 г. Петръ В. устранилъ царевича Алексѣя отъ престолонаслѣдія [1]) — „сожалѣя о государствѣ своемъ и о вѣрныхъ подданныхъ, дабы отъ такого властителя, наипаче прежняго, въ худое состояніе не были (они) приведены . . . .“ (ibid., № 3151). Лишеніе это состоялось „властію отеческою, по которой, по правамъ государства нашего (здѣсь имѣется въ виду уставъ 1714 г. о единослѣдіи), и каждый подданный нашъ сына своего наслѣдства лишить, и другому сыну, которому хочетъ, оное опредѣлить воленъ, и яко Самодержавный Государь, для пользы государственной, лишаемъ его, сына своего Алексѣя, за тѣ вины и преступленія, наслѣдства по насъ престола нашего Всероссійскаго“. Несомнѣнно, что de jure Петръ Великій былъ вполнѣ воленъ въ назначеніи себѣ преемника, такъ какъ не существовало никакого закона, который связывалъ бы его по отношенію къ этому назначенію; какъ самодержавный государь, онъ былъ вправѣ распоряжаться престоломъ, что и высказалъ въ этомъ манифестѣ (ссылка на гражданское право едва ли что-либо оправдывала, да и не была вовсе нужна въ данномъ случаѣ). Но Уставъ о наслѣдіи 5 февраля 1722 г., гдѣ императоръ между прочимъ напоминаетъ, „какою авессаломскою злостью надмененъ былъ сынъ нашъ Алексѣй“ вскрываетъ предъ нами и другую сторону вопроса — именно ту, что въ данномъ случаѣ императору пришлось считаться не съ однимъ правомъ, но и съ обычаемъ и этотъ-то

1) Фактическія данныя по дѣлу царевича Алексѣя, которыхъ мы здѣсь не касаемся, можно найти у Соловьева — Исторія Россіи, т. XVII, изд. 3, глава II найти.

обычай былъ противъ него по весьма разумнымъ и вѣскимъ основаніямъ. Народное сознаніе было за издавна сложившійся порядокъ наслѣдія по праву первородства, какъ за порядокъ простой и не вносящій смутъ въ вопросъ столь первостепенной важности. Петръ В., вѣроятно, справедливо полагалъ, что „авессаломская злость“ и „нераскаяніе“ въ его сынѣ (не касаемся вопроса о томъ, насколько было основательно обвиненіе ц. Алексѣя въ томъ и другомъ) „не для чего иного (т. е. не изъ чего иного) у него взросло, токмо отъ обычая стараго, что большому (т. е. старшему) сыну наслѣдство давали; къ тому же одинъ онъ тогда мужеска пола нашей фамиліи былъ, и для того ни на какое отеческое наказаніе смотрѣть не хотѣлъ; сей недобрый обычай не знаю для чего такъ былъ затвержденъ: ибо неточію въ людяхъ по разсужденію умныхъ родителей бывали отмѣны [1]), но и въ святомъ писаніи (ихъ) видимъ (VI, № 3893). „Отмѣны“, несомнѣнно, бывали, но „старый обычай“ „такъ былъ затвержденъ“ недаромъ — благодаря ему, вопросъ о престолонаслѣдіи рѣшался просто и опредѣленно, не дѣлаясь игрушкою въ рукахъ партій и не эксплуатируясь во вредъ народный. Какъ велико было сочувствіе народное къ этому „обычаю старому“ видно уже изъ того, что Петръ В. принужденъ былъ неразъ объясняться подробно по поводу этой „отмѣны“ (манифестъ 1718 г., Уставъ 1722 г.) причемъ, какъ мы видѣли, въ знаменитой „Правдѣ воли Монаршей“ это объясненіе раз-

1) Изъ русской исторіи уставъ указываетъ такую „отмѣну“, уже извѣстную изъ исторіи предъидущаго періода: „въ лѣто 7006 февраля въ 4 день князь в. Иванъ Васильевичъ учинилъ по себѣ наслѣдника внука своего князя Дмитрія Ивановича, и вѣнчанъ былъ на Москвѣ... а въ лѣто 7010 апрѣля въ 11 день в. князь Иванъ Васильевичъ разгнѣвался на внука своего кн. Дмитрія и не велѣлъ его напоминать въ церквахъ в. княземъ и посадилъ его за караулъ, и тогожъ апрѣля въ 14 день учинилъ наслѣдникомъ сына своего Василія.“

рослось въ цѣлый ученый трактатъ, въ которомъ европейскіе „изряднѣйшіе законодатели“, „экземпли“ — „отъ исторій человѣческихъ“, „отъ исторій священнаго писанія“, доводы „отъ естественнаго разума, отъ законовъ народныхъ“ и т. п. — соревновали другъ съ другомъ, чтобъ убѣдить русскихъ людей въ превосходствѣ новаго порядка надъ старымъ и доказать, что „упрямому прекословцу ничтоже ино рцы остается, только нестерпимый студъ и жегомой совѣсти страданіе . . . . (П. С. З., VII, стр. 643). Но „совѣсти страданіе“, разъ человѣкъ не убѣждался „толикой доводовъ силою“, наступали именно тогда, когда приходилось повиноваться тому, чему нельзя было повиноваться нетолько за страхъ, но и за совѣсть. Отъ подданныхъ требовалась присяга новому порядку престолонаслѣдія — они повиновались, но, говоря словами Соловьева, — „въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оказалось сопротивленіе. Раскольники толковали: „взялъ (царь) за себя шведку и та царица дѣтей не родитъ, и онъ сдѣлалъ указъ, чтобъ за предбудущаго государя крестъ цѣловать и крестъ цѣлуютъ за шведа, одноконечно, станетъ царствовать шведъ“. Монахи говорили: „видишь, государь выбираетъ на свое мѣсто нѣмчина, знамо къ царевнѣ, а внука своего сослалъ и никто про него не вѣдаетъ, а нынѣ прикладываютъ руки, к о г о о н ъ, государь, изволитъ выбрать“. Тарскіе жители не пошли къ присягѣ вовсе, и т. д. Нѣтъ нужды преувеличивать значенія указанныхъ, какъ и другихъ, протестовъ, иногда трагически кончавшихся для приверженцевъ стараго порядка вещей, но нельзя не отмѣтить ихъ, какъ характернаго явленія времени, не разъ проявлявшагося по отношенію къ тѣмъ или инымъ мѣропріятіямъ Петра В. . . . Нельзя при этомъ не указать также на то, что правота мысли, глубокое пониманіе историческихъ традицій было здѣсь не на сторонѣ всесильнаго законодателя, а на сторонѣ безсильно протестующихъ и гибнущихъ за свой протестъ простыхъ русскихъ людей.

Какъ мы говорили уже, „Правда воли Монаршей“ была написана съ цѣлію оправданія дѣйствій Петра В. Авторъ „Правды“, исходя, изъ положенія, что власть государей есть власть самодержавная и неограниченная дѣлаетъ выводъ, что и въ вопросѣ о престолонаслѣдіи государь воленъ поступать такъ, какъ ему угодно; „мы-же“ (т. е. подданные) единожды воли нашей совлекшися (т. е. лишившись), никогда-же впредь, ниже по смерти твоей (государя), оной употреблять не будемъ, но какъ тебѣ, такъ и наслѣдникамъ твоимъ, подчиняться клятвеннымъ обѣщаніемъ обязуемся“. Далѣе авторъ „Правды“ дѣлаетъ такіе выводы изъ своего положенія о томъ, что народъ, заключивъ договоръ, „воли своей совлекся“: народъ исполняетъ все, что прикажетъ государь, хотя бы это приказаніе было только проявленіемъ того, что нравится государю; народъ отрекается отъ права судить проступки государя, такъ-какъ онъ перенесъ на него всѣ свои права, оставивъ себѣ только обязанности; народъ не можетъ перемѣнить государя, если онъ оказывается не такимъ, какимъ народъ ждалъ его видѣть; онъ признаетъ наслѣдникомъ того, кого укажетъ государь и пр. Если послѣдняго не было назначено, то долженъ народъ „всякими правильными догадками испытывать, какова была или могла быть воля государева“. Но такъ-какъ народъ могъ быть недогадливъ, то авторъ даетъ нѣкоторыя правила для вѣрныхъ догадокъ: надо разсудить, какого нрава былъ государь, къ чему былъ болѣе склоненъ, равно или неравно любилъ онъ дѣтей своихъ, кто изъ дѣтей болѣе похожъ на него и т. д. Таковы выводы Ѳеофана Прокоповича.

Несомнѣнно, что много было потрачено Ѳеофаномъ Прокоповичемъ труда и эрудиціи, чтобы оправдать право государя назначать себѣ наслѣдника по выбору. Историческій фатумъ не судилъ, однако, Петру I примѣнить свое право на дѣлѣ, — государь умеръ, устранивъ законнаго наслѣдника, но не назначивъ другого.

Наступилъ длинный періодъ колебаній въ наслѣдіи престола, несомнѣнно, вызванный реформою Петра въ этой области. Сложившееся на Москвѣ, по обычаю, начало первородства при наслѣдованіи престола было нарушено, на мѣсто его провозглашено право выбора; но такъ-такъ послѣдняго не послѣдовало со стороны государя, то явились партіи, узурпировавшія себѣ это право. Реформа Петра В., поднявъ въ головахъ однихъ сильное неудовольствіе къ нарушенію старины, возбудило къ себѣ вниманіе въ тѣхъ людяхъ, которые прежде равнодушно смотрѣли на многія явленія государственной и общественной жизни; вопросъ о томъ, кто будетъ государемъ, естественно долженъ былъ теперь сдѣлаться жгучимъ вопросомъ. При прежнемъ порядкѣ вещей, основанномъ на обычаѣ и преданіи, всѣ почти всегда уже знали заранѣе, кто будетъ наслѣдникомъ, теперь-же надо было слѣдить за ходомъ вопроса, стараясь извлечь изъ него извѣстныя выгоды для своей партіи и для себя лично и т. д. Вся почти политическая исторія наша отъ Екатерины I до кореннаго, доселѣ дѣйствующаго, узаконенія императора Павла о престолонаслѣдіи, разрѣшившаго вопросъ окончательно, вертится, именно около этого вопроса, порождая много смутъ и потрясеній, вызываемыхъ то стремленіемъ возвести на престолъ извѣстное лицо, то воспользоваться быстрымъ государственнымъ переворотомъ для ограниченія верховной власти и т. д.

Извѣстны послѣднія минуты жизни Петра В.: 27 ноября 1725 г., въ исходѣ второго часа, Государь потребовалъ себѣ бумаги, началъ было писать, но перо выпало изъ его рукъ и на бумагѣ осталось два слова: „отдать все . . . . .“ Затѣмъ Государь велѣлъ позвать къ себѣ дочь Анну, чтобы она записала его волю, но, когда послѣдняя приблизилась, Государь не могъ уже выговорить ни слова; на другой день его уже не стало. Вопросъ о престолонаслѣдіи оказался совершенно открытымъ. По старому порядку наслѣдникомъ Петра

долженъ бы былъ быть его внукъ Петръ Алексѣевичъ, сынъ царевича Алексѣя. На его сторонѣ дѣйствительно и оказалась партія, предводимая кн. Голицынымъ, Долгорукимъ и Рѣпнинымъ, но эта партія частію была задобрена партіею императрицы (во главѣ съ Меншиковымъ), а частію была смущена громадной приверженностью къ Екатеринѣ I гвардіи, полки которой уже стояли на готовѣ у дворца, гдѣ обсуждался вопросъ о преемникѣ Петра В. Тогда-то собравшіеся вельможи рѣшили избраніе императрицы, объявивъ объ этомъ народу въ смыслѣ, что Екатерина I избрана „Синодомъ, Сенатомъ и генералитетомъ“ и притомъ избрана потому, что Петръ В. „удостоилъ короною и полномочіемъ“ государыню при своей еще жизни, хотя это коронованіе, по своему смыслу, пріобщало Екатерину только къ почестямъ, должнымъ ей, какъ императрицѣ, но вовсе не дѣлало ее eo ipso наслѣдницею престола. Какъ бы то ни было, избраніемъ Екатерины былъ положенъ починъ вмѣшательству гвардіи и придворныхъ партій въ дѣло престолонаслѣдія, починъ, впослѣдствіи разросшійся, при избраніяхъ Елизаветы Петровны и Екатерины II, чуть не въ цѣлую политическую систему. Такъ, когда Екатерина I, умирая, передаетъ своимъ „тестаментомъ“ (П. С. З., т. VII, № 5070) престолъ Петру Алексѣевичу II съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ его бездѣтной кончины, наслѣдовала дочь ея Анна Голштинская съ потомствомъ, а за неимѣніемъ такого потомства — дочь Петра В. Елизавета, Верховный Тайный Совѣтъ выбралъ на царство послѣ кончины Петра II, 7-го янв. 1730 г., герцогиню Курляндскую Анну Ивановну, дочь Іоанна Алексѣевича, и такимъ образомъ, вопреки волѣ Екатерины I, на время отнялъ престолъ изъ рода Петра В., поспѣшивъ въ то же время воспользоваться случаемъ, чтобы ограничить самодержавную власть въ свою пользу. Манифестъ о восшествіи Анны совершенно игнорируетъ „тестаментъ“ Екатерины, даже не упоминаетъ о немъ. (П. С. З., VII, № 5499.) Анна Іоанновна,

вступивъ на престолъ, спѣшитъ подтвердить силу петровскаго Устава 1722 года, чтобы назначить себѣ наслѣдника въ лицѣ Іоанна Антоновича, но послѣдній свергается, какъ извѣстно, Елизаветой Петровной, назначающей при жизни еще себѣ преемникомъ внука Петра В. Петра III Ѳеодоровича, сына Анны Голштинской, „яко по крови ближайшаго къ Императрицѣ“, который, въ свою очередь, свергается своей супругой Екатериною II. Въ присягѣ, которую дали подданные новой государынѣ, они клялись быть вѣрными также и ея сыну, великому князю Павлу Петровичу, „законному всероссійскаго престола наслѣднику“.

Такъ колебалось право престолонаслѣдія въ періодъ отъ изданія петровскаго закона 1722 г. до закона 5-го апрѣля 1797 года, когда, отмѣнивъ первый законъ, вновь вернулись къ праву первородства, какъ основному принципу наслѣдія престола у насъ.

Мы указали кратко на то, какъ переходилъ престолъ послѣ Петра В. Входя въ нѣкоторыя подробности, вскрывающія любопытныя черты государственныхъ отношеній до воцаренія императора Павла, мы увидимъ затѣмъ, что законъ о престолонаслѣдіи 5 февраля 1722 г. и особенно подробное его мотивированіе въ „Правдѣ воли Монаршей“, никогда не исполняясь, какъ слѣдуетъ, внесли большую путаницу въ вопросъ о престолонаслѣдіи и дали возможность проявиться такимъ тенденціямъ, какія при дѣйствіи прежняго исконнаго порядка наслѣдія, по первородству, не могли бы имѣть, вѣроятно, совсѣмъ мѣста или имѣли-бы его въ исключительномъ случаѣ.

Въ Манифестѣ, извѣщавшемъ о вступленіи Екатерины I на престолъ, утверждалось, что императрица вступаетъ на царство по силѣ Устава 5-го февр. 1722 г., представлявшаго государю дѣло избранія наслѣдника. А такъ какъ Екатерина была еще при жизни Петра В. коронована, то въ этомъ-де и выражалась воля государя на ея назначеніе. Но „Правда воли Монаршей“,

какъ мы уже говорили, очень ясно указываетъ, кто долженъ быть наслѣдникомъ, если государь скончается, не назначивъ наслѣдника; имъ долженъ быть во всякомъ случаѣ одинъ изъ дѣтей (наиболѣе любимый, наиболѣе подобный отцу и т. д.). Нарушивъ своимъ вступленіемъ завѣтъ Петра В., Екатерина I нарушаетъ его и своимъ завѣщаніемъ, вскрытымъ 5-го мая 1727 г., назначая нетолько наслѣдника по себѣ, — право на что именно устанавливалъ петровскій законъ, — но и цѣлый порядокъ преемства престола впредь, ограничивая тѣмъ волю своихъ преемниковъ. Ея „тестаментъ“ былъ соблюденъ только по отношенію къ 1-му наслѣднику, въ немъ обозначенному — Петру II, со смертію котораго входитъ на престолъ Анна Іоанновна, одинаково нарушая и Екатерининское завѣщаніе (по которому за Петромъ II должна была слѣдовать Анна Петровна Голштинская съ потомствомъ) и петровскій указъ о наслѣдіи и „Правду воли Монаршей“ (по смыслу которыхъ, за отсутствіемъ мужскаго поколѣнія, скорѣе всего должна была быть выбрана одна изъ дочерей Петра). Обстоятельства, при которыхъ это возведеніе совершается, таковы: Екатериною I въ 1726 г. былъ утвержденъ изъ 6 лицъ „Верховный Тайный Совѣтъ“ имѣвшій цѣлью сосредоточить въ рукахъ немногихъ, близкихъ и довѣренныхъ лицъ, управленіе важнѣйшими дѣлами государства и лишить Сенатъ его прежняго значенія высшаго правительственнаго учрежденія (отчего, между прочимъ, у Сената былъ отнятъ эпитетъ „Правительствующаго“ и замѣненъ эпитетомъ „Высокаго“). Этотъ совѣтъ полагаетъ собою начало цѣлому ряду подобныхъ Совѣтовъ при особѣ государя, какъ называютъ учрежденія, являвшіяся въ послѣдующія царствованія подъ видомъ „Кабинета“ (при Аннѣ Іоанновнѣ), „Конференціи“ (при Елизаветѣ Петровнѣ), „Совѣта при Вычайшемъ дворѣ“ (при Петрѣ III) „Императорскаго Совѣта“ (при Екатеринѣ II), пока изъ „Непремѣннаго Совѣта“ при Александрѣ I

не вырабатывается вполнѣ стройное, уже чисто государственнаго характера, учрежденіе — „Государственный Совѣтъ“. Всѣ эти кратковременныя, случайнаго состава, совѣщательныя учрежденія играли въ нашей исторіи довольно печальную роль, такъ какъ были большею частью проводниками партійныхъ тенденцій, и неопредѣленностью своихъ функцій, то расширявшихся, то сокращавшихся, колебали постоянно правильное развитіе закономѣрнаго центральнаго управленія. И въ Московской Руси были подобныя этимъ Совѣтамъ учрежденія, какъ напр. такъ назыв. „Государева“, или „Ближняя или Тайная Дума“, болѣе тѣсный и малочисленный, чѣмъ Боярская Дума, Совѣтъ, стоявшій около государя и вѣдавшій тѣ дѣла, которыя онъ почему-либо хотѣлъ изъять отъ сужденія и вѣдѣнія общей „Боярской Думы“, однако, эти Думы никогда не были учрежденіями оффиціальными.

Впервые болѣе ясно проявилось олигархическое значеніе Верховнаго Тайнаго Совѣта послѣ смерти Петра II, когда герцогинѣ Аннѣ Курляндской были предложены „кондиціи“, ограничивающія самодержавіе. Въ ночь на 19-е Января 1730 года, когда скончался Петръ II, члены Верховнаго Тайнаго Совѣта собрались обсудить вопросъ о наслѣдіи престола. Наиболѣе даровитый и энергичный между членами кн. Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, всегда съ негодованіемъ смотрѣвшій на бракъ Петра съ женщиной худородной, около которой, въ свою очередь, играли роль худородные выскочки-вельможи, рѣшилъ предложить Совѣту отнять наслѣдіе престола изъ рода Петра В. и передать его линіи его брата Іоанна подъ условіемъ ограниченія власти. Это казалось наилучшимъ способомъ, чтобы покончить съ фаворитизмомъ и дать ходъ родовитымъ людямъ. Когда предложеніе о выборѣ Анны Іоанновны было принято, Голицынъ обратился къ Совѣту съ такою рѣчью: „понеже кончиною Петра II мужское колѣно Петра В. пресѣклось,

Россія же весьма много претерпѣла отъ самодержавной власти, подкрѣпленной толпою иностранцевъ, коихъ Петръ привлекъ въ русское государство, то надлежитъ сію безмѣрную власть ограничить добрыми законами и не иначе подносить самодержавіе новой императрицѣ, какъ подъ извѣстными условіями". Всѣ члены согласились съ этимъ мнѣніемъ, осуществленіе котораго казалось совершенно возможнымъ, такъ какъ жизнь Анны Іоанновны въ Митавѣ была довольно незавидна. Еще при Петрѣ В., въ 1710 г., выдана была Анна Іоанновна за Курляндскаго герцога Фридриха-Вильгельма, чтобы такимъ „аліансомъ" связать съ Россіею крѣпче Курляндію, но герцогъ умеръ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ брака, и положеніе Анна Іоанновны, въ теченіе 19 лѣтъ жизни ея въ Курляндіи, было незавидно: она жила въ чуждой ей обстановкѣ, въ странѣ, еще оспаривавшейся у Россіи сосѣдями, весьма мало обезпеченная матеріально. Зная все это, верховники могли разсчитывать на успѣхъ предпріятія, тѣмъ болѣе, что характеръ Анны Іоанновны казался уступчивымъ; нѣкоторыя ея „курляндскія отношенія" никого еще не страшили тогда. Условія ограниченія самодержавія были очень обширны и всѣ они сводились къ ограниченію въ пользу Верховнаго Тайнаго Совѣта (состоявшаго изъ 2-хъ Голицыныхъ, 4-хъ Долгорукихъ, канцлера Головкина и Остермана). Такъ Анна Іоанновна обязывалась „всегда содержать" Верховный Т. Совѣтъ въ „восьми персонахъ" и безъ его согласія „ни съ кѣмъ войны не вчинать, миру не заключать, подданныхъ податями не отягощать, не жаловать знатныхъ чиновъ (выше полковника), у шляхетства живота, имѣнія и чести не отнимать, въ супружество не вступать, наслѣдника не назначать" и пр. („а буде чего по сему обѣщанію не исполню, то лишена буду короны россійской" говорилось въ заключеніи „кондицій").

Анна Іоанновна, какъ извѣстно, приняла эти безпримѣрныя у насъ олигархическія ограниченія само-

державія; но въ обществѣ, какъ высшемъ, сановномъ — Сенатѣ, Синодѣ и генералитетѣ, — такъ и въ среднедворянскомъ, поднялась громадная оппозиція замысламъ верховниковъ: Не говоря уже о томъ, что высшій военно-придворный кругъ не могъ, съ своей личной точки зрѣнія, примириться съ тѣмъ, что вся власть отдавалась только 8 лицамъ и притомъ безъ равенства 2-хъ партій, обозначившихся съ Петра В. (6 были представителями знатныхъ фамилій и только 2-е обширнаго круга новыхъ людей, выдвинутыхъ преобразованіемъ), среднимъ дворянствомъ также было ясно понято, какая опасность грозитъ отечеству отъ водворенія олигархіи. Вслѣдствіе этого въ среднемъ дворянствѣ произошло движеніе противъ замысловъ верховниковъ. Въ В. Т. Совѣтъ стали поступать отъ дворянства проекты, имѣвшіе цѣлію вырвать власть изъ рукъ верховниковъ и передать ее всему шляхетскому обществу или „общенародію“, какъ выражаются проекты [1]), при чемъ одни изъ этихъ проектовъ имѣли въ виду совсѣмъ упразднить В. Т. Совѣтъ, другіе — войти съ нимъ въ компромиссъ, увеличивъ число его членовъ другими фамиліями. На ряду съ средне-шляхетскою партіею, оспаривавшею власть у верховниковъ, явилась другая, предводимая Остерманомъ, архіеп. Ѳеофаномъ и др., которая стремилась возвратить Аннѣ Іоанновнѣ самодержавіе. Верховники, съ одной стороны, не съумѣли, войдя въ компромиссъ, привлечь на свою сторону средне-шляхетскую партію, съ другой-же — не успѣли помѣшать партіи Остермана и Ѳеофана представить Аннѣ Іоанновнѣ ихъ дѣло ограниченія верховной власти, какъ дѣло непопулярное и олигархическое. При этомъ верховники, въ періодъ отъ 19-го января до 25-го февраля 1730 г., когда

1) Интересное изслѣдованіе попытки верховниковъ, основанное частію на неизвѣстныхъ архивныхъ данныхъ, принадлежитъ проф. Д. А. Корсакову „Воцареніе Императрицы Анны Іоанновны“ (Казань, 1880 г.); ср. также мою Исторію Сената въ Правленіе В. Т. Совѣта и Кабинета“ Ч. 1 (Сенатъ въ правленіе В. Т. Совѣта) Юрьевъ. 1895 г., т. I.

вся власть была въ ихъ рукахъ, рядомъ нерѣшительныхъ и вмѣстѣ безтактныхъ дѣйствій успѣли вооружить противъ себя весьма многихъ. Всѣмъ этимъ очень искусно воспользовалась Анна Іоанновна: 25-го февраля она собственноручно разорвала „кондиціи“, а 28-го февраля явился манифестъ о ея самодержавіи.

По смерти императрицы Анны Іоанновны, назначившей себѣ, какъ извѣстно, преемникомъ двоюроднаго своего внука Іоанна Антоновича (сына ея племянницы Анны Леопольдовны Брауншвейгской), естественно должны были возникнуть вновь смуты, какъ результатъ того положенія, въ какое были поставлены русскіе люди, какъ правленіемъ Бирона при Аннѣ Іоанновнѣ, такъ регентствомъ его и Анны Леопольдовны, бывшими послѣ ея смерти, когда все почти управленіе государствомъ было предоставлено иноземцамъ. Съ этимъ захватомъ трудно было мириться и имъ въ значительной степени объясняется легкость, съ которою свергаются послѣдовательно два эти регентства и на престолъ входитъ дочь Петра В. — Елизавета Петровна. Интересно, что мотивомъ для своего вступленія она выставляетъ тѣ смуты и безпокойство народное, какія были при указанныхъ двухъ регентствахъ, указывая что „того ради всѣ Наши, какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго чина, вѣрно-подданные, а особливо лейбъ-гвардіи Наши полки, всеподданнѣйше и единогласно Насъ просили, дабы Мы, для пресѣченія тѣхъ прошедшихъ и впредь опасныхъ безпокойствъ и непорядковъ, яко по крови ближайшая, отеческій престолъ воспріять изволили по тому законному Нашему праву, по близости крови къ самодержавнымъ Нашимъ дражайшимъ родителямъ“. Здѣсь важно отмѣтить, что во 1-хъ признается оффиціально роль гвардіи въ переворотѣ, а во 2-хъ возвращаются къ прежнему принципу законнаго (собственно — обычнаго) наслѣдія по праву наибольшей близости къ царствующему монарху, при чемъ Елизавета Петровна примѣняетъ это начало нетолько къ себѣ,

но и къ своему преемнику. Именно, она издаетъ позднѣе, въ 1742 г., манифестъ, назначающій ея наслѣдникомъ Петра, герцога Голштинскаго, „яко по крови ближайшаго къ императрицѣ“. Такъ по личнымъ взглядамъ и удобствамъ, послѣ Устава Петра В. о наслѣдіи престола 1722 г., то возвращались къ праву ближайшаго по крови на престолъ, то отступали отъ него, толкуя самымъ свободнымъ образомъ и этотъ указъ Петра В., и „Правду воли Монаршей“. На двухъ, слѣдовавшихъ за царствованіемъ Анны Іоанновны, вступленіяхъ на престолъ мы видимъ, какъ-бы возстановленіе прежняго, допетровскаго, порядка престолонаслѣдія, но 28 іюня 1762 г., именно черезъ полгода послѣ вступленія на престолъ Петра III (25 декабря 1761 г.), новый государственный переворотъ отдаетъ престолъ его супругѣ Екатеринѣ. Этотъ переворотъ находитъ себѣ, конечно, объясненіе и оправданіе въ личныхъ качествахъ бывшаго герцога Голштинскаго, сдѣлавшагося русскимъ императоромъ подъ именемъ Петра III, но юридически онъ не вытекаетъ ни изъ устава Петра В. о наслѣдіи престола, ни изъ обычнаго порядка наслѣдованія престола у насъ. Не касаясь обстоятельствъ, вызвавшихъ этотъ переворотъ, перейдемъ теперь къ послѣдней стадіи вопроса о престолонаслѣдіи — къ закону 5-го Апрѣля 1797 г., изданному императоромъ Павломъ I.

Хотя при вступленіи на престолъ Екатерины II, въ формулѣ новой присяги подданныхъ, и было сказано, что они клянутся въ вѣрности „императрицѣ и ея сыну великому князю Павлу Петровичу, законному всероссійскаго престола наслѣднику“, однако, впослѣдствіи, отчасти видя нерасположеніе многихъ къ цесаревичу, а отчасти по другимъ причинамъ, императрица стала несочувственно относиться и сама къ сыну, и по нѣкоторымъ извѣстіямъ составила даже планъ, въ которомъ отдавала престолъ своему любимому внуку — Александру Павловичу; трудность этого ея проекта состояла,

между прочимъ, въ томъ, чтобы приготовить къ нему Александра Павловича, для чего Екатерина хотѣла вовлечь въ свое предпріятіе Лагарпа, но это ей не удалось. Этотъ проектъ, вѣроятно, сдѣлался извѣстнымъ цесаревичу Павлу Петровичу. Отсутствіе опредѣленнаго закона о престолонаслѣдіи весьма озабочивало его и онъ составилъ, вмѣстѣ съ своей супругой, задолго до своего вступленія на престолъ, именно 4-го января 1788 г. духовное завѣщаніе, въ которомъ избиралъ себѣ, „по праву естественному", наслѣдникомъ своего старшаго сына Александра, а по немъ — все его мужское поколѣніе и т. д., въ порядкѣ нисходящихъ линій. Этотъ актъ сопровождался изложеніемъ причинъ, вызвавшихъ данное распоряженіе, а именно указывалось, что порядокъ престолонаслѣдія устанавливается, „дабы государство не было безъ наслѣдника, дабы наслѣдникъ былъ назначенъ всегда закономъ самимъ; дабы не было ни малѣйшаго сомнѣнія, кому наслѣдовать, и дабы сохранить право родовъ въ наслѣдіи, не нарушая права естественнаго, и избѣжать затрудненій при переходѣ изъ рода въ родъ" (П. С. З. т. XXIV, № 17910). Этотъ актъ о престолонаслѣдіи, въ заключеніи котораго говорилось, что будущіе наслѣдники должны при вступленіи на престолъ „обязаться свято соблюдать сей законъ", былъ обнародованъ 5-го апрѣля 1797 г., въ день коронованія императора и получилъ такимъ образомъ значеніе основного государственнаго закона (онъ дѣйствуетъ съ нѣкоторыми дополненіями, сдѣланными позднѣе, и доселѣ). Его главнѣйшія начала состоятъ въ слѣдующемъ (болѣе подробное изложеніе относится къ дѣйствующему русскому государственному праву): Императорскій Всероссійскій престолъ, съ которымъ нераздѣльны престолы Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго, есть наслѣдственный въ нынѣ царствующей династіи. Къ наслѣдованію допускаются оба пола, но съ предпочтеніемъ мужескаго,

вслѣдствіе чего поколѣніе женское допускается только за пресѣченіемъ послѣдняго мужского поколѣнія. Мужскія поколѣнія наслѣдуютъ по праву первородства въ нисходящей линіи послѣдняго царствующаго императора; по ея пресѣченіи наслѣдство переходитъ въ родъ второго сына императора и. т. д. По пресѣченіи-же мужского поколѣнія сыновей императора, наслѣдіе престола переходитъ въ женскія поколѣнія и притомъ такъ, что оно принадлежитъ прежде всего женскому поколѣнію послѣдне-царствовавшаго императора, какъ ближайшему къ престолу. По его пресѣченіи оно идетъ въ восходящей линіи, т. е. въ женское поколѣніе старшаго сына императора-родоначальника, а затѣмъ второго и т. д.

Право на престолъ обусловливается исповѣдываніемъ православной вѣры, происхожденіемъ отъ императорской крови, отъ брака, обставленнаго условіями законности (этими условіями служатъ: дозволеніе на бракъ императора и совершеніе брака съ лицомъ, принадлежащимъ къ одному изъ царствующихъ или владѣтельныхъ домовъ), отреченіемъ отъ другого престола, если таковой уже занимается.

Каждый наслѣдникъ престола можетъ отъ него отречься, если за этимъ отреченіемъ не предстоитъ никакихъ затрудненій въ наслѣдованіи престола; обнародованное отреченіе считается невозвратнымъ.

Порядокъ престолонаслѣдія, установленный закономъ Императора Павла I, какъ мы говорили выше, считается обязательнымъ какъ для самого императора, такъ и для всѣхъ членовъ династіи, о чемъ императоръ и императрица приносятъ обѣщаніе „при вступленіи на престолъ и миропомазаніи“, а наслѣдникъ престола и всѣ прочіе члены Императорскаго Дома клянутся, при объявленіи ихъ совершеннолѣтія и при присягѣ Государю, „соблюдать всѣ постановленія о наслѣдіи престола и порядкѣ фамильнаго учрежденія, въ основныхъ законахъ Имперіи изображенныя, во всей ихъ силѣ

и неприкосновенности". Такимъ образомъ, въ законѣ 5-го апрѣля 1797 г. указаны ясно и лица, имѣющія право на престолъ, и порядокъ осуществленія ими этого права. Наслѣднику принадлежитъ самостоятельное право на престолъ, которое не можетъ быть измѣнено усмотрѣніемъ царствующаго государя, какъ это предполагалось закономъ 5 февраля 1722 г., вызвавшимъ столько недоразумѣній и смутъ. Поэтому подданные приносятъ присягу государю и его законному наслѣднику даже тогда, когда послѣдній былъ бы не названъ въ манифестѣ.

§ 3.

Правительствующій Сенатъ.

(Ближняя Канцелярія, какъ учрежденіе, предшествовавшее созданію Пр. Сената. Пр. Сенатъ при Петрѣ В.; его основаніе и устройство; губернскіе комиссары и фискалы. Кругъ дѣятельности Пр. Сената. Расправная Палата. Рекетмейстеръ и герольдмейстеръ. Институтъ прокуратуры. Дѣлопроизводство Пр. Сената. Особенности положенія Пр. Сената по сравненію съ В. Думою. Пр. Сенатъ въ правленіе В. Т. Совѣта и Кабинета. Пр. Сенатъ въ царствованіе Елизаветы Петровны, Екатерины II и Александра I.)

Верховнымъ учрежденіемъ, смѣнившимъ Боярскую Думу Московскаго періода исторіи нашей былъ Правительствующій Сенатъ. Сенатъ, по мнѣнію, какъ современниковъ реформы [1]), такъ и большинства истори-

1) Въ одномъ докладѣ, поданномъ императрицѣ Екатеринѣ II Г. Н. Тепловымъ говорится объ учрежденіи Пр. Сената слѣдующее: „всякое мѣсто по фундаторову намѣренію разумѣть и толковать должно. Государь Императоръ Петръ Великій Сенатъ, своей самодержавной власти приличный, въ государствѣ своемъ, для подмоги себѣ въ дѣлахъ, не съ польскаго, шведскаго и другого какого-либо республиканскаго обыкновенія учредилъ, а оному мѣсту только далъ прерогативу первымъ быть правительствомъ подъ собою" ... (см. мою статью „объ экспрессіи сенаторъ и россійскомъ Сенатѣ", Журналъ С.-Петербургскаго юридическаго Общества", 1897 г., кн. IV).

ковъ нашего права[1]), несмотря на свое иностранное, взятое изъ Швеціи, названіе, не былъ учрежденіемъ откуда-либо заимствованнымъ, а прямо былъ вызванъ къ дѣятельности условіями государственной жизни при Петрѣ В. и образовался, хотя и съ важными видоизмѣненіями, изъ учрежденія, дѣйствовавшаго на Москвѣ еще съ 1701 г. и носившаго названіе „Ближней канцеляріи". Ближняя канцелярія была, какъ это видно уже изъ названія, ничѣмъ инымъ, какъ канцеляріею государя, его Приказомъ, вѣдавшимъ тѣ дѣла, какія государь указывалъ. Когда учреждена была Ближняя канцелярія, точно неизвѣстно, можно только сказать, что уже съ первыхъ лѣтъ XVIII столѣтія встрѣчаются въ актахъ указанія на нее, причемъ говорится, что бояре, члены Б. Думы, еще продолжавшей существовать, съѣзжаются въ нее „въ консилію", т. е. для совѣщанія съ довѣренными лицами царя. Такъ, напр., въ одномъ актѣ отъ 1706 г. (П. С. З. № 2091) говорится: „по указу в. Гос. Ц. и в. кн. . . . . бояре, будучи въ его великаго государя Ближней Канцеляріи, слушавъ выписки . . . приговорили" . . . Разсматривая исторію учрежденія „Ближней Канцеляріи", изслѣдователь „Ближней Канцеляріи" Н. Я. Токаревъ[2]), такъ опредѣляетъ взаимное отношеніе этихъ трехъ учрежденій: „разницу между этими тремя послѣдовательно смѣнявшими другъ друга учрежденіями „можно выразить вкратцѣ такъ: Боярская Дума

1) Литература по исторіи Пр. Сената: С. А. Петровскій „О Сенатѣ въ царствованіе Петра В." (М. 1875 г.); мое сочиненіе: „Сенатъ въ Правленіе Верховнаго Тайнаго Совѣта" (Ю., 1895 г.); для исторіи Пр. Сената въ послѣдующее время общій очеркъ его дѣятельности можно найти въ соч. А. Д. Градовскаго „Начала русскаго государственнаго права" (С.-П., 1876 г.), т. II.

2) „Ближняя канцелярія при Петрѣ В. и ея дѣла" — въ „Описаніи документовъ и бумагъ, хранящихся въ Моск. Архивѣ Министерства Юстиціи". кн. V, стр. 43 сл. Къ статьѣ приложена опись документовъ Ближней канцеляріи (1707—1709 г.), стр. 75 сл. Ср. также П. Н. Милюкова „Государственное хозяйство Россіи въ связи съ реформою Петра В." (С.-П., 1892 г.), стр. 108 сл.

была учрежденіемъ, дѣйствовавшимъ при государѣ и вмѣстѣ съ нимъ; Ближняя Канцелярія дѣйствовала уже вдали отъ государя, но по его начертаніямъ и руководству, а Сенатъ могъ уже замѣщать самого государя, будучи установленъ „вмѣсто присутствія Его Царскаго Величества собственной персоны“ — (ib. стр. 75). Нужда въ деньгахъ для сооружаемаго флота, арміи и т. д., равно какъ необходимость создать строгую отчетность въ ихъ расходованіи, очень рано заставила Петра Великаго придать Ближней Канцеляріи значеніе органа „государственнаго контроля“, какъ указывается это П. Н. Милюковымъ, подобно тому какъ при созданіи впослѣдствіи Сената ему вмѣнялось въ обязанность развивать широкую дѣятельность въ областяхъ финансовой и торгово-промышленной. Черезъ учрежденіе съ этимъ спеціально-финансовымъ характеромъ Боярская Дума была преобразована въ Сенатъ, безъ особой ломки, просто въ силу необходимости.

Разсматривая исторію учрежденія Ближней Канцеляріи и особенно останавливаясь на невыработанности круга ея дѣятельности, состава и пр., надо вывести, что она была учрежденіемъ в р е м е н н ы м ъ, еще вполнѣ похожимъ на нѣкоторые изъ Московскихъ Приказовъ, возникавшіе для выполненія извѣстнаго порученія, даннаго государемъ извѣстному лицу или лицамъ, и затѣмъ, по миновеніи въ нихъ надобности, изчезавшіе. Извѣстно, что Петръ былъ недоволенъ дѣйствіями Ближней Канцеляріи, медленностью ея работъ, отсутствіемъ иниціативы въ рѣшеніи дѣлъ, неявкою на засѣданіе ея членовъ, отговаривавшихся многочисленностью своихъ занятій, и т. д., при чемъ, вѣроятно, самъ сознавалъ, что вина всего этого частію лежитъ въ неопредѣленности, невыработанности самого учрежденія. Постоянныя войны и продолжительныя отлучки изъ государства требовали созданія учрежденія прочнаго и опредѣленнаго. И вотъ, объявляя 22 февраля 1711 г. о войнѣ съ Турціей, Петръ В. въ тотъ-же

день издаетъ манифестъ объ основаніи Сената. (П. С. З. № 2328), начинающійся словами такъ: „опредѣлили быть для отлучекъ Нашихъ Правительствующій Сенатъ для управленія“. При этомъ „кому о томъ вѣдать надлежитъ“, объявлялось, что „всякъ и ихъ указамъ (т. е. Сената) да будетъ послушенъ такъ, какъ Намъ самому, подъ жестокимъ наказаніемъ или смертію, по винѣ глядя“. Сенатъ долженъ былъ состоять изъ 9 сенаторовъ, засѣдающихъ въ общемъ одномъ присутствіи и рѣшающихъ дѣла вмѣстѣ; его канцелярію вѣдаетъ оберъ-секретарь; инструкціею, данной Сенату, опредѣляется и кругъ дѣятельности Сената, впослѣдствіи еще болѣе разросшійся, отчасти по иниціативѣ Петра В., а отчасти въ силу того положенія, которое скоро занялъ Сенатъ, какъ верховное правительственное учрежденіе. Такъ, по инструкціи, Сенатъ долженъ былъ „судъ имѣть нелицепріятный и неправедныхъ судей наказывать отнятіемъ чести и всего имѣнія“, „денегъ какъ возможно собирать, понеже деньги суть артеріею войны“; „дворянъ собрать молодыхъ для запасу въ офицеры, а наипаче тѣхъ, которые кроются, сыскать“ .... Такимъ образомъ здѣсь Сенатъ является судебно-военно-финансовымъ учрежденіемъ, имѣющимъ обширный надзоръ за всѣмъ ходомъ государственнаго управленія, какъ это видно болѣе ясно изъ одного изъ позднѣйшихъ указовъ 1718 г., предписывавшаго Сенату имѣть неусыпное попеченіе о монаршеской и государственной пользы во всемъ. Для лучшаго установленія сношеній Сената съ губерніями утверждаются коммиссары, по два отъ каждой губерніи. Коммиссары являются посредниками между высшимъ центральнымъ учрежденіемъ и мѣстными. Они принимаютъ отъ Сената указы, пересылаютъ ихъ губернаторамъ и сообщаютъ Сенату всѣ свѣдѣнія о губерніяхъ, какія онъ у нихъ можетъ потребовать. Сенатъ, правя государствомъ, долженъ былъ, по смыслу петровскихъ указовъ, и надзирать за правомѣрностью

дѣйствій всѣхъ органовъ правительственной власти, для чего устанавливаются такъ наз. фискалы, съ оберъ-фискаломъ во главѣ, состоящимъ при Сенатѣ и имѣющимъ товарищей въ губерніяхъ, провинціяхъ и городахъ. Объ утвержденіи должности фискаловъ данъ указъ уже 2 марта 1711 г., а 5 марта подробно опредѣлена и сущность должности: „долженъ онъ", говоритъ указъ о фискалѣ, „надъ всѣми дѣлами тайно надсматривать и провѣдывать про неправый судъ, тако-жъ въ сборѣ казны и прочаго, и кто неправду учинитъ, то долженъ фискалъ позвать его предъ Сенатъ (какой высокой степени ни есть) и тамо его уличить; всѣ „фискалы имѣютъ во всемъ такую-же силу и свободность, какъ и оберъ-фискалъ, кромѣ одного, что вышняго судью или генеральнаго штаба на судъ безъ оберъ-фискала позвать не могутъ". (Должность фискаловъ продолжала затѣмъ опредѣляться рядомъ указовъ, изъ коихъ важнѣйшимъ былъ указъ 17 марта 1714 г., гдѣ устраняется возможность лживыхъ доносовъ отъ фискаловъ и яснѣе опредѣляется кругъ ихъ дѣятельности, состоящей „въ провѣдываніи, донесеніи суду о провѣданномъ и обличеніи на судѣ" и пр.). Должность фискаловъ была вызвана настоятельной необходимостью прямого надзора за администраціею, злоупотребленія которой и до Петра, и при немъ были очень велики. Казнокрадство, взяточничество, волокита, всякаго рода насилія, неисполненіе указовъ отличали управленіе и особенно (вслѣдствіе невозможности строгаго надзора) провинціальную администрацію. Потребность надзора была ясна, надо было только организовать его. Петръ В. организуетъ его по шведскому образцу, гдѣ существовали фискалы и на что указывалъ ему извѣстный въ то время выходецъ изъ Голштиніи Генрихъ Фикъ (подавшій Петру В., между прочимъ, проектъ объ устройствѣ коллегій). Такъ какъ въ царствованіе Петра В. фискалы, — несмотря на то, что организація ихъ должности была очень несовершенна и что въ числѣ

ихъ попадались люди именно съ такими пороками, какіе фискалы, по должности, должны были обличать въ другихъ, — были сдерживаемы въ своемъ своевольствѣ энергіею Петра, то они и принесли нѣкоторую пользу; въ послѣдующія же царствованія (до учрежденія о губерніяхъ Екатерины II, когда фискалы были уничтожены), они, служа произволу, приносили почти только вредъ. Нельзя не сказать также, что сама система тайнаго надзора, постоянныхъ, часто бездоказательныхъ, доносовъ рѣшительно не могла возбуждать довѣрія къ должности, особенно когда послѣдняя попадала въ дурныя руки, почему и вполнѣ понятно, что должность фискаловъ скоро стала всѣмъ совершенно и вполнѣ справедливо ненавистною. (Впрочемъ, въ сочиненіи о Сенатѣ при Петрѣ В. С. А. Петровскаго приводятся интересныя данныя о томъ, что ненависть шла главнымъ образомъ отъ „властвовавшаго класса“, злоупотребленія котораго обличались фискалами, низшій-же классъ населенія нерѣдко обращался къ фискаламъ съ жалобами на своеволіе сильныхъ, и у него не было „непріязненнаго воспоминанія о фискалахъ“, ibid., 149 сл.)

Обращаемся теперь къ изученію круга дѣятельности Сената при Петрѣ, и сначала, конечно, въ области законодательства; при этомъ вообще замѣтимъ, что впослѣдствіи, при учрежденіи Коллегій, этотъ кругъ дѣятельности Сената нѣсколько съузился. Хотя указы Петра В. о Сенатѣ нигдѣ ясно не упоминаютъ объ установленіи законодательной власти Сената, однако, эта власть явилась у него, естественно, ввиду необходимости для самого Петра В. имѣть себѣ помощниковъ въ дѣлѣ управленія, особенно во время постоянныхъ его отлучекъ. Чтобы управлять, надо было издавать законы, и Сенатъ законодательствовалъ въ сферѣ управленія, являясь высшей надзирающей инстанціею только въ судебномъ отношеніи, гдѣ всѣ дѣла шли по Уложенію и новоуказнымъ статьямъ. Въ сферѣ государственнаго управленія Сенатъ издавалъ указы о

рекрутскомъ наборѣ, о новыхъ денежныхъ сборахъ; измѣнялъ личный составъ учрежденій, уничтожалъ, для сокращенія расходовъ и введенія бо́льшаго порядка въ управленіе, прежніе Приказы, установлялъ новые (напр. Купецкую Палату для скупки металловъ для монетнаго дѣла); проводилъ дороги, учреждалъ почты, заботился о торговлѣ, пріостанавливалъ при нуждѣ дѣйствіе государевыхъ указовъ и т. д. Однимъ словомъ, онъ вѣдалъ то, что вѣдалъ-бы государь, котораго онъ „двойникъ“. („Сенатъ собирается в м ѣ с т о Собственной Его Величества персоны“ говорится въ одномъ изъ указовъ Петра В.). Конечно, все это дѣлалось только по порученію самого государя, и, преимущественно, въ отсутствіе государя. Это ясно выразилось въ указѣ Петра В. отъ 19-го Ноября 1721 г., въ которомъ говорится такъ: „какое дѣло позоветъ о новомъ какомъ о п р е д ѣ л е н і и г е н е р а л ь н о м ъ (т. е. объ общемъ законѣ), то не должно ни въ Синодѣ, ни въ Сенатѣ безъ подписанія нашей руки чинить; а буде въ отлученіи нашемъ такое дѣло случится, а обождать до прибытія нашего будетъ невозможно, то Синоду согласиться съ Сенатомъ и подписать и потомъ публиковать“ (говорится о томъ случаѣ, когда надо рѣшить вопросъ о законѣ, имѣющемъ отношеніе и къ духовному вѣдомству. П. С. З., № 3854, пун. 5); въ слѣдующемъ году тоже подтверждается Синоду, которому, въ отсутствіе государя въ Персидскій походъ, дозволяется вмѣстѣ съ Сенатомъ рѣшать дѣла „до нашей аппробаціи“ (т. е. безъ аппробаціи) въ случаяхъ не терпящихъ отлагательства (П. С. З., № 4051). Эти указы полагаютъ нѣкоторый предѣлъ законодательствованію Сената, предѣлъ, попытокъ котораго раньше не было. Историкъ Сената, проф. Петровскій, находитъ объясненія этого въ томъ, что послѣ Ништадтскаго мира, которымъ кончилась трудная война со Швеціею, Петръ могъ разсчитывать на большее посвященіе себя внутреннимъ дѣламъ государственнаго правленія и переустройства;

слѣдовательно, должны были прекратиться причины, вызвавшія надѣленіе Сената законодательною властью, и законодательство перешло къ его настоящему „владѣльцу“ — государю (стр. 241). Впрочемъ, въ царствованіе Петра В. Сенатъ всегда сохранялъ значительную долю участія въ законодательствѣ. Такъ, когда въ 1718 г., были учреждены Коллегіи и произошли соотвѣтствующія измѣненія въ областномъ управленіи и судѣ, Сенату предстояло обширное дѣло сочиненія для всѣхъ нихъ новыхъ регламентовъ и инструкцій. Правда, съ учрежденіемъ Коллегій между Сенатомъ, какъ органомъ высшаго центральнаго управленія, и мѣстными учрежденіями явились новыя инстанціи, кругъ вѣдѣнія которыхъ вышелъ изъ вѣдѣнія Сената (таковы особенно Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, военная и адмиралтейская); правда, по указу 1718 г. измѣняется составъ Сената въ томъ отношеніи, что впредь онъ долженъ состоять изъ президентовъ Коллегій. Но этотъ составъ былъ уничтоженъ уже въ 1722 г., и Сенатъ вновь поставленъ *высшимъ* контролирующимъ учрежденіемъ надъ всѣмъ правленіемъ. Назначеніе сенаторами президентовъ Коллегій привело ко многимъ злоупотребленіямъ и совсѣмъ не достигло того, чего хотѣлъ достигнуть Петръ В. Онъ думалъ объединить этимъ все управленіе, но президенты, будучи обременены многими занятіями въ Коллегіяхъ, не могли вполнѣ сосредоточиться на дѣлахъ Сената; кромѣ того, какъ сознавался самъ Петръ, они не могли вполнѣ объективно отнестись къ дѣлу управленія, такъ какъ имъ приходилось контролировать самихъ себя. Именно въ указѣ 1722 г. Петръ говоритъ, что „сіе (т. е. назначеніе сенаторовъ изъ президентовъ) сначала *не осмотря* учинено, что нынѣ исправить надлежитъ“. Поэтому онъ назначаетъ сенаторовъ изъ другихъ сановниковъ, „дабы чины сенатскіе партикулярныхъ дѣлъ не имѣли, но непрестанно трудились о распорядкѣ государства“, чтобъ они „смотрѣли-бъ надъ Коллегіями, яко *свободные* отъ нихъ; а нынѣ, сами будучи въ

оныхъ, какъ могутъ сами себя судить?“ (только президенты двухъ военныхъ Коллегій и иностранной — Меншиковъ, Апраксинъ, Головкинъ — оставлены сенаторами). Такимъ образомъ члены Сената стали вновь выше всѣхъ чиновъ государства, Сенатъ свободнѣе сталъ контролировать дѣло управленія, для чего въ составъ его вошла уничтоженная указомъ 1722 г., Ревизіонъ-Коллегія („Ревизіонъ-Коллегіи быти въ Сенатѣ, понеже дѣло едино есть, что и Сенатъ дѣлаетъ“ — говоритъ указъ). Контроль Сената надъ мѣстнымъ управленіемъ выражался, между прочимъ, въ томъ, что ежегодно въ губерніи долженъ былъ отправляться одинъ изъ сенаторовъ, какъ ревизоръ (указъ 4 апр. 1722 г.).

Обращаемся къ кругу дѣятельности Сената въ другихъ вѣдомствахъ.

Сенатъ въ первоначальномъ своемъ видѣ былъ не только учрежденіемъ законодательствующимъ, но также судебнымъ и военно-финансовымъ. Еще въ 1-й инструкціи Сенату говорилось, что Сенатъ долженъ былъ „судъ имѣть нелицемѣрный и неправедныхъ судей наказывать отнятіемъ чести и всего имѣнія“. Только съ устройствомъ Коллегій, Надворныхъ и другихъ судовъ у Петра В. является попытка отдѣленія судебной и административной власти, до учрежденія-же ихъ Сенатъ былъ высшею инстанціей по дѣламъ судебнымъ, при чемъ эти дѣла вѣдала состоящая при Сенатѣ Расправная Палата, единственный остатокъ Б. Думы, сохранившійся въ Сенатѣ. Петровскіе указы, однако, никогда не опредѣляли отношеній Сената къ этой Палатѣ, фактически же дѣло устроилось такъ, что большинство судебныхъ дѣлъ Сенатомъ передавалось въ Палату, гдѣ и разсматривалось въ особомъ составѣ членовъ (не сенаторовъ); только наиболѣе важныя дѣла, или тѣ, которыя не могли быть рѣшены Расправною Палатою и другими судебными мѣстами по неясности и не достаточности законовъ, рѣшаются самимъ Сенатомъ. Палата о всѣхъ дѣлахъ,

рѣшенныхъ ею, доноситъ Сенату, и такимъ образомъ ея дѣятельность стоитъ подъ его непосредственнымъ контролемъ. Сенатъ, между прочимъ, предписываетъ Палатѣ не разсматривать дѣлъ, нерѣшенныхъ въ Приказахъ и другихъ учрежденіяхъ, ставя ее этимъ только въ положеніе инстанціи апелляціонной. Позднѣе, указами 1714 и 1718 гг. Петръ В. устанавливаетъ порядокъ судебныхъ инстанцій, отсутствіе которыхъ очень затрудняло Сенатъ, при чемъ высшей аппелляціонной инстанціею является Сенатъ. Жалобы на медленность рѣшеній Сената допускаются „а буде и въ Сенатѣ такожъ учинятъ“, т. е. не рѣшатъ дѣла въ положенный срокъ, „тогда бить челомъ самому его царскому величеству“ говоритъ указъ 1714 г. но на неправильныя рѣшенія онѣ недопустимы. Такъ въ указѣ 1718 г. жалобы на Сенатъ запрещены подъ страхомъ смертной казни на томъ основаніи, что „тотъ высшій Сенатъ отъ его царскаго величества высокоповѣреннымъ есть, и въ особахъ честныхъ и знатныхъ состоитъ, которымъ нетокмо челобитчиковы дѣла, но и правленіе государства повѣрено есть.“ Дѣлая Сенатъ высшей аппелляціонной инстанціей, Петръ В. заботился о томъ, чтобы не обременять Сенатъ разсмотрѣніемъ челобитій и не превратить его въ простое судебное мѣсто. Въ Сенатѣ во 1-хъ идутъ жалобы только на Юстицъ-Коллегію, которая съ 1718 г. замѣнила Расправную Палату и Помѣстный Приказъ, да и то не непосредственно, а чрезъ секретаря Сената, который докладывалъ дѣло государю, и затѣмъ въ Сенатъ поступаютъ только челобитныя, подписанныя государемъ. Наконецъ въ 1720 г. учреждается должность рекетмейстера. Рекетмейстеру подаются жалобы на неправильныя рѣшенія и на медленность рѣшеній въ Коллегіяхъ. Рекетмейстеръ, получивъ основательную жалобу на медленность рѣшенія, понуждаетъ сначала самъ Коллегію скорѣе рѣшить дѣло, и только при неисполненіи его требованій докладываетъ Сенату. Жалобы на незаконное рѣшеніе

докладываются государю и только послѣ его надписи рекетмейстеръ передаетъ дѣло на рѣшеніе Сената. Такимъ образомъ только наиболѣе важныя судебныя дѣла шли по жалобамъ на разсмотрѣніе Сената, въ чемъ нельзя не видѣть яснаго желанія Петра В. оставить Сенату больше времени и значенія для его прямого дѣла — контроля надъ управленіемъ государства и участія въ законодательной дѣятельности государя. Впослѣдствіи, однако, Сенатъ все болѣе и болѣе утрачиваетъ это значеніе и превращается въ инстанцію чисто судебную, каковой онъ является и до нашихъ дней.

Еще при утвержденіи Сената въ 1711 г. было предписано „вмѣсто Приказа Разряднаго быть столу разрядному при вышеписанномъ Сенатѣ". (П. С. З. № 2321). Этимъ Сенату отдавалось вѣдѣніе всѣхъ дѣлъ по военной службѣ и отдавалось въ то время, когда громадныя войны требовали серьезнаго наблюденія за тѣмъ, чтобы никто отъ службы не уклонялся и сама служба велась на болѣе правильныхъ основаніяхъ. Всѣ дѣла о служилыхъ людяхъ сосредоточивались въ Сенатѣ до 1722 г., когда при Сенатѣ утверждается новая должность, — герольдмейстера, который долженъ вести списки всѣмъ дворянамъ, заботиться о томъ, чтобы всѣ служили, составлять гербы дворянству и т. д.

По вопросамъ финансовымъ петровскій Сенатъ является учрежденіемъ, нетолько контролирующимъ приходы и расходы государства, но и единственнымъ учрежденіемъ, самостоятельно распоряжающимся денежными суммами, налагающимъ новыя подати, заботящимся о томъ, чтобы собирать ихъ наиболѣе равномѣрно и т. д. Историки Сената Петра В. справедливо говорятъ, что въ этой сферѣ Сенатъ проявилъ громадную дѣятельность и явился очень важнымъ помощникомъ военныхъ дѣлъ Петра, требовавшихъ большихъ затратъ.

Давая Сенату обширную власть въ управленіи

государствомъ, Петръ В. со свойственной ему энергіею позаботился и о томъ, чтобъ Сенатъ дѣйствовалъ такъ, какъ того требовало его важное положеніе въ государствѣ, почему и устроилъ надъ дѣятельностью Сената обширную систему надзора. Сначала Петръ В. приступилъ къ дѣлу довольно нерѣшительно, создавъ въ 1715 г. генералъ-ревизора или „надзирателя указовъ“, должность, имѣвшую значеніе нетолько по отношенію къ Сенату, но и внѣ его, гдѣ генералъ-ревизоръ долженъ былъ слѣдить за точнымъ исполненіемъ указовъ Сената. Затѣмъ эту обязанность исполняли оберъ-секретарь Сената и офицеры гвардіи по очереди, пока, наконецъ, не былъ созданъ Петромъ В. въ 1722 уже году, когда былъ измѣненъ составъ Сената, институтъ прокуратуры и учреждены такъ наз. генералъ- и оберъ-прокуроры при Сенатѣ, оберъ-прокуроръ при Синодѣ, прокуроры при Коллегіяхъ и такъ наз. Надворныхъ судахъ (спеціальное изслѣдованіе вопроса — А. Д. Градовскаго „Высшая администрація XVIII в. и генералъ-прокуроры“ СПБ. 1886 г.). Цѣлью учрежденія должности генералъ-прокурора Сената была во 1-хъ необходимость надзора за послѣднимъ, а именно наблюденіе за тѣмъ, „дабы Сенатъ хранилъ свою должность“ (инструкція генералъ-прокурору — П. С. З. № 3979) и во 2-хъ необходимость имѣть между Сенатомъ и верховною властію посредствующій органъ, чрезъ который государь слѣдилъ бы, какъ ведется дѣло государственнаго управленія — „чинъ сей, яко око наше и стряпчій о дѣлахъ государственныхъ“ (та же инструкція дана была и оберъ-прокурору Синода). Генералъ-прокуроръ прежде всего начальникъ канцеляріи Сената (почему всѣ дѣла Сената идутъ отъ него и черезъ него), затѣмъ блюститель внѣшняго и внутренняго порядка его дѣйствій. Онъ руководитъ преніями, не допускаетъ въ нихъ „лишняго разговору“, для чего назначаетъ срокъ на обсужденіе каждаго изъ вопросовъ, останавливаетъ сенаторовъ и т. д. Если извѣстное опредѣленіе Сената

кажется ему неправильнымъ, онъ, или докладываетъ его государю, или даетъ новый срокъ Сенату для пересмотра дѣла; наконецъ, онъ возбуждаетъ законодательную дѣятельность Сената: именно онъ долженъ „о которыхъ дѣлахъ указами не изъяснено, о тѣхъ предлагать Сенату, чтобы учинили на тѣ дѣла ясные указы". Выборъ генералъ-прокурора, по указу 1722 г., былъ предоставленъ самому Сенату, однако, въ дѣйствительности, самъ Петръ назначалъ генералъ- и оберъ-прокуроровъ. Какъ это, такъ и сама должность, повидимому, не нравились сенаторамъ и, когда при Аннѣ Іоанновнѣ обсуждался вопросъ о возстановленіи вполнѣ петровскаго Сената, то въ первомъ же засѣданіи Сената его члены высказались противъ необходимости должности генералъ-прокурора.

Обращаемся къ вопросу о дѣлопроизводствѣ въ Сенатѣ. — До 1714 г. Сенатъ очень походилъ на Московскіе Приказы въ томъ отношеніи, что дѣла рѣшались въ немъ единогласно. Въ указѣ 5 марта 1711 г., данномъ въ годъ учрежденія Сената, говорится объ этомъ такъ: „голоса имѣть равные и у всякихъ указовъ подписывать всѣмъ своими руками, и что хотя одинъ не подпишетъ и засвидѣтельствуетъ, неправу быти тому приговору, то и прочіе недѣйствительны суть; однакожъ, надлежитъ тому, кто оспоритъ, тое протестацію дать за своею рукою на письмѣ". Но этотъ порядокъ, особенно въ виду частыхъ отлучекъ государя и невозможности представлять дѣла ему лично, при разногласіи рѣшенія, былъ очень неудобенъ и вотъ указомъ 1714 г. 4 апрѣля, — какъ это впервые было указано С. А. Петровскимъ (до его изслѣдованія общее мнѣніе ученыхъ предполагало, что единогласіе въ рѣшеніяхъ требовалось во все время Петровскаго царствованія) — вводится рѣшеніе по большинству голосовъ. Именно предписывается какъ въ Сенатѣ, такъ и въ другихъ учрежденіяхъ вести протоколы, куда должно записывать все происходящее и, между

прочимъ, отдѣльныя мнѣнія каждаго: „а когда подпишутъ всѣ свое мнѣніе, тогда диспуты имѣть, а съ той диспуты, куда болѣе голосовъ явится, такъ и вершить и подписывать всѣмъ общую сентенцію, кто и спорить будетъ, понеже болѣе голосовъ туда стало“ (П. С. З. № 2791). Голоса надо было собирать съ младшихъ, чтобъ не стѣснять ихъ мнѣній. Къ рѣшенію дѣла надо было приступать, когда извѣстятъ о немъ всѣхъ членовъ; если какой членъ отсутствовалъ, ему посылалось дѣло на домъ, чтобъ онъ всетаки далъ свое мнѣніе; всѣ мнѣнія записываются въ протоколѣ, „ибо симъ“, говоритъ Петръ В. въ своемъ указѣ, „всякаго дурость явлена будетъ“. Надо, далѣе, вообще замѣтить, что Петръ В. старался ввести больше порядка въ дѣлопроизводствѣ, чѣмъ было прежде. Это на первыхъ порахъ создало много канцелярскихъ формальностей (какъ напр. веденіе протоколовъ, входящихъ и исходящихъ журналовъ и т. д.) не внося, однако, большей правильности въ теченіе дѣлъ, чего хотѣлъ достичь Петръ В. Одну мысль здѣсь надо отмѣтить: Петръ хотѣлъ, чтобы сенаторы рѣшали дѣла сами, а канцелярія давала имъ только подготовительный матеріалъ; съ цѣлью, между прочимъ, контролировать это и былъ введенъ указанный сложный порядокъ формальностей.

Таковъ былъ Сенатъ при Петрѣ, но онъ быстро лишился своего значенія послѣ него. Прежде чѣмъ, однако, перейти къ его исторіи въ послѣдующія царствованія, отмѣтимъ нѣкоторыя особенности въ положеніи Сената по сравненію съ Б. Думою, для замѣны которой онъ былъ установленъ. Боярская Дума была учрежденіемъ привыкшимъ, или дѣйствовать в м ѣ с т ѣ съ государемъ или, если и отдѣльно, то близко отъ царя. Московскіе цари рѣдко отлучались, особенно надолго, изъ Москвы. Б. Дума даже тогда, когда законодательствовала безъ государя, чувствовала его авторитетъ, да и до государя легко доходило все, что могло для него быть интереснымъ или важнымъ. Эта близость отно-

шеній между государемъ и боярствомъ разрушается при Петрѣ, благодаря, частью его постояннымъ отлучкамъ, а частію его новаторской дѣятельности, требовавшей новыхъ, болѣе энергичныхъ, съ одной стороны, и болѣе податливыхъ, съ другой, слугъ себѣ. И вотъ Сенатъ впервые утверждается „для всегдашнихъ въ сихъ войнахъ отлучекъ государя“. Слабою стороною организаціи Б. Думы было, какъ мы уже говорили, отсутствіе у ней инициативы собственнаго дѣйствія, направляемаго то сверху, то снизу. Уже потому Дума не могла въ своихъ прежнихъ формахъ играть той роли въ отсутствіе государя, какую пришлось играть Сенату. Дума была прекраснымъ учрежденіемъ при твердомъ сложившемся государственномъ порядкѣ; но при новомъ она казалась Петру слишкомъ неподвижной и консервативной. Составъ ея родовитыхъ членовъ объяснялъ частію эту неподвижность, и въ него съ трудомъ могли бы войти новые дѣльцы, выдвинутые Петромъ, бывшіе часто очень худородными и еще чаще непрошедшими обычной служебной карьеры, чтобы быть членами Думы. Затѣмъ несомнѣнно, что Сенатъ созданъ былъ Петромъ не съ цѣлію дѣлиться съ нимъ властью, а просто съ тѣмъ, чтобы имѣть хорошаго энергичнаго помощника: если Б. Дума была соучастницею верховной власти государей московскихъ, соучастницей, безъ которой государи эти не привыкли дѣйствовать, то Сенатъ былъ простымъ „орудіемъ“ верховной власти. Петру В. принадлежитъ громадная заслуга въ томъ, что онъ это орудіе своей власти хотѣлъ поставить прочно, утвердить его закономъ, снабдить его средствами для того, чтобы оно дѣйствовало правомѣрно, энергично и сообразно съ новыми потребностями государства. Въ этомъ отношеніи введеніе въ Сенатъ болѣе усовершенствованнаго механизма управленія государствомъ, строгой отчетности въ дѣлахъ, широкая система надзора, устроенная Петромъ, какъ надъ Сенатомъ, такъ и для Сената, какъ учрежденія, контроли-

рующаго всѣ другія, должны были бы принести громадную пользу государству, (отчасти и принесли при Петрѣ В.), пріучая къ соблюденію въ управленіи строгой законности. Петръ В. считалъ, какъ извѣстно, коллегіальное начало, лучшимъ средствомъ для введенія этой законности, думая, что воля монарха должна выражаться чрезъ Коллегіи, „дабы“, говоритъ Петръ В. „не клеветали непокоривые человѣцы, что се или оное силою, паче или по прихотямъ своимъ, нежели судомъ или истиною, заповѣдаетъ монархъ.“ Впослѣдствіи многіе разочаровались въ коллегіальномъ началѣ управленія, и знаменитый Сперанскій не совсѣмъ несправедливо говорилъ, что „члены (коллегіальнаго) присутствія часто сростаются въ одно лицо и тогда пристрастіе одного покрывается именемъ всѣхъ“. Какъ бы то ни было петровскій Сенатъ и по идеѣ и по постановкѣ вопроса при Петрѣ В. былъ учрежденіемъ живымъ, выросшимъ изъ обстоятельствъ русской жизни, являлся видоизмѣненіемъ Б. Думы, согласно новымъ условіямъ, въ какихъ была поставлена теперь сама верховная власть, развивавшая небывалую прежде иниціативу во всемъ и требовавшая себѣ такого же, хотя и не выходившаго изъ ея воли, иниціатора-помощника. Къ сожалѣнію, Сенатъ очень скоро послѣ Петра испыталъ большія перемѣны, ухудшившія его положеніе въ государствѣ. Эпоха паденія Сената (1725—1741), передавшаго громадную часть своей власти сначала В. Т. Совѣту (при Екатеринѣ I и при Петрѣ II) и затѣмъ Кабинету (при Аннѣ Іоанновнѣ), кончается только при Елизаветѣ Петровнѣ, которая возстановляетъ вполнѣ его значеніе. Въ слѣдующія царствованія Сенатъ вновь подвергается обширнымъ измѣненіямъ пока, наконецъ, не превращается, въ значительной мѣрѣ, лишь въ высшую судебную инстанцію.

Петровскому Сенату пришлось выдержать 1-ое нападеніе отъ Меншикова. Всесильный временщикъ въ одномъ Сенатѣ встрѣчалъ сопротивленіе своимъ дѣйст-

віямъ. Не любя стѣсняться, онъ прямо показывалъ Сенату свое презрѣніе, смѣялся надъ его мнѣніями, прослушавъ которыя иногда объявлялъ, что разсужденія сенаторовъ напрасны, что воля императрицы по обсуждавшимся вопросамъ совсѣмъ иная, чѣмъ мнѣнія сенаторовъ. Дѣло дошло до того, что сенаторы отказывались ѣздить на засѣданія, а представители старорусскихъ фамилій составляли планы, какъ сломить вліяніе Меншикова. Тогда то и было придумано учрежденіе В. Т. Совѣта [1]) (1726 года 8 февраля — П. С. З. № 4830), создавшагося, по указу, для „важныхъ“ внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлъ. Указъ объ учрежденіи Верховнаго Тайнаго Совѣта былъ отправленъ въ Сенатъ, который возвратилъ его черезъ своего экзекутора, объявивъ, „что Сенатъ, оставаясь въ прежнемъ своемъ состояніи и достоинствѣ, принять указа того не можетъ“. Но императрица послала въ Сенатъ кабинетъ-секретаря Макарова съ приказаніемъ Сенату повиноваться во всемъ указу 8 февраля 1726 г. и Сенатъ повиновался. Неопредѣленность функцій В. Т. Совѣта по указу 8 февраля давала послѣднему возможность постепенно захватить въ свои руки всѣ части управленія государствомъ и низвести Сенатъ съ его важной роли „Правительствующаго“ учрежденія въ роль второстепеннаго, подчиненнаго В. Т. Совѣту, учрежденія. Такъ Совѣтъ присвоилъ своему вѣдѣнію дѣла „чуже-странныя“ и всѣ, требовавшія Высочайшаго разрѣшенія, при чемъ предполагалось сначала, что никакіе указы не должны выходить (въ свѣтъ), прежде чѣмъ они въ Тайномъ Совѣтѣ совершенно не состоялись“. Правда, Сенатъ и Коллегіи остаются при своихъ уставахъ, но о важнѣйшихъ, требующихъ Высочайшаго утвержденія, вопросахъ дѣ-

1) Подробности, относящіяся къ вопросу объ учрежденіи В. Т. Совѣта см. въ моей книгѣ „Сенатъ въ правленіе В. Т. Совѣта, стр. 17—29.

лаютъ представленіе В. Т. Совѣту. Военная, морская и иностранная Коллегіи изъемлются изъ вѣдѣнія Сената. На Сенатъ и названныя Коллегіи приносятся жалобы въ Совѣтъ, а самъ вообще Сенатъ уравнивается въ значеніи своемъ съ Коллегіями, надъ которыми онъ стоялъ при Петрѣ В.. Сенатъ посылаетъ Совѣту доношенія, а отъ него получаетъ указы. Сенаторы назначаются В. Т. Совѣтомъ изъ кандидатовъ, представленныхъ Сенатомъ. Ревизіонъ-Коллегія возстановляется и ставится подъ контроль Совѣта: Сенатъ представляетъ ей отчеты.

Таково краткое изображеніе захватовъ В. Т. Совѣта, уничтожившее одно изъ лучшихъ созданій Петра В.-Сенатъ. Извѣстна роль В. Совѣта въ дѣлѣ избранія Анны Іоанновны. Послѣ неудачи попытки верховниковъ, палъ и В. Т. Совѣтъ, но только за тѣмъ, чтобы быть, хотя отчасти, возстановленнымъ вновь подъ именемъ „Кабинета“. Какъ извѣстно, Анна Іоанновна дала обѣщаніе, въ отвѣтъ на просьбу шляхетства, возстановить Сенатъ Петра Великаго, что и исполнила 4 марта 1730 г. (П. С. З. № 5510), назначивъ 21 сенатора (какъ просило шляхетство), рекетмейстера и генералъ-прокурора. Но возстановленный Сенатъ дѣйствовалъ очень недолго: 18 октября 1731 г. былъ учрежденъ вновь особый Совѣтъ подъ именемъ „Кабинета“. Этому утвержденію предшествовало удаленіе отъ должности генералъ-прокурора, знаменитаго Ягужинскаго, бывшаго врагомъ Остермана. Надо было поставить между Сенатомъ и верховною властью посредствующее звено: при Петрѣ Великомъ имъ былъ генералъ-прокуроръ, но съ паденіемъ Ягужинскаго не рѣшились никому отдать этого важнаго поста, и хитрому Остерману пришла мысль роль генералъ-прокурора отдать Совѣту немногихъ лицъ, въ числѣ которыхъ самъ Остерманъ долженъ былъ занимать наиболѣе важное мѣсто. Остерманъ, по личнымъ цѣлямъ, особенно дорожилъ дѣлами внѣшней политики, хотѣлъ ихъ имѣть въ своемъ вѣдѣніи, для чего отчасти имъ и создавался

вался Кабинетъ. Впрочемъ, кругъ вѣдомства Кабинета по указу 10 ноября былъ очень обширенъ, такъ какъ онъ утверждается „для лучшаго и порядочнѣйшаго отправленія всѣхъ государственныхъ дѣлъ, къ собственному Нашему всемилостивѣйшему разрѣшенію принадлежащихъ.“ Позднѣйшими указами Кабинету ввѣряются дѣла финансовыя, военныя и особенно надзоръ за Сенатомъ, Синодомъ, Коллегіями и прочими учрежденіями, которыя должны были подавать въ Кабинетъ ежемѣсячно отчеты о рѣшенныхъ въ нихъ дѣлахъ. Наконецъ Кабинету, по указу 9 іюня 1735 г., присвоивается такое право: указъ, подписанный 3-мя кабинетъ-министрами, имѣетъ силу именного высочайшаго повелѣнія. Понятно, что роль Сената была теперь значительно измѣнена. По сравненію съ В. Т. Совѣтомъ Кабинетъ является такимъ же олигархическимъ учрежденіемъ, какъ и первый, хотя и безъ тѣхъ политическихъ стремленій, какими отличался въ своей исторіи В. Т. Совѣтъ. По отношенію къ внутреннему управленію Кабинетъ ограничивался главнымъ образомъ стремленіемъ наивозможно большаго добыванія денегъ съ народа, для чего при Кабинетѣ дѣйствовала печальной памяти „доимочная канцелярія“.

Всѣ эти мѣры отъ Екатерины I до воцаренія Императрицы Елизаветы Петровны совсѣмъ погубили любимое Петрово „дѣтище“. Только въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны опять, и въ послѣдній разъ, наступаетъ для него періодъ славы и важнаго значенія (1741—1761 г.). Указъ о возстановленіи Сената, послѣдовавшій 12 декабря 1741 г. (П. С. З. № 8480), очень осуждаетъ политику прежнихъ „Совѣтовъ“, учреждавшихся де „происками нѣкоторыхъ“ въ нарушеніе прежняго „порядка правленія“ [1]). „И для того“, говоритъ указъ, „повелѣваемъ, къ отвращенію

1) Ср. мою статью „Докладъ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ о возстановленіи власти Сената“. (Журналъ Мин. Народ. Просвѣщ. 1897 г., № 2).

бывшихъ до сего времени непорядковъ въ правленіи государства, слѣдующее: Правительствующій Нашъ Сенатъ да будетъ имѣть прежде бывшую свою силу и власть въ правленіи внутреннихъ всякаго рода государственныхъ дѣлъ“ (дѣла внѣшнія поручаются вѣдѣнію особой „Конференціи“. подъ главенствомъ государственнаго канцлера). Намѣреніе императрицы итти по стопамъ своего великаго отца въ вопросѣ о Сенатѣ было вполнѣ искренне, и потому Сенатъ получаетъ дѣйствительно важное значеніе. Характеръ самой Императрицы отчасти способствовалъ этому, такъ какъ Елизавета Петровна не была особенно дѣятельна и не любила много и постоянно заниматься текущими дѣлами. Екатерина II была права, когда въ своей инструкціи генералъ-прокурору кн. Вяземскому такъ говорила о преобладающемъ значеніи Сената при Елизаветѣ Петровнѣ: „Сенатъ установленъ для исполненія законовъ, ему предписанныхъ, а онъ часто выдавалъ законы, раздавалъ чины, достоинства, деньги, деревни, однимъ словомъ почти все, и утѣснялъ прочія судебныя мѣста въ ихъ законахъ и преимуществахъ... Черезъ такія великія гоненія нижнихъ мѣстъ они пришли въ столь великій упадокъ, что и регламентъ вовсе позабыли, которымъ повелѣвается: противъ сенаторскихъ указовъ, есть ли (если) оные не по силѣ законовъ, представлять въ Сенатъ, а напослѣдокъ и къ Намъ“. Это вмѣшательство Сената, „почти во все“, какъ говорила Императрица Екатерина II, очень затрудняетъ изслѣдователей въ опредѣленіи круга вѣдомства Сената при Елизаветѣ Петровнѣ, такъ какъ онъ опредѣлился главнымъ образомъ фактически, а не по закону. Такъ, надо прежде всего отмѣтить, что Сенатъ игралъ первенствующую роль въ вопросахъ финансовыхъ. По иниціативѣ Сената уничтожены были внутреннія таможни, затруднявшія торговлю; заведены банки — дворянскій и коммерческій и пр. Сенату принадлежали заботы о народной переписи, государ-

ственномъ межеваніи (произведенномъ, впрочемъ, только въ царствованіи Екатерины II); въ его вѣдѣніи былъ Московскій университетъ; его указомъ утверждена Академія художествъ и т. д. Относительно контроля надъ мѣстными органами управленія, составлявшаго предметъ вѣдомства Сената еще при Петрѣ Великомъ, важнымъ обстоятельствомъ было то, что право назначенія воеводъ было представлено Сенату. Сенатъ при Елизаветѣ Петровнѣ издалъ рядъ важныхъ указовъ по уголовному праву. Такъ имъ запрещено вырываніе ноздрей и клеймленіе тяжкихъ преступницъ (указъ 1757 г.); малолѣтніе (до 17 лѣтъ) освобождены имъ отъ пытокъ и смертной казни. Сенатъ далѣе неоднократно постановлялъ не приводить смертныхъ приговоровъ въ исполненіе безъ сенатскаго утвержденія ихъ и т. д., и т. д.

Въ царствованіи Императрицы Екатерины II и Императора Павла I Сенатъ, оставаясь de jure высшимъ правительствующимъ учрежденіемъ, de facto теряетъ свое прежнее значеніе. Императрица Екатерина II, и по личной энергіи и по направленію своей дѣятельности, не могла примириться съ тою ролью, какую сталъ играть Сенатъ при Елизаветѣ Петровнѣ. Въ упоминавшейся уже инструкціи кн. Вяземскому Императрица довольно справедливо говорила, что „всѣ мѣста и самый Сенатъ вышли изъ своихъ основаній разными случаями, какъ неприлежаніемъ къ дѣламъ моихъ нѣкоторыхъ предковъ, а болѣе случайныхъ при нихъ людей пристрастіями“. Чтобъ ввести вновь Сенатъ въ его „основанія“, Императрица во 1-хъ усиливаетъ значеніе генералъ-прокурора, надѣляя его обширными правами и выдѣляя въ его непосредственное вѣдѣніе многія дѣла, принадлежавшія Сенату; во 2-хъ разработку законодательныхъ вопросовъ она отдаетъ разнымъ коммисіямъ, подъ собственнымъ своимъ контролемъ, такъ что участіе Сената въ законодательствѣ слабѣетъ; въ 3-хъ учрежденіе должности генералъ-губернаторовъ, снабженныхъ въ губерніяхъ обширными полномочіями и имѣв-

шихъ прямое отношеніе къ верховной власти, ослабляетъ весьма значеніе Сената въ дѣлѣ контроля надъ мѣстнымъ управленіемъ и въ 4-хъ она вводитъ въ Сенатѣ раздѣленіе на департаменты (указъ 1763 г. — П. С. З. № 11989). Послѣднее было очень важно для большей правильности дѣлопроизводства и разчлененія дѣлъ по ихъ роду, но оно разрушило значеніе Сената, какъ таковаго, превративъ его въ рядъ отдѣльныхъ учрежденій, правда стоявшихъ другъ къ другу, по указу 1763 г., въ равной силѣ и, достоинствѣ, но всетаки необъединенныхъ (департаментовъ было 6: изъ нихъ 4 въ Петербургѣ, 2 въ Москвѣ, вмѣсто бывшей здѣсь Сенатской конторы). Второй департаментъ — судебный — пріобрѣтаетъ особенно важное значеніе, усиливающееся при императорѣ Павлѣ I, который, устранивъ Сенатъ отъ дѣлъ управленія, преобразовалъ его судебный департаментъ такъ, что Сенатъ становится главнымъ образомъ высшимъ судебнымъ мѣстомъ.

При вступленіи на престолъ Императора Александра I Сенату, повидимому предстояла блестящая будущность. Указомъ, даннымъ Сенату 5 Іюня 1801 г., императоръ выразилъ желаніе „возстановить Сенатъ на прежнюю степень ему приличную“ въ виду того обстоятельства, что „права“ и преимущества, отъ государей предковъ Моихъ Сенату присвоенныя, по времени и различнымъ обстоятельствамъ подверглися перемѣнѣ, къ ослабленію и самой силы закона, всѣмъ управлять долженствующаго“ (П. С. З. № 19908). Но возстановить Сенатъ оказалось труднымъ, молодые совѣтники Императора, особенно Новосильцевъ, доказывали ему, съ одной стороны, что Сенатъ уже руина, которой надо оставить одну судебную только власть, а съ другой и самъ Императоръ думалъ въ первую половину своего царствованія о болѣе широкомъ общемъ преобразованіи государственнаго строя, при которомъ реформа Сената отступала уже на задній планъ. Такъ какъ съ учрежденіемъ Государственнаго Совѣта со-

здался новый у насъ законо-совѣщательный органъ, а съ учрежденіемъ Министерствъ система — центральныхъ административныхъ учрежденій, то Сенатъ при императорѣ Александрѣ I, послѣ нѣкоторыхъ временныхъ колебаній въ законодательствѣ, остался тѣмъ высшимъ судебнымъ учрежденіемъ, какое изъ него подготовлялось, послѣ императрицы Елизаветы Петровны, всей совокупностью предшествовавшихъ событій.

§ 4.

Совѣты при особѣ государя.

(Причины неустойчивости центральныхъ учрежденій въ XVIII вѣкѣ. Обстоятельства, вызвавшія учрежденіе Верховнаго Тайнаго Совѣта. Кабинетъ министровъ и другіе Совѣты при особѣ государя.)

Какъ уже указывалось, въ XVIII вѣкѣ явилось нѣсколько учрежденій, близко стоявшихъ къ носителямъ верховной власти. Учрежденіемъ этимъ усвоено въ наукѣ исторіи русскаго права наименованіе „Совѣтовъ при особѣ государя“ [1]). Созданный въ 1711 г. Пр. Сенатъ долженъ былъ уже въ 1726 г. (по именному указу 26 февраля) уступить, въ значительной мѣрѣ, свое мѣсто Верх. Тайному Совѣту, а этотъ послѣдній (послѣ своего уничтоженія въ 1730 г.) былъ замѣненъ, возстановленнымъ вновь, хотя и ненадолго, Пр. Сенатомъ, при чемъ уже въ 1731 г. надъ Сенатомъ становится новое учрежденіе — Кабинетъ мини-

1) Литература: А. Д. Градовскій „Высшая администрація XVIII вѣка и генералъ-прокураторы“ (С. П., 1866 г.); В. Г. Щегловъ „Государственный Совѣтъ въ Россіи (Яр., 1895 г.); мои изслѣдованія: „Исторія образованія и развитія дѣятельности В. Тайнаго Совѣта“ (въ книгѣ „Сенатъ въ правленіе В. Т. Совѣта“); исторія образованія, устройства и компетенціи Кабинета министровъ (въ „введеніи“ къ напечатаннымъ, — въ томѣ CIV и другихъ „Сборника И. Р. Ист. Общества“. — „Бумагамъ Кабинета министровъ“; „Кабинетъ министровъ и его сравненіе съ В. Т. Совѣтомъ“ (Ю., 1898) и др.

стровъ; едва, однако, проходитъ десять лѣтъ, какъ этотъ Кабинетъ уничтожается (въ 1741 г.) и въ царствованіе Елизаветы Петровны мѣсто его занимаетъ частію Пр. Сенатъ, частію Конференція. Въ свою очередь, Конференцію при Петрѣ III смѣняетъ въ 1762 г. „Совѣтъ при высочайшемъ дворѣ", но онъ упраздняется Екатериною II, которая учреждаетъ въ 1768 г. — Императорскій Совѣтъ; этотъ-же послѣдній, въ 1801 г., замѣняется Непремѣннымъ Государственнымъ Совѣтомъ, дѣйствующимъ лишь до 1810 г., когда Сперанскимъ создается Государственный Совѣтъ, существующій и донынѣ. Такимъ образомъ передъ нами фактъ совершенной неустойчивости верховныхъ центральныхъ учрежденій XVIII вѣка: одно становится на мѣсто другого, оспариваетъ другъ у друга власть, спутываетъ до безконечности предѣлы взаимной компетенціи и, наконецъ, безслѣдно исчезаетъ. Въ то время какъ на Москвѣ, въ теченіе 2-хъ послѣднихъ вѣковъ передъ реформою, центральныя учрежденія представлены Боярскою Думою и Земскими Соборами, какъ выразителями правительствующаго значенія наиболѣе вліятельныхъ классовъ общества, и такъ наз. Приказами, какъ выразителями личнаго начала въ управленіи, — въ XVIII вѣкѣ центральныя учрежденія быстро смѣняютъ другъ друга, едва считая свое существованіе однимъ, либо двумя десятилѣтіями. Въ организаціи центральныхъ учрежденій на Москвѣ мысль законодателей ясна и проста, въ XVIII вѣкѣ она спутанна и сложна: проходитъ цѣлое столѣтіе прежде, чѣмъ Россіи удается выйти изъ того хаоса, какой представляли въ XVIII вѣкѣ центральныя учрежденія. Было-бы, однако, ошибочно приписывать (какъ это иногда дѣлается) эту постоянную смѣну однихъ учрежденій другими, — со всею путаницею, ею производимою, — одной только борьбѣ партій, одному только вліянію личностей, властно стоявшихъ у кормила правленія въ то, или другое царствованіе. Это вліяніе было, безспорно,

весьма значительно, но имъ однимъ едва-ли объяснима та неустойчивость центральныхъ учрежденій XVIII вѣка, которая такъ поражаетъ изслѣдователя, по сравненію съ Московскимъ періодомъ, такъ какъ эта неустойчивость выходитъ за предѣлы отдѣльныхъ царствованій и вліяній, является постоянною для всего XVIII и начала XIX столѣтій, когда, наконецъ, послѣ реформъ Сперанскаго, наши высшія учрежденія получаютъ тотъ видъ, который они, въ общемъ, сохраняютъ доселѣ. Замѣтимъ при этомъ, что вліяніе личностей едва-ли было на Москвѣ меньшимъ, чѣмъ оно было въ XVIII вѣкѣ и, однако, высшія учрежденія московскія, въ цѣломъ, отличаются прямо-обратнымъ характеромъ. Кажется, объясненіе этого лежитъ прежде всего въ слѣдующемъ. Въ Московскомъ періодѣ, законодатели почти не знали иныхъ учрежденій, кромѣ тѣхъ, которыя возникали органически, въ постепенномъ и послѣдовательномъ порядкѣ, изъ совокупности всѣхъ условій русской жизни. Въ большинствѣ случаевъ, этимъ органически развившимся учрежденіямъ они не могли — еслибъ даже и хотѣли — противопоставить другихъ, прихотливо созданныхъ (какъ это было въ XVIII вѣкѣ) по образцамъ иноземной практики или по теоріямъ управленія, своимъ и чужимъ. Во 1-хъ вліяніе чужеземной практики и теоретическихъ построеній вообще было на Москвѣ весьма слабо, а во 2-хъ — и это главное — все настроеніе народной мысли не допускало тѣхъ ломокъ, прямыхъ и быстрыхъ, кои стали столь обычны у насъ въ слѣдующее столѣтіе. Этотъ консерватизмъ настроенія здѣсь, какъ и вездѣ, былъ серьезнымъ оплотомъ противъ мало-продуманныхъ и случайныхъ новшествъ, хотя, конечно, онъ могъ нерѣдко нѣсколько задерживать болѣе живое развитіе отдѣльныхъ частей государственнаго управленія и преграждать къ нимъ доступъ новыхъ политическихъ идей, пригодныхъ для примѣненія къ тому или иному учрежденію эпохи.

Не безъ вліянія, — и при томъ весьма сильнаго, — на неустойчивость высшихъ учрежденій XVIII вѣка, было еще слѣдующее. Административныя петровскія учрежденія, — не говоря уже о сложности ихъ устройства, обиліи формализма въ дѣлопроизводствѣ и т. п., — грѣшили самымъ принципомъ, положеннымъ въ ихъ основаніе: коллегіальный принципъ менѣе всего пригоденъ для устройства органовъ власти исполнительной[1]). Неудивительно поэтому, что, съ одной стороны, въ XVIII вѣкѣ, какъ поправка къ этой коллегіальной организаціи, постоянно возникаютъ личные административные органы (министры), а съ другой — коллегіальный принципъ управленія — и вообще-то парализировавшійся у насъ стеченіемъ многихъ неблагопріятныхъ условій, — будучи поставленъ не на своемъ мѣстѣ, совсѣмъ выродился и не приносилъ ожидавшейся отъ него пользы. XVIII вѣкъ живо чувствовалъ всѣ эти недостатки „коллежскаго“ управленія, но выходилъ изъ затрудненія средствами случайными и временными (что́, конечно, не могло придавать устойчивости учрежденіямъ), а именно онъ, то создавалъ, подъ тѣмъ или инымъ именемъ, дѣйствительныхъ министровъ, — хотя и не давалъ имъ строгой организаціи въ видѣ Министерствъ, — то соединялъ этихъ министровъ въ особые Совѣты, съ полномочіями неопредѣленными и недолговременными.

Центральною фигурою, около которой возникали и на счетъ власти которой развивались всѣ эти временныя и малоустойчивыя учрежденія, былъ Сенатъ. На нашъ взглядъ, это также въ высшей степени характерно и даетъ нѣкоторую нить къ объясненію тѣхъ перемѣнъ, какія происходили постоянно въ порядкѣ нашихъ высшихъ учрежденій въ XVIII вѣкѣ. Сенатъ

---

1) Болѣе подробно объ этомъ въ моемъ изслѣдованіи — „О наказаніи по законодательству Петра В., въ связи съ реформою“ (М. 1891), стр. 25 сл.; ср. также статью мою „Значеніе Сперанскаго въ исторіи русскаго законодательства“ („Русская Мысль“ 1889, кн. IV).

вскорѣ послѣ его созданія сдѣлался учрежденіемъ, исполнявшимъ въ государствѣ весьма разнообразныя и сложныя задачи. Будучи поставленъ на мѣстѣ Боярской Думы, онъ долженъ былъ — если не при Петрѣ, то послѣ него, — взять на себя ту политическую роль, какую играла когда-то, между прочимъ, Боярская Дума. Но онъ не былъ пригоденъ къ этой роли ни по своему составу, ни по своимъ основнымъ функціямъ; наконецъ, онъ не имѣлъ для этого достаточно традицій. Между тѣмъ необходимость такого учрежденія чутствовалась постоянно; неудивительно, что эту роль политическаго учрежденія стали затѣмъ оспаривать у Сената тѣ олигархическія партіи и тѣ случайные „Совѣты“ министровъ, коимъ удавалось захватить власть въ данное время. Въ этой борьбѣ за власть сказывалось не одно желаніе „тогдашнихъ случайныхъ и припадочныхъ людей“ создать — какъ писалъ графъ Н. И. Панинъ Екатеринѣ II — изъ подобныхъ учрежденій „всегда алоключительный общему благу интервалъ между государемъ и правительствомъ“, хотя, конечно, это желаніе имѣло извѣстное значеніе; здѣсь, несомнѣнно, сказалось также желаніе имѣть верховное учрежденіе, которое, взамѣнъ Б. Думы, было бы учрежденіемъ политическаго и законодательнаго характера.

Борьба съ Сенатомъ со стороны тѣхъ личныхъ органовъ власти, кои возникали въ XVIII вѣкѣ и дѣйствовали то раздѣльно, то объединенно въ одномъ общемъ учрежденіи, была такимъ образомъ борьбою нетолько личною[1]), но и принципіальною.

1) Личный характеръ борьбы не можетъ быть отрицаемъ вовсе; онъ былъ отмѣченъ самими современниками, какъ видно, напр., изъ указанныхъ выше словъ гр. Панина. Въ началѣ XIX столѣтія также указывалось, что „отъ самой кончины Петра I, во всѣ времена властолюбивые люди, пользуясь довѣренностію государскою, стремились къ тому, чтобы имѣ, а не мѣстамъ властвовать“ (слова гр. Завадовскій въ его мнѣніи „о правахъ и преимуществахъ Сената“. — Чтенія въ Общ. И. и Др. Россійск. 1864, кн. I, стр. 103 (отдѣлъ „Смѣси“).

Правда, эта борьба велась неумѣло, средствами случайными и весьма недостаточными, чтобы побороть столь легально-поставленное и на государственно-правовыхъ началахъ основанное учрежденіе, какимъ былъ Сенатъ Петра В., но сама идея созданія, рядомъ съ Сенатомъ, новаго верховнаго учрежденія заслуживала вниманія и была жизненна; необходимо было дать просторъ болѣе живому дѣйствію личнаго начала въ управленіи съ одной стороны, нужно было имѣть учрежденіе съ политическими задачами — съ другой. Къ сожалѣнію, борьба за осуществленіе этой идеи была въ XVIII вѣкѣ весьма неудачна и неудачна, можетъ быть, потому главнымъ образомъ, что размежеваться съ Сенатомъ плодотворно могло-бы лишь учрежденіе, столь же законномѣрно-построенное и отлившееся въ столь же публичныя формы, какъ и самъ Сенатъ великаго Императора; но XVIII вѣкъ, если иногда и сознавалъ это, то плохо умѣлъ осуществить эту идею въ тѣхъ учрежденіяхъ, какія онъ временно ставилъ на мѣсто Сената. Какъ уже указывалось, Петръ В., создавая Сенатъ, не думалъ дѣлиться съ нимъ властію, а лишь хотѣлъ видѣть въ немъ „орудіе“ своей власти. Петру В., однако, принадлежитъ громадная заслуга въ томъ отношеніи, что онъ это орудіе власти хотѣлъ поставить опредѣленно, утвердить его закономъ, снабдить всѣми средствами для того, чтобъ оно дѣйствовало правомѣрно, энергично и сообразно съ новыми потребностями государства. Считая коллегіальное начало однимъ изъ лучшихъ средствъ для утвержденія начала законности въ управленіи, Петръ думалъ, что и воля монарха должна выражаться чрезъ коллегіальное учрежденіе, „дабы не клеветали непокоривые человѣцы, что се или оно силою, паче и по прихотямъ своимъ, нежели судомъ и истиною заповѣдаетъ монархъ“. И „непокоривые человѣцы“, по справедливости, не могли „клеветать“ на монарха, всюду вводившаго коллегіи, строгую отчетность и от-

вѣтственность и стремившагося создать закономѣрно-дѣйствующія учрежденія. Вступая въ борьбу съ наиболѣе выдающимся изъ этихъ учрежденій — Сенатомъ, послѣдующія царствованія, почти до эпохи Александра I, не умѣли противоставить Сенату учрежденія такого-же высокаго порядка, какимъ былъ петровскій Сенатъ, а потому не создали ничего прочнаго. Правда, иногда эти высшія учрѣжденія, появлявшіяся въ XVIII вѣкѣ, въ противовѣсъ Сенату, привлекаютъ вниманіе изслѣдователя важностью и интересомъ той идеи, которая клалась въ ихъ основаніе; иногда вниманіе привлекаетъ и та борьба, которая начинаетъ возникать между нѣсколькими конкурирующими за вліяніе учрежденіями; но едва идея учрежденія начинаетъ осуществляться и едва борьба разгорается, какъ само учрежденіе уже исчезаетъ съ исторической сцены.

Обращаемся, послѣ сказаннаго, къ краткому очерку обстоятельствъ, вызывавшихъ учрежденіе отдѣльныхъ „Совѣтовъ при особѣ государя“ въ XVIII вѣкѣ и прежде всего В. Т. Совѣта. Какъ уже было отмѣчено выше, по именному указу 8 февраля 1726 г., былъ созданъ Верховный Тайный Совѣтъ. Указъ этотъ довольно подробно объясняетъ причину основанія новаго учрежденія (П. С. Зак., т. VII, № 4830), а именно въ немъ указывается, что при Петрѣ В. былъ опредѣленный составъ сенаторовъ, спеціально-занятыхъ исполненіемъ текущихъ дѣлъ управленія, порученныхъ Пр. Сенату; ко времени созданія В. Т. Совѣта такой составъ уменьшился; старѣйшіе и заслуженнѣйшіе его члены (обычно, дѣйствительные тайные совѣтники), хотя и продолжали быть сенаторами по закону, но имъ „и кромѣ сенатскаго правленія есть немалый трудъ въ слѣдующихъ дѣлахъ: 1) они часто имѣютъ, по должности своей, яко первые министры, тайные совѣты о политическихъ и другихъ важныхъ дѣлахъ; 2) изъ нихъ же засѣдаютъ нѣкоторые президентами въ первыхъ коллегіяхъ, а именно: въ двухъ военныхъ и въ третьей

— политической (т. е. иностранныхъ дѣлъ), отчего въ первомъ и весьма нужномъ дѣлѣ — въ тайномъ совѣтѣ — немалое чинится помѣшательство, да и въ Сенатѣ въ дѣлахъ продолженіе отъ того, что они, за многодѣльствомъ, не могутъ чинить вскорѣ резолюціи на государственныя внутреннія дѣла". Указъ отмѣчаетъ фактъ, подтверждаемый и другими свѣдѣніями, что „первые министры", или просто министры, — или „первые сенаторы", какъ еще иначе называетъ ихъ тотъ же указъ, — еще ранѣе образованія Верховнаго Тайнаго Совѣта составляли изъ себя особые „Тайные Совѣты" и не сливались всецѣло и нераздѣльно съ остальнымъ составомъ Сената. Сенатъ, такимъ образомъ, состоялъ изъ двухъ частей — первыхъ и вторыхъ сенаторовъ, изъ коихъ „первые", обычно „тайные дѣйствительные совѣтники", уже при Петрѣ В. играли роль министровъ, стоявшихъ во главѣ особыхъ частей управленія, которыя хотя и были построены коллегіально, однако, не могли мѣшать ихъ президентамъ играть роль личныхъ довѣренныхъ органовъ верховной власти, если не всегда de jure, то, во всякомъ случаѣ, de facto. Эти „первые" министры или сенаторы, по смыслу указа, не должны были входить теперь въ общій составъ Сената, не должны были сливаться въ одну коллегію со „вторыми" сенаторами, какъ это фактически сложилось уже раньше; наоборотъ, они должны быть свободны отъ заботъ по рѣшенію текущихъ обыденныхъ дѣлъ администраціи, которыя ведутся „вторыми сенаторами" и, въ качествѣ лицъ, вѣдающихъ „политическія и другія важныя" дѣла, должны составлять свой особый „Тайный Совѣтъ", что частью было и раньше, но лишь фактически, такъ что, въ сущности, созданіе Верховнаго Тайнаго Совѣта, а затѣмъ и Кабинета, — отвѣчая, какъ потребности объединенія этихъ личныхъ органовъ въ одномъ учрежденіи, такъ и необходимости выдѣленія верховнаго управленія отъ управленія подчиненнаго — оформило de jure то, что ранѣе

обозначилось какъ фактъ, въ видѣ „Тайныхъ Совѣтовъ“, главнымъ образомъ, по дѣламъ иностраннымъ и военнымъ. Такіе „Совѣты“ созывались и при Петрѣ В.

Указанная оффиціальная мотивировка основанія В. Т. Совѣта, вполнѣ отвѣчая дѣйствительности, не воспроизводитъ, однако, всей сложной совокупности фактовъ, повліявшихъ на это основаніе. Изъ замѣчательнаго „мнѣнія не въ указъ“, въ которомъ В. Т. Совѣтъ уже въ началѣ своего существованія, пытался опредѣлить свое положеніе въ государствѣ, видно, что В. Т. Совѣтъ (какъ позднѣе — и Кабинетъ) основывался съ цѣлью имѣть учрежденіе, стоящее въ непосредственномъ отношеніи къ верховной власти. Сенату стоять въ такомъ непосредственномъ отношеніи было труднѣе, какъ вслѣдствіе его болѣе многочисленнаго и менѣе довѣреннаго состава, такъ и потому, что сенаторы имѣли свои особыя и сложныя функціи по рѣшенію текущихъ, обыденныхъ дѣлъ законодательныхъ, судебныхъ и административныхъ. Петръ В., понимая это, учредилъ должность генералъ-прокурора, назначеніемъ коего, между прочимъ, являлось установленіе непосредственной связи Сената съ верховною властью. При Петрѣ В., — при томъ вниманіи, которое онъ постоянно удѣлялъ дѣятельности Сената, — эта связь черезъ третье лицо была вполнѣ достаточна; послѣ Петра В. оказалось неудобнымъ, — въ виду преимущественно личныхъ счетовъ партій, а частью и вслѣдствіе характера самихъ носителей верховной власти, — поручать представительство этой связи одному лицу, почему должность генералъ-прокурора фактически уничтожается и знаменитый петровскій ген.-прокуроръ Ягужинскій получаетъ другое назначеніе.

Помимо указанныхъ обстоятельствъ, поведшихъ къ образованію В. Т. Совѣта, важную роль играла и борьба партій. Съ прежнею правящею ролью петровскаго Пр. Сената не могло уживаться какъ старое

родовитое боярство, привыкшее къ политической дѣятельности въ Московскомъ государствѣ, такъ и то новое дворянство, въ лицѣ котораго, говоря словами историка XVIII в. кн. М. М. Щербатова, „стали не роды почтены, а чины и выслуги“. Новое учрежденіе, какъ это оказалось скоро, составомъ своимъ давало нѣкоторый выходъ этой борьбѣ двухъ важнѣйшихъ элементовъ служилаго дворянства эпохи. Вновь созданный Совѣтъ, отвѣчая необходимости объединить министровъ въ одномъ общемъ учрежденіи, давалъ удовлетвореніе стремленію къ власти какъ стараго, родовитаго, такъ и новаго, худороднаго, дворянства: то и другое теперь могло въ самомъ Совѣтѣ (въ лицѣ тѣхъ немногихъ „персонъ“, какія въ него входили) начать рѣшительную борьбу за власть, что затѣмъ и случилось [1]).

Интересно отмѣтить, какъ объясняли сами современники сущность новаго учрежденія. Донесенія иностранцевъ сводились къ двумъ версіямъ: одни разсматривали новое учрежденіе какъ ограничивающее, другіе — какъ укрѣпляющее власть императрицы. Въ сущности, здѣсь нѣтъ противорѣчія, а лишь высказывался различный взглядъ на то, чѣмъ должно быть это новое, сильное политически, учрежденіе: однимъ (старому боярству) хотѣлось перваго, другимъ (худороднымъ вельможамъ) — второго, съ цѣлью воспользоваться этою укрѣпленною властью императрицы въ своихъ интересахъ. Французскій посланникъ Кампредонъ говоритъ, между прочимъ, въ сообщеніи своему

1) Составъ В. Т. Совѣта, какъ извѣстно, былъ первоначально слѣдующій: кн. Меншиковъ, гр. Апраксинъ, гр. Головкинъ, бар. Остерманъ, гр. Толстой, кн. Д Голицынъ; позднѣе нѣсколькими днями вошелъ въ него герцогъ голштинскій Карлъ-Фридрихъ; въ царствованіе Петра II—кн. В. Л. и А. Г. Долгорукіе; по смерти Петра В. до воцаренія Анны—кн. М. М. Голицынъ и кн. В. Вл. Долгорукій. Изъ этого видно, что въ царствованіе Петра II и послѣ его смерти родовитое боярство получило значительное подкрѣпленіе въ Совѣтѣ.

правительству: „имѣю честь сообщить отчетъ о событіи тѣмъ болѣе важномъ, что, подъ видомъ желанія укрѣпить власть и правительство царицы, оно, кажется, кладетъ новый камень того зданія, которое русскіе вельможи замыслили воздвигнуть незамѣтно, т.-е. усиленіе ихъ власти и ихъ настоящаго и будущаго широкаго участія въ управленіи здѣшнею страною". Тоже сообщаютъ и другіе. Вообще не подлежитъ сомнѣнію, что современники отлично понимали политическое значеніе новаго учрежденія. Самъ Совѣтъ, съ первыхъ до послѣднихъ шаговъ своей дѣятельности, все съ большею и большею энергіей развивалъ это свое значеніе, въ ущербъ иногда всему другому. Стремленіе къ политическому и верховному руководительству дѣлами страны и сосредоточеніе въ Совѣтѣ, какъ выражается то же „мнѣніе не въ указъ", генеральнаго управленія и надзиранія надъ всѣми коллегіями и прочими", прямое и непосредственное отношеніе къ верховной власти, съ попыткой почти полнаго представительства этой власти передъ страной, — вотъ важнѣйшія, на нашъ взглядъ, черты этого новаго учрежденія, обозначившіяся уже въ началѣ его дѣятельности, а затѣмъ разросшіяся въ цѣлую систему, особенно въ кратковременное царствованіе, Петра II., когда В. Т. Совѣтъ правилъ страною почти безраздѣльно. Неудивительно по этому, что когда, наконецъ, стремленія этого учрежденія къ политическому господству увѣнчались ко времени кончины Петра II полнымъ, хотя и кратковременнымъ, успѣхомъ, Совѣтъ захотѣлъ de jure, въ извѣстныхъ „кондиціяхъ" Аннѣ, закрѣпить свое положеніе. Это и удалось, какъ извѣстно, Совѣту; выбранная на всероссійскій престолъ герцогиня Курляндская Анна Іоанновна приняла эти условія, ограничивающія ея власть и, согласившись первоначально на всѣ предложенія Совѣта, подписала эти безпримѣрныя въ нашей исторіи „кондиціи". Члены В. Т. Совѣта, замыслившіе ограниченіе

власти императрицы въ пользу Совѣта, могли, повидимому торжествовать; но торжество продолжалось, однако весьма недолго: въ ночь съ 18 на 19 января 1730 г. была избрана Анна Іоанновна на всероссійскій престолъ; въ письмѣ изъ Митавы отъ 28 января вновь избранная императрица извѣстила В. Т. Совѣтъ о принятіи ею „кондицій“; а 25 февраля „кондиціи“ были уже разорваны и императрица „воспріяла самодержавіе“.

Въ литературѣ нашей В. Т. Совѣтъ считается первымъ учрежденіемъ, коимъ въ XVIII вѣкѣ открывался рядъ „спеціальныхъ совѣтовъ“ — „при особѣ государя“, какъ называетъ ихъ проф. В. И. Сергѣевичъ. Таково, несомнѣнно, было оффиціальное назначеніе Верховнаго Тайнаго Совѣта, какъ оно прямо обозначено указомъ 8 февраля 1726 г., который былъ прочитанъ канцлеромъ Головкинымъ „всему собранію“ и въ которомъ было сказано, что „Ея Величество изволила, ради изображенныхъ въ томъ указѣ резоновъ, учредить съ нынѣшняго времени при дворѣ Ея Величества, какъ для внѣшнихъ, такъ и для внутреннихъ государственнихъ важныхъ дѣлъ, Верховный Тайный Совѣтъ, при которомъ Ея Величество сама присутствовать изволитъ“; другой позднѣйшій указъ начала 1727 г. называетъ учрежденіе Совѣтомъ „при боку Нашемъ“; таково было, далѣе, и оффиціальное назначеніе Кабинета Анны (П. С. З. VIII, № 5871). Но надо при этомъ замѣтить, что, на нашъ взглядъ, характеристика В. Т. Совѣта, только какъ совѣта „при особѣ государя“, нѣсколько узка, такъ какъ ею выражается только одна сторона учрежденія, а именно его непосредственная близость къ носителямъ верховной власти. Однако, какъ было указано, уже современники отмѣтили весьма отчетливо другую: учрежденіе, дѣйствующее отъ имени царицы, сдѣлается затѣмъ, въ сущности, истиннымъ господиномъ положенія: „именемъ царицы“ („Au nom de la Czarine“) оно „будетъ рѣшать всѣ важныя дѣла, станетъ отдавать приказанія всѣмъ прочимъ коллегіямъ“,

какъ доносилъ, напримѣръ, Кампредонъ своему правительству.

Касаясь Кабинета министровъ и кратко останавливаясь на сравненіи его съ В. Т. Совѣтомъ, надо замѣтить, что въ теченіи своего недолгаго существованія (отъ 1731 г. до 1741 г.), слагаясь постепенно и медленно, по мѣрѣ измѣненія условій времени, Кабинетъ пережилъ по крайней мѣрѣ три, весьма непохожихъ одинъ на другой, момента своего развитія, почему и надо различать во 1-хъ Кабинетъ министровъ въ первую половину царствованія (до указа 9 іюня 1735 г., когда Кабинетъ получилъ новыя полномочія), во 2-хъ Кабинетъ во вторую половину царствованія императрицы до ея кончины и, наконецъ, въ 3-хъ Кабинетъ послѣ ея кончины до момента его уничтоженія. Изъ этихъ моментовъ для нашей цѣли — сравненія двухъ смѣнившихъ другъ друга учрежденій — наибольшее значеніе имѣетъ первый, такъ какъ именно въ этотъ періодъ (съ 1731 по 1735 г.). Кабинетъ менѣе всего похожъ на В. Т. Совѣтъ; различіе между Кабинетомъ и Совѣтомъ въ этотъ періодъ его дѣятельности лучше всего показываетъ, чего хотѣли избѣжать создавая, вмѣсто В. Т. Совѣта, Кабинетъ, и что достигалось созданіемъ Кабинета, какъ собранія министровъ. Что касается второго момента, или періода развитія Кабинета, то онъ начинается, какъ сказано, съ указа 9 іюня 1735 г., коимъ повелѣвалось „никакихъ Нашихъ словесныхъ указовъ, кромѣ тѣхъ, которые за подписаніемъ собственныя Наши руки, или за руками Нашихъ кабинетныхъ министровъ, будутъ, не принимать и въ дѣйство не производить“. Этотъ указъ показываетъ, что Анна Іоанновна, въ первые годы своего царствованія обходившаяся (по крайней мѣрѣ, оффиціально), безъ подобнаго уполномочія кого-либо дѣйствовать, въ сферѣ законодательства и управленія, рядомъ съ собою, кончила тѣмъ, чѣмъ начала императрица Екатерина I, которая еще указомъ 4 (5) ав-

густа 1726 г., повелѣла „объявленіямъ словеснымъ или письменнымъ; безъ подписанія Нашея собственныя руки, или всего Нашего В. Т. Совѣта, отнюдь не вѣрить". Цѣлый рядъ данныхъ и соображеній заставляетъ придти вообще къ тому выводу, что, если слова знаменитаго елизаветинскаго манифеста 12 декабря 1741 г. (коимъ уничтожался Кабинетъ министровъ и дѣйствительно возстановлялся Пр. Сенатъ) о томъ, что — Кабинетъ сочиненъ (былъ) въ равной силѣ, какъ былъ В. Т. Совѣтъ „только имя перемѣнено" — и могутъ быть приняты, то лишь въ приложеніи къ Кабинету второй половины царствованія Анны, когда Кабинетъ получилъ новыя полномочія. Что-же касается, наконецъ, исторіи дѣятельности Кабинета министровъ послѣ кончины Анны Іоанновны до воцаренія Елизаветы, то въ это время Кабинетъ, переживъ регенство Бирона и правленіе Анны Леопольдовны, находился въ теченіи съ небольшимъ года въ совершенно исключительныхъ условіяхъ, на которыхъ мы здѣсь не останавливаемся.

Послѣ этихъ замѣчаній перейдемъ къ фактамъ, относящимся къ образованію Кабинета. Хотя по манифесту 4 марта 1730 г. и былъ, какъ мы знаемъ, возстановленъ Пр. Сенатъ, но едва этотъ блестящій и многолюдный Сенатъ началъ дѣйствовать, какъ въ обществѣ стали ходить неопредѣленные слухи о новомъ учрежденіи, готовящимся встать надъ Сенатомъ, при чемъ творцомъ этого новаго учрежденія считали справедливо Остермана. Учрежденіе это и было создано по именному указу 18 октября 1731 г. Возникнувъ еще въ 1730 г., первоначально въ видѣ особаго и неоффиціальнаго секретаріата императрицы (въ коемъ должна была сильно нуждаться бывшая герцогиня курляндская, неожиданно и при необычайныхъ условіяхъ вступившая на всероссійскій престолъ) и просуществовавъ такъ нѣкоторое время подъ главенствомъ Остермана, Кабинетъ превратился затѣмъ въ постоянное

учрежденіе, состоящее „при дворѣ“ императрицы. Какъ сказано, современники не видѣли большой разницы между Кабинетомъ и В. Т. Совѣтомъ [1]). Въ дѣйствительности-же эта разница, несомнѣнно, существовала, особенно въ первую половину царствованія Анны. Члены Кабинета министровъ, во главѣ съ Остерманомъ, довольствовались тѣмъ положеніемъ, лично-довѣренныхъ персонъ, какое они имѣли, и нисколько не пытались превратить свою личную власть во власть учрежденія; у нихъ при томъ и не было возможности это сдѣлать. Примѣръ В. Т. Совѣта, быстро вышедшаго изъ своего положенія, какъ „Совѣта при особѣ государя“ и задумавшаго переустройство государства, требовалъ осторожности въ надѣленіи новаго учрежденія тѣми или иными прерогативами. Въ первые годы до указа 9 іюля 1735 г., Кабинетъ былъ оффиціальнымъ Совѣтомъ государыни и докладывающимъ учрежденіемъ по дѣламъ, въ немъ, по волѣ государ-

1) Объ этомъ можно еще судить по докладу, поданному императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, въ которомъ говорилось между прочимъ, слѣдующее: „по учрежденіи сперва В. Т. Совѣта а потомъ Кабинета (ибо хотя имена разныя, а дѣйство почти одно въ обоихъ было) Сенатъ остался уже не въ такой силѣ, какъ прежде было блаженныя и вѣчно достойныя памяти отъ Государя Императора Петра Великаго учреждено, но всѣ подлежащія къ собственному Ея Величества дѣлъ рѣшенію доклады подаваемы были чрезъ Кабинетъ, изъ которыхъ многіе, по разсужденію министровъ, возвращены были съ ихъ резолюціями и иные жъ и безъ резолюцій паки были отдаваемы, съ одними словесными приказами ко изъясненію, а по инымъ въ Кабинетѣ справки собиралися и объ одномъ дѣлѣ бывало взношено изъ Сената докладовъ или сообщеній по два и по три, но по многимъ нужнѣйшимъ, чрезъ долгое время, резолюціи получаемо не было, а по инымъ, хотя резолюціи и получалися, токмо зѣло темныя, съ такими затруднительными запросами, что нетокмо въ нѣсколько мѣсяцевъ, но ниже чрезъ нѣсколько лѣтъ, исправиться неможно; сверхъ-же того, мимо Сената, прямо изъ Кабинета, посыланы были нетокмо въ коллегіи, но и въ самыя подчиненныя мѣста и въ губерніи и въ провинціи о разныхъ дѣлахъ указы, по которымъ чинено исполненіе, о чемъ въ Сенатѣ и извѣстія никакого не было, и репорты, тако-жъ и доклады, подаваны мимо Сената изъ тѣхъ мѣстъ прямо въ Кабинетъ, а Сенату о томъ вѣдать было не давано, отъ чего произошли великіе непорядки...“ (См. этотъ докладъ, мною напечатанный, въ „Журн. М. Н. Просв., 1897 г., № 2.)

рыни, сосредоточеннымъ. Всѣ указы идутъ изъ Кабинета, но *указовъ* самихъ кабинетъ-министровъ и ихъ *резолюцій* на докладахъ, челобитьяхъ и пр. въ изучаемое время еще нѣтъ; общею и нормальною формою законодательныхъ опредѣленій и административныхъ распоряженій являются *именные* указы и *высочайше* утвержденные доклады. Хотя почти всѣ эти акты монаршей воли проходятъ такъ или иначе *черезъ* Кабинетъ — объ этомъ, однако, не упоминается въ нихъ *ни однимъ словомъ*, что̀ очень характерно для пониманія той роли и того положенія, какое занималъ въ это время Кабинетъ по отношенію къ Императорскому Величеству. Только позднѣе Кабинетъ получаетъ новое, прежде непринадлежавшее ему значеніе, а именно по указу 9 іюня 1755 г. было повелѣно „никакихъ Нашихъ словесныхъ указовъ, кромѣ тѣхъ, которые за подписаніемъ собственныя Наши руки, *или за руками всѣхъ трехъ Нашихъ кабинетныхъ министровъ* будутъ, не принимать и въ дѣйство не производить“ (Пол. Соб. Зак., IX, № 6745), т. е. такимъ образомъ указы кабинетъ-министровъ приравнивались къ именнымъ указамъ императрицы. Въ началѣ дѣятельности Кабинета, въ 1731—1734 гг., ничто почти еще не заставляло предполагать этой перемѣны, такъ какъ Кабинетъ только въ исключительныхъ случаяхъ и по особому полномочію государыни, для каждаго такого случая, выступалъ съ указами или высочайшими повелѣніями, подписанными его членами. Но, отличаясь размѣрами полномочій отъ В. Т. Совѣта, Кабинетъ очень походилъ на него по предметамъ вѣдомства, а именно, въ общемъ, предѣлы компетенціи Кабинета могутъ быть обозначены слѣдующимъ образомъ: все, что относилось къ области *непосредственной* дѣятельности верховной власти, относилось и къ вѣдѣнію Кабинета, подобно тому какъ раньше, въ правленіи В. Т. Совѣта, принадлежало къ компетенціи послѣд-

няго. Иначе говоря, „всѣ стихіи державнаго права, соединяющіяся въ особѣ императора“ (какъ выражался еще Сперанскій) и проявляющіяся во власти законодательной, во власти верховнаго управленія „во всемъ ея пространствѣ“ и, наконецъ, въ сферѣ судебнаго суверенитета, находили свое сосредоточіе въ „Кабинетѣ Ея Императорскаго Величества“, постольку, конечно, поскольку это сосредоточіе казалось нужнымъ — „для порядочнаго отправленія всѣхъ государственныхъ дѣлъ“ имперіи.

Возстановивъ въ 1741 г. Пр. Сенатъ, Елизавета Петровна поставила рядомъ съ нимъ особую „Конференцію при Высочайшемъ Дворѣ“ — „для произведенія съ лучшимъ порядкомъ и успѣхомъ весьма важныхъ дѣлъ и для скорѣйшаго исполненія Ея И. Величества повелѣній.“ О дѣятельности Конференціи мало извѣстно, такъ какъ бумаги ея пока не напечатаны. Первоначальнымъ ея назначеніемъ было заниматься обсужденіемъ иностранныхъ дѣлъ, но позднѣе ей стали поручаться для разсмотрѣнія и дѣла внутреннія, что приводило ее въ столкновеніе съ Пр. Сенатомъ. Созданіе Конференціи, какъ и предшествовавшихъ 2-хъ учрежденій, отвѣчало потребности имѣть, въ непосредственной близости къ государямъ, верховное учрежденіе, вѣдающее особенно важныя, или требующія тайны, дѣла государства. Эта потребность чувствовалась и позднѣе: 18 мая 1762 г. былъ созданъ „Совѣтъ при высочайшемъ дворѣ“, изъ 8-ми лицъ, для управленія важнѣйшими дѣлами, просуществовавшій, впрочемъ, только до кончины Петра III. Со вступленіемъ на престолъ Екатерины II является вновь стремленіе создать учрежденіе, подобное В. Т. Совѣту. Именно гр. Н. И. Панинъ представилъ императрицѣ „Уставъ верховному правительству“, въ которомъ развивалъ мысль о необходимости устроить „верховное мѣсто лежисляціи, или законоданія, изъ котораго, я к о отъ е д и н а г о м ѣ с т а, истекать будетъ собст-

венное монаршее изволеніе", т. е. черезъ которое должны были проходить всѣ законопроекты прежде, чѣмъ они получатъ значеніе закона. Екатерина II не утвердила этого проекта, но, затѣмъ создала въ 1768 г. совѣщательное учрежденіе подъ именемъ „Императорскаго Совѣта". Первоначально Совѣтъ этотъ учреждался по случаю войны съ Турціею, „дабы", какъ гласилъ манифестъ, „по причинѣ теперешнихъ военныхъ обстоятельствъ, ни въ которой части, къ тому принадлежащей, ничего проронено не было, что служить можетъ къ безопасности имперіи, и дабы скорѣйшія сношенія установить между политическихъ, военныхъ и казенныхъ мѣстъ". Позднѣе Совѣтъ сдѣлался постояннымъ, былъ раздѣленъ на 2 департамента (политическихъ и военныхъ дѣлъ) и игралъ важную, хотя и совѣщательную только роль въ управленіи государствомъ. Въ царствованіе императора Александра I онъ былъ замѣненъ, по указу 30 марта 1801 г., Непремѣннымъ Государственнымъ Совѣтомъ, просуществовавшимъ до 1810 г.

§ 5.

Святѣйшій Правительствующій Синодъ.

(Переходное состояніе въ управленіи церковью отъ 1700 г. до учрежденія Св. Пр. Синода въ 1721 г. Духовный Регламентъ и его объясненіе причинъ, вызвавшихъ установленіе Св. Пр. Синода; разборъ этого объясненія. Значеніе реформы.)

Петръ В., предпринявъ коренное преобразованіе какъ центральныхъ, такъ и мѣстныхъ учрежденій, не остановился только на тѣхъ, которыя вѣдали дѣла духовныя. Результатомъ его реформы въ области управленія церковью явилось учрежденіе Св. Пр. Синода, этой „Духовной коллегіи", какъ сначала назывался Синодъ, созданной по указу 25 января 1721 г. и откры-

той 14 февраля того-же года[1]). Какъ извѣстно, послѣ кончины въ 1700 г. патріарха Адріана, Петръ В. не назначилъ ему преемника, а учредилъ должность „мѣстоблюстителя патріаршаго престола", на которую назначилъ Стефана Яворскаго; около этого „мѣстоблюстителя" стоялъ „освященный соборъ" изъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ, вѣдавшій духовныя дѣла. Это переходное состояніе управленія церковью закончилось образованіемъ Св. Пр. Синода. Учредительнымъ актомъ его былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ законодательныхъ актовъ Петра В., а именно „Регламентъ или Уставъ Духовной коллегіи". Въ этомъ „Духовномъ Регламентѣ" Петръ В., перомъ Ѳеофана Прокоповича объясняя вообще причины, заставившія его принять коллегіальный принципъ, какъ основаніе для организаціи государственныхъ учрежденій, нашелъ нужнымъ откровенно высказать въ то-же время, почему „соборное правительство" кажется ему особенно необходимымъ, когда дѣло идетъ объ управленіи церковью. Остановимся прежде всего на этомъ изложеніи: „велико и сіе", говоритъ Регламентъ, „что изъ соборнаго правленія не опасатися отечеству мятежей и смущенія, яковые происходятъ отъ единаго собственнаго правителя духовнаго" (т. е. отъ патріарха). Простой народъ, продолжаетъ Регламентъ, не понимаетъ, въ чемъ заключается разница власти духовной и самодержавной (свѣтской), но, „удивляемый великою Высочайшаго пастыря честію и славою", привыкаетъ думать, что онъ патріархъ, — „второй Государь, Самодержцу равносильный" или даже и „больше его"; что этотъ „духовный чинъ есть другое

1) Литература вопроса: Кедровъ „Духовный регламентъ въ связи съ преобразовательною дѣятельностью Цетра В." (М. 1886 г.); Ю. Самаринъ „Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ" (Сочиненія, т. V, М., 1880 г.); Чистовичъ „Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время"; Н. С. Суворовъ „Учебникъ церковнаго права" (М., 1902 г.), стр. 103 сл.

и лучшее государство". Если народъ вообще „такъ умствовати обыклъ" о взаимныхъ отношеніяхъ главъ церкви и государства, то чтожъ можетъ произойти тогда, когда огонь будетъ подложенъ къ хворосту и „плевельныя властолюбивыхъ духовныхъ (лицъ) разговоры приложатся?" — а еще болѣе тогда, когда въ народѣ услышатъ о распрѣ этихъ носителей власти свѣтской и духовной? Тогда, отвѣчаетъ Регламентъ, „простыя сердца" не будутъ смотрѣть на Самодержца, „яко на Верховнаго Пастыря" и „вси духовному паче, нежели мірскому правителю, аще и слѣпо и пребезумно согласуютъ, и за него поборствовати и бунтоватися дерзаютъ и льстятъ себѣ, окаянные, что они по Самомъ Бозѣ поборствуютъ и руки своя не оскверняютъ, но освѣщаютъ, аще бы и на кровопролитіе устремилися"... — Такой распрѣ могутъ помогать нетолько простые люди, думающіе, что „по Бозѣ поборствуютъ", но и высшіе, которые „подъ видомъ церковной ревности", радуются этой враждѣ и возбуждаютъ простой народъ противъ носителя верховной власти. „Что же", спрашиваетъ Регламентъ, „когда еще и самъ Пастырь (патріархъ) таковымъ о себѣ надмененъ мнѣніемъ — спать не похощетъ? Изрещи трудно, коликое отсюда бѣдствіе бываетъ?..." Регламентъ обращается далѣе къ исторіи и напоминаетъ о случаяхъ этихъ распрей въ Византіи и государствѣ римскомъ; что же касается Россіи, то онъ не хочетъ даже и говорить о нихъ — „да не вспомянутся подобные и у насъ бывшіе замахи!.."

Чтобъ избѣжать этихъ „замаховъ" впредь, надо устроить Духовную коллегію, такъ какъ „таковому злу", — которое можетъ возникнуть при столкновеніи патріарха съ государемъ — „въ Соборномъ духовномъ Правительствѣ нѣсть мѣста. Ибо нѣсть здѣ и на самомъ президентѣ великія и народъ удивляющія славы, нѣсть лишнія свѣтлости и позора (почести), нѣсть высокаго о немъ мнѣнія, не могутъ

ласкатели безмѣрными похвалами возносить его . . . .“ Все, что въ такомъ соборномъ правительствѣ дѣлается, нельзя предписать одному только президенту, тѣмъ болѣе, что и слово это — „негордое есть, не иное бо что значитъ, только — предсѣдателя“. Затѣмъ, народъ, видя, что это духовное соборное правительство утверждено монаршимъ указомъ и сенатскимъ приговоромъ, пойметъ его подчиненное положеніе въ государствѣ „и наипаче пребудетъ въ кротости своей и весьма отложитъ надежду имѣть помощь къ бунтамъ своимъ отъ чина духовнаго“ (П. С. З., VI, стр. 317 и сл.) . . . Таковы политическія обоснованія реформы (не приводимъ здѣсь другихъ второстепенныхъ, какъ не относящихся до занимающаго насъ вопроса), изложенныя въ Дух. Регламентѣ вполнѣ ясно и съ большею откровенностью. Два общихъ вопроса возникаютъ при разсмотрѣніи этихъ обоснованій. Первый — насколько вѣрна, съ исторической точки зрѣнія, эта оцѣнка патріаршества, сдѣланная перомъ Ѳеофана Прокоповича въ Дух. Регламентѣ, и второй, — поскольку изъ обстоятельствъ петровскаго времени и изъ отношенія церкви, въ лицѣ ея іерарховъ, къ реформѣ вытекала необходимость въ томъ коренномъ измѣненіи, какое было сдѣлано Петромъ В. въ организаціи церковнаго управленія? Что касается перваго вопроса, то нельзя не замѣтить, что какъ вся исторія нашей церкви, такъ и ея каноническія правила и преданія, шедшія изъ Византіи, едва ли давали много матеріала, на основаніи коего можно бы было вывести то рѣзкое противоположеніе власти свѣтской и духовной (и особенно противоположеніе, исходящее изъ мысли о подчиненіи первой власти — второй, каковая мысль, какъ извѣстно, вырабатывается на Западѣ въ эпоху борьбы папъ съ императорами), какое такъ рѣшительно утверждается Регламентомъ. У насъ церковь никогда не была status in statu. Всѣ ея громадныя привилегіи исходили отъ свѣтской власти и опирались на автори-

тетъ этой власти. Эти привилегіи, особенно по вопросу о церковныхъ имуществахъ, еще съ Іоанна III-го, вызывали со стороны государства широкое вмѣшательство въ дѣла управленія церковью, кончавшееся тѣмъ или инымъ рядомъ ограниченій въ общегосударственныхъ цѣляхъ. Но все это не помѣшало поставленію въ 1589 г. перваго русскаго патріарха — такъ мало въ отношеніи церкви и государства, даже во время борьбы первой за свои привилегіи, было политическаго элемента. Времена правленія патріарховъ Филарета и Никона, при всемъ величіи патріаршества при нихъ, такъ же, кажется, не говорятъ за возможность общей коллизіи правъ власти духовной и свѣтской. Первый изъ названныхъ святителей былъ многоопытный въ государственномъ управленіи отецъ государя, второй — исключительная по уму и энергіи личность. Особыя качества этихъ патріарховъ и главное — особыя ихъ отношенія къ государямъ обусловливали и особое ихъ положеніе въ государствѣ. Правда, Никонъ въ нѣкоторыхъ своихъ притязаніяхъ какъ-бы проявлялъ стремленіе къ противоположенію власти свѣтской и духовной, въ смыслѣ полной независимости второй отъ первой, но здѣсь онъ совсѣмъ не стоялъ на почвѣ положенія выработаннаго русскою исторіею. Этою исторіею было выработано высокое уваженіе государей, какъ носителей свѣтской верховной власти, къ представителямъ церкви, рука объ руку съ которыми шли они во всѣ трудныя эпохи государственной жизни нашей; была выработана автономія духовенства въ управленіи церковью и ея имуществами, но этой исторіею не давалось ничего такого, чтобы говорило за стремленіе церкви къ политической самостоятельности. Никонъ имѣлъ подъ собою твердую почву, пока онъ, подобно другимъ іерархамъ, стоялъ за сохраненіе привилегій церкви, данныхъ ей самимъ же государствомъ, но онъ потерялъ ее, когда, по удачному выраженію одного изслѣдователя (А. Д. Градовскаго), заговорилъ языкомъ папы

Иннокентія III-го съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, когда сталъ развивать въ отношеніяхъ къ свѣтской власти теорію 2-хъ свѣтилъ или 2-хъ мечей, уподобляя власть царскую — лунѣ, духовную — солнцу. Такъ Никонъ, напр., писалъ слѣдующее: „не отъ царей начало священства пріемлется, но отъ священства на царство помазуются. . . Не давалъ намъ царь правъ, но похитилъ наши права: церковью обладаетъ, святыми вещами богатится; весь священническій чинъ ему работаетъ, оброки даетъ, воюетъ; завладѣлъ онъ церковными судами и пошлинами. Господь двумъ свѣтиламъ свѣтить повелѣлъ — солнцу и лунѣ, и черезъ нихъ показалъ намъ власть архіерейскую и царскую. Архіерейская власть сіяетъ днемъ, власть эта надъ душами, царская въ вещахъ міра сего". Но, какъ уже замѣчено по поводу этой теоріи 2-хъ свѣтилъ А. Д. Градовскимъ эта теорія „не имѣла почвы въ церкви православной. Въ дѣлѣ Никона она и не имѣла существеннаго значенія. Подчиненіе государства церкви, практическое примѣненіе метафоры „двухъ свѣтилъ" были бы неслыханною новостью". Но даже допуская противное, во всякомъ случаѣ надо сказать, что „замахъ" Никона былъ слишкомъ исключительнымъ, чтобы на основаніи его можно было давать историческую оцѣнку отношеній власти патріарха и государя и строить теорію о необходимости уничтоженія патріаршества. Если же, однако, эта оцѣнка давалась, то возможно, кажется, допустить здѣсь нестолько ошибку въ характеристикѣ данныхъ исторіи, сколько намѣренную группировку этихъ данныхъ такимъ образомъ, чтобы картина отношеній Царя и Патріарха, извлеченная отсюда, могла склонить мысль подданныхъ къ неизбѣжной необходимости покончить быстро съ вопросомъ и создать духовенству иное, чѣмъ было прежде, положеніе въ государствѣ. Это приводитъ насъ ко второму вопросу — каковы были отношенія іерарховъ церкви къ носителю верховной власти

и его реформѣ и какъ эти отношенія повліяли на новую организацію церковнаго управленія?

Не подлежитъ сомнѣнію, что обстоятельства царствованія Петра В. даютъ матеріалъ для объясненія его общаго отношенія къ церкви и ея іерархамъ. Несомнѣненъ фактъ, что бо́льшая часть велико-русскаго духовенства относилась [1]) очень недоброжелательно къ реформаторской дѣятельности Петра В. Справедливо замѣчено, что „въ общемъ хорѣ народнаго ропота, ославившаго Царя врагомъ мірскимъ, міроѣдомъ и антихристомъ, духовенство тянуло всегда самыя высокія ноты“ (Кедровъ, стр. 20). Въ стрѣлецкихъ возстаніяхъ духовенство шло вмѣстѣ съ бунтовщиками на казни, списки Преображенскаго Приказа полны именъ служителей церкви. Недаромъ въ порывѣ гнѣва, реформаторъ восклицалъ: „Ой, бородачи! многому злу корень старцы и попы! отецъ мой имѣлъ дѣло только съ однимъ бородачемъ (т.-е. съ Никономъ), а я съ тысячами!“ (Соловьевъ, Исторія Россіи, XVII, изд. 3, стр. 217). Особенно не любилъ Петръ В. монашества [2]) какъ потому, что самъ „на тронѣ — вѣчный былъ работникъ“, а въ монахахъ видѣлъ только тунеядцевъ, такъ и потому, что за высокими стѣнами монастырей жилъ духъ крамолы и фанатическаго протеста противъ его новшествъ. Писатель, котораго нельзя заподозрить въ какомъ-либо пристрастіи, даетъ такую яркую картину отношеній

1) См. относящіяся сюда факты у Кедрова стр. 3 сл.; Самарина, стр. 280 сл.

2) Извѣстны его мѣры къ сокращенію числа поступающихъ въ монастыри. Въ указѣ отъ 31 янв. 1724 г. Петръ Великій говоритъ, напр., что „большая часть монаховъ тунеядцы суть и понеже корень всему праздность, то сколько забобоновъ, расколовъ и возмутителей отъ нихъ произошло...; что „въ монахахъ все готовое, а гдѣ и сами трудятся, то токмо вольные поселяне суть... Прилежатъ ли разумѣнію божественныхъ писаній? Всячески нѣтъ, а что говорятъ молятся, то и всѣ молятся...., Что же (за) прибыль обществу отъ сего? воистину только старая пословица: ни Богу, ни людямъ, понеже большая часть бѣгутъ отъ податей и отъ лѣности, дабы даромъ хлѣбъ ѣсть“. (П. С. З., VII, № 4450, стр. 230).

Царя къ православной старинѣ, а слѣдовательно и къ ея носителямъ — духовенству: „въ этомъ искаженномъ видѣ наша православная старина предстала Петру В.“ — говоритъ Юрій Самаринъ (Сочиненія, стр. 244 слд.), — „страшныя сцены встрѣтили его у колыбели и тревожили его всю жизнь. Онъ видѣлъ окровавленные бердыши называвшихъ себя защитниками православія и привыкъ смѣшивать набожность съ фанатизмомъ и изувѣрствомъ. Въ толпѣ бунтовщиковъ на Красной площади являлись ему черныя рясы, доходили до него страстныя, зажигательныя проповѣди, и онъ исполнился непріязненнаго духа къ монашеству; наконецъ, всѣ возстанія и заговоры противъ него имѣли характеръ религіозный, строились подъ предлогомъ блага церкви, и онъ привыкъ смотрѣть на нее, какъ на начало враждебное, какъ на такую силу, которая по существу своему была для государства опасна. Мудрено ли, если въ своемъ преобразовательномъ необходимомъ стремленіи онъ увлекся въ крайность?“

Отмѣчая, хотя кратко, фактъ этого отрицательнаго отношенія къ дѣятельности Петра В. со стороны многихъ представителей духовенства, надо сказать, что этимъ очень затруднялось движеніе реформъ Петра В., такъ какъ Петръ, естественно, долженъ былъ считаться съ этою — то дѣятельною, то пассивною — реакціею духовенства. Между тѣмъ безъ содѣйствія духовенства, и содѣйствія искренняго и энергичнаго, Петру нельзя было обойтись во всѣхъ тѣхъ случаяхъ реформы, которые соприкасались такъ или иначе съ народными нравами и обычаями. Петръ вышелъ отчасти изъ затрудненія, найдя и въ духовенствѣ новыхъ людей, шедшихъ за нимъ безпрекословно. Но этого, конечно, было мало, и вотъ Петръ измѣняетъ положеніе духовенства такъ, что послѣднее невольно служитъ цѣлямъ реформы. Естественнымъ исходомъ этого измѣненія и явилась реформа церковнаго управленія. Послѣднее сдѣлалось теперь частью общегосударственнаго

управленія и въ этомъ состояло главное значеніе реформы. Духовная Коллегія, поставленная во главѣ этого управленія, организуется вполнѣ по образцу прочихъ коллегій, во всемъ, что касается ея состава, дѣлопроизводства, подчиненія государственному контролю, въ лицѣ прокуроровъ и инквизиторовъ и пр. За реформою въ области управленія церковью, послѣдовала реформа финансовая, развитая на основаніи того же начала подчиненія церковныхъ имуществъ сначала контролю, а затѣмъ и общему государственному управленію.

Глава III.

Населеніе.

§ 1.

Шляхетство или дворянство.

(Общее наименованіе получаемое служилыми людьми Московскаго государства въ XVIII вѣкѣ. Характеръ службы шляхетства въ первую половину XVIII вѣка. Табель о рангахъ и ея значеніе. Манифестъ 18 февраля 1762 г. и его содержаніе. Жалованная грамота дворянству 21 апрѣля 1785 г. Личныя права дворянъ по грамотѣ. Корпоративныя права дворянства по грамотѣ.)

Обращаясь къ исторіи служилаго сословія въ XVIII в., остановимся прежде всего на томъ имени, которое получаютъ въ новой исторіи служилые люди Московскаго государства. Имя это заимствуется сначала изъ Польши и служилые люди, какъ сословіе, носятъ преимущественно названіе шляхетства. Хотя терминъ „дворянство“ и встрѣчается въ законодательствѣ того времени (напр. въ табели о рангахъ), но съ 1712 г. когда выраженіе „шляхетство“ впервые появляется въ нашихъ законахъ для обозначенія

всего служилаго сословія, послѣднее все болѣе и болѣе входитъ въ употребленіе, тогда какъ раньше имъ обозначаются лишь рядовые служилые люди въ отличіе отъ „высшихъ чиновъ“ (подобно тому какъ терминъ, „дворяне“ употреблялся къ концу Московскаго періода для означенія среднихъ служилыхъ людей). Затѣмъ со второй половины XVIII в., послѣ манифеста 1762 г. и особенно Жалованной грамоты дворянству 1785 г., терминъ „шляхетство“ совершенно почти исчезаетъ, замѣняясь вновь своими русскими выраженіями „дворянство“ и „дворянинъ“, важными потому, что здѣсь, въ самой терминологіи, ясно выражается происхожденіе сословія изъ княжеско-царской дворни, тогда какъ въ терминѣ „шляхетство“ (если согласиться съ производствомъ этого послѣдняго отъ нѣмецкаго Geschlecht) было указаніе на значеніе рода, породы, т. е. на значеніе того именно, что болѣе всего теряется и никнетъ при Петрѣ В., благодаря его „табели о рангахъ“ и движенію при немъ въ чиновную знать, — а отсюда и въ дворянство — людей худородныхъ.

Исторія дворянскаго сословія въ первой половинѣ XVIII вѣка далеко непохожа на его исторію во второй половинѣ. Начало крѣпости государству, личнаго тягла ему, унаслѣдованное отъ Московскаго періода, въ началѣ вѣка только усиливается въ своей силѣ и строгости. Какъ самъ необычайно-энергичный Государь, этотъ, „вѣчный работникъ на тронѣ“, не любилъ, чтобъ другіе сидѣли безъ дѣла, а потому строго слѣдилъ за дѣятельностью своихъ слугъ, такъ и обширныя, военныя и иныя, его предпріятія требовали еще больше, чѣмъ прежде, отъ всякаго службы

---

1) Литература вопроса: А. В. Романовичъ-Славатинскій „Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостнаго права“ (С.-П., 1870); И. И. Дитятинъ „Къ исторіи жалованныхъ грамотъ дворянству и городамъ 1785 г. (Статьи по исторіи р. права, С.-П., 1896 г.); Н. П. Павловъ-Сильванскій „Государевы служилые люди. Происхожденіе русскаго дворянства (С.-П., 1898 г.).

государству, нуждались еще въ большемъ количествѣ людей, чѣмъ это было до него. Это прежде всего отражается на характерѣ службы лицъ, несшихъ личное служебное тягло, затѣмъ распространяется, увеличиваясь въ тягости, и на всѣ другія сословія. Служба дворянъ дѣлается постоянной, какъ постояннымъ дѣлается прежнее помѣщичье войско. Она организуется теперь болѣе строго, систематично, дѣлаясь на первыхъ порахъ тяжелѣе, дѣйствительнѣе, чѣмъ было это прежде. Весь XVII вѣкъ наполненъ жалобами правительства на стремленіе дворянъ избыть отъ военной службы, съ одной стороны, указаніями на худое состояніе войска, съ другой. Послѣднее было естественнымъ слѣдствіемъ того, что воины были на войнѣ людьми случайными, мало къ ней приготовленными. Извѣстный Посошковъ такъ описываетъ московское войско передъ реформою: „у пѣхоты ружье было плохо и владѣть имъ не умѣли, только боронились тупымъ боемъ, копьями, бердышами . . . На конницу смотрѣть стыдно: лошади негодныя, сами скудны, безъ одежды, сабли тупыя . . . Нѣтъ попеченія о томъ, чтобы непріятеля убить, одна забота — какъ бы домой поскорѣе . . . Многіе говорили: „дай Богъ великому государю служить, и саблю изъ ноженъ не вынимать“. И вотъ, уже первые петровскіе указы идутъ противъ прежде установившагося порядка наполненія войска преимущественно помѣщиками (введеніе правильныхъ рекрутскихъ наборовъ) и способа несенія службы послѣдними. Такъ, указы Петра требуютъ прохожденія дворянами военной службы, начиная съ солдатскаго званія, причемъ никто не могъ быть произведенъ въ офицеры, не показавъ своего знанія военной службы; назначаютъ за уклоненіе отъ службы штрафы, тѣлесныя наказанія, конфискацію имущества, наконецъ, лишеніе правъ или шельмованіе и другія наказанія, о которыхъ намъ придется еще не разъ говорить. Въ результатѣ отъ всѣхъ этихъ мѣръ получилось болѣе

строгое исполненіе дворянами военной службы, привычка служить, откуда, въ свою очередь, развился институтъ офицерства, вполнѣ способный выдержать конкурренцію съ европейскимъ. Чтобы создать этотъ институтъ предпринимается теперь рядъ мѣръ. До Петра В., какъ извѣстно, служилыми людьми завѣдывалъ Разрядъ; теперь его роль исполняется герольдмейстеромъ, который долженъ былъ вести списки дворянъ, распредѣлять ихъ на службу, вообще наблюдать за ихъ службою. Для послѣдней цѣли предпринимаются такъ называемые смотры дворянъ. Смотры существовали еще на Москвѣ, но прежде они производились на мѣстѣ, теперь же — въ Петербургѣ и Москвѣ, что́ прямо вызвалось необходимостью болѣе строго слѣдить въ самомъ центрѣ за службою дворянства, а главное распредѣлять недорослей въ школы, записывать ихъ въ службу военную, а также и въ гражданскую, которая съ Петра В. считается уже не отдыхомъ, не наградою за трудъ (по крайней мѣрѣ по идеѣ), а дѣйствительною службой. Впрочемъ, герольдмейстеръ долженъ наблюдать, чтобы въ гражданскую службу уходило не болѣе 1/3 отъ каждой фамиліи, „чтобъ служилыми людьми на землѣ и морѣ не оскудѣть“, такъ какъ военная служба для государства все таки была тогда важнѣе всего. Въ связи со смотрами, съ цѣлями военными, стояли смотры, какъ періодическіе экзамены дворянскимъ недорослямъ въ исполненіи ими другой ихъ обязанности — учиться. Посылки за границу для обученія, обязательное обученіе въ школахъ, экзамены, штрафы съ родителей за необученіе, запрещеніе дворянину жениться прежде изученья, въ опредѣленный возрастъ (отъ 10—15 лѣтъ), цыфири и началъ геометріи — вотъ рядъ главныхъ мѣръ, изданныхъ съ цѣлью поднять образованіе, столь скудное тогда въ дворянствѣ, что, по свидѣтельству современниковъ, „многіе дворянскіе дѣти грамоту съ нуждой могли разумѣть, а

писать только рѣдкіе знали". Несомнѣнно, что Петръ В., поддерживая принципъ обязательной и вѣчной службы дворянства, потратилъ немало силъ и энергіи, внушая дворянству, что служить государству его главнѣйшая обязанность, „ради которой оно благородно и отлично отъ подлости" (Болѣе подробно объ этомъ см. у А. В. Романовича-Славатинскаго „Дворянство въ Россіи", стр. 115 сл.). Но эти усилія Петра В., оправдывавшіяся всѣми особыми условіями его царствованія, хотя и увѣнчались, въ общемъ, успѣхомъ, характерны особенно въ томъ отношеніи, что въ этомъ вопросѣ о закрѣпощеніи дворянства на службу государству, Петръ В. былъ послѣднимъ энергичнымъ защитникомъ закрѣпощенія. Принципъ, несомнѣнно, уже отживалъ свой вѣкъ и едва Петръ В. скончался, какъ стали раздаваться сильные голоса за освобожденіе дворянства отъ обязательной службы, при чемъ необходимость этого освобожденія первоначально объяснялась чисто экономическими мотивами. Въ извѣстной запискѣ, поданной Екатеринѣ I знаменитымъ Ягужинскимъ указывается, что въ деревнѣ у дворянина „домъ всякій безъ присмотру разоряется"; что, хотя нынѣ (дворяне) „по нуждамъ позваны (къ службѣ), которые уже были отпущены", надлежитъ ихъ, если возможно отпустить, „чтобы они въ домахъ жили и смотрѣли". Затѣмъ въ нѣкоторыхъ проектахъ шляхетства, поданныхъ въ В. Т. Совѣтѣ, при выборѣ Анны Іоанновны, выражалось желаніе ограничить дворянскую службу 20-тью годами. При вступленіи Анны Іоанновны, дворянскія желанія отчасти сбываются. Указомъ отъ 1736 года предоставляется дворянамъ, во 1-хъ, служить отъ 20 до 45 лѣтъ, т. е. въ теченіи 25 лѣтъ, послѣ чего имъ дается „абшитъ" (отставка); они возвращаются домой, съ обязательствомъ, впрочемъ, прислать за себя рекрута изъ крѣпостныхъ; во 2-хъ, одинъ изъ сыновей или братьевъ могъ остаться дома, „при экономіи", служа или не

служа въ гражданской службѣ въ своей мѣстности (въ послѣднемъ случаѣ онъ представлялъ лишь за себя рекрута изъ крѣпостныхъ и т. д.). Наконецъ, 18 февраля 1762 года вопросъ заканчивается — по манифесту Петра III „о дарованіи вольности и свободы всему россійскому дворянству“ — полнымъ освобожденіемъ дворянъ отъ обязанности служить (незначительныя отклоненія отъ этого принципа, указанныя манифестомъ, не измѣняютъ его сущности); Жалованная грамота дворянству подтверждаетъ это освобожденіе. Если смотрѣть на это освобожденіе, какъ на начало раскрѣпощенія сословій, впервые выразившееся по отношенію только къ дворянству, то нельзя не сказать, что Петръ В., доведя до крайней степени напряженности старое начало государственнаго тягла, тѣмъ самымъ отчасти способствовалъ его паденію.

По отношенію къ дворянству, какъ служилому сословію, важную роль игралъ еще одинъ знаменитый указъ Петра В., на которомъ необходимо остановиться — а именно, указъ о такъ наз. „табели о рангахъ“, изданный 24 января 1722 г. (П. С. З., VI, № 3890). Какъ извѣстно, устраняя назначеніе въ государственныя должности по степени родовитости и ставя на 1-й планъ заслуги предъ государствомъ, табель, естественно, давала ходъ людямъ таланта и служебной пригодности. Разсматривая съ этой точки зрѣнія, табель продолжала дѣло, давно уже начатое у насъ, но продолжала болѣе широко и энергично. Несомнѣнно справедливымъ представляется мнѣніе, что табель, по духу своему была установленіемъ вполнѣ демократическимъ и черезъ лѣстницу въ 14 ступенекъ давала возможность послѣднему плебею дойти до положенія перваго вельможи государства, — чему примѣры и знаетъ наша исторія (Ром. — Славатинскій „Дворянство“ стр. 14 сл.). Въ судьбѣ нашего служилаго дворянства она играла роль предохранительнаго элемента, не дававшаго ему возможности замкнуться въ

закрытое, недоступное другимъ, сословіе, стремленія къ чему иногда проявляются ясно въ XVIII вѣкѣ. Такъ, извѣстный кн. Щербатовъ, напримѣръ, жаловался на разрушеніе табелью прежняго порядка и усиленіе людей худородныхъ: „разрушенное мѣстничество и незамѣненное никакимъ правомъ знатнымъ родамъ“, говоритъ онъ въ своей запискѣ „о повреждении нравовъ въ Россіи“, „истребило мысли благородной гордости въ дворянахъ, ибо стали не роды почтены, а чины, заслуги и выслуги“ ... упала (при Петрѣ В. и при Екатеринѣ I) древняя гордость дворянская, видя себя управляема мужемъ (Меншиковымъ), хотя достойнымъ, но изъ подлости происшедшимъ.“ Поэтому кн. Щербатовъ, равно какъ и другіе дворянскіе депутаты коммиссіи 1767 г., предлагали императрицѣ отмѣнить пріобрѣтеніе дворянства чиномъ, такъ какъ этимъ „уподляются“ дворянскіе роды, „затмѣваются ихъ преимущества“ ... Но, несомнѣнно, что открывая людямъ худороднымъ чрезъ прохожденіе чиновъ доступъ къ высшимъ должностямъ, табель о рангахъ еще болѣе укрѣпила значеніе дворянства, какъ привиллегированнаго сословія, такъ какъ каждый, восходя до извѣстнаго чина, ео ipso дѣлается дворяниномъ — начало выраженное ясно Петромъ Великимъ еще до изданія табели о рангахъ. Именно въ одномъ его указѣ 16 янв. 1721 г. говорится, что „всѣ оберъ-офицеры, которые произошли не изъ дворянства, оные и ихъ дѣти суть дворяне, и надлежитъ имъ дать патентъ на дворянство (VI, № 3705). Табель о рангахъ подтверждаетъ это правило (пунктъ 11 и 15), опредѣляя, что оберъ-офицерскій чинъ, равно какъ и статскіе чины, начиная съ 8-го класса, даютъ потомственное дворянство (получившіе ихъ, по „табели“, „въ вѣчныя времени лучшему старшему дворянству во всякихъ достоинствахъ и авантажахъ равно почтены быть имѣютъ, хотя бы и низкой породы были“); всѣ же прочіе чины — дворянство лич-

ное. Такъ, согласно духу времени, сословное начало давало себя сильно знать въ постановленіи, ставившемъ на 1-й планъ заслуги государству: чѣмъ больше было этихъ заслугъ, тѣмъ выше поднимался худородный человѣкъ, становясь тѣмъ нетолько личнымъ дворяниномъ, т. е. получая „нарицаніе въ чести“ для себя лично за свои заслуги, но и для потомковъ. Чинъ, побивая породу, наслѣдственность, самъ приводилъ къ тому же наслѣдственному выдѣленію извѣстныхъ заслуженныхъ лицъ.

Обращаясь къ самой табели о рангахъ, надо замѣтить, что основной принципъ ея XIV степеней — соотвѣтствіе извѣстнаго чина или ранга извѣстной должности (почему всѣ должности были росписаны по классамъ). Идея этого соотвѣтствія была такова: за заслуги человѣкъ повышается въ чинѣ, но чтобы это повышеніе не было только простымъ отличіемъ, почетнымъ титуломъ (какъ это случается впослѣдствіи), повышеніе въ чинѣ служитъ основаніемъ къ соотвѣтственному повышенію въ должности, и такимъ образомъ высшія и болѣе отвѣтственныя должности ео ipso занимаются и болѣе заслуженными, болѣе свѣдующими людьми. Чинъ поэтому, по табели о рангахъ, не почетная только степень, а сама должность. Впослѣдствіи изъ этого принципа дѣлались нѣкоторыя исключенія, приведшія потомъ къ искаженію первоначальной идеи табели о рангахъ. Когда въ законодательствѣ было нарушено соотвѣтствіе между должностью и чиномъ, то постепенно утратилось и всякое реальное содержаніе въ названіи чиновъ. Небезъинтересно также, что первоначально производство въ высшіе чины, по указу 27 апрѣля 1722 г., было представлено Петромъ В. Сенату и производилось баллотировкою. Далѣе неменѣе богатою послѣдствіями особенностью табели надо считать признаніе важнаго для государства значенія службы гражданской и уравненіе ея въ правахъ съ службою военной, что обезпечило приливъ къ ней

людей знающихъ и даровитыхъ, а это, въ свою очередь, вліяло на упорядоченіе состава учрежденій. Судьба, которую имѣли основныя начала „табели“ послѣ Петра В., на нашъ взглядъ, лучшее мѣрило ихъ значенія. Эти начала не пришлись вполнѣ по вкусу современникамъ, почему и началась своеобразная борьба противъ нихъ. Такъ, табель проводила идею соотвѣтствія между должностью и чиномъ, какъ гарантію того, что высшія должности будутъ заниматься людьми болѣе опытными по службѣ, людьми заслужившими эти должности своими трудами на пользу государства — жизнь незамедлила создать обходъ для этого соотвѣтствія. Такъ далѣе, если табель, въ принципѣ, давала ходъ человѣку худородному, — подъ условіемъ его талантливости и служебной пригодности, — то практика, хотя медленно, но постоянно создавала родовитому, столбовому дворянству различныя привилегіи въ пріобрѣтеніи столь необходимыхъ теперъ чиновъ. Прирожденное „шляхетство“, говоря языкомъ начала XVIII в., успѣвало захватывать высшія должности, проходя низшіе чины съ малыхъ лѣтъ. Правительство постоянно боролось противъ этого, особенно по отношенію къ чинамъ военнымъ, запрещая производить „малолѣтокъ“ въ офицеры безъ „особливаго указа“, но это плохо соблюдалось. Съ Екатерины II дворянство начинаетъ пользоваться особыми правами при производствахъ въ чины: такъ, для дворянъ сокращаются сроки службы при производствахъ въ первый офицерскій чинъ; въ офицеры они производятся предпочтительно передъ недворянами, не взирая на старшинство послѣднихъ по службѣ и т. д. При Павлѣ I и Александѣ I эти привилегіи усиливаются, причемъ постановляется общимъ правиломъ не производить въ офицеры недворянъ и т. д. Подобнаго же рода льготы, со 2-ой половины XVIII вѣка, получаетъ дворянство и при производствѣ въ гражданскіе чины, причемъ дворяне

могутъ, напримѣръ, свободно переходить изъ статской службы въ военную, тогда какъ не-дворянамъ это воспрещается. Послѣ Петра В. являются также въ законодательствѣ попытки ограничить право поступленія въ гражданскую службу лицамъ податныхъ сословій; при Екатеринѣ II эти попытки обращаются какъ бы въ цѣлую систему. Затѣмъ, законодательство постепенно повышало, сравнительно съ табелью, свои требованія о возведеніи въ потомственное дворянство разночинцевъ одною выслугою чиновъ. Оберъ-офицерскій чинъ на военной службѣ и коллежскаго асессора — по гражданской давалъ, по табели, права потомственнаго дворянства. Если правительство, въ своихъ интересахъ, не могло согласиться вполнѣ съ мнѣніемъ, исходившимъ отъ представителей аристократическихъ фамилій, какъ кн. Щербатовъ и др., которые утверждали, что „дабы возвести дворянство — главный чинъ имперіи — на прежнюю степень могущества“, надо вовсе уничтожить пріобрѣтеніе дворянства чиномъ, то, съ другой стороны, оно пошло на уступки дворянскимъ желаніямъ (удлиняя сроки производства для не-дворянъ, сокращая для дворянъ и т. д.), пока манифестомъ 11 іюня 1845 г. не было сдѣлано общаго повышенія чиновъ, дававшихъ права дворянства. Мы остановились нѣсколько подробно на судьбѣ табели у насъ потому, что эта судьба наглядно показываетъ, какъ государственная идея службы, строго въ табели проводившаяся, столкнувшись на практикѣ съ принципомъ породы, нѣсколько отступила передъ послѣднимъ . . . Но несомнѣнною заслугою Петра В. было именно это возвышеніе чисто-государственнаго начала надъ частно-правовымъ, чѣмъ едва ли не на цѣлое столѣтіе реформаторъ опережалъ свое время. Не останавливаемся здѣсь на тѣхъ недостаткахъ, какіе впослѣдствіи вытекли изъ злоупотребленія началами табели (погоня за чинами — во что бы то ни стало, чванство ими и т. д.), такъ какъ они едва ли могутъ быть поставлены въ укоръ самому законодателю.

Какъ было указано выше, 18 февраля 1762 г. явился знаменитый въ исторіи дворянства манифестъ Петра III „о дарованіи вольности и свободы всему россійскому дворянству". Вольность и свобода дворянства, по манифесту, выражаются въ томъ, что отнынѣ дворянинъ можетъ продолжать службу или выходить въ отставку по своему желанію. Правда, манифестъ даетъ нѣкоторыя ограниченія этого правила, а именно не дозволяется военному брать отставку за три мѣсяца предъ открытіемъ и во время компаніи; выходящій въ отставку раньше года службы не повышается въ чинѣ; дворяне, служащіе въ чинѣ ниже оберъ-офицерскаго, не могутъ брать отставки раньше 12-ти лѣтъ; наконецъ, манифестъ удерживаетъ за монархомъ право созыва дворянъ въ ополченіе, когда „особливая надобность потребуетъ", но все это, конечно, не ослабляетъ важности манифеста. Затѣмъ, имъ дозволяется уволенному въ отставку свободно отъѣзжать за границу съ обязательствомъ, впрочемъ, вернуться по первому востребованію; дозволяется также поступать на иностранную службу; родители могутъ обучать дѣтей въ Россіи и за границею (П. С. З., № 11444). Въ мотивахъ къ грамотѣ говорится, что теперь уже нѣтъ надобности въ мѣрахъ строгости, что дворянство привыкло служить и охотно служитъ, почему, въ виду его прежнихъ заслугъ, снимается съ него обязанность подневольной службы. Манифестъ о вольности дворянства произвелъ, какъ извѣстно изъ современныхъ данныхъ, громадный восторгъ въ тогдашнемъ дворянскомъ обществѣ. Сенатъ въ полномъ составѣ отправился къ императору съ просьбой дозволить ему соорудить золотую статую государя; московское дворянство приносило государю „всенижайшее и рабское всеподданнѣйшее благодареніе"; поэты восхваляли актъ мудрости Петра III, а очевидецъ этого восторга, Болотовъ, записалъ слѣдующее: „не могу изобразить, какое неописанное удовольствіе произвела

сія бумажка въ сердцахъ всѣхъ дворянъ. Всѣ вспрыгались отъ радости и, благодаря Государя, благословляли минуту, въ которую угодно было подписать указъ сей . . . Но было чему и радоваться. До того времени всероссійское дворянство связано было по рукамъ и по ногамъ“. . . Какъ извѣстно, Екатерина II Жалованной грамотой дворянству 21 апрѣля 1785 г. вполнѣ подтвердила манифестъ 1762 г. (П. С. З., № 16187) и указанная привилегія дворянства осталась ненарушимою на всегда. Причина дарованія ея ясно выражена была уже въ манифестѣ 1762 г., въ томъ мѣстѣ его, гдѣ говорится, что „это новое узаконеніе будетъ непоколебимымъ утвержденіемъ всероссійскаго престола“. Екатерина II не повторяетъ этой мотивировки, но, однако, несомнѣнно, держится ея въ своихъ дѣйствіяхъ и, слѣдуя Монтескьё (L'esprit des lois [1]), развиваетъ въ Наказѣ мысли о необходимости въ монархіи дворянства и его привилегій, — мысли, нашедшія себѣ громадную поддержку и сочувствіе въ заявленіяхъ дворянскихъ депутатовъ въ 1767 г. Затѣмъ Екатерина II въ сущности повторяетъ мысли извѣстнаго историка XVIII в. и депутата коммиссіи 1767 г., кн. М. М. Щербатова, когда опредѣляетъ значеніе дворянства въ своей грамотѣ 1785 г. такъ: „дворянское названіе есть слѣдствіе, истекающее отъ качества и добродѣтели начальствовавшихъ въ древности мужей, отличавшихъ себя заслугами, чѣмъ, обращая самую службу себѣ въ достоинство, пріобрѣли они потомству своему нарицаніе благородное“, — „нарицаніе въ чести“ (un titre

1) По ученію Монтескьё, „изъ природы монархическаго правленія“ вытекаетъ необходимость посредствующей между народомъ и монархомъ среды, которая, будучи къ монарху въ подчиненномъ отношеніи, умѣряетъ, однако, его власть, откуда и знаменитая формула Монтескьё, что гдѣ — „нѣтъ монарха, нѣтъ и дворянства; гдѣ нѣтъ дворянства, — нѣтъ и монарха, но есть деспотъ.“

d'honneur), отличающее простыхъ людей отъ тѣхъ, кои онымъ украшены", — какъ говоритъ Б. Наказъ Екатерины. Естественнымъ слѣдствіемъ этого благородства должно было быть снятіе съ дворянства всего того, что равняло его съ другими. Екатерина II поняла это и потому закрѣпила и развила Жалованной Грамотой 1785 года и другими указами въ цѣлую систему понятіе личныхъ правъ и привилегій дворянства, подтвердивъ при этомъ и право ихъ на владѣніе крѣпостными, конечно, потому, что это право вполнѣ развилось задолго до Жалованной Грамоты дворянству. Изложимъ ихъ кратко теперьже. Если вольность и свобода по манифесту 1762 года состоитъ въ освобожденіи дворянства отъ обязательной службы, то по Жалованной грамотѣ 1785 года она выражается въ общей его привилегированности, слагавшейся вообще послѣ Петра В. въ сословную изъятость дворянства отъ дѣйствія общихъ законовъ. Такъ, дворянинъ изъятъ по грамотѣ отъ личныхъ податей (§ 36) и повинностей (напр. отъ квартирной, или постойной повинности, § 35); онъ свободенъ отъ дѣйствія общихъ уголовныхъ законовъ, примѣненія тѣлесныхъ наказаній („тѣлесное наказаніе да не коснется до благороднаго", говоритъ грамота, — ст. 15); бритья головы дворянину, какъ преступнику, заключенію его въ кандалы и пр. Дворянинъ не можетъ быть лишенъ своего званія по суду, безъ представленія приговора на Высочайшее имя (ст. 13); дворянинъ-солдатъ пользуется правами, присвоенными оберъ-офицерскому званію (напр. онъ былъ свободенъ отъ тѣлесныхъ наказаній и т. д.). Его собственность, прежде принадлежавшая ему подъ условіемъ службы, стала теперь свободной и полной его собственностью (ст. ст. 21—23); она не подлежитъ конфискаціи; наконецъ, вообще всѣ его права по грамотѣ наслѣдственны (ст. 5, 7).

Таковы были, въ немногихъ словахъ, личныя права и преимущества, пріобрѣтенныя дворянствомъ во 2-ой половины XVIII вѣка. Остановимся теперь еще на тѣхъ корпоративныхъ правахъ, которыя получаетъ дворянство въ XVIII вѣкѣ.

Мы уже говорили, что на Москвѣ служилое сословіе не успѣло сложиться въ мѣстное общество, въ корпорацію, связанную съ извѣстной мѣстностію нетолько землевладѣніемъ своимъ здѣсь, но и служеніемъ своимъ въ мѣстномъ управленіи и судѣ, въ качествѣ землевладѣльцевъ. Интересы центра постоянно вызывали служилаго человѣка на Москву, откуда онъ являлся въ провинцію только на отдыхъ или посылался туда на службу. Правда въ концѣ XVII вѣка наблюдатели (напр. Посошковъ) отмѣчаютъ сильное стремленіе служилыхъ людей уединиться въ провинціи, но это стремленіе, имѣя цѣлью либо отбиться отъ службы, либо заняться хозяйствомъ, само по себѣ не могло привести къ созданію мѣстнаго дворянскаго общества. Для послѣдняго нужно было правительственное воздѣйствіе, которое и начинается въ XVIII вѣкѣ. Еще въ 1713 году Петръ В. учреждаетъ такъ называемыя ландратскія коллегіи изъ мѣстныхъ дворянъ, вводя такимъ образомъ послѣднихъ въ дѣло мѣстнаго управленія. Затѣмъ въ должности земскаго коммиссара, появляющейся въ 1715 года, представляется второй крупный примѣръ осуществленія той-же мысли; коммиссары — „полковой и отъ земли выбираются по вся годы дворянами уѣзда“ каждой губерніи (П. С. З. № 3245). По одному изъ позднѣйшихъ указовъ видно, какъ происходили выборы ихъ: шляхетство каждаго уѣзда должно было съѣзжаться въ опредѣленное время для выбора коммиссара; затѣмъ черезъ годъ оно съѣзжалось вторично для повѣрки его дѣйствій и выбора новаго и т. д. (П. С. З. № 3720). Всѣ эти, какъ и нѣкоторыя другія, должности изъ мѣстнаго дворянства

показываютъ, что у Петра В. было стремленіе привлечь къ дѣлу провинціальнаго управленія и суда мѣстные землевладѣльческіе элементы, хотя въ то же время это стремленіе встрѣчалось съ другимъ, которое парализовало его широкое примѣненіе, а именно съ стремленіемъ еще сильнѣе, чѣмъ прежде притянуть шляхетство къ службѣ военно-гражданской въ самомъ центрѣ, или если и внѣ его, то на посылкахъ по нуждамъ центра. Естественно, что только съ освобожденіемъ шляхетства отъ обязанностей службы, вопросъ о его мѣстномъ значеніи могъ быть серьезно поставленъ и разрѣшенъ законодательствомъ. Поэтому говорить о дворянствѣ, какъ о корпораціи значитъ говорить о его судьбѣ со 2-ой половины XVIII вѣка. Какъ извѣстно, дворянство призывается въ коммиссію для составленія проекта новаго Уложенія, причемъ съ 1766 г. впервые является должность предводителя дворянства, баллотируемаго въ должность дворянами каждаго уѣзда. Тѣмъ и другимъ актомъ уже частію собирается разрозненное дворянство. Въ Наказѣ дворянскимъ депутатамъ и въ преніяхъ коммиссіи довольно настойчиво высказываются дворянствомъ мысли какъ о необходимости его сплоченія, такъ и о предоставленіи ему права сословнаго самоуправленія. Екатерина II, въ своихъ реформахъ мѣстнаго управленія, нетолько принимаетъ эти мысли, но ставитъ вопросъ даже шире, чѣмъ мечтало само дворянство, давая ему нетолько сословное корпоративное самоуправленіе, но и вообще правящую роль въ дѣлѣ провинціальнаго управленія. Жалованною Грамотой 1785 года дворянство каждой губерніи окончательно признано мѣстнымъ обществомъ, юридическимъ лицомъ (ст. 37). Въ качествѣ такового, дворянство губерніи получаетъ право собраній, выбора должностныхъ лицъ, составленія добровольными „складками“ капиталовъ, право покупки домовъ, земель и т. д., заведенія дворянскихъ опекъ, училищъ

и т. д.; право представленія ходатайствъ своихъ генералъ-губернатору и даже право представленія о своихъ нуждахъ, черезъ своихъ депутатовъ, непосредственно государю. Какъ юридическое лицо, дворянское общество губерніи, — только такое общество и знало законодательство, такъ какъ не давало дворянству обще-имперской организаціи, — имѣетъ право иска передъ судомъ, свою печать и т. д. Органами дворянства служатъ собранія дворянъ — губернскія и уѣздныя. Собранія подраздѣляются на обыкновенныя и чрезвычайныя. Обыкновенныя собранія созываются, какъ для обсужденія дѣлъ, касающихся дворянства вообще, такъ и въ частности для выбора лицъ въ тѣ должности, которыя должны были замѣщаться исключительно дворянами. Жалованная грамота знаетъ такія дворянскія должности: губернскаго и уѣзднаго предводителя дворянства, секретаря дворянства, десять засѣдателей верхняго земскаго суда и двухъ засѣдателей такъ назыв. „совѣстнаго суда“, уѣзднаго судью и засѣдателя, земскаго исправника и засѣдателя нижняго земскаго суда, т. е. иначе говоря, Жалованная грамота предоставляетъ дворянству, кромѣ выбора представителей своей корпораціи, право замѣщенія судебно-административныхъ должностей дворянами губерніи. Къ преимуществамъ дворянскихъ собраній, по Жалованной грамотѣ, надо отнести то, что собраніе дворянства „не могло быть потребовано въ судъ, не могло подлежать стражѣ“ (ст. 56—57); что оно могло исключить изъ среды своей дворянина, какъ опороченнаго судомъ, такъ и такого, котораго „явный и безчестный порокъ всѣмъ извѣстенъ“ (ст. 65) и т. д.

Кромѣ указанныхъ собраній дворянство губерніи получило еще 2 сословныхъ учрежденія: дворянскую опеку и депутатское собраніе — первое для попеченія о сиротахъ и вдовахъ, второе для веденія дворянскихъ родословныхъ книгъ (куда заносились

дворяне губерніи) и для разбора правъ на дворянство. Книги эти, по Жалов. гр., дѣлились на 6 родовъ по способу пріобрѣтенія дворянства, а именно, въ I-ю книгу заносилось дворянство жалованное (noblesse par lettres), во II-ю пріобрѣтенное военными чинами (noblesse d'épée); въ III-ю — гражданскими (nobl. de robe); въ IV-ю — дворянство иностранное; въ V-ю — титулованное и, наконецъ, въ VI-ю — „древніе благородные роды, доказательства дворянскаго достоинства которыхъ восходятъ за 100 лѣтъ, а благородное начало покрыто неизвѣстностью". Юридическое значеніе всѣхъ этихъ разрядовъ было, конечно, одинаково, но общественное весьма различно. Изученіе этихъ книгъ живо возсоздаетъ передъ нами долгую исторію борьбы разнородныхъ началъ, игравшихъ ту или иную роль въ созиданіи нашего дворянства, да и теперь еще не угасшихъ.

§ 2.

Среднее городское сословіе.

(Понятіе города и горожанина при Петрѣ В. Мѣры, принимавшіяся имъ къ обособленію городскаго населенія отъ сельскаго. Дѣленіе „регулярныхъ гражданъ" на гильдіи и цехи при Петрѣ В. Жалованная грамота городамъ 21 апрѣля 1785 г. и ея постановленія о городскихъ обывателяхъ.)

Какъ извѣстно, еще въ XVII вѣкѣ принимаются мѣры къ обособленію тяглаго городскаго населенія отъ такового-же населенія сельскаго или волостнаго. Въ XVIII вѣкѣ продолжается таже работа двумя путями: во 1-хъ горожанамъ дается особое, отличное отъ сельскаго, сословное управленіе, что достигается учрежденіемъ въ 1679 г. такъ наз. Бурмистерскихъ Палатъ, а затѣмъ въ особенности Магистратовъ. Во 2-хъ создается понятіе „города", какъ юридическаго

лица (чего не было на Москвѣ) и понятіе „горожанина“ какъ члена городскаго сословія, которое отлично отъ другихъ сословій по своимъ правамъ и обязанностямъ [1]). Изъ общаго смысла петровскихъ узаконеній надо вывести, что городъ есть юридическое цѣлое, владѣющее, какъ таковое, извѣстными правами по имуществу и объединенное въ одномъ общемъ управленіи („Магистратъ, яко начальство города“ говоритъ регламентъ Гл. Магистрату); горожаниномъ-же былъ не всякій живущій въ городѣ человѣкъ, а только занимающійся здѣсь торговлею, промыслами и ремеслами. Ни духовенство, ни шляхетство, ни иностранцы не входятъ въ „гражданство“ (т. е. въ составъ собственно-горожанъ), какъ не входили они, впрочемъ, и въ число городскихъ посадскихъ людей на Москвѣ. Все населеніе города, по Регламенту Главному Магистрату, раздѣлялось на 2 группы — регулярныхъ и нерегулярныхъ гражданъ: первые входили въ составъ городскаго общества, были собственно-горожанами, вторые — лишь жили въ городѣ, но не были къ нему приписаны.

Продолжая по отношенію къ торгово-промышленному населенію городовъ прежнюю политику обособленія его отъ населенія сельскаго, Петръ В. принимаетъ энергическія мѣры нетолько къ тому, чтобъ сказанное населеніе не содержало въ себѣ элементовъ не несущихъ тягла, но и къ тому, чтобъ несущіе уже его — не выходили изъ него самовольно. Такъ въ Регламентѣ Гл. Магистрату отъ 16 янв. 1721 г. говорится: „понеже Его И. В. . . . повелѣлъ дабы всероссійское купечество, яко разсыпанную храмину, паки собирать, того ради въ Главномъ Маги-

1) Литература вопроса: Пригара „Опытъ историческаго изслѣдованія состоянія городскихъ обывателей“ и пр. (С.-П., 1866); И. И. Дитятинъ „Устройство и управленіе городовъ въ Россіи“ (С.-П., 1875 г.); его-же „Статьи по исторіи русскаго права“ (С.-П., 1896 г.).

стратѣ прилагать свое стараніе, дабы всѣхъ тѣхъ купеческихъ и ремесленныхъ людей, которые, не похотя съ посадскими служить и подати платить, вышли изъ слободъ какими-нибудь образы и подлоги въ разные чины и въ крестьянство и въ закладчики и якобы за долги отданы, изъ тѣхъ мѣстъ собрать и набирать въ тѣжъ слободы въ тягло, изъ которыхъ они отбыли, по прежнему, кромѣ тѣхъ, которые обрѣтаются дѣйствительно въ Его Ц. Величества въ военной и гражданской службахъ безподложно". Эта политика закрѣпощенія сидѣвшихъ уже на тяглѣ, съ одной стороны, — удержанія ново-пришельцевъ въ тяглѣ, съ другой, хотя и была направлена „къ охраненію государственныхъ интересовъ и повидимому — интересовъ городскаго торговопромышленнаго населенія",— какъ справедливо замѣчено И. И. Дитятинымъ, однако, „въ сущности тормозила развитіе этого населенія, а вмѣстѣ и развитіе городовъ", такъ какъ она задерживала „всякое развитіе торговли и промысловъ, ставя со всѣхъ сторонъ преграды занятію тѣмъ и другимъ". Едва ли, впрочемъ, вина въ этой политикѣ падаетъ на одного Петра В., — въ данномъ случаѣ имъ продолжался старый процессъ обособленія городскаго тяглаго населенія путемъ внѣшнихъ мѣръ, процессъ. казавшійся пригоднымъ и при немъ потому, что работа закрѣпощенія сословій въ то или иное государственное тягло настоятельно подсказывалась тѣми громадными задачами, какія тогда проводились въ жизни законодателемъ. Петръ В., впрочемъ, не ограничивается только этими внѣшними мѣрами; наоборотъ, онъ мечтаетъ о внутреннемъ перерожденіи этого городскаго населенія — путемъ новой организаціи его силъ. Эта организація тоже мало удается ему — реформы въ данной области либо не успѣваютъ привиться, либо разбиваются о тогдашнюю суровую нашу дѣйствительность — экономическую бѣдность страны, ея земле-

дѣльческой характеръ, недававшій возможности городу развиваться и богатѣть такъ, какъ онъ богатѣлъ на З. Европы и какъ хотѣлъ бы Петръ В., переносившій къ намъ съ этою цѣлію западные гильдіи и цехи и пр. Но во всякомъ случаѣ мѣры его въ данной области заслуживаютъ вниманія.

При Петрѣ вводится, какъ сказано, понятіе „регулярныхъ гражданъ“, или собственно-горожанъ. Эти „регулярные граждане“ по Регламенту Глав. Магистрата (гл. VII), составляющіе собою горожанъ въ собственномъ смыслѣ (въ отличіе отъ „нерегулярныхъ“ или всѣхъ жителей города вообще), дѣлятся на 2 гильдіи и цехи. Именно, названный Регламентъ говоритъ, что къ 1-ой гильдіи относятся: „банкиры, знатные купцы, которые имѣютъ отъѣзжіе большіе торги и которые разными товарами въ рядахъ торгуютъ, городскіе доктора, аптекари, лѣкари, шиперы (шкиперы) купеческихъ кораблей, золотари, серебренники, иконники, живописцы“. Что касается второй гильдіи, то въ нее входятъ всѣ тѣ, „которые мелочными товарами и харчевыми всякими припасы торгуютъ, такъ же рукомесленные (ремесленники), рѣщики, токари, столяры, портные, сапожники и симъ подобные“. Такимъ образомъ если исключить немногочисленный еще тогда классъ лицъ свободныхъ профессій, то обѣ гильдіи обнимаютъ представителей всего торговаго и ремесленнаго населенія городовъ. Но ремесленники, входя въ составъ 2-ой гильдіи, образуютъ еще особыя корпораціи — цехи. Именно таже VII гл. Регламента гласитъ, что — „каждое художество и ремесло свои особливыя цунфты (цехи), или собранія ремесленныхъ людей, и надъ оными алдермановъ (или старшинъ) по величеству города и по числу художниковъ (т.-е. ремесленниковъ) имѣетъ“. Эти совѣты старшинъ цеховъ и гильдій должны были управлять дѣлами ихъ корпораціи и вступать въ сношенія какъ съ Магистратами, такъ и Коммерцъ-коллегіею. Такъ въ Регламентѣ Коммерцъ-Коллегіи 1719 г. 3 марта

было постановлено, что „можетъ сія Коллегія временемъ, когда оная за потребно обрящетъ, съ знатнѣйшими и искуснѣйшими купцами въ нѣкоторыхъ до купечества касающихся дѣлахъ разговаривать и оныхъ для того къ себѣ призывать“... Такимъ образомъ, выборное самоуправленіе съ одной стороны, совѣщательный голосъ въ дѣлахъ касающихся до купечества въ правительственныхъ учрежденіяхъ, съ другой — вотъ основаніе этой организаціи. Регламентъ К.-Коллегіи (ст. 23), а затѣмъ и Главному Магистрату (гл. II, XI и др.) настаиваютъ на томъ, чтобы эти учрежденія заботились о всемъ томъ, что „купечество вспоспѣшествовать и въ доброе состояніе привести можетъ“, „въ лучшее состояніе привести“ можетъ и т. д. Потому ли, однако, что Петръ В., по выраженію А. Д. Градовскаго, разсматривая торговый классъ, какъ средство для достиженія фискальныхъ цѣлей, продолжалъ смотрѣть на городскихъ обывателей, какъ на тяглое сословіе (Нач. р. г. пр. I, стр. 236), потому ли (какъ намъ это кажется), что личныя и экономическія силы этого купечества были такъ слабы, что за удовлетвореніемъ обязательныхъ требованій фиска, у сословія мало оставалось ихъ для работы на себя, но, несомнѣнно, что стремленія Петра В. къ поднятію значенія купечества не приводили къ осязательнымъ результатамъ; послѣ него, — покрайней мѣрѣ, до временъ Екатерины II — „собранная храмина снова разсыпается“, какъ вѣрно замѣчаетъ И. И. Дитятинъ. Интересно, однако, замѣтить, что время Петра В. въ умахъ русскаго купечества осталось временемъ хорошихъ воспоминаній, къ которому его представители и рекомендовали вернуться Екатеринѣ II. Къ этому замѣчанію насъ приводятъ мнѣнія высказанныя депутатами отъ купечества въ знаменитой коммиссіи 1767 г. Таково мнѣніе депутата рыбинскаго купечества Попова, подписанное 69 лицами, въ которомъ Поповъ, жалуясь на „бѣдное состояніе купечества“ въ его время и желая

„избавленія отъ стыда передъ счастливыми европейскими купцами“, прямо указываетъ на петровское законодательство о купечествѣ, какъ на желательное для послѣдняго — „вмѣсто того“, говорится въ этомъ „мнѣніи“, — „чтобы въ силу указовъ императора Петра В. утвердить за купечествомъ ихъ права и вольности, а другимъ всякаго званія людямъ строжайше запретить вести торговлю, черезъ что натурально купечество могло бы достичь большаго благосостоянія, помянутые господа депутаты (коммиссіи), напротивъ предлагаютъ, ко вреду купечества, чтобъ какъ благородному дворянству, такъ и крестьянамъ предоставлено было пользоваться купеческимъ правомъ (торговли) наряду съ купцами“. Что мысль Попова не была выраженіемъ желаній небольшаго числа лицъ, а, наоборотъ, была общею мыслію всего купечества — это видно изъ тщательнаго разбора городскихъ наказовъ, сдѣланнаго В. Н. Латкинымъ [1]). Интересно также, что, подобно Петру В., наказы хотятъ вести борьбу съ бѣгствомъ купцовъ изъ городовъ, боясь, чтобы благодаря этому не увеличивалось податное бремя для оставшихся. Все это, на нашъ взглядъ, показываетъ, что взгляды Петра В. на значеніе и роль сословія были жизненны и оставили по себѣ, если не на практикѣ, то въ умахъ купечества, самое благопріятное впечатлѣніе. Сколько бы эгоизма ни сказывалось въ этой защитѣ при Екатеринѣ II купечествомъ той своей особности, которою была создана еще при Петрѣ В., но разъ идеалъ законодательства казался данному классу общества находящимся не впереди, а позади, это законодательство нельзя считать только личнымъ взглядомъ реформатора. Екатерина II, впрочемъ, во многомъ продолжаетъ старое, идя по пути Петра В., который настойчиво ей указывался выборными ея комиссіи.

1) „Законодательныя комиссіи въ Россіи въ XVIII в.“ (Спб., 1887), стр. 432 сл.

Перейдемъ теперь къ цехамъ. Кратко характеризуя организацію послѣднихъ, надо сказать слѣдующее. Какъ гильдіи, такъ и цехи перенесены къ намъ съ Запада, при чемъ послѣдніе на мѣстѣ, въ моментъ перенесенія ихъ къ намъ, давно уже пережили самихъ себя, обратившись въ замкнутое цѣлое, монопольно владѣющее тѣмъ или инымъ ремесломъ. Города, правительства, публицисты З. Европы говорятъ ужъ съ XVI в. о ихъ уничтоженіи и вотъ — „въ то время, когда въ Россіи заботятся о введеніи цеховой организаціи ремеслъ съ цѣлію ихъ развитія и поощренія, въ Европѣ эту организацію“, какъ доказываетъ И. И. Дитятинъ, „почти вездѣ преслѣдуютъ, какъ тормазъ этого развитія, какъ остатокъ феодальнаго строя“. У насъ, по западному образцу, каждое ремесло образовывало особый цехъ, состоявшій изъ мастеровъ и подмастерьевъ съ учениками. Во главѣ цеха стоятъ альдерманы (старшины), избираемые изъ мастеровъ. Альдерманы не только завѣдывали дѣлами цеховъ, но и раскладывали на нихъ государственные подати и повинности, занимаясь въ то же время и ихъ сборомъ. Основная мысль цеховаго устройства состояла въ томъ, что каждое извѣстное мастерство должно быть дѣломъ только извѣстнаго цеха (о цехахъ упоминается еще въ Регламентѣ Главному Магистрату, но подробное объясненіе цеховаго устройства находимъ въ указѣ 27 авг. 1722 г.). Поэтому каждый прежде, чѣмъ сдѣлаться мастеромъ и продавать свои издѣлія долженъ былъ нѣсколько лѣтъ учиться, подвергаться экзаменамъ и только по окончаніи ихъ получалъ званіе мастера и особую печать, которую онъ выставлялъ на своихъ работахъ и пр. Впрочемъ, право принужденія на вступленіе въ цехъ для занимающагося извѣстнымъ ремесломъ не было у насъ такъ абсолютно понимаемо, какъ это было на Западѣ. Указъ 1722 г. дозволялъ, напр., заниматься ремесломъ и не вступая въ цехъ, но „не для продажи“. Но

несмотря на это и другія смягченія, цехи у насъ мало послужили къ тому, для чего вводились Петромъ В. — именно къ развитію ремесленной промышленности; наоборотъ, они тормозили ее, какъ это доказывается И. И. Дитятинымъ, хотя и тормозили менѣе, чѣмъ было на Западѣ, въ виду того, что Петръ В. не перенесъ къ намъ цѣликомъ всѣхъ стѣснительныхъ постановленій европейскихъ цеховъ. Интересно замѣтить, что указъ о цехахъ 1722 г., какъ и многіе другіе указы Петра В., вводившіе что-либо новое, назначаетъ строгія наказанія за неисполненіе цеховыхъ правилъ. Между послѣдними особенно важную роль играло требованіе закона о томъ, чтобъ каждый мастеръ на своемъ произведеніи ставилъ „свое пятно“ т. е. извѣстный знакъ, обозначающій, что данное произведеніе вышло изъ рукъ такого-то мастера. Затѣмъ это произведеніе представлялось старшинѣ цеха, который въ свою очередь „пятналъ своимъ пятномъ“ вещь „добраго мастерства“ или приказывалъ передѣлывать вещь худую. Безъ „пятна“ вещи не должны были поступать въ продажу; иначе и мастеръ и старшина подвергались строгому наказанію [1]).

Замѣтимъ въ заключеніе, что вопросъ о цеховой организаціи занималъ XVIII в. и послѣ Петра В., ему — какъ это указывается В. Н. Латкинымъ въ его кн. „Законодательныя коммиссіи XVIII в.“, — придавала большое значеніе Елизаветинская законодательная коммиссія, онъ интересовалъ депутатовъ Екатериненской коммиссіи. Характерно, что въ этихъ коммиссіяхъ слышались голоса не противъ цеховъ, а лишь противъ той свободы

---

1) „А съ тѣхъ, кто безъ пятна дерзнетъ продавать, имать штрафы за 1 разъ противъ заработанныхъ вдвое, за второй разъ вчетверо, а 3-й — учиня наказаніе (тѣлесное) отъ того мастерства отставить. Буде же кто изъ старшинъ котораго цеха что заклеймитъ негодное ... на такомъ старшинѣ имать за 1-е преступленіе штрафа противъ мастерскаго второго штрафа втрое, а за 2-ое, по разсмотрѣнію вины, чинить жестокое наказаніе и ссылать на галеру“...

вступленія, или невступленія въ цехи, которая допускалась указомъ 1722 г.[1]), а также противъ предоставленія надзора за мастерами и ихъ произведеніями выборнымъ старшинамъ. Этотъ надзоръ, какъ видно изъ жалобъ депутатскихъ наказовъ, не приводилъ къ тѣмъ цѣлямъ, которыхъ стремился достигнуть Петръ В. И вотъ раздаются голоса за подчиненіе ремесленниковъ наблюденію Магистратовъ, при чемъ общимъ требованіемъ выставляется, чтобъ ремесленникамъ „не записавшись въ цехъ, никакого рукодѣлія не производить“ (ib., стр. 446 сл.). Эти факты заставляютъ насъ придти къ выводу, что нестолько цеховое устройство, введенное Петромъ В., само по себѣ было непригодно для нашего ремесленнаго класса, сколько мало нашли для себя удобной почвы у насъ тѣ начала, какія имъ развивались въ постановленіяхъ о цехахъ.

Время отъ кончины Петра В. до Екатерины II было переходнымъ въ исторіи городовъ и ихъ населенія. Минуя его, перейдемъ къ законодательству Екатерины II, имѣвшему весьма важное значеніе. Екатерина II, подъ вліяніемъ западно-европейскихъ ученій, придавала громадное значеніе какъ городамъ, такъ и тому „среднему роду людей, отъ котораго государство“, какъ она говорила, „много добра ожидаетъ“, подразумѣвая подъ этимъ „среднимъ родомъ людей“ — горожанъ. Давъ 21 апрѣля 1785 г. Жалованную грамоту дворянству, она въ тотъ-же день дала „Жалованную грамоту на права и выгоды городамъ Россійской имперіи“, имѣвшую, въ цѣломъ, значеніе дѣйствующаго законодательства до новаго Городоваго положенія 1870 г. Какъ и по петровскимъ узаконеніямъ, въ Жалованной грамотѣ городамъ различаются городскіе обыватели въ узкомъ, спеціальномъ смыслѣ этого слова отъ го-

1) „Въ цехи писать ремесленныхъ всякихъ художествъ и гражданскихъ жителей... которые похотятъ вѣчно или временно, а въ неволю не принуждать“...

родскихъ жителей въ широкомъ смыслѣ слова. Подъ послѣдними разумѣются всѣ живущіе въ извѣстномъ городѣ („нерегулярные гражане“ Петра В.), подъ первыми — торговопромышленный классъ („регулярные граждане“ Петра В.). Такъ, по грамотѣ, „городскихъ обывателей средняго рода людей, или мѣщанъ, названіе есть слѣдствіе трудолюбія или добронравія, чѣмъ и пріобрѣли (они) отличное состояніе“ (т. е. вслѣдствіе чего они и составляютъ особое, отличное отъ другихъ, сословіе). Наказъ Екатерины II говоритъ о среднемъ родѣ людей“ (т. е. о среднемъ сословіи — tiers-état) такъ: „къ сему роду людей причесть должно всѣхъ тѣхъ, кои, не бывъ дворянином, ни хлѣбопашцемъ, упражняются въ художествахъ, наукахъ, мореплаваніи, торговлѣ и ремеслахъ“. Такъ какъ подобное среднее сословіе нужно было у насъ еще образовать, ввиду того обстоятельства, что, въ дѣйствительности, для него имѣлись, почти исключительно, только 2 послѣдніе элемента — торговцы и ремесленники — то de facto они то и составили главнымъ образомъ группу городскихъ обывателей, или регулярныхъ гражданъ, этотъ „средній родъ людей“ по терминологіи Екатерининской Жалованной грамоты. Екатерина II считала, что „противно существу самодержавнаго правленія“ дозволять дворянамъ торговлю въ городахъ и эта торговля должна была быть удѣломъ указаннаго „средняго рода людей“.

По Жалованной грамотѣ городамъ, всѣ жители должны были быть внесены въ такъ наз. „обывательскую книгу“, будучи подраздѣлены на шесть классовъ. Первый классъ горожанъ въ собственномъ смыслѣ этого слова составляютъ „настоящіе городскіе обыватели“, которые „суть тѣ, кои въ томъ городѣ домъ, или иное строеніе, или мѣсто, или землю имѣютъ“. Второй классъ составляютъ купцы трехъ гильдій (при Екатеринѣ II къ двумъ петровскимъ гильдіямъ прибавилась еще третья), при чемъ къ первой

гильдіи относятся купцы, владѣющіе капиталомъ отъ 10 до 50 тысячъ рублей, ко второй отъ 5 до 10 тысячъ и къ 3-ей отъ 1 до 5 тысячъ рублей. Третій классъ „городскихъ обывателей“ образуютъ ремесленники, записанные въ цехи; четвертый — „иностранные и иногородніе гости“, т. е. лица, приписавшіеся къ городскому обществу для торговли и промысловъ; пятый — именитые граждане [1]), шестой — посадскіе, т. е. всѣ, невнесенные въ другіе классы „обывательной книги“, которые „промысломъ, рукодѣліемъ или работою кормятся въ томъ городѣ“. Вспослѣдствіи изъ нихъ образовалось теперешнее мѣщанское сословіе, которое не надо смѣшивать съ мѣщанами Жалованной Грамоты 1785 г. „Мѣщане“ грамоты это — вообще всѣ „городскіе обыватели“ (отъ слова „мѣсто“, что означаетъ и доселѣ во многихъ славянскихъ языкахъ „городъ“, какъ торгово-промышленный центръ). Всѣ эти шесть классовъ составляютъ, по грамотѣ, отдѣльное городское общество, владѣющее особыми правами и преимуществами и пользующееся правомъ представительства въ обще-городскихъ учрежденіяхъ. Законодательница весьма заботилась о томъ, чтобъ придать каждой группы особыя, отличающія ее отъ другихъ, преимущества, что выражалось даже во внѣшнихъ привилегіяхъ, въ родѣ дозволенія только именитымъ гражданамъ ѣздить четвернею, тогда какъ купецъ 3-ой гильдіи могъ ѣздить лишь на одной лошади. По грамотѣ, купцы всѣхъ 3-хъ гильдій, кромѣ преимуществъ по веденію торговли, избавлялись отъ подушной подати, а купцы первыхъ 2-хъ гильдій, равно какъ и именитые граждане, отъ тѣлеснаго наказанія. Цеховые и посадскіе, наоборотъ, платили подушную подать,

1) „Именитые граждане“, въ свою очередь, подраздѣляются на 7 группъ, а именно сюда входятъ лица, служившія по выборамъ, получившія высшее образованіе, художники и артисты, лица, владѣющія капиталомъ выше 50-ти тысячъ, банкиры, оптовые торговцы лица владѣющія кораблями и пр.

ставили изъ своей среды рекрутъ, несли разныя натуральныя повинности, при чемъ цеховые имѣли исключительное право на открытіе ремесленныхъ заведеній, а посадскіе могли вести мелкіе промыслы и торговлю. Благодаря несенію подушной подати, а также и разныхъ повинностей, посадскіе, за которыми уже въ XIX вѣкѣ утвердилось наименованіе мѣщанъ, рѣзко выдѣлились отъ „гильдейскихъ людей“, или купцовъ, и получили наименованіе податного городского класса.

Всѣ лица городского сословія обязаны были всегда быть приписаны къ городу, въ которомъ имѣли мѣсто своего постояннаго жительства.

§ 3.

Сельское населеніе.

(Общій характеръ законодательства Петра В. по отношенію къ сельскому населенію. Мѣры Петра В., касавшіяся злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ и улучшавшія положеніе крѣпостныхъ крестьянъ; судьба этихъ мѣръ въ послѣдующія царствованія „Плакатъ“ 26 іюня 1724 г. и его значеніе въ исторіи крѣпостныхъ крестьянъ. Указы Петра В. о ревизіи и подушной подати; указъ 19 января 1723 г. и его значеніе въ исторіи нашего холопства. Крѣпостное право послѣ Петра В. Пожалованія населенныхъ имѣній въ XVIII вѣкѣ. Вопросъ объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ въ первую половину XVIII вѣка. Значеніе царствованія Екатерины II въ вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ. Вопросъ объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ въ царствованіе Александра I и Николая I. Паденіе крѣпостнаго права.)

Обращаясь къ обзору законодательственныхъ мѣръ Петра В. по отношенію къ сельскому населенію, нельзя не замѣтить, что, въ общемъ, за исключеніемъ вопроса о подушной подати, эти мѣры вовсе не отличаются тѣмъ реформаторски-смѣлымъ характеромъ, черты коего отмѣчались частію нами при изученіи учрежденій. Преобразовательное движеніе, конечно, такъ или иначе задѣвало массу сельскаго населенія, но эта масса не была предметомъ, надъ которымъ прямо и усиленно

работала мысль законодателя. Поэтому указы, относящіеся къ этому населенію, носятъ мало новыхъ оригинальныхъ чертъ и, въ общемъ, либо стремятся (и то довольно робко) пресѣчь особенно яркія злоупотребленія помѣщиками своимъ правомъ, либо продолжаютъ, хотя и болѣе энергично, чѣмъ прежде, старый процессъ закрѣпощенія въ государственное тягло, по возможности, всѣхъ элементовъ сельскаго населенія. Въ результатѣ послѣдняго процесса получается введеніе во многія прежде чисто-частноправовыя отношенія началъ права государственнаго — чего нельзя не признать извѣстнаго рода прогрессомъ для рѣшенія вопроса въ будущемъ [1]). Но, первоначально, для данной эпохи, эти государственныя начала означаютъ лишь количественное и качественное усиліе крѣпостнаго права. Остановимся сначала на тѣхъ немногихъ мѣрахъ Петра В., которыя касались злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ. Изъ этихъ мѣръ нестолько, впрочемъ, по практическимъ своимъ послѣдствіямъ, сколько по мысли въ немъ выраженной, особенно бросается въ глаза знаменитый именной указъ Сенату отъ 15 апр. 1721 г.[2]) о непродажѣ крѣпостныхъ „врознь“ и безъ земли. Такая продажа была весьма распространена и до Петра В.[3]) и при Петрѣ В. и, разумѣется, ея пресѣ-

1) Литература вопроса указана выше, стр. 312 пр.; см. также В. И. Семевскаго, „Крестьяне при Екатеринѣ II“; его-же „Крестьянскій вопросъ въ Россіи“ въ XVIII вѣкѣ и во 1-ой половинѣ XIX вѣка (С.-П., 1888 г.); И. И. Иванюкова „Паденіе крѣпостнаго права“ (С.-П., 1882 г.).

2) „Обычай былъ въ Россіи, который и нынѣ есть, что крестьянъ и дѣловыхъ и дворовыхъ людей мелкое шляхетство продаетъ врознь, кто похочетъ купить, какъ скотовъ, чего во всемъ свѣтѣ не водится, а наипаче отъ семей: отъ отца или отъ матери дочь или сына помѣщикъ продаетъ, отъ чего немалый вопль бываетъ: и Его Ц. В. указалъ оную продажу людямъ пресѣчь; а ежели невозможно того будетъ пресѣчь, то бы хотя по нуждѣ продавали цѣлыми фамиліями или семьями, а не порознь, и о томъ при сочиненіи нынѣшняго Уложенія изъяснить, какъ Высоправительствующіе Господа сенаторы заблагоразсудятъ“.

3) И. Д. Бѣляевъ „Крестьяне на Руси“ М. 1760, стр. 182;

ченіе, — если-бы Петръ В., вопреки своему обыкновенію, не ограничился здѣсь однимъ лишь благопожеланіемъ, а самъ бы принялъ какія либо энергичныя мѣры, — привело бы къ весьма благодѣтельнымъ послѣдствіямъ; но этихъ мѣръ не послѣдовало и, наоборотъ, указъ этотъ на практикѣ былъ совершенно парализованъ другими мѣрами Петра. Такъ, напримѣръ, извѣстному Болтину, историку XVIII вѣка, казалось даже, что первый поводъ къ продажѣ крестьянъ безъ земли и въ одиночку данъ былъ указомъ Петра Великаго о наборѣ рекрутъ съ числа дворовъ: „наборомъ этимъ указана была", говоритъ онъ, „помѣщикамъ возможность отдѣлять крестьянъ отъ земли и отъ семействъ"... „Указъ, сравнивавшій помѣстья съ вотчинами, и послѣдовавшая затѣмъ подушная перепись утвердили владѣльческое притязаніе". Однако, крестьяне уже со 2-й половинѣ XVII в., такъ или иначе, но постоянно отдѣлялись отъ земли и продавались въ розницу, почему было бы невѣрно считать Петра В. первымъ лицомъ, подавшимъ своими указами о замѣнѣ рекрутъ наемными людьми поводъ къ такой продажѣ. Несомнѣнно лишь то, что Петръ В., какъ замѣчено проф. Р.-Славатинскимъ, „возставая противъ этого обычая, самъ содѣйствовалъ его развитію". А именно указы отъ 17 дек. 1717 г. и отъ 29 окт. 1720 г.[1]) вызвали усиленную торговлю людьми, торговлю принявшую впослѣдствіи, при Елизаветѣ и Екатеринѣ II,

---

К. П. Побѣдоносцевъ „Истор. изслѣдованія и статьи" (Спб., 1876), гдѣ помѣщены, между прочимъ, „историч. очерки крѣпостнаго права Россіи", стр. 59 сл.

1) 1-й указъ (П. С. З., № 3135) говоритъ, что дозволяется „въ рекруты нанимать всѣмъ повольно съ такимъ подкрѣпленіемъ, чтобъ былъ (нанятый) не бѣглый солдатъ и не воръ"; второй (VI, № 3661) — гласитъ въ объясненіе перваго, что тоже самое дозволяется „Сибирской губ. рекрутамъ, которые взяты и впредь взяты будутъ изъ служилыхъ всякихъ чиновъ людей и ихъ дѣтей, кромѣ шляхетства... въ солдатскую службу и станутъ бить челомъ, чтобъ вмѣсто ихъ въ солдатскую службу принять купленныхъ людей и наемщиковъ".

самый безцеремонный и отвратительный характеръ[1]). Если указы Петра Вел., дозволявшіе „покупать вмѣсто себя людей въ рекруты“, повели впослѣдствіи къ громаднымъ злоупотребленіямъ и усиленной торговлѣ крестьянами въ розницу, (хотя конечно, Петръ Вел. не хотѣлъ этого), то указы, коими представлялось дворовымъ людямъ по своей волѣ, даже безъ дозволенія помѣщика, идти въ военную службу, должны разсматриваться, какъ весьма благопріятные для крестьянъ въ томъ смыслѣ, что они представляли имъ нѣкоторый выходъ изъ своего положенія.

Укажемъ теперь на нѣкоторые указы Петра В., имѣвшіе ввиду ограничить злоупотребленія надъ личностью и имуществомъ крестьянина. Это стремленіе выразилось во 1-хъ въ требованіи установленія надъ такими помѣщиками опекъ. Именно, въ инструкціи воеводамъ отъ января 1719 года, Петръ В. предписываетъ наблюдать за „безпутными, мотами и раззорителями“ крестьянъ, доносить о нихъ Сенату (который и постановлялъ о взятіи такихъ помѣщиковъ до исправленія „подъ началъ“), а имѣніе ихъ — отдавать наслѣдникамъ. Однако, на практикѣ это постановленіе имѣло мало примѣненія и Екатерина II въ Наказѣ свидѣтельствуетъ слѣдующее: „Петръ Вел. узаконилъ . . ., чтобъ безумные и подданныхъ своихъ мучащіе (т. е. помѣщики) были подъ смотрѣніемъ опекуновъ. По первой статьѣ указа чинится исполненіе, а послѣдняя для чего безъ дѣйства осталася — неизвѣстно“. Впрочемъ, и сама Екатерина II не издала никакого спеціальнаго закона объ опекахъ надъ подобными помѣщиками, если не считать общаго требованія отъ генералъ-губернаторовъ — пресѣкать всякаго рода злоупотребленія въ ввѣренной ему области. Кромѣ этого общаго постановленія Петра объ опекахъ, кото-

1) Факты, подтверждающіе сказанное см. у В. И. Семевскаго „Крестьяне при Екатеринѣ II“ (Спб., 1881, т. I., стр. 143 сл.).

рое, если бы оно выполнялось на практикѣ, могло принести немало пользы, надо отмѣтить нѣсколько частныхъ, относящихся къ тѣмъ или инымъ вопросамъ крѣпостнаго права.

Извѣстно, какой произволъ допускался помѣщиками по вопросу о бракѣ ихъ крестьянъ. Для XVII в. еще Котошихинъ свидѣтельствовалъ, что „бояре дворовыхъ дѣвокъ... временемъ бываетъ выдаютъ (замужъ) черезъ неволю“. По обычаю существовавшему въ XVII в. и перешедшему въ XVII в., крестьяне считаютъ себя обязанными испрашивать согласіе помѣщиковъ на бракъ ихъ дѣтей даже съ крестьянами того же помѣщика. Въ XVIII в. являются, однако, постановленія, въ которыхъ видно стремленіе запретить помѣщикамъ, по крайней мѣрѣ, принуждать своихъ людей къ браку или выбирать жениху невѣсту (и обратно) насильно. Такъ, напримѣръ, въ 1722 г. 12 апр. къ дѣламъ Св. Синода причислены и дѣла о бракахъ въ рабахъ по принужденію господъ, безъ произволенія сочетанныхъ; такъ, далѣе въ 1724 г. 5 янв. — когда было запрещено родителямъ принуждать дѣтей своихъ къ браку, — постановлено было требовать и отъ господъ не „неволить своихъ рабовъ“ (такое постановленіе, впрочемъ, было сдѣлано еще на Соборѣ 1667 года, когда было предоставлено крестьянамъ жаловаться на „насилія“ господъ). Но всѣ эти постановленія имѣли очень мало значенія на практикѣ и даже новая исторія наша знала нетолько, подобно XVII вѣку, примѣры насильственныхъ браковъ крѣпостныхъ крестьянъ, по волѣ помѣщиковъ, — по ихъ соображеніямъ личнымъ, хозяйственнымъ и даже просто по капризу, — но даже примѣры полнаго запрещенія браковъ (особенно между дворовыми). Во всякомъ случаѣ эти постановленія петровскаго времени заслуживаютъ вниманія потому, что идутъ противъ важнѣйшаго злоупотребленія помѣщиковъ крѣпостнымъ правомъ. Если вопросъ о бракахъ крестьянъ одного и того же помѣщика

до Петра В. вовсе не останавливалъ вниманія законодателя, какъ почти все, что касалось взаимныхъ отношеній помѣщика къ его крѣпостнымъ, то случай брака помѣщичьихъ крестьянъ съ посторонними людьми обращалъ на себя вниманіе еще въ XVII (см. выше, стр. 343). Въ XVIII вѣкѣ уже петровское правительство находитъ нужнымъ хотя нѣсколько вмѣшаться въ дѣло. Именно, въ 1724 году Петръ В. въ своемъ „плакатѣ“ требуетъ, чтобы въ случаѣ выхода крестьянки за солдата, помѣщикъ не удерживалъ бы ее отъ такого брака, если только женихъ „заплатитъ выводъ противъ того, какъ и съ другихъ обыкновенно (т. е. есть обыкновеніе) въ тѣхъ мѣстахъ брать“. (П. С. З. VII, № 4533, гл. „О полковникѣ съ офицеры“, п. 5). На практикѣ этотъ законъ, если и прилагался, — то только въ буквальномъ смыслѣ (для солдатъ), — не распространяясь, кажется, на другіе случаи[1]). Позднѣе этотъ законъ отмѣняется даже для солдатъ, которые должны были брать невѣстъ съ „отпускными“ помѣщиковъ (1754 г.).

Извѣстно еще нѣсколько указовъ Петра В., касавшихся крѣпостнаго крестьянства и улучшавшихъ его положеніе. — Таковы, напр., указы, требовавшіе обязательно отъ помѣщика прокормленія ихъ крестьянъ, что, впрочемъ, по существу, не было новостью (Соб. Ул., XX, 41) Петръ В. весьма строго, какъ извѣстно, преслѣдовалъ нищенство, угрожая наказаніями нетолько просящимъ милостыню, но и подающимъ ее (ук. 25 февр. 1718; ук. 20 іюня того же года). Помѣщики, чтобъ крестьяне ихъ „бродя по улицамъ и по рядамъ милостыни не просили“, должны были сами сбирать „на тѣхъ бѣдныхъ на хлѣбъ и на одежду съ обывателей... селъ и деревень“ своихъ,

1) В. И. Семевскій (ib., стр. 271) сомнѣвается, чтобъ законъ 1724 г. примѣнялся къ бракамъ крестьянъ: „мы, по крайней мѣрѣ, не нашли на это никакого указанія“ — говоритъ указанный авторъ въ заключеніе.

а затѣмъ „за то прокормленіе... заставили бы ихъ, что потребно, себѣ работать, дабы они не даромъ хлѣбъ ѣли“. Таковъ далѣе указъ отмѣнявшій правежъ (ук. 12 Д. 1720 г.); [1]) ук. 28 мая 1714 г. запрещавшій отдавать кого-либо „въ заживъ и въ крестьянство“ за долги [2]). Если первый указъ, идя противъ изстариннаго обычая помѣщиковъ ставить за себя „на правежъ“, за всякаго рода долги, ничѣмъ неповинныхъ крестьянъ своихъ, собственно говоря, нестолько думалъ о крестьянахъ, сколько объ обезпеченіи взысканій (о правежѣ въ XVII в. у Ѳ. М. Дмитріева — ib, стр. 429 сл.), то во второмъ — цѣлью закона, какъ уже замѣтилъ К. П. Побѣдоносцевъ, было „предупредить притворныя сдѣлки, посредствомъ которыхъ человѣкъ изъ тягла государева переходилъ въ тягло къ частному владѣльцу“ (ib. 169 стр.). Вообще всѣ эти, какъ и другіе указы Петра, относящіеся до крѣпостныхъ крестьянъ (о нихъ — ib. стр. 116 сл.; И. Д. Бѣляевъ — „Крестьяне на Руси“, стр. 251 сл.), вполнѣ, на нашъ взглядъ, оправдываютъ мнѣніе К. П. Побѣдоносцева, который, не становясь на сторону ни хулителей, ни панегиристовъ Петра В. по данному вопросу, справедливо говоритъ въ заключеніе слѣдующее: „обозрѣвъ главнѣйшія постановленія Петра, имѣющія отношеніе къ крѣпостному праву, мы не можемъ согласиться съ тѣми, которые видятъ въ нихъ какое-то сочувствіе къ свободѣ земледѣльче-

1) П. С. З., т. VI, № 3785: „которые должны кому, а имѣютъ чѣмъ заплатить, чтобъ ихъ людей не держать, ни на правежѣ не бить, но изъ пожитковъ его или деревень платить.“ Подъ этимъ именно годомъ въ П. С. Зак. является указъ объ отмѣнѣ правежа. К. П. Побѣдоносцевъ, въ указанномъ выше трудѣ своемъ, приводитъ, однако, указъ объ этой отмѣнѣ относящійся еще къ 1711 г. и найденный имъ подъ однимъ судянымъ дѣломъ 1719 г. въ выпискѣ (ib., стр. 169, прим. 1). Правежъ — битье палками по пяткамъ.

2) ib. V, № 2812: „а которые хотя и въ прямыхъ искахъ кому отдаваны въ заживъ и на тѣхъ (помѣщикахъ) деньги править изъ ихъ имѣнія и отдавать тѣмъ ихъ заимодавцамъ... а впредь въ заживъ никакихъ чиновъ людей не отдавать и въ крестьянство не писать и никакими вымыслы не крѣпить“...

ского сословія, какіе-то зачатки будущаго освобожденія крестьянъ, но по долгу правды исторической не рѣшимся поставить въ вину Петру В. и то, что онъ оставался равнодушнымъ къ началу крѣпостнаго права, посреди коего родился, былъ воспитанъ и долженъ былъ дѣйствовать — то, что онъ употреблялъ его, какъ орудіе государственнаго управленія“ (ib. стр. 175). Всѣ мѣры Петра В. по отношенію къ крѣпостнымъ проникнуты прежде всего началами государственной пользы: въ этомъ своемъ качествѣ, онѣ могли улучшать или ухудшать de jure или de facto положеніе крестьянъ, но это положеніе само по себѣ едвали принималось во вниманіе законодательствомъ Петра В. о крестьянахъ . . . Кромѣ вышеуказанныхъ мѣръ, съ этой точки зрѣнія заслуживаютъ вниманія еще нѣкоторыя. Таковы во 1-хъ мѣры по вопросу о торговлѣ крестьянъ. Петру В., какъ извѣстно, принадлежитъ немало заслугъ по развитію у насъ фабрично-заводскаго производства, по усиленію торговли и промысловъ. Оставляя въ сторонѣ рядъ мѣръ, предпринимавшихся имъ для того и другого [1]), нельзя не остановиться здѣсь на тѣхъ, которыя касались крестьянскаго населенія. Торговля и промыслы въ городахъ, заводы и фабрики въ уѣздахъ нуждались въ рабочихъ рукахъ. Если для обезпеченія послѣднихъ создается особый видъ зависимыхъ крестьянъ, крѣпкихъ фабрикамъ и заводамъ [2]), а именно т. н. „поссес-

1) О нихъ — ст. И. Соколовскаго: „Къ вопросу о состояніи промышленности въ Россіи въ XVII и первой половинѣ XVIII в. — „Ученыя записки Казанскаго универ.“ 1890, № 3.

2) Указъ 1721 г. 18 ян. ясно выражаетъ это начало крѣпости заводамъ и фабрикамъ, купленныхъ ихъ владѣльцами крестьянъ: . . . „позволяется симъ нашимъ указомъ, для размноженія такихъ заводовъ, какъ шляхетству, такъ и купецкимъ людямъ, къ тѣмъ заводамъ деревни покупать невозбранно, съ позволенія Бергъ и Мануфактуръ-Коллегіи, токмо подъ такою кондиціею, дабы тѣ деревни всегда были уже при тѣхъ заводахъ неотлучно. И для того, какъ шляхетству, такъ и купечеству тѣхъ деревень особо безъ заводовъ отнюдь никому не про-

сіонныхъ крестьянъ“ (о нихъ подробный очеркъ въ ук. с. В. И. Семевскаго, стр. 393 сл.), то для увеличенія торговопромышленнаго сословія городовъ притягивается сельское населеніе. Это послѣднее стремленіе, кажется, и объясняетъ основную цѣль петровскихъ указовъ о правахъ на торговлю крѣпостныхъ крестьянъ. „Для пополненія купечества“, говоритъ И. И. Дитятинъ, „правительство нетолько свободно комбинируетъ населеніе посадскихъ общинъ одного или нѣсколькихъ городовъ между собою, но оно сажаетъ на посадѣ съ этою цѣлью бѣломѣсцевъ, крестьянъ, нѣкоторыхъ служилыхъ людей, занимающихся промыслами, запрещая имъ, въ случаѣ нежеланія записаться на посадѣ, заниматься впредь торговлею и вообще всякаго рода промыслами, и возвращая крестьянъ „жить за помѣщики“ Остановимся на этихъ указахъ относительно торговли помѣщичьихъ крестьянъ. Если до 1714 г. указы требуютъ отъ этихъ крестьянъ записи въ тягло въ слободы съ выходомъ изъ крестьянства, то съ этого года идутъ указы, позволяющіе крестьянамъ, оставаясь за помѣщиками, заниматься торговлею. Такъ указъ отъ 4 февр. 1714 г. гласитъ, что „бѣломѣсцамъ . . ., дворцовымъ . . .; также патріаршимъ и архіерейскимъ и монастырскимъ и помѣщиковымъ и вотчинниковымъ крестьянамъ, которые на Москвѣ торгуютъ всякими товары въ лавкахъ, платить съ тѣхъ своихъ торговъ десятую деньгу и подати съ посадскими людьми въ рядѣ . . ., быть имъ . . . за помѣщики во крестьянствѣ по прежнимъ крѣпостямъ и всякіе помѣщиковы доходы платить въ равенствѣ съ своею братіею, крестьяне“; указъ 27 сент. 1722 г., какъ-бы предвидя возможность удержанія помѣщиками крестьянъ путемъ назначенія съ нихъ, за отпускъ въ

давать и не закладывать и никакими вымыслы ни за кѣмъ не крѣпить и на выкупъ такихъ деревень никому не отдавать, развѣ кто хочетъ для необходимыхъ своихъ нуждъ тѣ деревни съ тѣми заводы продать“ . . . (П. С. З., VI, № 3711).

торговлю, громадныхъ оброковъ, требуетъ, чтобъ помѣщики не брали съ нихъ оброковъ выше той мѣры, въ какой онъ взимался вообще съ ихъ крестьянъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что эти, какъ и другіе указы Петра В. обезпечивали за крестьянами право торговли и неразлучное съ этимъ право какъ недвижимой собственности на заводы, лавки и т. д., такъ и движимую собственность, право на вступленіе въ договоры и всякаго рода другія гражданскія сдѣлки, пользованіе коими необходимо вытекало изъ ихъ положенія, какъ торговцевъ и промышленниковъ. Помѣщики по отношенію къ этимъ крестьянамъ имѣли лишь право на положеніе оброка. Едва ли, однако, всѣ эти мѣры вызывались прямо заботами о крестьянахъ, какъ таковыхъ, скорѣе онѣ диктовались соображеніями о развитіи торговли и промысловъ въ городахъ . . . Далѣе. Какъ извѣстно еще въ XVII в., распоряжаясь по своему усмотрѣнію трудомъ крестьянина, помѣщикъ имѣлъ полную возможность пріурочить этотъ трудъ нетолько къ любому занятію, но и къ любой мѣстности, пользуясь для этого, между прочимъ, переселеніями крестьянъ [1]). Въ петровскихъ узаконеніяхъ, нестолько въ интересахъ крестьянъ, по неволѣ бросавшихъ свои насиженныя мѣста, сколько въ интересахъ исправнаго поступленія подушной подати, было постановлено „плакатомъ“ 26 іюня 1724 года не переводить крестьянъ безъ дозволенія Камеръ-Коллегіи, которая брала съ помѣщика, при разрѣшеніи переселенія, подписку въ уплатѣ слѣдуемой съ переселяемыхъ подати [2]). Но это правило плохо выполнялось помѣ-

1) Въ XVII в., впрочемъ, было одно ограниченіе, на практикѣ невсегда соблюдавшееся — именно С. Уложеніе запрещало переводъ крестьянъ съ помѣстій въ вотчины и дозволяло лишь переводъ изъ помѣстья въ помѣстье крестьянъ (XVI, 7), но въ XVIII в. это ограниченіе изчезаетъ вмѣстѣ съ слитіемъ воедино когда-то столь различныхъ понятій „вотчина“ и „помѣстье“.

2) П. С. З., VII, № 4533, п. 17 гл. I „О полковникѣ съ офицеры“ — „ежели помѣщикъ пожелаетъ людей своихъ и крестьянъ перевесть

щиками, несмотря на строгіе подтвердительные указы (1732—33 гг.); при Екатеринѣ II переселенія были облегчены и помѣщики обязывались лишь подавать о нихъ заявленіе въ земскій судъ, не ожидая отъ него дозволенія.

Если указанныя мѣры косвенно улучшали положеніе крѣпостныхъ, то съ другой стороны, несомнѣнно, были мѣры, которыя, преслѣдуя государственныя цѣли, могли ухудшать положеніе крестьянъ, но онѣ предпринимались законодателемъ, во имя этихъ цѣлей, безъ всякаго колебанія. Такъ, энергично продолжая еще старую борьбу съ бѣглыми всякаго рода, Петръ В. полагаетъ указаннымъ выше „плакатомъ“ 1724 года [1]) общее основаніе паспортной системѣ, дѣйствовавшей съ этого времени среди крестьянскаго населенія и очень дурно повліявшей на его положеніе. Именно, плакатъ 1724 года, предписывая полковникамъ войскъ, расположенныхъ на постой въ данной мѣстности наблюдать, чтобы въ селеніяхъ нигдѣ не при-

---

въ другое мѣсто, то просить ему въ Камеръ-Коллегіи о указѣ и въ томъ у челобитчиковъ брать сказки, чтобъ подушныя деньги платить имъ въ указные сроки безъ доимки при тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ подушный написаны, а безъ того не переводить“ ... Это постановленіе, несомнѣнно, могло хоть нѣсколько остановить произвольныя переселенія крестьянъ, такъ какъ не всякому хотѣлось платить за это штрафъ Камеръ-Коллегіи, но, конечно, цѣль его была чисто фискальная.

1) Ibidem, п 12: „съ отпусками (отъ помѣщиковъ или въ небытность“ послѣднихъ — „за руками прикащиковъ ихъ и приходскаго священника)“ въ другіе уѣзды и болѣе 30 верстъ отъ двора не ходить и никому ихъ въ работу не принимать; а кто приметъ ... тотъ равно какъ за бѣглаго штрафованъ будетъ“, пун. 13: „съ такихъ пропускными письмами“, которые даны помѣщикомъ для отправленія въ другой уѣздъ, надлежитъ крестьянину „прежде явиться въ уѣздѣ своемъ земскому коммиссару, который долженъ то письмо, записавъ у себя впредь для вѣдома въ книгу, оставить у себя, а отпущенному для работы дать пропускное письмо отъ себя за рукою своею, а за рукою же и за печатью полковника, котораго полкъ въ томъ уѣздѣ имѣетъ вѣчную квартиру ... а отъ письма и отъ записки такихъ писемъ ... за бумагу и за печать позволяется брать по 2 копѣйки съ каждаго пропускнаго письма, а больше того отнюдь не требовать и больше же 2-хъ дней подъ жестокимъ наказаніемъ крестьянъ не задерживать“.

нимались и не жили бѣглые, въ то же время вмѣняетъ въ обязанность помѣщикамъ отпускать своихъ крестьянъ изъ деревень не иначе, какъ съ особымъ видомъ (или паспортомъ), причемъ, если крестьянинъ отлучался больше 30-ти верстъ отъ деревни, то для него мало было дозволенія помѣщика, такъ какъ требовалось, чтобы видъ былъ подписанъ земскимъ коммиссаромъ и мѣстнымъ полковникомъ. Самого крестьянина, рѣшившагося отлучиться безъ письменнаго вида, ждали разныя тяжелыя мѣры взысканія со стороны помѣщика и правительства (ib. п. 9 и 10). Неудивительно, что всѣ эти мѣры на практикѣ весьма стѣсняли свободу передвиженія крестьянъ. Нельзя далѣе не отмѣтить слѣдующаго относительно подушной подати. По указу 5 февраля 1722 г. [1]), помѣщики были сдѣланы отвѣтственными за точное выполненіе крестьянами подушной подати; по регламенту Камеръ-Коллегіи и самыя „подушныя“ должны были вноситься въ казну помѣщиками или ихъ прикащиками. Такимъ образомъ, если, съ одной стороны, подушная подать вновь поставила крестьянина лицомъ къ лицу съ государствомъ, такъ какъ эта подать была государственнымъ тягломъ, благодаря которому государство знало теперь крестьянина, то съ другой — принципъ отвѣтственности помѣщика за взносъ этой подати крестьяниномъ, какъ-бы оправдывалъ юридически имущественную зависимость крестьянина отъ помѣщика. Какъ извѣстно, ни въ XVII в.,

---

1) Ук. 5 ф. 1722 г., п. 8: „дворянамъ объявить, чтобъ платили со всякой души мужскаго пола крестьянъ и дворовыхъ и дѣловыхъ и всякаго званія людей, какіе у кого въ деревняхъ обрѣтаются... по 8 гривенъ съ персоны“ (VI, № 3901). Регл. Камеръ-Колл. 25 іюня 1731 г. п. 6 гласитъ: „подушныя деньги платить самимъ помѣщикамъ, а гдѣ самихъ помѣщиковъ нѣтъ — прикащикамъ и старостамъ... и для того... собирать тѣ деньги съ крестьянъ со временемъ заранѣе... А ежели который помѣщикъ... на срокъ не заплатитъ: то въ такія деревни для правежа тѣхъ денегъ... посылать экзекуцію и велѣть немедленно править на помѣщикахъ“... (VIII, № 5789).

ни въ XVIII в. законъ не опредѣлялъ точно взаимныхъ имущественныхъ отношеній крѣпостнаго и помѣщика. Если крестьяне de facto владѣли нетолько движимостями и недвижимостями, но даже пріобрѣтали на свои средства крѣпостныхъ (В. И. Семевскій, „Крестьяне“ и пр. стр. 290 сл.), то de jure эта крестьянская собственность была вполнѣ открыта для всякаго рода произвола помѣщика. Подушная подать давала опекѣ помѣщика надъ имуществомъ крестьянина какъ-бы нѣкоторое оправданіе, хотя помѣщики, обычно, нетолько не несли никакой отвѣтственности за невзносъ этой подати крестьянами (почему, между прочимъ, и накоплялись въ послѣдней большія недоимки), но и всегда собирали ее съ крестьянъ лишь сверхъ того оброка, который послѣдніе платили помѣщику. Какъ бы ни былъ тяжелъ оброкъ, онъ взыскивался прежде всего и иногда — во чтобы то ни стало, между тѣмъ какъ на сборъ подушной подати обращалось меньше вниманія, если въ дѣло не вмѣшивалась администрація. Тогда, конечно, взыскивались строго и подушныя деньги съ крестьянина, который отвѣчалъ и передъ государствомъ и передъ помѣщикомъ. Таково было значеніе подушной подати для крѣпостнаго крестьянства. Иначе отразилась она на судьбѣ холоповъ.

Какъ уже извѣстно, юридически до конца XVII в., холопъ отличался отъ крѣпостнаго крестьянина (см. выше, стр. 357 и сл.), но тѣ земледѣльческія работы, — которыя несли холопы, наравнѣ съ крѣпостными, въ имѣніяхъ помѣщиковъ, — подготовляли фактически сліяніе холопства съ крѣпостнымъ крестьянствомъ. Петровское законодательство довершило это сліяніе своими указами о подушной подати. Чтобъ понять, какъ это произошло, необходимо остановиться предварительно на вопросѣ о созданіи у насъ постоянной арміи.

Какъ извѣстно, съ Петра В., вмѣсто прежняго помѣщичьяго войска, — составлявшаго основное ядро

московской арміи во время походовъ и затѣмъ мирно расходившагося послѣ нихъ по домамъ, — создается постоянная регулярная армія, комплектуемая путемъ рекрутскихъ наборовъ[1]). Наряду съ шляхетствомъ, которые при Петрѣ В. обязано было нести личную и вѣчную военную службу, эту службу должны были нести также горожане и крестьяне по жребію, въ возрастѣ отъ 15—20 л. (иногда даже до 30-ти), съ извѣстнаго числа дворовъ. Созданіе такой постоянной арміи выдвинуло на разрѣшеніе два вопроса: во 1-хъ, вопросъ объ расквартированіи этой арміи и во 2-хъ, — объ ея содержаніи. Первый вопросъ представилась необходимость рѣшить, послѣ того, какъ окончилась долгая и трудная шведская война и армія могла думать о мирномъ отдыхѣ. По примѣру Швеціи, Петръ Великій задумалъ размѣстить эту армію по деревнямъ и селамъ, а для того чтобы сдѣлать эту натуральную постойную повинность равномѣрною для всего населенія, необходимо было прежде всего знать количество мужскаго населенія государства, чтобы затѣмъ имѣть возможность расписать полки между равнымъ числомъ лицъ. Поэтому первый указъ о ревизіи 26-го ноября 1718 года (V, № 3245) во 1-хъ, предписываетъ „взять сказки у всѣхъ (дать на годъ сроку) . . . сколько у кого въ которой деревнѣ душъ мужскаго пола“ и во 2-хъ расписать на сколько душъ (приходится) солдатъ рядовой съ долею на него роты и полковаго штаба, положа средній окладъ“. . . Не касаясь здѣсь спеціальнаго вопроса о расквартированіи подробно[2]), замѣтимъ лишь, что это размѣщеніе сол-

1) Подробно объ этой арміи, ея составѣ, организаціи и отношеніи къ разнымъ видамъ московскаго войска — см. въ с. П. О. Бобровскаго — „Военное право въ Россіи при Петрѣ В.“ ч. 2, в. 2. (Спб. 1886 г.); гл. II: „характеристика русскихъ войскъ въ XVI—XVII в.“; гл. III — „переходъ къ учрежденію регулярныхъ войскъ въ Россіи“ и пр.

2) О расквартированіи войскъ см. у Бобровскаго, ib., стр. 589 сл.

дать на обывательскихъ квартирахъ, въ количествѣ сообразномъ числу жителей тѣхъ или другихъ поселеній, хотя и имѣло въ виду сдѣлать эту постойную повинность уравнительною для всего крестьянскаго населенія, однако, въ дѣйствительности вызывало постоянныя жалобы со стороны жителей, въ домахъ которыхъ внезапно появлялись чужіе люди съ своими особыми вкусами и привычками, съ своими часто неумѣренными требованіями [1]), которыя вызывались отчасти ихъ личною невоздержанностью, а отчасти недостаточностью ихъ казеннаго содержанія. Правительство, впрочемъ, уже при введеніи этой постойной повинности понимало, какъ обременительно будетъ для населенія нести ее и потому пыталось склонять помѣщиковъ къ постройкѣ особыхъ полковыхъ слободъ, но помѣщики въ громадномъ большинствѣ случаевъ предпочитали размѣщать солдатъ среди крестьянъ. Въ концѣ царствованія Петра Великаго явилось въ плакатѣ 26 іюня 1724 года (П. С. З., т. VII, № 4533, п. 19 гл. „О полковникѣ“) постановленіе, уже обязательно требовавшее такихъ построекъ, но это создавало еще новую „великую тягость“ для крестьянъ, которые должны были заготовлять весь матеріалъ для построекъ, отрываться отъ своихъ сельскихъ работъ, почему указъ въ дѣйствительности мало примѣнялся и такія слободы почти нигдѣ не были устроены. Затѣмъ уже Екатерина I смягчаетъ обязательность петровскаго постановленія указомъ 1725 г. 12 февр. (ib., № 4654).

---

1) Записки современниковъ полны жалобами на военныхъ людей того времени. Посошковъ, напр., говоритъ такъ объ этой повинности: „при квартирахъ солдаты и драгуны такъ несмирно стоятъ, и обиды страшныя чинятъ, что и исчислить ихъ неможно; а гдѣ офицеры ихъ стоятъ, то и того горше чинятъ: дрова жгутъ нагло и того ради многіе и домамъ своимъ не рады, а въ обидахъ ихъ суда никакъ сыскать негдѣ“... (Сочиненія, изд. Погодина, М. 1824, стр. 33).

Обращаемся теперь къ подушной подати и ея вліянію на холопство.

Какъ уже было упомянуто выше, въ 1718 году 26 ноября явился знаменитый указъ, въ которомъ, во 1-хъ, предписывалось: сосчитать души мужскаго пола, а во 2-хъ, расписать, на сколько душъ солдатъ рядовой (приходится) съ долею на него роты и полковаго штаба, положа средній окладъ". Какъ указано В. О. Ключевскимъ, „по смыслу указа, этотъ средній окладъ выводился посредствомъ дѣленія стоимости содержанія солдата на число наличныхъ податныхъ душъ, какое придется на него по затребованнымъ сказкамъ". Когда, послѣ долгихъ опытовъ, въ маѣ 1724 г. (именно 19 мая ук. Сената, вслѣдствіи именного отъ 1 мая, VII, № 4503), податное населеніе было, наконецъ, совершенно сосчитано (его оказалось 5.409.930 душъ), можно было назначить и подушный окладъ жителей въ 74 к. (послѣ Петра В. понизившійся до 70 коп.[1]), причемъ, принявъ во вниманіе стоимость содержанія каждаго солдата, оказалось, что пѣшій солдатъ долженъ содержаться 35 1/2 душами, уплачивающими каждая по 74 к.; а конный — 50 1/4 душами, какъ вычислено тѣмъ-же авторомъ. При каждомъ полку, расположенномъ въ данной мѣстности, должны были состоять коммиссары: — земскій для сбора этой подушной подати и полковой — для ея принятія[2]);

1) Вслѣдствіе несовершенства способовъ исчисленія, утайки числа душъ помѣщиками и по другимъ причинамъ, счетъ населенія очень затруднялся на практикѣ, почему и происходило довольно значительное колебаніе въ итогахъ ревизіи. Это колебаніе вліяло въ свою очередь на сумму подушнаго оклада — въ 1721 г. онъ равнялся 95 к. на душу, въ 1722 г. — 80 к. съ 1725 г. — 70 коп. (ib.).

2) Объ этомъ еще указъ 1718 г. 26 нояб., говорилъ слѣдующее въ п. 3: „учинить на каждый полкъ 2 коммиссара — одного полковаго, другого отъ земли, котораго надлежитъ по вся годы выбирать дворянамъ, того уѣзда помѣщикамъ, и по окончаніи года считать (т. е. учитывать); и ежели въ чемъ неправду учинитъ, судить и доправливать имъ дѣла ихъ; тотъ земской долженъ на уреченные сроки сбирать съ крестьянъ деньги и отдавать полковому коммиссару при всѣхъ офицерахъ, обрѣтающихся при полку, и брать у нихъ отписки о томъ вѣдѣніе подавать въ Ревизіонъ-

составленіе списка податныхъ душъ было возложено на помѣщиковъ и вотчинниковъ, или ихъ прикащиковъ, причемъ за утайку душъ правительство грозило смертной казнью, съ конфискаціей утаеннаго въ пользу доносителей. Несмотря на это, дѣло шло въ началѣ очень медленно и такъ называемыя „сказки“ (списки) ревизскихъ душъ представлялись очень неисправно и съ большими утайками. Кромѣ злонамѣренности, послѣднее обстоятельство находило себѣ нѣкоторое объясненіе въ томъ, что первый указъ о ревизіи 1718 года говорилъ лишь о переписи крестьянъ, умалчивая о другихъ помѣщичьихъ людяхъ и тѣмъ какъ-бы давая поводъ, подъ видомъ послѣднихъ, утаивать и крестьянъ. Указомъ 22-го января 1719 года [1]) велѣно было класть въ подушный сборъ и холопей (задворныхъ людей), „которые имѣютъ свою пашню“, причемъ холопи безъ пашни еще не входили въ число податныхъ душъ; наконецъ, лишь 5 янв. 1720 г. [2]) предписано было, для избѣжанія утайки душъ (что́ было возможно по прежнимъ указамъ — стоило лишь крестьянина записать холопомъ и т. п.) заносить въ „сказки“, представляемыя помѣщиками, всѣхъ ихъ „подданныхъ

Коллегіумъ и въ Воинскую и Ландъ-Гевдингу (т. е. земскому головѣ, должность коего, по шведскому образцу, вводилась указомъ отъ 26 ноября 1718 г.). 4) Росписчикамъ, которые поѣдутъ расписывать полки по крестьянамъ, смотрѣть накрѣпко, правдою-ль тѣ росписки поданы... 5)... А буде кто, какъ переписчикъ такъ и офицеръ, сей своей должности и указу пренебрегутъ, казнены будутъ смертію“.

1) „На крестьянахъ всего государства брать во всѣхъ губерніяхъ сказки... сколько гдѣ въ которой волости, въ селѣ или деревни крестьянъ, бобылей задворныхъ и дѣловыхъ людей, которые имѣютъ свою пашню, по именамъ есть мужска пола всѣхъ“...

2) Именной указъ, данный Сенату гласилъ слѣдующее: „Понеже я слышу, что въ нынѣшнихъ переписяхъ пишутъ только однихъ крестьянъ, а людей дворовыхъ и прочихъ не пишутъ, въ чемъ можетъ быть такая утайка, какъ и въ дворахъ бывала (т. е. по отношенію къ дворовымъ). Того ради нынѣ подтвердите указомъ, чтобъ всѣхъ писали помѣщики своихъ подданныхъ, какого они званія ни есть, также и причетниковъ церковныхъ, кромѣ поповъ и дьяконовъ“...

— какого они званія ни есть". Колебанія практики заставили Петра В. 19 янв. 1723 г. категорически вновь предписать заносить въ сказки и облагать подушною податью рѣшительно всѣхъ лицъ мужскаго пола, будь то крестьяне, пашенные или непашенные холопи, дворовые, городскіе или сельскіе помѣщичьи люди [1]). Этотъ день 19 января былъ очень важнымъ днемъ въ исторіи нашего холопства, такъ какъ по указу 19 янв. 1723 г. нѣсколько сотъ тысячъ душъ мужскаго населенія выходило изъ своего безправнаго юридическаго положенія и приравнивалось къ крѣпостному крестьянству. Такимъ образомъ холопство, какъ самостоятельное юридическое явленіе, въ началѣ XVIII в. изчезаетъ, переходя въ крѣпостное состояніе, совершенно подобное крестьянскому.

Повліявъ благотворно, хотя и совершенно непреднамѣренно, на улучшеніе юридическаго положенія холопей, подушная подать, какъ финансовая мѣра, была встрѣчена очень несочувственно современниками уже при ея введеніи. Такъ еще Посошковъ говорилъ [2]), что „поборъ сей несостоятеленъ"; затѣмъ уже при Екатеринѣ I возникаетъ вопросъ объ ея отмѣнѣ, въ связи съ вопросомъ — „почему (т. е. съ чего) впредь съ крестьянъ и какимъ образомъ удобнѣе и сходнѣе съ пользою народною — съ

1) VII, № 4145 — Резолюція Петра В. на докладные пункты генералъ-майора Чернышева о переписи душъ — на пунктъ 2-й, гдѣ высказано мнѣніе, „что кромѣ шляхетства и отставныхъ съ пашпортами и кои Его И. В. жалованье получаютъ, людей всякаго званія, дѣйствительно служащихъ и подъ чьимъ бы именемъ гдѣ кто ни былъ, положить на деньги"... послѣдовала резолюція: „писать всѣхъ и служащихъ, какъ крестьянъ, и положить въ поборъ" (ср. также п. 3, 4 и сл.).

2) Посошковъ, ib, стр. 185: „а и во счисленіи душевномъ (т. е. душевомъ) не чаю-жъ я проку быть; понеже душа вещь неосязаемая и умомъ непостижимая и цѣны неимущая: надлежитъ цѣнить вещи грунтованныя"... Въ другомъ мѣстѣ онъ доказываетъ, что должно „со владѣнія (земли) имать платежъ", чтобы всѣ были „платежниками по количеству владѣнія своего", „съ цѣлаго крестьянскаго двора" (ib, стр. 206 сл.).

душъ ли, какъ нынѣ . . . или съ земли положить?“ Въ послѣдующія царствованія, постоянное накопленіе недоимокъ въ подушной подати, несмотря на всю строгость ея взысканій, (особенно, въ царствованіе Императрицы Анны), лучше всего свидѣтельствуетъ о ея тяжести. Причина этого лежала въ томъ во 1-хъ, что сама по себѣ семигривенная подать по тому времени была высока; во 2-хъ, что подать эта сопровождалась безпокойными и обременительными для народа объѣздами деревень, а затѣмъ и тяжелою переписью населенія; наконецъ, въ 3-хъ, всего болѣе въ томъ, что подушная подать, по своей сущности, являлась очень неуравнительною. Въ основаніе подати были положены двѣ величины: число душъ мужскаго населенія и стоимость содержанія полковъ по штату, причемъ подушный окладъ получался каждый разъ черезъ дѣленіе второй суммы на первую. Но чтобъ этотъ окладъ представлялъ собою для плательщика нѣчто реальное, требовалось, чтобы число платежныхъ душъ было выведено прежде всего не фиктивно, а дѣйствительно (иначе на душу пойдетъ больше налога, чѣмъ слѣдуетъ). Между тѣмъ во 1-хъ счетъ населенія при всѣхъ почти переписяхъ былъ очень невѣренъ; во 2-хъ онъ могъ весьма колебаться для отдѣльныхъ обществъ въ промежуткахъ между 2-мя ревизіями. Затѣмъ, конечно, чтобъ налогъ „на душу“ былъ уравнителенъ, требовалось, чтобъ сами платящія „души“ были равны между собою по возрасту, зажиточности, заработкамъ и т. п., чего, конечно, въ дѣйствительности не могло никогда быть. Неудивительно, что въ жизни такой налогъ оказался совершенно неуравнительнымъ и народу, до самаго послѣдняго времени, когда подушная подать была отмѣнена, приходилось напрягать много усилій мысли, чтобъ самому, исправляя ошибку законодателя, сдѣлать эту тяжелую для каждаго работника подать болѣе или менѣе равномѣрною.

Покончивъ съ холопствомъ, подушная подать косвенно содѣйствовала уничтоженію еще одного разряда населенія, именно такъ назыв. *людей вольныхъ или гулящихъ*. Эти люди на Москвѣ, подобно холопамъ, не несли никакихъ государственныхъ податей и повинностей и жили, обыкновенно, работая *за чужимъ тягломъ* или за чужимъ „*хребтомъ*“, какъ говорили прежде, откуда и само ихъ названіе „захребетники“ или „подсусѣдники“. Еще на Москвѣ правительство усиленно заботится объ уменьшеніи числа этихъ безпокойныхъ гулящихъ людей, бродившихъ повсюду въ государствѣ и легко возбуждавшихся всякими волненіями. Петръ В. поканчиваетъ съ этимъ разрядомъ, приказывая забирать вольныхъ людей въ солдаты, а при негодности — обязывая ихъ записываться въ подушный окладъ, либо за тѣми помѣщиками, на земляхъ коихъ ихъ застала перепись, либо за тѣми, кто соглашался ихъ записать за собою. Такимъ образомъ, вольные люди превращаются либо въ солдатъ, либо въ крѣпостныхъ поневолѣ, въ силу ихъ записи въ ревизскія сказки; уклоненіе отъ этой записи влечетъ ссылку на галеры. . . Такъ государственное тягло притягиваетъ теперь къ себѣ всѣхъ; никто, подъ страхомъ жестокихъ каръ, не долженъ отъ него уклоняться и, наоборотъ, всѣ должны принимать то или иное, смотря по своимъ силамъ, участіе въ громадной работѣ, начатой преобразователемъ . . .

Касаясь законодательства Петра В. о сельскомъ населеніи, мы частію отмѣчали уже судьбу важнѣйшихъ мѣропріятій Петра В. въ послѣдующія царствованія. Обратимся теперь къ общему очерку крѣпостнаго права послѣ Петра В. по вопросамъ, незатронутымъ петровскою реформою. Послѣ Петра В. крѣпостное право въ XVIII вѣкѣ усиливается во многихъ отношеніяхъ. Уже въ XVI—XVII вѣкахъ, какъ нами указывалось выше (стр. 344 сл.), на ухудшеніе положенія крестьянъ вліяло право помѣщика на ихъ наказаніе. Въ XVIII

вѣкѣ тѣлесное наказаніе является основою управленія крестьянами и переходитъ иногда всякія границы терпимаго. Нетолько розги и кнутъ, но и такъ наз. „кошки“, введенныя Петромъ В., а равно и пытки, начинаютъ входить въ употребленіе. Отсутствіе закона о мѣрѣ и способахъ наказанія крестьянъ приводитъ къ тому печальному положенію, что суды въ XVIII вѣкѣ затрудняются постановлять приговоры даже въ случаяхъ убійства помѣщиками крестьянъ своихъ. Лишь въ XIX вѣкѣ, по Уголовному Уложенію 1845 г., опредѣлены были мѣра наказаній и способъ ихъ. Такъ, тѣлесныя наказанія были ограничены 40 ударами розгами и 20-тью — палками, лишеніе свободы въ сельской помѣщичьей тюрьмѣ — двумя мѣсяцами, причемъ на большіе сроки дозволялось лишь отсылать виновнаго крестьянина въ смирительные дома или въ арестантскія роты, гдѣ онъ содержался до 6-ти мѣсяцевъ. Въ XVIII вѣкѣ одно, впрочемъ, наказаніе, а именно ссылка на поселеніе и въ которгу стало вызывать рано правительственныя распоряженія, что, конечно, объясняется общегосударственнымъ значеніемъ самого наказанія. Указомъ 13 декабря 1760 г. землевладѣльцамъ было дозволено отдавать крѣпостныхъ крестьянъ въ руки мѣстной администраціи, для ссылки ихъ за „дерзостные проступки въ Сибирь“. Цѣлью этого закона было способствовать колонизаціи Сибири, почему въ ссылку отправлялись только люди молодые и здоровые. При Екатеринѣ II это право помѣщиковъ было расширено, а именно указомъ 17 января 1765 г. имъ было предоставлено право ссылать крѣпостныхъ своихъ даже въ каторжныя работы, при чемъ колонизаціонныя цѣли этимъ закономъ уже не преслѣдовались, а имѣлось лишь ввиду поддержать власть помѣщиковъ надъ крестьянами. Впрочемъ, въ 1773 г. дѣйствіе этого закона было пріостановлено, такъ какъ помѣщики стали злоупотреблять своимъ правомъ ссылки, отправляя въ нее людей негодныхъ для военной службы и получая, въ

замѣнъ ихъ, рекрутскія квитанціи, что избавляло ихъ отъ поставки соотвѣтствующаго числа рекрутъ. Въ 1773 г. дѣйствіе указа было временно пріостановлено, но въ 1775 г. онъ былъ возстановленъ и примѣнялся до царствованія Александра I, когда въ 1807 г. была запрещена ссылка крестьянъ на каторгу, а въ 1811 г. — и на поселеніе. Если такимъ образомъ во 2-ой половинѣ XVIII вѣка было усилено право помѣщиковъ на наказаніе крестьянъ (путемъ ихъ ссылки въ Сибирь), при чемъ на практикѣ пресѣкались лишь злоупотребленія отдѣльныхъ лицъ, но не давалось общаго закона, который бы опредѣлялъ мѣру взысканій, падавшихъ на крѣпостныхъ, то также былъ весьма неблагопріятно поставленъ для крестьянъ вопросъ и о жалобахъ ихъ на помѣщиковъ. Мы уже указывали, что С. Уложеніе весьма сокращало случаи, когда такая жалоба считалась допустимой (стр. 345). Во второй половинѣ XVIII вѣка крестьянамъ было вообще запрещено жаловаться на помѣщиковъ и ни одинъ судъ не могъ принимать этихъ жалобъ; самый уже фактъ подачи жалобы вызывалъ наказаніе челобитчиковъ и. это продолжалось до времени царствованія Павла I и Александра I, когда вновь стали допускаться жалобы крестьянъ на помѣщиковъ.

Мы уже знаемъ, что еще въ Московскій періодъ было 2 рода крестьянъ, а именно крестьяне оброчные и крестьяне барщинные, при чемъ законъ не останавливался на опредѣленіи размѣровъ ихъ оброка или барщины. Почти до конца XVIII вѣка продолжалось это неопредѣленное положеніе крестьянъ, открывавшее возможность злоупотребленія со стороны тѣхъ помѣщиковъ, которые мало заботились объ экономическомъ благосостояніи своихъ крестьянъ. Только 5 апрѣля 1797 г. императоръ Павелъ I, подтверждая прежнее запрещеніе не принуждать крѣпостныхъ къ работѣ по воскреснымъ днямъ, установилъ, что крестьяне обязаны работать на помѣщика лишь 3 дня въ недѣлю и имѣютъ право остальные 3 дня недѣли употреблять на работы по своему

собственному хозяйству. Что касается размѣровъ оброка, то онъ устанавливался по обычаю до самаго конца крѣпостнаго права. Мало обращалъ вниманія законъ и на вопросъ о крестьянскомъ имуществѣ. „Крестьянинъ“, по выраженію историка XVIII вѣка Болтина, „имѣетъ свою собственность, не закономъ утвержденную, но всеобщимъ обычаемъ.“ И, дѣйствительно, у крѣпостныхъ было имущество какъ движимое, такъ и недвижимое, которымъ они нетолько пользовались, но и распоряжались фактически; имущество это, однако, считалось юридически собственностью помѣщиковъ и крестьяне не были ничѣмъ ограждены отъ ихъ притязаній до 1848 г., когда имъ было разрѣшено, съ согласія помѣщика, пріобрѣтать на свое имя какое угодно имущество.

Если недостаточно, по закону, были ограждены имущественныя права крѣпостныхъ, то тоже надо сказать и относительно ихъ личныхъ правъ: помѣщики постоянно заключали браки крестьянъ своихъ, не справляясь при этомъ съ ихъ желаніями. Хотя и существовалъ указъ 1724 г., подтверждавшійся и позднѣе (въ 1742 г., въ 1767 г.), по которому помѣщикамъ запрещалось вмѣшиваться въ браки своихъ крестьянъ, но на практикѣ этотъ указъ совсѣмъ не соблюдался и такъ продолжалось до отмѣны крѣпостнаго права. Крестьяне еще по С. Уложенію пользовались правомъ иска на судѣ и правомъ быть свидѣтелями, но практика XVIII вѣка и въ этомъ отношеніи вносила многія ограниченія, невыгодно отражавшіяся на крестьянахъ. По указу 1761 г. крестьяне могли обязываться, съ согласія помѣщика, заемными письмами, но не могли, однако, выдавать векселей. Занимаясь торговлею, они могли записываться въ гильдіи (по указу 1762 г.), лишь получивъ „отпускныя письма“ отъ своихъ помѣщиковъ. Въ общемъ, XVIII вѣкъ не принесъ облегченія крѣпостнымъ крестьянамъ и, наоборотъ, во многихъ отношеніяхъ ухудшилъ ихъ юридическое положеніе и, если смягченіе нравовъ, дѣлающееся все

болѣе и болѣе замѣтнымъ со второй половины XVIII вѣка, постепенно, хотя и медленно, дѣлало свое дѣло, внося фактически въ положеніе крестьянъ значительныя улучшенія, то законодательство во всякомъ случаѣ не шло здѣсьвсегда впереди.

Въ исторіи крѣпостнаго права XVIII вѣкъ представляется важнымъ еще въ томъ отношеніи, что въ это время замѣчается сильное увеличеніе числа крѣпостныхъ крестьянъ вслѣдствіе пожалованія населенныхъ имѣній частнымъ лицамъ, съ одной стороны, и вслѣдствіе обращенія прежнихъ холоповъ въ разрядъ крѣпостныхъ, о чемъ мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ подробно. Если при Петрѣ В. было роздано въ однихъ дворцовыхъ вотчинахъ болѣе 170 тысячъ крестьянъ, то въ послѣдующія царствованія раздача государственныхъ и дворцовыхъ крестьянъ еще болѣе усиливается, достигая своего крайняго развитія въ царствованіе Екатерины II-ой, когда, кромѣ означенныхъ видовъ крестьянъ, стали раздаваться имѣнія, населенныя такъ наз. „экономическими крестьянами“. По знаменитому указу 26 февраля 1764 г. всѣ вотчины духовенства и монастырей, съ ихъ многочисленнымъ населеніемъ, перешли къ государству и поступили въ завѣдываніе такъ наз. Коллегіи Экономіи“ (откуда и названіе крестьянъ, находившихся въ управленіи этой Коллегіи, „экономическими“); въ 1786 г. эта Коллегія была упразднена и экономическіе крестьяне слились съ государственными, а затѣмъ, наряду съ ними, поступали въ раздачу въ частныя руки. При Екатеринѣ II крѣпостное право было распространено на Малороссію, при чемъ въ это царствованіе было роздано имѣній съ населеніемъ болѣе чѣмъ въ 800 тысячъ душъ (часть имѣній, впрочемъ, была роздана во вновь присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ, гдѣ населеніе не было и раньше свободнымъ и только мѣняло однихъ владѣльцевъ на другихъ). При Павлѣ I крѣпостное право было распространено

на Донскую область, на Екатеринославскую, Таврическую и другія губерніи и при этомъ роздано въ теченіи 4-хъ лѣтъ болѣе 600 тысячъ душъ крестьянъ, половину коихъ составляли крестьяне дворцоваго вѣдомства. Только при императорѣ Александрѣ I прекращается съ 1801 г. раздача населенныхъ имѣній и тѣмъ полагается предѣлъ количественному росту крѣпостныхъ крестьянъ. Императоръ Александръ I, по его собственнымъ словамъ, „далъ обѣтъ не увеличивать числа этихъ несчастныхъ и принялъ за правило никому не давать въ собственность крестьянъ", что имъ и соблюдалось.

До сихъ поръ мы касались положенія крѣпостнаго крестьянства въ XVIII—XIX вв. по обычаю и закону, не затрогивая другого вопроса, поставленнаго еще въ XVIII вѣкѣ, а именно — вопроса объ освобожденіи крестьянъ. Переходя къ его изученію въ XVIII вѣкѣ и первой половинѣ XIX вѣка, замѣтимъ, что возникновеніе и развитіе вопроса объ освобожденіи постоянно шло рука объ руку съ вопросомъ объ улучшеніи быта крѣпостныхъ, который иногда ставился въ обществѣ и литературѣ гораздо шире, чѣмъ въ законодательствѣ (мѣры послѣдняго къ улучшенію быта крѣпостныхъ нами уже разсмотрѣны выше и мы ихъ теперь не касаемся). Какъ это само собою понятно, оба вопроса принципіально совершенно отличны другъ отъ друга, такъ какъ первый исходитъ изъ необходимости уничтоженія крѣпостнаго права, второй — изъ понятія о его незыблимости. На практикѣ, въ жизни, однако, эти вопросы развивались постоянно вмѣстѣ, такъ какъ очень часто случалось, что ярый аболиціонистъ, при встрѣчѣ съ суровыми условіями нашей дѣйствительности, мирился хотя-бы съ какими-либо измѣненіями къ лучшему крестьянскаго положенія, а суровый крѣпостникъ, убѣжденный въ необходимости существованія крѣпостнаго status quo и соглашающійся на нѣкоторыя улучшенія только

въ видахъ его лучшаго поддержанія, въ дѣйствительности часто работалъ въ цѣляхъ, хотя и медленнаго, но рѣшительнаго уничтоженія этого status quo. Теорія и практика, мысль и жизнь, постоянно сталкивались другъ съ другомъ въ разрѣшеніи этого тяжелаго наслѣдія исторіи, и относительная цѣнность этихъ двухъ силъ, въ отдѣльныя эпохи, подвигала то впередъ, то назадъ это разрѣшеніе. Такимъ образомъ оба вопроса постоянно идутъ въ жизни вмѣстѣ, почему мечтающій о разрѣшеніи одного, кончаетъ часто служеніемъ другому (и обратно) . . . Разсмотримъ и мы ихъ вмѣстѣ и притомъ, для ясности, въ порядкѣ хронологическомъ.

Есть извѣстіе, что мечта объ освобожденіи крестьянъ занимала еще въ XVII столѣтіи одного изъ лучшихъ и образованнѣйшихъ людей этого вѣка — извѣстнаго князя Вас. Вас. Голицына. По свидѣтельству иностранца Невилля, кн. Голицынъ, желая поставить Московскую Русь на одинъ уровень съ прочими европейскими государствами, хотѣлъ начать реформы „освобожденіемъ крестьянъ“ и предоставленіемъ имъ тѣхъ земель, которыя они обработываютъ, — съ пользою для царя — за ежегодный оброкъ“ . . . Мысль эта такъ и осталась, впрочемъ, только мыслію, въ великую честь вѣка и государственнаго мужа ее высказавшаго . . .

Обращаясь къ XVIII вѣку, мы видимъ, что на зарѣ его, та-же мысль высказывается вновь знаменитымъ крестьяниномъ Посошковымъ, который, какъ-бы проникая въ далекую глубь грядущаго времени, пророчески утверждалъ, что „крестьянамъ помѣщики не вѣковые (т. е. не вѣчные) владѣльцы: того ради они не весьма ихъ и берегутъ, а прямой ихъ владѣтель — всероссійскій самодержецъ, а они владѣютъ ими временно. И того ради не надлежитъ ихъ (крестьянъ) помѣщикамъ разорять, но надлежитъ ихъ царскимъ указомъ хра-

нить, чтобы крестьяне крестьянами были прямыми, а не нищими; понеже крестьянское богатство — богатство царственное“ . . . Высказавъ эту великую мысль о государственномъ значеніи крестьянства, какъ сословія, — мысль часто совершенно почти затериваемую XVIII-мъ вѣкомъ, — Посошковъ, какъ человѣкъ хорошо знавшій условія тогдашней дѣйствительности, не настаивалъ на немедленномъ освобожденіи крѣпостныхъ. Но онъ въ то-же время давалъ, однако, цѣлый планъ такихъ улучшеній ихъ быта, которыя, если-бы были предприняты тогда-же, оказали-бы большую пользу крестьянству (въ общемъ, впрочемъ, подобный планъ довольно часто впослѣдствіи рекомендовался лучшими людьми XVIII вѣка). Именно, Посошковъ предлагалъ, чтобы законъ точно опредѣлилъ размѣръ крестьянскимъ оброковъ и повинностей помѣщику, причемъ за основаніе платежей надо было принять, по Посошкову не душу — „предметъ цѣны неимущій“, „не ворота, не дымы избные“, но владѣніе земли и засѣвъ хлѣба на томъ владѣніи.“ Затѣмъ онъ предлагаетъ навсегда отдѣлить крестьянскую землю отъ помѣщичьей и думаетъ, что первую „за помѣщиками и и числить не надлежитъ“... Слѣдующія царствованія, до временъ Екатерины II, представляются совершенно малозначительными въ исторіи вопроса о крестьянахъ по полному почти отсутствію въ обществѣ интереса нетолько въ освобожденію, но даже и къ улучшенію быта крѣпостныхъ, такъ что мысли Посошкова остаются почти единственными, на которыхъ вполнѣ стóитъ обратить вниманіе въ I-ую половину вѣка. Если, впрочемъ, мы вспомнимъ изъ предыдущихъ очерковъ, какъ политическую исторію этой половины вѣка, такъ и обстоятельства, характеризующія положеніе дворянъ въ царствованіе Петра Вел., а затѣмъ — при воцареніи Импер. Анны и Елизаветы, — то намъ станетъ понятно, почему это время не ознаменовано

никакимъ движеніемъ во крестьянскому вопросу. Въ царствованіе Петра Вел. дворянство несло само столь тяжелую службу, что закрѣпощеніе крестьянъ помѣщиками, со всѣми его злоупотребленіями, начинавшими обозначаться въ это время, находило себѣ если не оправданіе, то нѣкоторое объясненіе. Обстоятельства воцаренія Императрицы Анны, а затѣмъ и ея царствованіе, ставили прежде всего предъ шляхетствомъ вопросъ о собственныхъ личныхъ интересахъ, подвергавшихся тогда немалой опасности. Неудивительно, что, какъ въ это царствованіе, такъ и въ слѣдующія, дворянство прежде всего хлопочетъ о собственномъ раскрѣпощеніи отъ обязательной службы, что́ и достигается имъ, наконецъ, въ царствованіе Петра III. Но эта „свобода", пріобрѣтенная при Петрѣ III и затѣмъ укрѣпленная и развитая многими привиллегіями — при Екатеринѣ II, естественно и неотразимо ставила на очередь и вопросъ о крестьянской „свободѣ и вольности" [1]). И, дѣйствительно, время Екатерины II обращаетъ на себя большое вниманіе нестолько законодательными мѣрами къ ограниченію крѣпостнаго права, (эти мѣры не особенно сесерьезны), сколько необычайнымъ интересомъ къ крестьянскому вопросу въ обществѣ и литературѣ, причемъ надо, по справедливости, отмѣтить, что немалый толчекъ къ возбужденію этого интереса былъ данъ самою Екатериною II, которая, какъ извѣстно, въ началѣ

1) Замѣчена какъ современниками, такъ и историками вопроса нѣкоторая связь между манифестомъ 18 февраля 1762 г. о вольности дворянства и крестьянскими волненіями противъ помѣщиковъ, усилившимися именно послѣ этого манифеста, когда въ народѣ ждали параллельныхъ мѣръ правительства и по отношенію къ крестьянству (за частными волненіями послѣдовалъ, какъ извѣстно, пугачевскій бунтъ). Послѣ усмиренія бунта, крестьяне затихли до конца царствованія Екатерины II. Но затѣмъ восшествія на престолъ Имп. Павла и Имп. Николая I, возбудивъ въ народѣ вновь надежды на освобожденіе, ведутъ также къ усиленнымъ волненіямъ крестьянъ.

своего царствованія, подъ неостывшими еще въ ней впечатлѣніями просвѣтительной философіи XVIII вѣка, относилась къ мысли о крестьянскомъ освобожденіи весьма сочувственно. Еще въ царствованіе Елизаветы, Екатерина II — тогда еще великая княгиня, — писала, что „противно христіанской вѣрѣ и справедливости дѣлать невольниками людей: „они рождаются свободными“ — и предлагала освобождать крестьянъ при переходѣ имѣнія отъ одного владѣльца къ другому. Въ началѣ царствованія она обратила вниманіе на печальное положеніе крѣпостныхъ въ Прибалтійскомъ краѣ; затѣмъ, принявшись за свой Наказъ, она предлагаетъ въ немъ рядъ мѣръ къ ограниченію злоупотребленій крѣпостнымъ правомъ: такъ въ напечатанной редакціи Наказа, предлагается опредѣлить закономъ размѣръ крестьянскихъ повинностей, признать право крестьянъ на собственность, предоставить имъ свободу заключенія браковъ. Новыя изслѣдованія вопроса (напр. В. И. Семевскаго, ibid.) даютъ намъ любопытныя свѣдѣнія о томъ, что Наказъ въ своей первоначальной ненапечатанной редакціи шелъ еще далѣе этихъ мѣръ и предлагалъ учрежденіе особыхъ сельскихъ судовъ для крестьянъ, опредѣленіе, по закону, размѣра выкупа крѣпостнаго на свободу (что на практикѣ вело, обыкновенно, къ большимъ злоупотребленіямъ); наконецъ, дарованіе свободы, по закону, семьѣ изнасилованной женщины и др. Уже этотъ одинъ фактъ о двухъ редакціяхъ Наказа ясно показываетъ, какъ колебалась теоретическая мысль императрицы при ея перенесеніи на практическую почву и какъ склонна она была къ уступкамъ въ своихъ освободительныхъ теоріяхъ подъ вліяніемъ какъ критики тогдашнихъ крѣпостниковъ (напр. Сумарокова, Бестужева-Рюмина и др.), такъ въ особенности подъ вліяніемъ разныхъ соображеній о неудобствѣ рѣшительныхъ мѣръ противъ крѣпостнаго права, ввиду громаднаго

большинства дворянства, имъ несочувствующаго. У Екатерины II, столь либеральной въ своихъ мысляхъ, въ жизни не доставало мужества стать на защиту, если не освобожденія крѣпостныхъ, то, по крайней мѣрѣ, серьезнаго улучшенія ихъ быта, несмотря на то, что среди окружающихъ ее были люди, сочувствующіе этому улучшенію (напр. гр. П. И. Панинъ, гр. Гр. Гр. Орловъ, гр. Я. Сиверсъ, гр. Р. Воронцовъ, кн. Дм. Голицынъ и др.), не говоря уже о такихъ писателяхъ-публицистахъ, какъ Полѣновъ, Радищевъ и др., — или такихъ депутатахъ коммиссіи 1767 года, какъ Коробьинъ, Козельскій и др. Это колебаніе и произвело то, что, возбудивъ въ обществѣ большое вниманіе къ положенію крестьянъ какъ своимъ Наказомъ, такъ и особенно знаменитою своею темою на сочиненіе по крестьянскому вопросу [1]), заданною ею Вольному Экономическому Обществу, Екатерина II, какъ законодательница, нетолько очень мало сдѣлала для крестьянства, но и ухудшила его положеніе, какъ строгимъ запрещеніемъ жалобъ на помѣщиковъ со стороны крестьянъ, такъ и дозволеніемъ въ 1765 году помѣщикамъ нетолько ссылать крѣпостныхъ на поселеніе за „продерзостное состояніе“ (какъ это было разрѣшено при Имп. Елизаветѣ), но даже и на каторгу (не говоримъ уже о неумѣренной раздачѣ казенныхъ крестьянъ въ частную собственность). Такимъ образомъ заслуга Екатерины въ крестьянскомъ вопросѣ именно состоитъ въ этомъ возбужденіи вниманія общества къ крѣпостному крестьянству. Посмотримъ теперь,

1) Въ 1766 году неизвѣстный авторъ, сначала неузнанный и скрывшій свое имя подъ иниціалами „И. Е.“, предложилъ обществу обсудить „въ чемъ состоитъ собственность земледѣльца, въ землѣ ли его, которую онъ обрабатывалъ, или въ движимости, и какое онъ право на то или другое для пользы международной имѣть можетъ“? Въ отвѣтъ на эту тему было подано 162 сочиненія на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, давшихъ большой толчекъ теоретическому обсужденію вопроса о крѣпостномъ правѣ (Подробный разборъ ихъ см. у В. И. Семевскаго „Крестьянскій вопросъ“ и пр., т. I, гл. V—VI).

что-же именно было высказано обществомъ по этому основному вопросу нашей исторіи, какъ въ литературѣ, такъ и въ засѣданіяхъ знаменитой Екатерининской коммиссіи. Намъ невозможно передать здѣсь, конечно, всего того богатаго матеріала, какимъ владѣетъ уже теперь по этому вопросу исторія права и потому остается только кратко резюмировать основныя требованія, исходившія изъ разныхъ общественныхъ круговъ.

Еще до подачи отвѣтовъ на вышеуказанную тему, Екатерина II слышала голоса о необходимости извѣстныхъ улучшеній въ положеніи крестьянъ. Такъ, князь Дм. Ал. Голицынъ предлагалъ учредить особые передвижные суды для принятія жалобъ крестьянъ на помѣщиковъ, а также признать право собственности крестьянъ на движимость (впослѣдствіи онъ-же высказался за личную безземельную свободу крестьянъ); извѣстный гр. П. И. Панинъ предлагалъ опредѣлить размѣръ крестьянскихъ повинностей. Не было недостатка и въ другихъ мѣрахъ улучшенія, хотя въ то же время слышались голоса и противъ всякаго ограниченія крѣпостнаго права. Но, какъ мы сказали, особенное возбужденіе получилъ вопросъ, когда въ 1767 и 1768 гг. стали появляться отвѣты на предложенную тему. Изъ русскихъ отвѣтовъ обращало на себя особенное вниманіе сочиненіе А. Я. Полѣнова, не допущенное, однако, коммиссіею В. Эк. Общества къ напечатанію, главнымъ образомъ потому, что оно содержало въ себѣ „многія, надъ мѣру сильныя и по здѣшнему состоянію неприличныя выраженія“, касавшіяся преимущественно критики существовавшихъ тогда отношеній между помѣщиками и крестьянами. Полѣновъ въ своемъ сочиненіи предлагалъ рядъ мѣръ къ улучшенію быта крестьянъ (предоставленіе земли въ наслѣдственное пользованіе, а движимости въ собственность; опредѣленіе повинностей; размѣра выкупа; запрещеніе продажи крестьянъ безъ земли и т. д.),

причемъ ставилъ, впрочемъ, эти мѣры болѣе въ зависимость отъ доброй воли помѣщиковъ, чѣмъ отъ требованій закона. Изъ сочиненій французскихъ авторовъ обращали на себя вниманіе — сочиненіе Беарде-де-Лабея, предлагавшаго даровать сначала крестьянамъ личную свободу и право на движимость, а затѣмъ дать имъ небольшое количество земли въ надѣлъ, и, особенно, Граслена, который считалъ крѣпостное состояніе извращеніемъ естественнаго порядка вещей и находилъ, что земля должна быть въ пользованіи того, кто ее обрабатываетъ. Вообще-же французскіе и нѣмецкіе писатели больше стояли за личное освобожденіе крестьянъ, причемъ думали, что и этому освобожденію должно предшествовать извѣстное образованіе народа, какъ подготовительная ступень къ освобожденію. Наряду съ этимъ теоретическимъ обсужденіемъ вопроса, въ засѣданіяхъ комиссіи депутатовъ, созванной для составленія новаго Уложенія, тотъ-же вопросъ былъ поставленъ практически, во время преній, извѣстнымъ депутатомъ Козловскаго дворянства Коробьинымъ. Послѣдній требовалъ опредѣленія по закону крестьянскихъ повинностей и признанія за ними права собственности на движимость. Какъ ни умѣрены были эти требованія, опредѣленіе коихъ по закону составляло истинную потребность XVIII вѣка, однако, они возбудили цѣлую бурю противъ Коробьина, со стороны дворянскихъ депутатовъ, какъ кн. Щербатовъ, Чаадаевъ, Лопухинъ и др. Послѣ цѣлаго мѣсяца преній, Б. Комиссія, непридя ни къ какому рѣшенію и даже не голосовавъ вопросъ, сдала его въ частную комиссію „о разборѣ родовъ государственныхъ жителей“, гдѣ между прочимъ обсуждался вопросъ о предоставленіи помѣщикамъ права освобожденія крестьянъ лично безъ земли. Но ни этотъ вопросъ, ни указанное предложеніе Коробьина, вовсе не нашли себѣ сочувствія дворянъ и потому остались безъ послѣдствій. Вообще

Большая Комиссія, какъ и ея отдѣлы, ревниво стали на защиту крѣпостнаго права и съ большой энергіею отражали всѣ проекты, какъ къ ограниченію его, такъ и къ распространенію на другіе классы права владѣнія крѣпостными (о чемъ просили депутаты отъ купцовъ, казаковъ и др.). Въ результатѣ возбужденіе вопроса о крѣпостномъ правѣ и въ В. Эк. Обществѣ и въ означенной Комиссіи не привело ни къ какимъ полезнымъ практически послѣдствіямъ. Но общественная мысль, однако, была возбуждена и отчасти подъ вліяніемъ этого возбужденія, отчасти, можетъ быть, подъ вліяніемъ пугачевщины, — когда вновь вопросъ о крѣпостномъ правѣ заставилъ задуматься о себѣ многихъ — продолжали появляться какъ сочиненія, обличавшія злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ, такъ и проекты, клонившіеся къ улучшенію крестьянскаго быта. Таковъ проектъ гр. Сиверса объ ограниченіи права помѣщиковъ на наказаніе крестьянъ, на вмѣшательство въ браки и т. п. Таковы статьи сатирическихъ журналовъ того времени, комедіи фонъ-Визина, Княжнина, самой Екатерины II. Изъ сочиненій по вопросу обращали на себя особенное вниманіе сочиненія Болтина (1788 г.) и Радищева (1790 г.). Первый, хотя и держался мнѣнія, что просвѣщеніе должно предшествовать освобожденію, но стоялъ за ограниченіе злоупотребленій помѣщиковъ и былъ противъ безземельнаго освобожденія крестьянъ. Второй, въ своемъ знаменитомъ „Путешествіи изъ Петербурга въ Москву“ рѣзко и сильно обличалъ всѣ отрицательныя стороны крѣпостнаго состоянія въ его время, требовалъ немедленныхъ улучшеній (запрещенія переводить крестьянъ въ дворовые, опредѣленія права крестьянской собственности, браковъ безъ согласія помѣщика и др.), которыя-бы должны были постепенно привести къ освобожденію крестьянъ и при томъ непремѣнно съ землею. Вообще Екатерининское царствованіе должно остаться памятнымъ въ исторіи вопроса указанною своею стороною.

Кратковременное царствованіе императора Павла I не ознаменовалось никакими проектами или изслѣдованіями крестьянскаго вопроса. Вступленіе на престолъ Александра I, взволновавъ общество надеждами на реформы, вызвало вновь оживленіе интереса къ крѣпостнымъ, какъ въ окружающихъ государя лицахъ, такъ и въ литературѣ. Уже въ началѣ царствованія своего, Александръ I постановилъ, какъ мы говорили, прекратить пожалованіе населенныхъ имѣній; затѣмъ былъ поставленъ на очередь вопросъ о непродажѣ крестьянъ безъ земли, хотя, впрочемъ, этотъ вопросъ и не получилъ тогда разрѣшенія; наконецъ, въ 1803 г. явился знаменитый указъ „о вольныхъ хлѣбопашцахъ", отъ котораго ожидали тогда очень много благихъ послѣдствій и которымъ осуществлялась въ законѣ мысль гр. Румянцева о дозволеніи помѣщикамъ отпускать крестьянъ на волю непремѣнно съ землею. Указъ предоставлялъ помѣщикамъ право заключать съ крестьянами договоры объ отпущеніи ихъ на волю съ землею, или за извѣстный выкупъ, вносимый при отпущеніи, или — въ случаѣ разсрочки платы на извѣстные сроки — за исполненіе крестьянами опредѣленныхъ повинностей и взноса оброка деньгами. Послѣдній случай, когда крестьяне, навсегда оставаясь на землѣ помѣщика, обязаны были нести для него опредѣленныя повинности и оброки, интересенъ потому, что онъ особенно выдвигалъ идею крѣпости крестьянина землѣ, а не лицу помѣщика. Вообще, хотя этотъ законъ не имѣлъ никакого принудительнаго значенія для помѣщиковъ и на практикѣ привелъ лишь къ незначительнымъ результатамъ, — такъ какъ, благодаря ему, получило свободу всего лишь около 50-ти тысячъ душъ мужскаго пола — идея освобожденія крестьянъ съ землею, положенная въ его основаніе, очень благотворно подѣйствовала на постановку вопроса нетолько въ будущемъ, но и въ царствованіе самого Александра I, заграждая по-

мѣщикамъ путь къ массовому безземельному отпущенію крестьянъ на волю. Безземельное освобожденіе крестьянъ, совершенное въ 1816 и 1818 г.г. въ Остзейскомъ краѣ, къ счастію, находило у насъ достаточно порицателей себѣ, какъ въ обществѣ, такъ и въ литературѣ, почему и не было предпринято. Вообще и литература и общество внесли много оживленія и интереса къ изученію вопроса о крѣпостномъ правѣ. Въ 1812 г. вопросъ о крѣпостномъ правѣ, благодаря темѣ, заданной Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ, былъ поставленъ на новую и при томъ очень понятную для дворянъ-помѣщиковъ точку зрѣнія. А именно, тема указаннаго Общества предлагала обсудить вопросъ о томъ, какой трудъ выгоднѣе экономически — крѣпостной или вольнонаемный, и такимъ образомъ рѣшить, не будетъ-ли удобнѣе для самихъ помѣщиковъ освободиться отъ крѣпостныхъ работниковъ. Отвѣты въ этомъ смыслѣ, дѣйствительно, получались, хотя, впрочемъ, были и противоположныя мнѣнія. Но мысль этою темою была заложена въ сознаніе многихъ и впослѣдствіи часто развивалась.

Говоря о крестьянскомъ вопросѣ въ царствованіе Александра I, нельзя не отмѣтить одной особенности въ его постановкѣ. И самъ императоръ, въ первую половину своего царствованія, и окружавшіе его люди (Новосильцевъ, гр. Строгановъ, позднѣе — Сперанскій и др.), равно какъ и представители общества, стали выдвигать на первый планъ вопросъ о переустройствѣ государства. Особенно широко это переустройство было предположено осуществить въ извѣстномъ „планѣ всеобщаго государственнаго образованія“, или „проектѣ уложенія государственныхъ законовъ“ Сперанскаго[1]). Увлеченіе политическими реформами, естественно, затрудняло

1) Объ этомъ проектѣ см. въ моихъ статьяхъ „Историческій очеркъ образованія Министерствъ въ Россіи“ (Журналъ Минист. Юстиціи, 1902, №№ 9 и 10).

рѣшеніе вопроса о крѣпостныхъ крестьянахъ, такъ какъ, — по мнѣнію однихъ изъ этихъ реформаторовъ — освобожденію крестьянъ должно было предшествовать переустройство государства, по другимъ — крестьянская реформа должна была идти впереди политической реформы, наконецъ, по мнѣнію третьихъ, незыблимость государственнаго строя должна была стоять въ связи съ неприкосновенностью крѣпостнаго права. Странная связь этихъ, столь различныхъ другъ отъ друга, вопросовъ тормозила разрѣшеніе перваго, разбивая лучшія общественныя силы на партіи и внушая взаимное недовѣріе и враждебность къ мнѣніямъ другъ друга. Возьмемъ для характеристики сказанныхъ мнѣній наиболѣе, на нашъ взглядъ, характерныя. Такъ, Сперанскій составилъ свой планъ преобразованія на началѣ представительства, осуществленнаго въ органахъ законодательства, администраціи и суда. Въ увлеченіи политическою стороною своихъ реформъ, Сперанскій, — хотя и признавалъ, что цивилизованное государство не можетъ терпѣть рабскаго состоянія народныхъ массъ, — однако, стоялъ за необходимость постепеннаго уничтоженія крѣпостнаго права. Энергично возражая противъ проектовъ безземельнаго освобожденія крестьянъ, противъ подушной подати, произвола помѣщиковъ въ дѣлѣ суда надъ крестьянами, требуя опредѣленія правъ крестьянъ на землю и пр., Сперанскій главный базисъ своей реформы видѣлъ, однако, въ установленіи представительныхъ учрежденій, забывая, какое важное значеніе должна была имѣть самодержавная сильная власть для уничтоженія крѣпостнаго права. Поэтому между теоріями реформъ, возникавшими въ это время, бо́льшаго общественнаго значенія заслуживаютъ, на нашъ взглядъ, тѣ, гдѣ первое мѣсто отводилось именно крестьянскому вопросу. Лучшимъ представителемъ этого рода теорій надо назвать въ царствованія Александра I и Николая I — Н. И. Тургенева, автора извѣстныхъ сочиненій: „Опытъ теоріи налоговъ“

(издано въ 1818 г.) и „Россія и русскіе“ („La Russie et les Russes“, издано въ 1847 г. за границею, черезъ два года послѣ смерти автора). Если въ первомъ сочиненіи содержатся только немногія указанія на необходимость отмѣны крѣпостнаго права, причемъ доказывается, что экономическому благосостоянію Россіи мѣшаетъ именно существованіе „рабства“, то второй томъ и часть 3-го тома другого его сочиненія содержитъ въ себѣ нетолько описаніе быта и общаго положенія крѣпостныхъ того времени, но и развиваетъ серьезный планъ реформы освобожденія крестьянъ. Написанное по французски, это сочиненіе едва-ли не впервые безпристрастно и глубоко ознакомило Зап. Европу съ нашимъ крестьянскимъ вопросомъ, причемъ авторъ съ справедливостью доказалъ всѣмъ, что положеніе нашихъ крѣпостныхъ всегда было лучше, чѣмъ положеніе таковыхъ-же въ Германіи или Польшѣ. Основная мысль его плана — немедленное, личное освобожденіе крестьянъ, съ отдачею имъ лишь усадебныхъ земель. Впрочемъ, онъ, въ принципѣ, не противъ отдачи крестьянамъ надѣла изъ пашни и сѣнокоса, и притомъ безъ всякаго вознагражденія помѣщиковъ, но онъ боится, что это слишкомъ осложнитъ и затянетъ разрѣшеніе вопроса, совершенно уже назрѣвшаго, а потому совѣтуетъ предоставить вопросъ о земельныхъ надѣлахъ времени, памятуя, однако, что „личное освобожденіе предпочтительно только по гораздо большей легкости его выполненія“, но что вообще „для Россіи освобожденіе съ землею имѣетъ даже особенную важность“. Если такимъ образомъ у Н. И. Тургенева горячее желаніе скорѣе заживить старую, наболѣвшую язву нашей тогдашней жизни и вызываетъ рѣшеніе начать съ освобожденія личнаго (чего, къ счастію, не случалось у насъ, да и въ то время вызывало уже возраженія), то, съ другой стороны, это рѣшеніе необходимости освобожденія об-

ставлено у него такими доводами, что книга его сослужила большую пользу идеѣ освобожденія. Особенно обращаетъ на себя вниманіе другая мысль автора, именно мысль о томъ, что „непозволительно думать о политической свободѣ“ тамъ, гдѣ крестьяне „не знаютъ простой человѣческой свободы“. Съ исключительною цѣлью больше укрѣпить и распространить эту мысль, Н. И. Тургеневъ вступилъ въ извѣстное Общество, называвшееся „Союзомъ благоденствія“, уставъ котораго хотя и ставилъ своимъ членамъ въ обязанность борьбу съ злоупотребленіями крѣпостнаго права, однако, не говорилъ объ освобожденіи, а выдвигалъ на первый планъ реформу политическую. Тургеневъ и вступилъ въ общество только потому, что хотѣлъ обратить вниманіе его членовъ на мѣры, во первыхъ, направленныя на то, чтобъ „ослабить крѣпостное право, а затѣмъ чтобъ содѣйствовать его уничтоженію.“ Онъ самъ говоритъ въ своей книгѣ „La Russie et les Russes“, что, по его убѣжденію, „всѣ вопросы подчинены вопросу объ освобожденіи крестьянъ“ и что онъ считаетъ крѣпостное право „самымъ большимъ зломъ, требующимъ самаго быстраго леченія.“ Въ указанномъ обществѣ онъ часто увлекался, по его словамъ „до проповѣди о выгодахъ, представляемыхъ неограниченною верховною властью въ странѣ, гдѣ существуетъ крѣпостное право“. Наконецъ, для всесторонняго понятія о мнѣніяхъ по крестьянскому вопросу въ царствованіе Александра I, необходимо указать еще на одно изъ многихъ мнѣній, въ которомъ отвергалась, наряду съ политическою реформою, также и необходимость освобожденія крестьянъ, а признавалась лишь потребность въ искорененіи злоупотребленій этимъ правамъ. Таково, напр., мнѣніе извѣстнаго В. Н. Каразина, энергіи котораго обязанъ своимъ основаніемъ Харьковскій Университетъ. Изыскивая очень серьезно средства сдѣлать власть помѣщика „безвредною“ для крестьянъ, Каразинъ считалъ, однако, ее

необходимою въ государственныхъ интересахъ: „помѣщика разумѣю я“, говоритъ Каразинъ, „наслѣдственнымъ чиновникомъ, которому верховная власть, давъ землю для поселенія, черезъ то ввѣрила ему попеченіе о людяхъ (поселянахъ) . . . Онъ есть природный покровитель сихъ людей, ихъ гражданскій судья, посредникъ между ними и высшимъ правительствомъ . . . Онъ есть ихъ генералъ-губернаторъ въ маломъ видѣ (или „наслѣдственный полицеймейстеръ государства“, какъ онъ еще выражается въ другомъ мѣстѣ). Считая крѣпостное право необходимымъ у насъ, Каразинъ, однако, стоялъ за ограниченіе по закону произвола помѣщиковъ, а главное очень энергично протестовалъ противъ безземельнаго освобожденія крестьянъ, проекты котораго тогда возникали. Таковы были важнѣйшія теченія общественной мысли въ крестьянскомъ вопросѣ при Александрѣ I. Политика и государственныя реформы, войны и другія внѣшнія предпріятія, въ связи съ равнодушіемъ дворянства къ вопросу, произвели въ концѣ концевъ то, что общаго практическаго значенія, для ослабленія крѣпостнаго права, всѣ эти мысли почти не имѣли (за указанными уже раньше смягченіями его) и служили лишь подготовленіемъ почвы для разрѣшенія вопроса въ будущемъ.

Перейдемъ теперь къ царствованію императора Николая I. Не подлежитъ сомнѣнію, что императоръ Николай I во все свое царствованіе весьма серьезно и внимательно относился къ крестьянскому вопросу, желая подготовить, на сколько возможно лучше, окончательное его рѣшеніе и тѣмъ передать дѣло своему сыну „съ возможнымъ“, какъ выражается самъ государь, „облегченіемъ при исполненіи“. Въ его царствованіе послѣдовательно работало надъ крестьянскимъ дѣломъ девять особыхъ секретныхъ комитетовъ; самъ императоръ собиралъ постоянно матеріалы для изученія крѣпостнаго права, задумывая самолично

„вести“, какъ онъ выражался въ разговорѣ съ знаменитымъ гр. Киселевымъ, „процессъ противъ рабства, когда наступитъ время освобожденія крестьянъ во всей имперіи“. Однако, потому ли, что государь считалъ, что это время все еще не наступило, потому ли, что — не говоря уже объ освобожденіи — даже вопросъ „о преобразованіи крѣпостнаго права“ находилъ себѣ мало сочувствія въ дворянствѣ и въ окружающихъ императора, но государь дѣйствовалъ въ этомъ вопросѣ довольно нерѣшительно. Не касаясь работъ всѣхъ указанныхъ выше комитетовъ, остановлюсь лишь кратко на дѣятельности комитета 1839 г., дѣятельности интересной потому, что здѣсь, по настоянію гр. Киселева, была вновь сдѣлана попытка поставить разрѣшеніе крестьянскаго вопроса на путь добровольнаго соглашенія помѣщиковъ съ ихъ крѣпостными. Въ результатѣ явился извѣстный указъ 1842 г. о такъ наз. „обязанныхъ крестьянахъ“; въ немъ устанавливались условія, на которыхъ крѣпостные могли переходить въ разрядъ „обязанныхъ крестьянъ“, по договору съ помѣщикомъ, съ уплатою за землю разъ навсегда опредѣленнаго оброка. Въ царствованіе Николая I перешло въ разрядъ обязанныхъ крестьянъ едва 25 тысячъ человѣкъ, что служитъ наглядымъ доказательствомъ трудности рѣшенія вопроса объ освобожденіи крестьянъ путемъ полюбовнаго соглашенія. Изъ другихъ постановленій комитетовъ можно указать на запрещеніе въ 1843 г. покупать крестьянъ безъ земли, на запрещеніе въ 1847 г. отнимать у крѣпостныхъ движимое имущество и на дозволеніе въ 1848 г. крестьянамъ покупать на свое имя, съ согласія помѣщиковъ, недвижимости. Если вообще въ царствованіе Николая I дѣло улучшенія быта крѣпостныхъ подвигалось впередъ довольно медленно, то въ этомъ отношеніи отрадное исключеніе представляло введеніе въ 1844 г. такъ называемыхъ „обязательныхъ инвентарей“ для крестьянъ западныхъ губерній, предпринятое от-

части по мысли того-же графа Киселева и затѣмъ нашедшее себѣ въ высшей степени энергическую поддержку въ генералъ-губернаторѣ края Д. Г. Бибиковѣ. Сущность реформы, въ немногихъ словахъ, состояла въ слѣдующемъ. Вся земля, находившаяся въ пользованіи крестьянъ и подробно описанная, вносилась въ особый инвентарь или опись имѣнія; за землю и угодья крестьяне должны были обрабатывать барщину по 3 дня въ недѣлю — мущины и по одному — женщины, да кромѣ того помѣщикъ могъ нанимать ихъ еще на 12 дней въ году. Помимо этого, крестьянинъ не обязанъ былъ ни къ какимъ натуральнымъ или инымъ повинностямъ, если только „инвентарь“ не обѣщалъ крестьянину за это какихъ-либо дополнительныхъ, выше общаго размѣра, выгодъ. По нѣкоторымъ даннымъ надо заключить, что эта мѣра должна была служить лишь первымъ опытомъ и быть затѣмъ распространена на другія мѣстности Россіи, но дѣло, однако, такъ и ограничилось этимъ опытомъ. Замѣтимъ еще, что при императорѣ Николаѣ I являются вновь попытки связать крѣпостное состояніе съ землею: такъ, законъ 15 февраля 1827 г. предписываетъ, чтобы каждый крестьянинъ имѣлъ не менѣе $4^1/_2$ десятинъ земли на душу. Въ 1841 году было Высочайше утверждено мнѣніе Государственнаго Совѣта, по которому покупать крестьянъ можетъ только лицо, владѣющее уже населеннымъ имѣніемъ, къ которому покупаемые и должны быть приписаны; не дозволяется дѣлить семьи и т. д. Самъ составитель Свода Законовъ, Сперанскій, разсматривалъ, къ счастію, крѣпостное состояніе въ связи съ пользованіемъ крестьяниномъ той землею, на которой онъ сидитъ. Такъ, онъ говоритъ, что, „законное крѣпостное состояніе, въ существѣ своемъ, есть состояніе крестьянина, водвореннаго на землѣ помѣщичьей, съ потомственной и взаимной обязанностью: со стороны крестьянина — обращать въ пользу по-

мѣщика половину рабочихъ своихъ силъ, со стороны помѣщика — надѣлять крестьянина такимъ количествомъ земли, на коей могъ бы онъ, употребляя остальную 1/2 рабочихъ его силъ, трудами своими снискивать себѣ и своему семейству пропитаніе".

Коснемся кратко вопроса о литературѣ по крѣпостному праву въ царствованіе императора Николая I. Литература эта весьма велика и обильна громкими именами; она, несомнѣнно, оказала большое вліяніе на разрѣшеніе вопроса въ слѣдующее царствованіе, что объясняется и тѣмъ, что большая часть авторовъ, писавшихъ о крѣпостномъ правѣ при Николаѣ I, явилась при Александрѣ II дѣятелями по освобожденіи крестьянъ, участвуя въ занятіяхъ различныхъ комитетовъ и комиссій, которые работали надъ этимъ освобожденіемъ [1]). Приведемъ нѣкоторые примѣры этой литературы. Въ статьяхъ Хомякова, Ю. Самарина и другихъ славянофиловъ очень умѣло и сильно защищалась необходимость общиннаго крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія; въ сочиненіяхъ гр. Канкрина, извѣстнаго министра финансовъ, какъ и въ сочиненіяхъ другихъ авторовъ, неопровержимо доказывалось, какой неисчислимый вредъ можетъ произойти для Россіи отъ безземельнаго освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ; въ статьяхъ Заблоцкаго-Десятовскаго причина частаго колебанія цѣнъ на хлѣбъ ставилась въ зависимость отъ особенностей подневольнаго крестьянскаго хозяйства и отмѣчалось, что крѣпостный трудъ ниже, по своей производительности, и дороже, по своей стоимости, труда вольнаго; наконецъ, другими выставлялось требованіе о необходимости организовать крестьянскія учрежденія на началѣ самоуправленія, мірскаго устройства. Интересно при этомъ отмѣтить, что во многихъ трудахъ по крестьянскому вопросу въ цар-

1) Подробный обзоръ литературы этой см. у В. И. Семевскаго „Крестьянскій вопросъ въ Россіи" и пр., т. II, главы IX—XXII.

ствованіе Николая I реформа ставилась шире, чѣмъ она осуществилась позднѣе въ дѣйствительности. Напр., извѣстный Кошелевъ доказывалъ, что нельзя допускать положенія крестьянъ временно-обязанныхъ и что необходимо полное освобожденіе крестьянъ; К. Аксаковъ, Герценъ и другіе находили, что земля должна быть, въ извѣстномъ опредѣленномъ количествѣ, отдана крестьянамъ безвозмездно и т. д. Кромѣ историко-юридическихъ трудовъ, появлявшихся въ печати, отъ того-же времени осталось много проектовъ, большею частію ненапечатанныхъ, которые подавались правительству какъ отдѣльными лицами, такъ и цѣлыми дворянскими обществами и въ которыхъ устанавливались основанія реформы, приведенныя частію позднѣе въ исполненіе. Въ общемъ, эта литература имѣла большее значеніе для теоретической разработки вопроса объ освобожденіи крестьянъ.

Переходимъ теперь къ послѣдней стадіи вопроса о крестьянахъ — паденію крѣпостнаго права. Какъ извѣстно, конецъ царствованія императора Николая I былъ ознаменованъ тяжелою крымскою компаніею; только заключивъ въ 1856 г. миръ, Россія могла взяться за рѣшеніе важныхъ и назрѣвшихъ вопросовъ, касавшихся внутренней ея жизни. Послѣдовавшее за заключеніемъ мира, первое десятилѣтіе царствованія императора Александра II принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ реформаторскимъ эпохамъ нашей исторіи: за 19 февралемъ 1861 г. днемъ освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ, послѣдовало 1 января 1864 г. — день введенія новыхъ земскихъ учрежденій; 20-го ноября 1864 г. даны были знаменитые Судебные Уставы, уголовный и гражданскій, коимъ совершенно преобразовывался нашъ судъ; 16 іюня 1870 г. создано новое Городовое Положеніе; за ними слѣдовали другія важныя узаконенія. Естественно, что въ этомъ преобразовательномъ движеніи первое мѣсто, и по времени, и по значенію, должно было принадлежать крестьянскому

вопросу, давно требовавшему своего разрѣшенія. Уже на второй годъ послѣ своего вступленія на престолъ, а именно въ мартѣ 1856 г. императоръ Александръ II, пріѣхавъ въ Москву, обратился съ особою рѣчью къ представителямъ дворянства, въ которой отмѣтилъ, что не имѣетъ намѣренія уничтожить крѣпостное право немедленно, но что, однако, „существующій порядокъ владѣнія душами не можетъ оставаться неизмѣннымъ". „Лучше отмѣнить крѣпостное право сверху", сказалъ при этомъ государь, „нежели дожидаться того времени, когда оно начнетъ само собою отмѣняться снизу". Эти слова не оставляли никакого сомнѣнія въ твердомъ намѣреніи государя покончить съ тяжелымъ наслѣдіемъ прошлаго путемъ общихъ законодательныхъ мѣропріятій; прошло, впрочемъ, еще слишкомъ 4 года упорнаго труда всякаго рода комитетовъ и борьбы общества за освобожденіе крестьянъ прежде, чѣмъ крѣпостное право пало. Уже въ началѣ 1857 г. императоръ лично открылъ засѣданіе особаго комитета по крестьянскому дѣлу, гдѣ, въ принципѣ, было вновь подтверждено о необходимости освобожденія крестьянъ, но освобожденія постепеннаго, безъ крутыхъ перемѣнъ. Въ то время, какъ въ обществѣ продолжали появляться проекты, относящіеся къ освобожденію крестьянъ, само правительство вело по этому предмету переговоры съ предводителями дворянства разныхъ губерній. Рѣшительный шагъ къ оффиціальному движенію вопроса подало дворянство сѣверо-западныхъ губерній, возбудившее ходатайство о примѣненіи къ названнымъ губерніямъ „Положенія о крестьянахъ Курляндской губерніи". Правительство не могло, однако, согласиться на это ходатайство, ввиду того главнымъ образомъ обстоятельства, что въ основѣ его лежало освобожденіе крестьянъ безъ земли, между тѣмъ какъ правительство желало „обезпеченія крестьянамъ прочной осѣдлости"; но ходатайство это было важно потому, что позволяло, какъ-бы во исполненіе желаній самого

дворянства, начать обсужденіе крестьянскаго вопроса. И вотъ 20 ноября 1857 г. послѣдовалъ на имя Виленскаго генералъ-губернатора Высочайшій рескриптъ объ открытіи въ ввѣренныхъ ему губерніяхъ особыхъ комитетовъ для улучшенія быта крестьянъ, при чемъ въ рескриптѣ указывался и путь къ реформѣ, а именно за помѣщиками оставляется право собственности на всю землю, но крестьянамъ остается ихъ усадебная осѣдлость, которую они, въ теченіи опредѣленнаго времени, пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа; имъ предоставляется право пользованія надлежащимъ количествомъ земли за оброкъ; изъ нихъ составляются сельскія общества, при чемъ помѣщикамъ предоставляется надъ ними право вотчинной полиціи. Въ общемъ, это было довольно нерѣшительное начало дѣла, но во всякомъ случаѣ — начало, такъ какъ затѣмъ правительство поспѣшило распространить его на другія губернія, начальники которыхъ получили также предписанія открыть обсужденіе вопроса объ улучшеніи быта крѣпостныхъ крестьянъ, если помѣщики этого пожелаютъ. И, дѣйствительно, такое желаніе было высказано въ 1858 г., дворянствомъ отдѣльныхъ губерній какъ, напр., губерній Петербургской, Нижегородской, Московской и др. Въ обществѣ это открытіе губернскихъ комитетовъ, — хотя они еще созывались оффиціально только для улучшенія быта крестьянъ, а не для ихъ освобожденія, — произвело громадное впечатлѣніе, такъ какъ всѣ поняли, что дѣло должно будетъ теперь идти впередъ и дойти до желаемаго аболиціонистами конца, несмотря на сильную партію среди дворянства, хотѣвшую сохраненія крѣпостнаго права. Цвѣтъ русской интеллигенціи того времени въ обширныхъ проектахъ, продолжавшихъ появляться, въ рѣчахъ, лекціяхъ и т. д. не останавливался на улучшеніи быта крестьянъ — въ какомъ-бы видѣ это улучшеніе ни предполагалось, — а шелъ дальше, предлагая немедленно освободить крестьянъ, и при томъ осво-

бодить съ землею, дать имъ самоуправленіе, сложить ихъ въ земельныя общины. Губернскіе комитеты довольно скоро отвѣтили правительству на вопросъ о мѣрахъ улучшенія быта крестьянъ; затѣмъ всѣ эти отвѣты поступили на обсужденіе главнаго комитета. Въ январѣ 1859 года Я. И. Ростовцевымъ было предложено учредить особыя редакціонныя коммиссіи для составленія сводовъ проектированныхъ губернскими комитетами „Положеній“ о крестьянахъ. Первоначально такихъ комиссій было образовано 2, при чемъ одна должна была выработать проекты общихъ „Положеній“ для всей имперіи, а другая — проекты мѣстныхъ „Положеній“, которыя должны были примѣняться въ отдѣльныхъ частяхъ государство, сообразно съ ихъ особыми условіями; затѣмъ къ этимъ комиссіямъ была прибавлена третья, финансовая. Предсѣдательство въ комиссіяхъ было поручено государемъ Я. И. Ростовцеву, человѣку, искренно преданному дѣлу освобожденія крестьянъ и отлично понимавшему важность момента, когда „въ Россіи“, — какъ онъ самъ писалъ — „создавался государемъ народъ, котораго доселѣ въ отечествѣ нашемъ не существовало“. Первыя двѣ редакціонныя комиссіи распались на 3 отдѣленія: 1) юридическое, „которое должно было опредѣлить размѣръ правъ, и обязанностей какъ крестьянъ, такъ и дворовыхъ людей, а равно и поземельныя права помѣщиковъ; 2) административное, задачею коего было устройство какъ крестьянскихъ обществъ, такъ и отношеній ихъ къ помѣщикамъ и мѣстнымъ властямъ и 3) хозяйственное, которое должно было опредѣлить поземельныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ; наконецъ, на обязанности финансовой комиссіи лежало разсмотрѣніе предположеній о финансовыхъ мѣрахъ правительства къ облегченію крестьянамъ выкупа ихъ земельныхъ угодій. Громадною заслугою Я. И. Ростовцева было приглашеніе въ эти комиссіи наиболѣе выдающихся людей того времени, какъ,

напр., Н. А. Милютинъ, Ю. Ѳ. Самаринъ, Н. В. Калачевъ, В. А. Черкасскій и другихъ лицъ изъ числа членовъ губернскихъ комитетовъ, сочувствовавшихъ дѣлу освобожденія. Разсмотрѣвъ проекты дворянства отдѣльныхъ губе́рній, нужно было составить Общее Положеніе о крестьянахъ, создавъ изъ крѣпостныхъ свободныхъ сельскихъ обывателей, составляющихъ особыя общества съ мірскимъ управленіемъ и общиннымъ землевладѣніемъ. Едва комиссіи организовались и начали свою трудную и сложную работу, какъ потеряли своего предсѣдателя, Я. И. Ростовцева, скончавшагося 7 февраля 1860 г. Мѣсто его занялъ министръ юстиціи гр. В. Н. Панинъ, человѣкъ менѣе Ростовцева расположенный къ скорѣйшему разрѣшенію вопроса о крѣпостномъ правѣ. Дѣло, впрочемъ, отъ этого назначенія не остановилось, какъ первоначально опасались, такъ какъ новый предсѣдатель редакціонныхъ комиссій былъ назначенъ подъ условіемъ не дѣлать никакихъ измѣненій ни въ ходѣ дѣла, ни въ личномъ составѣ комиссій, что, между прочимъ, указываетъ, — въ связи съ другими данными, — на то, что воля государя покончить съ вопросомъ была неприклонна, несмотря на множество лицъ изъ высшаго дворянства, этому окончанію несочувствовавшихъ. Уже въ сентябрѣ 1860 г. комиссіи кончили свои работы и приступили къ составленію Общаго Положенія о крестьянахъ; затѣмъ это Общее Положеніе поступило на разсмотрѣніе Главнаго Комитета, гдѣ началось его чтеніе 10 октября 1860 г. подъ предсѣдательствомъ великаго князя Константина Николаевича, который съ большою энергіею принялся за дѣло и почти ежедневно назначалъ засѣданія для обсужденія отдѣльныхъ частей названнаго Положенія. Въ январѣ 1861 г. обсужденіе было кончено и затѣмъ журналъ Главнаго Комитета поступилъ въ Государственный Совѣтъ, гдѣ чтеніе и обсужденіе законопроекта началось 28 января подъ предсѣдательствомъ самого государя, открывшаго

засѣданіе Совѣта особою рѣчью. „Дѣло объ освобожденіи крестьянъ“, — сказалъ, между прочимъ, Императоръ Александръ Николаевичъ, — „которое поступило на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, по важности своей, Я считаю жизненнымъ для Россіи вопросомъ, отъ котораго будетъ зависѣть развитіе ея силы и могущества. Я увѣренъ, что вы всѣ, г.г., столько-же убѣждены, какъ и Я, въ пользѣ и необходимости этой мѣры. У Меня есть еще и другое убѣжденіе, а именно, что откладывать этого дѣла нельзя; почему Я требую отъ Государственнаго Совѣта, чтобъ оно было имъ кончено въ первую половину февраля и могло быть объявлено къ началу полевыхъ работъ“... Воля государя была въ точности исполнена, 16 февраля уже было окончено разсмотрѣніе законопроекта о крестьянахъ, 19 февраля 1861 г. былъ подписанъ Манифестъ объ освобожденіи крестьянъ, а 5 марта впервые прочитанъ во всѣхъ церквахъ имперіи. Правила „Положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости“ была затѣмъ въ 1866 г. распространены на государственныхъ крестьянъ.

Таковъ самый краткій очеркъ одной изъ величайшихъ реформъ новой исторіи нашей. Теперь, когда прошло слишкомъ сорокъ лѣтъ послѣ реформы, многое въ ней нуждается въ измѣненіи и дальнѣйшемъ развитіи; для своего-же времени она была образцовымъ законодательнымъ трудомъ, подъятымъ ея творцами съ полной и благоговѣйной вѣрою въ непреложную силу и важность тѣхъ принциповъ, какіе ими клались въ ея основаніе.

Отдѣлъ II.

Государственное управленіе.

Глава I.

Центральное правленіе.

(Коллегіи. Понятіе; преимущества коллегіальнаго управленія передъ единоличнымъ По объясненію „Духовнаго Регламента". Устройство Коллегій, компетенція, порядокъ дѣлопроизводства Судьба коллегій. Учрежденіе Министерствъ.)

Извѣстно, что органами по преимуществу административными при Петрѣ В. явились Коллегіи, смѣнившія собою московскіе Приказы [1]). Спутанность вѣдомства послѣднихъ, отсутствіе юридической опредѣленности во взаимныхъ отношеніяхъ членовъ, нѣкоторая административная неповоротливость въ дѣйствіяхъ, заставили Петра Великаго создать новыя учрежденія, всецѣло построенныя на началѣ коллегіальности. Это начало считалось Петромъ Великимъ великою панацеей противъ произвола (въ Коллегіяхъ, по мнѣнію Петра Великаго, какъ уже указывалось выше, „президенты или предсѣдатели не такую мочь имѣютъ, какъ старые судьи: дѣлали, что хотѣли; въ Коллегіяхъ же президентъ не можетъ безъ соизволенія товарищевъ своихъ ничего учинить" . . .) и продажности — этихъ давнихъ золъ нашего управленія. Неудивительно по-

1) Литература вопроса: А. Д. Градовскій „Высшая администрація XVIII вѣка и ген.-прокуроры" (С.-П., 1866 г.); П. Н. Милюковъ „Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII в. и реформа Петра В. (СП., 1892 г.) Э. Г. Беренсъ „Опытъ системы административнаго права" (Яр., 1898 г.), глава VI; по вопросу о преобразованіи Коллегій въ Министерства см. мои статьи „Историческій очеркъ образованія Министерствъ въ Россіи" (Журналъ Министерства Юстиціи, 1902 г., №№ 9 и 10), гдѣ указывается также и литература предмета.

этому, что Петръ Великій хотѣлъ видѣть начало это осуществленнымъ во всѣхъ, какъ центральныхъ, такъ и мѣстныхъ учрежденіяхъ, независимо отъ тѣхъ функцій, какія исполнялись этими учрежденіями, т. е. несмотря на то, были-ли это учрежденія законосовѣщательнаго, административнаго или судебнаго характера. По этому, всѣ петровскія учрежденія можно называть Коллегіями, принимая во вниманіе тотъ принципъ, на основаніи котораго онѣ были устроены; съ этой точки зрѣнія Св. Синодъ, Пр. Сенатъ, такія-же Коллегіи, какъ и тогдашніе суды, или, напр. собраніе ландратовъ, которые должны были „съѣзжаться къ губернаторамъ“ „для исправленія дѣлъ всѣмъ вмѣстѣ“ и т. д. Но, наряду съ такимъ широкимъ пониманіемъ слова „Коллегія“, оно употреблялось въ актахъ петровскаго времени и въ узкомъ спеціальномъ смыслѣ слова, для обозначенія тѣхъ административныхъ, по преимуществу, учрежденій, которыя смѣнили, какъ сказано, прежніе Приказы, будучи, въ свою очередь, въ началѣ XIX вѣка замѣнены Министерствами. О Коллегіяхъ какъ административныхъ учрежденіяхъ по преимуществу, мы и будемъ говорить теперь.

Какъ уже было отмѣчено нами выше (стр. 482), въ „Духовномъ Регламентѣ“ были указаны подробно тѣ причины, какія вообще заставили Петра В. принять коллегіальный принципъ, какъ основаніе для организаціи государственныхъ учрежденій у насъ. Держась, по возможности, близко аргументаціи „Духовнаго Регламента“, надо сказать слѣдующее. По мнѣнію автора этого „Регламента“, „важныя вины“ (основанія) управленія коллегіальнаго сводятся къ слѣдующему: „во 1-хъ бо извѣстнѣе взыскуется (отыскивается) истина соборнымъ (соборнымъ) сословіемъ, нежели единымъ лицомъ“; во 2) „вящще (лучше) ко увѣренію и повиновенію преклоняетъ приговоръ соборный, нежели единоличный указъ“; въ 3) „коллегіумъ не есть нѣкая факція (партія) тайнымъ

на интересъ свой союзомъ сложившаяся, но, на добро общее, повелѣніемъ Самодержца и Его жъ съ прочими разсмотрѣніемъ собранныя лица"; въ 4) „еще же и сіе важно есть, что въ единоличномъ правленіи часто бываетъ дѣлъ продолженіе и остановка за случающимися правителю необходимыми нуждами и за недугомъ и болѣзнію . . . Инако (бываетъ) въ правленіи соборномъ"; въ 5-хъ „се наипаче полезно, что въ коллегіумѣ таковомъ не обрѣтается мѣста пристрастію, коварству, лихоимному суду"...; въ 6-хъ „коллегіумъ свободнѣйшій духъ въ себѣ имѣетъ къ правосудію: не тако бо, яко же единоличный правитель гнѣва сильныхъ боится"... (П. С. З., VI. № 3718, 25 янв. 1721 г. стр. 316 сл.; другія „вины" относятся до „духовнаго соборнаго правительства" и о нихъ было уже говорено особо). Указанные мотивы, по которымъ Петръ В. обратился отъ приказнаго начала управленія къ коллегіальному, яснѣе всего показываютъ намъ, какъ глубоко въ немъ было желаніе обезпечить за государственными учрежденіями и высокое достоинство и закономѣрное развитіе. Петръ В. хотѣлъ пріучить всѣхъ къ соблюденію строгой законности въ управленіи и лучшимъ средствомъ для укрѣпленія этой законности, — какъ это подсказывалось ему изученіемъ западноевропейскихъ учрежденій, — считалъ начало коллегіальное, такъ какъ полагалъ, что оно отличается отъ приказнаго такими качествами, какія неизбѣжно приведутъ къ самымъ наилучшимъ результатамъ. Русская дѣйствительность далеко не оправдала этихъ надеждъ впослѣдствіи очень разочаровались въ значеніи „коллежскаго" управленія, и готовы были видѣть въ немъ только недостатки, какъ это мы укажемъ ниже, но въ этомъ уже не вина самого принципа.

Таковы были общія и, повидимому, очень важныя преимущества коллегіальнаго строя учрежденій, по сравненію съ единоличнымъ управленіемъ; по мнѣнію выдающихся западныхъ мыслителей, какъ, напр., Лейб-

ница, государство можно привести въ цвѣтущее состояніе только посредствомъ учрежденія хорошихъ коллегій[1]). Самъ Петръ В. вполнѣ воспринялъ эту мысль, какъ это видно нетолько изъ „Духовнаго Регламента“, но и изъ другихъ данныхъ. Еще до изданія этого „Регламента“ въ указѣ отъ 22 декабря 1722 г. онъ уже указалъ главное основаніе, заставившее его прибѣгнуть къ устройству Коллегій — „управя“ войско, говоритъ указъ, „Его Величество милосердуя о народѣ и о земскомъ справедливомъ правленіи... трудится и сіе въ такой же добрый порядокъ привесть, какъ и воинское дѣло, чего ради учинены Коллегіи, т. е. собраніе многихъ персонъ . . .“ (вмѣсто Приказовъ), т. е. земское управленіе можно упорядочить только введеніемъ коллегіальнаго начала въ организацію учрежденій.

Перейдемъ теперь къ вопросу объ устройствѣ коллегій, ихъ компетенціи и порядкѣ дѣлопроизводства. Прежде чѣмъ ввести Коллегіи, Петръ В. долго изучалъ вопросъ, собиралъ справки и искалъ людей, знакомыхъ съ коллегіальнымъ устройствомъ. Такъ, напр., онъ выписывалъ изъ Австріи, преимущественно изъ Чехіи и Моравіи, лицъ, служившихъ въ Коллегіяхъ, затѣмъ бралъ шведовъ; посылалъ, наконецъ, своихъ русскихъ въ Кенигсбергъ для ознакомленія съ дѣломъ. Шведы изъ всѣхъ иностранцевъ были послѣдними, къ которымъ обратился Петръ В. (хотя планъ Коллегій взятъ, повидимому, главнымъ образомъ со шведскаго образца[2]), что и понятно въ виду тѣхъ враждебныхъ

1) Въ одномъ письмѣ своемъ къ Петру В. знаменитый философъ писалъ слѣдующее: „опытъ достаточно показалъ, что государство можно привести въ цвѣтущее состояніе только посредствомъ учрежденія хорошихъ Коллегій, ибо какъ въ часахъ одно колесо приводится въ движеніе другимъ, такъ и въ великой государственной машинѣ одна коллегія должна приводить въ движеніе другую, и если все устроено съ точною соразмѣрностью и гармоніею, то стрѣлка жизни непремѣнно будетъ показывать странѣ счастливые часы“.

2) Вопросъ о томъ, откуда заимствовано устройство петровскихъ Коллегій, нельзя считать вполнѣ рѣшеннымъ въ литературѣ.

отношеній ко Швеціи, въ какихъ находилась Россія. Въ 1718 г., однако, онъ поручаетъ Брюсу пригласить на службу военноплѣнныхъ, обнадеживая, что они не будутъ служить по военному вѣдомству, а будутъ назначены во вновь образовавшіяся Коллегіи. И вотъ, наконецъ, послѣ нѣсколькихъ опытовъ устройства Коллегій въ 1717—1719 гг. 28 февраля 1720 г. данъ „Генеральный Регламентъ Коллегіямъ“. Еще въ 1718 г. было повелѣно составить Регламенты отдѣльныхъ Коллегій, а именно надлежало, какъ гласилъ именной указъ этого года „всѣмъ Коллегіямъ, на основаніи шведскаго устава, сочинить во всѣхъ дѣлахъ и порядкахъ по пунктамъ Регламенты; а которые пункты въ шведскомъ Регламентѣ неудобны, или съ ситуаціею сего государства несходны, и оные оставить по своему разсужденію“. Въ слѣдующемъ 1719 г. нѣкоторыя изъ Регламентовъ были уже готовы и Коллегіи начали дѣйствовать, но общимъ для нихъ всѣхъ Уставомъ явился „Генеральный Регламентъ“, изданный 28 февраля 1720 г. По этому Регламенту устанавливались слѣдующія Коллегіи: 1) Иностранныхъ дѣлъ, 2) Каморъ (Камеръ), 3) Юстицъ, 4) Ревизіонъ, 5) Воинская, 6) Адмиралтейская, 7) Коммерцъ, 8) Штатсъ-Конторъ-Коллегія, 9) Бергъ и 10) Мануфактуръ-Коллегія. Позднѣе къ нимъ прибавилась Вотчинная Коллегія, смѣнившая Московскій Помѣстный Приказъ. Каморъ (Камеръ)-Коллегія вѣдала доходы государства, заботилась о болѣе равномѣрномъ обложеніи населенія окладными сборами; Штатсъ-Конторъ-Коллегія составляла роспись отдѣль-

---

Шведскій образецъ ихъ устройства, несомнѣнно, былъ у Петра В., какъ это, напр., видно изъ одного его письма къ Сенату, отъ 21 января 1718 г., гдѣ говорится слѣдующее: „Господа Сенатъ! при отъѣздѣ своемъ я письменно далъ вамъ для Коллегій указъ, дабы брали вѣдѣнія у генерала Брюса, какъ оныя сочинять. А понеже онъ нынѣ отъѣхалъ въ Финляндію, то безъ него берите вѣдомости и спрашивайте у Фика, который оныя (вѣдомости) вывезъ изъ Швеціи“. Но этотъ образецъ не былъ однако, заимствованъ буквально, а былъ измѣненъ согласно мѣстнымъ условіямъ.

ныхъ штатовъ учрежденій и собирала, чрезъ Камеръ-Коллегію, свѣдѣнія о доходахъ и расходахъ въ каждой губерніи, а Ревизіонъ-Коллегія, — провѣряла все это, Юстицъ-Коллегія замѣнила судебные Приказы и вѣдала судъ гражданскій и уголовный. Вмѣсто военныхъ Приказовъ созданы Воинская (Военная) и Адмиралтейская Коллегіи; для завѣдыванія горнымъ дѣломъ, развитіе котораго началось весьма успѣшно при Петрѣ В., а также и промышленностью — Бергъ и Мануфактуръ-Коллегіи; Коммерцъ-Коллегія устраивалась для заботы о развитіи внутренней и внѣшней торговли.

Каждая коллегія была устроена такъ. Она раздѣлялась на присутствіе и канцелярію. Первое составляютъ президентъ (непремѣнно русскій), вице-президентъ, четыре совѣтника и четыре асессора. Президентъ назначался государемъ, вице-президентъ представлялся на утвержденіе государя Пр. Сенатомъ, остальные опредѣлялись на должность самимъ Сенатомъ, по представленію подлежащихъ Коллегій. Президентъ, по Генеральному Регламенту, имѣлъ надъ ней „генеральную и верховную дирекцію (управленіе)“. Президентъ и вице-президентъ должны были „накрѣпко смотрѣть, чтобъ прочіе члены коллежскіе о повѣренныхъ дѣлахъ и въ приказанномъ имъ смотрѣніи съ надлежащимъ стараніемъ и прилежаніемъ попеченіе имѣли.“ Если президентъ усматривалъ, что кто либо изъ этихъ членовъ „мало разуменъ“ и „по должности чина его (т. е. обязанностей)“ исправлять не можетъ, онъ входитъ съ представленіемъ въ Сенатъ о назначеніи „искуснѣйшаго“. При нерадѣніи членовъ къ дѣламъ, президентъ „вѣжливыми словами“ напоминаетъ имъ объ ихъ долгѣ, а при непослушаніи доноситъ о нихъ Пр. Сенату. Канцелярія состояла изъ секретаря, какъ ея начальника, протоколиста или нотаріуса, регистратора, актуаріуса, писцовъ и переводчика. Протоколистъ или нотаріусъ составлялъ протоколы засѣданій, ре-

гистраторъ — списки входящихъ и исходящихъ бумагъ, актуаріусъ — ихъ хранилъ.

Что касается компетенціи Коллегій, то раздѣленіе дѣлъ по роду ихъ составляло большой шагъ впередъ сравнительно съ предшествовавшей эпохою. Вѣдомство Приказовъ было очень запутано, такъ какъ слагалось постепенно и подъ вліяніемъ временныхъ обстоятельствъ. Теперь явилась возможность распредѣлить дѣла между отдѣльными Коллегіями, сообразно функціи каждой изъ нихъ. Интересно при этомъ отмѣтить, что вниманіе Петра В. больше всего было обращено на дѣла финансовыя вѣдавшіяся нѣсколькими учрежденіями, далѣе на дѣла военныя, для которыхъ утверждены 2 Коллегіи, имѣвшія первенствующее значеніе. Все это было совершенно понятно, въ виду того положенія, въ какомъ стояло государство, требовавшее для своихъ задачъ большаго напряженія силъ. Затѣмъ, хотя судъ и управленіе, иначе сказать — судебная и административная власть — раздѣляются и создаются особыя судебныя учрежденія, но, подобно тому, какъ это было въ Приказахъ, дѣленіе не проводится всегда достаточно глубоко: многія Коллегіи судятъ тѣхъ людей, которые подлежатъ ихъ вѣдѣнію въ какомъ-либо отношеніи (такой судъ принадлежалъ, напр. Мануфактуръ-Коллегіи). Учрежденіе Коллегій повело къ нѣкоторымъ измѣненіямъ въ устройствѣ Сената. До нихъ, какъ мы уже говорили, Сенатъ былъ единственнымъ центральнымъ учрежденіемъ, вѣдавшимъ администрацію, финансовое учрежденіе и судъ. Теперь громадная часть дѣлъ вышла изъ его непосредственнаго вѣдѣнія и отдана соотвѣтствующимъ Коллегіямъ. Губернаторы, какъ начальники мѣстныхъ центровъ, сносятся съ Коллегіями, которыя получаютъ право взысканія съ нихъ, не сносясь сами съ Сенатомъ; Коллегіи являются высшимъ административно-судебнымъ мѣстомъ, гдѣ должно заканчиваться каждое дѣло; только какъ исключеніе дозволяется

приносить жалобы, сначала сенатскому секретарю, а затѣмъ рекетмейстеру на Коллегіи. Сенатъ, устраняясь отъ мелкихъ дѣлъ администраціи, могъ теперь лучше приводить въ исполненіе свою контролирующую всѣ учрежденія задачу; по Генеральному Регламенту Коллегіямъ послѣднія обязаны „неотложно исполнять сенатскіе указы“, а самъ Сенатъ своими указами требовалъ, чтобъ Коллегіи присылали ему въ копіяхъ всѣ свои постановленія (прежде чего онѣ не могли ихъ печатать); всѣ финансовыя Коллегіи обязаны были доставлять въ началѣ каждаго года свѣдѣнія о приходѣ и расходѣ суммъ, о недоимкахъ и остаткахъ и т. д. Изъ Коллегій двѣ — Камеръ и Юстицъ-коллегіи имѣли особенно важное значеніе въ управленіи мѣстномъ. Первая вѣдала ландратовъ и комиссаровъ; вторая — ландрихтеровъ (о нихъ скажемъ ниже). Для наблюденія за мѣстнымъ управленіемъ и судомъ создается система явнаго надзора — прокуроровъ и тайная — фискаловъ; такъ при Коллегіяхъ создается цѣлый рядъ фискаловъ и изъ нихъ особенно выдѣляются фискалы Юстицъ-Коллегіи (государственный оберъ-фискалъ) съ помощниками и такъ назыв. земскіе фискалы (при Камеръ-Коллегіи). Всѣ судебныя и финансовыя мѣста и должности, за которыми должны были строго наблюдать фискалы, представляли собою важную попытку выдѣлить судъ и финансовое управленіе изъ-подъ непосредственнаго завѣдыванія мѣстныхъ правительственныхъ властей и подчинить ихъ контролю центральныхъ мѣстъ, тогда какъ въ Московской Руси было смѣшеніе всѣхъ функцій власти въ рукахъ воеводы. Такъ при Петрѣ создаются земскіе комиссары, собирающіе подати и пр. и камериры, надзирающіе за всѣми сборами и подвѣдомственные только Камеръ-Коллегіи; судъ тоже отдается, — впрочемъ, не надолго, какъ это увидимъ потомъ — особымъ органамъ, такъ наз. ландрихтерахъ, а затѣмъ городовымъ и губернскимъ судамъ, подчиненнымъ Юстицъ-Коллегіи.

Какъ уже указывалось выше, 28 февраля 1720 г. вышелъ въ свѣтъ Генеральный Регламентъ Коллегіямъ[1]) въ которомъ изложенъ порядокъ дѣлопроизводства въ нихъ. Этотъ Регламентъ важенъ, между прочимъ, потому, что его правила имѣли примѣненіе, да отчасти и теперь имѣютъ, во всѣхъ учрежденіяхъ съ коллегіальнымъ устройствомъ и имъ утвердился у насъ новый порядокъ канцелярскаго дѣлопроизводства. Такъ Регламентъ опредѣляетъ дни и часы засѣданія, указываетъ на распредѣленіе занятій, на порядокъ докладовъ, порядокъ преній, порядокъ голосованія и на права и обязанности каждаго члена Коллегіи. Дѣла въ Коллегіи докладываетъ секретарь, начальствующій надъ ея канцеляріей. Дѣла рѣшаются, какъ мы уже это говорили при изученіи дѣлопроизводства Сената, „по множайшему числу голосовъ“ (т. е. по большинству), послѣ обстоятельнаго обсужденія ихъ въ общемъ присутствіи. При этомъ каждый, „пока о которомъ дѣлѣ разсуждаются, мнѣніе свое свободно и явственно объявлять (обязанъ), не взирая на персону“; „за непорядное дѣяніе голосовъ“ назначалось, смотря по винѣ, строгое наказаніе. Преимуществомъ коллегій по Г. Регламенту является ихъ право, по полученіи указа Сената, не исполнять его, въ случаѣ противности его указамъ государя и его высокому интересу. Коллегія можетъ сдѣлать относительно подобнаго указа представленіе Сенату, и, если Сенатъ будетъ настаивать на исполненіи своего указа, то дѣло представляется Коллегіею государю.

Коллегіи, то уменьшаясь, то увеличиваясь въ числѣ (отъ 10 до 12) просуществовали до царствованія Имп. Александра Павловича, когда исчезли, будучи отчасти замѣнены Министерствами въ видѣ департаментовъ тѣхъ или иныхъ Министерствъ, а отчасти переименованы. Нѣкоторыя-же изъ нихъ были закрыты еще при

1) Онъ помѣщенъ въ VII томѣ Пол. Собр. Законовъ (№ 3534).

Екатеринѣ II, вслѣдствіе тѣхъ реформъ, какія были ею произведены въ мѣстномъ управленіи, извѣстнымъ „Учрежденіемъ о губерніяхъ“ и пр. Такъ вмѣсто Камеръ-коллегіи въ губерніяхъ явились Казенныя палаты, вмѣсто Юстицъ-коллегіи — Палаты уголовнаго и гражданскаго суда, т. е., иначе говоря, эти Коллегіи изъ центральныхъ сдѣлались мѣстными, разбившимися по губерніямъ. Центральнымъ учрежденіемъ, вѣдавшимъ дѣла этихъ Палатъ, остался Сенатъ.

Мы уже указывали, какъ смотрѣлъ Петръ В. на введеніе Коллегій. Жизненныя условія, въ которыхъ пришлось дѣйствовать Коллегіямъ, не оправдали почти совсѣмъ надеждъ, возлагавшихся на нихъ преобразователемъ. Коллегій, — давъ болѣе простое, чѣмъ прежде, раздѣленіе дѣлъ по ихъ роду, внеся болѣе внѣшнаго порядка и опредѣленности въ дѣлопроизводство, вообще создавъ лучшую форму для административной дѣятельности, — мало могли внести новаго духа въ управленіе и особенно послѣ Петра Великаго совсѣмъ не создали того независимаго и чуждаго произвола административнаго корпуса, о которомъ, несомнѣнно, искренно мечталъ Петръ Великій. Кромѣ общихъ условій времени, составъ Коллегій, важное значеніе формы, введенное Петромъ для обузданія самовластія, приводятъ въ концѣ вѣка de facto къ тому, что бюрократическій элементъ, въ прямомъ смыслѣ господства канцеляризма, совершенно поглащаетъ коллегіальный, почему и представляются вѣрными слова фельдмаршала Миниха, который, характеризуя дѣлопроизводство Коллегій, писалъ Екатеринѣ II, что Россія управляется на дѣлѣ секретарями и подсекретарями, а совсѣмъ не губернаторами и президентами отдѣльныхъ частей, какъ это казалось. Въ началѣ XIX в. лучшимъ людямъ, и въ томъ числѣ Сперанскому, коллегіальное устройство административныхъ учрежденій представляется только съ точки зрѣнія его недостатковъ и ни одна изъ его выгодъ, столь плѣнявшихъ

Петра Великаго, теперь не приходитъ имъ и въ голову (см. докладную записку гр. Кочубея 1803 г., написанную Сперанскимъ и помѣщенную въ Архивѣ истор. практ. свѣд. Калачева — 1859, кн. 3, стр. 15 сл.). Такъ, напримѣръ, реформируя „первое учрежденіе министерствъ“ 1802 года, въ которомъ коллегіальноеначало еще имѣло преобладающее значеніе, Сперанскій строитъ свою систему административнаго управленія на началѣ совершенно противуположномъ тому, какое въ это управленіе клалось Петромъ Великимъ, а именно на началѣ личномъ, ставя во главѣ самостоятельныхъ отраслей управленія отдѣльныхъ, лично отвѣтственныхъ министровъ. Поступая такъ, Сперанскій, во первыхъ, вноситъ необходимую и принципіальную поправку въ ту систему административныхъ учрежденій, которая дѣйствовала въ XVIII вѣкѣ, и, во вторыхъ, разрѣшаетъ въ строгой и закономѣрноустроенной, по идеѣ, формѣ своего новаго „учрежденія Министерствъ“ задачу, надъ которой тщетно бился XVIII вѣкъ. Интересно, что въ упомянутой запискѣ гр. Кочубея, дѣлопроизводство коллегій представлялось Сперанскому въ такомъ видѣ: „медленность, въ дѣлахъ управленія нетернимая, составляетъ, такъ сказать, существо коллежскаго (т.-е. коллегіальнаго) обряда; недостатокъ раздѣленія работы и постепеннаго ея усовершенія; множество формъ совершенно излишнихъ и образъ письмоводства весьма затруднительный; недостатокъ отвѣтственности, которая „не должна состоять только на словахъ, но быть вмѣстѣ и существенна“; министръ, дѣйствуя въ Коллегіи, какъ главный директоръ, не можетъ иначе управлять ею, какъ только внѣшнимъ образомъ, т.-е. онъ долженъ получать отъ нея меморіи о дѣлахъ текущихъ, разсматривать ея представленія, давать на нихъ предложеніе, составлять доклады, предписывать по нимъ исполненіе: сколько излишней и ничего въ себѣ существеннаго не заключающей переписки!“ Какъ

уже указывалось, XVIII вѣкъ живо чувствовалъ всѣ эти недостатки „коллежскаго“ управленія, но выходилъ изъ затрудненія средствами случайными и временными, создавая подъ тѣмъ или инымъ именемъ дѣйствительныхъ министровъ, хотя и не давая имъ строгой организаціи въ видѣ Министерствъ, съ ясно раздѣленными предметами вѣдомства и со строго-опредѣленными, по закону, предѣлами власти. Роль такихъ министровъ играли нѣкоторые изъ членовъ В. Тайнаго совѣта при Екатеринѣ I, Кабинета и Конференціи — въ слѣдующія царствованія; такими министрами были въ особенности генералъ-прокуроръ временъ Екатерины II, отчасти генералъ-почтъ-директоръ и другія довѣренныя лица императрицы, завѣдывавшія особыми, имъ ввѣренными, отраслями управленія; таковы, наконецъ, были особые „директоры“ Коллегій при Императорѣ Павлѣ I. Всѣ эти личные органы стояли, обыкновенно, внѣ контроля Сената, отличались полномочіями неопредѣленными и временными, возникая для удовлетворенія потребности въ дѣятельной и лично отвѣтственной административной власти. Неслаженность этихъ личныхъ органовъ власти съ коллегіальными, неопредѣленность ихъ вѣдомства и фактическая безотвѣтственность особенно сказались въ началѣ XIX вѣка, когда Александръ I и его знаменитый тріумфиратъ въ „неоффиціальномъ комитетѣ“ мечтали о преобразованіи государственнаго нашего строя.

Укажемъ, въ заключеніе, на ближайшія обстоятельства вызвавшія учрежденіе Министерствъ.

Какъ было уже указано выше, въ XVIII вѣкѣ постоянно возникали, подъ тѣми или иными наименованіями, министры, что̀ служитъ наглядным указаніемъ на настоятельную потребность, сказавшуюся уже задолго до реформы 1802 г., въ личныхъ органахъ власти. Эти министры, если и были болѣе подвижны и дѣятельны, чѣмъ президенты Коллегій, мало, однако поддавались какой-либо отвѣтственности за свои дѣй-

ствія. Думаютъ, что ближайшимъ поводомъ къ учрежденію Министерствъ былъ большой голодъ въ Сибири въ 1801 году. У императора явилось естественное желаніе выяснить причину бѣдствія и отыскать виновныхъ, но послѣднее въ особенности оказалось труднымъ. Къ кому ни обращался государь, ни отъ кого не получалъ онъ удовлетворительнаго отвѣта на интересовавшій его вопросъ. Государь былъ огорченъ и, говоря объ этомъ съ Лагарпомъ, сказалъ: „я бы желалъ броситься въ Неву, — такъ тяжело и грустно мнѣ“. Въ отвѣтъ на это Лагарпъ, говоритъ В. И. Сергѣевичъ, предложилъ учредить отвѣтственныхъ министровъ. На нашъ, однако, взглядъ, представляется довольно труднымъ рѣшить вполнѣ положительно, принадлежала ли именно Лагарпу первая мысль объ отвѣтственныхъ министерствахъ или она исходила отъ одного изъ членовъ „неоффиціальнаго комитета“; а также, можетъ быть, отъ одного изъ тѣхъ лицъ, съ которыми Государь и члены этого комитета совѣщались о многихъ вопросахъ предполагаемой реформы государственныхъ учрежденій (напр., съ А. Р. Воронцовымъ, С. Р. Воронцовымъ, Н. С. Мордвиновымъ и др.). Лагарпъ, несомнѣнно, участвовалъ въ сужденіяхъ о реформахъ вообще и въ вопросѣ объ образованіи министерствъ въ частности, но онъ склоненъ былъ преувеличивать свою роль въ этихъ сужденіяхъ. Скорѣе можно предположить, что такъ какъ идея объ отвѣтственныхъ агентахъ власти, или министрахъ, созрѣвала уже давно и какъ-бы носилась въ воздухѣ, ея авторами единовременно могли быть многіе, подобно тому, какъ было нѣсколько проектовъ преобразованія административныхъ учрежденій (какъ это видно изъ протоколовъ „неоффиціальнаго комитета“); изъ нихъ проектъ Новосильцева легъ въ основаніе новаго раздѣленія административной власти между восемью вновь образованными Министерствами. Проектъ Новосильцова былъ очень несовершененъ и мало раз-

работанъ въ подробностяхъ. Однако, въ учрежденіи Министерствъ, созданныхъ по этому проекту, была одна черта, которая мирила, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, съ недостатками проекта, а именно казалось, что созданы, дѣйствительно, лично-отвѣтственные органы верховной власти, съ которыхъ и можно было требовать выполненія важнѣйшихъ задачъ административнаго центральнаго управленія, а затѣмъ и взыскивать за неисполнительность. Эта черта отлично выставлена была самимъ императоромъ въ его письмѣ къ тому же Лагарпу отъ 26 октября 1802 г., т. е. спустя около 2-хъ мѣсяцевъ по учрежденіи Министерствъ (состоявшемуся 8 сентября 1802 г.), а именно императоръ писалъ, что „мѣра, о которой мы такъ часто говорили, въ полномъ ходу. Министерство образовано и идетъ довольно хорошо уже болѣе мѣсяца. Дѣла отъ этого пріобрѣли гораздо болѣе ясности и методы, и я знаю тотчасъ, съ кого взыскать, если что-нибудь идетъ не такъ, какъ слѣдуетъ". Какъ видно, въ приведенномъ письмѣ Александръ I говоритъ объ установленіи отвѣтственности министровъ передъ нимъ лично. Основною идеею проекта Новосильцева было, впрочемъ, установленіе отвѣтственности ихъ передъ Сенатомъ. Организація этой послѣдней отвѣтственности совершенно не удалась на практикѣ, и ею скоро не стали вовсе пользоваться, но личная отвѣтственность министровъ передъ монархомъ, несомнѣнно, пріобрѣла, со времени учрежденія Министерствъ, большее, чѣмъ прежде, значеніе (особенно — со Втораго учрежденія Министерствъ 1811 г.), такъ какъ сами права и обязанности министровъ, ихъ положеніе среди другихъ органовъ власти, пріобрѣли въ XIX вѣкѣ болѣе точности и опредѣленности, чѣмъ было въ XVIII вѣкѣ, когда министры безъ Министерствъ являлись довольно-случайными агентами власти и ихъ отношенія къ Коллегіямъ не были, да и не могли быть, юридически урегулированы по многимъ причинамъ и прежде всего потому, что коллегіальный

и единоличный принципъ смѣшивались въ административныхъ учрежденіяхъ. По манифесту 8 сентября 1802 г. было учреждено 8 Министерствъ, а именно: 1) военныхъ, 2) морскихъ силъ, 3) иностранныхъ дѣлъ, 4) юстиціи, 5) внутреннихъ дѣлъ, 6) финансовъ, 7) коммерціи и 8) народнаго просвѣщенія"). Затѣмъ, по манифесту, „на Правительствующій Сенатъ, коего обязанности и первоначальную степень власти Мы указомъ Нашимъ, въ сей день даннымъ [1]), утвердили, возлагаемъ важнѣйшую и сему верховному мѣсту наипаче свойственную должность разсматривать дѣятельность министровъ по всѣмъ частямъ, ихъ управленію ввѣреннымъ, и по надлежащемъ сравненіи и соображеніи оныхъ съ государственными постановленіями и съ донесеніями, прямо отъ мѣстъ до Сената дошедшими, давать свои заключенія и представлять Намъ докладомъ". Таковъ, въ немногихъ словахъ, смыслъ реформы 1802 г.

Глава II.

Мѣстное управленіе.

§ 1.

Административное дѣленіе имперіи.

(Административное дѣленіе государства при Петрѣ В. Административное дѣленіе по законодательству Екатерины II.)

Переустраивая мѣстныя правительственныя учрежденія, Петръ В. создаетъ и новое административное

---

1) Одновременно съ манифестомъ объ учрежденіи Министерствъ, былъ данъ именной указъ „О правахъ и обязанностяхъ Сената", о которомъ и говоритъ манифестъ.

дѣленіе имперіи на губерніи. Это дѣленіе во 1-хъ упраздняетъ собою прежнія московскія административныя единицы, создавшіяся путемъ долгаго историческаго процесса и отличавшіяся большею запутанностью въ ихъ отношеніяхъ къ центру государства, съ одной стороны, территоріальною неравномѣрностью, съ другой. Оно даетъ, во 2-хъ, законодателю возможность поставить во главѣ новыхъ и однообразныхъ административныхъ дѣленій новые органы власти, болѣе, чѣмъ прежніе, приспособленные къ сложнымъ задачамъ управленія эпохи реформъ. Оно строится, въ 3-хъ, сообразно тѣмъ „военно-податнымъ“ задачамъ, которыя надо было теперь разрѣшить: на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій петровской губернской реформы, проф. В. Н. Латкинъ справедливо замѣчаетъ, что „вновь созданную армію нужно было размѣстить по разнымъ мѣстностямъ Россіи съ цѣлію содержанія на счетъ населенія, а для этого правительство признало необходимымъ раздѣлить государство на губерніи и въ предѣлахъ послѣднихъ размѣстить полки“ (Учебникъ исторіи рус. права“, стр. 235). Первую общую попытку введенія новаго административнаго дѣленія мы находимъ въ указѣ 18 Декабря 1708 года, въ которомъ говорится, что „Великій Государь указалъ въ своемъ великомъ государствѣ, для всенародной пользы, учинити 8 губерній и къ нимъ расписати го-

---

1) Литература вопроса о мѣстномъ управленіи: Ѳ. М. Дмитріевъ „Исторія судебныхъ инстанцій“ и пр. (М., 1859 г.); К. Д. Кавелинъ „Основныя начала русскаго судоустройства и гражд. судопроизводства“ (Сочиненія, т. I, М. 1859 г.); А. В. Лохвицкій „Губернія, ея земскія и правительственныя учрежденія (С.-П., 1864); А. Д. Градовскій „Начала русскаго госуд. права“. Т. III. Органы мѣстнаго управленія“. (С.-П., 1883 г.); П. Н. Мр.-Дроздовскій „Областное управленіе Россіи XVIII в., ч. I (М. 1876 г.); П. Н. Милюковъ „Государственное хозяйство Россіи“ и пр. (С.-П., 1892 г.); И. И. Дитятинъ „Статьи по исторіи русскаго права“ (С.-П. 1896 г.); М. М. Богословскій „Областная реформа Петра В. Провинція 1719—27 г.г. (М., 1902 г.); А. А. Кизеветтеръ „Посадская община въ Россіи XVIII в. (М., 1903 г.).

рода“ [1]); въ 1719 г., по указу 29 мая, число губерній увеличивается до 11, при чемъ Смоленская уничтожена, какъ самостоятельная, но прибавлены Рижская, Ревельская, Астраханская и Нижегородская; между уѣздомъ-же и губерніею явилось новое посредствующее раздѣленіе — провинція. Еще раньше, именно въ 1710 г., государство дѣлилось на „доли“, но это дѣленіе имѣло уже чисто спеціальный, а именно военно-финансовый характеръ и установливалось для выполненія рекрутскаго набора и сбора податей; въ каждой долѣ было положено 5536 дворовъ. Чтобы дать понятіе о провинціи, надо сказать, что каждая губернія дѣлилась на провинціи, а послѣднія уже на уѣзды. Такъ, напр. Московская губ. дѣлилась на 9 провинцій, отчасти совпадающихъ, по названію, съ нынѣшними нашими губерніями (такъ какъ въ составъ Московской губ. входили провинціи: Московская — 14 уѣздовъ, Костромская — 5 уѣздовъ, Владимірская 3 уѣзда и т. д.), отчасти изчезнувшихъ теперь (какъ, напр., провинціи Суздальская, Юрьевская и др.). Такимъ образомъ, по своимъ размѣрамъ и значенію власти ихъ начальниковъ, петровскія губерніи были подобны позднѣйшимъ генералъ-губернаторствамъ, а провинціи — нашимъ нынѣшнимъ губерніямъ. Обращаясь къ характеристикѣ этого дѣленія, мы видимъ, что губерніи первоначально были очень велики; такъ, напр., Сибирская заключала въ себѣ, кромѣ Сибири, нынѣшнія Пермскую и Вятскую губ.; Петербургская шла отъ границъ Лифляндіи до Ярославля, Каргополя, Твери и т. д. Включеніе въ составъ той или другой губерніи столь отдаленныхъ мѣстностей объясняется тѣмъ, что при дѣленіи бра-

1) По указу 18 декабря 1708 г. были образованы губерніи Московская съ 39 городами, Ингерманландская (переименованная въ 1810 г. въ Петербургскую губернію), съ 29-тью, Смоленская съ 17, Кіевская — съ 52, Архангелогородская съ 19, Казанская съ 71, Азовская съ 77 и Сибирская съ 30 городами.

лось въ расчетъ не пространство, а только количество населенія, почему и соединялись вмѣстѣ области, часто этнографически, или экономически несоединимыя, какъ, напр. Лифляндія (Рижская губ.) и теперешняя Смоленская, Кіевская, Тульская и Орловская губерніи и т. д. Здѣсь виденъ также и тотъ взглядъ, какой имѣли тогда на населеніе. Послѣднее разсматривалось прежде всего съ точки зрѣнія тягла его государству; остальное все имѣло второстепенное значеніе. Дѣленіе на губерніи имѣло въ виду облегчить, уравновѣсить содержаніе отдѣльныхъ частей войска сухопутнаго и морского. Такъ, для содержанія флота созданы Петербургская, Архангельская, Азовская и Астраханская губ.; для удобства расквартированія его, напр., къ Малороссіи, занятой русскими гарнизонами, приписаны нѣкоторыя великорусскія губерніи, чтобы содержать эти гарнизоны и т. д.[1]). Но, если распредѣленіе тѣхъ или иныхъ областей по губерніямъ преслѣдовало фискальныя цѣли, то на приписку отдѣльныхъ городовъ къ данной губерніи вліяло географическое положеніе ихъ по отношенію къ главному, или губернскому, городу, какъ административному центру новой единицы дѣленія (губерніи), и дѣлалось въ интересахъ наибольшихъ удобствъ административныхъ сношеній. Въ общемъ, новое административное дѣленіе было очень несовершенно и подвергалось измѣненіямъ; но у него была

1) Извѣстный историкъ XVIII в. В. Н. Татищевъ приводитъ еще слѣдующую, конечно, частную, но очень характерную причину распредѣленія нѣкоторыхъ городовъ по новымъ губерніямъ: „какъ большею частью", говоритъ онъ, „изъ сенаторовъ и сильныхъ людей въ губернаторы были назначены — то по властолюбію или любоиманію, несмотря ни на порядокъ, ни на пользу города и провинцію въ свою власть захватывали, кто которое хотѣлъ, что мнѣ доказуетъ кн. Меншиковъ: Ярославль для богатаго купечества, Тверь для своихъ свойственниковъ, въ посадѣ бывшихъ, приписалъ къ Петербургу. Гагаринъ — Вятку и Пермь къ Сибири" и т. д. Указанная Татищевымъ причина едва-ли имѣла большое значеніе, но она интересна, какъ взглядъ современника на реформу.

одна черта, которая мирила съ несовершенствомъ и представляла большое удобство на практикѣ. Подобно московской приказной системѣ управленіе, прежнее административное дѣленіе слагалось вѣками и отличалось сложностью и запутанностью. Какъ введеніемъ новыхъ учрежденій — Коллегій — можно было покончить сразу съ этою сложностью и запутанностью, такъ и создавая новыя единицы административнаго дѣленія имперіи можно было упростить старомосковскія дѣленія, поставить ихъ въ иныя, желательныя законодателю, отношенія къ центру и, наконецъ, создать въ нихъ (что и было сдѣлано) новыя и лучшія учрежденія, болѣе при томъ приспособленныя, чѣмъ прежніе воеводы, къ выполненію сложныхъ задачъ управленія, выдвинутыхъ эпохою преобразованія. Объ этихъ учрежденіяхъ мы скажемъ ниже особо, теперь-же замѣтимъ, что новое административное дѣленіе имперіи, созданное при Петрѣ В., испытало нѣсколько перемѣнъ. Первоначальная имперія была раздѣлена (въ 1708 г.) на 8 губерній. Губерніи эти были очень обширны и были снабжены весьма незначительнымъ административнымъ персоналомъ. Вслѣдствіи этого непосредственное сношеніе уѣздныхъ центровъ и ихъ правителей съ губернскими было очень затруднительно, что и вызвало необходимость созданія въ 1719 г. посредствующей единицы — провинціи. Впрочемъ, подобно тому, какъ отдѣльныя губерніи (напр., Ингерманландская) упоминаются раньше общаго дѣленія Россіи на губерніи, а именно еще съ 1706 г., терминъ „провинція“ также встрѣчается въ актахъ петровскаго времени уже въ 1711 г. (напр., Ярославская провинція была уже образована въ 1711 г., Серпуховская въ 1712 г. и др.), а это наглядно показываетъ, что той и другой общей мѣрѣ предшествовалъ рядъ опытовъ. Затѣмъ число губерній постепенно увеличивалось и ко времени вступленія на престолъ Екатерины II дошло до 15 губерній. Знаменитое „Учрежденіе о губерніяхъ“

Екатерины II, данное въ 1775 г., уничтожаетъ дѣленіе на провинціи, какъ посредствующія между губерніею и уѣздами единицы, но зато увеличиваетъ число губерній до 40, при чемъ на губерніи дѣлятся и присоединенныя при Екатеринѣ II области, принадлежавшія Польшѣ и Турціи. „Учрежденіе о губерніяхъ“ Екатерины II-ой вообще развиваетъ тѣ-же начала, которыя клались въ основанія реформы мѣстнаго управленія Петромъ В., какъ это мы увидимъ ниже. По ея „Учрежденію“, какъ и по петровскому законодательству, губернія является наибольшею мѣстною единицею, подраздѣляемою на уѣзды, при чемъ, „дабы губернія, или намѣстничество, порядочно могла быть управляема“ въ ней полагается отъ 400 до 300 тысячъ душъ населенія, а въ уѣздѣ, или округѣ, должно ихъ быть отъ 20 до 30 тысячъ душъ. Уѣзды подраздѣляются на волости. Такимъ образомъ, въ основаніе дѣленія положено число населенія, которое должно было быть въ каждой губерніи, по возможности, одинаково. Впрочемъ, это дѣленіе по равенству населенія на практикѣ невполнѣ осуществилось и при дѣленіяхъ на губерніи болѣе всего заботились о равенствѣ разстоянія уѣздныхъ городовъ отъ губернскаго города. Губернскіе центры — губернскіе города выбраны были большею частью Екатериною II изъ списка прежнихъ губернскихъ и провинціальныхъ городовъ, которые уже въ XVII в. и въ первой половинѣ XVIII ст. представляли собою центры, къ которымъ тянуло по нѣсколько уѣздовъ. Впрочемъ, нѣкоторые изъ уѣздныхъ городовъ, назначенныхъ теперь быть губернскими, явились только въ XVIII в. (Екатеринославъ и др.). Губерніи получали свои названія, обыкновенно, по своимъ наиболѣе важнымъ городамъ, либо бывшимъ таковыми прежде (такъ, напр., Олонецкая губ. названа по прежнему центру Олонцу), либо оставшимися важными и при преобразованіи Екатерины II. Однако, были отъ этого правила уклоненія — Енисейская губ. и Забайкальская

область, напр., названы по имени одна — ея рѣки, другая — озера, а не по главнымъ ихъ городамъ; Таврическая губ. воспроизводила античное названіе Крыма — Таврида; нѣкоторыя губерніи сохранили тѣ древнія названія, какія соотвѣтствовали ихъ историческимъ воспоминаніямъ (Волынь, Подолія и пр.), а не новымъ ихъ центрамъ (Житоміръ, Каменецъ и т. д.). Но больше чѣмъ съ выборомъ административныхъ центровъ и названій новымъ губерніямъ, оказалось хлопотъ съ выборомъ гербовъ городамъ и губерніямъ. Гербы средневѣковыхъ западныхъ городовъ, подобіе которыхъ хотѣла ввести въ Россіи Екатерина II, у насъ надо было изобрѣтать, какъ нѣчто новое, совсѣмъ намъ несвойственное. Извѣстный герольдмейстеръ временъ Екатерины II, — Волковъ, долженъ былъ проявить необычайную фантазію, чтобы удовлетворить быстро желанію императрицы. Онъ искалъ матеріала для своей цѣли и въ названіяхъ города (почему Котельничу данъ былъ гербъ съ изображеніемъ котла, а Верхнему Ломову — съ изображеніемъ 5 ломовъ концемъ вверхъ, Нижнему — столькихъ же концемъ внизъ), и въ животныхъ, обитающихъ или долженствующихъ обитать въ губерніи, и въ предметахъ мѣстнаго производства и т. д. Но иногда онъ не находилъ даже ничего подобнаго для характеристики новаго города, какъ это случилось, напримѣръ, съ селеніемъ Нолинскомъ, переименованнымъ въ городъ: для его герба былъ выбранъ „летящій лебедь“ на томъ якобы достовѣрномъ основаніи, что „оныя птицы, не останавливаясь въ окрестностяхъ сего города, мимо пролетаютъ“... Эти иногда довольно-курьезные гербы служатъ лучшимъ и наглядьнымъ примѣромъ часто вполнѣ искусственнаго возведенія многихъ ничтожныхъ поселеній въ города и снабженія ихъ сложнымъ правительственнымъ штатомъ, безъ особенно серьезнаго вниманія къ мѣстнымъ условіямъ, которыя иногда вовсе и не требовали возведеніе даннаго по-

селенія въ городъ. Неудивительно поэтому, что многія изъ этихъ новыхъ городовъ остались столь-же ничтожными, какими были и прежде, а волны народной экономической жизни развивались по своимъ прежнимъ широкимъ и иногда незамѣченнымъ законодательницею русламъ (чему примѣромъ служатъ многія села по Волгѣ, Окѣ, Сурѣ, озерамъ и т. д.).

§ 2.

Правительственное управленіе.

(Реформа мѣстнаго правительственнаго управленія Петра В. и ея цѣли. Организація управленія. Учрежденіе о губерніяхъ 1775 г., его цѣли и организація управленія при Екатеринѣ II.)

Изъ предшествующихъ очерковъ петровскаго законодательства, касавшагося переустройства государства, видно, каковы были основные принципы реформы центральныхъ учрежденій. Но Петръ Великій, реорганизуя центральныя органы управленія, задумывалъ широкія реформы и по отношенію къ управленію мѣстному, областному. Не все здѣсь удалось великому императору, не все осталось неизмѣненнымъ послѣ него — когда, при его ближайшихъ преемникахъ началась ломка почти всего имъ введеннаго, — но многое, однако, и здѣсь, въ своихъ принципахъ, было жизненно и потому получило впослѣдствіи (при Екатеринѣ II) развитіе, на основахъ именно тѣхъ началъ, которыя были заложены въ мѣстную реформу самимъ Петромъ В. Цѣлями реформы этой было: во 1-хъ стремленіе водворить болѣе правильности и законности въ областномъ управленіи, издавна отличавшемся безпорядочностью и произволомъ, для чего Петръ хотѣлъ и органы мѣстнаго управленія организовать по излюбленному имъ коллегіальному началу, поставя ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ подъ строгій надзоръ высшихъ центральныхъ

установленій; во 2-хъ — построить мѣстное управленіе на началѣ раздѣленія вѣдомствъ, для осуществленія чего судъ и финансовое управленіе должны были быть выдѣлены изъ вѣдомства администраціи и поставлены вполнѣ самостоятельно; въ 3-хъ — открыть доступъ къ областнымъ правительственнымъ установленіямъ мѣстнымъ общественнымъ силамъ и, наконецъ, въ 4-хъ — дать особое управленіе городамъ, построивъ это управленіе на началѣ выборномъ. Не касаясь пока вопроса объ организаціи этого городскаго самоуправленія, остановимся сначала на организаціи правительственнаго управленія въ государствѣ.

Эпоха реформъ вызвала крайное напряженіе всѣхъ государственныхъ и общественныхъ силъ. При Петрѣ В. сдѣлались особенно часты всякаго рода сношенія центра имперіи съ мѣстными правительственными центрами — губернскими городами, которые должны были во 1-хъ постоянно отвѣчать на всякаго рода запросы изъ центра, а во 2-хъ должны были исполнять всякаго рода порученія и требованія, шедшія отъ центральныхъ учрежденій. Такое усиленное развитіе сношеній между новыми административными единицами и центромъ имперіи не могло прежде всего не отразиться на постановкѣ самой мѣстной правительственной власти. Во главѣ новыхъ административныхъ дѣленій становятся и новые агенты власти, получающіе наименованіе губернаторовъ. Наименованіе это, заимствованное изъ Швеціи, является, впрочемъ, задолго до реформы 1708 г., которою вводилось новое раздѣленіе Россіи на губерніи, а именно еще въ 1694 г. Архангельскій воевода былъ названъ „губернаторомъ“; затѣмъ это наименованіе повторялось для отдѣльныхъ лицъ, стоявшихъ во главѣ нѣкоторыхъ губерній, явившихся до реформы 1708 г., пока, наконецъ, не сдѣлалось общимъ. Въ лицѣ губернаторовъ создается сильная власть на мѣстахъ, при чемъ губернаторъ является лично-отвѣтственнымъ предъ верховною властію и съ нимъ

постоянно и непосредственно сносится центръ; за всякое нерадѣніе указы грозятъ ему страшными наказаніями. Первые губернаторы (до 1713 г.) „соединяли въ своихъ рукахъ власть военную, административную и „судебную“ и хотя около нихъ стояли „товарищи“, но степень власти губернаторовъ была несравненно болѣе власти воеводъ XVII вѣка“, какъ это доказывается авторомъ „Областнаго управленія XVIII вѣка“ (стр. 34). Затѣмъ, для обузданія ихъ произвола, создается около нихъ Коллегія ландратовъ и ландрихтеровъ. Такъ мѣстное дворянство избираетъ, отъ 8—12 ти (смотря по городу), такъ наз. ландратовъ, Коллегія которыхъ должна была не только вѣдать всѣ дѣла вмѣстѣ съ губернаторами, — по формулѣ Петра, что „правленіе соборное въ государствѣ монаршескомъ“ есть наилучшее, — но и управлять „долями“, на которыя дѣлились уѣзды (впрочемъ, ландраты существовали недолго, съ 1713 г. до 1719 г., когда объ нихъ болѣе не упоминается). По указу же 1713 г. — „дѣло ихъ (ландратовъ) то, что они всѣ дѣла (должны) съ губернаторомъ дѣлать и подписывать, и губернаторъ у нихъ, не яко властитель, но, яко президентъ, и имѣть одному только два голоса, а прочимъ по одному и никакого дѣла безъ оныхъ не дѣлати“ . . . (ук. 24 апр.,) по указу 1715 г. 28 января — надлежало „изъ ландратовъ всегда быть при губернаторахъ по 2 человѣка, съ перемѣною по мѣсяцу или по 2 мѣсяца. А при окончаніи года ландратамъ съѣзжаться къ губернаторамъ . . . для исправленія дѣлъ всѣмъ вмѣстѣ“. Однако, ландратское и ландрихтерское правленіе скоро изчезло; въ новомъ областномъ устройствѣ 29 мая 1719 г. о ландратахъ нѣтъ и помину. Ихъ замѣнили въ 1722 г. при воеводахъ (въ провинціяхъ) и губернаторахъ (въ городахъ) ассессоры изъ отставныхъ офицеровъ и дворянъ, судившіе иски до 20 рублей; иски выше этого судили воеводы съ ассессорами. При губернаторахъ, кромѣ того, стояли ландрихтеры — судьи. Въ

учрежденіи ландрихтеровъ ясно выступаетъ у насъ первая попытка отдѣленія суда отъ управленія: губернаторы не судятъ сами, какъ воеводы, хотя судъ и стоитъ подъ ихъ наблюденіемъ еще на столько, что они могутъ пріостанавливать исполненіе судебнаго приговора въ случаѣ его неправильности, докладывая дѣло высшей судебной инстанціи; впрочемъ, въ случаѣ неосновательной остановки, губернаторы платятъ штрафъ. Судебная власть принадлежитъ въ губерніяхъ сначала ландрихтерамъ, а съ 1719 г. — Надворнымъ судомъ.

Должность губернаторовъ слагается несразу, а рядомъ указовъ, такъ что власть ихъ и значеніе постоянно колебалось. Они были непосредственно подчинены Сенату и Коллегіямъ; въ Сенатъ-же должны были приносить на нихъ жалобы мѣстные жители. Контроль Сената, въ эпохи его собственнаго важнаго значенія, былъ очень серьезенъ для губерній. Для цѣлей этого контроля при Сенатѣ были учреждены, какъ извѣстно, провинціалъ-фискалы; для сношеній — губернскіе коммиссары и такъ наз. „губернскій столъ“, куда поступали всѣ донесенія губернаторовъ. Губернаторы были въ своихъ городахъ прежде всего военными властями, затѣмъ финансовыми, гдѣ имъ, впрочемъ, принадлежало только главнымъ образомъ наблюденіе за сборомъ доходовъ, составленіемъ общей приходо-расходной вѣдомости по губерніи; дѣятельная же роль въ сборѣ подушной подати, исправленіи населеніемъ рекрутской повинности и т. д. принадлежала земскимъ коммиссарамъ, которые контролировались въ своей дѣятельности такъ наз. камерирами (или „надзирателями сборовъ“), управлявшими, кромѣ того, разными казенными оброчными статьями. Коммиссары были лицами выборными изъ дворянъ, отдававшими имъ ежегодно отчетъ; камериры назначались Камеръ-Коллегію. Тѣхъ и другихъ губернаторы не могли удалить отъ должности, а доносили о незаконныхъ дѣйствіяхъ камериpовъ Камеръ-Коллегіи;

коммиссаровъ же предавали суду. Въ утвержденіи этихъ должностей, поставленныхъ тогда довольно-самостоятельно, нельзя не видѣть попытки выдѣленія болѣе рѣзко, чѣмъ было прежде, финансоваго управленія отъ чисто-административнаго. — Обширныя обязанности возлагаются далѣе на губернаторовъ по вопросамъ полицейскаго характера, въ широкомъ смыслѣ этого слова. Вопросы о народномъ продовольствіи, презрѣніи бѣдныхъ, медицинская полиція, заботы о торговлѣ, объ имуществѣ гражданъ и ихъ духовномъ развитіи — все это возлагается на губернаторовъ, хотя и ведется ими довольно неуспѣшно. Большимъ прогрессомъ надо считать безсрочность назначенія ихъ на должности и особенно опредѣленіе съ 1715 г. всѣмъ новымъ должностямъ штатнаго жалованья (ук. 28 ян.), причемъ всякое иное вознагражденіе считается лихоимствомъ и наказуется. Только съ этого времени система древняго „кормленія“ вполнѣ исчезаетъ, если не изъ нравовъ, то изъ законодательства. Народу, впрочемъ, едвали становится легче отъ этой новой системы, особенно въ виду того обстоятельства, что въ провинціальное управленіе вводится теперь чуть не цѣлая армія государственныхъ чиновниковъ, сильная громадными правами, данными ей отъ государства, но едва-ли первоначально, по существу, лучшая, чѣмъ прежніе воеводы и дьяки, которые всетаки были въ меньшемъ числѣ, чѣмъ эти представители новыхъ учрежденій, да при томъ и дѣйствовали въ болѣе привычныхъ для народа формахъ и обычаяхъ. По крайней мѣрѣ къ такому выводу заставляетъ придти знаменитый именной указъ Екатерины I 24 февраля 1727 г., въ которомъ рѣзко критикуются эти новые „правители и канцеляріи“ и для народнаго облегченія уменьшается ихъ штатъ. Этотъ указъ заслуживаетъ вниманія, и какъ современная учрежденіямъ Петра В. критика реформы, и какъ мѣропріятіе, измѣнявшее во многомъ мѣстное правительственное управленіе Петра В. Пятый пунктъ этого указа гласитъ слѣдующее:

„умноженіе правителей и канцелярій во всемъ государствъ нетокмо служитъ къ великому отягощенію штата, но и къ великой тягости народной: понеже вмѣсто того, чтобъ прежде сего къ одному правителю адресоваться имѣли во всѣхъ дѣлахъ (явный намекъ на воеводское управленіе), нынѣ къ десяти и можетъ быть больше“ . . . Такимъ образомъ это обиліе „властей“ составляло неудобство реформы на практикѣ, неудобство, особенно бросавшееся въ глаза потому, что — „всѣ тѣ разные управители имѣютъ свои особливыя канцеляріи и канцелярскихъ служителей и особливый свой судъ и каждый по своимъ дѣламъ бѣдный народъ волочитъ, и всѣ тѣ управители и канцелярскіе служители пропитанія своего хотятъ, умалчивая о другихъ непорядкахъ, которые отъ безсовѣстныхъ людей къ вящшей народной тягости ежедневно происходятъ, или и происходить будутъ“ . . . (П. С. З. т. VII, № 5017, п. 5, стр. 747). Поэтому Екатерина I повелѣваетъ: „всѣ надворные суды, такъ и всѣхъ лишнихъ управителей и канцеляріи и конторы земскихъ коммисаровъ и прочихъ тому подобныхъ, вовсе отставить и положить всю расправу и судъ по прежнему на губернаторовъ и воеводъ . . . что (бъ) нашимъ подданнымъ тѣмъ показано быть могло облегченіе, и вмѣстобъ разныхъ и многихъ канцелярій знали токмо одну канцелярію (воеводскую), а на лишнихъ бы судей и на ихъ подчиненныхъ въ дачѣ жалованья напраснаго убытку не было“ (ib.). Какъ этимъ указомъ, такъ и другими послѣдующими, были сдѣланы измѣненія, сводившіяся, въ общемъ, къ слѣдующему: административная и судебная власть вновь сосредоточивается въ рукахъ губернаторовъ и воеводъ „съ товарищами“, какъ теперь называются прежніе ассессоры; воеводы являются въ городахъ, провинціяхъ и пригородахъ. Надворныя суды, Главный Магистратъ, а затѣмъ (въ 1728 г.) и вообще Магистраты уничтожаются; земскіе

коммисары становятся подъ вѣдѣніе воеводъ и т. д. Во всемъ этомъ нельзя не видѣть стремленія вернуться къ областному управленію XVII в., но это дѣлается безъ правильной системы, нерѣшительно и только, въ общемъ, увеличивая путаницу въ отношеніяхъ областей къ центру, приводитъ къ прежнимъ злоупотребленіямъ; вслѣдствіе этого, вѣроятно, въ 1730 г. и послѣдовалъ указъ перемѣнять воеводъ черезъ каждые 2 года, послѣ ревизіи ихъ дѣйствій Сенатомъ, но старое зло этимъ исправлено не было. Эти временныя колебанія въ мѣстномъ управленіи въ концѣ концевъ приводятъ къ новой знаменитой реформѣ — т. н. „Учрежденію о губерніяхъ“ 1775 г. Не останавливаясь пока на разборѣ этого „Учрежденія“, нельзя не отмѣтить, однако, теперь-же того важнаго факта, что основныя начала мѣстной реформы, обозначившіяся еще при Петрѣ Великомъ, нашли въ Екатерининскомъ „Учрежденіи“ свое дальнѣйшее развитіе. Въ этомъ, несомнѣнно, лежитъ ихъ историческое оправданіе. Какъ ни много было правды въ словахъ указа Екатерины I, что „умноженіе правителей и канцелярій“ дорого обходится казнѣ и служитъ „къ великой тягости народной“, это умноженіе, поскольку въ немъ выражался принципъ коллегіальности управленія и раздѣленія властей, когда-нибудь, при правильной постановкѣ дѣла, долженъ былъ найти себѣ примѣненіе въ жизни; возвращеніе къ дешевой (для государства, — по крайней мѣрѣ) „съѣзжей избѣ“ московскаго воеводы, гдѣ послѣдній и правилъ, и судилъ, и подати собиралъ и т. д., было уже немыслимо. Заслуживаетъ также вниманія и то обстоятельство, что обращеніе къ мѣстнымъ дворянскимъ силамъ, — чему попытки дѣлаются въ петровскомъ учрежденіи о губерніяхъ, хотя, по обстоятельствамъ времени (ввиду постоянной службы дворянства въ центрѣ и т. д.) и не имѣютъ успѣха — въ Екатерининскомъ „Учрежденіи“ крѣпнетъ и развивается въ цѣлую систему должностей, построенныхъ на выборномъ началѣ. Такимъ

образомъ и Екатерининская мѣстная реформа, въ общемъ повторяетъ (хотя и болѣе рельефно) тѣже принципы, какіе, въ зачаткахъ, были введены въ областное управленіе еще Петромъ, какъ это будетъ отмѣчено ниже.

По отношенію къ ближайшему своему прошлому — XVII в., петровская реформа мѣстнаго управленія, несомнѣнно, завершаетъ то, что пытался сдѣлать XVII в. Именно прежде всего начала государственныя, заявляющія о себѣ уже въ организаціи воеводскаго управленія, въ управленіи губернаторскомъ получаютъ болѣе широкое развитіе. Такъ во 1-хъ начало кормленія, сильно ограниченное у насъ съ учрежденіемъ воеводской должности, de jure совершенно исчезаетъ въ организаціи областныхъ должностей при Петрѣ В., хотя, конечно, долго живетъ еще въ нравахъ и взглядахъ общества на эти должности. Затѣмъ, какъ извѣстно, воеводамъ на Москвѣ обычно, „приказывалось вѣдать всякія дѣла“. Но, говоря словами А. Д. Градовскаго, „были такія деликатныя дѣла, къ которымъ правительство не могло, въ виду собственныхъ интересовъ, пустить воеводъ“. Это были прежде всего „дѣла по финансовому управленію“, въ которыхъ воеводы лишь наблюдали „за исправнымъ поступленіемъ всякихъ податей и отбываніемъ всякихъ повинностей“, не завѣдуя ими непосредственно. Послѣднее было предоставлено особымъ земскимъ должностямъ, за которыя отвѣчало общество. Несомнѣнно, что, отдѣляя финансовое управленіе отъ административнаго и ставя первое въ независимое положеніе по отношенію ко 2-му, Петръ Великій лишь заканчивалъ старый процессъ ихъ обособленія, подобно тому, какъ заканчивалъ его по вопросу объ организаціи выборныхъ должностей области.

Какъ было указано выше, петровскія мѣстныя учрежденія испытываютъ послѣ своего творца ломку, которая, однако, производится безъ правильной системы и только увеличиваетъ путаницу отношеній провинціи къ центру. Такъ дѣло идетъ до царствованія импе-

ратрицы Екатерины II, пока „Учрежденіемъ о губерніяхъ“ изданнымъ 7 ноября 1775 года[1]) не полагается новыхъ, болѣе ясно разработанныхъ и послѣдовательно проведенныхъ, основъ нашего мѣстнаго управленія. Это знаменитое „Учрежденіе“ просуществовало съ немногими перемѣнами до преобразованій царствованія Александра II, когда его основы явились значительно уже измѣненными по отношенію къ выборному земскому управленію и мировому суду, совершенно теперь иначе постановленному, чѣмъ были поставлены управленіе и судъ по „Учрежденію“, но оно, однако, продолжаетъ частію жить въ современныхъ нашихъ губернскихъ и уѣздныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ. Три основныхъ принципа лежали въ основѣ „Учрежденія о губерніяхъ“ (при чемъ эти принципы явились здѣсь уже вполнѣ ясно развитыми и проведенными въ жизнь, къ чему напрасно стремился Петръ Вел.): раздѣленіе властей, коллегіальность, выборное сословное начало въ судѣ и управленіи. Кажется, надо признать доказаннымъ, что нѣкоторая часть мыслей, развитыхъ Учрежденіемъ и особенно Жалованной грамотой дворянству, внушена была Екатеринѣ II (напр., мысль объ участіи дворянства въ мѣстномъ управленіи) тѣми многочисленными заявленіями депутатовъ коммиссіи 1767 г., о которой намъ уже неразъ приходилось говорить. Вообще-же, въ цѣломъ, весь проектъ есть плодъ мысли самой Екатерины II и съ теоретической точки зрѣнія представляетъ собою нѣчто весьма цѣльное и либеральное. Такъ, въ судѣ и управленіи допущено господство выборнаго сословнаго начала; организовано на этомъ же началѣ дворянское и городское управленіе; осуществленъ весьма широко въ мѣстномъ управленіи принципъ децентрали-

1) Такъ, обыкновенно, называется „Учрежденіе для управленія губерній Всероссійскія имперіи“, созданное Екатериною II.

заціи, предоставленіемъ большей самостоятельности губернаторамъ, перенесеніемъ Коллегій, подъ видомъ Палатъ, изъ столицы въ губерніи, а равно и участіемъ въ управленіи мѣстныхъ элементовъ. На 1-омъ мѣстѣ вездѣ поставлены „Коллегіи, законъ, благо отечества, естественное право защиты слабаго и угнетеннаго. А между тѣмъ все это дало, результаты, сравнительно маловажные. Оно не образовало ни духа, ни вкуса къ земству, не дало даже ни порядка. ни суда", какъ замѣтилъ справедливо одинъ изъ изслѣдователей Екатерининскаго „Учрежденія" (Лохвицкій — „Губернія, ея земскія и правительственныя учрежденія", стр. 205). Причина этого лежала въ томъ, съ одной стороны, что мѣстныя учрежденія Екатерины II слишкомъ не гармонировали съ общимъ нашимъ тогдашнимъ строемъ — крѣпостнымъ правомъ, съ одной стороны, неразвитостью общественной жизни, съ другой. Затѣмъ единоличная власть губернатора, пересѣкавшая всѣ коллегіальныя и выборныя учрежденія губерніи, слишкомъ подчиняла ихъ себѣ, въ ущербъ развитію въ нихъ духа самоуправленія. Такъ, по крайней мѣрѣ, смотрѣли на дѣло сами современники реформы. Одинъ изъ нихъ, напр., (Винскій), говоритъ, „что дворянскія собранія по составу были мало образованы, грубы и, по духу рабствованія и невѣжества дворянъ, правители гнули и вертѣли его (дворянство), какъ податливый тальникъ во всѣхъ смыслахъ"; не лучше были отзывы о реформѣ Болотова, Вигеля и др. Впрочемъ, по отношенію къ развитію корпоративныхъ правъ дворянства, какъ „Учрежденіе о губерніяхъ", такъ и еще болѣе Жалованная грамота дворянству, имѣли, несомнѣнно, важное значеніе. Слабую сторону новаго губернскаго устройства составляла также и его большая сложность, особенно по отношенію къ цѣлому ряду судебныхъ мѣстъ (по 2 суда на каждое сословіе, кромѣ нѣсколькихъ спеціальныхъ) и т. д.

Сдѣлавъ общій очеркъ значенія Екатерининскаго Учрежденія о губерніяхъ, обращаемся къ тѣмъ мотивамъ которые подробно изложены во введеніи къ Учрежденію о губерніяхъ и которые довольно вѣрно освѣщаютъ передъ нами вопросъ о томъ положеніи, въ какомъ находилась реформа мѣстнаго управленія послѣ Петра В. Прежде всего Екатерина II доказываетъ, что, „по великой обширности нѣкоторыхъ губерній, оныя (были) недостаточно снабжены какъ правительствами, такъ и надобными для управленія людьми; что въ одномъ и томъ-же мѣстѣ, гдѣ вѣдомо правленіе губерніи, совокуплены и казенные доходы и счеты, обще съ благочиніемъ, или полиціею, и сверхъ того еще уголовныя дѣла и гражданскія суды отправляются; а таковымъ-же неудобствамъ тѣхъ губерній въ провинціяхъ и уѣздахъ правленія неменьше подвержены, ибо въ одной воеводской канцеляріи совокуплены находятся дѣла всякаго рода и званія“ (такъ и было, въ дѣйствительности, послѣ Петра В.). Обширность губерній, недостаточность ихъ учрежденій, по составу, и смѣшеніе всѣхъ дѣлъ въ воеводскихъ канцеляріяхъ вызываетъ, естественно, медленность, волокиту въ рѣшеніи дѣлъ и всякаго рода недосмотры. Чтобы уничтожить эти основные недостатки Учрежденіе о губерніяхъ, во 1-хъ увеличиваетъ число губерній, какъ мы знаемъ, до 40, затѣмъ во 2-хъ, снабжаетъ ихъ весьма многочисленнымъ административнымъ персоналомъ. Коснемся этого персонала и новыхъ губернскихъ учрежденій. Новыя губерніи получили при Екатеринѣ II сначала двоякое названіе — губерніи и намѣстничества. По „Учрежденію“, въ каждой губерніи полагалось 2 начальника: главный — государевъ намѣстникъ, или генералъ-губернаторъ, и его помощникъ — губернаторъ. Но, вслѣдъ затѣмъ, когда Учрежденіе стало приводиться въ дѣйствіе, генералъ-губернаторы, или намѣстники, стали назначаться на нѣсколько губерній и роль ихъ здѣсь являлась

чисто-контролирующей, а само слово „намѣстничество“ скоро исчезло изъ употребленія. Учрежденіе такъ опредѣляетъ роль генералъ-губернатора въ губерніи: онъ долженъ „строгое и точное взысканіе чинить со всѣхъ ему подчиненныхъ мѣстъ и людей о исполненіи законовъ и опредѣленнаго ихъ званія и должностей, но безъ суда да не накажетъ никого“; онъ „не вмѣшивается въ производство дѣлъ въ судахъ, такъ какъ онъ „есть, яко хозяинъ своей губерніи, а не судья“, почему, замѣчая несправедливое рѣшеніе дѣла, онъ только останавливаетъ его и доноситъ Сенату и императрицѣ; онъ — высшій начальникъ полиціи; онъ, затѣмъ, утверждаетъ въ должностяхъ по выборамъ, наблюдаетъ за точностью и вѣрнымъ поступленіемъ сборовъ; онъ (а впослѣдствіи — губернаторъ) — предсѣдатель въ Губернскомъ Правленіи, которое (по ст. 95 Учр.) „есть мѣсто, управляющее всею губерніею: въ силу законовъ, именемъ Императорскаго Величества оно обнародываетъ и объявляетъ всюду законы и всѣ распоряженія правительственныхъ мѣстъ; ему подчинены всѣ нисшія учрежденія губерніи“. По отношенію къ генералъ-губернатору, Губернское Правленіе имѣетъ только совѣщательный голосъ, является подчиненнымъ учрежденіемъ, исполняющимъ его приказанія. Если Губернское Правленіе находило послѣднія незаконными, оно дѣлало генералъ-губернатору представленіе и доносило Сенату, а приказъ его должно было все-таки исполнять (на Губернское Правленіе жалобы приносятся также Сенату). Екатерина II очень заботилась о томъ, чтобы обставить должность генералъ-губернатора должнымъ почетомъ: во время пребыванія въ Петербургѣ ему дается мѣсто и голосъ въ Сенатѣ, при обсужденіи дѣлъ его губерніи (ст. 91); на мѣстѣ ему полагается особый конвой изъ 24 всадниковъ, адъютанты и свита изъ дворянъ, по одному отъ уѣзда и т. д. По реформѣ Екатерины II уѣздное управ-

леніе выдѣлено отъ городского и именно начальникомъ уѣзднаго города короною назначается городничій и дворянами выбираются для уѣздовъ — земскіе капитаны или исправники, при чемъ вводится раздѣленіе городовъ на части и кварталы, съ частными приставами и квартальными. Устройство городского управленія вводится и подробно развивается такъ называемымъ „Уставомъ Благочинія“. Совѣщательнымъ органомъ при городничемъ была Управа Благочинія, при исправникѣ — Земскій судъ, бывшій судебнымъ мѣстомъ только по дѣламъ объ укрывательствѣ бѣглыхъ, а главнымъ образомъ вѣдавшій такъ называемую „полицію безопасности“ и торговую, затѣмъ приводившій въ исполненіе распоряженіе администраціи.

Петровскіе земскіе камериры превращаются въ коллегіальное учрежденіе, — такъ наз. Казенныя Палаты, дѣйствующія и доселѣ. По „Учрежденію“ Екатерины Казенныя Палаты вѣдаютъ дѣла по казенной переписи, по поступленію и расходыванію казенныхъ доходовъ и доходныхъ статей, откуповъ, подрядовъ и т. п., по постройкѣ казенныхъ зданій, по ревизіи счетовъ и т. д.

Наконецъ, въ число административныхъ учрежденій губерній введено оригинальное изобрѣтеніе Екатерины II — такъ наз. „Приказы Общественнаго Призрѣнія“. Это были коллегіальныя учрежденія, составленныя, подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ членовъ-засѣдателей учрежденныхъ ею высшихъ сословныхъ судовъ — дворянскаго (Верховнаго Земскаго Суда), городского (Губернскаго Магистрата) и сельскаго (Верхней Расправы). На эти „Приказы“ возложены очень важныя заботы, а именно: попеченіе о школахъ, установленіе и надзоръ за сиротскими домами, затѣмъ за больницами, работными (или рабочими, „гдѣ каждый неимущій кормится своею работой“) и смирительными домами для не-

покорныхъ дѣтей, людей „непотребнаго и невоздержнаго житія“, непокорныхъ „рабовъ“. Въ наше время функціи Приказа Общественнаго Призрѣнія вѣдаются во всемъ, — кромѣ того, что касается „исправительныхъ“ заведеній, — земскими выборными учрежденіями; тогда же эти задачи возлагались за неимѣніемъ земскихъ учрежденій, на указанное бюрократическое учрежденіе. На всѣ эти обширныя задачи дано было каждому Приказу по 15 т. рублей, при чемъ дозволено отдавать эти деньги подъ имѣнія за %, откуда и развились при Приказахъ кредитныя установленія, операціи которыхъ дали нѣкоторымъ изъ нихъ (напр. Московскому) возможность довольно широко развить свои благотворительныя задачи.

§ 3.

Городское самоуправленіе.

(Законодательство Петра В. объ управленіи городовъ. Городское самоуправленіе по законодательству Екатерины II.)

Говоря выше о цѣляхъ петровской реформы мѣстнаго управленія, мы уже отмѣтили, что одною изъ такихъ цѣлей было дать особое управленіе городамъ, построивъ его на выборномъ началѣ. Переходя-же теперь къ краткому очерку этого городскаго самоуправленія сначала при Петрѣ В., а затѣмъ при Екатеринѣ II, надо сказать, что стремленіе выдѣлить управленіе городами въ особое цѣлое принадлежало еще XVII вѣку (стр. 311 и сл.), но въ XVII вѣкѣ оно, однако, не получило удовлетворительнаго разрѣшенія. Стремленіе это затѣмъ возродилось при Петрѣ В., когда 30 января 1699 г. былъ данъ указъ объ учрежденіи въ Москвѣ „Бурмистерской Палаты“, а въ городахъ такъ наз. „Земскихъ избъ“.

Обращаясь къ этимъ учрежденіямъ при Петрѣ Великомъ, замѣтимъ, что представляется въ высшей степени интереснымъ, съ точки зрѣнія преемственности идей XVIII в. отъ вѣка XVII, то обстоятельство, что мотивъ учрежденія Бурмистерской Палаты сходенъ съ тѣмъ, который уже былъ высказанъ въ XVII в. при проектѣ учрежденія „Купецкой Палаты“ Ординъ-Нащокинымъ. Именно, указъ 30 Янв. 1699 г, говоритъ, что „всѣ черныхъ сотенъ и слободъ посадскіе и купецкіе и промышленные люди купецкими и всякими расправными (т. е. судебными) дѣлами и Его В. Государя окладными доходами вѣдомы въ разныхъ Приказахъ и во всякихъ промыслахъ чинятся имъ большіе убытки и разоренья, а Его В. Государя съ нихъ доходы учинились въ доимкѣ“. Такимъ образомъ разоренье горожанъ многими Приказами, съ одной стороны, царскіе недоборы пошлинъ — съ другой, приводятъ къ учрежденію на Москвѣ одного общаго учрежденія для горожанъ — Бурмистерской Палаты[1]), а въ городахъ такъ называемыхъ „Земскихъ избъ“, замѣнившихъ собою „Приказныя избы“, т. е. прежнія воеводскія канцеляріи. Московская Бурмистерская Палата — высшая инстанція для всей Россіи, вѣдающая торгово-промышленное сословіе во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ уголовныхъ: всѣ сборы, всѣ дѣла этого сословія изъ городовъ поступали въ нее, изъ нея-же шли всѣ указы,

1) Указъ объ учрежденіи Бурмистерской Палаты такъ опредѣляетъ положеніе послѣдней, кругъ ея вѣдомства, а также и выборы въ члены Палаты: „указалъ Государь... гостей и гостинныя сотни и всѣхъ сотенъ и слободъ всего Московскаго Государства посадскихъ и купецкихъ и промышленныхъ людей и чернослободцевъ во всякихъ ихъ расправныхъ и челобитчиковыхъ и купецкихъ дѣлахъ въ сборахъ Его В. Г. доходовъ вѣдать бурмистрамъ ихъ, а... въ бурмистры выбирать (всѣмъ вышеупомянутымъ разрядамъ) людямъ межъ себя погодно, изъ гостей и изъ гостинныхъ сотни и изъ всѣхъ сотенъ и слободъ, добрыхъ и правдивыхъ людей, кого они межъ себя и по скольку человѣкъ захотятъ“.

касавшіеся этого сословія. Играя для всей Россіи роль центральной инстанціи, Бурмистерская Палата, кромѣ того, для города Москвы была сама въ роли Земской избы, т. е. вѣдала московское торгово-промышленное населеніе. Составъ Бурмистерской Палаты (впослѣдствіи Ратуши) и Земскихъ избъ — выборный; по указу 1699 г. въ нихъ надлежитъ „мірскимъ выборнымъ людямъ вѣдать всякихъ чиновъ торговыхъ и промышленныхъ людей, во всякихъ мірскихъ расправныхъ и челобитныхъ дѣлѣхъ въ сборѣхъ". Эти выборные получили названіе бурмистровъ, названіе, заимствованное изъ городоваго устройства Остзейскаго края. Главное назначеніе ихъ тоже, какое имѣли всѣ подобныя должности на Москвѣ: бездоимочное, подъ личной отвѣтственностью, взиманіе податей и повинностей. — Какъ справедливо замѣтилъ изслѣдователь русскихъ городовъ XVIII в. проф. Дитятинъ — устраняя отъ завѣдыванія посадскими людьми воеводу съ „Приказной избою", преобразователь „не замѣнялъ устраняемое чѣмъ-либо новымъ по существу: Земскія избы — учрежденіе отличное отъ прежняго лишь по формѣ, по составу: онѣ — тѣже Приказныя избы, лишь выборныя". Тѣ и другія „одинако чужды интересовъ мѣстныхъ общинъ, одинаково мало сознаютъ онѣ и интересы государства". Цѣль, съ коею онѣ устраивались нетолько не была достигнута этими новыми учрежденіями, но, явившись на свѣтъ „не ради охраненія интересовъ общинъ, развитія и удовлетворенія ихъ потребностей и нуждъ, они легли на эти общины лишь новымъ очень тяжелымъ бременемъ". Какъ видно изъ указа 30 янв. 1699 г., главная цѣль, которую преслѣдовалъ Петръ при организаціи этихъ учрежденій, несомнѣнно лежала въ желаніи устранить недоборы въ царской казнѣ, что́ плохо достигалось правительственными агентами. Никакихъ особыхъ правъ не было дано этимъ выборнымъ съ новыми именами, какъ не было ихъ дано и самимъ

разрядамъ городскаго торгово-промышленнаго сословія, которое теперь вѣдалось въ одномъ учрежденіи. Бурмистерская Палата — Ратуша и Земскія избы не принесли по этому съ собою ничего, кромѣ лишней тяготы этому сословію, плохо дѣйствуя въ смыслѣ его внутренняго объединенія и развитія. Поэтому въ реформѣ скоро наступаетъ періодъ колебаній, и въ первые годы новаго столѣтія мы видимъ возвращеніе къ прежнему началу, такъ какъ Приказамъ передаются многія дѣла изъ Ратуши и Зем. избъ, а сама Московская Ратуша теряетъ значеніе обще-русской торговой центральной истанціи и наравнѣ съ Земскими избами является мѣстнымъ учрежденіемъ. Такъ дѣло идетъ до изданія Регламента Коммерцъ-Коллегіи 3 марта 1719 года и особенно Регламента Главному Магистрату 16 Янв. 1721 г. Этими актами городское населеніе не только вновь рѣзко обособляется отъ сельскаго, но и получаетъ о б щ у ю организацію для всей имперіи, цѣль которой не собирать лишь пошлины, но и споспѣшествовать развитію въ городахъ торговли и заботиться о нуждахъ купечества. Такъ, по Регламенту Коммерцъ-Коллегіи, „Коммерцъ-Коллегіи подлежитъ все, что купечество споспѣшествовать и въ доброе состояніе привести можетъ“. По Регламенту Гл. Магистрату надлежитъ послѣднему — „Россійское купечество, я к о р а з с ы п а н н у ю х р а м и н у, паки собрать“. Магистраты устраиваются у насъ по образцу нѣмецкихъ, именно „на основаніи Рижскаго и Ревельскаго регламентовъ“, какъ гласитъ указъ 1718 г. 11 іюля, данный въ отвѣтъ на „меморіалъ“ Фика, предложившаго устроить у насъ Магистраты. Главный Магистратъ въ Петербургѣ былъ открытъ въ 1720 г.; нѣсколько лѣтъ спустя были открыты Магистраты въ другихъ городахъ и подчинены Главному. Составъ в ы б о р н ы х ъ членовъ Магистрата опредѣлялся числомъ жителей города и въ этомъ отношеніи всѣ города были раздѣлены на 5 разрядовъ: въ перворазрядномъ городѣ должно было быть

не менѣе 2000 дворовъ, а во 2-мъ — 1500, въ 3-мъ — 500, въ 4-мъ — 250, въ 5-мъ — всѣ остальные. Магистраты 1-го разряда состояли изъ 4-хъ бурмистровъ и одного президента; въ послѣднемъ разрядѣ всѣхъ ихъ замѣнялъ единоличный бурмистръ. Члены Магистратовъ выбирались изъ гостей, гостинныя и суконныя сотни и затѣмъ утверждались правительствомъ (президентъ и оберъ-президентъ Главнаго Магистрата назначаются правительствомъ). Обязанности Магистратовъ по преимуществу финансоваго характера: наблюденіе за развитіемъ торговли и промысловъ, учрежденіемъ биржъ, а также — раскладка и сборъ государственныхъ пошлинъ и т. д. Затѣмъ Магистраты были судебно-полицейскими учрежденіями, вѣдавшими не только судъ надъ горожанами, но и т. н. полицію благоустройства и благочинія города. Таково было городское самоуправленіе, при Петрѣ В. Перейдемъ теперь къ организаціи его при Екатеринѣ II.

Время отъ Петра В. и до Екатерины II было переходнымъ въ исторіи городовъ. Екатерина I подчинила Магистратъ воеводамъ „для лучшаго охраненія посадскихъ“, какъ говорилъ ея указъ отъ 1727 г. При Елизаветѣ Петровнѣ магистратское управленіе городовъ возстановляется de jure, но на практикѣ пріобрѣтаетъ еще яснѣе, чѣмъ прежде характеръ тяготы для торгово-промышленнаго сословія, особенно въ виду того обстоятельства, что купечество продолжаетъ назначаться, (что было на Москвѣ и что отмѣнилъ Петръ В. указомъ 11-го Апрѣля 1722 г.) „къ кабацкимъ, соляным и таможеннымъ службамъ“. Городское населеніе постоянно жаловалось на эти службы, равно какъ и на несеніе выборными должностей бурмистровъ и др. Единственнымъ правомъ Магистратовъ, между множествомъ обязанностей, было лишь право раскладки окладныхъ податей и повинностей. Общее заключеніе, къ которому надо притти, обозрѣвая полувѣковой опытъ переустройства городовъ въ

1-ой половинѣ XVIII в., будетъ то, что города наши, и въ экономическомъ, и въ административномъ отношеніи ко времени царствованія Екатерины II, когда они вновь подвергались реформѣ, представляли собой очень печальную картину. Реформы Петра В., либо не успѣли привиться либо разбились о суровую русскую дѣйствительность того времени, а именно бѣдность страны, ея земледѣльческій характеръ, не дававшій возможности развиться городу, наконецъ, огромность матеріальныхъ затратъ на чисто-государственныя потребности, благодаря чему вопросъ о самоуправленіи часто сводился de facto на вопросъ о бездоимочномъ полученіи казною разныхъ сборовъ и пошлинъ.

Въ царствованіе Екатерины II, съ 21-го Апрѣля 1785 г. наступаетъ для нашего городского самоуправленія новая эра, такъ какъ „Жалованною Грамотой на права и выгоды городамъ Россійской Имперіи“ въ этотъ день дается новое устройство городамъ. По Жалованной Грамотѣ всѣ разряды обывателей составляютъ изъ себя градское общество, юридическое лицо, обладающее собственностью, общественными капиталами и доходами съ имуществъ и добровольныхъ взносовъ. По „грамотѣ“ городское общество составляетъ изъ себя „городское собраніе“, которое образуютъ всѣ городскіе обыватели, достигшіе 25 лѣтняго возраста и обладающіе доходомъ съ капитала не менѣе 50 руб. асс. Здѣсь выбирается городской голова, члены сословно-судебныхъ учрежденій и др. Органами управленія „градского общества“ были — Общая и Шестигласная Дума. Послѣдняя, дѣйствующая постоянно, ведетъ текущія городскія дѣла; первая собирается черезъ три года. Общая Дума выбираетъ членовъ Шестигласной Думы, затѣмъ вѣдаетъ „важныя и трудныя дѣла“, которыя передаются ей, по ст. 175 Грамоты, Шестигласною Думой. Члены Общей Думы — гласные, избираются отъ каждой изъ 6 группъ городскихъ обывателей, посы-

лающихъ въ нее по нѣскольку человѣкъ. Лица каждой группы посылаютъ только отъ себя, причемъ нѣкоторыя изъ группъ избираютъ своихъ гласныхъ не въ полномъ своемъ составѣ, а распадаясь на части. Такъ, „настоящіе городскіе обыватели“ и „посадскіе“ распадаются при выборахъ на столько собраній, сколько полицейскихъ частей въ городѣ; купцы, наоборотъ, посылаютъ гласнаго отъ каждой гильдіи, посадскіе — отъ каждаго цеха. Число представителей не стоитъ въ связи ни съ числомъ населенія, ни съ количественнымъ отношеніемъ разныхъ разрядовъ другъ къ другу. Въ системѣ выборовъ поражаетъ современнаго изслѣдователя стремленіе грамоты раздѣлить городское общество на мелкія сословныя группы, внести въ него какъ бы сословную рознь. Исключеніе составляютъ должности городского головы и членовъ городскихъ судовъ, избираемые не по сословіямъ, а въ цѣломъ составѣ городского собранія. Сословный принципъ проявляетъ себя, однако, вновь въ томъ, что выбирать въ эти должности, по смыслу грамоты, можно было только изъ торгово-промышленнаго класса. Шестигласная Дума состоитъ изъ представителей каждаго разряда городскихъ обывателей, выбранныхъ Общею Думою изъ своей среды, подъ предсѣдательствомъ городского головы, собирается по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю для веденія всѣхъ текущихъ дѣлъ ея вѣдомства. Вѣдомство это гораздо уже вѣдомства Петровскихъ Ратушъ и З. Избъ: такъ, дѣла благочинія отходятъ въ полицію; судебныя учрежденія города — къ Магистратамъ, сборъ государственныхъ доходовъ также не ея дѣло, которое, по ст. 174 грамоты, опредѣляется какъ „вѣдѣніе городского хозяйства и всего того, что служитъ „къ пользѣ и нуждѣ города“. Поэтому Шестигласная Дума должна стараться о приращеніи городскихъ доходовъ, должна поощрять торговлю и промыслы и т. д. О всѣхъ доходахъ и расходахъ она предетавляетъ

вѣдомость губернатору, а свои отчеты отсылаетъ въ Казенную Палату. Вообще контроль правительства, по грамотѣ, былъ очень широкъ и городскія учрежденія 1785 г., въ сущности, имѣли очень малую самостоятельность, такъ что, надо признать вѣрнымъ выводъ проф. Сергѣевича, что въ это время „за Думами оставалась собственно выдача денегъ на нужды города, самое же опредѣленіе этихъ нуждъ и удовлетвореніе имъ было представлено другимъ органамъ“. Но какъ бы ни были малы практическіе результаты реформы для развитія нашего городского самоуправленія, заслугою законодательницы остается укрѣпленіе и развитіе понятій о городскомъ обществѣ, какъ объ особомъ цѣльномъ организмѣ, снабженіе этого организма особыми городскими учрежденіями, изъ коихъ преемственно могло вырости и позднѣйшее Городовое Положеніе 1870 г. Замѣтимъ еще, для полноты, слѣдующее. Сравнивая городовое устройство по Регламенту Коммерцъ-Коллегіи, съ городовымъ положеніемъ Екатерины II, А. Д. Градовскій справедливо находитъ, что по идеи своей первое выше втораго: „оставимъ въ сторонѣ его сословный характеръ заимствованный отъ Риги и Ревеля, съ ихъ гильдіями и пожизненными магистратами. Сословный характеръ, учрежденія были въ духѣ времени. Но Регламентъ имѣлъ въ виду сдѣлать изъ Магистрата „главу и начальство всему гражданству“, со всѣми признаками истинной городской власти. Имъ принадлежала власть судебная, хозяйственная, финансовая и полицейская. Притомъ Магистратъ являлся единственнымъ правительствомъ города. Губернаторамъ и воеводамъ запрещено вступаться въ городское управленіе, подчиненное только Главному Магистрату. Не смотря на эти или, можетъ быть, именно поэтому, городскія установленія пережили только на нѣсколько лѣтъ смерть своего основателя“ („Начала р. г. права“, III, стр. 96)... Вообще-же городское само-

управленіе въ тѣхъ широкихъ рамкахъ какія были ему даны великимъ преобразователемъ, не выдержало испытанія времени. Неудивительно поэтому, что городскія учрежденія, какъ „единственное правительство“ города, не привились у насъ и Екатерина II (не говоримъ уже о времени отъ смерти Петра В. до Екатерины II, какъ переходной эпохѣ въ исторіи нашихъ городовъ) въ своей Жалованной грамотѣ городамъ 1785 г. нетолько не держится мысли Петра В. объ этомъ „единомъ правительствѣ“, но при ней, какъ это доказывается И. И. Дитятинымъ, „городское управленіе было раздвоено, причемъ дѣла, касающіяся полиціи, предоставлены были городничимъ и полицеймейстерамъ, назначаемымъ отъ правительства, при содѣйствіи Управъ Благочинія, образуемыхъ изъ лицъ особо выбранныхъ отъ городскихъ обществъ“.

Оглавленіе.

Стр.

Исторія русскаго права.

Общее введеніе 3

Часть I.

Исторія государственнаго права.

Періодъ I.

Введеніе 24

Отдѣлъ I.

Государственное устройство.

Глава I.

Территорія 39

Глава II.

Верховная власть.

§ 1. Понятіе верховной власти и ея организація въ изучаемый періодъ 52

§ 2. Вѣче 56

§ 3. Князь 72

§ 4. Княжеская Дума 95

Глава III.

Населеніе.

§ 1. Свободное населеніе 104

§ 2. Несвободное населеніе 122

Отдѣлъ II.

Государственное управленіе.

§ 1. Административное дѣленіе княжествъ 133

§ 2. Органы и предметы управленія 143

Періодъ II.

Введеніе 155

Отдѣлъ I.

Государственное устройство.

Глава I.

Территорія 169

Глава II.

Верховная власть.

§ 1. Характеристика власти московскихъ государей . 178

§ 2. Порядокъ престолонаслѣдія на Москвѣ 192

§ 3. Боярская Дума 209

§ 4. Земскіе Соборы 232

Глава III.

Населеніе.

§ 1. Служилые люди Московскаго государства . . . 274

§ 2. Городское населеніе 303
§ 3. Сельское крестьянское населеніе.
1. Крестьяне черныхъ волостей 312
2. Крестьяне владѣльческіе 323
§ 3. Несвободное населеніе 346

Отдѣлъ II.

Государственное управленіе.

Глава I.

§ 1. Центральное управленіе 361
§ 2. Мѣстное или областное управленіе.
1. Административное дѣленіе Московскаго государства 379
2. Мѣстное приказное управленіе 383
3. Органы выборнаго управленія 395

Періодъ III.

Введеніе 400

Отдѣлъ I.

Государственное устройство.

Глава I.

Территорія 408

Глава II.

Верховная власть.

§ 1. Верховная власть государей въ періодъ имперіи 416
§ 2. Порядокъ преемства престола въ періодъ имперіи 425
§ 3. Правительствующій Сенатъ 442
§ 4. Совѣты при особѣ государя 464
§ 5. Святѣйшій Правительствующій Синодъ 481

Глава III.

Населеніе.

§ 1. Шляхетство или дворянство 489
§ 2. Среднее городское сословіе 505
§ 3. Сельское населеніе 516

Отдѣлъ II.

Государственное управленіе.

Глава I.

Центральное управленіе 564

Глава II.

Мѣстное управленіе.

§ 1. Административное дѣленіе имперіи 578
§ 2. Правительственное управленіе 585
§ 3. Городское самоуправленіе 598